

421/434

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

1930-е годы

серия
«СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА»

Институт Российской истории РАН
Федеральная архивная служба Российской Федерации
Российский государственный архив экономики

**ОБЩЕСТВО
И ВЛАСТЬ**

1930-е годы

Повествование в документах

Москва
РОССПЭН
1998

Ответственный редактор
А.К.Соколов

Составители:
С.В.Журавлев, Л.П.Кошелева, Л.А.Роговая,
А.К.Соколов, В.Б.Тельпуховский

Предисловие:
А.К.Соколов

Авторы сопроводительного текста и комментариев:
С.В.Журавлев, А.К.Соколов

*Издание осуществлено при поддержке
Yale University Press*

В создании книги принимал участие
профессор Л.Сигельбаум (США)

О 28 **Общество и власть: 1930-е годы. Повествование в документах / Отв.**
ред. А.К.Соколов. — М.: «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН), 1998. — 352 с., илл.

Вторая книга из серии «Социальная история России XX века» подготовлена коллективом историков и архивных работников. В центре внимания письма, отклики, информационные сводки ОГПУ/НКВД и других политических органов, повествующие об узловых проблемах жизни советского общества в 1930-е годы. Документы рассказывают о том, что представляли собой люди, руками которых осуществлялось так называемое «социалистическое наступление», кто были рабочие-ударники, стахановцы, выдвиженцы, как складывались судьбы крестьян, загнанных в колхозы. Отдельно рассматриваются кадры партийных и советских руководителей. Не публиковавшиеся ранее архивные материалы отражают ход обсуждения конституции 1936 г., которое давало своеобразный срез общественных настроений середины 1930-х годов. На основе свидетельств рядовых советских граждан освещаются «ежовщина», материальные трудности и лишения, труд и быт, национальные отношения накануне войны. По письмам рядовых колхозников затронуты различные стороны жизни полностью коллективизированной деревни. Завершается книга рассказом о молодом поколении 1930-х годов. Описывается положение детей рабочих, колхозников, лишенцев, ссыльных, репрессированных и т.д. Показывается, какой сложной и противоречивой была жизнь этого поколения, которому предстояло участвовать в Великой Отечественной войне и вершить судьбу страны в послевоенный период.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ББК 63.3(2)6-28

- © Институт российской истории РАН, 1998.
- © «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998.
- © Серия «Социальная история России XX века» — «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга в известной степени является продолжением подготовленного ранее документального повествования «Голос народа. Письма и отклики советских граждан о событиях 1918-1932 гг.»¹ Она лежит в том же русле изучения социальных изменений в России и СССР в межвоенный период, который по масштабам и характеру социальных сдвигов и потрясений не имел аналогов в мировой истории. Основной упор в данной книге делается на 1930-е годы — время, когда в стране стали приобретать более или менее завершённые формы черты **нового общественного устройства**. В литературе его называют по-разному — «новой советской цивилизацией», «сталинизмом», «сталинским социализмом», «сталинским тоталитарным режимом» и т.д. Но прежде, чем прибегать к подобным определениям, было бы весьма полезно представить свидетельства и мнения людей, непосредственных участников происходивших в те годы событий, ибо пока еще в нашей историографии нет твердого желания понять психологию массового поведения, интересы простых людей, их взаимоотношения с властью, проследить на основании источников то, что творилось в фундаменте общества, и что из этого в конечном счете проистекло.

Конец нэповской России на рубеже 1920-30-х годов, закат и распад традиционного, крестьянского по своей сути, общества, чем, собственно, завершалась первая книга, сопровождался становлением новых элементов общественной жизни, происходившем в рамках так называемого *«социалистического наступления»*, т.е. решения задачи построения социализма в СССР в исключительно короткие по историческим меркам сроки. С того, как все это было на деле, какая обстановка складывалась в городе и деревне, какие настроения среди различных слоев населения появлялись на этой почве, — с этого и начинается наш документальный рассказ, запечатленный глазами очевидцев и предлагаемый читателю на страницах настоящего издания.

Названия каждой из глав книги, — «ходячие» выражения, пропагандистские штампы, клише, взятые из документов того времени и несущие немалую смысловую нагрузку. За ними подчас встают очень суровые и жестокие жизненные реалии. Конечно, эти названия содержат в себе изрядную долю иронии и сарказма. Одновременно, будучи взятыми из реалий 1930-х годов, они играют роль своеобразных социальных и политических индикаторов. Цели и задачи, которые ставились в советском обществе на повестку дня, нередко оказывались эфемерными, постоянно наталкиваясь на существующие традиции, подвергавшиеся сокрушительной ломке, но крайне живучие, на не изжитые болезненные проблемы, унаследованные от прошлого. Общее непонимание ситуации, нетерпение, рожденное логикой революционного действия и несбыточными ожиданиями, постепенно вылились в стремление выдавать желаемое за действительное, в раздвоение сознания советского человека, объединявшее и лидеров и массы, что лишней раз убеждает в невозможности изучения власти как самодовлеющего политиче-

ского института, развивающегося по своим законам вне связи с развитием общества.

Хорошо известно, что нельзя выпрыгнуть из рамок своего времени. Не схемы и догмы и не далеко вперед смотрящие вожди определяют движение истории. Те или иные исторические зигзаги нередко происходят на почве помрачения мозгов и умственного тумана и, как и прежде бывало в российской истории, многое в те годы определялось не разумом, а чувством, влиянием внушения и самовнушения, эмоций, отсутствием здравого смысла, создающего картину «великого народного безумия». Тридцатые годы — время всеобъемлющего и иррационального сталинского культа, наложившего печать на все, что творилось в то время. Это бросается в глаза при чтении приводимых на страницах книги документов. Но и это еще не все. Если подойти к ним более тщательно, то личность Сталина находит в тогдашних источниках свое законное и подобающее место, выступая в качестве своего рода символа эпохи, справедливо называемой сталинской.

Вознамерившись исключительно быстрыми темпами построить социализм в одной стране, сталинское руководство встретилось с «сырым», неподдающимся «тяжелым человеческим материалом», выдвинув на повестку дня лозунг «*Кадры решают все!*», подхваченный массами и явившийся составной частью «социалистического наступления». Что на деле представляли собой эти «кадры»? Чьими руками велась и как происходила борьба за их подготовку и переделку? Во что она вылилась? На эти и другие вопросы можно ответить, если обратиться к документам, в которых предстает подлинный облик не только рядовых тружеников, но и партийных и советских руководителей 1930-х годов.

Для жизни советского общества, как свидетельствуют документы, далеко не таким формальным актом, каким он часто выглядит в литературе (и в отечественной, и зарубежной), стало обсуждение и принятие в 1936 г. новой, второй по счету, так называемой «*сталинской конституции*», призванной оформить основы социализма в стране. Если собрать воедино все сохранившиеся материалы, в том числе и те, которые долгое время находились в спецхранах архивов, то можно получить весьма наглядное — аналогичное большому социологическому обследованию — представление о действительном, а не мнимом состоянии общества, названного социалистическим. Страна очень активно откликнулась на принятие новой конституции. Но что же все-таки получилось в результате яростной атаки на прошлое? Насколько оправданны были страдания, тяготы, жертвы, положенные на алтарь социализма? В какой мере в нем прослеживаются народные устремления, надежды и чаяния на более справедливое общественное устройство? И в чем они явно расходились с ожиданиями людей? Какие выводы они делали из этого? Вот те вопросы, на которые можно ответить, если обратиться к свидетельствам очевидцев.

Социализм, согласно марксистской теории, — общественный строй с более высоким, чем капитализм, уровнем производства и потребления материальных и духовных благ, направленных на удовлетворение нужд прежде всего простого человека — человека труда. Сталинская пропаганда на все лады внушала населению, что именно так обстоит дело в советской стране,

и лишь происки врагов социализма мешают наступлению всеобщей *«любви и изобилия»*. На основании новых документов, главным образом исходящих от рядовых тружеников, которые, казалось бы, должны были составлять предмет особой заботы в социалистическом обществе, предстает подлинная картина того, каким в действительности оказался сталинский социализм, какие новые проблемы он принес, чем объясняется развязывание оголтелых политических кампаний, разгул массовых репрессий, достаточно острые социальные и национальные противоречия.

Особого внимания заслуживает деревня, где к середине 1930-х годов утвердился колхозно-совхозный строй и где пока еще проживало более 60% населения, составлявшего корневую основу существования советской системы. Здесь, как в зеркале, отразились все коллизии, свойственные сталинскому социализму. В сущности от того, насколько приемлемым для крестьянства оказался установленный на селе *«большевицкий порядок»*, насколько он был эффективным для общества в целом, зависели дальнейшие перспективы созданного режима. Здесь очень важно привести такие свидетельства, которые вне зависимости от различных оценочных мнений и суждений, точно и правдиво воспроизводят конкретные реалии советской деревни.

Огромную роль в истории каждой страны играют новые поколения, шаг за шагом вступающие в жизнь. От них в немалой степени зависит нравственное и физическое здоровье общества, а также то, как, если не сегодня, то завтра, развернется конкретный ход исторических событий. Несмотря на громадный демографический ущерб, нанесенный стране в результате трагедий, пережитых ею примерно за два десятилетия (войны, разорение, голод, болезни и т.п.), дети и молодежь составляли в 1930-е годы самую внушительную часть советского общества. Им, на словах, были уготованы другая судьба, иное предназначение и светлое будущее. Но вот что оказалось на деле? Правда ли, что все дети советской страны искренне говорили *«спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство»*? Кто из них и почему чувствовал себя обделенным? Удалось ли избавить молодежь от язв и пороков современной цивилизации? Вот те вопросы, на которые необходимо ответить, чтобы понять то, что случилось потом, когда на страну обрушились новые беды и испытания и когда в окончательном виде сложилось общество, костяк которого составили первые послереволюционные поколения.

Таким образом в центре нашего внимания стоит **рядовой советский человек**, сегодня часто пренебрежительно называемый *«совком»* и рассматриваемый в качестве фундамента тоталитарного общества. Действительно, в книге идет речь о формировании нового типа людей, их мышления, образа жизни, культуры. Основная задача книги — рассказать, как чувствовали, ощущали и мыслили себя советские люди в новой системе общественных ценностей, как изменилось их историческое сознание в результате сдвигов, происшедших за два десятилетия после революции, проверить утверждение об одномерности и однозначности их психологии, стереотипов и стандартов поведения в условиях сталинского социализма. В соответствии с принципами социальной истории, мы обращаемся прежде всего к тем, кому традиционная *«большая»* история уделяет слишком мало внимания. Не пора ли

более тщательно соотнести дела и мысли «сильных мира сего» с поступками и настроениями большинства членов общества, выступающих не в качестве аморфной и безликой массы, а непосредственных участников событий 1930-х годов, тем более, что им, может быть, впервые предоставлено **право собственного голоса**. Отсюда и выбор источников, которые в той или иной мере позволяют отразить новые подходы к социальной истории. Время, однако, заставило внести некоторые поправки в принципы отбора и представления документов, обусловленные спецификой системы взаимоотношений общества и власти, которые складывались в те годы. Нельзя не учитывать и те изменения, которые происходили в социальной структуре общества на протяжении 1930-х годов, возникновение в нем новых слоев и групп — кадров руководителей, ударников, стахановцев, колхозников и т.п.

Конечно, предпочтительный материал, который позволяет поставить диагноз состоянию общества, проследить царившие в нем умонастроения, сознание и психологию людей, — это источники, исходящие от них самих или, как их называют, **источники личного происхождения**. Речь идет прежде всего о письмах — самом распространенном в советское время средстве общения между людьми, а также между обществом и властью, причем письмах, не тронутых литературной и цензурной правкой. Если правильно построить работу с ними, они могли бы лечь в основу изучения широких общественных настроений. Дневники и воспоминания 1930-х годов в этой связи явно проигрывают, ибо их значительно меньше, да и писали их далеко не все, а чаще всего люди более образованные и культурные. Мемуары, как правило рассчитанные на публикацию, вообще несут на себе печать социального и политического заказа и целевой установки. Но и письма — материал для историка тоже весьма трудный. Необходимо учитывать их плохую сохранность. А те письма, что дошли до нас, как правило, рассеяны по разным архивам, фондам, коллекциям. Чтобы получить более или менее целостное представление о протекающих в обществе социальных процессах, необходима громадная поисковая работа с письмами, их сбор и изучение с точки зрения представительности, анализа содержания, информационной ценности, возможностей использования и т.п.

Наряду с письмами важным источником для изучения советского общества 1930-х годов могут быть использованы **материалы партийных и политических органов**, составленные специально с целью анализа общественных настроений и предназначенные для «внутреннего употребления», т.е. не для печати, а для принятия управленческих решений и организации различного рода мероприятий. Нередко в их основе, особенно на первых порах, лежали те же письма и жалобы, направленные в адрес руководителей партии и государства, различных учреждений и организаций. В них нередко затрагивались острые проблемы повседневной жизни. Еще в 1920-е годы возникла практика составления сводок таких писем, а иногда и аналитических обзоров. В качестве примера можно привести составленные в разгар сплошной коллективизации так называемые «сводки характерных обращений в правовую группу Наркомземов СССР и РСФСР, Колхозцентра и Центральной междуправительственной комиссии» в июне и июле 1932 г., которые раскрыва-

ют своего рода «кухню» работы с такого рода документами для выработки практических решений в аграрной политике.

Как явствует из сводок, всего в указанный орган в июне 1932 г. обратилось с письмами 2920 граждан, в июле — 5706. Более четверти из них «было отсеяно по социальному признаку», т.е. были отнесены к обращениям «кулаков и подкулачников» и других «классово чуждых элементов». Рассмотренные документы в основном касались порядка исчисления налогов, а также земельных, гражданских и уголовных дел (в июле числе обращений по этим вопросам выросло примерно в пять раз, в основном со стороны колхозников). Значительный удельный вес составляли письма, связанные с порядком обобществления имущества. Был отмечен громадный рост заявлений по поводу исключений и выходов из колхозов. Эти факты явно свидетельствовали об усилении кризисных явлений в колхозном строительстве летом 1932 г.

Пожалуй, наиболее интересным является проделанный авторами сводок анализ географии поступающих писем и заявлений. На наш взгляд, она тесно связана с некоторыми особенностями общения корреспондентов с властью по линии «центр-периферия» и должна учитываться в процессе отбора такого рода документов. Примерно треть писем пришла из Московской, около 5% из Западной, 4% — Ивановской Промышленной областей. Далее в порядке уменьшения шли Центрально-Черноземная область, Нижегородский край, Татария, Средне-Волжский, Нижне-Волжский края. Менее 1% обращений пришлось на Северный Кавказ, Урал, Башкирию, Ленинградскую область, Северный край, Украину, Белоруссию. Из Сибири, Казахстана писем приходило мало. Практически совсем не было их с Дальнего Востока, Средней Азии, Закавказья.² Отсюда следует совершенно однозначный вывод о том, что на характер переписки оказывала огромное влияние близость к столице — Москве. Этот любопытный феномен — разреженность поступающей корреспонденции по мере удаления от центра — в общем и целом нередко наблюдался и при работе с другими комплексами документов.

Надо отметить, что количество таких сводок, найденных нами в архивах, год от года постоянно уменьшалось. Можно высказать гипотезу, что по мере укрепления своей власти и отдаления от народа номенклатурная верхушка все меньше испытывала необходимость в так называемой «обратной связи», становилась более склонной полагаться на созданные ею аппаратные механизмы и специальные органы, призванные наблюдать за состоянием умов и выносить нужные для руководства рекомендации. Любопытно, что в одном из архивных дел на секретных информационных сводках, составленных на основании писем в ЦИК СССР, НКВД СССР, редакции газет «Правда» и «Известия» с марта по апрель 1932 г., на внутренней обложке папки стоит резолюция «уничтожить», датированная 26 июня 1936 г.³ По каким-то причинам, скорее всего по недосмотру и халатности аппарата, эти сводки все же сохранились в фонде Наркомзема СССР и были использованы нами в данной книге, как и другие, которые удалось обнаружить в архивных фондах.

Некоторое оживление работы по изучению общественного мнения отмечалось в советском обществе в связи с организацией политических кампаний. К ним нужно отнести обсуждение проекта конституции в 1936 г., проекта нового устава партии в начале 1939 г. и др. В частности, специально созданной для обсуждения проекта конституции Конституционной комиссией была проанализирована обширная корреспонденция, пришедшая на имя деятелей партии и государства, в адрес учреждений и организаций, в редакции газет и журналов.

Но все же главная роль в наблюдении за людьми принадлежала идеологическим и кадровым отделам партийных органов. При этом письма рядовых граждан не исчезали, конечно, из поля зрения, но чаще всего сообщаемые в них факты приводились лишь в порядке иллюстрации тех или иных положений и выводов, которые эти органы считали должным довести до сведения вышестоящего руководства. Указанное обстоятельство ведет к тому, что для изучения общественных настроений, нам волей-неволей пришлось гораздо чаще обращаться к партийным документам и соответственно ориентироваться на партийные архивы. Это, прежде всего нынешний **Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ)** – бывший Центральный партийный архив (ЦПА), где сосредоточено наибольшее количество такого рода материалов.

Блюсти состояние умов, разрабатывать меры по их «исправлению» и докладывать об этом наверх входило также в задачу органов ОГПУ-НКВД. Некоторые факты указывают, что и здесь происходили те же явления. Вместо систематической работы с информацией, поступающей от рядовых граждан, органы НКВД начинают отдавать предпочтение донесениям своих агентов, своим отделам и аппаратам, поставлявшим регулярные отчеты о своей деятельности. К сожалению, до сих пор источники подобного рода малодоступны для широкого круга исследователей. Правда, если учесть развитие взаимоотношений между партийными и карательными органами, многие документы, относящиеся к работе последних, можно обнаружить и в партийных архивах. В какой-то мере это касается и архивов комсомола, куда поступало немало материалов о молодежи и детях.

Конечно, перечисленные документы были соответствующим образом препарированы их создателями, и вопрос о том, насколько они отражали реалии 1930-х годов, каждый раз остается открытым. То же самое можно сказать о материалах различного рода проверок, инспекций и т.п., которые в 1930-е годы проводились довольно рьяно, часто с целью устроить разнос, чтобы «другим неповадно было», а то и настоящий погром отдельных ведомств, учреждений и организаций. Но все же сам факт, что они были предназначены не для пропагандистской шумихи, а для анализа действительного положения дел, говорит в их пользу как более достоверного источника по сравнению с печатно-пропагандистскими материалами. В то же время уже на информационных сводках их составители писали, что они основаны на обобщении главным образом негативной информации и «никоим образом не могут служить показателем широких общественных настроений». Сводки ОГПУ-НКВД еще больше несут на себе печать «сгущенного негатива», так как перед этими органами прямо ставилась зада-

ча выявления антисоветских и враждебных настроений. Поэтому предпочтение в данном издании отдается письмам как непосредственным свидетельствам современников и более достоверному источнику для социальной истории.

Естественно, что наши усилия были направлены на то, чтобы найти более или менее устойчивые комплексы писем, но, как выяснилось, это оказалось почти безнадежной задачей. И все же, если допустить, что сохранение писем в архивных фондах по каждому затронутому в книге сюжету, связанному с обыденной жизнью людей, имеет скорее случайный, чем закономерный характер, это обстоятельство может быть использовано для обоснования их представительности.⁴ Следует оговориться, что данное соображение диктуется скорее интуицией, чем какими-либо расчетами. Большинство документов, приведенных в книге, взяты из спонтанно пришедшей корреспонденции. Одновременно выяснилось, что эти случайно найденные письма мало что скажут читателю вне определенного контекста и требование **гида-историка** для их представления звучит даже более настоятельно, чем при подготовке нашей первой книги, посвященной 1920-м годам.

Тогда в нашем распоряжении оказалась огромная читательская почта «Крестьянской газеты» — одного из самых массовых советских периодических изданий, позволяющая осветить самые разные аспекты обыденной жизни людей в 1920-е годы. За период с 1930 по 1937 год сохранились лишь отдельные сводки писем, которые мы, конечно, постарались использовать. Практика сохранения читательской почты была возобновлена в 1938-39 гг., когда главным редактором «Крестьянской газеты» стал С.Б.Урицкий — старый партийный работник, один из организаторов газеты еще в начале 1920-х годов. Однако при обращении к этим более поздним письмам бросается в глаза целый ряд существенных различий. Есть подозрение, что сохранилась не все письма, а лишь те, которым редакционные работники по тем или иным причинам уделили внимание. Об этом говорит, в частности, то, что по сравнению с двадцатыми годами и тематика писем, и состав авторов значительно уже. Писем, оставленных редакцией без внимания, почти нет, за исключением редких случаев. Обычно к каждому письму в 1930-е годы прилагалось несколько машинописных копий, заверенных редакционным работником, но порою в архиве сохранились только копии, тогда как оригиналы писем отсутствуют. Это большой минус, поскольку качество копий — низкое. Подчас они лишь весьма приблизительно передают содержание подлинников, поэтому при наличии подлинных писем и их машинописных копий работать предпочтительно с первыми, хотя дело это весьма нелегкое ввиду плохого или неразборчивого почерка, безграмотности авторов и т.п. Наряду с письмами и копиями откладывался круг документов, иногда довольно большой, отражающий переписку по поводу затронутых вопросов с различными органами и организациями.

Поступившие письма распределены по областям и по тематике, в них отраженной. Она примерно в равных пропорциях делится на показ достижений колхозов, совхозов и МТС и сигналы об имевших там место недостатках, «вредительстве и злоупотреблениях». Большинство авторов писем — постоянные корреспонденты (селькоры) «Крестьянской газеты». Особенно

много их было среди писавших о достигнутых успехах, ибо такая задача прежде всего и ставилась перед селькорами. В разгар массовых репрессий им одновременно надлежало докладывать о происках «вредителей» и «врагов народа» в деревне, что породило настоящую волну доносительства.

Очень многие письма того времени имеют характер доносов. Такие доносы были и раньше, но теперь, во второй половине 1930-х годов, их число увеличилось необычайно. Таким образом, речь идет об официально поощряемом сверху массовом явлении. Письма-доносы, в том числе и в печать, в те годы стали одним из инструментов управления и карательной политики, и им в этой связи придавалось большое значение. В ходе дальнейшей проверки, как правило, указывалось, подтвердились или нет сообщаемые в них факты. Это обстоятельство учитывалось нами при отборе писем для публикации, хотя вопрос о том, в какой мере факты нашли «подтверждение» рассматривается в контексте общей обстановки, сложившейся в те годы. Мы отдавали предпочтение тем документам, которые описывали какие-либо **реальные жизненные ситуации**. На этой основе дается картина советской деревни во второй половине 1930-х годов. То же самое касается других найденных нами в архивах писем и других документов, в которых находили отражение различные стороны жизни советского общества.

Вопрос об авторах писем, о том, что они собой представляли, чрезвычайно сложен. Поэтому мы стремились воспроизвести содержание документов максимально близко к подлиннику, чтобы читатель мог сам составить представление о том или ином человеке, его менталитете и культурном уровне. Как показывает большинство просмотренных нами писем, он оставался весьма невысоким. Не должно создаваться впечатление, что мы каким-то образом специально подбирали документы, чтобы это обстоятельство подчеркнуть. Впрочем, читатель всегда имеет возможность сопоставить, насколько отличается содержание тех или иных документов в зависимости от авторства, чтобы придти к определенному выводу, сравнивая стиль, например, официальных и неофициальных источников. Так уж сложилось в советском обществе, что стимулы обращения в печать были примерно те же, что и в другие вышестоящие инстанции. Более того, отождествление печатных органов с властью в 1930-е годы, пожалуй, даже возрастает. Поэтому среди авторов гораздо больше людей, которые оказывались в трудном положении и рассчитывали на облегчение своей судьбы.

Цели, причины и обстоятельства появления того или иного документа в 1930-е годы прямо влияло на его содержание, желание «соответствовать» в нем принятым нормам и установкам. Своеобразие последних свидетельствовало о состоянии общественного сознания, его способности их воспринимать и «переваривать». Приводимые нами материалы показывают установление неких «правил игры», приспособление к официальной идеологии. Читать документы приходится с учетом того, что многое в них вообще угадывается между строк, на что специально приходилось обращать внимание в комментариях. Вместе с тем их характер в настоящей книге — **особый**. Мы старались не вмешиваться в само содержание источников, ограничиваясь в основном теми пояснениями, которые ведут от одного документа к другому и без которых их прочтение было бы невозможным. Раскодирование содер-

жания сводится лишь к тому, чтобы установить временную и пространственную связь между ними. В этом отличие книги от исторического исследования, которое, следуя определенной модели повествования, зачастую односторонне трактует имеющиеся свидетельства согласно взглядам и предпочтениям автора или его приверженности одной линии изложения событий, будь то романтический пафос социалистического строительства (советская историография), или трагически окрашенный список преступлений сталинского режима (тенденции последних лет). Наша книга — это не последовательность событий во времени, а **последовательность источников, уложенных в достаточно широкий и конкретный исторический контекст с целью обеспечить их узнавание и пути возможных интерпретаций.**

Историк, который выбирает одну модель повествования, часто не задумывается о том, что содержание источника, как правило, гораздо шире, — настолько шире, насколько жизнь богаче всяких представлений о ней. Она нередко дает любопытное смешение романтического, трагического и комического порою в ситуациях, казалось бы, совершенно однозначных. Какова доля каждого в приводимых в книге документах — судить читателю. Многие в них может показаться странным, смешным и чуждым нашему нынешнему видению, но они отражают дух своего времени. Эта видимая история, лежащая на поверхности, может быть далекой от «истинной», но кто сегодня знает, где находится истина?

При подборе документов для публикации мы встретились с любопытным феноменом, который можно определить как **«давление источника»**. Именно документы решающим образом обусловили способ их представления в некой последовательности и переход от одного сюжета к другому. Историческая обстановка оказалась столь насыщенной событиями и разного рода мероприятиями, что вырвать отдельный документ из его исторического контекста — нельзя. В противном случае — неминуемы логические несостыковки и противоречия. Так, процессы, происходившие в стране в период так называемого **«социалистического наступления»**, требовали обращения то к городу, то к селу, то к влиянию мероприятий в экономической, то в политической области. То же самое касалось содержания других глав. Только на такой основе можно было выстроить более или менее целостное историческое полотно, дающее представление о советском обществе 1930-х годов.

Просматривая комплексы архивных дел, мы отбирали документы для публикации, как правило, по принципу: один, наиболее **интересный**, из массы ему подобных. Категория «интереса» в данном случае выражалась в том, чтобы отобрать такие документы, где бы содержались конкретные факты, а не общие рассуждения или предположения. По нашему мнению, такой прием не влияет на оценку представительности материалов. Принципиальным для данного издания моментом является публикация источника максимально близко к содержанию оригинала, даже если он представляет собой совершенно неудобоваримый текст, поскольку характеристика **личности** авторов документов — неотъемлемая часть общего замысла книги. Отдельные исключения сделаны лишь для некоторых типов официальных документов, например перепечатанных копий (исправлены ошибки, опе-

чатки и пр.). К документам дается основной справочный аппарат и специальные комментарии. Количество таких комментариев сведено к минимуму — вскользь упомянутые события, требующие расшифровки, непонятные слова и выражения и т.п. Об упоминаемых в документе лицах комментарии приводятся только в связи с его содержанием (почему упоминается, какой пост занимал в данное время и пр.) и только если о них нам удалось найти сведения. О наиболее известных деятелях партии и государства (Сталин, Калинин и др.) сведения не даются, да, как правило, они и не требуются. В квадратных скобках внутри текстов документов обозначаются сделанные нами пропуски [...], а также даются мелкие самоочевидные исправления или замечания, не требующие специальных пояснений.

По отношению к целому ряду других найденных нами источников мы сочли возможным или привести отдельные выдержки из них, или просто процитировать. Таким образом, документы представляются в книге как бы на трех уровнях: полностью приведенные документы, выдержки и цитаты, что, по нашему мнению, усиливает репрезентативность источников. По возможности, мы старались представить материалы из различных районов страны. В то же время не удалось избежать известных повторов в содержании документов, что, впрочем, в определенном смысле свидетельствует об устойчивых процессах, наличии стандартов и стереотипов поведения людей и общественного сознания в 1930-е годы в целом.

Коль скоро очень многое в содержании книги зависит от текстов источников, от их языка и стиля, при случае мы не чурались отдельных литературных реминисценций, обращаясь, например, к А.Платонову — писателю необъятного социального видения с удивительным чувством языка, знаков и символов эпохи. Иногда мы считали необходимым сопоставить содержание публикуемых нами материалов с теми, что уже появились в печати в последние годы, когда была снята завеса секретности и стали достоянием гласности многие недоступные ранее документы. Иллюстративный ряд книги основан на ее замысле — сопоставить официальную версию происшедших событий с тем, что было в действительности. Мы ни в коей мере не рассматриваем свою работу как полную и завершенную, да и смысл ее состоит не в этом, а в том, чтобы проложить новые тропы в изучении социальной истории.

Примечания:

¹ Голос народа. Письма и отклики советских граждан о событиях 1918-1932 гг. М., 1998.

² Подсчеты произведены на основании сводки, хранящейся в РГАЭ. (Ф. 7486с. Оп.1. Д.236. Л.68-55).

³ РГАЭ. Ф.7486с. Оп. 1. Д.236.

⁴ В статистике случайность отбора — одно из главных условий представительности выборки.

«СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ НАСТУПЛЕНИЕ»

1929 год, пользуясь терминологией советской историографии, стал «началом развернутого наступления социализма по всему фронту». Этот год, действительно, явился переломным во многих отношениях. Кончалась эпоха старой традиционной и нэповской России. В ломке всего и вся, корчах и муках рождалось нечто новое, невиданное в истории. Политика, которую проводили большевики в двадцатые годы, не сумела решить многих проблем, стоявших перед страной, не отвечала полностью задачам ее модернизации. И не случайно, что большинство людей связывало свои надежды с ускоренным строительством социализма, призванного покончить с отсталостью, прежними общественными противоречиями и несовершенствами.

Следование заранее предначертанным, плохо усвоенным схемам, реализация которых на деле приносила порою самые неожиданные результаты, игнорирование объективных законов экономики и социальной жизни больно били по всему обществу, охваченному эйфорией социалистического строительства. Проводимая политика была обречена на постоянные провалы и неудачи, которым нужно было искать оправдание, выдавать действительное за желаемое. Троцкий называл это «политикой зажмуренных глаз», позволяющей называть социализмом все, что происходило внутри Советского Союза, однако вряд ли кто, в том числе и он, представлял, а каким же в реальности должен быть новый строй, что может получиться из голых идей, брошенных на почву несовершенного, несущего бремя долголетних испытаний, страдающего от многих язв и пороков общества.

Во главе движения к социализму оказался Сталин. Личность его в этот период приобретает в общественном сознании гигантские масштабы. Создатель и выразитель интересов нового руководящего слоя — партгосноменклатуры с «пролетарской закваской», Сталин умел приспособиться к образу человека железной воли и дисциплины, способного, несмотря на все препоны и происки врагов, претворять в жизнь любые практические решения. Старый партийный псевдоним пришелся как нельзя кстати задачам, поставленным на повестку дня. С помощью новых кадров Сталин фактически оттеснил от власти своих политических конкурентов и стал олицетворением «социалистического наступления». Проблема кадров как его составная часть в этот период постепенно выходит на первый план и заслуживает того, чтобы на ней остановиться отдельно.

Налицо было острое стремление в обществе с помощью индустриализации страны как можно скорее выстроить «дом из железа и стали», но мало кто имел представление о том, как это лучше сделать и каково в нем будет жить. Разумеется, Сталин, как и все, кто способствовал его выдвижению, созданию его всеобъемлющего культа, разделяет ответственность за то, что стало происходить в стране в последующие годы. Однако вряд ли стоит все

социальные катаклизмы, которые обрушились на общество в этот период, вменять в вину отдельным лицам, сколь бы значительной ни была их роль в текущем раскладе событий. Путь к новому обществу вылился в идеологию перманентной борьбы и первым ее актом стала мобилизация всех сил и средств в духе революции и гражданской войны на штурм неведомой крепости, называемой социализмом, со всеми вытекающими отсюда последствиями. В ходе этой борьбы складывались традиции, нормы поведения, принципы воспитания и принуждения, определявшие советское общество и советский образ жизни на долгие годы вперед.

«Социалистическое наступление» началось по всем правилам военных действий с провозглашения фронтов: «фронта индустриализации», «фронта коллективизации», «тракторного фронта», «идеологического фронта», «культурного фронта», «антирелигиозного фронта», «литературного фронта» и т.д. Аналогии со временем революции и гражданской войны активно внедрялись в сознание. Вспомним периодизацию «Краткого курса истории ВКП(б)»: 1920-30-е годы – новые этапы гражданской войны. Надо отметить, что обществу была близка и понятна военная терминология и методы борьбы. Умело поддерживали этот «военный угар» и внедряли в умы подрастающего поколения идеологию «социалистического наступления» средства массовой информации. И вот уже молодой рабочий-метростроевец пишет стихи, в которых рефреном звучит: «И как дрались тогда, в восемнадцатом, не щадя молодых своих лет – так сейчас нам приходится драться за каждый погонный метр».¹

В то же время проводимым ради социализма экспериментам нужна была массовая общественная поддержка. В начале 1929 г. началась кампания по развертыванию в стране массового социалистического соревнования на фабриках, заводах, на транспорте, в строительстве. Социалистическое соревнование было провозглашено одним из главных фронтов классовой борьбы и условий выполнения заданий первой пятилетки. Главной формой соревнования стало движение ударников – ударных бригад. Как говорил один из близких соратников Сталина, руководитель ВСНХ В.В.Куйбышев, выступая на I Всесоюзном съезде ударных бригад в декабре 1929 г., главная задача ударных бригад – создать нового человека на производстве. И недаром в газетах статьи, пропагандирующие ударническое движение, назывались «Рождается новый человек», «Куется новое общество». «Социалистическое соревнование и ударные бригады, – говорил Куйбышев, – это лучший удар по мелкобуржуазной психологии, которая еще крепка в некоторых прослойках рабочего класса, это конец старому правилу – «каждый за себя, бог за всех»; это сокрушительный удар по старым традициям в работе, старым навыкам, старой психологии, которая десятилетиями воспитывалась при капитализме. Но именно это превращает социалистическое соревнование и ударные бригады в своеобразный фронт классовой борьбы... Неоднородность рабочего класса, естественно, делает задачу ударных бригад крайне боевой и особенно важной, потому что нужно на лучших примерах перевоспитать эти слои рабочих, которые теперь вливаются в производство, отрываясь от сельского хозяйства». Куйбышев указывал также, что социали-

стическое соревнование и ударные бригады встречают сопротивление бюрократического аппарата, тихий саботаж и пренебрежительное отношение.²

Нет сомнения, что руководству удалось заразить духом соревнования значительную часть рабочего класса, особенно, как свидетельствуют статистические данные об ударниках, молодежь и комсомольцев. На I съезде ударных бригад более 30% участников составляли лица до 22 лет (!), а свыше 40 лет — только 15%.³

Причинами широкого размаха движения были умело используемый максимализм, здоровое соперничество, стремление молодежи ко всему новому, желание выделиться, покрасоваться на стендах, на страницах газет, на митингах, собраниях, слетах. Отсюда — представление о соревновании как о празднике и параде, постоянно подогреваемое прессой. Отсюда штурмовщина и кампанейщина, гонка за цифрами, массовые призывы и мобилизации ударников. Боевой дух соревнования находил отражение и в его организации. На Нижегородском автозаводе, например, была даже создана ударная дивизия с полками, батальонами, ротами и взводами. Формировались ударные бригады по ликвидации прорывов на производстве. На многих заводах действовали «безбожные ударные бригады», комсомольские отряды «легкой кавалерии» и т.п. На Метрострое прославилась женская «исправительная» ударная бригада, куда на «исправление» отправлялись мужчины — пьяницы, прогульщики, лодыри. Отстать в работе от женщин — такого не могли снести даже самые отъявленные бузотеры. Форма труда — коллективное ударничество, по мнению многих, также находилась в духе времени и трудовых традиций, свойственных русской общине и артели — дружно, навалом, одним махом: «Раз, два — взяли! Еще — взяли!» и т.п.

Советские историки создали огромный пласт литературы на тему о социалистическом соревновании, опубликовали большое количество документов, говорящих о трудовых свершениях, героизме, самоотдаче рабочих в годы первых пятилеток. Немало среди публикуемых документов было таких таких, которые явно отдают рапортизмом, политической трескотней, формализмом. Поскольку они уже опубликованы, нет особого смысла приводить их снова. Но на некоторые из них, передающие «аромат эпохи», хотелось бы все-таки обратить внимание.

Вот, например, отрывок из выступления рабочего А.Н.Воронина, который языком «слесаря» говорил на Первом съезде ударных бригад:

Рабоче-крестьянское правительство решило построить в глухих степях Казахстана железную дорогу, чтобы соединить Туркестан и Сибирь. На это дело правительство отпустило примерно 200 млн. рублей и дало задание в течение 5 лет постараться построить железную дорогу, которая будет называться Туркестано-Сибирской.

Мы, рабочие и инженерно-технический персонал, учитывая боевую необходимость в этой дороге, решили, что будем строить ее не 5 лет, а 3.5 года. Тем самым мы сократим на 18 месяцев нашу стройку. Мы сказали, что построим ее дешево, хорошо и прочно. Некоторые кликуши говорили нам, что построить ее быстро и прочно мы не сможем.

Товарищи, я вам приведу пример. Пример этот очень важный. На 8-м строительном участке, в свое время 5-м строительном участке, на станции Алма-Ата есть речка Поганка. Здесь построен железобетонный мост. И вот

когда его сконструировали, совсем приготовили, был пущен паровоз, который простоял 6 часов на этом мосту, и в конечном счете получилось, что он дал осадку на 1 тысячную метра. Значит, слова кликуш не оправдались.

Первый Всесоюзный съезд ударных бригад
(к тридц. съезда). М., 1959. С.127-128.

Хорошо, что строителям Турксиба удалось быстро, дешево и прочно построить железную дорогу, несмотря на сомнения «кликуш». Факты, однако, свидетельствуют, что очень часто ударные темпы на производстве достигались в ущерб качеству проводимых работ. Об этом говорят трудности с вводом в строй новых объектов, частые перебои, поломки на производстве. Да и сами ударники сталкивались с неоднозначным отношением к себе в рабочей среде. Об этом, например, отрывок из выступления Г.Б.Гельмана от имени рабочих текстильной фабрики «Победа пролетариата» г. Егорьевска на Первом съезде ударных бригад. Критикуя руководство за недостаточное внимание к проблемам соревнования, он, в частности, сказал:

Нужно те договоры, которые мы составляем, сделать понятными для рабочих, чтобы каждый рабочий, подписывающий договор, знал бы, что этим самым берет на себя такие-то и такие-то обязательства. Мы имеем по фабрике около 200 сниженных расценок, по ряду отделов самоуплотнение рабочих и т.д. Благодаря этому мы свои задачи выполнили с превышением. И если здесь делегаты говорят, что пятилетку они собираются выполнить в 4 года, то наши рабочие взяли такой темп, что они свою пятилетку выполняют в 3 года, ибо мы уже снизили себестоимость на 21%, снизили брак.

Работая в первых рядах хозяйственного фронта, не нужно забывать, что мы находимся в обстановке жесточайшей классовой борьбы. Я приведу, например, такие факты: рабочие красильного отделения переходили с одного джигера на другой, поднимая производительность труда больше чем на 100%. В ночную смену один рабочий-ударник попал в машину и когда его хлестало этим джигером, когда ему ломало ноги, когда он кипел в горячей краске, то стоявший рядом рабочий не остановил машину. Когда стали выяснять, в чем дело, то оказалось, что он является зажиточным кулаком.

Другой случай. Когда котельные кочегары переходили на уплотненную работу, нашего инициатора чуть не бросили в топку.

Нам не страшно бороться с врагом, которого мы видим, но враг, который работает вместе с нами у машины, враг, который одет в ту же спецодежду, как и мы, — этот враг нам страшен. Нам нужно не на минуту забывать, что классовый враг весьма силен и только в жесточайшей борьбе с ним мы сумеем победить.

Первый Всесоюзный съезд ударных бригад
(к тридц. съезда). М., 1959. С.100.

Примечательно, что всем выступлениям против соревнования, вне зависимости от мотивов, давалась беспощадная классовая оценка как проискам тайных врагов советской власти. Кто же эти «враги», «кликуши», «носители мелкобуржуазного сознания», «отсталые рабочие», «бюрократы» и т.п., почему они против соревнования и почему с ними нужно бороться самым жесточайшим образом? Из выступления Гельмана ясно видно, поче-

му рабочие выступают против соревнования. Причина — в неизбежности снижения расценок, уплотнения рабочего графика, увеличения физической интенсивности труда. Но не только. Штурмовщина и кампанейщина шли вразрез с воспитанием рабочего, необходимого для современного индустриального производства с его размеренностью, монотонностью, точностью. Неудивительно, что наибольшую отдачу соревнование давало там, где требовались лишь тачки да лопаты, где все зависело от приложения физических усилий. Поэтому вряд ли соревнование следовало однозначно трактовать только как борьбу старого и нового.

Гельман указывает на одного из «врагов» соревнования — «бывшего кулака», проникшего на производство. Не очень понятно, какой резон «бывшему кулаку» топить в горячей краске передовика производства и очень сомнительно, чтобы все кочегары на фабрике «Победа пролетариата» состояли из таких «бывших кулаков».

В советских публикациях не приводилось документов, которые бы излагали аргументы тех, кто возражал против ударничества, равно как и людей, сомневающихся в пользе движения. Упоминалось, конечно, о существовании «нытиков и маловеров», о бюрократизме и заорганизованности, наносящих урон «великому делу». И уж совсем не говорилось о вырождении социалистического соревнования, когда на фоне впечатляющего роста числа ударников, ударных бригад, ударных цехов и участков, а то и целых ударных заводов, наблюдались срывы на производстве, простои, падение производительности труда и т.д., и, как результат, — замедление показателей роста экономики.

Приведем письмо молодого ленинградского рабочего, который, откликнувшись на комсомольский призыв, поехал на ударную стройку первой пятилетки — «Магнитку». Письмо было написано в июне 1931 г. и, подвергнувшись перлюстрации, стало объектом пристального внимания со стороны политорганов, так и не дойдя до адресата.

Добрый день, дядя Федя! Привет из Магнитогорска. Дядя Федя, доехали благополучно до места. В Магнитогорске нас встретили очень плохо. Очень долго сидели и ждали автобуса, чтобы доехать до места. К вечеру нас забрал автобус и повез. Привез на чистое поле и высадил. Нам показали палатку, в которой не было ничего, кроме самой палатки. Первую ночь спали на голой земле, на второй нам сделали козлы и щиты, спали на голых досках. На третий день нам в палатке кое-как сколотили пол из досок. Нам выдали одеяла и матрасники, дали соломы, набили матрасы. Так началась наша лагерная жизнь.

Дядя Федя! Здесь обеды в столовой по 80 коп. и по 1 руб. 10 коп. нигде не годятся, так что приходится сидеть голодным, а другой еды нигде не достать. Дядя Федя! нам работы не дают по специальности, так как монтаж неизвестно когда начнется. Мы четыре дня ничего не делали, сидели в палатках, да ходили, искали начальство. Нам дали работу: стройку барачков. Мы подняли бузу, подавали в трудсекцию о расторжении договора, но нам дали срок: если к 10 июня не дадут работы по специальности и не вселят нас в барак и не выдадут спецодежду, то 11 числа договор будет расторгнут. Мы ждем до 15 июня, потом я все равно приеду обратно в Ленинград. Так что попали мы в ловушку, ходишь и концов не найдешь. Сейчас пока строим бараки. Но, сам понимаешь, какие мы плотники, а иначе работы нет. Очень много каждый день рабочих уезжают об-

ратно, но отсюда очень трудно выбраться — ни за что не выпускают, но я все равно приеду, так как жить невозможно: во-первых, работы по специальности нет, спецодежды не дают, кормят очень плохо, находимся в палатках, а погода стоит холодная и дождливая. Всегда палатки промокают и все после дождя мокрое. С гор дуют сильные холодные ветры, так что очень холодно жить в палатках, замерзаем, а начальство и в ус не трубит. Так что нас когда отправляли, говорили красивые сладкие слова, вы, мол, едете на ударное строительство, вас там ждут, из-за вас, мол, дело стоит (монтаж). А на самом деле вот что получилось. Нас здесь совсем не надо, так как очень много рабочих и мы строим бараки.

Дядя Федя! Здесь такая буза, что ничего не поймешь. В нашей головке полный бюрократизм, безалаберщина, нигде ничего не найдешь.

Дядя Федя! Пока писать кончаю. Потом напишу еще.

ГАРФ. Ф.7952. Оп.5. Д.172. Л.59-60. Машинопись. Копия.

Нет сомнения в том, что все написанное в письме — правда, которая, кстати, особенно и не скрывалась, а подавалась как своего рода романтика первых пятилеток и «героические будни первооткрывателей». Кажется, что созданию этого мифа мы более обязаны позднейшей традиции: многочисленных книг, кинофильмам, воспоминаниям, где рассказывалось о «ревушей индустриализации», возникающих на пустом месте заводах, возводимых ударным трудом советских рабочих и инженеров. На самом деле, по многим источникам рисуется жизнь зачастую весьма далекая от романтики. Так и в приведенном документе не видно ничего героического — обыкновенная неразбериха и неустройство, и, что характерно, — на стройке, которая считалась «эталонной» для всей страны, была своеобразным символом первой пятилетки.

В связи с разворачиванием строительства в стране резко ухудшилась санитарно-эпидемиологическая обстановка. В докладной записке в партийные органы на конец 1931 г. Наркомздрав отмечал, что по далеко неполным данным заболеваемость в 1931 г. возросла по сравнению с 1930 г. по брюшному тифу — на 64%, по сыпному тифу — в 2 раза, оспе — в 3 раза. Эти катастрофические показатели медики связывали с массовой концентрацией людей на новостройках, царящей там антисанитарией, скученностью, отсутствием элементарных гигиенических условий. В рабочих бараках на каждого человека приходилось менее 1 квадратного метра площади. Специальные обследования Кузнецкстроя, Магнитостроя, Бобриков показали, что случаи массовых эпидемий руководителистроек скрывали. В обследованных больничных бараках зимой стоял ужасающий холод — 5-6 градусов, грязь, клопы, вши. Из-за перебоев в водоснабжении больные не умывались по нескольку дней. На Бобриковском строительстве было обнаружено, что на 47 больных было всего 8 ложек. Трупы умерших в морг не вывозились по 2-4 дня, а затем их отправляли на подводах вместе с посудой и продуктами. Были зарегистрированы массовые венерические заболевания. Только на Кузнецкстрое было выявлено 1.2 тыс. венерических больных. Было отмечено множество случаев туберкулеза.⁴

Не удивительно, что столкновение с действительностью вело к тому, что первоначальный энтузиазм строителей нового общества быстро испарялся, сменяясь глубоким разочарованием. Более того, по источникам про-

слеживается превращение подобных авральных ситуаций в постоянные приметы повседневной жизни людей на советских стройках. Да и что на практике означала каждая стройка? Это реальные, а не бумажные кирпич, цемент, стекло, машины, оборудование и т.п., которых не было в наличии. Экономически необоснованные решения привели к тому, что планы «трещали по всем швам», а взвинчивание заданий, в том числе путем принятия встречных планов, не имеющих материального подкрепления, еще более усугубило положение и привело к разрушительным последствиям для экономики, хотя поначалу положение на «фронте индустриализации» и внушало известный оптимизм.

Общее ухудшение экономической ситуации в стране сопровождалось нарастанием дефицитов, повсеместным распространением карточной системы, закрытием многих частных магазинов и лавок, а как результат – расцветом спекуляции на «черном рынке». Жизнь день ото дня обрастала грузом повседневных забот, лишений и трудностей, определяющих обыденное поведение людей, несмотря на все разговоры о «высоких материях» и жертвах во имя социализма. Как говорили тогда, «стараешься по-большому, а получается одна мелочь.»

В сводке, составленной по письмам в газету «Правда» в сентябре 1930 г., было приведено сообщение некоего выдвигенца Тарасова о ситуации со снабжением в Москве (которое, кстати, было лучше, чем в целом по стране), названное «Сухаревцы орудуют»:

Ведь сейчас обитатели Сухаревки, Центрального, Смоленского и других рынков переживают весну. Ведь перекупщиков сейчас воистину расплодилось до чертовой матери. Перекупкой сейчас весьма лихо занимаются и сезонники и молочницы и инвалиды и часть несознательных рабочих со своими женами и командированные на различное строительство. Методов этой работы – огромное количество. Тут и подчистка в кооперативных книжках, тут и целиком фальшивые книжки, тут и по две и больше этих книжек на одно и то же лицо, тут и симуляция положением своей жены на определенном месяце, тут и злоупотребления командировкой и забор на чужие книжки. Дошло до того, что и отсталый рабочий чуть ли не в пятый раз в течение недели или двух становится [в очередь] за женскими чулками и бьет себя в грудь, что он рабочий, требует – вынь да положи – «вы спекулянтам даете, душа с вас вон, давайте и мне.» Появилась целая масса каких-то тяжело больных инвалидов и людей, бывших на Канатчиковой даче, которые с исключительной резкостью злоупотребляют своим положением, – дай, иначе за себя не ручаемся.*

Но мало того, в этом «движении» имеется ярко выраженная тенденция снятия с государственного советского рынка любых ассортиментов товаров, во чтобы то ни стало и немедленно. Выброси теплую мужскую обувь и дай брать в любом количестве, – берут женщины многими парами, в несколько часов точно огнем выметается любое количество.

«Кто-то» создал мнение, что бери то, что есть сегодня и бери во что бы то ни стало, потому что завтра ничего не будет и неизвестно, когда появится, потому что де мол индустриализация доходит до боя витрин, выворачивания металлических ограждений, до дикой нечеловеческой давки. В Центральном универмаге (в рознице Мосторга, что на Петровке) из-за буйного напора такого покупателя создается угроза провала четвертого этажа. Публика нагнет весь-

ма определенно, и с каждым днем все больше и больше, причем развязывают антагонизм в первую голову занимающиеся перекупкой.

23 июля в магазине Мосторга №5, что на Смоленском рынке, покупатели избili одну продавщицу. Другая продавщица была избита покупателями так, что ее пришлось обливать водой.

На 21 июля в том [же] магазине работа проходила лишь при участии целого наряда милиции. Работаешь в осаде и мысль о весьма вероятном разгроме магазина не покидает штата ни на минуту. Ясно, что руководство этим делом идет с Сухаревки, которая дает свои лозунги толпе. Огромный актив Москвы должен мобилизоваться и дать сокрушительный отпор «сухаревцам».

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.242-243. Копия. Машинопись.

* Народное название психиатрической лечебницы в Москве.

В документах постоянно встречаются жалобы на установленные нормы рабочего снабжения, на огромные очереди в магазинах, на припрятывание товаров продавцами с целью их последующей перепродажи. Крайне негативно отрегировали рабочие на повышение цен на продукты и товары первой необходимости в 1931 г., и как следствие подорожание цен в рабочих столовых. Составленная по этому поводу сводка свидетельствует о возникших в связи с этим разговорах на московском «Электрозаводе»: «Столовая №4. Вот сволочи, с 37 до 55 коп. скакнул обед, сколько на каждом обеде дерут... Столовая №2 «... хорошо, здорово, так скорее построим социализм.»⁵

Анализ сообщений с мест свидетельствует о том, что везде, по всей стране, ситуация была нисколько не лучше. Вот, например, сообщение некого Буслаева из Мордовии из тех же сводок, помещенное под рубрикой «Открылась спекуляция»:

Рабочий поселок Виндрей Zubово-Полянского района Мордовской области забыт торготделом и потребсоюзом, а в частности забыт Виндреевский лесопильный завод.

Рабочие со своей стороны приложили все усилия на выполнение промфинплана и выполнили более 100%, а как они снабжены? Получает паек только работник, занятый на производстве, а его жена и малые дети за исключением ржаной муки ничего не получают. Рабочие и их семьи обносились, детишки оборванные, голопузые стали. Нужно купить, а где купить? В рабкоопе! О нем вспоминать не хочется. Одни пустые полки да флаконы духов. На рынке? Спекулянты шкуру стаскивают с живого рабочего. Один метр ситцу стоил 35 коп., такой же ситец сейчас у спекулянта на рынке стоит метр 1 руб. 35 коп. Рабочие возмущаются, что у спекулянта ситец и др. есть, а в рабкоопе ничего нет. Я думаю, понятно, какая атмосфера может получиться на заводе, а ведь этого можно не допустить. Только следует нажать кому следует и куда следует.

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.239. Копия. Машинопись.

Именно «нажать кому следует и куда следует» — типичный образчик мышления людей того времени, выражающий уверенность в том, что все проблемы можно решить путем административных и карательных мер. Источники того времени, которые хранятся в архивах, свидетельствуют о нарастании общественного недовольства, которое выразалось в тысячах пи-

сем, жалоб, обращений к властям по поводу обострения продовольственных затруднений, отвратительного питания в рабочих столовых, безобразий, творившихся в очередях. Нормы карточного снабжения, устанавливаемые для различных категорий населения, не удовлетворялись. Для «отоваривания» карточек просто не хватало продуктов. На этой почве нередки были случаи злоупотреблений и коррупции. Поступали сообщения о разгроме магазинов, кооперативных лавок, о «бабьих бунтах».

О росте недовольства, ропоте среди рабочих говорит письмо рабочего В.Н.Князева из Тулы, сравнивающего рабочий класс с загнанной лошадью:

Стройка социализма не строится одними большевиками, не надо забывать, что в этой стройке участвует много миллионов рабочих. Лошадь по своей силе может везти 75 пудов, а хозяин навалил на нее 100 пудов, да при этом плохо накормил. Сколько он ее ни бил кнутом, все-таки она этот воз не смогла тронуть.

Так и рабочий класс. На него возложили соцсоревнование, ударничество, перевыполнение промфинплана и т.д. Он работает 7 часов, не отходя от станка, и это этим не кончается, он после сидит на собраниях или же учится, чтобы поднять свою квалификацию полтора-два часа, если же кто не занимается этим, то он по хозяйству работает. А чем он питается? 150 г солонины-баранины, сварит суп без всякой приправы – ни моркови, ни свеклы, ни муки, ни сала. Что же получится из такого супа? Одна «баланда».

РГАЭ. Ф. 7486. Оп.1. Д.102. Л.241. Копия. Машинопись.

Рабочий П.Скатов из Москвы писал в «Правду» летом 1930 г. «Когда тебе скажут, что сегодня доклад в цехе о религии или еще какой, то в ответ вздохнешь и плюнешь. потому что слушать неохота эти красные слова. Мы в 100 раз лучше научились говорить, чем дело делать.»⁶ В анонимном письме из Донбасса говорилось: «Печать трубит: дайте угля, стали, чугуна и пр. и т.д., позор тем, кто не выполняет промфинплан, а я бы сказал так: милые газетные трубачи, пожалуйста к нам в Донбасс, мы вас посадим на бутылку кипяченой воды (вместо чаю), ломоть не хлеба, а какого-то недоразумения, кипяток без сахара, а потом, мил человек, потрудись вырубить норму угля.»⁷ Трудности усугублялись тем, что в связи с наступлением на частный сектор шла ликвидация некоторых традиционных форм существования, свойственных быту рабочих и служащих в провинции. Об этом говорится в анонимном письме в «Правду» из г.Актюбинска в Казахстане:

Тов. редактор, прошу ответить, имеет ли право местная власть насильно отбирать у рабочих и служащих единственную корову. При этом требуют расписку, что корова сдана добровольно и стращают, что в случае невыполнения посадят в тюрьму за срыв мясозаготовок. Чем же жить, когда кооперация выдает только черный хлеб и на базаре такие цены товаров, как в 1919 и 1920 гг. Виши заели, а мыло дают только железнодорожникам – от голода и грязи у нас уже массовое заболевание сыпняком.

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.236. Л.11-12. Копия. Машинопись.

Ликвидировав частника, государство вдруг обнаружило, что из жизни стали исчезать элементарные вещи, без которых нельзя обойтись. Не выдержав налогового бремени закрылись рестораны, кафе, закусочные, па-

рикмахерские, мастерские пошива и ремонта и т.п., составлявшие каждодневные основы существования. Приток огромных масс сельских жителей в города усугублял ситуацию. Оказалось, что торговля, питание, обслуживание людей, это огромные отрасли, пренебрегать которыми нельзя. Волей неволей пришлось поставить вопрос о налаживании государственной сферы торговли, питания и бытового обслуживания. Поначалу казалось, что и здесь можно решить проблемы одним махом, путем создания предприятий-гигантов. В 1931 г. начинается строительство Московского мясокомбината (впоследствии комбинат им.Микояна), реконструируются старые кондитерские фабрики, создается сеть госмагазинов, мастерских, рабочих столовых и т.п. Внимание прежде всего было направлено на крупные промышленные центры. Но всех этих мероприятий оказалось мало. Неповоротливые гос-торговля, общественное питание, сфера обслуживания плохо справлялись с делом. Сказывалось пренебрежительное отношение к мелочам на фоне решения больших «политических вопросов». Сам термин «ширпотреб» для товаров широкого потребления, появившийся в 1930-е годы, имел какое-то уничижительное звучание и отражался на низком качестве этой продукции, которое стало своего рода «притчей во языцех», впрочем, как и плохое обслуживание, грубость и хамство по принципу «лопай, что дают», «вас — много, а я — одна» и т.п.

По документам явно прослеживается обострение социальных противоречий в стране. Социалистическое соревнование внесло разлад в рабочую среду, трактуемый как сопротивление новому движению отсталых слоев рабочего класса. Усилилась враждебность рабочих к деревне, на которую руководство пыталось свалить вину за нарастающие трудности. Крестьяне, в массе бегущие на предприятия в связи с началом сплошной коллективизации и раскулачивания в деревне, часто ассоциировались с кулаками-мироедом, с человеческим сбродом, непригодным для строительства социализма. Рабочий Черкасов, например, писал о том, что «пройдохи удирают от коллективизации. В Москве наблюдается большой наплыв крестьян, не желающих в колхозы. Это горькие пьяницы, обиралы. Таких найдется сотни и тысячи. Будут мешать нам строить социализм.»⁸ В другом сообщении говорилось, что в московском конном парке рабочая сила в основном из деревни, что эти люди «ведут линию через водку и разгульную жизнь и этим берут под влияние рабочих.»⁹ Трудности на Магнитке объяснялись тем, что туда «пролезли кулаки.»¹⁰

О том, как воспринималось такое отношение молодежью, шедшей на производство, говорит письмо И.П.Конюхова из с. Дубровка Думиничского района Сухиничского округа Западной области, написанное в 1930 г.

Молодежь рабочая и крестьянская с воодушевлением вступила на этот путь, чтобы преодолеть его, чтобы на этом пути познать друг друга, чтобы сплотиться, чтобы к его концу не было деления на рабочих и крестьян, а было одно целое с пролетарским сознанием и чутьем. На первых шагах этого пути мы видим на фактах (о бумаге не будем говорить) новый вид антисемитизма — гонение на мужика «Волосатик-мужик» — этим прозвищем стараются унижить крестьян, работающих на заводе. Эти прозвища говорят, как отстала деревня.

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.100. Л.21. Копия. Машинопись.

Советский плакат периода индустриализации. «3-й решающий» – 1931 год.

Молодой рабочий Магнитогорского металлургического комбината. 1931 г.

Впрочем, старые рабочие враждебно встречали не только выходцев из деревни, а всех, кто, откликаясь на массовые призывы, ехал на производство. Так, над мобилизованными на шахты Донбасса комсомольцами горняки, как говорилось в одном из документов, насмеялись, их травили, стремясь всячески выжить с шахт. На шахте №1 в Щегловке «встретили недружелюбно, сперва ругали, потом открыто стали действовать. Так, нарочно, инструктор-забойщик послал работать в забой, не закрепив его. В результате обвал. Одного придушило, другому ногу сломало, третий отделался ушибами. Там же спускались по люку в забой – машинист врубовой пустил машину и глыбой угля комсомольцу выбило ребро.»¹¹ Тут же сообщалось о фактах антисемитизма. На шахте №29 (Макеевка) «терроризируют евреев на каждом шагу, угрожают убить, если не уедут...»¹² Среди шахтеров ходили и такие разговоры: «Приехали к нам из Бердичева еврейчики – разве они будут работать? Спускаются в шахту в пальто, точно на курорте... К нам в Буденновку едут 450 комсомольцев, все жида, посмотрим, как поработают.»¹³ В связи с этим отмечалось, что среди мобилизованных сложилось «разное настроение». Многие оказались не готовы к физическим и психологическим трудностям. Из нескольких тысяч мобилизованных дезертировали более 400 человек.¹⁴

Между тем «социалистическое наступление» в деревне набирало обороты, особенно после ноябрьского пленума 1929 г. Колхозное движение мыслилось руководством мощной лавиной, которая, сметая сопротивление кулака и ломая кулачество прокладывает дорогу социалистическому строительству в деревне. По кулачеству, говорил вождь, нужно ударить так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги. «Это и называется у нас, большевиков, настоящим наступлением.»¹⁵

Сверху донизу были образованы своеобразные штабы коллективизации, включавшие практически весь наличный «пролетарский актив», главной задачей которого было усилить темпы колхозного строительства. Первоначально был выработан план в основном закончить коллективизацию в течение первой пятилетки. Но одновременно началась кампания по повышению темпов, подхваченная на местах. В результате этой гонки намеченные сроки коллективизации зачастую сокращались в 2-3 раза.

Рабочий Захарьин из Ленинграда прислал Сталину письмо, в котором сообщал, что в административном рвении «секретарь райкома в Городке (Витебский округ БССР) так запарился, что в страхе не отстать и желании «догнать и перегнать» бухнул весьма срочную [телеграмму] в округ, что у него коллективизация проведена на целых 100 и 6 десятых – так и записано 100.6%. Попробуй его догнать.»¹⁶

Помимо того, что крестьян насильно загоняли в колхозы, повсеместно наблюдались так называемые «перегибы» с обобществлением. На совещании у Предсовнаркома РСФСР С.И.Сырцова С.Орджоникидзе сообщал о случае на Украине: «Мужики были страшно обеспокоены, когда услышали, что будто собираются обобществлять курей. В одном селе мужики, узнав об этом, зарезали 125 кур, купили водки и выпили под курей: «Хоть напоследок поест курочки.»¹⁷

Трагедия деревни усугублялась тем, что коллективизация сопровождалась политикой ликвидации кулачества как класса. В категорию кулаков нередко попадали те, кто никак не желал вступать в колхозы.

Спротивление крестьянства коллективизации кое-где приобретало форму массовых выступлений, слухи о которых доходили до города. Конечно, не все рабочие были настроены против крестьянства, разделяли презрительное и пренебрежительное отношение к выходцам из деревни. У многих из них там остались брошенные хозяйства, жили родственники, друзья, знакомые. С этой точки зрения интересно следующее письмо, полученное из Ленинграда в марте 1930 г.:

Секретарю и Старосты ВЦИК Сталину и Калинину.

Мы рабочие завода Красный Путиловец в количестве 50 человек обсудили и решили, что окончательно протестуем против террора и гонения на крестьян и того кого Вы лишайте голоса и считаете их кулаками. Мы все как один члены ВКПб имеем связь с деревней, нам пишут наши отцы и братья как их лишают голоса и не спрашивают их как они согласны быть в колхозе или нет, а сразу с места карьеры имущество все отбирают, а их гонят по тюрьмам позор советской власти, так не делают капиталисты, как Вы свободная страна, Вы сожжете тех кто работал с утра до темной ночи те труженники которые всю свою жизнь положили на свой дом и на свое хозяйство. Вы признали их кулаками только потому, что они спали на кулаке не имея подушки у себя в доме, Вы считаете тех кулаками которые укрепляли хозяйство и давали доход государству. Вы загнали их в подвалы и хотите их сгноить в живых наших отцов и братьев, а внука их поставили с винтовкой охранять как зверей. Мы возмущены против этого за что мы боролись за что мы проливали кровь, когда мы этого не ожидали, что наша власть рабочекрестьянская над нашими отцами и братьями будет так мучить, зачем нам тогда ВКП когда не дают житья никому.

Убивают, сажают и все забирают что мы нажили мозолстыми руками. Мы требуем немедленно дать распоряжение на местах и прекратить террор в свободной стране, обратите внимание, что говорят все ленинградские рабочие уходят из партии только потому что у нас настало гонение на всех. Ни у кого нет симпатии к Советской власти, а считают Вас палачами Русского народа. Зачем нам так круто делать пятилетку когда мы стали бедные после такого богатства как у нас в России возьмем хотя бы сахар которым раньше кормили свиней, а сейчас не найти и за деньги, а также голодуют наши дети и которых абсолютно кормить нечем. Мы хотим чтобы прав был тов.Троцкий и тов.Бухарин и другие товарищи, а вы еще крепче прижали всех хотите пятилетку выполнить в четыре года. Вам нравится что кричат комсомольцы, но ведь они глупцы и бараны ничего не понимают, а Вы должны обратить внимание на весь пролетариат и крестьянство вот почему Вам и посылают тысячу проклятий и считают Вас насильственниками, а неправителями русского народа. Вы всех капиталистов ограбили и добрались до мелкого собственника и крестьян. Вы миллионы труженников посылали раньше времени на тот свет в то время пишете, что страна свободного труда. Мы не знали, что беднякам будет такой почет надо было бы всем быть бедняками и быть нищими. От бедняка Вы ничего не получите бедняк лентяй, лодырь вот почему он и бедняк он привык чтобы ему давали все безплатно. Вы сейчас собираете утильсырьё выходит что просите милостыню у рабочих, а ему самому надо дать, где то богатство которое нам досталось в наследство от капиталистов на что бедняки и то ахнули особенно в деревне не видят куска сахара в глаза на кой черт пятилетка когда не дают жить на свете для кого мы ее строили за проклятую пятилетку Вы губите мил-

лионы людей. Смешно стало насилено записывайте рабочих стариков в партию, а кто не записывается Вы того стращайте расчетом. [...]

Я когда с одним пожилым рабочим беседовал он открыто заявил настало гонение на всех не дадут спокойно дожить вот Вам факт на лицо. [...]

ГАРФ. Ф.1235. Оп.4. Д.47. Л.164-165. Копия. Машинопись.

В конце следовал поток брани и угроз, да и само письмо относится к жанру анонимных проклятий в адрес властей, которых немало среди архивных документов. Язык и стиль письма, тщательно воспроизведенные в машинописной копии, довольно определенно указывают на среду, из которой оно вышло. Это, безусловно, не коллективное письмо рабочих «Красного путиловца», а мнение одного из них. Сам он, видимо, относился к людям среднего поколения, у которых в деревне оставались отцы, чьих внуков, по его выражению, поставили «охранять народ как зверей», и братья. Молодежь, комсомольцы для автора письма — «глупцы и бараны», которые ничего не понимают в том, что происходит. В то же время знание им ситуации в Ленинграде и кампаниях, проводимых на тамошних заводах в связи с индустриализацией, подтверждает аутентичность документа.

В деле имеется сопроводительное письмо «для сведения» в адрес: ЦКК ВКП(б) на имя Орджоникидзе, в ЦК ВКП(б) — Молотова, в Ленинградский Облком ВКП(б) — Кирова.¹⁸

На ту же тему сообщение в сводках писем в «Правду», озаглавленное «Почему молчите о своих преступлениях»:

Когда начинаешь читать газеты, в особенности «Правду», то невольно начинаешь волноваться, что вы пишете такую возмутительную и наглую ложь, и кому же вы пишете эту ложь — нам, русским рабочим. Неужели Ленин, или Маркс, учили партию так нагло, так бессовестно, не краснея, врать. Творите насилия над рабочими и крестьянами. Вы, писаки, поработили нас хуже царя и нагло пишете, врите, что вы за нас, рабочих. Пора вас, гадов, гнать, чтобы вы именем Ленина не поработали крестьян.

Вы выдумали какой-то колхоз, что он никому не нужен (самому Сталину), ограбили людей. Люди перевели скотину, а теперь вы пишете в «Правде», что пошли [в колхоз] добровольно. В 1918-19 гг. вам поверили, у вас был лозунг: фабрики и заводы рабочим, вся земля без выкупа — хлебобобу, но так ли это?...*

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.228. Копия. Машинопись.

* Намек на сталинскую статью «Головокружение от успехов».

Сопrotивление крестьян коллективизации вынудило руководство вкнести некоторые коррективы в проводимую политику. В статье «Головокружение от успехов», опубликованной в начале марта 1930 г., Сталин, осудив «перегибы» в колхозном движении, свалил всю вину за них на местных работников. Последовавший за статьей отлив крестьян из колхозов, не привел к существенному изменению методов колхозного строительства, как свидетельствуют документы, в противовес утверждениям советской историографии. «Перегибы», как и прежде, продолжались. Наряду с силовым давлением, стали применяться методы экономического принуждения в форме

так называемых «твердых заданий», ложившихся тяжким бременем на индивидуальные крестьянские хозяйства, дабы заставить единоличников вступить в колхозы. Как писал в «Правду» крестьянин из с.Дабужи Калужского округа: «... дерут хлеб со всех подряд, не считаются с тем, что есть у крестьянина излишки или нет, а забирали два пуда на месяц, со всеми домашними расходами... Жизнь, можно сказать, крестьянам плохая до невозможности. Берут у крестьянина все без исключения и хлеб и картошку. Да, как слышно будут брать и мясо, и масло, и яйца, и ветчину. Но интересно бы знать, куда все это пойдет? Как же тут не помянуть прежней жизни, когда рынки все цвели, было тебе все, что угодно. А теперь все померло, хотя вы пишете, что на фабриках и заводах вырабатывают больше прежнего, но у нас почему-то ничего: ни крупы, ни рыбы, ни муки, ни масла, никакого желания нет, словом, нет ничего, ни чаю, ни сахару; паи довели уже до 25 руб. [имеются в виду паевые взносы в сельские потребительские общества], а все равно нет ничего.»¹⁹

Как нередко происходило установление и исполнение «твердых заданий» рассказывала в своем письме, написанном в 1932 г., крестьянка Бочарникова М.Е. из д.Тюрино Троицкого района Центрально-Черноземной области (ЦЧО):

Сельская комиссия дала нам твердое задание на 150 пудов хлеба: озимого – 100 пуд., ярового – 50 пуд. Я такого задания выполнить не могла, ввиду того что у меня семейства три души и земли три надела... всего 15 саж. Я засыпала 15 пуд. хлеба, а больше не могу... Мой муж – старик 68 лет, к труду неспособен, и мальчику моему 12 лет, а мне 47 лет. Комиссия с нами не посчиталась, забрали лошадь с упряжью и купленную новую упряжь и молодую лошадь, 7 штук овец, 25 пуд. муки, 2 шубы, 2 зипуна, 12 аршин сукна для онучек неваленных, 1 пару онуч валенных, 1 выделенную кожу, 2 пары женских сапог теплых, 1 пару мужских кожаных, 9 холстов полотна беленого, 4 теплых платка, 2 сарафана, 2 кружки, 4 ножа, 2 веревки и т.д. Когда пришли забирать, мужа не было дома. Я хотела не допустить. Они меня били и связали, положили книзу лицом и издевались надо мною... Оставили голую и босую и забрали 7 крепких досок, наготовленных для гробов, и одно седло и 13 кур. Ходатайствую... установить меня в дом, т.е. в хату, и возвратить мое указанное выше имущество.

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.236. Л.40. Копия. Машинопись.

Ввиду невозможности вести хозяйство, все больше единоличных крестьян бросали деревню и уходили на производство. Их причисляли к категории «самораскулачившихся» в дополнение к числу ликвидированных «кулаков», которых в обозах и эшелонах гнали на Север. В связи с этим плач и стон стояли по всей стране.

Государственные органы были завалены письмами людей, протестующих против высылки, считающей ее произволом местных властей, злых языков своих соседей и т.п. Описывались невыносимые условия содержания ссыльных, высокая смертность вследствие болезней, недоедания, особенно среди детей. Письма шли с Урала, из Восточной Сибири, Северного края. «Наши мужья отделены от нас, – писала оттуда Калинину группа женщин от имени 50000 ссыльных, – находятся где-то на лесных работах, а мы, женщины, старики и малые ребята, томились в церквах. Нас было по-

мещено в каждую церковь до 2000 чел., где были устроены нары до 3-х этажей, так что получалось сильное воспарение. Мы все остались больные от такого воздуха и сквозняка, а дети до 14 лет падали, как мухи, и медицинской помощи не было для такого количества больных. За полтора месяца на вологодском кладбище схоронили до 3000 детей, а теперь нас переселили из г.Вологды в бараки на ст.Харовской Северной железной дороги и в разъезд 573 км. Михаил Иванович! Если бы вы посмотрели жизнь в бараках вы бы пришли в ужас. В этих бараках прожить года два и ни одного из нас не останется в живых. Бараки построены в лесу, в сыром месте, имеют по четверти метра воды. Бараки эти построены из тесу и крыты соломой, так что ветер кругом свистит. Нас в каждый барак заселено по 150 чел. Из продовольствия ничего не получаем, кроме хлеба три четверти фунта, а приварки никакой. Мы взяли с собой продовольствия, но когда увозили, у нас его отобрали в Вологде местные власти, но мы не считаемся с этим, что сало, муку белую отдали, а нам теперь ничего не дают, кроме одного кипятку...»²⁰

Кроме осознанного протеста, то, что творилось, вызывало порою и обыкновенное людское сочувствие и жалость. Появление ссыльных в ряде северных городов не прошло мимо внимания местных жителей. Особенно много писем поступало из Вологды, через которую проходил один из главных маршрутов этапирования ссыльных. Группа рабочих и служащих города писала Калинину, что «отправляли их в ужасные морозы — грудных детей и беременных женщин, которые ехали в телячьих вагонах друг на друге и тут же женщины рожали своих детей (это ли не издевательство); потом выкидывали из вагонов как собак, а затем разместили в церквях и грязных, холодных сараях, где негде пошевелиться. Держат полуголодными, в грязи и вшах... Не удивительно, что ежедневно умирает по 50 чел.»²¹ То же самое сообщали другие очевидцы, чаще под вымышленными фамилиями. «Граждане города Вологды обращаются к Вам с просьбой об установлении человеческих отношений к высланным разных губерний, — они находятся в ужасных, кошмарных условиях, хуже скотского. Все церкви города Вологды отобраны... и заселены высланными, здесь холод и голод; церкви совершенно не отапливаются, нары из сырого тесу, и вот в таких условиях находятся дети; нары устроены в три этажа, а в Прилуцком монастыре в шесть этажей и оттуда сваливаются люди, хоронят их, как скотину — без гробов. Уборные малы и народ испражняется на воле, открыто, это грозит неминуемой эпидемией — тифом. Защитите как вологжан, так и ссыльных от моровой язвы.»²² В одном анонимном письме в «Правду», присланном из Архангельска, указывалось, что «... если мы экономически уничтожаем кулака, то физически уничтожать их детей — это варварство; у нас на Севере дети высланных начинают умирать десятками, общественность гудит..., сосланные живут в самых ужасных условиях, для больных детей создан специальный барак, из помещения выгнали школу, столовые для сосланных закрыты и пайщикам запрещают помогать ссыльным, детские трупы возят на кладбище уже по 3-4 трупа и даже без гробов, а в ящиках.»²³ В другом письме, за неразборчивой подписью, пришедшем из Северо-Двинского округа Северного края, говорилось: «... О высланных нужно позаботиться, они на краю гибели, лучше их живут великие преступники, а эти высланы

за трезвость, за мозольный труд, народ выслан бедный, простой, совершенно невинно.»²⁴ «Обыватели» г.Енисейска (Восточно-Сибирский край), привыкшие к виду ссыльных еще до революции, были поражены, когда в город «наслали тысячи семейных крестьян, набили ими дома. Дают 300 г. хлеба взрослым и 200 г детям и больше ничего. Даже кипятку не дают. Крестьяне осаждают жителей города и деревни нищенством и надрывают всем сердце словами и горем своим. Начались болезни среди них от голода и скученности, вот-вот вспыхнет эпидемия тифа.»²⁵

Даже органы ОГПУ, непосредственно отвечавшие за раскулачивание, докладывали о ненормальности сложившейся ситуации, о массовых побегах. Всю вину за это они возлагали на хозяйственные организации, в чьем ведении находилось использование ссыльных в качестве рабочей силы. В мае 1931 г. управление спецпереселенцами было целиком передано ОГПУ в специальное управление ГУЛАГа. Последовал цикл централизованных мероприятий по упорядочению дел со спецпереселенцами, однако положение мало менялось к лучшему.

В поступающих письмах прямо указывалось на возникновение кризиса в стране, на запущенность легкой индустрии, на то, что взяли слишком высокие темпы коллективизации, содержались упреки в гигантских скачках. Об этом, например, писал от имени многих коммунистов И. Стукачев из Баку.²⁶ Встречались рассуждения о том, что «правы правые [Бухарин, Рыков, Томский, призывавшие к более умеренным темпам социалистического строительства], а не партия», что по всей стране «сплошное ухудшение.»²⁷

Между тем массовый исход из деревни принимал все более широкие масштабы, позволяя обеспечивать строительные объекты первой пятилетки дешевой, а подчас и почти даровой рабочей силой. Многие стройки в то время напоминали таборы кочевников-цыган. За годы «социалистического наступления» до середины тридцатых годов из деревни в город перешли миллионы людей. Многократно увеличилась численность рабочих, занятых на стройках, заводах и фабриках. Видимо, не случайно основной поток мигрантов пришелся на 1931 г., когда в города ушли 4 миллиона сельских жителей. Среди них постоянно увеличивалась доля колхозников.

Что же заставляло людей бежать из колхозов — «оплота социализма в деревне»? Документы рассказывают, как на деле происходило становление колхозной системы и почему люди всячески стремились избежать колхозной участи. Наверное, были и успешно организованные колхозы, на чем делала упор пресса, всемерно пропагандируя этот положительный опыт. Однако внимательный анализ поступающей с мест корреспонденции говорит, что начало колхозного строя почти повсеместно сопровождалось падением производства, бестолковщиной, организационной неразберихой и довольно острыми социальными конфликтами. Как писал в «Правду» упомянутый корреспондент из с. Дабужи Калужского округа:

Раньше мы только слышали о них [о колхозах], а теперь мы с ними очень знакомы. Мы теперь посмотрелись на ихние жизненные порядки: один коллектив у нас в селе, другой во второй деревне Боранкове. Это — коммуна, ну и что там делается, да на них насмеешься и заплачешься. Порядки там таковы: споры и брань нередко доходят до драки. А почему, да потому, одни хотят трудиться,

работать, а другие прямо говорят, на черта все сдалось, вот какой факт. Я знаю, что вы на это скажете, что там есть кулаки, которые все дело портят. Нет, а дело портят те лентяи, которые не хотят работать. Теперь мы не знаем, какие есть другие коллективы, или коммун. А наша коммуна никуда не годится. А поэтому видно, что улучшения жизни быть не может. А о поднятии урожая и думать не приходится, таким путем поднять урожай нельзя. Да ведь каждому ясно видно, что нынче меня разорили, а на завтра соседу то же будет, а кто ж тогда будет улучшать свое хозяйство, да ясно, что никто. К нам приехал хлебозаготовитель, и начал вынуждать у нас хлеб, то мы ему сказали, что «слушай, уважаемый, вы сегодня у нас возьмете, а завтра нечего будет везти, потому что у нас не будет охоты приготовить».

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.100. Л.55. Копия. Машинопись.

Письмо прямо говорит об отсутствии материальных стимулов в колхозной работе и о пагубных последствиях насильственной ликвидации индивидуальных крестьянских хозяйств. Между тем газеты непрерывно сообщали, что в той или иной местности крестьяне сами принимали резолюции об образовании новых колхозов, о том, как успешно они работают по сравнению с единоличниками. Механизм подобных «достижений» раскрывается в одном из писем, направленных в «Правду» из Нижне-Волжского края. Возражая против утверждения, что «всякия пожелания перехода в колхоз в формах резолюций в печать присылают сами колхозники», автор «в противовес этому, в доказательство составления подобных резолюций» приводит следующую «картину»:

В одном селе я наблюдаю выставку. До осмотра экспонатов — митинг. Говорят речи: представитель рика, агроном, избач, председатель сельсовета и секретарь; представитель рика и агроном — о государственных достижениях и притом расхваливают колхозную совместную обработку земли и ее преимущества перед частной обработкой и прочее. Члены сельсовета говорят о достижениях данного села. Когда представитель рика кончил свою речь и начали говорить другие, то он начал писать резолюцию о пожелании устройства земельного общества. Кончив писать, читает, что земельное общество берет на себя распространение займа индустриализации на каждый двор, в текущем году хочет организовать два крупных коллектива и проч. Кончил читать — просит крестьян говорить с мест. Кто за и кто против? Все молчат, никто ни слова. Встает избач, повторяет этот вопрос, опять молчание. Представитель рика говорит — значит, все согласны? В толпе смех. Вот неопровержимая картина самотечного колхозного движения. Вот какие сведения дают в печать о колхозном движении и ими руководствуется партия, большая часть из них — вымышленные фальшивки, составленные такими партийцами, кои преследуют личную цель своего выдвижения, а молчание крестьян — результат нежелания и запуганность шпионажем, ссылками, тюрьмой, штрафами, конфискацией и разными тяжкими налогами.

Далее — осмотр экспонатов. Характерная оценка их: по садоводству представлены яблони 2-3-х летки, одни частным крестьянином, а другие — от колхоза. Председатель — агроном с оценочной комиссией, осмотрев колхозные яблони, подошел к крестьянину и говорит: «Хотя эти яблони и корнями и кроной лучше колхозных, но колхозу по классовой линии преимущество». В толпе опять смех. В результате — колхозу премия, а крестьянину — диплом. Значит, по классовой линии белое перелagать на черное, а черное на белое, и тут в оценке — прямая фальсификация. Крестьяне-спецы поняли эту фальшивую оценку и то, что местная власть через агрономов ставит своей целью — выставкой доказать

сельскохозяйственное достижение деревни и что эти достижения якобы произошли не от крестьян-спецов, а от деятельности местной власти. На самом деле ни в одну отрасль середняцкого хозяйства никто не заглянул [ни] одним глазом и [не] стукнул палец о палец, кроме составления канцелярских диаграмм, и потому назначенные во многих селах выставки не состоялись. Брошенная агрономом при оценке яблонь фраза — есть не что иное, как тонкая насмешка над классово-линейной партией. Вот чем дышат все ученые, состоящие на службе в Союзе и их лозунг, как и у крестьян — собственность. По поводу этого крестьяне говорят, что у нас в центре у власти сидят бывшие помещики и нам мстят за отнятые у них земли и поместья. В подтверждение этого в крестьянстве распространены такие рассказы: что с такой-то деревни требуют много хлеба. В Москву ходили ходоки просить о сбавке с деревни хлеба, когда указали им лицо, у кого нужно просить, они узнали в нем своего помещика. Когда ходоки объяснили причину их прихода и количество хлебного налога, то помещик сказал: мало этого, у вас нужно все отнять и отнимем, за то что вы у нас отняли землю и поместья...

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.100. Л.60. Копия. Машинопись.

Трудно сказать, действительно ли ходоки, просившие о «сбавке» налога, узнали в ответственном лице своего помещика, но то, что колхоз напомнил крестьянам не только о помещиках, но и о крепостном праве, есть немало примеров.

Очень часто тот факт, что дела в колхозах не идут на лад, объяснялся происками «кулаков и других классово чуждых элементов». Кстати, это был наиболее излюбленный сюжет в советской литературе, посвященной колхозному движению начала 30-х годов. Были, действительно, и убийства колхозных активистов, и избиения, и саботаж колхозной работы. Об этом часто сообщалось в секретных сводках, но не только об этом. Так, член рабочей бригады «Крестьянской газеты», кандидат в члены ЦК ВКП(б) М.П.Кичигин писал:

В деревне Дубинки Лавровского сельсовета Шиловского района Елецкого округа ЦЧО в 1928 г. организовался колхоз, вошло туда 42 двора, но в число этих попали кулаки, как-то: Губанов Г.А. — раньше имел мельницу, Шеин П.П. — бывший офицер, Шеин П.Г. — до революции имел купчую землю и ряд других, которые вошли в колхоз с целью избежать больших налогов и раскулачивания, к которому оно всецело подлежало. Главный же вредитель колхоза «Победа» является председатель этого колхоза Митрофанов Никифор Арсентьевич — в прошлом офицер, подпоручик, с 1924 по 1927 год имел мелочную бакалейную торговлю, а теперь вместо хорошей работы только пьянствует и разлагает остальных членов колхоза.

Пьяные выходы его доходят до дерзкого хулиганства. Например: в 1929 г. во время покоса пьяный затоптал одну женщину с группой членов колхоза, стучался в двери к женщинам Шеиной В.Р. и Шеиной А.В. и, когда те не открыли двери, приказал бить окна, говоря «этой за мой счет».

На «Георгия» (23 апреля) загнал жеребца-племенника, подавали неоднократно в РИК заявления, но все безрезультатно, так как видно есть «заботливая рука», которая его держит, а он, пользуясь этим случаем, пьянствует каждый день, играет в карты, имея при себе по 900 руб. казенных денег.

Когда у него спросили, зачем он носит с собой столько денег, он ответил: «Единоголичники хотят устроить на меня «Варфоломеевскую ночь», поэтому я всегда держусь наготове, чтобы удрать отсюда с деньгами.»

В колхозе есть рабочий бригадир Барский, работает счетоводом, наладил хорошо отчетность колхоза, так как в прошлом году было все запущено. Тов. Барский не раз заявлял в РИК на Митрофанова, но результатов никаких нет.

Хотя, впрочем, результаты есть.

Барского хотят исключить из колхоза и добьются своей цели, если во время не прекратить их пьяную «оргию».

Еще один случай подлости Митрофанова — купил весной племенного быка для колхоза в селе Торнясове и подписал хозяину быка счет на 100 руб. больше, чем это нужно. Заявляли в РИК, но результаты те же.

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.296. Копия. Машинопись.

А вот любопытный документ, воссоздающий своего рода панораму колхозного строительства в Белоруссии:

тт. Ежову и Юркину**.*

*По поручению тов. Гринько*** направляю Вам выписки из секретных сводок последнего времени о недочетах в колхозном движении БССР с тем, чтобы с ними ознакомить инструкторов (коммунистов), командированных в районы БССР и для принятия соответствующих мер по исправлению недочетов, характеризующихся приводимыми ниже фактами.*

Подпись: Шахов.

26 сентября 1930 г.

Получено Колхозцентром 27 сентября 1930 г.

В Старобинском районе Бобруйского округа предколхоза «Колосс» Герасимов Г. в 1921 г. занимался бандитизмом, а в 1923-24 гг. — контрабандой. В Лепельском районе в должности председателя колхоза «Перемога» состоит бывший бандит и конокрад Ващенко. В Копыльском районе Минского округа председатель колхоза «Коммунар» Зенько Викентий в прошлом дезертировал из Красной Армии и за контрабандную деятельность отбывал 8 месяцев тюремное заключение. В Витебском районе того же округа предколхоза имени Красной Армии Ермолаев — сын попа-старообрядца. В Междинском районе предколхоза состоит крупный кулак Жуковский, имевший до революции 65 десятин земли.

В колхозах «Искра социализма» и «Свобода» Рогачевского района Бобруйского округа полная бесхозяйственность с сельскохозяйственными машинами.

В Житковичском районе Мозырского округа пред. Детовского колхоза Транцевский распродал колхозную розь.

В Горецком районе Оршанского округа секретарь колхоза «Боец» Гошман разбазаривает кулацкое имущество, переданное колхозу, передав в собственность своим знакомым 2 кабана и 12 поросят. Он же из кулацкого хлеба, переданного колхозу, гонит самогон.

В Кричевском районе Могилевского округа вследствие нераспорядительности правления колхоза погибло 500 пудов отобранного у кулаков и переданного колхозу зерна.

В колхозе имени Сталина Соснянского района Витебского округа правление полученную мануфактуру распределило между зажиточными, а беднякам ничего не досталось. Предколхоза Васильевский взял себе лучший кусок.

В Толочинском районе Оршанского округа предколхоза «Ясная поляна» Плескин промтоварами удовлетворяет в первую очередь свою родню-середняков. В результате многие бедняки вышли из колхоза, причем оставшиеся в колхозе середняки заявляли: «Можете уходить все, мы вам еще водку поставим, чтобы только вышли.»

Предколхоза «Коммунар» Бельнического района Могилевского округа Бурский выдает родственникам высланных кулаков различного рода справки на предмет возвращения кулаков.

Предколхоза «Полесская заря» Круглянского района Оршанского округа Демьянович в самый разгар полевых работ предоставил группе колхозников 5 лошадей для поездки на католическое богослужение в м. Бобры за 25 верст и лично сопровождал этих колхозников.

Пред. правления и член правления колхоза «Новый свет» Витебского района Баранков и Мисерских все время пьянствуют и хозяйственной деятельностью колхоза не интересуются; в том же районе пред. молочной артели Осипов часто возвращается из города мертвецки пьяным. Артель быстро идет к развалу. Вместо 900 л молока, сдаваемых артелью в июне месяце, теперь она сдает только 500 л.

В Кайдановском районе Минского округа предколхоза «За власть Советов» Бутягин (член ВКП/б/) систематически пьянствует и дебоширит, стреляя из нагана. За замечание, сделанное ему комсомольцем Шульшинским, последний им исключен из колхоза.

В сельхозартели «Пламя» Мстиславского района Оршанского округа вследствие грубого обращения с членами артели со стороны секретаря ячейки Звеневица лучшие работники-бедняки вышли из артели, которой грозит развал. Вся деятельность Звеневица направлена против коллективизации. В прошлом он служил военным чиновником, а в 1929 г. был снят с работы секретаря сельсовета как антисоветский элемент.

В Смолевичском районе Минского округа предколхоза «Комсомольская воля» Чикун (кандидат партии) держит себя большим начальством и отказывается разговаривать с колхозниками. Существует зажим самокритики; колхозникам-активистам, проявляющим попытки осуществить самокритику, Чикун угрожает исключением из колхоза.

В Чашникском районе Витебского округа предколхоза член ВКП(б) Каштаньенов больше разгуливает со своей женой, чем работает в колхозе.

В Полоцком районе того же округа предсельхозартели имени Ленфлота Капионов и его помощник Фрейдонзон никакого участия в работе артели не принимают, что вызывает недовольство колхозников.

Предколхоза «Победа» Пропойского района Могилевского округа рабочий Сормовского завода Баранов, не имея ни малейшего понятия о практической работе в сельском хозяйстве, проводит работу путем администрирования. В результате этого из колхоза вышло 9 хозяйств.

В колхозе «Коммунар» того же района рабочий-сормовец Иванов крайне груб в обращении с колхозниками. В стенной газете был помещен в изображении царского генерала. В результате его работы из колхоза выписалось 21 хозяйство.

Председатель колхоза имени XII съезда Толочинского района Оршанского округа Пекарский, минский рабочий, член ВКП(б) все время пьянствует и проводит время в пьяной руготне с колхозниками. В Копыльском районе председатель садово-огородной артели Санкович, рабочий, член ВКП(б), грубо обращается с членами артели и руководство осуществляет административным путем. Авторитетом не пользуется.

Колхозники коммуны «Заря», справляя на кладбище религиозный праздник, были все поголовно пьяны. Во время пьянки загорелся колхозный ток, причем погибло много сельскохозяйственных машин; в колхозе имени Сталина Суражского района происходит торговля водкой, колхозники часто напиваются до безобразия и устраивают буйства.

В колхозе «Красный луч» Ключевского района Бобруйского округа колхозник Садовский с ведома предколхоза продал 150 пудов колхозного картофеля. В связи

с этим колхозники говорят: «У нас не колхоз, а грабильовка, все тащат, а наш начальник об этом знает, но мер никаких не принимает».

В некоторых районах на почве отведения лугов колхозникам, единоличникам объявляют бойкот колхозникам. Крестьяне-плотники отказываются работать на колхозных постройках. Во время пожара в одном из колхозов (Красно-Слободской район Бобруйского округа) крестьяне говорили: «Чего туда ехать, если один или два колхоза сгорят, то черт их поберет, лишь бы люди не сгорели».

В деревне Чижевичи Старобинского района Бобруйского округа взаимоотношения единоличников с колхозниками резко обострились. Скот колхоза «Свобода» вынужден стоять в помещениях, так как единоличники препятствуют выпуску скота на пастбище.

В деревне Ростково Лядненского района Оршанского округа единоличники приступили к организованному покосу лугов, принадлежащих колхозу «Красный день».

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.226-225(об). Подлинник. Машинопись.

* В то время – один из зам. Наркомзема СССР.

** Т.А.Юркин – в то время председатель Колхозцентра.

*** Г.Ф.Гринько – в то время один из зам. Наркомзема СССР.

Как видим, картина возникает довольно сложная, противоречивая и неприглядная. Только происками «классовых врагов» ее не объяснить. Здесь – и типичное поведение «колхозного актива», и «авангарда» рабочего класса в лице 25-тысячников, посланных в деревню для организации колхозов, и «растаскиловка», и массовое пьянство, и столкновения между колхозниками и неколхозниками. О том, что колхозы становятся «пугалом для единоличников», сообщалось из Великолукского округа Ленинградской области, Тутаевского района Ивановской области из колхоза им.ОГПУ.²⁸

«Твердое задание» буквально «дамокловым мечом» висело не только над каждым единоличником, но и над каждым колхозником, мечтающим сохранить остатки экономической самостоятельности. В Новосильском районе в с.Трехонетьево работники сельсовета во главе с зам. председателя Давыдовым вынуждали колхозников давать взятки, угощать выпивкой, а тем, кто им в этом отказывал, грозили твердым заданием, которое на отдельных колхозников и наложили, сразу же отобрав у них коров. В своем заявлении о перегибах группа колхозников писала: «Мы вынуждены просить защиты от местной власти... Наша деревня состоит из 48 дворов, все в колхозе. В этом году 15 хозяйств были искусственно доведены под твердое задание, у них отобрано абсолютно все – овцы, куры, чугуны, дерюги и даже чурки». Указывалось, что в данном случае перегибщики были привлечены к ответственности.²⁹

Как видим, «перегибы» в колхозном строительстве продолжались и после публикации сталинской статьи. Вот еще несколько сообщений на эту тему. Единоличник П.Н. Самсонов из деревни Любовька Бондарского района писал, что у них в деревне к июню 1931 г. колхоз состоял из 60 хозяйств. Вне колхоза было лишь 15 хозяйств. Председатель сельсовета и правление колхоза с целью вовлечения остальных хозяйств в члены колхоза стали ходить по домам и требовать вступления в колхоз. Единоличники отказались. Тогда председатель колхоза Петров и школьный учитель в пья-

ном виде явились к Самсонову, арестовали его, посадили в принадлежащий ему амбар и закрыли на замок, а освободили лишь после заявления его тринадцатилетнего сына о вступлении хозяйства в колхоз. Арестованы были и другие единоличники, которых держали под арестом двое суток и освободили лишь после их заявления о вступлении в колхоз.³⁰

К.В.Галкин из с.Талые Ключи Чернушкинского района Уральской области сообщал, что из-за непорядков в колхозе «13 лет Октября» из 107 дворов вышло 24 двора бедняков и семей красноармейцев. Непорядки состояли в том, что «правление в полном составе пьянствовало; из 100 лошадей в течение зимы убыло 40 лошадей, часть подохла, кормили соломенными крышами, тогда как осенью корма запахали в поле. Из 100 маток свиней и 50 подростков осталось 32 матки и подростка, а прочие погибли или порезаны и съедены правлением и его родней. На мясо правление резало коров и лошадей, а членам колхоза мяса не давали...». Жалобы в райколхозсоюз и даже статья в райгазете не дали никаких решительных последствий и правление продолжало «хозяйствовать», разделяя продукты между ближними людьми. 15 десятин земли оставались незасаженными, под пары была обработана лишь третья часть. Разрешение райколхозсоюза дать землю из колхозного клина в обработку единоличникам не возымело действия. Колхоз работать на ней не дал и земля осталась пустая.³¹

Нарастал поток жалоб на перегибы в хлебозаготовках, повлекшие к изъятию семенного материала и продовольственного фонда колхозов, шли заявления по поводу возврата коров, взятых в порядке обязательных мясopоставок, о возвращении имущества, изъятого за штрафы, наложенные за неправильно данные твердые задания по заготовкам. Значительное количество обращений касалось принудительного обобществления коров у колхозников. Продолжали поступать заявления о выходе из колхозов.

Однако выход из колхоза становился большой проблемой. Чтобы уйти из него на производство, надо было получить справку у колхозного правления или у сельской администрации. Не удивительно, что в 1932 г. поток беженцев из деревни резко сократился. В этих условиях колхозное начальство стало часто прибегать к практике исключения из колхозов, которое создавало для человека сложную, практически безвыходную ситуацию из-гоя. Вот, например, типичное сообщение об исключении из колхоза:

Н.Д.Андреанов из с.Бояркино (колхоз «Труженник» Средне-Волжского края) в 1931 г. вступил в колхоз, в апреле 1932 г. поехал в Москву, поступил чернорабочим на строительство завода «Шарикоподшипник» с зарплатой 70 руб. В начале июня получил сообщение, что его и жену исключили из колхоза за отъезд без спроса на работу. На просьбу выдать постановление получил устный ответ: «Раз ты у нас не спрашиваешь, когда уходишь, то и с нас не спроси». Между тем у заявителя в колхозе осталась семья, которой необходимо было как-то существовать.

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.236. Л.74. Копия. Машинопись.

Вот еще несколько сообщений на эту тему. Колхозник М.П.Нестеров из д.Норинской Дятловского сельсовета Няндомского района жаловался, что он исключен из колхоза по мотивам срыва лесозаготовок, на которые

он был направлен колхозом в качестве бригадира. Нестеров указывал, что он по болезни не мог выполнить работы по лесозаготовкам, а ушел в Москву на заработки, поступил на «МОГЭС». Райколхозсоюз, куда направили жалобу Нестерова, не рассмотрев ее, выслал постановление правления колхоза: «Жену Нестерова Марию оставить в колхозе и [заставить] порвать связь с мужем Нестеровым, а также и с остальными членами семьи.» Колхозник М.Е.Суслин из д.Алмасово Вознесенского района Нижегородского края писал, что его исключили из колхоза за «бузотерство», которое выразилось в критике работы правления на собраниях колхозников. Непорядки в колхозе заключались в разбазаривании семенных и других фондов, приеме в члены колхоза кулака, тестя председателя колхоза, впоследствии сосланного, и т.д.³²

Колхозник Н.И.Баранов из с.Большое Ротино Молоковского района Московской области поступил на строительство завода им.Молотова в Ленинграде в качестве бригадира землекопов, где «закрепился» до конца пятилетки. В январе 1932 г., во время отпуска, Баранова избрали бригадиром в колхозе и предложили ему в 7-дневный срок получить на строительстве расчет и явиться на работу в колхоз. В этот срок Баранов не явился. 24 марта 1932 г. общее собрание колхоза постановило: «Ввиду истечения отпуска наложить на Баранова штраф в сумме 100 руб. и 30 трудодней и возратить полученный паек 1.5 ц в трехдневный срок, а деньги — в месячный. Если в указанный срок не будет уплачено — исключить из колхоза со всей семьей». Затем правление колхоза за неуплату штрафа и пайка взломало сундуки и изъяло имущества примерно на 1900 руб., намереваясь его продать. Жена Баранова обращалась в райколхозсоюз, но ответа никакого не получила. Затем по этому поводу в райколхозсоюз обращались и сам Баранов и администрация его завода, но безрезультатно.³³

О неполадках, безобразиях, злоупотреблениях свидетельствует и сводка об организации труда в колхозах, составленная «Крестьянской газетой» в сентябре 1930 г.³⁴ Справедливости ради следует сказать, что в ней есть сведения о шести хорошо работающих коллективах, регулярно выполняющих план хлебозаготовок, с налаженной отчетностью и бухгалтерией.³⁵ Однако, эти короткие сухие сообщения буквально «тонут» в потоке негативных фактов. Говорилось о вредном влиянии уравниловки в оплате труда, о плохом содержании колхозного скота и имущества: «лошади худые и грязные», «телеги и сани неисправны», «упряжь валяется без присмотра». В письме Чепуркова из д.Дурновки Солнцевского района Курского округа говорилось, что «колхоз «Красная бронь» при д.Покровка следует занести на черную доску. Колхоз этот является паразитом. Никакого учета работы нет и каждый кладет себе в карман». Отмечалось, что работа не идет, потому что нет дисциплины, а бригадир вместо направления колхозников на работу ловит рыбу. «Колхозники пьянствуют и ругаются матерно при женщинах. Комсомольская ячейка выделила в помощь колхозу 4 комсомольцев, но этого даже никто не заметил.»³⁶

Некто Чвырев описывал общее собрание в Стрелецко-Пушкарском колхозе Рязанского округа. На повестке дня стоял вопрос о подготовке к сенокосу, а также утверждение протоколов заседания правления. По требо-

ванию собрания рассматривался вопрос об учете рабочего времени. Как выяснилось, учет поставлен был безобразно. Одни работали больше, а получили меньше, чем другие, и наоборот. Колхозников постоянно обсчитывали. В колхозе было 2 плотника, каждый получал по 40 руб. Один из них, Бокарев, в часы работы преимущественно гулял по рынку или сидел и раскуривал в канцелярии правления. Когда колхозники критиковали членов правления, те тут же предлагали занять их место. Выговоры колхозникам выносились безо всякого основания.³⁷

Очень тяжелым оказывалось и материальное положение колхозников, лишенных традиционных источников крестьянского существования, на которых теперь как бы распространялась карточная система через потребительскую кооперацию, причем явно «ублюдочного» свойства.³⁸ Об этом говорилось в одном из писем:

Крестьянин, вошедший в колхоз, с производством ни с каким кроме не связан, на кооперативной членской книжке имеет букву «В»; крестьянин, член колхоза, служащий в каком-либо производстве — на кооперативной членской книжке имеет букву «Б». Буква «Б» получает 5 метров мануфактуры на едока, а на главу семьи - 10 метров. Сахару — 1500 г на каждого едока, буква «В» ничего из мануфактуры не получает, а если и получит по 5 метров в течение 3-х месяцев, независимо от количества членов семьи, а сахару 200 г на каждого едока в месяц. Даже сами члены партии ВКП(б) смеются над такой ненормальностью... и в результате получается, что каждый старается оставить колхозную работу по обработке земли и устроить свое благополучие где-либо на производстве...

РГАЭ. Ф.7486с. Оп.1. Д.100. Л.140. Копия. Машинопись.

Может быть, некоторые партийные работники и смеялись над ненормальностью подобной политики, однако сам документ свидетельствует о неравенстве колхозников, которые, как и прежде единоличные крестьяне, чувствовали себя ущемленными. Речь идет о явлении, ставшем на долгие годы одним из наиболее устойчивых в политике по отношению к колхозной деревне с далеко идущими, между прочим, последствиями.

В то же время на колхозы, помимо обязательных поставок сельскохозяйственных продуктов, распространялись и другие многочисленные обязательства. Колхозники жаловались, что сверху идет директива за директивой по установлению сборов: в паевые фонды, отчисления в неделимые фонды колхозов, на страхование, обязательные вклады в сберкассах, на обслуживание тракторными бригадами МТС и т.п.³⁹

Положение на государственных предприятиях в деревне: совхозах, госхозах и МТС, которых было пока еще очень мало, было нисколько не лучше. Одним из преимуществ новой деревни, как утверждала пропаганда, было применение в широких масштабах машинного труда. Техники, однако, было крайне мало, а поступающая с заводов была еще крайне низкого качества. Необходимые для ее обслуживания кадры практически отсутствовали, везде не хватало запчастей. Эти объективные трудности руководство пыталось решить административными и карательными мерами. В источниках сообщалось, что за недостаток запчастей судили механиков, что «лучшие работники, пропитанные сажей, бегут с тракторного фронта», что

в ремонтных мастерских каждый день меняются люди.⁴⁰ К тому же оплата труда МТС была для колхозов крайне обременительной. Колхозники опасались, что «за работу тракторами весь урожай заберет государство.»⁴¹ В одной из местностей Нижне-Волжского края ходила частушка, посвященная тракторной колонне МТС:

*Эх, колонна ты колонна,
Ты зачем сюда пришла?
Кроме Каменки, Кривушки,
Дураков ты не нашла.*

Проведение коллективизации сильно отразилось на сельскохозяйственном производстве. Больше всего пострадало животноводство, вследствие массового забоя скота при вступлении крестьян в колхозы. С производством зерна положение выглядело несколько иначе. По официальным данным, в 1930 г. (год исключительно благоприятный по погодным условиям) было собрано 84 млн. т зерна, в 1931 г. — 70 млн. т., в 1932 г. — 67 млн. т., в 1933 г. — 68 млн. т. Цифры вроде бы и немалые, однако достигнуты они были на фоне развала индивидуального крестьянского сектора и организационной неразберихи в колхозном строительстве. Государственные хлебозаготовки тем не менее непрерывно росли путем усиления силового давления на деревню. Это означало, что для внутреннего потребления сельян продуктов оставалось все меньше и меньше. Хлеб зачастую, минуя колхозные амбары, шел на государственные хлебозаготовительные пункты. В результате все более явственно вырисовывались признаки пауперизации и обнищания деревни и наступающего голода.

С мест поступали сообщения такого типа «Люди села Тарасова [Красноярский район Средне-Волжского края] голодают, с голода пухнут и на днях один умер с голода. Некоторые уезжают в г.Козлов на заработки и на покупку хлеба и дома остались, как во время войны, — только женщины, дети и старики. Все проклинают советскую власть и уезжают на производство. Не знаем, как будет с третьей большевистской весной, потому что не то[лько] семян, а даже людей и тягловой силы не будет.»⁴²

Сообщения о голоде поступали из Казахстана, из Ленинградской области, из Калмыкии. Вот сообщение «ликвидатора неграмотности» В.И. Гайдамаки: «1931 г. стал годом развития нашего колхоза. В этом году мы собрали около 500 т урожая хлеба, посеяли 625 га озимых, улучшили животноводство. План хлебозаготовок 3250 ц выполнили на 100%, но многие колхозники остались на 1932 г. голодными, так как оставшиеся 5 т хлеба не только не обеспечивают продовольствием 300 колхозных едоков, но и площадь весеннего сева (890 га) остается необсемененной... Колхозники группами уходят на заработки с намерением забрать потом к себе семьи. Уходят ночами, чтобы правление колхоза не задержало их на многие невыполненные колхозные работы. Уходят также комсомольцы и кандидаты партии. За последние 10 дней из колхоза ушло около 30 человек... Весенний план под угрозой срыва.»⁴³

Примерно такие же письма шли из Северо-Кавказского края, в частности из совхоза «Гигант» в Сальских степях, успехи которого прежде широко пропагандировала пресса.

Из станицы Чамлыкской бывший красноармеец В.М.Ковальчук сообщал:

Я пишу не как пасующий перед трудностями, не как враг советской власти, а как человек, который ее завоевал.

В Чамлыкском районе есть один колхоз, по величине второй в крае, выполняющий 300 тыс. пудов хлебаготовок, но беда в том, что это социалистическое хозяйство тает, как весенний снег, люди из колхоза бегут, кто куда. В колхозе забрали весь хлеб и оставили немножко кукурузы, которой люди и питаются. Это и есть результат неизбежного развала колхоза — [вот] ведь какое безобразие!

Колхоз сеет пшеницу и питается кукурузой. Настроение у всех почти антисоветское. Да ведь, дорогие товарищи, возьмите любого из нас, посади на одну кукурузу без жиров, одень в тряпье, башмаки без подошв и гони на работу в степь, когда мороз 25 градусов; любой из вас настолько стал бы уклонистом, что ругал бы все и вся.

Вот такой пример. У нас на станице Чамлыкской земли 13000 га, до революции было людей 12000 и сейчас — 8000. Людей убавилось — остальным не под силу убирать, в итоге тысячи га разных культур гниют в степи, зарастают сорняком.

Народ стал какой-то злой, на коммунистов смотрят косо — ячейка потеряла авторитет. Члены партии тоже. Сейчас идет контракция курей, это тоже усиливает злобу у крестьян. Из людей, борющихся за советскую власть, делают людей, которые уже против советской власти, потому что у них отобрали хлеб до зерна, им жрать нечего. Каждую ночь из станицы убегают 7-10 хозяйств. Это от хорошей жизни. Я себе позволил высказаться по-товарищески, в массах я говорю иначе, так, как говорит советская власть.

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.236. Л.8. Копия. Машинопись.

А вот анонимное письмо из станицы Новочеркасской:

Газета «Известия», ответь на вопрос, правда ли, что есть распоряжение, чтоб колхозников всех на производство, а на их место поселить иностранцев. Поэтому будто бы власть забирает весь хлеб и не оставляет на пропитание и на посев, чтобы колхозники сами побросали колхозы и ушли на производство. Дальше, всех трудоспособных лишают пайка, чтобы скорее подошли, а не мешали строить социализм. Детям колхозников дается хлеб ячменный пополам с отрубями 100 г на ребенка и больше ничего, потому что из русских нельзя построить социализм, чтобы остались одни сильные, а слабые подошли.

Чтобы все колхозники шли на производство — это верная политика, а насчет слабых — неверная. Потому что слабее всего новорожденные ребята, у которых мать голодная и кормить грудью не может. Значит, [что только] дети старше двух лет выживают, и молодняка не будет.

Мы, колхозники, не верим, чтоб высшая власть забрала у нас весь хлеб, даже семенной, ходатайствуем перед риком, нас посылают в Новочеркасский район, там и слышать не хотят. Уже начался март, а наш колхоз не знает, получит ли хлеба на посев, али нет. Вот тебе и колхоз — без хлеба, без посева! Газета «Известия», не отнимай ты у нас веру в то, что колхозы ведут нас не к гибели, а к лучшей жизни, и что если мы голодаем, не виновата власть, а местные заправилы. Газета «Известия», хочь для грудных детей пшеничного хлеба, хотя бы посеять, а то еще хуже будет.

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.236. Л.4-5. Копия. Машинопись.

Аналогичные письма поступали из Зап. Сибири, где в 1931 г. случился недород, однако план хлебозаготовок выполнялся неукоснительно. Один из авторов призывал газеты не раздражать население, не писать о голоде в Индии. По его мнению, хорошая жизнь в СССР существует только в Москве и Ленинграде, а на остальной территории – нищета.⁴⁴ В одном коллективном письме содержалась жалоба на непосильные налоги, устанавливаемые на колхозников.⁴⁵

Колхозник А.П. Кокурин из Мордовии писал:

Я имею семью 9 чел. и что у меня было до колхоза. Я имел все продукты питания в достаточном количестве, и топливо, и одет, и обут. Имел лошадей и три головы овец. Сдавал государству 20 пудов ржи, 40 пудов пшена, овес, картофель, пеньку. Я работал в колхозе, добросовестно заработал 355 трудодней, но уже я не ем хлеб, а мякину и картошку, нам не хватает на подошвы. Мои дети почернели. Уважаемая редакция, нельзя ли как выйти из колхоза, чем погубить.

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.236. Л.6. Копия. Машинопись.

Рабочий А.П. Никишин в своем письме во ВЦИК так описывал положение подшефного колхоза в Приволжском районе Средне-Волжского края, где:

под 1931 г. была земля вся запахана и весной засеяна, и урожай был ничего – хороший. Пришла уборка хлеба, колхозники урожаем сняли благополучно..., но стали возить государству и вывезли весь хлеб. Даже большой процент зерна не хватает для обсеменения земли. Колхозники стали обращаться в правление за пайком – им отказ – хлеба нет..., и в заключение не стали давать паек почти всем колхозникам. И в настоящее время колхозники с малыми детьми пропадают от голода. Не едят по неделе и куска хлеба не видят по несколько дней. Народ стал пухнуть с голоду. Колхозники с большим трудом добывают денег, бросают семьи и малых ребят и сами скрываются. И весь мужеский пол разъехался, не смотря на то что в скором будущем наступает весенний посев. Конная сила почти вся пала, на 360 домохозяев осталось 80 лошадей и те не нынче завтра смотрят в могилу. И колхозники каждый ожидает не нынче завтра гибели от голоду, а беднякам-единоличникам еще хуже. Посев отобрали и все еле-еле двигают ноги... Такая история творится по нескольким колхозам района и это положение грозит срыву весенней посевной кампании.

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.236. Л.33. Копия. Машинопись.

Установки на подобную политику шли, разумеется, сверху, а местные руководители прилагали все силы, чтобы их исполнять, внося в свою работу изрядную долю свойственных им грубости и хамства. Некий гражданин М. Прокунин писал:

Случайным проездом через К.[инель]-Черкасский район Средне-Волжского края захожу в кабинет предрайисполкома тов. Козурова. Перед ним стоит навывтяжку предсельсовета [25-тысячник из московских рабочих], рапортует: «У меня в сельсовете [Кротовском] создалось положение, хлеба у колхозников нет, голодные конюха не кормят скот, говорят, я голодный и на печке посижу. Скот дохнет от недоедания, колхозники дохлятину растаскивают и едят». Предрайисполкома Козуров, [вместо того] чтобы поделиться мнением, дать совет пред-

сельсовета, крикнул: «Больше ко мне с такими мелочами не ездить, что вы с ума сошли: по 6 пудов получили и сожрали, и в панику бросились руководители села, приехал с этой мелочью. Я сегодня ставлю о тебе [вопрос] на бюро райкома, сделаем оргвыводы за такое отношение к делу, ишь ты, у него в колхозе хлеба нет, дохлятину едят, я председатель рика получаю 17 кг муки, мне хватает, а у него в сельсовете получили по 6 пудов на год и уже не хватило, больше ко мне с этой мелочью не обращайся, судить буду». Бедный председатель сельсовета вышел из кабинета и заплакал, как я поеду в сельсовет, когда там глаз не показывай. На грех отходники вернулись с лесозаготовок из Ульяновского района, там тоже хлеба не дали.

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.236. Л.32. Копия. Машинопись.

Для местного руководителя критическое положение в колхозе — мелочь, видимо, по сравнению с какими-то, неизвестными председателю сельсовета, задачами. Еще более сложно складывалась ситуация в 1932 г. Иван Литвинов из Новооскольского района ЦЧО писал в газету «Известия»:

По всему нашему району каждый день целыми обозами ездят украинские голодающие крестьяне, колхозники и единоличники, за какой-нибудь кусок хлеба они отдают все свое барахло, как-то обувь, одежду и все, что есть. Когда их спрашиваешь, они отвечают: «Урожай у нас был хороший, но советская власть до тех пор «заготавливала» наш хлеб, до тех пор доводила свои планы и задания до нас, пока не остались без фунта хлеба. Когда их спрашиваешь, а кто в этом виноват — они отвечают: «Советская власть, которая у нас забрала хлеб до зерна, обрекая на голод и нищету — Хуже, чем при крепостном праве.

Я сам рабочий, комсомолец с 1928 г., и удивляюсь, может ли это быть, чтобы Украина голодала при хорошем урожае. У нас тоже есть колхозы, а хлеба хватает, почему же именно в ЦЧО такое положение. Я обращаю внимание «Известий» на такое явление, потому что «голодные обозы» всюду, куда приедут, наводят панику и распространяют враждебные речи против советской власти.

РГАЭ. Ф.7486. Оп. 1. Д.236. Л.13. Копия. Машинопись.

То же самое происходило на Северном Кавказе. Иван Гусев из колхоза им. Буденного Ольховского сельсовета Новочеркасского района писал:

Колхозники колхоза имени Буденного без хлеба находятся, хлеб у нас забрал бывший Шахтинский район, а Новочеркасский район говорит: «Вы его сами отдали, дайте документы. На еду, говорят, хлеб вам не дадут, а на посев дадим.» Но как же быть без хлеба, чем мы будем питаться до следующего урожая?

Кто успел во-время удрать на производство, ему хорошо, живет и хлебушка ест, а остальные кинулись, да поздно, справку сельсовет не дает, говорит: «Все уйдете, некому будет работать. Сейчас остались голые, босые, 200 г. ячменного хлеба в день и капусту без масла кушаем. Жутко смотреть, когда здоровенный мужчина плачет, а он плачет от того, что обманули колхозом, что остался без хозяйства, без хлеба, без одежды и свободу потерял.

Нам ничего не надо, оставим свои хаты и родные места, только бы дали справку, чтобы на производство поступить, чего же нам в колхозе подыхать не евши...

РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 1. Д.236. Л.12. Копия. Машинопись.

В сводках, поступавших летом 1932 г., шли донесения о том, что стоит жаркая сухая погода, в ряде местностей посеы погибли, в других — получен пониженный урожай (Западно-Сибирский край, Уральская область). Говорилось о приписках, сокрытии засеянных площадей, приуменьшении урожаев, частых поломках техники, о низком качестве агробот, зарастании колхозных полей сорняками, запоздании с уборкой и, в результате, — громадных потерях, которые составили в разных местах от 25 до 50% урожая. Сообщалось, что на Украине потери усугублялись крайне низкой квалификацией комбайнеров. Из-за сухой погоды происходили массовые пожары, которые зачастую объяснялись поджогами. Одновременно отовсюду сообщалось о появлении «парикмахеров» — массовом срезании колосьев, о том, что чтобы как-то прокормиться, «колхозники тащат снопы с колхозных полей.»⁴⁶

Реакция руководства была незамедлительной и неадекватной. Все эти факты рассматривались как акты вредительства и саботажа. В августе 1932 г. был принят закон об охране социалистической собственности, предполагавший поистине драконовские наказания за хищения и порчу государственного имущества вплоть до 10 лет заключения и даже расстрела. Угроза выполнению плана хлебозаготовок вызвала неистовый гнев руководства ввиду явно обозначившихся трудностей в снабжении городов. Был разработан комплекс мер нажима на колхозы и крестьянство для выполнения плана хлебозаготовок. Широко использовались «черные доски», куда заносились колхозы и совхозы, районные организации, срывающие намеченные планы. Были образованы чрезвычайные комиссии, которые выгребли, что называется, «под метелку» зерно в колхозных амбарах, включая семенные фонды, в таких хлебных районах, как Украина, Сев. Кавказ, Поволжье и др. В широких масштабах применялись репрессии как против самих крестьян, не выполнивших план хлебосдачи, так и руководителей, не обеспечивших хлебозаготовки.

В результате в стране разразился уже настоящий голод, унесший миллионы жизней. Обстоятельства его сегодня достаточно полно освещены в литературе и публикациях источников. В них рассказывается о том, какие формы приобрел «голодомор» зимой и весной 1932/33 гг. Наблюдались даже случаи людоедства и трупоедства. Сотни тысяч крестьян, голодных и нищих, разбрелись из пораженных голодом районов по всей стране. Толпы людей, заполнявших вокзалы, словно призраки, скитавшиеся в поисках пропитания и подаяния, считались париями общества, кулаками, которые, как сообщалось в печати, «в целях борьбы с Советской властью нарочно голодали и умирали назло ей». По данным, найденным в архивах Н.А.Ивницким, к началу марта 1933 г. органами ОГПУ было задержано 219 460 человек, основную массу которых составляли крестьяне, которые отправились на поиски куска хлеба. Из этого числа 186 588 было возвращено обратно, остальные привлечены к судебной ответственности.⁴⁷

Вместе с тем необходимо отметить несколько моментов в связи с разыгравшейся трагедией, которые очевидны из приводимых выше документов. Во-первых, голод разразился не внезапно, а явился общим результатом агрессивной политики «социалистического наступления» как в городе, так

и деревне. Признаки его наступления явственно обозначались и ранее как следствие оголтелого нажима на деревню для осуществления задач индустриализации. Во-вторых, отличие этого голода от предыдущего, 1921/22 гг. состояло в том, что официально голод в стране не признавался и борьба с ним, позволяющая в какой-то мере ослабить урон, на государственном уровне не велась. В-третьих, голод пришелся на тот момент, когда индивидуальный сектор сельского хозяйства был практически развален, а колхозно-совхозная система переживала период становления, организационной неразберихи и хаоса. В-четвертых, считается, что никаких особых последствий произошедшая трагедия не возымела.

Действительно, если судить по официальным документам, то это выглядит так. Лишь по письмам М.Шолохова, который сообщал о произволе, чинимом на Дону, надругательствах над колхозниками, омерзительных случаях пыток, избиений, о наличии «пухлых» и умирающих, о том, что люди «пожирали не только свежую падаль, но и пристреленных сапных лошадей, и собак, и кошек, и даже вываренную в салотопке, лишенную всякой питательности падаль»⁴⁸, в июле 1933 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б), в которых признавались перегибы в хлебозаготовках в Вешинском районе. Тем не менее ужасные последствия трагедии все же закрепились в общественном сознании и, видимо, повлияли на изменение стиля и методов руководства в годы второй пятилетки.

Известно, например, что в 1936 г. из-за климатических условий страну поразил неурожай. Осень 1935 г. была сухой и холодной. Озимые посевы погибли на многих миллионах гектаров. Запоздалая весна следующего года сопровождалась заморозками, к тому же летом 1936 г. на большой территории страны стояла многодневная засуха. Собранный урожай зерновых (56 млн.т) был даже на порядок меньше, чем в «голодном» 1932 г.(67 млн.т). Пострадала и заготовка кормов, нанеся урон скоту, поголовье которого только что стало восстанавливаться после губельных лет «колхозного разворачивания». В городах обнаружился недостаток хлеба, введена норма (продажа не более 1 кг в одни руки), впрочем, как и на все продукты первой необходимости. В магазинах выстраивались огромные очереди. Однако массового голода в стране не было. Официальная пропаганда объясняла это «замечательным трудом тружеников колхозных полей, бросившим вызов природе». Однако здесь можно скорее усмотреть некоторое преимущество созданной планово-распределительной экономики, позволявшей создавать резервы зерна, более целенаправленно и равномерно их распределять.

В городе в этот период возникали свои проблемы. Здесь вследствие притока новых кадров быстро менялся социальный облик рабочего класса. Заводские цеха заполнялись людьми, совершенно не знавшими производства, не имевшими никаких рабочих навыков. Вырванные из привычной обстановки, неустроенные, они походили на «перекати-поле». Чтобы получше устроиться, они без конца странствовали по стране, порождая огромную текучесть кадров на предприятиях. Самыми привлекательными пунктами назначения были Москва и Ленинград, куда устремлялись многие деревенские жители. Это привело к неуправляемому росту этих городов, обострению в них жилищных, транспортных и других проблем. Не случайно имен-

но в Москве и Ленинграде были в первую очередь введены ограничения на приток новых жителей — прописка, а в декабре 1932 г. введена паспортная система, которая намного затруднила возможности передвижения. Несмотря на это, люди все же находили, как мы уже видели, способы «устраиваться» и закрепляться в этих городах.

Парадоксально, но факт. Стремительный рост рабочего класса сопровождался постоянной нехваткой кадров, что вело к тому, что в его ряды вливались самые разношерстные элементы, вплоть до преступных, усиливая и без того свойственную ему социальную неоднородность и нагнетая социальные конфликты в рабочей среде.

Адаптация новых рабочих к современному производству была исключительно болезненным процессом. Случаи пьянства, отлынивания от дела, порчи станков и оборудования, производственного травматизма, и ранее типичные для рабочей среды, с приходом новых кадров стали более частыми. Эти явления обычно объяснялись в те годы происками кулацких элементов, сознательно препятствующих строительству социализма с вытекающими отсюда мероприятиями. В сводке под названием «Классовый враг на производстве», составленной по центральной и местной печати отделом печати и информации СНК СССР и СТО в 1930 г., сообщалось о таких фактах «вредительства», как брак, вставляемые в агрегаты клинья и шпильки, появление в них песка, осколков стекла, порча механизмов. «На Макевском трубном заводе в большие морозы лодыри, симулянты поливали рельсы водой, чтобы вагоны и краны буксовали, а они могли бы отдыхать. Борьбы с этим никто не вел...»⁴⁹

Оживились и старые конфликты, традиционно свойственные отношениям на производстве. Вот анонимное сообщение о разговоре, подслушанное как бы мимоходом на фабрике «Работница» в Ленинграде:

Несколько работниц беседуют между собой:

Сволочи проклятые, отпуска не дают — говорит ткачиха, обращаясь к товарке.

Вот у нас хорошо — говорит молодая ткачиха в красном платочке. — Ни одной комсомолки в отделении нет, а как появится, сразу выживем! — и, боязливо осмотревшись вокруг, она пронзительно расхохоталась.

Вас, таких паразитов, гнать с фабрики нужно — заявляет мужской голос, обращаясь к работницам.

Да с кем ты говоришь, — обращаясь к товарке, говорит пожилая ткачиха, — он, наверное, выдвигенец какой-нибудь: карандаш из кармана торчит.

Да ведь он же еврей, — всматриваясь в черты лица незнакомца, лаконически заявляет третья, — а евреи известны за кого стоят.

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.212. Копия. Машинопись.

За кого стоят евреи, осталось не ясным, но о том, что в коллективе фабрики усилились антисемитские настроения, очевидно. Выдвигенцы, как видим, тоже оказывались в нелегком положении, будучи главными носителями идей «социалистического наступления». Однако зачастую они сами теперь оказывались под огнем «спецедействия». Хаос и дезорганизации, вносимые проводимыми экспериментами, активными проводниками которых они были, не могли не вызывать сопротивления, хотя бы пассивного,

со стороны старых специалистов. Одновременно усиливалась враждебность рабочих к администрации, которая еще имела в своих рядах немало представителей прежней закалки. Об этом говорит письмо некоего Бочкарева из районного центра села Малая Сердоба (Средне-Волжский край). Документ представляет собой любопытное смешение рабочей и крестьянской психологии, характерное для сельской местности.

Мы, беднота, не отступали от своего поста, а бились до последней капли, наконец, перебороли, взяли власть в свои руки, как следует перешли на мирную работу, то царские прихвостни сразу увидели, в чем дело. Они увидели, что наша власть стала платить за труд столько, что можно стало кормиться. Тогда они стали как спецы входить к нам в помощники, а потом и переберутся к нам в партию. Вот таким путем они и вошли — все царские прихвостни в Советский Союз. Когда я последний год служил, то я за этим очень строго наблюдал. Они входили к нам в какой-нибудь профсоюз, так, например, в наш союз связи. В этом союзе был какой-нибудь чиновник-спец, работает по этому делу, сперва как спец, а потом пролазит в партию, а потом он руководит уже нами. Он сразу видит, которые стоят на стороне советской власти, сразу тех сократил из союза. Вот таким путем они все спецы такого рода пробираются в нашу партию. Вот я пробыл на курсах 6 месяцев и я ему в любой работе дам пить. Когда мы пошли на ремонт линии, тогда я видел таких спецов, когда стали винчивать крюки в телефонные столбы, и что же получилось? Я винчу три крюка, а он один. Я держу два столба, а он один, и вся работа его такая, а все-таки его поставили хозяином надо мной, так как старый спец. И наконец он всех нас бедняков из союза сократил, а поставил своих, кого ему захотелось. Вот вам пример, как они к нам в партию вошли. Вот наша партия стала заботиться о чистке своих рядов. Если будете чистить, как чистили раньше, то вы их не вычистите. Я скажу вам открыто, почему — да вот почему: каждому партийцу чистку надо делать там, где он родился и где вырос или там, где его все знают, кто он такой, помещик ли, пристав, сын попа, урядник ли. Обо всем этом будут знать в его родном селе. Вот такая чистка будет правильна, когда чистим мы всю свору, тогда мы сделаем социализм в нашей республике и сумеем выполнить пятилетний план. Надо, чтобы везде были люди наши, бедняки. Тогда мы сумеем удержать нашу власть в своих руках, несмотря на то, что ходим во-круг банд.*

РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.100. Л.21. Копия. Машинопись.

* Интересное выражение: кто больше сможет выпить водки, тот больше заслуживает уважения.

В письме по сути идет речь о развертывании так называемой «чистке снизу», ставшей знаменем первых лет «социалистического наступления» и борьбы за нового человека, вкупе с развертыванием различного рода агрессивных крикливых кампаний, напоминающих «промывание мозгов». Основной удар этих чисток пришелся на советские учреждения, где действовали «рабочие бригады по чистке». Нередко она превращалась в откровенную травлю людей по социальным и политическим мотивам. К проведению чисток активно привлекалась рабочая молодежь, якобы не отягощенная грузом проклятого дореволюционного прошлого. Выяснение личности сопровождало буквально каждое мало-мальски значительное событие в жизни

человека, будь то прием в партию, в комсомол, выдвижение на руководящий пост. На ряде заводов Москвы в 1933 г. было организовано публичное отречение от отцов и матерей чуждого социального происхождения.

Параллельно велось бурное наступление на беспризорность, нищенство, проституцию, алкоголизм, преступность. Организовывались кампании против рвачей, лодырей, симулянтов, прогульщиков и т.п., причем и эта борьба происходила с постоянным нарастанием политической подоплеки, а это, в свою очередь, создавало атмосферу взаимного догляда, доношительства, подозрительности. От террора морального до физического оставался один шаг. Более мирный характер носили кампании борьбы с такими вредными привычками, как курение, выпивка, матерщина, лузганье семечек и т.п.

Борьба с нецензурной бранью получила особенно широкое распространение на новостройках, где был большой процент решительно настроенных комсомольцев. На самой известной комсомольской стройке 1930-х годов — Метрострое эта проблема стала особенно актуальной после мобилизации сюда девушек-комсомолок. На первых порах к нарушителям применялся штраф — по 10 коп. за каждое матерное слово или выражение. Но очень скоро выяснилось, что нужна целая армия контролеров, освобожденных от основной работы для сбора штрафов. К тому же у многих «острословов» штрафные суммы стали превышать месячную зарплату. Убедившись, что «красноармейской атакой» здесь ничего не добьешься, активисты решили перейти к долговременной моральной осаде с использованием «черных досок» и периодической печати.⁵⁰

Одновременно шло агрессивное насаждение нового быта под флагом критики обывательщины, мешанского образа жизни и существования, «буржуазной морали». Активно внедрялись коллективистские начала, пересматривались такие традиционные общественные понятия, как роль женщины в обществе, любовь, семья, брак, воспитание детей, досуг и т.д.

Со времен индустриализации берет начало использование женского труда на тяжелых работах. Партийно-комсомольская верхушка умело использовала стремление женщин к эмансипации, к равенству с мужчинами. Особенно ярко это проявилось на строительстве Московского метро. Первые девушки появились там летом 1933 г. в связи со второй комсомольской мобилизацией на строительство. Шахтеры были весьма смущены этим обстоятельством, так как среди них есть поверье, что женщина в шахте приносит несчастье. А на Метрострое только на одной из шахт работало около 600 девчат, в том числе проходчицы, бетонщицы, изолировщицы и т.д.⁵¹ По рассказам свидетелей работали они отчаянно.⁵² Выдерживали, конечно, не все. Одна девушка, вызвала на соревнование старого рабочего, который так и не смог ее обойти. Но девушка надорвалась и заболела.⁵³

По инициативе снизу была провозглашена «безбожная пятилетка». Закрывшие церквей приобрело широкие масштабы, наряду с арестами и ссылкой священников. К середине 1930-х годов число православных храмов сократилось в 4 раза по сравнению с дореволюционным временем. Нередко их закрытие сопровождалось драками комсомольцев с верующими, погромами кладбищ и памятников. Церкви превращались в склады, клубы. В одной был открыт тир, где иконы служили мишенями. Своего рода симво-

лом борьбы с религией стал взрыв Храма Христа Спасителя в Москве в декабре 1931 г. как один из способов ликвидации символов «ненавистной старины» и начавшейся «социалистической реконструкции столицы». Закрывались монастыри. Их комплексы приспособлялись под тюрьмы, колонии для несовершеннолетних и закрытые советские учреждения.

Ввиду преследования советской властью православной церкви и ее дискредитации, немалое число верующих, в том числе молодежи, присоединялось к религиозным сектам. Но начало 1930-х годов ознаменовалось гонением на баптистов, евангелистов, адвентистов, трезвенников и др. В результате образования «нового антирелигиозного фронта борьбы против сектантов» многие секты перешли на нелегальное положение.

Печать активно боролась против «отживших» моральных ценностей: христианских заповедей, послушания, угодничества, застенчивости, скромности, миролюбия, робости, кротости и т.п., которые нещадно высмеивались. Им противопоставлялись дисциплинированность, отвага, мужество, упорство, самоотверженность и самопожертвование, уверенность в завтрашнем дне, верность партии, ненависть к врагам социализма и рабочего класса. Стержнем психологического настроения должна была стать «социалистическая устремленность» с большим оттенком фанатической убежденности и преданности, призванными заменить прежние религиозные чувства. Казалось, что не оставалось ни одной сферы общественной жизни, вплоть до самой интимной, не затронутой «социалистическим наступлением».

Повсеместно насаждался контроль не только над поступками, но и мыслями и настроениями людей, раздавались призывы быть бдительными к мещанским и буржуазным проявлениям. Стали популярны лозунги, зовущие к критической переработке старого буржуазного культурного наследия и созданию новой социалистической культуры. Однако при этом сплошь и рядом внедрялись примитивные культурные штампы и стереотипы. Провозглашались лозунги решительной борьбы с враждебными идеологиями, течениями, нравами, традициями. Нагнетались антиинтеллектуализм, недоверие к «гнилой интеллигенции» и «гнилому либерализму».

С началом «социалистического наступления» в соответствии со складывающейся новой расстановкой социальных и политических сил существенные изменения претерпевают бытовая и духовные стороны жизни общества. В этот период им характерны крайние формы радикализма и экстремизма, поиски и эксперименты в духе провозглашаемых новых социалистических ценностей.

Идеология «социалистического наступления» характеризовалась дальнейшим свертыванием многообразия форм духовной жизни. Рассчитанная на восприятие «широких масс трудящихся» идеология схематизируется и примитивизируется. Под нее приспособляются и догматизируются отдельные положения марксизма, а роль главного и единственного их интерпретатора закрепляется за Сталиным. Его высказывания становятся основой для официально принимаемых решений, которые были обязаны выполнять не только члены партии, но и беспартийные под страхом оказаться в числе противников советской власти и «врагов народа».

Советский плакат периода индустриализации.

Рабочий на стройке в Магнитогорске.

Примитивность и догматизм идеологии сочетались с претензией на универсализм. «Социалистическое наступление» отмечено атакой буквально на все области творчества. Сталин, подчеркивая свою верность марксизму, избрал тактику обвинения в отходе от него своих политических противников, наклеивая им ярлыки «троцкистов», «зиновьевцев», «бухаринцев» и т.д., что становилось поводом для политических преследований. Образующийся после дискредитации других соратников Ленина вакуум заполнялся личностью Сталина. С именами «двух вождей» олицетворялись история большевизма, Октябрьская революция, победа в гражданской войне. С именем Сталина связывалось воплощение «заветов Ленина» и построение социализма.

Для утверждения этих представлений в начале 1930-х годов проводилась инициированные самим Сталиным кампании критики и переосмысления состояния философии, политэкономии, истории. Результатом их стали осуждение «рубинщины», «деборинщины», (т.е. якобы враждебных направлений в экономической и философской науке, названных по имени ученых, их возглавлявших), исторической школы М.Н.Покровского. Разворачивалась «неустанная работа по искоренению враждебных взглядов и теорий» и утверждению единственного авторитета во всех областях — товарища Сталина.

Литература, искусство, кино в период «социалистического наступления» переживают процесс организационной и идейной унификации. Единственно верными и разрешенными были объявлены только те направления, которые «вписывались» в новую идеологию и концепцию социалистического строительства.

Мало того, что был осуществлен разгром различных школ и направлений в научном творчестве, духовной жизни, в литературе и искусстве, гонению подверглись самые истовые приверженцы «социалистического наступления», которые неустанно боролись с имеющимися недостатками. Одной из первых жертв стал такой «бичеватель пороков» как Демьян Бедный — «мужик вредный». В 1930 г. секретариат ЦК ВКП(б) с подачи Сталина признал его фельетоны «клеветой на социализм и русский рабочий класс. Это был показательный урок для других «клеветников на СССР, на его прошлое, на его настоящее», как писал Сталин Бедному 12 декабря 1930 г. Осознав, куда дует ветер, бедный Демьян быстро накатал стихотворный фельетон на себя самого: «Раззудись, плечо! Размахнись, рука! — Хоть бы одна светлая строка! Кружу налево и направо. Нехорошо это, право. Сплошь черные строки: — Пороки! — Пороки! — Пороки!»⁵⁴

В апреле 1932 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о перестройке литературно-художественных организаций. В нем отмечалось, что рамки прежних объединений создавали «опасность превращения этих организаций из средства наибольшей мобилизации советских писателей и художников вокруг задач социалистического строительства в средство культивирования кружковой замкнутости, отрыва от политических задач современности...» В соответствии с постановлением создавались союзы писателей, художников, композиторов, архитекторов, объединявшие творческих работников. Каждый из этих союзов представлял собой бюрократически иерархизированную

организацию, поставленную под строгий контроль партийных органов. Творческие союзы возглавлялись секретариатами, состоявшими из специально подобранных людей, лояльных по отношению к власти и поставленных в привилегированное положение. Творческие работники, не входившие или исключенные из союзов, превращались в «изгоев» общества.

Единственно приемлемым творческим методом был провозглашен так называемый «социалистический реализм». В нем отчетливо проявлялось намерение превратить деятелей литературы и искусства в апологетов строящегося социалистического общества. Критериями оценки произведений становились не переменное наличие жизнеутверждающего оптимизма, трудового пафоса, веры в «завтрашний день». Теоретически принцип социалистического реализма допускал разнообразие приемов художественного творчества, однако большинство произведений, созданных в традициях этого жанра, признанных в тот период эталонными, проникнуты духом вульгарной политизации, классовой вражды и ненависти. Они оказывали огромное воздействие на общество, формируя в нем новые идеалы, интересы, потребности, стандарты и стереотипы поведения людей.

Дополнительным штрихом к утверждению основ новой идеологии и культуры стало ужесточение деятельности цензурных органов: Главлита, Главискусства и Главреперткома. Основное их назначение — идеологический контроль за деятельностью издательств, редакций газет и журналов, творческих организаций, над проведением выставок, конкурсов, выпуском кинофильмов, репертуаром театров и т.п. В этот период легли на полки спецхранов огромное число научных трудов, художественных и публицистических произведений, не укладывающихся в новую систему ценностей.

Как и на всех фронтах «социалистического наступления» не обошлось без пресловутых «перегибов». Зав. Центральной библиотекой им.Ленина Западной области (г.Смоленск) А.Г.Руднев, который кропотливо в течение 12 лет собирал библиотеку, писал Крупской, что комиссия по чистке постановила снять его с работы, отдать под суд из-за отсутствия классовой бдительности, за наличие в библиотеке запрещенной литературы, за классово-чуждые элементы среди сотрудников библиотеки (20 дворян).⁵⁵

О том, как происходила чистка библиотек, говорит секретная докладная записка члена ЦКК ВКП(б) Н.Мальцева на имя Я.Рудзутака и Е.Ярославского от 16 октября 1932 г.:

Чистка библиотек от идеологически вредной и устаревшей литературы проводилась НКПросом без достаточного инструктажа и контроля. Единственная инструкция Главполитпросвета от 29 марта 1930 г. не вносит никакого определенного порядка просмотра и изъятия книг, полна неясностей и явно неправильных и вредных установок и не могла служить пособием для практического проведения чистки. Поэтому появились в одних областях (Москва, Ленинград) свои областные инструкции, чаще же всего, в виду трудности и рискованности этого предприятия, дело было пущено на самотек, что выйдет, то и выйдет, ответственность можно свалить на непосредственных исполнителей.

А вышло очень плохо. Как выяснилось на совещании руководителей этого дела, изъято свыше 60% всего книжного фонда. Есть библиотеки, в которых процент изъятия поднимался до 80, 90. Корреспонденции из самых разных углов СССР указывают, на то, что изымались классики философии, естествознания,

изящной литературы и даже революционного марксизма: Маркс, Энгельс, Ленин, Сталин, Толстой, Тургенев, Гончаров, Диккенс, Гюго, резолюции партсъездов, отчеты съездов советов, Сеченов, Тимирязев, Хвольсон, Ив. Павлов — уже эти имена «изъятых» сигнализируют о преступности в проведении чистки.

Трудно объяснить все это безграмотностью исполнителей и их глупостью. Потому, что, если в одних случаях исключались книги, например, Ленина, поставленные под фамилией Ильина или Маркса «Коммунистический манифест» с предисловием Рязанова, то во многих других случаях и это объяснение отпадает.

Примерные, списки, изданные комиссиями по чистке в Москве и Ленинграде, составленные «авторитетными» и «культурными» людьми, дают установки, которые на местах ни к чему другому привести не могли.

В Ленинградской инструкции по отделу «философии» предлагается: «идеалистическая философия целиком изымается с открытого абонемента» (остаются лишь сочинения Канта и Гегеля). Изымаются работы буржуазных социологов Спенсера, Тарда, М. Ковалевского, Зиммеля. Изымаются Бухарин «Истмат», Деборин, Корнилов, из отдела — антирелигиозная литература Каутский «Происхождение христианства» и еще 90 названий книг, которых лично я не знаю, но среди которых много фамилий коммунистов. По общественно-политическому отделу Каутский «Экономическое учение К. Маркса», Люксембург «Накопление капитала», Розенберга «Комментарии к «Капиталу», Сабсо-вич, Борьян «Госконтроль на западе», Ярославский — т. II и IV, Невский, Керженцев, Богданов «Курс политэкономии», Гильфердинг, Туган-Барановский.

По естествознанию Бехтерев, Сеченов, Павлов, много книг по физике, химии, геологии, особенно биологии.

Московская инструкция немногим отличается от Ленинградской. В 70-ти списках, подлежащих изъятию в спецфонд областной библиотеки и распространявшихся по Союзу помимо НКПроса, значится много ценнейших книг. Тут вся антирелигиозная литература, разоблачающая религию лишь естественно-научными данными, вся профсоюзная литература до перестройки профсоюзов. Тут встречаются и Гед, и Жорес, Вандервельде «Положение рабочего класса в Бельгии», Вебб, целый ряд книг Лозовского, Томский — тезисы к XIV съезду, одобренные ПБ, Фриче — История рабочего движения на Западе, Сеченов, Фрейд, Дицген, Коллонтай «Новая мораль и рабочий класс». По беллетристике список составлен совершенно произвольно. Почему изымаются Гамсун, Диккенс, Гауптман, Златовратский, Потапенко, Ростан, О. Уальд, Фет, Гюго, Зудерман, даже Луначарский, Бальмонт, А. К. Толстой и много, много других, которые по самой скромной и общей оценке выше и менее вредны, чем сотни всякой беллетристической макулатуры, которая по-сейчас издается Госиздатом.

Получается какой-то садизм воспитательной опеки над читателем. Центральная инструкция Главполитпросвета более сдержанна и культурна.

Но и по этой инструкции «из массовых библиотек должна быть удалена и передана в центральные и педагогические библиотеки вся дореволюционная литература» по воспитанию и образованию, все дореволюционные учебники по математике, все хрестоматии по русской словесности, сборники декламации, громкого чтения и рассказывания. По беллетристике предлагается изъять все книги Аверченко, Крестовского, В. Немировича-Данченко, хотя и разрешается оставлять «наименее неприемлемые» произведения, к которым отнесены — Бенуа «Атлантида», знаменитый «Тарзан» и другие.

Все это получило особенно грозную опасность, вследствие совершенно недопустимого и нерегламентированного порядка изъятия. Что такое «центральная» библиотека, которая должна окончательно решать судьбу изъятой книги — утиль или в продажу? Районная ли это библиотека, областная? Решение этого

вопроса предоставлено усмотрению мест. Московская областная библиотека создала такие центры в 23 точках.

Инструкция Главполитпросвета предлагает: «Все признанное правильно изъятыми после оставления двух экземпляров в архиве и отбора книг, могущих иметь ценность для научных и специальных библиотек, продается в расширенном виде на фабрики для переработки на бумагу». Удивительно ли после этого, что, например, в Моршанске уничтожили всю философскую литературу из местных библиотек? Не может быть сомнения, что таких случаев много.

Но этого мало.

Масса ценнейших книг по инструкции Главполитпросвета должна быть оставлена в так называемом «архиве» библиотеки в двух экземплярах. В инструкции Мособлполитпросвета и МОСПС устанавливается «спецфонд». В Ленинграде «закрытый фонд». Кроме книг, «заслуживающих активного продвижения в читательскую массу», остальные, неподлежащие чистке и изъятию книги включаются в эти фонды. Они должны «храниться отдельно от рабочего ядра в специальном помещении, или на отдельных полках, шкафах; свободный доступ к ним не должен производиться, каталожные карточки на них изымаются из общего каталога и хранятся отдельно для справок». Другого смысла в этом нет, что кроме официальной чистки читатели могут даже среди разрешенных книг пользоваться лишь книгами по усмотрению библиотекаря, ибо даже и знать им не ведомо, что еще находится в библиотеке (каталожные карточки изымаются).

Все инструкции особенно упирают на спешность, ударность работы. В Московскую Областную библиотеку свозились книги грузовиками по ночам, причем ни о каком организованном приеме не было и речи. Разобрать всю эту книжную массу нет возможности. Ищут и находят легкий выход — продавать книжки. Областная библиотека из чистки устроила себе недурную статью дохода. В результате у всех букинистов появились книги с непогашенными библиотечными штемпелями. К вакханалии глупости прибавилась еще вакханалия воровства, ибо не могло быть создано лучшей безответственности для недобросовестных элементов из библиотечных работников, чем это узаконенное появление на букинистическом рынке книг с библиотечными штемпелями.

Характерно в этом деле не столько олимпийское спокойствие и безучастность НКПпроса, сколько молчание профсоюзной общественности. Специальный орган ВЦСПС и НКП «Красный библиотекарь» за время чистки с января 1930 г., кроме опубликования упомянутой инструкции Главполитпросвета, отметил чистку только одной статьей, автор которой Тимофеев уже в июне 1931 г. отмечал, что даже при изъятии 60% книжного фонда в библиотеках еще много вредной и устарелой литературы, требует углубления и расширения чистки и упрощения порядка сдачи в утиль. Не надо никаких утверждений и перевозок, следует составить ведомостичку, форму которой он тут же предлагает, в 2-х экз. и книги можно сдавать в утиль.

Удивительно ли, что чистка происходила при полном игнорировании мнения библиотечарей, под названием. Отмечаются отдельные случаи вмешательства ОГПУ (Тюмень, Касимов) в дело чистки книжного фонда.

В Касимове агент ОГПУ забрал у рабфаковца книгу Бухарина «Истмат» и библиотекаря, выдавшего книгу, вызывали в ОГПУ и дали нагоняй.

ВЦСПС в своем постановлении, опубликованном в газете «Труд» от 4 сентября, правильно отметил «совершенно явный политический вред» от извращения чистки, однако постановление недостаточно. Во-первых, хотя в 1-м абзаце этого постановления ВЦСПС категорически запрещает профсоюзным органам проведение чистки книг, в следующих он не только предлагает разработать «порядок чистки», но и устанавливает этот порядок для продолжения чистки: «Изъятие должно производиться авторитетной комиссией, во главе с членом

Президиума ФЗМК и «списки изъятых книг должны утверждаться ФЗМК или правлениями Союза», т.е. фактически ВЦСПС еще более запутал и сделал более безответственным изъятие книг в порядке чистки, ибо нельзя доверить любому ФЗМК решение вопроса о судьбе книги. Нельзя также признать достаточным выделение ВЦСПС специальной комиссии для выявления виновников неправильного изъятия книг. Комиссия из 4-х библиотечных работников: от ВЦСПС, МОСПС, НКПроса и от библиотечных работников, из которых часть является прямыми виновниками всего этого дела, не в состоянии выявить лиц, действительно политически виновных за нанесение совершенно исключительного политического и материального вреда для соцстроительства и соввласти, преступным проведением чистки и деятельность такой комиссии не может и не должна ограничиться рамками профсоюзных библиотек.

Поэтому предлагаю:

- 1. Войти в ЦК ВКП(б) с предложением о немедленном прекращении чистки, перевозки и перепродажи книг из всех библиотек.*
- 2. Создать при Президиуме ЦКК комиссию для выявления действительных виновников преступного проведения чистки и для разработки мероприятий, ликвидирующих вредные последствия такого проведения.*

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.371. Л.116-118(об). Подлинник. Машинопись.

Документ, наверное, лучше всего передает те направления, по которым происходила идеологическая чистка, как в результате ее суживался духовный мир советского человека, ибо из общедоступного круга чтения изымалась не только дореволюционная русская литература, но и крупнейшие произведения мировой классики. Одновременно не почастливилось и тем марксистским трудам, которые в какой-то мере могли побудить к осмыслению происходящего. Списывать все это целиком на глупость и перестраховку исполнителей вряд ли стоило, так как сама «вахханалия» была инициирована руководством. Никто даже не усомнился в необходимости такой чистки. Но где можно было провести грань между тем, что дозволено, а что нет, что можно читать, а что пойдет не на пользу социалистическому строительству, тем более, что к проведению кампании были привлечены люди и организации подчас совершенно некомпетентные. Поэтому иначе как лицемерием нельзя объяснить протесты тех руководителей, которые были к ней причастны. Комизм ситуации заключался в том, что сами они вдруг обнаруживали себя в списке запрещенных авторов. Тогда особенно понятным становилось их возмущение «головотяпством», как в случае с «главным антирелигиозником страны Советов» и автором трудов по истории большевизма Е.Ярославским. В секретном письме в Политбюро от 15 сентября 1932 г. он сообщал:

Мне стало известно, что почти во всех библиотеках в течение последних двух лет происходит фактически разгром книжного фонда. Он проводится под флагом «чистки» книжных фондов от всякого рода идеологически невыдержанной и вредной литературы на основе изданной в 1930 г. общей инструкции НКПроса. Эта инструкция «конкретизирована» отдельными списками ОНО и привела к следующим результатам.

Изъята вся антирелигиозная литература, разоблачающая религию на основе естественно-научных данных (вопреки указаниям Ленина широко использовать такую литературу); вся профсоюзная литература, выходявшая до V-го пленума ВЦСПС VIII созыва; литература о безработице и непрерывке — о переходе на 7-ми

часовой рабочий день; почти вся массовая литература по кооперации, по соцстраху, охране труда, колхозному и совхозному строительству, изданная до 1930-31 гг.; вся идеалистическая философская литература, за исключением Канта и Гегеля; работы Спенсера, Зиммеля, Бухарина и др. — по историческому материализму и социологии.

Кроме того, создан «закрытый фонд», где книгами может пользоваться только партийный актив и учащиеся комвузов. В этот закрытый фонд перенесены такие книги, как: Роза Люксембург «Накопление капитала»; Гильфердинга «Финансовый капитал»; книги по истории партии: Невского, Керженцева, Ярославского; по экономической политике Сарабьянова, Крицмана, Теля, Циперовича; по физике — Тимирязева, Иоффе; по рефлексологии Бехтерева, Сеченова, Павлова (академика).

По одной Московской области изъято из профбиблиотек г.Москвы за 1930-32 гг. 350 тыс.книг; вывезено из районных библиотек в Москву (склад на Арбате) 209 тыс.книг. По Москве и области специальная бригада из товарищей Модестова, Этингофа, Лебединской, Бузиньера изъяла книги: из библиотеки МОНО: Вэбб «История тредюнионизма» (напомню, что Ленин в ссылке занимался переводом Вэбб); Лозовского — «Вопросы мирового профдвижения» и еще 4 книги разных названий его же; Фриче «Очерки по истории рабочего движения на Западе» и др.

Некоторые ОНО, например, Гудаутское, дошли до того, что издали инструкцию об изъятии таких книг, как Бебеля, Лассалья, Плеханова «Наши разногласия», произведения Маркса и Энгельса, В.Ильича «Развитие капитализма в России», Сталина «Сборник по национальному вопросу».

В отдельных библиотеках, в частности, в Ленинграде, изымаются сочинения Маркса и Энгельса, изданные под редакцией Рязанова; а так как во многих библиотеках у нас сейчас никаких других изданий Маркса нет, то это значит, что изымают почти все работы Маркса и Энгельса.

До чего доходит усердие, можно еще привести ряд фактов: на Сиявинских торфоразработках Ленинградской области из библиотеки изъяты: Толстой, Тургенев, Гончаров, Короленко, Безыменский, Подъячых, М.И.Калинин, «Коммунистический Манифест», Чернышевский, книги Ленина и т.д. Центральная библиотека Союза связи в Ленинграде изъяла книги: Ромэн Роллана и это в то время когда мы печатаем письма Ромэн Роллана и его воззвание «Война войне», библиотека Стеклозавода им. 25-го октября Западной области изъяла книги: Маркса и Энгельса, Ленина, Сталина, Крупской, Ярославского, Керженцева, Крыленко, Бубнова, Демьяна Бедного, Безыменского, Тургенева, Короленко, Жуковского и др.

Мы все в прошлом зачитывались в юности такой книжкой, как «Спартак» Джиованиоли. Эта книжка забракована Институтом критики и библиографии в 1932 г. и понятно, ее сейчас изымают библиотекари, которые следят за нашей критикой и библиографией, ибо боятся оставить в библиотеке книжки, которые тот или иной рецензент иногда неграмотный, обругает в печати.

По поводу этих изъятий и совершенно дикой, безобразной «чистки» библиотек аппарат ВЦСПС опубликовал в №206 от 4 сентября 1932 г. газеты «Труд» постановление о приостановке такой «чистки» и поручил Культ.-массовому отделу ВЦСПС назначить специальную комиссию для выявления виновников неправильного изъятия книг из профсоюзных библиотек и передачи профсоюзных книжных фондов книг ОНО и распродажи.

Мне кажется, этого постановления совершенно недостаточно и я предлагаю:

Назначить комиссию ЦК и ЦКК, которая бы более серьезно подошла к этому вопросу, заинтересовавшись не только профкнижками, но и всей библиотечной сетью. НКПрос здесь допустил, по моему мнению, серьезную ошибку.

Более подробные материалы по этому вопросу имеются в Культотделе ВЦСПС.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.371. Л.109-110. Заверенная копия. Машинопись.

О «перегибах» в чистке библиотек жаловалась также Н.К.Крупская. В письме к П.П.Постышеву она писала: «Завели последнее время фонд «Н.Д.М.» — «не давать массам», куда отправляют «подозрительные издания» (в том числе Гегеля, Маркса и Энгельса, Ленина) Рабочие массы, колхозные массы трактуются как несмышлениши, которым надо давать лишь злободневные агитки и переводные романы...»⁵⁶

Безусловно, что в результате принятых мер процесс чистки библиотек был несколько упорядочен, но жесткий идеологический контроль над издательской деятельностью, равно и на книги, поступающие в массовые библиотеки и в розничную продажу, сохранился. Особенное значение придавалось печатной продукции, с которой человек сталкивался повседневно. К такого рода изданиям принадлежали настольные и настенные календари, призванные формировать у читателя определенное мировосприятие в условиях пока еще невысокой образованности населения. Массовым тиражом издавались календари для рабочих и колхозников. Специально издавались календари для коммунистов, ударников, красноармейцев и пр. О том, какое значение придавалось этой продукции и до каких форм доходил идеологический контроль над нею говорит докладная записка в Политбюро ЦК ВКП(б) от 28 декабря 1932 г.:

*Тов. СТАЛИНУ,
тов. КАГАНОВИЧУ,
тов. ПОСТЫШЕВУ*

ОБ ОТРЫВНЫХ КАЛЕНДАРЯХ НА 1933 ГОД

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА

В издании «Соцэкгиза» вышли отрывные календари для колхозников и рабочего ударника на 1933 г. В четырех просмотренных Культпропом МК календарях (трех колхозных и одного рабочего) обнаружено ряд нечетких, путанных формулировок, грубейших политических и технических ошибок. Так, например, в календаре колхозника мы читаем:

*16/X лозунг: «Коллективное хозяйство должно быть высоко продуктивным и вместе с тем требовать от своих членов самой небольшой затраты физического труда...»**

*1/XI в заметке рекомендуется прогрессивная сдельщина, как лучшая форма сдельщины.***

*21/IX — напечатан лозунг: «Улучшайте снабжение трудящихся — не забывайте тощий скот»****

21/XII дана биография тов. Сталина. В тексте не говорится о роли т. Сталина в партии и в пролетарской революции.

В календаре для начинающего читать колхозника:

18/1 рекомендуется закончить сбор семенных фондов лишь к 15 февраля вместо 15 января.

*30/1 лозунг: «Вредители съедают урожая больше, чем трудящиеся»*****

15/VI — заметка «Нагуливайте убойный скот» начинается словами: «Не продавайте государству и не убивайте для питания колхозников тощий скот».

В календаре рабочего ударника:

6/1 Никчемная цитата высказывания врагов: «Видите, даже среди большевиков находятся люди, отвергающие головокружительные фантазии сталинцев».

*27/1 «Такие... республики, как Башкирия, Чувашия, Коми, Карелия и т.д. по уровню общей грамотности уже перегнали культурно-передовые капиталистические страны (Германия, САСШ и др.)». ******

*9/II – в слове Сталинабад выпала буква «б». ******

9/III и 20/IX «левый» уклон отождествляется с контрреволюционным троцкизмом.

Мы привели только часть наиболее ярких политических ляпсусов.

По указанию Культпропа во всех колхозных календарях, имеющих на складах, листы, с грубейшими политическими ошибками, будут изъяты и заменены другими (на этих листах будет заполнена одна сторона, где число, вторая, – где текст, – будет пустой).

В календарях, частично попавших уже в распространенческую сеть, изъятые листы будут вырваны и заменяться не будут.

Календарь рабочего ударника еще находится в производстве, и Культпропом предложено внести в текст соответствующие исправления.

Общими недостатками колхозных календарей являются следующие:

Тематика календарей не вполне выдержана в смысле своевременной постановки и мобилизации внимания узловых вопросов, связанных с задачами успешного проведения важнейших, хозяйственно-политических кампаний. Например, об уборке дается 2-3 заметки и то уже в середине июля, т.е. в разгар уборки. Многие лозунги и заметки даны не тогда, когда нужно. Вопросы первоочередной сдачи хлеба государству вообще освещены слабо.

Календари почти совершенно игнорируют показ лучшего опыта передовых колхозов в борьбе за урожай, в организации хлебосдачи, в распределении доходов и т.д.

Календари очень слабо и поверхностно освещают итоги первой пятилетки.

В датировке исторических фактов событий наблюдается случайность. Совершенно не отмечены даты целого ряда важнейших политических событий и фактов, тогда, как отмечают факты и события, имеющие для колхозника не первостепенное значение. В календарях совершенно не отмечаются, например, даты важнейших выступлений т.т. Ленина, Сталина, Молотова по вопросам соцреконструкции сельского хозяйства, а также важнейшие решения партии по этим вопросам, тогда как отмечаются такие даты, как рождение Короленко, смерть Радищева и др.

В целях улучшения дела издания отрывных календарей на 1934 г. Культпроп проводит:

1. Укрепление редакции отрывных календарей авторитетными партийными работниками (послана т.Курская, ведутся переговоры с рядом др. работников);

2. Привлечение к работе по составлению календарей квалифицированных редакторов партийцев и авторов составителей;

3. Составление отрывных календарей на 1934 г. предложено начать уже с начала 1933 г.

ЗАВ.КУЛЬТРОПОМ ЦК ВКП(б)

А.Стецкий

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.333. Л.56-57. Подлинник. Машинопись.

* Вместо высокопроизводительного труда.

** «Прогрессивная сдельщина», т.е. оплата труда в соответствии с его количеством и качеством, противоречила в то время организации труда на предприятиях.

*** Видимо, имеется в виду, что наличие «тошего скота» в колхозах не должно упоминаться, так как дискредитирует колхозный строй. В одном из партийных документов говорилось, что за публикацию статьи профессора Васильева «Как приостановить убыль скота» в Воронежской областной газете «Коммуна» в апреле 1934 г. был снят главный редактор, а сам факт публикации назван «грубейшей политической ошибкой, направленной на срыв мясопоставок». (РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.168. Л.126)

**** Намек на то, что люди могут подумать, как плохо поставлено дело борьбы с вредителями или как плохо питаются колхозники.

***** Возможно, недовольство тем, что США и Германия упоминаются как культурно-передовые страны, а, может быть, и явным перебором – слишком большая ложь бросается в глаза.

***** Намек на то, что получилось «Сталина ад».

На специальном заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 17 января 1933 г. намечался ряд мер по исправлению положения с выпуском отрывных календарей. Среди них: установление и наказание в кратчайший срок виновных в допущенных ошибках, усилении партийного контроля и популяризации в содержании календарей достижений пятилетки в городе и в деревне.⁵⁷

О том, как нужно было освещать эти достижения, насколько въелась в сознание цензоров идея темпов «социалистического наступления», говорит и такой эпизод: фразу из романа о колхозной жизни белорусского писателя Лынькова «Бредет Сивка медленно», цензор встретил возражениями: «Почему медленно, почему нет темпов, почему лошадка не радуется вместе с колхозниками?» Вдобавок, на все распространялась аура секретности, особенно на какие-либо упоминания оборонных мероприятий. Писатель Шаповалов жаловался, что Главлит вычеркивает из произведений такие «запрещенные» слова, как «танк», «звено», «самолет», «застава». ⁵⁸

Какие формы мог приобретать идеологический и прочий контроль в прессе и какие последствия могла иметь та или иная информация, которая не совпадала с официальной версией партийных органов, говорит, например, следующая докладная записка Культпропа ЦК от 28 мая 1933 г.:

СЕКРЕТАРЯМ ЦК ВКП(б)

ПОЛИБЮРО ЦК КП(б)У

КОПИИ: тт.ДОЛЕЦКОМУ, БУХАРИНУ и

ДИРЕКТОРУ РАТАУ – т.ЛАКИЗО.

21-го мая в «Известиях ВЦИК и ЦИК СССР» появилась следующая заметка:

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЙ КОНГРЕСС УЧИТЕЛЕЙ

Киев. 20 мая (ТАСС). В Доме работников просвещения состоялся интернациональный конгресс учителей, на который прибыло свыше 300 делегатов.

По бурные аплодисменты в почетный президиум конгресса избраны тт. Сталин, Молотов, Каганович, Коссиор, Постышев, Затонский, Тельман, Димитров и Стасова.

На конгрессе выступили с докладами представители революционного учительства Германии, Франции, Англии, Польши и Японии.

Это же сообщение было помещено в «Экономической Жизни», «Комсомольской Правде», «За коммунистическое просвещение», «Центральной немецкой газете», «Лесной Промышленности».

В действительности же – никакого интернационального конгресса учительства не было. Оказалось, что в Киеве местные организации, в порядке осу-

жденных ЦК ВКП(б) головотяпских методов массовой работы, придали вечеру, посвященному положению учителей в капиталистических странах, форму «конгресса», на котором выступали отдельные докладчики по каждой стране, был избран почетный президиум «конгресса» и т.д.

Этот небольшой случай требует особого внимания, так как выявляет отсутствие элементарной бдительности у работников ТАСС и редакторов газет.

При такой постановке работы есть опасность, что работники наших телеграфных агентств и редактора газет, в том числе и редакция официального правительственного органа, — могут пропустить и провокационные, исходящие от наших врагов, сообщения.

Приведенная выше телеграмма получена ТАССом от Украинского Телеграфного Агентства (РАТАУ). В свою очередь РАТАУ получило эту телеграмму из Киева от Рабиновича (беспартийный) — секретаря отделения РАТАУ в Киеве. Редактор РАТАУ тов. Дешевов (беспартийный) и тов. Крыжановский (беспартийный) визировавший отправку, не проверив сообщения, передали его ТАССу. В ТАССе телеграмму редактировал т. Гольдер (беспартийный) и визировал отправку газетам т. Сущенко (член партии), также не проверяя сообщение по существу. Кроме того, это сообщение получило визу бюро печати НКВД, работник которого т. Ярошевский (член партии) — также информации по существу не проверил. Взысканиям по линии РАТАУ подвергнуты т. Дешевов (уволен) и т. Крыжановский (поставлено на вид).

Считаю, что принятые меры — недостаточны.

Прошу поставить на Оргбюро вопрос о внутренней информации ТАСС и его отношениях с агентствами союзных республик.

Прошу ПБ ЦК КП(б)У рассмотреть вопрос о безобразных действиях РАТАУ.

Предлагаю т. Долецкому — отстранить от работы в ТАСС т. Гольдера и объявить строгий выговор т. Сущенко.

**ЗАВ. ОТДЕЛОМ КУЛЬТУРЫ И ПРОПАГАНДЫ
ЛЕНИНИЗМА ЦК ВКП(б):**

А. Стецкий

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.608. Л.140-141. Подлинник. Машинопись.

«Социалистическое наступление», особенно в своей начальной фазе, было отмечено резким ужесточением карательной политики советского государства. Количество арестованных различными органами в стране увеличилось почти в 7 раз. Если в 1927 г. было арестовано 76983 человека, то в 1933 г. — 505 256. Наибольший рост приходится на 1930 и 1931 гг. и связан с арестом людей по политическим мотивам: «за контрреволюционные действия» и «антисоветскую агитацию». 1932 и 1933 гг., напротив, характеризуются небывалым ростом задержанных по другим статьям и прежде всего в связи с принятием закона от 7 августа 1932 г., с борьбой против спекуляции, хищений и пр.⁵⁹ Параллельно шел процесс расширения масштабов «кулацкой ссылки». К семьям высланных «кулаков» присоединялись «выходцы из социально чуждых классов» — бывшие помещики, дворяне, священники и другие «бывшие», выявленные в ходе «чисток».

Сеть лагерей, колоний, спецпоселений стала опутывать страну. Привлечение принудительного труда позволило решить многие задачи индустриализации. Трудом заключенных прокладывались каналы, железные дороги, возводились промышленные объекты. Значительное число заключенных было занято на добыче золота, цветных металлов. Трудом спецпереселенцев, объединяемых в колхозы и совхозы, раскорчевывались и осваивались

новые земли, много их было занято в угольной, лесной промышленности. Государство провозглашало политику «исправления принудительным трудом», в которой, по мнению многих, было больше лицемерия, чем реализма. Тем не менее те лица, которые активно проявили себя в «социалистическом строительстве», имели хорошие шансы на прощение, на получение наград и даже на продолжение карьеры. В 1930-е годы весьма популярным был фильм «Заключенные», в котором описывался процесс быстрого перевоспитания в Белбалтлагте заключенных, как уголовников, так и политических, их превращение в активных участников социалистического строительства. Реальная же картина была далеко не столь радужной.

В пеницитарной системе устанавливались те же порядки, что и в повседневной жизни советского общества – соревнование, борьба за рекорды, установление предельных норм выработки. Как везде, и в данной сфере царили беспорядок и хаос. Об этом можно судить, сравнивая число арестов с количеством приговоров, вынесенных судами. Так, если в 1932 г. число арестов составило 410433, то количество осужденных составило 141916.⁶⁰ Это означает, что в тюрьмах, лагерях и колониях оказывалось много людей случайных, оказавшихся жертвами очередной волны арестов.

Очень хорошо показывают то, что творилось в эти годы, материалы обследования в августе 1932 г. исправительно-трудовой колонии в г. Нижнем Новгороде – обычной ИТК, каких было десятки и сотни.

*В Президиум ВЦИК – тт. Киселеву и Новикову Н.
Прокурору РСФСР тов. Вышинскому.*

О состоянии исправительно-трудовой колонии в г. Нижнем Новгороде.

*Нижегородская трудовая колония рассчитана на 800 чел., на 1 августа 1932 г. имеет заключенных 3461 чел. Перегрузка объясняется, во-первых, очень много и долгое время держат людей под следствием, во-вторых, народные судьи при разборе дел берут статьи до отказа. Например, за растрату 100 руб. или за мошенничество 6 руб. с копейками и т.п. дают строгую изоляцию – от 1 до 2 лет и, в-третьих, Москва много присылает (случаи присылки детей). Жилое помещение представляет собой своеобразную сельдяную бочку, куда набивают людей. Железных коек имеется __ шт. * Нарамы обеспечены __ чел. *, а остальные спят на голом полу. Матрацев имеется всего лишь на __ чел. *, одеял, подушек нет. Люди спят буквально на голых нарах. В помещениях грязно, духота.*

Размещение заключенных по категориям соблюдается не всегда аккуратно – рабочий, крестьянин, колхозник, попавший впервые в Исправдом, нередко попадает в среду отъявленных рецидивистов, проституток и хулиганов. Например, в женском отделении при обходе в одной из камер при опросе обнаружено – здесь сидят рецидивистки и проститутки, имевшие по 7 судимостей, и здесь же сидят работницы и колхозницы, осужденные впервые за воровство козы, растрату 100 руб., следственные и просто задержанные. При проверке второго отделения в камере №1 обнаружено, что среди лишенных свободы трудящихся находятся четыре человека из рецидивистов. Все вновь пришедшие в камеру №1 подвергались тщательному обыску и под угрозой ножа у них отбиралось буквально все, что представляет какую-либо ценность, не говоря уже о приносимых с собой сухарях, которые, как правило, грабителями отбираются сразу же при приходе. Администрация на такое возмутительное явление смотрит весьма хладнокровно

и поэтому у заключенных создается мнение, что жаловаться бесполезно. Староста отделенный в 1 отделении Разин — рецидив**, 2 отделения Лапшин — рецидив, 3, 4 и 5 — осужденные по 162 ст., 193 ст. УК, 6 отделения Рачков — рецидив, имеет 6 судимостей и т.д.

Заключенные имеют свободное сообщение между камерами, что здесь тоже не лишена возможность воровства.

При Исправдоме образовано 5 наблюдкомов***, их работа протекает без надлежащего руководства, на заседания наблюдкома очень редко ходят представители Рабоче-Крестьянской Инспекции, советской общественности, Горсовета, Комсомола и Женотдела. На рассмотрение заседаний ставится в один раз до 80 дел. Примером этому служит наблюдком №3 — заседание 1 июля с.г. рассмотрено 83 дела, заседание 29 июня с.г. рассмотрел 86 дел. При такой постановке вопроса работа Наблюдкома превращается просто в оформление, не вдаваясь в существо дел.

Обслуживающий персонал Исправдома числится 300 чел., из них членов и кандидатов ВКП(б) 33 чел., комсомольцев 4 чел. Из всех коммунистов только один непосредственно обслуживает заключенных, он же секретарь ячейки ВКП(б).

Политико-воспитательная работа — это стержень Исправдома проводится очень слабо. Эту работу захлестывает производственная деятельность и бездействием администрации. На 3461 чел. выписывается газет 760 экз., журналов — 110 экз. Клуб рассчитан на 400 чел., обучено малограмотных — 350 чел. Профтехобразование — обучено в 1 полугодии 263 чел. Культурно-массовое обслуживание совершенно недостаточно, не вовлекаются нижегородские учреждения и научные силы. Заключенные в свободное время в большей своей мере предоставлены сами себе. Отмечаются случаи картежной игры, анекдотические рассказы, направленные против советской власти.

В количественном отношении Исправдом растет — сейчас числится 3461 чел., из них срочных 1750 чел., пересыльных 362 чел. и следственных 1467 чел. или 46.6%. Среди следственных встречаются много таких лиц, которые сидят по 4 месяца и больше без предъявления обвинения. При опросе было выявлено большое количество (до 60 чел.), на которых обращено внимание Прокурора.[...]****

Что представляют из себя срочно-заключенные: рабочих 293 чел., батраков 85, крестьян-бедняков 184, средняков 273, колхозников 131, кулаков 395, нетрудового элемента 91, служащих 125 чел. Из приведенных цифр особенно ярко выписываются — рабочие, колхозники, бедняки и средняки. Почему это так произошло? Беседа с заключенными и проверка приговоров показывает, что нарсуды были особенно щедры награждать лишением свободы за сравнительно небольшие проступки. Например, за кражу петуха — старуха 65 лет — дали 3 года высылки в отдаленные места СССР, за кражу козы — 2 года лишения свободы. За кражу сапог 16-летнего парня присудили на 2 года лишения свободы, за подделку чека на 6 руб. присуждено полтора года, за нехватку 400 руб. при отчете авансовых сумм 2 года, за нехватку 100 руб. — один год. За продажу поллитра воды вместо водки давали 2 года и т.д.

По преступлениям осужденные разделяются: контрреволюционные 83, бандализм 17, хулиганство 232, взяточничество 43, должностные преступления 339, убийства и телесные повреждения 184, разбой и грабеж 212, скотокрадство 45, поджоги, общ. опасное истребление имущества 57, приготовление и сбыт спиртных напитков 11 чел., злостное повышение цен 63 и невыполнение твердого задания 111 чел.

По возрасту арестованные разделяются: до 18 лет — 83 чел., от 50 до 60 лет — 119 чел., свыше 60 лет — 82 чел. Остальные — от 18 до 50 лет.

Следственных сидит 1407 чел., из них за Нарсудом — 243, следствием — 173, Прокуратурой — 119, органами ГПУ — 723, другими органами — 149 чел.

По линии ГПУ цифра сейчас имеет значительное сокращение.

Пребывание следственных в Исправдоме: до 2 месяцев — 857 чел., от 2 до 3 мес. — 229 чел. и свыше 3 месяцев — 321 чел.

В результате моего посещения заключенных и следственных подано 780 заявлений. Все эти заявления сейчас разобраны по делам заключенных и занялись рассмотрением — Члены Крайсуда и Прокурор. По своей линии они уже несколько лиц освободили из Исправдома. После рассмотрения все заявления, которые останутся без удовлетворения, поступают в КрайКК-РКИ, где снова будут рассмотрены, договоренность на этот счет имеется. Все те заявления, которые относятся к ВЦИК и Прокурору Республики будут направлены по окончании разбора здесь на места.

По спец. корпусу поступило 35 заявлений. Ввиду того, что все они относятся к местному разрешению, переданы Нач. Край ОГПУ.

При беседе с заключенными выяснилось, что у многих из них отмечаются просьбы поехать домой для уборки урожая. Из такого большого количества Наблюдоком отпустил на полевые работы всего лишь 14 чел.

Производственная деятельность Исправдома.

При Исправдоме функционируют следующие предприятия: столярная фабрика, слесарный цех, сапожная, портняжная мастерские, кирпичный завод, обоз, строительно-ремонтный цех и команда внешних работ.

Всего занято на производстве 1827 чел., на хозяйственном обслуживании 334 чел., внутренняя охрана и пожарники 82. На работах занято 64.8%, не работают 35.2%.

Производственный план на 1932 г. выражен в сумме по отпускным ценам в 3 203 249 руб. На первое полугодие намечено 1 529 788 руб., выполнено в первом полугодии 852 123 руб. или 56.38%.

Затрата труда в человеко-днях: в первом полугодии 110 855 человеко-дней по плану, выполнено 79 741, что составляет 71.9%. Выплачено зарплаты: (по плану) 107 063 руб., выплачено (фактически) 76 742 руб. или 71.67%.

По производительности труда: на один трудодень (по плану) 7 руб. 61 коп., фактически в сумме 6 руб. 49 коп. или 85.87%. Средняя зарплата (по плану) на день 97 коп., фактически выплачено 96 коп. или 99.7%.

Расчет производится аккуратно в виде выдачи заборных листков в ларьках, 25% удерживается на выход.

Суммарная прибыль за первый квартал 1932 г. выражается в сумме 93 860 руб.

Другие участки упускаю из данного сообщения, имея ввиду, что я не успел достаточно с ними ознакомиться. В нескольких словах скажу о питании. Хлеба заключенные не работающие получают 450 грамм, работающие — 800 грамм. Обед готовится в двух котлах для работающих и не работающих. В супе попадает много картофеля нечищенного, доставка пищи проходит много процедур. К заключенному попадает не в том виде, как она была в котле. Жирок, который попадает в бак, в процессе переливания и разливания значительно тереится.

Медобслуживание — на всю колонию имеется в наличии 4 врача, ежедневно один врач занят амбулаторным приемом. Посещаемость от 120 до 150 и более человек. Прием совершается в течение 6 часов. Ясно, при таком положении нельзя сказать, чтобы медобслуживание находилось на удовлетворительной высоте.

Из всего приведенного вывод напрашивается, что в отношении исправколонии нужно сделать организационные мероприятия, укрепить обслуживающий персонал. Со стороны Прокуратуры — решительные меры к ускорению производ-

ства следствия. Проверить все дела следственных. Проверить приговора и дела осужденных. Поставить на надлежащую высоту политико-проветильную работу и т.д. [...]

Инструктор Президиума ВЦИК Новиков

10 августа 1932 г.
Нижний Новгород.

ГАРФ. Ф.1235. Оп.141. Д.1369. Л.84-81. Машинопись. Правленный оригинал.

* В оригинале сведения вымараны.

** Распространенное в 1920-30-е годы наименование воров-рецидивистов.

*** Наблюдкомы – Комитеты по наблюдению за состоянием мест заключения, состоявшие из представителей различных органов и общественных организаций.

**** Далее для примера приводится список из 11 лиц, находящихся под следствием ОГПУ, которые сидят разные сроки от 2 до 11 месяцев без предъявления обвинения.

Кроме того, инспектирующий ИТК Новиков подал в ОГПУ список ходатайств, которые, по его мнению, касаются дел, непосредственно подлежащих ведению этого органа. Документ дает представление о том, как происходили аресты по так называемым «политическим мотивам»:

Секретно

**НАЧАЛЬНИКУ НИЖЕГОРОДСКОГО КРАЯ ОГПУ
тов.РЕШЕТОВУ**

Копия – Крайпрокурору т.Овощникову

В результате беседы и просмотра поступающих заявлений от заключенных Спец. Корпуса у меня имеются следующие замечания:

- 1. Очень долгое время некоторые лица находятся под следствием.*
- 2. По заявлению заключенных – мало предоставляется прогулок.*
- 3. При посещении камер у заключенных не было видно газет, журналов и книг.*
- 4. Арестованные просят снабдить их: солью, табаком и бумагой.*
- 5. Некоторые беспокоятся об уборке их хлеба.*
- 6. Один из заключенных объявил с 7 августа голодовку, требует отправки его в концлагерь.*

Поданные 35 заявлений переданы Вам на соответствующее рассмотрение, так как все просьбы, которые изложены в заявлениях, относятся непосредственно к Вам.

От кого поступили заявления и о чем они ходатайствуют.

- 1. Горчаков Н.Г. Обвиняется в спекуляции валютой*, сидит с 9 июля 32 г. В заявлении указывает, что арестован ошибочно.*
- 2. Гурвич Д.А. Обвиняется в спекуляции валютой, арестован 31 июля 32 г. На допросе заявил, что у него сохранилось 45 руб. золотом и золотая медаль. В заявлении указывает, что эти деньги и медаль жертвует на индустриализацию страны. Виновным себя не признает. Жалуется, что ему запрещены передачи и прогулки.*
- 3. Бурцев А.И. Обвиняется в спекуляции валютой. Арестован 31 июля 32 г. Арест считает совершенно неправильным...*
- 4. Вериубский С. Обвиняется в спекуляции валютой, считает себя невиновным...*

5. Ракчеев А.А. Обвиняется в спекуляции валютой, арестован 31 июля 32 г., считает себя невиновным...

6. Бормотов А.И. Административно-высланный Московским ОГПУ в г. Тамбов на 3 года. Ехал в Москву хлопотать, но на пути на ст. Арзамас был задержан и арестован... Просит перевести в Москву или Тамбов.

7. Цейтлин Д.Е. Сидит 58 дней, следствие, видимо, не закончено, последственному 63 года, страдает язвой желудка. Просит разрешить передачу и прогулку. Из заявления видно, что Цейтлин рабочий, за что арестован не указывает.

8. Поташник С.С. Арестован за спекуляцию валютой 27 июня 32 г., виновным себя не признает.

9. Горланов. Арестован 16 апреля с.г., виновным себя не признает...

10. Жижин Я.П. Находится в спец. корпусе с 30 марта 32 г. Подателю заявления 63 года. В заявлении указывается, что сильно болен.

11. Оленев А. Сын кулака, избирательных прав не лишен. Прошу ОГПУ выяснить, какое ходатайство он имеет во ВЦИК.

12. Вилков И.А. Арестован 9 апреля с.г., не знает, за что... Старику 67 лет...

13. Обвиняется по 56 ст. п.3, 7, 8 УК. Просит из одиночной камеры перевести в общую. Просит разрешить передачу и об увеличении хлебного пайка до 600-800 грамм, дополнительном отпуске обеденного и вечернего супу.

14. Гринберг И. Обвиняется в спекуляции валютой, виновным себя не признает.

15. Чесноков А.А. Сидит в спецкорпусе 4 месяца, обвиняется в агитации против советской власти. Заявитель крестьянин-бедняк. Занимался промыслом, изготовлял ложки. Просит о помиловании.

16. Ефимов В.Ф. Арестован 7 июля 32 г. за спекуляцию, арестовывается второй раз. При первом аресте отдал всю валюту и отобраны золотые изделия.

17. Сорокин Д.Е. Арестован 4 апреля 32 г. Заявляет, что в течение всего этого времени ни разу не вызывался на допрос. При аресте была предъявлена 58 ст. за то, что вышел из колхоза. Из колхоза ушел ввиду пьянки и халатного отношения руководителей колхоза. По социальному положению средняк, имеет 1 корову, 3 овцы, семья 10 человек, рабочих 2 чел. **ПРОШУ НА ЭТО ЗАЯВЛЕНИЕ ОБРАТИТЬ ВНИМАНИЕ. СРОЧНО РАССМОТРЕТЬ ПО СУЩЕСТВУ ПРЕДЪЯВЛЕННОГО ОБВИНЕНИЯ.**

18. Щерба М.Г. Арестован с 13 апреля 32 г. В заявлении указывается, что допрос делали 2 раза, ему ничего неизвестно.

19. Левин П.В. Сидит 5 месяц, заявляет, что за это время ни разу не вызывали на допрос. Подаваемые заявления оставались безрезультатными, не знает, за что сидит и в чем его обвиняют.

20. Баруткин Е.Е. Привлекается по 59 ст. пункт 3 УК.

21. Столяров Г.П. Осужден комиссией ОГПУ по ст.169 и 8 к 5 годам концлагерей. В заявлении благодарит за вынесенный приговор, считая, что он является для него воспитательной мерой. Осужденный совершил побег. В заявлении жалуется на следователя и коменданта, что они относятся к нему очень плохо. Жалуется, что комендант при посадке в камеру нанес ему 2 удара. Угрозы от следователя. Заключенный с 7 августа объявил голодовку с просьбой отправить его на этап.

22. Крымов А.И. Арестован 9 апреля 32 г. Обвинение предъявлено по 58 ст. п.7 и 10. В заявлении гражданин считает, что обвинение является неправильным. Обвиняемый служил в Красной Армии, выбирался 2 раза в сельсовет, колхозник, в колхоз вступил как член инициативной группы. Дома оставлены 4 детей.

23. Дежаме Р.И. Находится под арестом 40 дней, обвиняется в спекуляции валютой. В заявлении виновным себя не признает.

24. Вессогов В.Г. Сидит третий месяц, обвиняется по 59 ст., колхозник, виноватым себя не признает.

25. Луцаева А.П. Находится в спецкорпусе шестой месяц, бывшая монашка. Просит ускорить рассмотрение ее дела. Дома посев, заменить, т.е. убрать посев некому.

26. Шутова А.В. Арестована 26 апреля 32 г. Просит, чтобы ей разрешили взять из опечатанного имущества носильное белье. Заявляет, что она находится в одной смене белья.

27. Савин В.Ф. В спец. корпусе находится с 21 апреля, допроса ни разу не было. Заключенный жалуется на болезнь глаз и просит оказать ему помощь.

28. Владыкина Д.И. Сидит в спец. корпусе 5 месяцев, виновной себя не признает, заявляет, что дома некому убирать ею посеянный хлеб.

29. Пационская В.А. Сидит с 26 апреля 32 г., виновной себя не признает. Не знает, за что сидит, а дома — двое детей.

30. Михеев Н.Е. Обвиняется по ст. 58. п.7. Заключенный протестует, считает, что это неправильное обвинение, бывший член партии, служил в Красной Армии. Просит считать его проступок не как контрреволюционный, а как уголовный.

31. Аганин И.М. Крестьянин-бедняк, обвиняется в участии в бандитизме.

32. Перевайнов И.П. Сидит с 18 апреля 32 г., допроса не было. Обвиняется по 58 ст. Себя виновным не признает.

33. Новак М.Э. Сидит 2 месяца. Обвиняется в спекуляции валютой.

34. Брусов П.А. Арестован 10 февраля 32 г., обвиняется за связь с кулачеством и даче им документов. Просит разрешить передачу, жалуется на нехватку хлеба.

35. Злобин А.П. Твердозаданец, лишен избирательных прав. Был осужден, работал в совхозе. Директор разрешил сходить домой, где его арестовали и теперь просит его освободить, считает себя невиновным.

Прошу рассмотреть все эти заявления по существу.

Инструктор Президиума ВЦИК Новиков.

ГАРФ. Ф.1235. Оп.41. Д.1369. Л.91-90(об). Машинопись.
Правленная заверенная копия.

* Значительное число арестованных за спекуляцию валютой связано с инфляцией, общим ухудшением снабжения продовольствием и предметами первой необходимости. Обменивая валюту, можно было их приобрести в специальных коммерческих магазинах и магазинах Торгсина. (Более подробно см.: Осокина Е.А. Указ. соч. С.108-121.)

Вдобавок ко всему в деле имеется документ, датированный 14 июля 1932 г. и описывающий совершенно возмутительный случай, который показывает, как порою велась в те годы борьба с беспризорностью и преступностью в Москве:

Прокурору республики
тов. Вышинскому.

В дополнение к нашей переписке за №7к5/365 от 28 мая и №7к2/517 от 23 июня по вопросу присылки из Москвы этапом несовершеннолетних в количестве 56 человек, пишу еще раз с целью обратить Ваше внимание на то безобразие, которое совершили с ребятами.

Коротенько о ходе события: Московская междуведомственная комиссия по отбору несовершеннолетних правонарушителей, рассматривая вопрос о направлении этой группы ребят, протоколом своим от 20 апреля постановила направ-

вить всех в ГУИТУ* НКЮ. ГУИТУ в апреле месяце всех 56 чел. направило этапом в Арзамас. Арзамас не был заблаговременно предупрежден о направлении этой партии. В Арзамасском ИТД в тот момент производился ремонт, по этой причине ребят разместить было нельзя и пришлось их пересылать в Нижегородскую ФЗТК и без того переполненную сверх нормы.

Но положение значительно осложнялось тем, что никаких документов и решений, кроме протокола от 20 апреля, для чего заключены под стражу малолетние и на какой срок, прислано не было.

Начальник КУИТУ и Краевая Прокуратура с первой половины мая писали и телеграфировали в НКЮ о высылке документов на заключенных ребят. В телеграммах своих угрожали в случае неприсылки документов освободить всех ребят. Получили из Прокуратуры Республики ответ, чтобы с освобождением воздержались. а ребят направить соответственно протокола, а в протоколе, повторяю еще раз, указано: «направить в ГУИТУ НКЮ». Еще раз получили извещение, что дело срочно выясняется.

А несовершеннолетние в это время начали голодать и резаться, соскучившись сидеть в ФЗТК, [и] не дождавшись, пока «срочно» разрешится вопрос, мы вопреки запрещения Прокуратуры Республики, самовольно начали распределять ребят — в ФЗУ, в Трудкоммуну, некоторых возвратили родителям, как незаконно похищенных, кое-кого освободили.

И, наконец, в первых числах июля получили от Прокуратуры Республики протокол Дежурной Комиссии по делам о несовершеннолетних от 19 июня. По протоколу этому 24 человека из 56 надлежит по постановлению Комиссии направить на работу через Отдел Труда.

Товарищ Вышинский, в отношении своем от 28 мая мы просили принять соответствующие меры против лиц, виновных в волоките, но дело получается значительно хуже...

Кому нужно было взять 24 чел. 15-16-летних ребят, направить этапом в Арзамас, затем этапом в Нижний, задержать на положении заключенных в течение нескольких месяцев, и все это для того, чтобы направить на работу через Отдел Труда?

С какого времени в СССР установился такой порядок направления на работу несовершеннолетних?

Прошу это дело расследовать и о принятых мерах сообщить.

Зам. крайпрокурора Овощников

ГАРФ. Ф.1235. Оп.141. Д.1369. Л.89-89(об).
Машинописная заверенная копия.

* ГУИТУ — Главное управление исправительно-трудовых учреждений.

На документе от руки имеется приписка:

Зам. секретаря ВЦИК т.Новикову Н.

Направляю копию отношения Крайпрокурора. Прошу с Вашей стороны принять срочные меры. Сообщаю, малолетние дети еще не все взяты из исправдома до [дата не ясна] и имеют общение с преступным взрослым элементом. При посещении арестованных мне пришлось видеть этих детей. За что высланы из многих не знают. Сообщите о результатах.

2 августа 32 г.

Инструктор ВЦИК Новиков

Советский плакат периода индустриализации.

Молодая работница за сверлильным станком.

Подобные факты были далеко не единичными. На первых порах казалось все просто: 10 марта 1931 г. вынесли решение о полной ликвидации уличной беспризорности в Москве, в 10-дневный срок всех беспризорных детей изъять с улиц, перевести в детдома, трудкоммуны и другие учреждения. Подсчитали, что в Москве 1200 беспризорников, составили проект сметы, выдать одежду, продукты и т.п. — и дело с концом.⁶¹ Но все оказалось намного сложнее.

Некоторое упорядочение деятельности исправительно-судебных органов начинается с 1933 г. Этот процесс был отмечен снижением числа беспорядочных арестов, приведением их в соответствие с судебной практикой. Происходила разгрузка мест заключения от случайно попавших туда элементов. Одновременно наблюдалось ужесточение наказаний. Количество приговоров, вынесенных судами, резко подскочило: с 141256 до 239664. Если в 1933 г. население ГУЛАГа увеличилось на 176 тыс., то в 1934 г. — на 455 тыс., в 1935 г. — еще на 330 тыс.⁶² Однако события этого времени можно рассматривать лишь как прелюдию к развязыванию последующих массовых репрессий, имевшую характер очередной кампании, которая в 1936 г. пошла на убыль.

Но сектор принудительного труда постоянно рос. Он получает свое организационное оформление и становится важным фактором развития экономики. Значительную часть его составили спецпереселенцы (с 1934 г. — трудпоселенцы) жители, возникших в стране специальных или трудовых поселков, ставших одним их способов принудительной колонизации территории страны. В 1933 г. в них прибыло почти 400 тыс. «кулаков» и членов их семей, вдвое больше, чем в предшествующем году. Однако общее число спецпереселенцев в стране уменьшилось на 70 тыс., вследствие высокой смертности и массовых побегов. В том же году, например, умерло 152 тыс. переселенцев, бежало — 246 тыс.⁶³

По мере решения задач сплошной коллективизации «кулацкая ссылка» постепенно сокращается в своих размерах. В 1934 г. в трудпоселки прибыло 255 тыс., в 1935 г. — 246 тыс., в 1936 г. — 165 тыс., в 1937 г. — 128 тыс. человек. Однако на конец 1937 г. их общая численность составила только 878 тыс., т.е. почти на 450 тыс. меньше, чем на конец 1931 г., когда число спецпереселенцев достигло максимальной отметки.⁶⁴

К середине 1930-х годов они уже несколько «обжились» на новых местах. В трудпоселках появились школы, профтехучилища, техникумы. Началось размывание их жителей вследствие увеличения лиц, не состоявших на учете НКВД. (Надзор, хозяйственное устройство и другие вопросы управления в трудпоселках осуществляли комендатуры НКВД, а в масштабах СССР — Отдел трудовых поселений ГУЛАГа). В мае 1934 г. трудпоселенцы были восстановлены в гражданских правах, а с января 1935 г. — в избирательных. Одновременно с 1934 г. трудпоселенцы обязаны были платить налоги и погашать задолженность по ссудам, выданным на первоначальное обустройство. Однако восстановление трудпоселенцев в правах было далеко не полным. Они не имели паспортов, их не могли призывать в Красную Армию, они не имели права возвратиться на старые места своего проживания. Тем не менее число людей, самовольно покидавших трудпоселки, постоянно увеличивалось.

По мере продвижения в наиболее удаленные, суровые и малонаселенные районы освоения — безводные степи и арктический пояс усиливалась роль такой формы принудительного труда, как исправительно-трудовые лагеря (ИТЛ), отличавшиеся особенно жестоким режимом. В 1936 г. в них содержалось, по данным НКВД, 821 тыс. заключенных.⁶⁵ Эти лагеря становились главным средством освоения новых труднодоступных районов и использования дешевой рабочей силы в экстремальных условиях. Почти каждый такой лагерь имел свою столицу (главный лагерь) и пригороды (лагерные пункты, лагпункты). Отдаленная Колыма и ее столица Магадан, добраться куда можно было лишь морем да и то только в определенный период года, стали символом ГУЛАГа.

В дополнение к лагерям была придана система более мелких и многочисленных исправительно-трудовых колоний (ИТК), раскинутых по всей огромной стране. В них в 1936 г. по данным НКВД находилось 375 тыс. заключенных.⁶⁶

То, что происходило в сфере принудительного труда, находилось в русле тех тенденций, которыми была отмечена вторая пятилетка. Отметим некоторые из них, важные для понимания последующего содержания книги.

Пятилетка ознаменовалась замедлением темпов «социалистического наступления» на фоне непрекращающейся пропаганды о «выдающихся достижениях СССР на фронте социалистического строительства». Не отказываясь на словах от штурма, «большого скачка», рассчитанного на построение в СССР в кратчайший срок социалистического общества, на деле сталинское руководство переходит к более реалистической политике. Жизнь, как говорится, брала свое.

Катастрофические последствия первых лет «социалистического наступления», хаос и беспорядок в стране требовали от сталинского руководства предпринять какие-то шаги. Первые симптомы изменения политики можно проследить уже в выступлении Сталина перед хозяйственными руководителями 23 июня 1931 г. Сказывалось влияние наиболее прагматично настроенной части партийно-хозяйственной номенклатуры. Непосредственные руководители производства стремились несколько ослабить напряжение, сложившееся в предшествующий период.

Сталин говорил теперь о необходимости организованного набора рабочей силы в колхозах, ликвидации текучести, уравниловки, улучшении бытовых условий, правильной расстановки кадров, внедрении хозрасчета. Наряду с призывом создавать новую рабочую интеллигенцию, Сталин осудил травлю специалистов старой школы. Руководство осознало, что гонения на них в условиях нехватки квалифицированных кадров только усугубляют трудности на производстве. Специалистов сначала под присмотром органов ОГПУ стали возвращать на прежние места, потом было объявлено о «прощении» ряда лиц, связанных с «вредителями» ввиду их готовности работать на благо социализма. Были отменены некоторые ограничения, установленные ранее по социальному признаку, введены дифференцированные ставки оплаты труда, осуждалась уравниловка. Зарплата ставилась в зависимость от непрерывного производственного стажа. Был приторможен процесс выдвигенчества, поскольку многие выдвигенцы (специалисты-практики) не оправдали возложенных на них ожиданий и своими действиями

только подрывали авторитет руководства. Предпринимались шаги для укрепления дисциплины на производстве. В сентябре 1932 г. были введены трудовые книжки, в которых отражались все трудовые перемещения, которые становились объектом внимательного изучения со стороны отделов кадров. На предприятиях вводилась сдельщина, т.е. оплата труда, размеры которой зависели от количества произведенной продукции. Неявка на работу по закону от 15 ноября 1932 г. была чревата увольнением с производства, лишением продовольственных карточек и выселением с занимаемой жилплощади. Введение прописки рассматривалось как одна из мер борьбы с текучестью кадров. Таким образом, большинство предпринимаемых шагов лежало в русле ужесточения административного режима и карательных мер.

Вместе с тем, государство вынуждено было пойти на сохранение в экономике элементов рыночной торговли. Было признано существование «колхозного рынка», оставалась коммерческая торговля.

Новая пятилетка пришлась на период, когда в строй действующих должны были войти большинство запланированных ранее объектов. И действительно, если первым пятилетним планом был предусмотрен ввод в действие 1500 предприятий, то вторым — 4500. Этот факт знаменовал завершение первой стадии промышленного рывка и переход на новый качественный этап. Ввод в действие новых объектов сразу же обнажил центральную проблему — необходимость освоения новой техники. Прибывающая на заводы рабочая сила из деревни не отвечала этой задаче. В 1934 г. примерно треть установленного оборудования бездействовала из-за неумения на нем работать и организационной неразберихи, 60% было задействовано не на полную мощность. Даже официальные советские источники свидетельствуют о громадных трудностях, которые возникали при пуске новых заводов. Немалую роль в их преодолении сыграло создание уже в годы первой пятилетки системы НИИ и учебных заведений, тесно привязанных к производству: заводов-вузов, техникумов, технических и политехнических институтов. Наряду с увеличением выпуска дипломированных специалистов через вузы и техникумы была перестроена вся система массового общего и профессионально-технического образования. На базе начальной школы, обязательность обучения в которой была установлена государством, была создана широкая сеть школ ФЗО и ремесленных училищ со сроком учебы от 0.5 до 2 лет для подготовки рабочих массовых профессий, положившее начало советской системе профессионально-технического образования.

Одновременно значительно расширилась сеть школ, дающих неполное среднее (НСШ — школы-семилетки) и среднее общее образование (десятилетки — СШ).

За годы первой и второй пятилетки в СССР возник целый ряд новых отраслей: тяжелое машиностроение, производство новых станков и оборудования, автомобильная, тракторная промышленность, танкостроение, авиастроение и многие другие. Практически полностью были реконструированы такие отрасли, как энергетика, черная и цветная металлургия, химическая и нефтехимическая промышленность. Внедрение новой технологии с точки зрения того времени означало переход к массовому поточному конвейерному производству, требующему определенных квалификационных навыков, уровня образования и дисциплины труда. Отсюда вполне понят-

ным становится комплекс мер, выдвинувшихся на повестку дня в эти годы, которые раньше были своего рода камнем преткновения на пути индустриализации. Необходимо учитывать, что характер нового производства, требующий постоянного, в общем-то изматывающего силы напряженного труда, не был особенно привлекательным для молодых поколений. Складывавшаяся планово-распределительная система сообразно своей логике вынуждена была приспосабливаться к новым условиям и делать шаги, которые представляли собой любопытное сочетание методов принуждения с моральным и экономическим стимулированием.

Крайне противоречивым явлением того времени стало стахановское движение, которое можно рассматривать в качестве своеобразного всплеска штурмовых настроений. В августе 1935 г. шахтер Алексей Стаханов вырубил 102 т угля, во много раз превысив дневную норму. По примеру Стаханова устанавливались рекорды и в других отраслях народного хозяйства. В отличие от ударничества первой пятилетки, когда упор делался на коллективные формы труда: ударные бригады, цеха, участки, заводы и стройки, соревнование теперь идентифицировалось с именами конкретных «героев трудового фронта». Газеты пестрели сообщениями о новых достижениях А. Стаханова, Н. Изотова, Н. Сметанина, А. Бусыгина, Е. и М. Виноградовых и др. В какой-то мере это движение было отражением новой потребности получать вознаграждение за труд в соответствии с количеством вложенного труда.

Руководство решило использовать движение, чтобы возбудить новую волну трудового энтузиазма, направленного на решение задач пятилетки. В отличие от ударничества, делавшего упор на силовые, экстенсивные формы соревнования, стахановское движение было провозглашено как движение новаторов производства, достигающих успехов за счет улучшения организации труда, более совершенного владения техникой. Вместе с тем в стахановское движение была привнесена и политическая подоплека. На первом Всесоюзном слете стахановцев в ноябре 1935 г. Сталин подчеркнул революционный характер движения, противостоящего консерватизму инженеров, техников и руководителей предприятий. Тем самым движение с самого начала пришло в противоречие с логикой развития планово-распределительной системы, входившей в стадию гомеостаза. Рекордомания вела к нарушению нормального производственного процесса, перерасходу сырья и материалов, износу оборудования. Сильно страдало качество продукции. Установка на рекорды для остальных рабочих означала повышение интенсивности труда и снижение расценок за произведенную продукцию, увеличение норм выработки для каждого отдельного рабочего.

Между тем жизнь в стране понемногу становилась лучше. Наиболее заметно это было в столице. 15 мая 1935 г. вступила в строй 1 очередь московского метро — до сих пор самого красивого и удобного метро в мире. Тогда казалось, что это — реальный пример того, что СССР все по плечу, ведь вся страна строила метро и вся страна радовалась его открытию, любовалась его праздничностью и красотой. В 1934 г. в связи с решением об отмене с 1 января 1935 г. карточной системы Москва стала свидетелем небывалого зрелища: по улицам прошли «колбасные марши», в ходе которых разные сорта «микояновской» несли, наравне с красными стягами, как символ социалистической зажиточности. Именно начиная с тех времен колбаса

стала эталоном материального благополучия советской семьи. Широкий ассортимент колбасных изделий в Москве в середине 30-х гг. действительно появился в связи с тем, что Московский мясокомбинат (начало строительства — 1931 г.), с 1934 г. — им. Микояна, успешно осваивал выпуск продукции. Жизнь показала, что чрезвычайное перенапряжение первых пятилеток и связанный с ними известный аскетизм, как и «вынужденное воздержание» периода карточной системы, не могут продолжаться бесконечно. Надо было «выпустить пар» и одновременно продемонстрировать возросшую заботу о людях. В 1934-1936 гг. в торговлю и бытовое обслуживание неожиданно внедряются новые формы, весьма далекие от привычных представлений о нуждах человека-коллективиста, о пренебрежении к деликатесам и комфорту. На примере решений МК и МГК ВКП(б) 1933-1936 гг. отчетливо прослеживается тенденция расширения сети гостиниц, кафе и ресторанов, парикмахерских и особенно — мастерских индивидуального пошива одежды и обуви. Кондитерские фабрики не только существенно увеличивают объем производства (в том числе — шоколада, конфет, печенья), но и создают в столице целую сеть специализированных магазинов. Начинается победное шествие «советского шампанского», долгие годы удивлявшего весь мир дешевизной и общедоступностью. Борьба за культуру потребления приобретает порой необычные формы. Так, 11 июня 1934 г. Моссовет принимает специальное постановление о запрещении торговли виноградными винами в магазинах стаканами.⁶⁷ В том же году принимаются решения о реорганизации мебельных фабрик, о строительстве под Москвой завода грампластинок и др. Даже булочные, и те осваивают новые формы обслуживания — проводятся выставки-дегустации новых сортов, покупка хлеба с доставкой на дом и т.д. Но особенно существенные сдвиги провозглашаются в жилищной политике. Еще совсем недавно идеалом считались такие формы социалистического общежития, как дома-коммуны, города-коммуны, в которых нет места буржуазному индивидуализму. И вот в 1934 г. утверждается план реконструкции и развития Москвы, предусматривавший, в частности, строительство огромного жилого комплекса на юго-западе столицы — своеобразного прообраза города коммунистического завтра. Шла активная разработка типовых проектов его застройки, в соответствии с принципиальными партийными директивами. И тут выясняется поразительная вещь — предусматривалось, что каждая семья будет жить в отдельной квартире со всеми удобствами, причем каждый член семьи должен иметь свою комнату. Новые ориентиры в условиях бедственного положения с жильем в середине 1930-х годов казались поистине фантастическими.

Необходимо добавить, что середина 1930-х годов ознаменовалась некоторыми признаками либерализации режима. Средства массовой информации, в соответствии с указаниями партийного руководства всячески поддерживали этот настрой. Весьма показательным в этом отношении оказалось выступление Л. Мехлиса — главного редактора «Правды», человека осведомленного и далеко не последнего в партийной иерархии, на совещании газетчиков 13 августа 1935 г. «Мы встречались с двумя фактами амнистии. Это очень знаменательно. Если не бояться громких слов, можно было бы говорить о советском либерализме.»⁶⁸ Зная осторожность Мехлиса, его приверженность следованию «линии ЦК», можно почти не сомневаться,

что он озвучил мнение руководства. И хотя термин «советский либерализм» не прижился, как и сама тенденция, островки либерализма, а точнее, либеральных иллюзий, действительно существовали, и не только в политической сфере, о чем уже говорилось, но и в экономике и культуре. Любопытно, что наступление «либеральных» тенденций одними из первых уловили руководящие кадры, чутко улавливающие любые перемены курса. Показательно, что XVII съезд ВКП(б) был воспринят некоторыми делегатами как индикатор демократизации. Так, член Актюбинского обкома ВЛКСМ Назаров, вернувшись со съезда в родной город, позволил себе следующее: в городском саду во время гулянья он встретил знакомых, которые спросили Назарова, откуда он вернулся. Тот ответил: из Москвы. На вопрос, что он там делал, Назаров огорошил слушателей: «Открывал XVII съезд». «Как так?» Дальше отступать было некуда и комсомольский вожак доверительно сообщил огорошенной публике: «А так. Приезжаю на съезд, смотрю, Сталин выходит на трибуну вдребезги пьяный. Я его взял за шиворот, вышвырнул и сам открыл съезд». В результате — общий хохот в ответ на удачную шутку, а окрыленный успехом Назаров повторяет эту историю следующей группе слушателей. В результате очень скоро весь городок Актюбинск «знал правду» об открытии XVII съезда партии, а в Москву, на имя Бубнова и Косарева 1 ноября 1934 г. поступила докладная об этом незаурядном событии.⁶⁹

О кадрах периода «социалистического наступления» — разговор особый. Этому посвящена следующая глава книги, лежащая в русле основного лозунга второй пятилетки: «Кадры решают все!»

Примечания:

¹ Многотиражка «Ударник Метростроя» 1933, 29 декабря.

² Первый Всесоюзный съезд ударных бригад (к тридц. съезда). М., 1959. С.52-53.

³ Там же. С.179.

⁴ ЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.62. Л.36-54.

⁵ ЦМAM. Ф.2090. Оп.1. Д.832. Л.1-2.

⁶ ГАРФ. Ф.1235. Оп.141. Д.583. Л.204.

⁷ ГАРФ. Ф.1235. Оп.141. Д.583. Л.203.

⁸ РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.211.

⁹ РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.210.

¹⁰ РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.211.

¹¹ ЦХДМО. Ф.1. Оп.3. Д.65. Л.83.

¹² ЦХДМО. Ф.1. Оп.3. Д.65. Л.82.

¹³ ЦХДМО. Ф.1. Оп.3. Д.65. Л.83.

¹⁴ ЦХДМО. Ф.1. Оп.3. Д.65. Л.84.

¹⁵ Сталин И.В. Соч. Т.12. С.168.

¹⁶ Ивеницкий Н.А. Коллективизация и раскулачивание в начале 30-х годов

//Кооперативный план: иллюзии и действительность. М., РГГУ. 1995. С.45.

¹⁷ Там же. С.51.

¹⁸ ГАРФ. Ф.1235. Оп.4. Д.47. Л.163.

¹⁹ РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.100. Л.55.

²⁰ ГАРФ. Ф.3316. Оп.1. Д.448. Л.68.

²¹ ГАРФ. Ф.3316. Оп.1. Д.448. Л.66.

²² РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.100. Л.101.

²³ РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.100. Л.139.

²⁴ РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.100. Л.139.

²⁵ ГАРФ. Ф.3316. Оп.1. Д.448. Л.69.

²⁶ РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.195.

- 27 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.196-199.
- 28 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.237. Л.373.
- 29 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.237. Л.376.
- 30 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.236. Л.58.
- 31 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.236. Л.76.
- 32 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.236. Л.65.
- 33 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.236. Л.65.
- 34 Сводку «Крестьянской газеты» об организации труда в колхозах см: РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.272-246.
- 35 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.269-267.
- 36 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.271.
- 37 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.270-269.
- 38 Более подробно о карточной системе и нормах снабжения населения см.: *Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928-1935 гг. М., 1993.*
- 39 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.202.
- 40 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.202.
- 41 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.102. Л.202.
- 42 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.236. Л.11.
- 43 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.236. Л.35.
- 44 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.236. Л.9.
- 45 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.236. Л.6.
- 46 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.237. Л.324-294.
- 47 *Ивеницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов: КТО ВИНОВАТ? // Голод 1932-1933 годов. М., 1995. С.61.*
- 48 «Дон». 1988. №6. С.122.
- 49 РГАЭ. Ф.7486. Оп.1. Д.100. Л.109.
- 50 ГАРФ. Ф.7952. Оп.7. Д.297. Л.47.
- 51 Рассказы строителей метро. М., 1935. С.80.
- 52 Там же. С.28.
- 53 Там же.
- 54 РЦХИДНИ. Ф.558. Оп.1. Д.2939.
- 55 РЦХИДНИ. Ф.12. Оп.1. Д.748. Л.34.
- 56 РЦХИДНИ. Ф.12. Оп.1. Д.114. Л.1.
- 57 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.333. Л.54.
- 58 РЦХИДНИ. Ф.386. Оп.1. Д.57. Л.15.
- 59 Рассчитано на основании позднейшей сводки, составленной органами НКВД. См.: ГАРФ. Ф.9401. Оп.1. Д.4157. Л.201-205.
- 60 Рассчитано на основании позднейшей сводки, составленной органами НКВД. См.: ГАРФ. Ф.9401. Оп.1. Д.4157. Л.201-205.
- 61 ЦМАМ. Ф.528. Оп.7. Д.14. Л.1.
- 62 Подсчитано по: ГАРФ. Ф.9401. Оп.1. Д.4157. Л.201-205. *Земсков В.Н. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. №6. С.11; J.Arch Getty, Gabor T.Rittersporn, and Victor N.Zemskov. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // The American Historical Review. Vol.98. No 4. October 1993. P.1048.*
- 63 Подсчитано по: *Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // Социологические исследования. 1991. №10. С.5.*
- 64 Подсчитано по: *Земсков В.Н. Спецпереселенцы // Социологические исследования. 1990. №11. С.6.*
- 65 *Земсков В.Н. ГУЛАГ. С.11; J.Arch Getty, Gabor T.Rittersporn, and Victor N.Zemskov. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years. P.1048.*
- 66 *Земсков В.Н. ГУЛАГ. С.11; J.Arch Getty, Gabor T.Rittersporn, and Victor N.Zemskov. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years. P.1048.*
- 67 ЦМАМ. Ф.150. Оп.1. Д.366. Л.266.
- 68 РЦХИДНИ. Ф.386. Оп.1. Д.61. Л.2-3.
- 69 ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1070. Л.29-30.

«КАДРЫ РЕШАЮТ ВСЕ!»

Общий настрой, характерный для «социалистического наступления», охватил и кадры руководителей, вынужденных порою работать на грани эмоционального срыва. Поставленная задача — возбудить массы, поднять их за собой как в атаку — давала себя знать. В мае 1929 г. тогдашний председатель Госплана Г.М.Кржижановский так описывал в письме к жене одно из своих выступлений: «А время-то какое переживаем великое... Проснулась великая мощь низов! Решающая историческая сила — налицо! Не может мое перо изобразить ту волнующую радость, которая меня охватывает, когда я это вижу. Становлюсь тогда действительно поэтом. И слушатели это почувствовали...» Закончил он речь о пятилетнем плане под бурные овации и пение «Интернационала». «Были даже случаи истерики», — рассказывал далее автор письма, отмечая, что каждый раз после таких выступлений долго не может придти в себя. «Сейчас я слаб и разбит, но... на душе хорошо. Свое сделал, свою каплю в великое дело влил. А там — пусть будет, что будет!» Ощущение, по его словам было такое, что после вынужденной отсидки в нэповском окопе партия вновь подняла всех в долгожданный бой, в наступление на врага.¹

Но далеко не все кадры в стране Советов соответствовали этой «исторической задаче», а самое главное, — к чему в исторической перспективе могло привести это безоглядное: «пусть будет, что будет!».

Очевидным было то, что к началу «социалистического наступления» состав руководящих кадров оставался еще достаточно пестрым. На наиболее важных постах партийного, советского, государственного управления, во главе общественных организаций находились представители большевистской элиты старшего поколения. За плечами у них был, главным образом, опыт политической борьбы, который, безусловно, оказывал влияние на характер их практической деятельности. Многие из них в период внутрипартийных схваток в 1920-е годы были не на стороне Сталина, а значит не могли рассматриваться им в качестве надежных проводников его «генеральной линии». Кое-где руководящие должности занимали так называемые «старые» или «буржуазные специалисты». Их политическое прошлое было неоднозначным, включая людей как полностью аполитичных, так и ранее состоявших в различных партиях: от меньшевиков до кадетов включительно. Их взгляды на то, что происходило в СССР, тоже не отличались единством. Значительная их часть симпатизировала «правому уклону» в партии, лидерами которых были Бухарин, Рыков, Томский, призывавшие к умеренности и осторожности в общественных преобразованиях.

Но самую большую группу среди руководителей, особенно на местах, составляла новая генерация коммунистов, вступивших в партию в годы революции и гражданской войны и входивших в партийную номенклатуру, т.е. людей, подобранных партийным аппаратом и поставленных на различ-

ные ответственные посты. В течение первого послереволюционного десятилетия они выросли в значительный социальный слой, который был «плоть от плоти» того общества, которое его породило. Он постоянно пополнялся новыми кадрами. Их в то время называли выдвиненцами. С началом «социалистического наступления» на них и была сделана ставка.

Поток выдвиненцев стал быстро продвигаться по ступенькам власти и управления. За годы первой пятилетки численность партии, служившей основным резервуаром для выдвижения кадров, увеличилась вдвое и достигла в 1932 г. цифры 3.7 млн. членов. Опыта руководящей практической работы и знаний для того, чтобы как-то решать насущные проблемы у выдвиненцев было явно маловато. Зачастую это компенсировалось административным рвением и суетой. Выдвиненцы, не задумываясь, в интересах карьеры шли на разоблачение ошибок, действительных и мнимых, своих руководителей.

Основными условиями для выдвижения были партийность, «пролетарское» происхождение и твердость в проведении «генеральной линии», верность тому курсу, который провозглашало партийное руководство во главе со Сталиным. Новые кадры должны были исповедовать, хотя бы на словах, непоколебимую веру в светлое будущее, согласно заветам революции, готовность ради этого идти на любые жертвы, уверенность в том, что «нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики». От этого зависело дальнейшее продвижение по ступенькам карьеры. Одновременно интересы новой поросли руководителей, устремившихся в органы власти и управления, неизбежно вели к конфликту с теми, кто успел раньше занять тот или иной ответственный пост. Одним из способов замены кадров стала Генеральная чистка.

Решение провести чистку партии и госаппарата «под контролем трудящихся масс» под флагом борьбы с бюрократизмом, с извращениями партийной линии, развертывании критики и самокритики было принято на XVI конференции ВКП(б) (май 1929 г.). Чистка в широких масштабах распространилась на все советские учреждения. Активное участие в ней принимали рабочие бригады по чистке, присылаемые с производства. Этот этап чистки целиком и полностью совпадает с общим настроением, характерным для начала «социалистического наступления». Она нередко превращалась в публичную травлю людей по социальным и политическим мотивам.

Первый удар чистки пришелся на разного рода «уклонистов от генеральной линии», особенно «правых», взгляды которых оказались в наибольшем противоречии с духом времени. Против них развернула широкую кампанию печать, повсеместно шли собрания и митинги с их «разоблачением» и осуждением. На ноябрьском пленуме 1929 г. ЦК принадлежность к «правому уклону» была признана несовместимой с пребыванием в партии. За короткий срок из нее было исключено 149 тыс. человек (11%) в основном по обвинению в «правом уклоне». Как правило, это означало устранение из аппарата тех, кто был не по нраву новым выдвиненцам. Большинству из них приходилось публично признаваться в своих ошибках и заблуждениях, иначе дальнейшая карьера для них становилась невозможной. Но не только. Различные факты биографии человека становились предметом

пристального разбирательства и могли обернуться самыми неприятными последствиями.

Вот, например, заявление в Президиум ЦКК ВКП(б) от 4 октября 1930 г. одного из крупных хозяйственных работников Ф.Т.Колгушкина с просьбой о восстановлении в партии:

Уважаемые товарищи.

В марте 1928 г. постановлением Президиума ЦКК я был исключен из рядов ВКП(б) за то, что в 1911 г., будучи осужден С.-Петербургской Судебной Палатой по 102 ст. за принадлежность к РСДРП(б), затем подал прошение на имя царя о помиловании, был помилован и все это скрыл от партии, особенно при выборе меня на XV съезде ВКП(б) кандидатом в члены ЦК ВКП(б).

Как в своих предыдущих заявлениях (в 1928 и 29 гг.), так и теперь считаю этот свой поступок тяжчайшим преступлением перед партией, подлым поступком и поистине ренегатским.

Также считаю, что принятая в 1928 г. в отношении меня мера наказания являлась правильной и мною заслуженной.

Заверяю, что в течение двух с половиной лет, неся это тяжелое, ужасное для большевика наказание, я не переставал во всех своих действиях быть большевиком, не перестану им быть, потому что я большевик и потому, что я должен искупить свою вину перед партией.

Находиться дальше в таком положении для меня становится невозможным и невыносимо тяжелым.

Я не могу больше быть вне партии, когда требуется напряжение всех сил в великом деле все больше и больше развертывающегося строительства социализма.

Прошу Президиум ЦКК ВКП(б) вернуть меня в ряды ВКП(б). Это даст мне возможность с еще большими силами продолжать участие в величайшем социалистическом строительстве, в борьбе партии за преодоление трудностей и искупить свою вину.

До мая 1929 г. я работал в Новосибирске в качестве заместителя Председателя Сибкрайсовнархоза.

15 мая 1929 г. в ЦКК по представлению Сибирской КрайКК ВКП(б) было вынесено постановление о возможности возвращения меня в партию, но запросить отзыв рабочей ячейки. После этого меня назначили в мае 1929 г. начальником Кузнецкстроя. Организация строительства на новом месте заняла все мое время. Из Новосибирска пришлось переехать и я находился поочередно на строительстве в Томске и в Москве. Затем меня командировали в Америку для заключения договора с инженерной формой на строительство Кузнецкого завода и для размещения заказов на оборудование. В Америке и Германии я пробыл в общей сложности 8 месяцев. Все это лишило меня возможности оформиться в партию, согласно постановления ЦКК от 15 мая 1929 г. Теперь, по возвращении из заграницы, меня направляют на Урал, Уралмет. Здесь моя работа, по-видимому, с самого начала будет связана с длительными и частыми поездками на заводы, учитывая мои наблюдения за работой и организацией американских заводов. Это снова затруднит и затянет мое оформление, возвращение в партию и не даст возможности работать с той плодотворностью, с какой можно работать, находясь в рядах партии.

Я не могу быть и работать на положении спеца и еще раз прошу ЦКК вернуть меня в партию. Я происхожу из безземельных крестьян и с детства, начиная с пастуха, работал по найму.

РГАЭ. Ф.8043. Оп.11. Д.11. Л.13-14. Копия. Машинопись.

Итак, заявитель не может оставаться, как он пишет, на положении «спеца», отлично понимая, что иначе путь в служебной карьере ему будет закрыт. В данном случае вопрос был решен положительно, учитывая пост, который занимал Колгушкин, хотя «позорное клеймо» теперь навсегда осталось в его личном деле, но далеко не всегда подобные заявления заканчивались благополучным исходом в зависимости от партийной оценки прошлых проступков. Неудивительно, что все большее значение приобретали бюрократические аппаратные методы «выяснения личности», происходившие путем сбора различного рода заявлений, анкет, автобиографий, проверки фактов и т.п. В том же деле, например, хранится заявление работников Наркомторга А.Амосова и П.Караваяева, которые, возражая против восстановления в партии своего бывшего коллеги А.Е.Гара, писали о нем следующее:

По существу мы настаиваем на пересмотре вопроса из следующих мотивов. Гр. ГАР заявил на МКК, что он стоял на левом крыле эсеров, будучи в ВИКЖЕЛЕ, Председательствуя в стачке железнодорожников (сентябрь 1917 г.), на деле ГАР был отъявленным правым эсером, с бешеной злобой относившимся к большевикам и пролетарской революции. Председательствуя в стачечном комитете, он ломал стачку в угоду ЧЕРНОВУ, КЕРЕНСКОМУ, так что сообщение его — есть скрывание и смазывание подлинной его контрреволюционной роли. В Октябрьские дни в Москве он состоял при штабе юнкеров полковника Рябцева, которому он, несомненно, активно помогал. В результате действий ГАРА вместе с контрреволюционным крылом Московского Бюро ВИКЖЕЛЯ в тыл нашим красногвардейцам в Октябрьские дни прорвалась группа белогвардейцев с Брянского вокзала и тогда мы потеряли много большевиков-красногвардейцев из-за этого предательства. После Октябрьских дней, если бы ГАР попал в руки большевиков, а он заблаговременно успел смыться, ему бы здорово несдобровать. У многих было настроение расстрелять его.

По его заявлению, он активно помогал большевикам в Харькове, причем он сослался на члена подпольного ревкома тов.Савельева. Товарищ же Савельев написал следующую записку в ответ на записку АМОСОВА: — По моему ГАР не контрреволюционер, но шкурник. — Вот какова его действительная теперешняя характеристика. Эту характеристику подтверждает Комиссия по чистке Наркомторга. Подозрителен его уход в Харьков после Октябрьской революции. Наверняка он «тикал» от большевиков и лишь после того, как Деникин припек меньшевиков и эсеров, он кое-какие незначительные дела произвел против Деникина, а теперь он выдает эти дела за очень революционные и прямо большевистские.

Он выдает себя за полного инженера. В ВИКЖЕЛЬ он был избран, как начальник станции с Казанской дороги и во всяком случае, как выяснилось, он недоучившийся инженер.

В ЦКК, видимо, при его восстановлении сыграло большую роль то, что он теперь числится главным механиком на Риддеровском цинковом комбинате в Казахстане. Однако, туда он попал по протекции через главного инженера Риддера тов.СТАМО, бывшего левого эсера, теперь коммуниста-железнодорожника, также члена ВИКЖЕЛЯ, сильно путанного в бытность его левым эсером и легковерного к людям. До этого ГАР был чиновником Наркомторга. В делах Риддера он, видимо, понимает чрезвычайно слабо, так как никогда по этой специальности он не работал, имея основную профессию железнодорожника и при том недоучившегося инженера. Это также характеризует его ловкость рук.

О Гаре я неоднократно беседовал со своими товарищами по революционной пятерке, руководившей захватом власти на железных дорогах Московского узла в Октябре 1917 г. (Пятницким, Зиминым и другими). Все они, как и семнадцатигодники большевики этого района, с чрезвычайным негодованием вспоминают о ГАРЕ и считают ошибочным и совершенно неправильным принятие в партию этого, с позволения сказать, «большевика».

Поэтому просьба к партколлегии снова пересмотреть этот вопрос с вызовом всех заинтересованных лиц, например, т. Караваяева из ЦКК, Пятницкого, Зимины, бывшего левого эсера Лапшера Константина, теперь большевика, и других. В случае же, если партколлегия не станет рассматривать этот вопрос прошу поставить его на Президиуме ЦКК.

РГАЭ.Ф.8043. Оп.11. Д.11. Л.11-12. Копия. Машинопись.

Как видим, заявители упирают больше на политическую биографию работника, чем на его профессиональные качества, и, скорее всего, не забота о судьбе разработки Риддеровского месторождения тревожила их, а обыкновенная зависть к более удачливому коллеге. Сплошь и рядом на различных номенклатурных должностях в те годы работали люди не по специальности, недоучившиеся, а то и вовсе малообразованные. Особенностью Генеральной чистки было то, что на смену «вычищенных» устремлялся встречный пестрый поток новых членов партии, стремящихся сделать карьеру. Очевидно также, что заявлениям, подобным приведенному выше, придавалось особое значение. Прошлое приобретало весьма острое звучание и не дай Бог как-то оказаться запятанным в небошевизме. Это порождало волну доносов, поклепов, основанных на слухах, разговорах, в свою очередь, требовавших выяснения и проверки. По мере изменения обстановки в действие включались также социальные и иные мотивы с целью «подмочить», опорочить, устранить конкурента на должность, создать себе условия для успешного продвижения. Вот, например, типичный донос, относящийся к началу чистки (июль 1929 г.), который приводится со всеми особенностями оригинала:

Совершенно секретно

Народному Комиссару Рабоче-Крестьянской Инспекции

Совершенно не понятно, почему не могут вычистить из учреждений чуждый и вредный элемент советской власти — А вот почему я отвечаю, — потому, что сами ответственные работники прикрывают этот гнойник и тем самым скрыто вредительствуют нашему советскому союзу и помогают врагу.

Возьмите случай: Наркомфин — там работает известная белогвардийка жена быв. Штабс-капитана Свидерского — Александра Прокофьевна Свидерская — теперь сделала девичью фамилию Гончарова, и работает спокойно в отделе Наркомфина в Настасьинском пер. — ее устроил на службу некий Королев, служит в Наркомфине и занимает ответственный пост, — и живет как с женой за это он надбавку устроил ей в жалование. Этой белогвардийки, муж бывший Штабс-капитан гр. Свидерский Владимир Юрьевич, — при помощи Агента МУУ-РА Николая Андралова устроил Свидерского зав. пивной Моссельпрома**, в течении короткого времени денкинский заведующий МОССЕЛЬПРОМУ причинил убытки, за что Нарсуд Хамовнического района приговорил его к 2 годам тюрьмы с поражением в правах. И вот, чтобы спасти свою шкуру его жена Александра Прокофьевна Свидерская, немедленно сделала ввиде развода на девичью фамилию*

Гончарова и продолжает служить в Наркомфине и вредительствовать советской власти. Эти два белогвардийца муж и жена Свидерские помогли Деникину, потом бежали в Болгарию и вернулись в РСФСР в 1924 г. и благодаря Агенту МУУРА гр.Андралова Николая получили убежище и приют, он же Андралов, Николай, известный взяточник и темный человек, выдает себя за представителя ОГПУ и делает темные дела. Гр.Гончарова — Свидерская, Александра Прокофьевна работница Наркомфина, говорит, что скоро будет время когда всех коммунистов переведем и муж будет командовать вновь.

Мы знаем, что вычистят много пролетариев, а сами вредители останутся потому, что они находят лазейку, и тем самым вредительствуют и устраивают агитацию тайную против соввласти.

Андралов, Николай Агент МУУР принимает на квартире темных людей и устраивает им дела. — Королев, в Наркомфине, по небрежливости живет с женой Штабс-капитана и скрывает ее. Вот ничего никто сделать не может. Пора заняться и вскрыть гнойник, вычистить из советского аппарата всю гниль и теплопокупателей, вредителей и взяточников, НК РКИ должен секретно заняться этим делом и, вскрыть этот тайник.

Мы просим, чтобы Наркомфин очистил всю сволоч и МУУР выбросил взяточников и бродяг.

Понамарева

ГАРФ. Ф.А-406. Оп.25. Д.128. Л.108-109. Подлинник. Машинопись.

* МУУР — Московское управление уголовного розыска

** Московское управление сельской промысловой кооперации

При проверке выяснилось, что никакой Понамаревой среди сотрудников Наркомфина не было, тем не менее письмо было направлено в комиссию по чистке этого учреждения. А вот еще один документ, послуживший поводом для персональной чистки в аппарате ВЦИК и Наркомзема РСФСР. Это письмо на имя Сталина от 4 января 1930 г., написанное якобы от группы односельчан выдвигенца из крестьян С.Н.Извекова.

Дорогой товарищ Сталин!

Все газеты нашего Союза переполнены статьями о борьбе с кулаками и подкулачниками. Мы на местах боремся с лозунгом выкинутым Вами и боремся не за страх, а за совесть. Разрешите спросить Вас и задать Вам наш пролетарский вопрос. Боретесь ли Вы в центре сами с кулаками и подкулачниками в самом аппарате Советской власти, а их у Вас там немало, вот например в Президиуме ВЦИКа есть не кулак, а кулачище. Это Орловец Степан Николаевич Извеков известный по Орловскому уезду Степа Извеков. Как он попал туда и как пробрался в ВЦИК, очень загадочно и странно не чудо ли это? Не воскрес ли из мертвых Гришка Распутин — который в царское время пробрался к Царю и повелевал Матушкой Россией. Кто такое Степка? Зажиточный кулачище Орловской губ. и уезда, Покровской волости, деревни Овсянниковой в старое царское время служил на военной службе и поприходе оттуда служил жандармом у Ротмистра Губернского Розыска Шульца известного по Орловскому краю своими расправами с рабочими и крестьянами, а в особенности памятен дни 1905 г. не лучше был и его сотрудник Степка Извеков, который через чур аккуратно выполнял распоряжения царских вельмож в душении рабочих и крестьян. Многие помнят и до сего времени еще Степкины расправы и кто не знает его выходок и

какими он только делами не занимался, трудно всех перечислить. И вдруг Степка стал у Власти, стал в кругу наших пролетарских Вождей, в кругу Правителей СССР и стал Степан Николаевич «Товарищ Извеков».

Товарищ Сталин! не место ему там, а место по старым его проделкам и по старой занимаемой должности в Соловцах [Соловках] или у праотцов, а то у многих еще темных среди нас крестьян создается такое мнение, о всей нашей пролетарской Власти, такое – наверное и правду говорят, что в Центре сидят такие как Степка.

Товарищ Сталин!

Мы крестьяне деревень: Мостки, Леженки, Овсянникова, Федоровки, Большой и Малой Куликовки, Верхней и Нижней Щекотихина – требуем от Вас очистить наше пролетарское Правительство от чуждых нам элементов и не создавать такого мнения, что в ВЦИКе сидит кулак Степка и все подобные ему и не только вернуть его в деревню, но и отправить за старые его проделки в Соловцы, а то и далее.

Товарищ Сталин! Мы крестьяне надеемся на Вашу твердость, что Вы не выдадите нас и мы будем спокойны, а то у него на местах – уже пущены корни сыска и он и его приспешники, боимся, что нас сожгут или даже могут убить, а они на это способны.

Крестьяне: Ефим Котов, Егор Новиков, Николай Некрасов, Семен Щекотихин, Андрей Овсянников, Алексей Ширококов, Василий Домов.

Товарищ Сталин! Просим Вас известить нашу просьбу через сельсовет или «Орловскую Правду», как происходит чистка в аппарате ВЦИКа.

ГАРФ. Ф.А-406. Оп.25. Д.131. Л.6/н-199. Копия. Машинопись.

Проведенная проверка не подтвердила фактов, которые приводились в письме. Да и фабрикация письма видна невооруженным глазом. Оно любопытно только с точки нагромождения «компромата» и того, какие аргументы могли быть взяты на вооружение для дискредитации человека.

В анонимном письме на имя М.И.Калинина, поступившего в сентябре 1931 г., рассказывалось о чистке в Абхазии:

У нас в Абхазии нет и соввласти. Печать рабкоровская зажата, ГПУ и РКИ обезличены ЦИКом руководителями...

Сейчас идет чистка аппарата, какая это чистка, когда вредителей не трогают, чистят уборщиц да машинисток, все добираются нет ли дочерей попов или царских чиновников, а это не к чему и мы в бригаде по чистке видим, как материал на карасей и щук кладется под сукно, а мелкую рыбешку ловят, шальмуют, перебирают грязное белье. Разве это дело. Строительство наше гибнет – Ткварчели и Бзыбь, а руководители неприкосновенны, их ЦИК не дает в обиду. Пораженцы домовладельцы, бывшие князья в почете, их обижать не дозволено. В партии есть князья, рабочие и бедняцкий народ крестьяне удивлены этим делом. Вот как у нас. Выезжали сюда инструктора ЦК Козлов и Цейтлин много обещали, что сделали эти товарищи. Спросите Вы их, Михаил Иванович. Пусть отчитаются. Говорят отсюда в Москву пишут и мы решили черкнуть, может быть кто и расследует и найдет корень зла. А надо дело исправить нам.

А из абхазцев дела эти знают тт.Азрба, чл. ЦИК, Госпрокурор Кабахия, председатель СПС [Совета профсоюзов] т.Абзианидзе. Многие абхазцы бежали отсюда в Тифлис и т.д., кому рот затыкали.

Подписи дать не можем – житья не дадут, съедят. Просим обратить внимание серьезно. Разбить подхалимство и группировки беспринципные, опять и в районах безобразия. В риках сидят кулаки, спайки, самоснабжение, подхалимст-

во. Где темпы, где самокритика, где пятилетка. Этого нет. Табаку можно больше дать. Нет настойчивого подхода и дисциплины у нас.

РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.416. Л.1. Копия. Машинопись.

Письмо скорее всего написано членом рабочей бригады по чистке. Многие явления, которые в нем описаны, наверняка имели место: подхалимство, кумовство, беспринципность, личные связи, «само-снабжение», т.е. приобретение товаров в обход официальной распределительной системы, пользуясь своим положением. Как в партии, так и в учреждениях было, конечно, немало расчетливых карьеристов, которые понимали, что только партийный билет дает возможность продвижения. Возможно, что о соотношении кадров, действительно преданных делу, готовых безоговорочно выполнить любую партийную установку, и людей, вступивших в партию из иных побуждений, лучше всего свидетельствуют определенные жизненные ситуации. К числу таких относится история, связанная с ликвидацией окружного деления в начале 1930-х годов.

В конце 1920-х годов в СССР была проведена административно-территориальная реформа. Вместо губерний, уездов и волостей вводились края/области, округа и районы. Края и области представляли собой крупные административные единицы, а руководящие кадры этого уровня принадлежали к одной из высших партийных номенклатур, войти в которую было не просто. Округа несколько напоминали прежние губернии, многие бывшие губернские центры стали окружными и работать в окружном аппарате было более или менее престижно, да и к начальству поближе. Районы же представляли собой мелкие административные образования. Их центрами были, как правило, мелкие заштатные городки, села, которых можно было и не найти на карте.

Очень быстро выяснилось, что подобная система была слишком громоздкой и трудноуправляемой. По решению XVI партсъезда и постановлению ЦК от 15 июля 1930 г. округа ликвидировались, исходя из основной задачи — «максимального приближения партийного, советского, хозяйственно-кооперативного и продовольственного аппарата к району, селу». Перевоска должна была охватить не менее 90% работников. Информационная сводка о работе контрольных комиссий в округах, составленная на основе донесений выездных инструкторов ЦКК на места, свидетельствовала о следующем:

В момент ликвидации округов среди работников ряда организаций существовали панические настроения и нежелание ехать в районы. Уполномоченный КК Ильичев (Урал) упорно не хотел ехать в дальний район, потому что «жена не едет», «там де много больных», Корботин (Татария) свою посылку в район ПредРКК считал «жесточайшим незаслуженным наказанием».

В Нижне-Волжском крае имелось несколько случаев, когда работники не хотели ехать в район по причине: «В Саратове нашел лучшую квартиру», «нет обуви» и пр. Такие товарищи направлялись в коллегия, которой после «долгих уговоров» удавалось получить согласие товарищей на отъезд в районы.

Во Владивостоке из числа 249 намеченных к переброске получили путевки только 169, остальные засыпали окружком заявлениями с приложением всевоз-

возможных справок о болезни и пр., всячески добиваясь, чтобы не ехать в район. В Белоярский район (Урал) послано 13, а прибыло лишь 2.

В Ленинградской области из 126 человек, предназначенных к отъезду, в район выехало только 29. Наиболее ответственные работники совершенно отказываются ехать в район, например Заvorgот Лодейнопольского профсовета Смирнов не пожелал ехать в район.

Инструктор Госбанка (Борисоглебск) Лифоновский «уехал в отпуск» таинственно, что даже его семья отказалась сообщить его адрес, ссылаясь на неведение.

Попов (Бежецкий округ) сбежал из района, мотивируя это тем, что «здесь не нравится жене».

Одна Тюменская (Урал) «активистка» не хотела ехать в район из-за того, что собирается через три месяца выйти замуж за человека, жена которого обязательно умрет через три месяца.

Секретарь ячейки Харьковского ОкрФО [Окружной финансовый отдел] Шунько, отказавшись от поездки, заявил: «Брошу партбилет и уйду на завод беспартийным, а все равно в район не поеду». Бюро ячейки Шунько поставило «на вид», отменив поездку в район.

Передвижка районных работников на уровень села встречает также сопротивление со стороны отдельных партийцев, например в Шахунском районе (Нижегород) инспектор труда Лакеев отказывается от работы в качестве председателя крупного сельсовета, мотивируя: — «Я районный работник, не буду ходить 10 верст пешком. В сельсовете нет кооператива, можно с голодудохнуть. На до мной будут смеяться. Я не сын попа, могу и без партбилета работу найти». Или там же Беляев — Пред МК [Местного комитета], имеет среднее образование, назначен плановиком РИКа, отказывается от работы: «Мой идеал получить квалификацию. Меня замучили на общественной работе. Я не хочу портфеля, как другие. В случае чего я и без партбилета буду не хуже других коммунистов.»

РГАЭ. Ф.8043. Оп.11. Д.21. Л.22-23. Копия. Машинопись.

Разумеется, что подобные кадры подвергались чистке. Но больше всего гонений пришлось на старых специалистов. На них «навешивались» многочисленные срывы и провалы на производстве. В течение 1930-начале 1931 гг. были организованы судебные процессы (над работниками Госплана и ВСНХ, над членами Крестьянской трудовой партии, над членами меньшевистского Союзного бюро и др.). Большинство из них происходило за закрытыми дверями, однако имели место и «открытые» процессы, сфабрикованные совместно ОГПУ и судебными органами. В процессе над Промпартией обвиняемые «сознались» в создании крупной подпольной организации, состоящей из 2 тыс. специалистов, цель которой якобы состояла в ведении по заданию иностранных разведок подрывной деятельности в народном хозяйстве СССР. На многих предприятиях начались увольнения и аресты специалистов. Например, шахты Донбасса в этот период лишились более половины управленческих кадров.

Постепенно бюрократические методы чисток, состоящие в проверке заявлений, писем, доносов, анкетных данных и т.п. выходят на первый план. Очень хорошо происшедшую в начале 1930-х годов перемену подметил писатель А.Платонов в «Ювенильном море», описывая судьбу номенклатурного работника 1920-х годов, который «долгое время служил по разным постам в далеких областях Союза Советов и Союза потребительских об-

шеств, а затем возвратился в центр. Однако в центре успели забыть его значение и характеристику.» В результате он стал «как бы неясен, нечеток, персонально чужд и даже несколько опасен. Он увидел по возвращении незнакомый мир секторов, секретариатов, групп ответственных исполнителей, единоначалия и сдельщины, — тогда как, уезжая, он видел мир отделов, подотделов, широкой коллегиальности, мир совещаний, планирования безвестных времен на тридцать лет вперед... — навсегда забытую теперь старину, в которой зрел некогда оппортунизм.» Так, ответработник попал в список «невыясненных». Раза два-три в месяц невыясненные приходили в учреждение, получали жалованье и спрашивали: «Ну как я, не выяснен еще?» — «Нет, — отвечали им выясненные, все еще пока нет о вас достаточных данных, чтобы дать вам какое-либо назначение, — будем пробовать выяснять!» Измотавшись от бездеятельности, невыясненные снова шли в секторы кадров, к которым были приписаны. Им отвечали: «Вот у вас есть в деле справочка, что вы один месяц болели — надо выяснить, нет ли тут более серьезного, чем болезнь». В конечном счете, десяток служащих из состава невыясненных были преданы суду. Впоследствии их ожидала «скучная доля, о которой в свое время стало известно всем».

Говоря словами того же Платонова нужны были новые кадры, «заряженные природным талантом и политехническим образованием», способные «беспощадно разложить действительность» по классовому признаку, претворить «великий расчет партии на максимального человека массы, ведущего весь класс вперед, — тот же расчет, который имел сам Ленин перед Октябрем месяцем семнадцатого года», осуществить на деле «новый технический большевизм». Такие кадры воспитать было не просто.

В соответствии с переходом к директивному централизованному планированию перестраивается вся система управления народным хозяйством, в которой поначалу легко можно увидеть черты, унаследованные от военного коммунизма. На базе государственных синдикатов, которые фактически монополизировали снабжение и сбыт, создаются производственные объединения, весьма смахивающие на главки первых послереволюционных лет и положившие начало становлению «ведомственной экономики». Производство должно было строиться путем прямого централизованного регламентирования сверху всего и вся вплоть до норм оплаты труда рабочих. Предприятия должны были в сущности бесплатно получать соответствующие фонды сырья и материалов по карточно-нарядной системе. На производстве вводилось единоначалие, руководители предприятий напрямую делались ответственными за выполнение промфинплана. Директора крупнейших строек и предприятий назначались теперь по особому номенклатурному списку. Тысячи снабженцев разъезжали по всей стране, выбивая фонды, лимиты и т.п., попутно с вождением посматривая на чужие грузы. Особо ценились кадры, могущие достать все необходимое, требовательные, как сам т.Сталин.

О реакции хозяйственных руководителей на все эти мероприятия говорит донесение о настроениях делегатов делегатов промконференции ВСНХ СССР, происходившей в феврале 1931 г., на которой собралось большое число хозяйственных работников. Донесение было составлено агентом

ОГПУ и направлено в партийные органы. Подобные методы стали обычной практикой контроля за кадрами. Вот отдельные выдержки из документа:

Четвертый день продолжаются прения по докладу т.Орджоникидзе — центральной оси работ конференции. Члены съезда, утомленные прениями, в большинстве заполняют буфет и коридоры Дома Союзов. Заходят они в зал заседаний при речи т.Павлуновского и при аплодисментах, предполагая выступления членов Политбюро и Правительства — т.т.Сталина, Молотова.*

Единого настроения среди членов съезда незаметно, что объясняется разнородным составом его. Группируются делегаты преимущественно по территориальному признаку и по роду работы.

Ряд лиц высказывается следующим образом: реформа управления промышленностью путем создания объединений, которые должны были приблизить аппарат к производству, вследствие большого размаха строительства и дефицитности материалов, требующей планирования в распределении, а также вследствие неправильно понятой кредитной реформы, на практике привела к увеличению бюрократизма и растворила ответственность.

Теперь тов. Орджоникидзе узловым пунктом делает директора предприятия и начальника строительства, предоставляя им право заключать договора и освобождая их от опеки снабов [отделов снабжения].

Эта группа лиц, куда входит беспартийная делегация Закавказья (Чичинадзе, Тер-Аствацатуров, Мелик Пашаев), а также Шаблиевский только что назначенный Пред. Северо-Кавказского Крайсовнархоза, говорит, что пришел твердый хозяин, все перевернул и сказал то слово, которое все хотели услышать. Все упирается на хозрасчет, единоначалие и снабжение. Самотек окончился: появилась волевая установка президиума [ВСНХ].

О чистой политике в кулуарах не говорят.

Генак (из ВСНХ) находит, что на съезде говорят об общих местах. Директоры не кричат «даешь единоначалие», а трусливо молчат и слушают, как им кричат «бери единоначалие». [...]

*Метизовский — директор Саратовской районной электрической станции доволен тем, что «крюют» И.Н.Смирнова**, предлагающего организовать снабжение по типу Чусоснабарма***. [...]*

РЦХИДНИ. Ф.85. Оп.1. Д.143. Л.1-2. Копия. Машинопись.

* Павлуновский И.П. — в то время зам. председателя ВСНХ, отвечавший за военную промышленность.

** Смирнов И.Н. — в прошлом крупный военный и хозяйственный деятель. В 1927 г. за связь с Троцким был исключен из партии. В 1930 г. был восстановлен и работал в аппарате ВСНХ.

*** Чусоснабарм — чрезвычайный уполномоченный при Совете Обороны по снабжению армии. Возглавлял целую систему чрезвычайных вневедомственных органов, призванных снабжать Красную Армию в годы гражданской войны и военного коммунизма — сокращенно ЧУСО.

Итак, директора не кричат «даешь единоначалие», а трусливо молчат и слушают, как им кричат «бери единоначалие». Между тем единоначалие, которое делало директора ответственным за все, что происходило на предприятии, имело свои преимущества, особенно когда риторика «социалистического наступления» сталкивалась с интересами дела. Некоторые руководители предприятий находили в себе смелость действовать с позиций прагматизма. Показательный пример описан в воспоминаниях бывшего дирек-

тора завода «Серп и Молот» в Москве И.Ф.Степанова. В связи с реконструкцией на заводе необходимо было освоить производство тонкой стальной проволоки. Степанов разослал по стране людей, которые нашли в глубинке кустарную мастерскую Зайцевых, занимавшихся этим ремеслом. Даже зная, что мастерская подлежит раскулачиванию с последующим переселением Зайцевых в северные края, директор рискнул пригласить их на завод. «Я дал им 300 руб. и сказал, что если они наладят дело, — дам 1 тыс. руб., — вспоминал Степанов. — Вот эти люди и стали основоположниками тонкого волочения... Братья Зайцевы не только наладили у нас производство тонкой стальной проволоки, но и продолжают большую изобретательскую работу. Они — кустари, дети кустарей и у них изобретательские навыки развиты с самого детства». Взяв Зайцевых на «Серп и Молот», Степанов спас их от раскулачивания, на что многие на заводе смотрели косо, и при прежнем «треугольнике» такое могло и не пройти. В данном случае партком завода, убежденный директором, вынужден был пойти ему навстречу. Это позволило директору использовать подобную практику и далее. Когда «Серп и Молот» приступил к выпуску новой продукции возникла необходимость более качественной закалки стали. Поскольку данная технология еще не была освоена, Степанов пригласил кустика Крапа (немца по национальности), имевшего свой патент, заплатил ему и тот наладил на заводе нужное производство.² Однако многие ли руководители были способны проявить такую находчивость и предприимчивость в интересах дела? Многие заботили другие проблемы, многие погрязли в бытовых мелочах, в коррупции.

С точки зрения реального состояния управленческих кадров на местах интересны многие письма и заявления, поступавшие в ЦКК-РКИ. В июне 1932 г. старший следователь Одесской областной прокуратуры Егоров сообщал «о нарушениях революционной законности в Одесской области»:

До апреля 1932 г. я работал в Харькове следователем по важнейшим делам Прокуратуры Республики. В связи с организацией на Украине областей я был переведен Старшим Следователем Облпрокуратуры в Одессу. За время моего короткого пребывания в Одессе я столкнулся с целым рядом грубейших нарушений революционной законности со стороны руководящих Одесских организаций и со стороны возглавляющих Одесскую Областную Прокуратуру. В силу особых причин, о которых я могу сообщить дополнительно, я решил обратиться непосредственно в ЦКК ВКП(б), минуя украинские организации.

*Весной этого года в производстве Старшего Следователя Одесской Облпрокуратуры Естраиха было дело о больших злоупотреблениях в артели «Мосшвейтрикотаж» — хищения товаров, взяточничество и пр. По этому делу в числе других лиц необходимо было привлечь в качестве обвиняемого некоего Тодосюка, избличенного в ряде преступлений и являвшегося одним из руководителей этой преступной шайки. Однако Зам. Облпрокурора Химич без всяких законных оснований дал распоряжение Естраиху не только не привлекать Тодосюка, но даже и допрашивать его. По распоряжению Химича материалы о Тодосюке были незаконно выделены в особое производство и в результате остальных обвиняемых осудили на различные большие сроки лишения свободы, а Тодосюка не трогают до сих пор. [...]**

Между тем Тодосюк после артели «Мосшвейтрикотаж» попал в теплое местечко — заведующим Закрытым Распределителем Горсовета и избличен был

уже по этой должности в ряде новых злоупотреблений... Но на этом преступления Тодосюка не кончаются. Тодосюк имеет еще одно дело по службе заведующим меховым заводом. [...]** ТАКОЕ ПОТВОРСТВО ПРЕСТУПНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТОДОСЮКА НЕЛЬЗЯ НЕ ПОСТАВИТЬ В ПРЯМУЮ СВЯЗЬ С ТЕМ, ЧТО РЯД ОТВЕТСТВЕННЫХ РАБОТНИКОВ ОДЕССКОЙ ОБЛПРОКУРАТУРЫ И ОДЕССКОЙ КОНТРОЛЬНОЙ КОМИССИИ, ПРИЧАСТНЫХ К ДЕЛУ ТОДОСЮКА ПРИКРЕПЛЕНА К ЗАКРЫТОМУ РАСПРЕДУ ГОРСОВЕТА, КОТОРЫЙ ВОЗГЛАВЛЯЕТСЯ ТОДОСЮКОМ.*** Этот распред является лучшим в городе по количеству и ассортименту товаров, и по творящимся в нем безобразиям давно вызывает возмущение рабочих. Распред, хотя и называется горсоветским, но фактически снабжает разных ответственных партработников г. Одессы и неизвестно по какому принципу. Кстати, в Одессе вообще, по моему убеждению, имеют большие перегибы директив о закрытых распредах. В ущерб снабжению рабочих ненормально много снабжаются отдельные категории отв. работников. Лучшие распреды, как то: «Горсовета», «Политкаторжан», «Политэмигрантов» — снабжают отв. работников Одессы и в распреде «Политкаторжан» — меньше всего вы найдете политкаторжан. В распреде «Политэмигрантов» — меньше всего политэмигрантов, а больше — просто сотрудников Одесторга и других учреждений. Такое же положение и с распредом Горсовета. Даже закрытый распред для иностранцев — консулов и пр. «Инснаб» снабжает местных советских и партийных работников. [...] ****

Одним из грубейших нарушений революционной законности является жилищная политика Одесского Горсовета и других руководящих местных органов. Так, в феврале 1932 г. в связи с организацией на Украине областей Одесса превратилась в областной центр и для размещения вновь организующихся облучреждений и приезжих областных работников потребовались помещения. Взятые за это дело местные организации грубейшим образом игнорировали существующее жилищное законодательство, положив в основу своих действий заклеянный Лениным взгляд на возможность существования отдельной «калужской» законности, которая проводилась тут под предлогом особых местных условий. Существующий порядок выселения и переселения трудящихся только по суду (за исключением строго установленных законом случаев) одесскими руководителями был отменен и установлен был порядок административных выселений и переселений. При этом явно нарушалась классовая линия, проявлялся произвол и грубый подход к рабочим, специалистам, научным работникам и другим трудящимся, которые подвергались этим выселениям, несмотря на предоставленные законом им льготы. Выселения производились немедленно по подыскании «объекта», т.е. комнаты или квартиры, откуда было намечено выселить, причем часто переселяли в явно непригодные помещения. [...]*****

До чего распоясались одесские администраторы свидетельствует, например, установленная система «премирования» в подыскании «объекта» для выселения, причем в виде премии им давали комнаты, из коих других выселяли. [...]*****В общем вакханалия с административными выселениями продолжалась в Одессе несколько месяцев, переселялись тысячи трудящихся, в Прокуратуре, РКИ, Горсовете имеется масса жалоб на незаконные переселения и злоупотребления, однако местные организации на это совершенно не реагировали. Только после опубликования в «Правде» постановления ЦК ВКП(б) от 14 апреля о фактах искажения жилищной политики в Ростовском Горсовете ретивость одесских администраторов несколько спала. [...]*****

РЦХИДНИ. Ф.613. Оп.3. Д.135. Л.1-7. Подлинник. Машинопись.

* Опушена часть, где рассказывается о других безуспешных попытках привлечь Тодосюка к ответственности.

** Далее описывается незаконное получение баллона серной кислоты.

*** Особо выделено автором и подчеркнуто в ЦКК.

**** Опушена часть, где говорится о неудачных попытках расследовать злоупотребления в закрытом распреде горсовета, а также сокрытия органами суда и следствия фактов коррупции и других злоупотреблений.

***** Далее подробно описывается, как на основании неофициальной записки сотрудника Одесского Комунотдела Когана производилось «уплотнение» гр.Клеймана, у которого отобрали две комнаты и вселили гр. Гороховскую.

***** Приводится еще один пример выселения за взятку.

***** Опушены рассуждения о том, что никакого фактического осуждения эта кампания не получила, была сделана попытка отыгаться на «стрелочниках», о фактическом продолжении этой кампании, цель которой — разместить приезжих работников в общем так и не была решена. Многие из последних продолжали жить в гостиницах, а кампанией ловко воспользовалась местная номенклатура.

Наряду с проверкой заявлений, жалоб, доглядом за руководящими работниками одной из форм чисток стали масштабные партийные проверки. Одной из них стала партийная проверка на железнодорожном транспорте в 1932 г.

Железнодорожный транспорт в годы первой пятилетки был одним из самых напряженных участков советского народного хозяйства. Хаос и дезорганизация перевозок усугубляли трудности на стройках и на предприятиях, которые списывались на происки «вредителей», «саботажников», к числу которых относились «старые» или «буржуазные» специалисты. Кризис на транспорте привел к тому, что в первой половине 1931 г. было «разоблачено» 4.5 тыс. «саботажников». Им на смену шли выдвиненцы из рядовых железнодорожников. Но вот что показали материалы партийной проверки, выдержки из которых мы приводим:

Железнодорожный транспорт за последние полтора года впитал в себя свыше 500 тыс. человек новых рабочих в большинстве своем принятых на транспорт без всякой проверки.

Парторг НКПС поставил перед собой и перед парторганами дорог и районов тщательное изучение классового лица прогульщиков и прочих нарушителей дисциплины в целях показа их широким рабочим массам. Однако, надо подчеркнуть, что до сих пор это дело на местах поставлено крайне слабо, значительная часть партийных организаций и ряд парторгов не проявляет достаточной классовой бдительности, а иногда не дает своевременного отпора хвостистским и оппортунистическим проявлениям по проведению декрета (ст. Ховрино, Омский 3-д, Арзамас, Батайск, Вязьма и др.).

Одной из серьезных мер борьбы за укрепление дисциплины является повышение технической грамотности и квалификации широких рабочих масс. За 1932 г. развернуто курсов с отрывом от производства на 15 545 чел., без отрыва на 131 403 чел. (сведения только за 3 квартала).

Производится снабжение рабочих технической литературой и брошюрами, которых выпущено за 1932 г. 90 названий со средним тиражом 17 700 экз.

Этому делу мешает слабая квалификация преподавателей, текучесть их состава и учащихся и, нередко, отсутствие проверки знаний после учебы и слабое продвижение по работе после окончания курсов.

*Руководящие работники
одного из московских заво-
дов.*

*Секретарь «Станкозавода»
на рабочем месте.*

Оживление деятельности классового врага и борьба с ним

Мы имеем значительное количество фактов, свидетельствующих об оживлении работы классово-чуждых, контрреволюционных, кулацких, эсеровских и троцкистских группировок, проявляющейся в разложении трудовой дисциплины, усугублении качества работы, различных фактах вредительства и хищения (Московско-Казанская ж.д., эсеровские группировки в Рузаевке, Алатыре, Пензе, Юдине, Московско-Курская ж.д., Плеханово, Тула – террористический блок эсеров и троцкистов с участием двух «коммунистов», Северо-Кавказская ж.д. – Краснодар на станции контр-революционная организация из бывших: полица, офицера, кулака, военного чиновника и др., Западная ж.д., Малоярославец – контр-революционная бандитская организация во главе с чиновниками царского времени, связанными с границей, «ударником» и его банда в 25 чел.).

Факты вредительства: депо Малоярославец – неоднократный поджог контрбудки у конкурсных паровозов. В депо Москва Октябрьской ж.д. – систематическая травля конкурсных машинистов, сыпание песку в бунксы их паровозов, разворовывание инструментов, вредительское построение графиков движения на Екатеринбургской ж.д., вредительские организации на дорогах Сибири, Дальнего Востока и др.

На Московско-Казанской ж.д. за декабрь сделано 14 повреждений проводов связи с прекращением работы по этим проводам в общей сложности на 10 час. с лишним.

За последний период партторги и ячейки заметно усилили борьбу с классовым врагом. Например, разоблачены и изгнаны классовые враги с партбилетом – б «коммунистов» из ячейки депо Голутвино Московско-Казанской ж.д., вскрыта связь секретаря партколлектива ст. Курган с кулачем. В Златоусте разоблачены кулацкие агенты в лице секретаря комсомольской ячейки и начальника техпропа. Там же вскрыта связь [с классовыми врагами] секретаря партячейки рабочего класса. Прикрывавшиеся партбилетом враги вскрыты по Северо-Кавказской и Закавказской ж.д., ст. Краснодар, Новочеркасск, Тихорецкая, Баку, Нантлуг, Акстафа и др.

За последнее время на многих железных дорогах (Пермская, Московско-Казанская, Омская, Томская, Северная, Московский узел) вскрываются ГПУ и парторганизации воровские шайки. В числе воров свыше 50% составляют сами железнодорожники. Есть отдельные случаи, когда шайки возглавлялись коммунистами (например, работавший 3 года секретарем ячейки Москва-товарная Октябрьской ж.д. Петров – оказался главарем воровской шайки).

Однако, со всей резкостью надо подчеркнуть, что вопросы борьбы с классовым врагом все еще весьма недостаточно заостряются в повседневной работе, партийная бдительность широких масс коммунистов не поставлена на должную высоту, а в некоторых случаях как в ячейках, так и у отдельных партторгов налицо притупление классовой бдительности и партийной чуткости (парторганизации депо Голутвино, ст. Краснодар, Москва, Нижегородская товарная, Москва товарная, Пенза, депо Малоярославец и др.).

В связи с указанными фактами, мы считаем необходимым чистку партии на железнодорожном транспорте провести в первую очередь, а также совместно с органами ГПУ провести новую большую и глубокую проверку и изгнание с транспорта классово-чуждых и кулацких элементов. [...]

РЦХИДНИ. Ф.117. Оп.114. Д.346. Л.143-144. Подлинник. Машинопись.

То, что происходило в стране, вызывало подчас неоднозначную оценку в аппарате. Среди части партийно-хозяйственной номенклатуры стали раздаваться призывы к более умеренной и осторожной политике, а некоторые под влиянием нарастающих трудностей стали впадать в уныние и пессимизм. Старый соратник и друг Калинина, зав. энергетическим бюро Трансмаште-хобъединения М.Матюхин в своем письме сообщал ему следующее:

В ночь с 15 на 16 декабря 1932 г.

Глубокоуважаемый Михаил Иванович!

Очень жаль конечно, что мне еще ни разу не приходилось писать тебе «от хорошей жизни». Летом, после поездки в деревню, я все собирался изобразить для тебя в письме виданное, но затем было раздумал. Ибо все равно изображенное мною будет перекрыто другой краской. Теперь, под тяжелым настроением, в связи с болезнью сына, я, дежуря у его постели, коротая время, взялся за перо. Чего-нибудь я да добьюсь своим писанием. [...]*

Я всегда в своих письмах писал и подчеркивал, что беда советской власти в том, что она имеет самый гнусный тип чиновника. Чиновник уловляет пожелания и исполняет предначертания Верховной власти. Он все свалит на злые козны нечистой силы. И никогда не скажет правды из нежелания огорчить начальство. Он злорадствует гладу и мору в округе или околотке своего чинуши соперника. И пальцем не пошевелит придти на помощь соседу. Так вот, я теперь служу в Трансмаштехобъединении. В этом объединении в настоящее время б заводов. Я заведу энергетическим бюро. Хорошо знаю 2 завода, на которых бывал. На других еще не было времени побывать. Я думаю, что ты и сам теперь видишь, в каком непролазном болоте стоит советская промышленность. В каком небывалом катастрофическом расстройстве энергетика страны. Меня это по службе очень и очень касается. А кто чем болит, тот о том и говорит. Михаил Иванович! Как ни ужасно положение, все-таки его можно было бы кое-где смягчить. Ты знаешь, (а от нашего брата это держится в секрете, хотя это секрет Полишинеля), что мы имеем много заводов, имеющих довольно мощные станции-резервы, но работающие от районных станций. Эти станции берегутся на случай нападения врага. Но ведь враг уже напал. Это же ясно. Никакая блокада не может быть более грозной, чем блокада расстройств энергетического, каковое мы наблюдаем в настоящее время. [...]** Так вот, Михаил Иванович, в 1933 г. Ковровский и Калужский заводы впадут в состояние паралича. Это неизбежно как рок. Я знаю, где нужно искать бездействующие дизели. Я берусь доказать, что они могут быть и должны быть сняты. Я хочу, чтобы ты помог мне в этом... Я хочу работать на преодоление надвигающегося и уже надвинувшегося паралича. А между тем я вижу кругом себя омерзительное политиканство, подлизывание, ловлю на слове. Доносы и доносы без числа. Буквально плюнуть некуда, не попав в рожу омерзительному доносчику, лгуну. До чего же мы дошли? Дышать нечем. Чем бездарнее сволочь, тем подлее клеветет. Мне конечно нет дела до чистки вашей партии, но я полагаю, что результатом этой чистки будет то, что наиболее порядочное, что еще сохранилось в вашей партии будет вычищено. Таково мое наблюдение партийной и беспартийной среды. Уж очень кошмарно давит гнусное лицемерие.

Кончаю. Жить ужасно тяжело. Ребенок болен. Другой ожидается через полтора-два месяца. Некстати женился во второй раз. Надрывается сердце, глядя на недоедающего ребенка и сам голодаешь ради него. А что впереди? Хотя бы отрадой была работа. А то ведь только пинешь, пинешь и докладываешь без конца. И, отдав всю лучшую жизнь Труд и Революции, ждешь каждый день, что не та так другая сволочь на тебе заработает кусок хлеба и выдвинется по службе. Пролетарий в пролетарском государстве на положении подозрительного элемента, а всякая лицемерная сволочь волею революции пролетаризировавшаяся, может тебя в любой момент утопить в ложке воды. Вот времена. Бывали хуже, но не было подлее. Итак, прошу тебя прими меня на 5-10 минут по личному и по делу, которому я служу. Я всеми нервами своими хочу доказать возможность хоть в малой мере, на малом участке достигнуть хороших результатов.

Твой М. Матюхин.

РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.430. Л.45-47. Подлинник. Рукопись.***

* Письмо Матюхина состоит из двух частей. В первой – его впечатления от пребывания в деревне, и мы к ней еще вернемся. Приводится вторая часть письма.

** Далее подробно рассказывается о недостатке энергии на Ковровском и Калужском заводах НКПС и о том, как чиновники других ведомств чинят разного рода препятствия подключению других засекреченных электростанций для вывода предприятий из прорыва.

*** В деле имеется машинописная копия документа, однако по сравнению с оригиналом в ней допущены искажения, затрудняющие прочтение и понимание текста.

Как видим, старый специалист, ранее сочувствовавший большевикам, устал от трудностей, от болезней, от революции и гражданской войны, от тех порядков, которые воцарились в аппарате. Но на смену ему подобных шли новые кадры, новые «социалистические специалисты», уверенные в себе и ради должности готовые на все.

В письме уже явно прослеживается формирование ведомственности в зависимости от отраслевой структуры производства, которые явно начинают конкурировать между собой и бороться за свое влияние в складывающейся централизованной плано-распределительной системе. Методы и формы этой борьбы – типично бюрократические, но с политической подоплекой, которые вызывают омерзение у автора письма. На этой основе складываются особые номенклатурные кланы с корпоративными интересами, руками которых снова, как в первые годы советской власти, создавалась военно-мобилизационная модель экономики. Приверженность определенным идеологическим постулатам в силу ряда причин тогда была нормой и способом самореализации.

Приводимые документы буквально дышат атмосферой предстоящей новой партийной чистки. Она была объявлена в январе 1933 г. Определялось, какие категории членов партии подлежали исключению: классово чуждые и враждебные элементы, «двурушники», т.е. те, кто на словах за, а на деле против генеральной линии, открытые и скрытые нарушители железной партийной дисциплины, те, кто болтает о нереальности установленных партией планов, карьеристы, шкурники, морально разложившиеся и политически малограмотные, не знающие устава и программы партии. В ходе чистки 18% членов партии были исключены, 15% в страхе сами вышли из партии.

В ходе чистки собирались документы, которые тщательно проверялись соответствующими органами, и при возникновении расхождений или неясностей от проверяемого требовалось объяснение, или же посылались запросы в различные учреждения. Результаты проверки – будь то письменное объяснение проверяемого или поясняющие справки старательно заносились в личное дело работника.

Комплекс документов, входящих в личное дело, постоянно увеличивался. Обязательными становились: *заключение о соответствии должности, характеристика*, содержащая оценку предшествующей работы, марксистской подготовки и личных качеств, и, наконец, *партийная характеристика*. Сюда же вкладывались письма-доносы, результаты кадровых проверок и т.п.

На заседаниях комиссий по чистке разбирались вопросы об участии в революционном движении, партийной принадлежности, участии в деятельности других партий и оппозиционных групп, профессиональной годности,

оценивалась работа в настоящий момент. Например, в личном деле члена СНК Б.И.Фреймана есть выписка из протокола заседания комиссии по чистке ячейки Наркомата связи СССР от 11 октября 1933 г. Выписка содержит вопросы комиссии и ответы Фреймана:

Вопрос: Где же Вы прошли большевистскую закалку?

Ответ: Я эту закалку получил, работая еще в Америке, так как я стоял близко к газете «Новый мир» и в Америку приехал т.Бухарин и тоже сотрудничал в этой газете.

Вопрос: Как Вы теоретически усвоили принципы большевизма, читаете ли Ленина?

Ответ: Я читал, но, конечно, не всего.

Вопрос: Что главное в Ленинизме?

Ответ: Ленинизм есть продолжение марксизма в эпоху диктатуры пролетариата. На повторный вопрос, что же главное в Ленинизме, сказал, что не понимает.

Вопрос: Что такое диктатура пролетариата?

Ответ: Это революционная диктатура пролетариата и беднейшего крестьянства.

Вопрос: Какая разница между диктатурой пролетариата и революционно-демократической диктатурой пролетариата и крестьянства?

Ответ: Это такая власть, когда у власти стоит пролетариат и крестьянство на одинаковых правах.

Вопрос: Что за теория Троцкого о «перманентной революции»?

Ответ: Не знаю.

Вопрос: Какая разница между Американской компартией и нашей большевистской партией?

Ответ: Американская социалистическая партия создавалась из осколков русской партии и тех эмигрантов, которые во время реакции бежали в Америку, но идеологической я разницы не знаю.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.100. Д.64890. Л.8-8(об). Подлинник. Машинопись.

Постановлением комиссии т.Фреймана перевели «из членов партии в кандидаты как политически неграмотного и не усвоившего основные принципы большевизма.» Однако через месяц было проведено новое заседание комиссии, решением которого было: «В отмену прежнего решения считать т.Фреймана проверенным, в то же время указать т.Фрейману на недопустимую для него политическую неграмотность.» Интерес представляет само содержание беседы, демонстрирующее, что, собственно, было нужно, чтобы безболезненно войти в элиту государственного управления.

На XVII съезде ВКП(б) Сталин говорил, что после того как дана правильная линия, после того как дано правильное решение вопроса, успех дела зависит от организационной работы, от организации борьбы за проведение линии партии. Те проблемы, которые еще существуют, объяснялись разрывом между директивами партийного руководства и тем, как они выполняются. Разрыв возникал якобы из организационных слабостей, плохого подбора кадров, отсутствия самокритики, бюрократизма, преступной халатности местных органов, которые зачастую искажали правильные директивы. Образовалась целая классификация негодных кадров: неисправимые бюрократы, честные болтуны, преданные советской власти, но неспособные

руководить, неспособные что-либо организовать, люди с известными заслугами в прошлом, превратившиеся в «вельмож», нытиков, маловеров, люди, которые считают, что партийные и советские законы писаны не для них, а для дураков. Девяносто процентов трудностей, по мнению Сталина, проистекали из-за отсутствия организованной системы контроля за выполнением принятых решений.

На этой основе происходила фактическая подмена главного лозунга второй пятилетки «Кадры, овладевшие техникой, решают все!» его укороченной интерпретацией: «Кадры решают все!», которая в большей мере касается вопроса взаимоотношения людей и власти. Оценка политического лица работника, исполнительность, твердое и безоговорочное следование «генеральной линии», способность, не взирая ни на что, выполнить поставленную задачу становились главными критериями при подборе кадров. В этих традициях воспитывались новые руководители — секретари партийных комитетов «капитаны советской индустрии», начальники строек и т.п. В крайне опасные свойства превращались инициативность, предприимчивость, собственные суждения и мнения. Умение работать с людьми подменялось административным рвением, разносами, выговорами, увольнениями, арестами, которые не столько способствовали решению проблем, сколько «загоняли их внутрь». Это — упрощенная модель управления, достаточно грубая технология власти. По сути она означала отказ от объективного анализа причин существующих трудностей и провалов и поиск их в субъективных факторах. Если правильность генеральной линии — это аксиома, то вся вина заключается в исполнителях — в кадровой проблеме. Отвечая на новые веяния, кадры учились «понимать игру». Выражая готовность выполнить руководящие указания, они зачастую скрывали истинное положение дел, способствуя тем самым некоторому ослаблению напряжения в обществе, помогали продвижению «своих» на более высокие посты, отработывали приемы защиты своего «клана». Образование таких кланов было основано на корпоративно-отраслевой структуре экономики при использовании кадрово-организационного механизма ВКП(б).

XVII съезд был отмечен еще одним важным решением — перестройкой партийных комитетов всех уровней по отраслевому принципу. Это означало дальнейшее укрепление лично-аппаратного начала и усиление роли партийно-хозяйственной номенклатуры. Фактически в лице центрального партийного аппарата, непосредственно подчиненного Сталину, создавалась реальная управленческая структура, соединявшая в себе все нити руководства страной, с соответствующим постепенным падением роли и престижа всех остальных органов и организаций, призванных теперь выполнять исполнительские функции партийного руководства.

В русле проводимых мер находилась ликвидация объединенной комиссии ЦКК-РКИ в целях усиления партийного контроля и партийной дисциплины. Была образована Комиссия партийного контроля (КПК) при ЦК ВКП(б) со своим аппаратом в центре и постоянными представителями в республиках, краях и областях, назначаемых и отзывааемых центром. Роль руководителя КПК предназначалась одному из секретарей ЦК ВКП(б). В

1935 г. на этот пост был назначен один из самых преданных сталинских выдвиженцев Н.И. Ежов.

Главным становится условная приверженность к идеологическим постулатам, в остальном господствовал прагматизм и технократизм. Социальная организация управленческих кадров советского общества превращается в своего рода штатное расписание огромного завода.

Пока еще как-то соблюдались суровые, сложившиеся еще в 1920-е годы правила жизни, верхушка правящей бюрократии обеспечивала идеологическими средствами, социальными льготами, угрозой насилия или прямым насилием функционирование общества и даже его движение вперед, но признаки эрозии этого руководящего слоя обозначились едва ли не с самого начала, главным образом в сфере вертикальной подчиненности и способов воспроизводства партгосноменклатуры. У общества не оказалось внутренних имунных средств против ее дезинтеграции по отраслевым, региональным, национальным и другим признакам.

Наряду с распространением прежних идеалов всеобщего равенства и жертвенности во имя светлого будущего как существенных черт «социалистического образа жизни» в обществе начинает обретать свою ценность идея личного благосостояния и карьеры, которая коснулась прежде всего правящей партийно-государственной номенклатуры и вылилась в создание иерархии должностей и привилегий, складывавшихся в одну из отличительных черт советского режима. В 1930-е годы этот процесс начал набирать ускоренные обороты, приобретая подчас уродливые формы, и противопоставить им что-то, за исключением контрольных и репрессивных механизмов, оказалось нечего.

Контроль за кадрами превращался в нарастание вала разного рода проверок, назначением комиссий со специальными полномочиями, за которыми следовали оргвыводы (выговоры, снятие с работы, передача в суд и пр.). Но людей — «человеческий материал» — по нужному образу и подобию сразу переделать невозможно, тем более волевыми усилиями. Общество меняется постепенно, исподволь и главным образом под влиянием объективных факторов. Повсеместный и постоянный контроль — эфемерная задача. Гонение на кадры только умножало количество трудностей в управлении государством и обществом. Неправильная реакция руководства на реально существующие проблемы создавала у него впечатление всеобщего саботажа и заговора, направленного на срыв «правильной», по его глубокому убеждению, «генеральной линии». Возникало желание задействовать все механизмы воздействия, сначала идеологические, а затем и более «эффективные» — карательные, уже достаточно апробированные в борьбе с противниками советской власти. Естественным образом в число гонимых входит все большее число людей и многим из них суждено было впоследствии попасть в разряд «врагов народа».

Кадры народнохозяйственных работников, назначенные недавно на свои посты, были плохо подготовлены и испытывали на себе ежедневное давление руководства, требующего от них выполнения непосильных задач. Они были зажаты в тиски невыполнимых требований, реализовать которые было практически невозможно. Угроза обвинения в нарушении закона, во

вредительстве и саботаже возникала всякий раз, когда необходимо было выполнять плановые задания, поступающие установки. И так — сверху донизу. О проблемах местного руководящего работника рассказывает обмен письмами между председателем сельсовета с. Цветное Володарского района Нижне-Волжского края (берег Северного Каспия) Г.С.Онищенко и М.И.Калининым в конце 1933 — начале 1934 г. (исправлены орфографические и синтаксические ошибки, затрудняющие чтение и понимание письма):

13 октября 1933 г.

Михаил Иванович!

Вы меня простите, что своим письмом я оторву Вас от более важного дела. Когда я приступил к изложению данного письма именно Вам, к этому меня побудило обстоятельство, в котором я не найду выхода и считаю, что Вы дадите ясный ответ, который даст пользу не только мне, но и моей работе, которой я отдаю все... и свои личные интересы отодвинул в дальнюю очередь. Теперь я опишу по существу.

Я, молодой коммунист с 18 января 1931 г., мне 40 лет, производственный стаж 28 лет. В настоящее время работаю, мобилизован горкомом в деревню председателем сельсовета с.Цветного, стаж на работе имею с 1 января 1933 г. Работа эта мне совершенно незнакомая, но за девять с половиной месяцев, я немного [с ней] ознакомился.

Быть рабочим и быть на руководящей работе две большие разницы. С 1913 г. я работал грузчиком с перерывами империалистической и гражданской войны. В то время мне было легче, чем в настоящее [время]. В этой работе, на которой я работаю в настоящее время, нужно уметь самому работать и научить его работать, дать толковый ответ колхозникам, знать все законы, по всем вопросам знать психологию села, изучить людей, с кем работаешь, умело вскрывать все вредное, вести повседневную борьбу с кулацким элементом, изучать его тактику, выявлять его, изгонять из рядов колхоза, не нарушать революционной законности и много других знаний, чутья, выковывать новый актив, учиться учить работать — работать практически выполнять генеральную линию партии в деревне.

Как я работал эти девять с половиной месяцев, описывать не буду, только напомню, что в 1932 г. работало 8 председателей, из них 4 человека за присвоение, расхищения, растраты осуждены от двух до трех лет.

Я приехал, как выражаются, к разбитому корыту, крепко его сколотил.

На территории сельсовета имеется рыболовецкий колхоз, в котором находится 774 хозяйства, а всего населения 3740 человек — самый большой сельсовет в районе.

Жители до революции имели крупный рыболовный промысел, преимущественно ловили красную рыбу, в гражданскую войну четвертая часть участвовала активно в белой армии, до мозга костей заражены собственничеством.

Этот сельсовет находится под особым наблюдением горсовета и горкома. Район наименский. Всего 32 сельсовета, из них 4 русских, в том числе и вышеописанный. в районе есть также русские работники.

Так вот, Михаил Иванович, я работаю честно, преданно, не считаюсь ни с временем, ни с здоровьем, вполне отдаю себе отчет, для кого и на что я отдаю свои силы, и всегда задаю себе вопрос, что в конечном счете я пойду под суд. Если бы Вы спросили за что, я Вам прямо бы ответил: за то, что я председатели.

Я в настоящее время имею выговор от РК партии за то, что я применил к злостным неплательщикам государственных налогов, только произвел опись имущества согласно закона, Вами же подписанного. Описанные мною хозяйства

— крепко-средняцкие, никакой массовой обработке не поддаются. Дальше я также нахожусь на волоске в партии, так как при всем желании я не сумею выполнить контрольные задания по мобилизации средств. Примерно: в третьем квартале мне РАЙФО спустило культсбора 13800 руб, у нас он собран и исчислен [уже] во втором квартале 13800 руб, а также по другим видам. Когда ставишь, что мы не можем согласно закона дооблагать, мне прямо заявляют, если ты не выполнишь, отдадим под суд. На четвертый квартал также дали контрольные цифры по сельхоззналогу 6000 руб., у нас же имеется всего остаток в 3000 руб., но по страхплатежам дали 29000 руб., проверив у себя и у колхоза всего имеется 14353 руб. Когда ставишь вопрос перед финработниками, они заявляют: нам спустил город. Мы должны выполнять и не выдумывать свои контрольные цифры.

Выходит между двух огней, дообложишь — нарушишь революционную законность, пойдешь под суд, и не выполнишь контрольное задание района — тоже пойдешь под суд, да еще будут тебя клеймить позором и т.д.

Я, Михаил Иванович,... себя считаю хуже твердозаданца: тот выполнит, так не пойдет под суд, а я, если выполню, все равно пойду под суд потому, что дообложил — нарушил революционную законность. Я пришел к такому заключению, что меня исключат из партии, отдадут под суд за то, что я, может быть, не умею работать. Ведь я не проходил ни на какие курсы, помощь я еще не видел. Правда, за девять с половиной месяцев было 52 представителя, из них 5 человек, действительно, кое-что дали, а остальные только растратили государственные средства. Директивы из района доходят так: пишут выполнить 5-го, а присылают 25-го, расстояния от района 30 километров, и в этих директивах не расшифровывают, как это выполнить, а просто пишут 5-6 строчек. В заключение же: за невыполнение — административное взыскание, под суд, в КК [контрольную комиссию] и прокурору и т.д.

Работаешь, как на лезвии бритвы. При таких условиях всегда под угрозой, я получил третью стадию туберкулеза, получил неврастению до припадка. Никак не потрафишь в этой работе.

Михаил Иванович..., я пишу действительную правду. Может быть, я недопонимаю этой работы, может быть, мы мобилизованы в деревню просто как жертвы на данном этапе, может быть, это нужно так для партии. Становлюсь в тупик.

Я сейчас ужасно страдаю от своей болезни, но все же работать не бросаю, буду ждать Вашего ответа на мое письмо. Ваш ответ в какой-бы он форме ни был будет для меня высшей наградой.

С коммунистическим приветом

Онищенко

РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.524. Л.2-4. Заверенная машинописная копия.

Ответ М.И.Калинина на письмо Г.С. Онищенко (сохранена орфография и пунктуация источника):

10 января 1934 г.

Дорогой товарищ Онищенко!

Извините, что основательно задержал ответ на Ваше письмо от 15 октября 1933 г., присланное Вами на мое имя.

В сущности говоря на Ваше письмо очень трудно ответить, так как в нем нет конкретных, практических или принципиальных вопросов и я, собственно, не понимаю почему мой ответ Вы отождествляете с Вашей возможной тактикой в будущем.

Судя по Вашему письму Ваше понимание обязанностей председельсовета правильно, и Райком не ошибся послав Вас в сельсовет. Думаю, что с этой работой Вы справитесь и справитесь не плохо. Да, видимо, и справляетесь уже. Вашу оценку, — что председателю сельсовета неизбежать партийной или советской правинности — не разделяю. Да и факты, приводимые Вами не убедительны. Если же говорить прямо, так менее всего судимостей именно по выполнению финплана. Во всяком случае у меня первое письмо такого порядка. Да по Вашим же словам Ваши предшественники были судимы за расхищения, т.е. за деяния, которые нельзя не судить, с которыми нельзя не бороться самым решительным образом.

Что должность председельсовета трудна — это правильно. И не тем она трудна, что Вы не знаете законов, это Вы изживете скоро, положение о сельсоветах уж не такая трудная материя, а главное в том, чтобы Вы понимали политику партии и сумели применить ее на практике. Вот это дело нелегкое. Суметь в этом сложном переплете не сбиться, найти верную линию — это самое важное. А основа этой линии в деревне — укрепление коллективного хозяйства; поднятие материального уровня колхозников на базе улучшения колхозного хозяйствования, использование полностью или с максимальной производительностью имеющихся наличных ресурсов как природных, так и рабочей силы. Практическую работу связывать с общегосударственными интересами, которые являются обще-рабоче-крестьянскими интересами.

Положение председателя сельсовета в этом году значительно улучшилось. Прибавку зарплаты нельзя рассматривать только с материальной стороны, этим — высшими советскими органами подчеркивается значительность сельсоветов в общей структуре советского строя, что не может не сказаться на поднятии авторитета сельсовета.

Моя мягкость к Вашему письму в значительной степени определяется Вашим болезненным состоянием, которое невольно окрашивает действительность в более мрачный цвет, чем она есть на самом деле у Вас. Очевидно Вы считаете не правильным, не справедливым назначение Вас на должность председателя сельсовета. Не могу отсюда решить насколько оно целесообразно, для этого надо знать конкретно обстановку, но председатель Вы, видимо, хороший, значит район исходил из серьезных мотивов, посылая Вас на эту работу.

О жертвах говорить бросьте, это не серьезно, не обосновано. Если Вы физически дошли до такого состояния, что работу тянуть не можете, то прямо объяснитесь с секретарем и ПредРайком «дескать вышел в тираж, тянуть дальше не могу, устройте на маленькую спокойную работу». Но тогда уж не предъявляйте претензий — из актива Вы перейдете в рядовики.

С коммунистическим приветом

М. Калинин.

РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.524. Л.1-1(об). Правленная машинописная копия.

Письмо Калинина явно носит утешительный и двойственный характер. Какие еще конкретные факты нужны были ему, чтобы убедиться в неэффективности существующей системы местного советского управления в условиях централизованного бюрократического давления сверху? «Всесоюзный староста» пытается отделаться общими фразами вроде того, что необходимо «найти верную линию». Но, как явствует из письма Онищенко, как раз из этой «верной линии» он исходил в своем руководстве. Практически непрерывные партийные проверки тоже мало помогали делу. То тут, то там на местах отмечались «болезненные явления». Зам. завотделом руководящих партийных органов А.С.Щербаков докладывал секретарям ЦК Кагановичу и Жданову в мае 1934 г. (приводится в отрывках):

[...] За последнее время в Пензенской парторганизации обнаружены болезненные явления и факты политического загнивания. Факты таковы: Зажим самокритики. Руководство горкома во главе с бывшим секретарем Ильиным установило практику коллективного редактирования газеты «Рабочая Пенза» с целью изъятия из газеты статей и материалов, разоблачающих плохую работу отдельных организаций, предприятий и лиц.

Стенная газета фабрики «Маяк Революции» под нажимом партийного комитета снимала со своих страниц фамилии виновников срыва соревнования на фабрике под предлогом того, что «перечень фамилий не мобилизует массы». [...]

Подбор работников происходит по признаку семейственности. Ряд руководящих работников, замкнувшись в своей группе, оторвались от масс, создавали вокруг имени Ильина ореол славы и безгрешности. Иногда они объявляли Ильина «вождем» Пензенской» партийной организации и «продолжателем дела Ленина».

Выступление т. Ильина на пленуме Горкома после XVII партсъезда по предложению Бюро Горкома было принято, как «программа действий на ближайший отрезок времени».

Разложение руководящих работников. Горком допускал и поощрял массовое обложение хозяйственных организаций на проведение конференций, пленумов и банкетов.

За последний год Горкомом таким путем было собрано несколько сот тысяч рублей. Все это повлекло за собой бытовое разложение части руководящих работников — «товарищеские» встречи, преподношения руководящим работникам подарков и т.п.

Отдел руководящих парторганов ЦК считает просьбу Крайкома о снятии Ильина с руководящей работы — правильной.

16 мая 1934 г.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.668. Л.23-24. Подлинник. Машинопись.

Данный документ, вкуче с другими, помогает понять взаимоотношения местной и центральной партийной власти. Провинциальные руководители быстро превращались в локальных «вождей», окруженных своей свитой и прихлебателями. Быстро усваивались и манеры, свойственные командно-административной системе управления, чиновничество и угодничество.

В свете уже сложившихся отношений общества и власти (власть наверху — самая мудрая и справедливая, все беды от плохих исполнителей, крупных и мелких начальников, с которыми человек сталкивается повседневно) подобное представление было легко воспринято массовым сознанием. Большинство людей не было способно осмыслить порочность проводимой политики и все существующие неурядицы склонно списывать на конкретных людей. Эта идея, которая очень просто объясняла все неурядицы, пришлась по душе обществу и отразилась впоследствии в годы «ежовщины».

Середина 1930-х годов отмечена активизацией различных мероприятий, руководства, связанных с высшей школой, к чему, собственно, вело увеличение числа вузов и массовый выпуск специалистов новой формации. Между тем вузы и университеты всегда были рассадниками вольномыслия, новых идей и взглядов. Партийная проверка в вузах Азово-Черноморского края в 1935 г., материалы которой были направлены в Комиссию партийного контроля при ЦК ВКП(б)³, так представляла политические настроения среди студенчества:

«Чистка» кадров.

Молодой инженер «Станкозавода».

В течение декабря 1934 г. и января сего года в вузах и техникумах имел место ряд антипартийных и контрреволюционных вылазок и выступлений, причем значительная часть их не получила должного и своевременного отпора со стороны партийных и комсомольских организаций. Преподавательский состав вузов оказался сильно засоренным троцкистами, а состав слушателей классово-чуждыми и враждебными элементами, легко проникавшими в вузы благодаря плохой организации приема.

В вузах Азово-Черноморского края сосредоточено 60.000 студентов. Есть города (Новочеркасск), где около 60% партийной организации составляет студенчество. Несмотря на это, до конца декабря и Крайком, и Горкомы с Райкомами очень мало занимались вузами и при том лишь материально-бытовыми вопросами. Подбор и проверка преподавательского состава (особенно по общественным дисциплинам), комплектование вузов, работа вузовских партийных и комсомольских организаций, массово-политическая работа — эта сторона была совсем забыта.

В ряды вузовских комсомольских организаций (а комсомольская прослойка в большинстве вузов очень значительна — 30-40%) пролезло не мало чужаков и враждебных элементов. Этим объясняется, что был ряд случаев контрреволюционных высказываний и выступлений комсомольцев. [...]

В ростовском педагогическом институте на зачетной сессии 30 декабря 1934 г. студент III курса историч[еского] отделения ХРЮКИН В. (комсомолец) выступил с открытой защитой Зиновьева и Каменева. Он заявил, что Зиновьев и Каменев имеют огромные заслуги перед революцией, были друзья Ленина, а теперь все это смазывается. Далее Хрюкин заявил, что Зиновьев никакой связи с террористами, убившими тов. Кирова, не имеет, что оппозиционеры проводниками террора вообще являться не могут и что судебный процесс, устанавливающий идеологическую связь террористов с группой Зиновьева-Каменева, не верен.

3 января состоялось комсомольское собрание, на которое был допущен Хрюкин, уже исключенный из комсомола и из Института. Президиум собрания дал Хрюкину возможность выступить с изложением контрреволюционных взглядов, несмотря на протесты собравшихся комсомольцев.

После ареста Хрюкина в процессе следствия установлено, что Хрюкин был близко связан с следующей группой студентов Педагогического института: Елиным, Чаловым, Устименко, Гавриловым, Хрюкиным К. Все эти лица (беспартийные), как установлено следствием, проникли в Институт по подложным документам. В 1932 г. по инициативе Елина и Хрюкина К. названные лица выкрали из рудничного комитета партии на руднике «Коминтерн» (Шахтинский район) значительное количество чистых кандидатских партийных и учетных карточек, заполнили их на свое имя и, изготовив фальшивые документы об окончании школы 9-тилетки, поступили на учебу.

В ростовском финансово-экономическом институте 1 января 1935 г. на совещании партработ, комсоров и партприкрепленных студент КОНДЕЕВ (комсомолец) заявил:

«Надо показать и хорошие стороны Зиновьева и др. Что вы берете только плохие стороны их. Зиновьев большой авторитет. Он был председателем Коминтерна». Сказав это, он покинул собрание. В тот же день Кондеев, собирая группы студентов, с большой страстностью защищал Зиновьева, Николаева и других контрреволюционеров.

Вечером на собрании комсомольской группы был поставлен вопрос об исключении Кондеева из комсомола и из Института. Несмотря на то, что контрреволюционная позиция Кондеева была достаточно ясна, ему дали возможность выступить с открытой контрреволюционной проповедью. В заключение он прямо

сказал, что его выступление имело целью — «показать студентам, что партия и правительство и, в частности, наш парткомитет неправильно оценивают оппозиционеров». После исключения Кондеева из комсомола и из Института он сразу же перешел на нелегальное положение, скрылся.

В том же финансово-экономическом институте многие студенты выступили с защитой преподавателей троцкистов Крамаренко и Григорьева.

В Новочеркасском инженерно-мелиоративном институте студент ВАСЮКОВ, зам.секретаря Комитета ВЛКСМ, проводил контрреволюционную агитацию в общежитии:

«Расстрелять таких молодых людей как Шатского, который все же имеет большие заслуги! Почему не расстреляли в свое время Рамзина и других? Ведь Шатский тоже специалист инженер и он мог бы принести большую пользу нашему государству.

Троцкого выслали за границу, а ведь он имеет большие заслуги перед революцией, он завоевал себе большой авторитет в то время». Комсомальцы Гусев и Дугин поддерживали контрреволюционные взгляды Васюкова.

Заявление тов. Теклюка об этих контрреволюционных высказываниях Васюкова маршиновалось в парткоме и в комсомольском комитете 10 дней. Секретарь Новочеркасского Горкома ВЛКСМ Щербина сначала расценивал поступок Васюкова не как контрреволюционную вылазку, а как «неверное толкование вопроса», стал на путь «уговаривания» Васюкова и предлагал ограничиться выведением его из комитета ВЛКСМ и строгим выговором.

В Новочеркасском Ветеринарном Институте студент III курса рабфака ЕСЮТИН перечеркнул портрет тов. Кирова на плакате, висевшем в общежитии. Комитет ВЛКСМ исключил его из комсомола, но общее собрание комсомольцев отказалось его исключить и ограничилось выговором, мотивируя тем, что Есютин сын красного партизана и сделал это «по глупости».

В рабфаке Новочеркасского института инженеров коммунального строительства студенты ПОПАНДОПУЛО (комсомолец) и СОЛОНЧЕНКО несколько месяцев открыто занимались в общежитии антисоветской агитацией, развивая троцкистско-зиновьевские контрреволюционные взгляды о «принудительной коллективизации», о невозможности построения социализма в одной стране и т.д. Солонченко, не взирая на материальную обеспеченность, где-то достал равные ботинки и костюм и часто демонстрировал их перед студентами, говоря: «... вот до чего довела Советская власть». Особенно обнаглели Попандопуло и Солонченко после убийства тов. Кирова. Солонченко прямо заявил студентам:

«Если бы почаще убивали таких, как Киров, то жилось бы лучше и страна вздохнула бы свободней».

Особо следует отметить, что, как констатируется в решении Новочеркасского Горкома ВКП(б), — «директор рабфака АХАНОВ наряду с парторгом знал о контрреволюционной работе Солонченко и др. и не только не принял мер для оздоровления состава студенчества, но и покрывал отдельные антисоветские контрреволюционные действия на рабфаке».

В Новочеркасском индустриальном институте на старших курсах имеется ряд студентов в прошлом активных троцкистов, некоторые из них были в свое время исключены за троцкизм и остались беспартийными. Сейчас эти люди отмалчиваются. Никакого контроля за этой группой нет.

Насколько слаба политическая бдительность партийцев в Новочеркасском индустриальном институте показывает случай с АКИМОВЫМ. Акимов (беспартийный) только что окончивший Авиафакультет и получивший назначение на завод №22, не раз высказывал среди партийцев контрреволюционные взгляды, особенно за последнее время:

«Советская власть может существовать без коммунистов. Инженерам гораздо лучше работать у капиталистов, чем в нашей промышленности... Убийство Кирова с троцкистами не связано, все что пишут — это блажь.

Зиновьев человек хороший, он действительно шел за массы».

Акимов исключался из Института в 1934 г. за хулиганские выходы, но несколько коммунистов дали ему рекомендацию и его восстановили, дали ему окончить. Сейчас эти коммунисты (Сердюков, Гуренко, Кабанов) получили строгие партийные взыскания.

В Краснодаре, в Кубанском педагогическом техникуме студент ДЬЯКОВ, бывший член ВЛКСМ систематически вел контрреволюционные разговоры, которые были известны ряду комсомольцев и коммунистов, не дававших серьезного отпора Дьякову. Дьяков, выйдя из зала, где происходило траурное собрание по поводу убийства тов. Кирова, в присутствии группы студентов сказал: «Одного шлепнули, скоро всех шлепнут. Всех их перебьют».

Кто такой Дьяков? Оказывается, он дважды исключался из колхоза один раз за симуляцию, другой раз за запутывание учета, чем привел к развалу бригады. Это не помешало ему однако поступить на учебу.

Студентка рабфака Кубанского педагогического института КРЮКОВА, член ВЛКСМ с 1931 г., во время урока передала своему соседу записку:

«Я приветствую Николаева за убийство Кирова».

В ноябре 1934 г. органами НКВД была вскрыта в Краснодаре контрреволюционная фашистская группировка молодежи, главным образом из числа студентов Кубанского педагогического института, носившая громкое название — «Трудовая демократическая партия». Эта группировка (всего около 20 чел.) имела нечто вроде «программы», пыталась связаться с заграничной, наладить типографскую технику, достать оружие, замышляла убийство местных партийных и советских работников и т.д. Основным пунктом программы этой группировки являлось восстановление частной собственности и свержение советской власти.

Главный организатор этой фашистской группировки — ЗОРБИДИ (беспартийный) был арестован еще в 1932 г. за контрреволюционную работу среди молодежи в станице Холмской. В конце 1932 г. он был освобожден (по несовершеннолетию) и сразу же устраивается на учебу в Кубанский педагогический институт, где развертывает контрреволюционную работу уже значительно шире.

По приговору военного трибунала СКВО [Северо-Кавказского военного округа] в январе 1935 г. Зорбиди и еще один организатор «Трудовой демократической партии» приговорены к расстрелу, остальные участники этой группировки осуждены в концлагерь на разные сроки.

Из кого вербовалась эта контрреволюционная молодежь в возрасте 19-20 лет? Преимущественно это дети классово-враждебных элементов, с детства впитавшие в себя ненависть и злобу к Советской власти. Об этом говорит, например, в своих показаниях обвиняемый КАНЬШИН (1916 г. рождения):

«Мой отец имел пекарню. Быт моей семьи сказывался в оформлении моей идеологии еще в школьные годы. Мне неоднократно, в бытность мою еще ребенком, приходилось слышать те или иные недовольства существующими советскими порядками. Эти настроения передавались и мне.» [...]

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.695. Л.31-40. Подлинник. Машинопись.

Примерно такую же картину воспроизводит проверка, проведенная А.Стецким в г. Рыбинске Ивановской области в марте 1935 г., о чем свидетельствует следующая записка:

О проявлениях к.-р. настроений среди учащихся авиаинститута и техникума в Рыбинске

По поручению Бюро КПК я был командирован в Рыбинск для проверки заявления секретаря Рыбинского ГК партии т. Костюкова на имя тов. Кагановича о вскрытии в Рыбинском авиаинституте и авиатехникуме ряда лиц с контрреволюционными, террористическими настроениями. На месте я ознакомился со всеми материалами, опросил директора Душинова, руководителей парторганизаций Института, партийцев и комсомольцев учащихся, имевших отношение к фактам сообщаемым т. Костюко-вым. Подробно беседовал с т. Костюковым и его заместителем Ортенбергом, работниками ГК, уполномоченным НКВД т. Иващен-ко, а также с парторгом завода №26 т. Козловым, который является наиболее близким руководителем парторганизаций Института.

В результате моего ознакомления с обстановкой на месте выяснилось следующее. В авиаинституте среди студентов (всего учится там около 750 чел.) было обнаружено, что двое учащихся НЕКРАСОВ и ВОРОНОВ ведут контрреволюционные разговоры среди своих товарищей по Институту. НЕКРАСОВ – сын железнодорожного служащего из Орла, комсомолец. Воспитывался в кулацкой среде, мать из кулацкой семьи, дядя раскулачен. Некрасов высказывал контрреволюционные взгляды жившим с ним вместе комсомольцам и раньше – год, два назад. Так, по поводу постройки Беломорского канала он говорил, например: «канал построили на человеческих костях». Это уже язык врага. В связи с убийством тов. Кирова, он начал вести гнусные разговоры о том, что «не стоило из-за Кирова рисковать жизнью, нужно было убивать не второстепенных, а основных вождей». В результате такого рода разговоров он и был разоблачен студентами-партийцами и комсомольцами уже в декабре 1934 г.

Второй – ВОРОНОВ – сын специалиста, год рождения 1912, комсомолец, родом из Азово-Черноморского края. У Воронова также давно уже проявлялись контрреволюционные настроения, он исключался из Института еще в Новочеркасске, отказывался от участия в субботнике, был ярким индивидуалистом, не принимая участия в общественной работе. Воронов тоже после 1 декабря повел уже махровые контрреволюционные разговоры об убийстве тов. Кирова. Он говорил: «По моему [оно] плохо организовано, прохлопали все дело. Но еще на этом дело не закончится». Студенты-комсомольцы спорили с ним, пока он не проявлял еще террористических симпатий, но до конца его не разоблачили и только уже после 1 декабря, когда он проявил себя более определенно, они сообщили о Воронове НКВД.

Третий факт проявления контрреволюционных настроений имел место в Авиатехникуме. Относится этот факт к учащемуся техникума ГРУЗДЕВУ. ГРУЗДЕВ – комсомолец, год рождения 1915, сын кулака, из Ковровского района. Груздев опять-таки давно уже проявлял контрреволюционные настроения среди группы комсомольцев, живших вместе с ним в общежитии и до последнего времени эти комсомольцы, молча, слушали также контрреволюционные разговоры и не давали отпора.

Среди учащихся Института и Техникума других случаев проявлений контрреволюционных настроений не было. Все товарищи, с кем я беседовал – т. Костюков, Козлов – парторг завода №26, уполномоченный НКВД – т. Иващенко, – заявляют, что говорить о дальнейшем распространении контрреволюционных настроений, выявленных у Некрасова, Груздева, Воронова, нет никаких оснований. Уполномоченный НКВД подчеркнул, что все эти лица пришлые, недавно сравнительно прибывшие в Рыбинский район. Вся эта тройка (Некрасов, Воронов, Груздев) арестованы. По отношению к партийцам и комсомольцам,

примиренчески относившимся к контрреволюционным разговорам, приняты меры взыскания вплоть до исключения из партии и комсомола.

Помимо студентов в Авиаинституте НКВД были арестованы за контрреволюционные настроения еще двое преподавателей – Земьяков и Волков. Земьяков в настоящее время освобожден.

На авиазаводе №26 были вскрыты и привлечены за контрреволюционные разговоры двое – счетовод Черемхин и рабочий Коновалов. Но здесь Коновалову был немедленно дан отпор рабочими-же, как только он начал эти разговоры. Обращает на себя внимание во всех этих делах по Авиаинституту и техникуму то, что контрреволюционные настроения и разговоры у трех арестованных впоследствии наблюдались уже давно, не встречали отпора и были разоблачены только в последнее время, после убийства т.Кирова.

Отсюда первый вывод. В партийной и комсомольской организации института и техникума была крайне плохо поставлена партийно-массовая воспитательная работа, партийцы и комсомольцы не были вооружены пониманием партийных задач, бдительностью и непримиримостью. Чрезвычайно слабо была поставлена работа в кружках, в сети партийного просвещения. В результате, партийцы и комсомольцы, слушая прямые выпады и речи врага, не шли в бой, не схватили контрреволюционера за руку. Я разговаривал с этими комсомольцами, – сейчас они понимают свою политическую оплошность и ругают себя за отсутствие бдительности. Особенно нужно обратить внимание на политическое воспитание комсомольцев. Какое значение это имеет – видно из следующего: в авиатехникуме из 450 учащихся всего 11 партийцев и 300 комсомольцев. В институте – из 750 студентов – партийцев 120, комсомольцев – 400. Между тем, работа с ними поставлена плохо. Мне пришлось быть на испытании руководителей комсомольских кружков и вот даже руководы далеко не все имеют представление о борьбе партии с зиновьевщиной, с троцкизмом, правыми.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.695. Л.75-77. Подлинник. Машинопись.

Однако главная вина за то, что в вузах наблюдались так называемые контрреволюционные выступления была возложена на вузовские кадры. Разворачивалась чистка преподавательского состава. Ее обоснование содержится в последнем из документов, составленных Стецким, развернувшим, как видим, в этой области бурную активность.

СЕКРЕТАРЯМ ЦК ВКП(б) – СТАЛИНУ И.В.
тов. КАГАНОВИЧУ Л.М.
тов. АНДРЕЕВУ А.А.
тов. ЖДАНОВУ А.А.
тов. ЕЖОВУ Н.И.

За последнее время выявлены многочисленные факты засоренности преподавательского состава по социально-экономическим дисциплинам бывшими оппозиционерами, двурушниками, выходцами из других партий и т.д., свидетельствующие об отсутствии должного руководства и о скверной организации подбора преподавателей, как со стороны главных управлений учебными заведениями Наркоматов и Наркомпросов, так и со стороны краевых и областных комитетов партии.

Вопросами персонального подбора преподавателей до последнего времени главные управления, как правило, не занимались. У них нет точного представления о том, в чьих руках находится дело преподавания социально-экономических дисциплин. Об этом ярко свидетельствуют представленные главными управлениями сведения о руководителях 98 кафедр. Свыше 60% ((57 из 98) ответов на вопрос о пребывании в других партиях, в оппозиции и партвзысканиях гласит: «нет

сведений». Но даже таким образом составленная статистика сигнализирует о неблагоприятном положении с кадрами: 20 руководителей кафедр (из 41 человека, о которых у главных управлений есть сведения) имеют партвыскакания, исключались из партии, состояли в других партиях, а среди остальных 21 преподавателя, являющихся по имеющимся сведениям как будто-бы политически безупречными, имеются такие люди, как дважды исключавшийся из партии ЗАГОРУЛЬКО, б.эсер АЛГАСОВ, б.меньшевик, исключенный из ВКП(б), АЛЕКСАНДРОВ и др.

В Наркомпросе РСФСР подбору руководителей кафедр уделяется сравнительно больше внимания, но организация этого дела поставлена из рук вон плохо. Из 64 педвузов Начальником управления т. Орахелашвили были утверждены руководители кафедр в 26 вузах, но — практический результат этого «утверждения» получился следующий: 1) не утвержденные Наркомпросом продолжают оставаться во главе кафедр в течение года и более; 2) половина же утвержденных Наркомпросом за последнее время снята за протаскивание антипартийных взглядов в преподавании.

Так обстоит дело с подбором и «утверждением» руководителей кафедр в Наркомпросе.

Несколько засорен состав руководителей кафедр показывает следующий факт в Москве: из 126 руководителей кафедр, просмотренных комиссией Отдела культуры и пропаганды ленинизма МГК ВКП(б), признано возможным оставить на работе меньше трети.

Еще хуже обстоит дело с подбором и изучением рядового преподавательского состава. Данные главных управлений учебных заведений о 433 преподавателях 54 вузов показывают, что изучением партийного лица преподавателей социально-экономических дисциплин главные управления Наркоматов до сих пор не занимались. За последнее время собраны сведения о социальном составе, об образовании, о количестве членов партии (79,4%), но о том, что представляют эти члены партии главные управления до сих пор имеют скудные данные. И это не случайно, ибо подбором преподавателей по социально-экономическим дисциплинам они по существу не занимались. Приведем несколько иллюстраций, показывающих характер руководства этим делом со стороны Наркоматов.

1. Начальник Отдела Втузов Главного управления учебных заведений Наркомтяжпрома т.Новиков посылает 22 сентября 1934 г. директору Энергетического института т.Дудкину записку:

«Иван Иванович! профессора Загоруйко знаю как профессора Киевского политехнического института с 21 г. Рекомендую тебе не потерять ценного работника». Так Загоруйко, б. активный троцкист, дважды исключавшийся из партии, оказался во главе кафедры ленинизма.

2. На запрос Всесоюзного комитета высшего технического образования из Наркомзема (за подписью зам. нач. Управления специальных вузов — Витиевского и инспектора — методиста Младенцева) поступает бюрократическое отношение:

«По имеющимся в НКЗ РСФСР сведениям полученным, как при непосредственном личном обследовании, так и из донесений руководителей вузов, извращения по линии социально-экономических дисциплин не имеют места. Однако, это не значит, что...» и т.д.

Между тем, достаточно было заглянуть в один институт Наркомзема (Институт механизации с.х.), чтобы обнаружить серьезные политические извращения в преподавании. О неблагоприятии с подбором преподавателей свидетельствуют также данные о профессорах 57 с.х. вузов. В этих с.х. вузах: 14 кафедр по экономическим дисциплинам (политэкономия, экономполитика и др.) возглавляются беспартийными. Такой предмет как организация с.-х. производства находится преимущественно в руках беспартийных, в числе которых есть и

такие «беспартийные», как вредитель ЧАЯНОВ. Даже среди руководителей кафедр по ленинизму и диамату имеется 5 беспартийных.

3. В Наркомпросе формально имеются личные дела на руководителей кафедр, но о достоверности этих «личных дел» можно судить хотя бы по такому факту: проф. Сингалевич в одном документе числится членом партии с 1926 г., в другом — с 1928 г., в третьем — с 1931 г.

Таков стиль организации учета и подбора преподавательских кадров со стороны Наркоматов.

Главные управления учебных заведений по сути дела передоверили подбор преподавателей по социально-экономическим дисциплинам директорам вузов. Проведенное Отделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК обследование ряда вузов (механико-машиностроительный институт им. Баумана — директор Ци-барт, Институт цветных металлов — директор Рубаненко и др.) показало, что и со стороны директоров тоже нет должного внимания этому участку работы. Характерно, что никто из директоров обследованных Отделом культуры и пропаганды ленинизма ЦК вузов, кроме директора Института мясной промышленности, не в состоянии был дать характеристики своих преподавателей по социально-экономическим дисциплинам. Особенно неудовлетворительным оказалось положение в Институте цветных металлов и в Механико-машиностроительном институте им. Баумана.

Руководство Института им. Баумана передоверило всю организацию преподавания социально-экономических дисциплин АЛЕКСАНДРОВУ, б.меньшевику, исключившемуся из ВКП(б), сдав ему этот участок работы на «откуп» за 1.400 руб. в месяц. Этот же АЛЕКСАНДРОВ взял еще в двух вузах такой же «подряд». Он сумел себя везде обставить зависимыми людьми, которых он подкупал «местечком», «персональной ставкой» и замалчиванием политических ошибок. Примеры: 1/ БЕЛЕВСКИЙ был снят как негодный преподаватель с работы в Институте цветных металлов — АЛЕКСАНДРОВ дает ему «местечко» в Институте им. Баумана, хотя сам, как член парткома Института цветных металлов, голосовал за снятие его. 2/ т. Калошин — руководитель кафедры по ленинизму, побывав на занятиях у КУШНЕРА, сигнализировал руководству Института о серьезных политических ошибках у КУШНЕРА. И все же АЛЕКСАНДРОВ, который рекомендовал этого КУШНЕРА, добился от дирекции и парткома, чтобы не делать «шума». КУШНЕР «потихонечку» ушел, АЛЕКСАНДРОВ, будучи с этим КУШНЕРОМ в одной парторганизации Института цветных металлов, скрыл все, подкупив этим КУШНЕРА окончательно. Таково «руководство» АЛЕКСАНДРОВА.

Настоящей заботы о подборе преподавателей и закреплении лучших из них у директоров нет. В результате огромная текучесть. Подавляющее большинство преподавателей, как видно из данных о 433 преподавателях, обладает стажем от 3 до 5 лет, но в одном и том же вузе первый год работает 31,6%, второй — 22,8%, третий — 18%.

Необходимо, наконец, отметить, что Крайкомы и Обкомы ВКП(б) должного внимания этому исключительной важности делу, как подбор преподавателей по социально-экономическим дисциплинам не уделяют: как правило, начинают заниматься этими вопросом тогда, когда обнаруживается прорыв.

Настоящей заботы об укреплении кадров преподавателей Крайкомы и Обкомы ВКП(б) проявляют очень мало. Небольшая иллюстрация: в то время как в учебных заведениях Ташкента обнаружена большая засоренность преподавательского состава, — ЦК КП(б) Узбекистана — при протесте ректоров ВКСХШ [Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы] и Института марксизма-ленинизма — снимает лучших преподавателей для посылки на партработу.

В течение последних лет места получили огромное количество товарищей, обучавшихся в Институте красной профессуры [ИКП], Ранионе, аспирантуре социально-экономических вузов и т.д. Но эти товарищи не используются надлежащим образом. По имеющимся данным о 315 окончивших ИКП видно, что три четверти из них находятся на партийной, профсоюзной, советской и всякой иной, но не на преподавательской работе. Чаще всего на преподавательской работе оставляют не лучших, а худших в партийном отношении людей.

Яркой иллюстрацией может служить Воронежская область: здесь из 40 человек, обучавшихся в ИКП, непосредственно на преподавательской работе находятся лишь 2 человека; остальные 38 работают на советской и партийной работе, и, как правило, даже по совместительству преподавательской работы не ведут.

Так обстоит дело с привлечением квалифицированных партийных сил к преподавательской работе.

Существующему положению дела с организацией подбора преподавателей по социально-экономическим дисциплинам и существующему порядку оставления на преподавательской работе тех, кто не может быть использован на другой работе, надо положить конец.

Необходимо:

1. Обязать крайкомы, обкомы, ЦК нацкомпартий, с одной стороны, Наркомпросы и Главные управления учебных заведений Наркоматов, с другой стороны, провести просмотр и утверждение, на основе проверки состава преподавателей вузов по социально-экономическим дисциплинам.

2. Установить впредь следующий порядок подбора и утверждения преподавателей социально-экономических дисциплин в высших учебных заведениях:

Руководители кафедр социально-экономических дисциплин утверждаются по партийной линии – решением бюро крайкома, обкома и ЦК нацкомпартий, по советской линии – лично начальниками Главных управлений учебных заведений Наркоматов, а в вузах системы наркомпросов – лично Зам.наркома.

Преподаватели по социально-экономическим дисциплинам утверждаются лично директором вуза по согласованию с зав.отделом культуры и пропаганды ленинизма крайкомов, обкомов, ЦК нацкомпартий.

3. Предложить обкомам, крайкомам и ЦК нацкомпартий установить такой порядок, чтобы квалифицированные и проверенные работники партийных, советских и хозяйственных организаций привлекались к преподавательской работе в вузах по социально-экономическим дисциплинам (ленинизм, история, экономика и экономполитика).

4. Товарищи, направленные ЦК ВКП(б) на педагогическую работу, не могут быть переброшены на другую работу без разрешения ЦК ВКП(б).

**ЗАВ.ОТДЕЛОМ
КУЛЬТУРЫ И ПРОПАГАНДЫ ЛЕНИНИЗМА
ЦК ВКП(б)**

А. Стецкий

9 марта 1935 г.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.695. Л.15-21. Подлинник. Машинопись.

Как видим, особое внимание уделялось преподавателям социально-экономических дисциплин, которые должны были воспитывать «твердое» марксистско-ленинское мировоззрение. Каждый заведующий кафедрой по социально-экономическим дисциплинам теперь становился особой номенклатурой ЦК. Не меньшее внимание уделялось педагогическим кадрам, призванным воспитывать молодое поколение. Об этом говорит следующий документ:

ЗАПИСКА

**О МОРАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМ СОСТОЯНИИ
ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ВУЗОВ**

I. Антисоветские элементы среди студенчества Московских педагогических институтов.

В конце января сего года Группой просвещения и здравоохранения КПК было получено следующее адресованное директору Московского областного пединститута т. ГЕРМОГЕНОВУ письмо студента 2-го курса ЗАВАЛИШИНА:

«Я прошу Вас сделать для меня возможным безболезненно оставить Пединститут. Истраченную на меня сумму я обещаю выплатить...

Я прошу об этом потому, что в результате усиленных занятий естественными науками, особенно физикой, астрономией и биологией, в частности, вследствие знакомства с трудами Эйнштейна, Мизеса, Эддингтона, Джимса, Ганса, Дрыша, Берга, Челпанова, а также вследствие изучения философии Спинозы, Гегеля, Берсона, Гуссерля, В.Джемса, Вл.Соловьева, С.Франка и др., я, как мне кажется, окончательно пришел к объективному идеализму. Правда, я далек от того, чтобы считать свое мировоззрение совершенно определенным..., но все же я имею основания полагать, что мое мировоззрение будет развиваться по той же линии, по линии углубления моих идеалистических убеждений...

Я думаю, что работать педагогом мне с моим мировоззрением практически будет трудно. Пока не поздно, я хочу оставить пединститут».

В связи с получением нами этого письма, мы выяснили, что Завалишин является попом, пролезшим в институт с подложными документами. Своим благообразным и смиренным видом он уже раньше обращал на себя внимание преподавателей и студентов, но никто не пытался даже поставить вопроса об идеалистических высказываниях Завалишина. Даже после получения письма, зав.учебной частью Крупенина заявляла студентам, что Завалишин — человек оригинально мыслящий и коммунистам следовало бы у него поучиться. В течение 1/1/2 [полтора] месяцев он оставался еще студентом института, причем исключение его из института было проведено без огласки.

Наша проверка обнаружила, что три Московских вуза, находящихся в ведении Наркомпроса РСФСР (Историко-философский институт, Московский областной институт, Институт им.Бубнова) засорены чуждыми и антисоветскими элементами, оживившими свою активность особенно после убийства тов. Кирова. Десятки студентов этих институтов на учебных занятиях и в общежитиях вели контрреволюционные разговоры, начиная от откровенной защиты буржуазных теорий до прямых угроз по адресу тов.СТАЛИНА. В историко-философском институте 50% студентов литературного факультета не участвовало в похоронах т.Кирова. На этом факультете в конце октября 1934 г. под руководством студента 1-го курса — троцкиста Тагера и беспартийной Рудяковой создавалась антисоветская группа в составе 12 чел. Собирались они несколько раз под видом вечеринок на квартире Рудяковой и Никулиной. В педагогическом ин-те им.Бубнова после убийства тов.Кирова было выявлено около 20 антисоветски настроенных студентов. Причинами подобного политического положения в ин-тах служат: 1) засорение ин-тов при комплектовании, 2) наличие антипартийных и антисоветских элементов среди преподавателей ин-тов, 3) отсутствие большевистской бдительности со стороны партийных организаций институтов и слабость партийно-массовой работы.

II. — Комплектование

Комплектование Московского областного педагогического ин-та в 1932/33 гг. производил бывший троцкист зам.директора Юдзевич. Остальные члены комиссии на каждом заседании менялись. О работе приемочной комиссии 1933/34 г. не осталось в архиве никаких материалов.

В 1934 г. председателем приемочной комиссии был назначен сперва Зубов. В июле м-це председательствовал на себя взял Гермогенов, а заместителем своим назначил декана исторического факультета Энтина. Но из 7 заседаний Гермогенов, секретарь парткома и профкома присутствовали только на одном. Некоторые протоколы комиссии никем не подписаны, а около 50 студентов зачислены по запискам Энтина и на заседаниях комиссии не обсуждались. Студент Рогожин принят без всяких документов, не хватает различных документов, главным образом, о соц.происхождении — на I курсе — у 16 студентов, на II к. у 7 чел., на III к. у 11 чел. и на IV к. у 1 чел.

В результате преступно-небрежного набора студентов в ин-т просочились в большом количестве антисоветские элементы, причем часть с партийными и комсомольскими билетами. Партийная прослойка исключительно низка — 9.3%. Из 42 учебных групп — партгруппы существуют только в 8-ми; без коммунистов 14 учебных групп; из года в год число коммунистов уменьшается: на IV-м курсе из общего числа студентов — 301, имеется 50 членов и кандидатов партии, на III-м курсе — из общего числа 288 — 31, на II-м курсе — только 11 из общего числа 228 и на I-м курсе — 15 человек из общего числа 260.

В историко-философском ин-те комплектование происходило так, что приемная комиссия не видела живых людей. Никакой проверки документов не было. В результате — засорение института чуждыми и антисоветскими элементами. Среди беспартийных студентов 15 чел. исключенных из партии и 20 чел. исключенных из комсомола. Много коммунистов и комсомольцев, имеющих партвзыскания за участие в троцкизме и в правом оппортунизме.

В институте им.Бубнова приемная комиссия ухитрилась за 10 дней рассмотреть 2500 заявлений. Неудивительно, что после этого среди студентов оказались при низком проценте рабочих и детей рабочих (27,4%) дети лишенцев и контрреволюционеры. Комсомолец Закс, сын крупного торговца, лишенного избирательных прав, успел дойти до последнего курса аспирантуры. Член партии Иноземцев и член ВЛКСМ Абакумов учились в институте несколько лет и оказались сыновьями лишенцев. Бывшая комсоргом Шемелина оказалась дочерью белогвардейского офицера. Беспартийный студент Вагнер оказался сыном крупного торговца, лишенного избирательных прав, и т.д.

Своевременная чистка ин-тов от чуждых и антисоветских элементов не была произведена благодаря слабой работе партийных комитетов и засорению руководства ин-тов антипартийными троцкистскими элементами.

III. Чуждые и антисоветские элементы в составе преподавателей институтов.

Во главе Историко-философского ин-та стоял б.»бундовец» — троцкист Пригожин, влиятельный участник нелегальной контрреволюционной троцкистской организации до 1927 г., двурушник, отказывающийся на словах от троцкизма в своих книгах и после этого защищавший свои троцкистские взгляды на лекциях, — придя в институт, он скрыл от парторганизации ин-та свою прошлую борьбу против партии и, таким путем пробрался в члены районного совета. Будучи директором, он продолжал проводить троцкистскую линию и превращал институт в место сосредоточения троцкистов в качестве преподавателей в числе 25 человек и буржуазных специалистов — 11 чел. В числе преподавателей Института был Стен, представитель право-левацкого блока, Торбин — троцкист, исключавшийся из партии, допустивший в преподавании троцкизм. Бурицев — доцент по политэкономии, бывший активнейший троцкист, Рындич —

преподаватель истории народов СССР и Гольденберг — преподаватель ленинизма — бывшие троцкисты, Новиков — профессор по диамату, бывший меньшевик, протаскивающий идеалистические взгляды в преподавании, Гришин — профессор по ленинизму, бывший бундовец, выступивший 7 января текущего года в Коммунальной милиции с контрреволюционными троцкистскими установками относительно зинovieвской контрреволюционной группы, Фейгельсон, исключенный из партии в 1927 г. за принадлежность к зинovieвской группе, Гингор, бывш. троцкист, высланный в 1929 г., Дахшлегер — в прошлом видный меньшевик, снятый теперь с работы за фашистские, антисоветские выпады, профессор Канчаловский, проводивший на занятиях аналогию древнегреческого рабства с экономикой Советского Союза, Бахрушин и Готье профессора по древней истории из бывшего купечества, выславшиеся в свое время из Москвы, Любомиров — бывший эсер, Грацианский, вычищенный в свое время из аппарата ВСНХ, Асмус и Дынник — бывшие меньшевистствующие идеалисты, Рубин, связанный с антисоветской группой Литфака, Горев — бывший с 1907 по 1920 г. активным меньшевиком-ликвидатором, Егоров, снятый теперь с работы за троцкистскую контрабанду в преподавании, Искринский — сын попа, окончивший Московскую духовную академию, и т.п. Весь этот преподавательский состав работал без контроля со стороны учебной части и кафедр и свободно мог изо дня в день оказывать свое разлагающее влияние на отсталую часть разношерстной студенческой массы, мобилизуя антисоветские настроения.

В погоне за «именем» Пригожин на общестуденческом собрании заявил, что «преподаватели должны давать студентам факты, а с методологией мы сами справимся». В программах утвержденных Пригожиным преподносится вместо вульгарного социологизма прошлых лет свеженький буржуазный эмпиризм и позитивизм. Истолковывая решения ЦК ВКП/б/ о преподавании исторических наук как отказ от марксистско-ленинской методологии, Пригожин легализовал контрреволюционное буржуазное преподавание истории, в особенности на Литфаке, где монополистами преподавания древней и средневековой истории, древней и средневековой истории литературы и искусствознания является формально беспартийная старая профессура — по существу проводящая буржуазно-партийные установки, умело маскируемые «остротами» и «объективным» изложением предмета.

Благодаря такой, совершенно бесконтрольной работе, старой профессуры и их молодых «учеников», вроде дворянина — конторщика Михальчи, наше молодое студенчество Литфака получало неверное, по существу чуждое нам направление.

Если учесть недопустимо слабый социальный состав Литфака и отсутствие партийной и комсомольской массовой работы при наличии чуждых нам преподавателей, то неудивительно, что именно на этом факультете свила свое контрреволюционное гнездо троцкистско-зинovieвская группировка.

Политика Пригожина таким образом предоставила кафедру в советском идеологическом вузе большой группе врагов нашей партии и советской власти.

Подготовка новых научных кадров не обеспечена постановкой учебы в аспирантуре. Из 132 аспирантов только 28 детей рабочих, но есть происходящие из служителей культа и дворян.

На Литфаке из 29 аспирантов только один коммунист. Нет ни учебного плана (кроме индивидуальных), ни программ, ни определенных преподавателей, отвечающих за работу аспирантов, ни контроля со стороны руководства ин-та. В результате случаи получения аспирантских стипендий в двух ин-тах, образчики вечных студентов, уже окончивших по 3 института (Стрелецкий). Разоблаченные троцкисты (Назаров, Лейбман, Крепский, Зюбин и др.) остаются в аспирантуре, в то время, как коммунисты ушли. Снятый с работы за троцкизм зам. декана факультета остается аспирантом. При отсутствии определенных занятий с аспирантами работа преподавателя сводится к консультации и к зачету представленных докладов. Ведет эту работу каждый преподаватель, как ему вздумается.

В Московском областном педагогическом ин-те оба заместителя директора Иодзевич и Крупенина — бывшие троцкисты. Крупенина с 1917 по 1920 г. состояла в меньшевистской партии. В 1923 г. примкнула к троцкистской оппозиции, два раза исключалась из партии. В Институте об ее прошлом не знали, причем даже во время обсуждения решений Ноябрьского пленума ЦК ВКП/б/ она, по ее словам, не нашла формы, чтобы сообщить о своем прошлом. Крупенина в Московском областном педагогическом институте удаляла из Института молодые преподавательские силы коммунистов и окружила себя частью старой профессурой, отчасти бывшими троцкистами. Из 148 преподавателей только 32 члена партии. Контроль над работой этих преподавателей не осуществляется ни посещением лекций со стороны кафедры, ни стенографированием их. Профессора с буржуазными взглядами протаскивают свои теории и об этом становится известно лишь случайно. Но и тогда такие выступления обычно замалчиваются. Профессор Синдеев, например, развивал теорию, что гениальные люди — всегда одиноки и массы относятся к ним враждебно. При этом, он ссылаясь, в качестве примера на Маркса и Ленина. Декан исторического факультета и председатель кафедры Егоров, сам допускавший троцкизм в своей преподавательской работе, не проверял преподавательскую работу заведомо антимарксистских преподавателей. Утверждения Синдеева он оценил на кафедре как «ряд туманных и странных формулировок». Троцкистскую контрабанду преподавателя ленинизма Бочачера он квалифицировал на кафедре, как ошибки метафизического порядка. Пользуясь этим, профессор Любимов на занятиях защищает свои прежние ошибки по политэкономии, Коновалюк на лекции о методике говорил, что ни одна эпоха не была так богата педагогическими исканиями, как период «метода проектов» и т.д. и т.п.

Равным образом пропаганда буржуазных теорий протаскивается в преподавании профессурой Ин-та им. Бубнова. Профессор Бочкарев, бывший член ЦК кадетской партии, читает курс истории СССР и при этом без критики рекомендует пользоваться книгами Милюкова. За все время его лекции никто из руководителей института не посещал и ни одна из этих лекций не стенографирована. Также бесконтрольно преподавательскую работу ведет ряд бывших меньшевистских деятелей: Горев, Герчиков, Кабо, б.троцкист Димант, б.эсеры Бажуков и Медынский, б.бундовец Шварцман и т.п. Когда случайно руководство ин-та узнало об извращениях на занятиях Бочкарева, Желвакова и Лесникова, — все трое были уволены тотчас же 7 февраля, а вслед за ними еще ряд других преподавателей.

IV. Политическая близорукость партийных организаций институтов

Мобилизация и активизация антисоветских элементов ин-тутов стали возможными только благодаря отсутствию большевистской бдительности и настороженности партийных организаций ин-тов, граничащему с политической слепотой. Уже с осени секретарь комсомольской организации Историко-филологического ин-та и комсорг пьянствовали в Усачевском общежитии вместе с некоторыми студентами ин-та Востоковедения. Об этом сообщали секретарю парткома Юдину, сообщали ему также, что один из этой компании во время похорон т. Кирова выступил с контрреволюционной речью, исключен из комсомола и взят органами НКВД, но Юдин не только прошел мимо этого, но не допускал постановку вопроса на партгруппе. В конце октября на литфаке создалась антисоветская группа из 8 комсомольцев и 4 беспартийных. Юдину об этом доложил парторг, предлагал принять меры — Юдин отказывался, ссылаясь на свою занятость переборами советов. На похороны т. Кирова не вышла половина состава студентов Литфака, пошли контрреволюционные разговоры, невыход носил явно демонстративный характер — Бойченко предложил Юдину поставить вопрос на парткоме, но Юдин отказался, Бойченко предложил обсудить вопрос на партгруппе факультета — Юдин запретил, разрешив только переговорить с

каждым в отдельности. Парторганизация не только проглядела преступную деятельность Пригожина, когда тот набирал антисоветские элементы в качестве преподавателей и широко открывал двери для проникновения в институт чуждых и контрреволюционных элементов в качестве студентов, — парторганизация не реагировала на контрреволюционные выступления студентов, на протаскивание враждебной идеологии в преподавании, на бесконтрольность и самотек в учебных занятиях, не реагировала на прямые заявления о троцкистских извращениях руководителя Торбина, которого партком навязал группе, не сказав даже, что Торбин исключался из партии за троцкизм, вследствие чего группа узнала о троцкизме своего «руководителя» только тогда, когда уже стоял вопрос о новом исключении его из партии из состава преподавателей. Более того, Юдин, а затем и некоторые другие члены парткома — заместитель секретаря Хонькин, культпрон Сумбаев, секретарь комсомольской организации Лебедев и Каширин — узнали о прошлой троцкистской деятельности Пригожина и тем не менее, вопреки прямым указаниям секретаря Фрунзенского РК, Пригожину было поручено сделать доклад на общеинститутском собрании об итогах Ноябрьского пленума ЦК и убийстве т.Кирова. Допущенные в этом докладе извращения в оценке подонков б.троцкистско-зиновьевской оппозиции партком замолчал.

Партком выдвинул кандидатуру Пригожина в члены Райсовета и спустил в группы блестящую характеристику его как большевика и грубо сфальсифицированную автобиографию, в которой говорилось о борьбе Пригожина с троцкизмом и ни слова о его собственном троцкистском прошлом.

Когда в студенческую среду стал проникать об этом слух и Андреев и другие члены парткома, напрямик спросили Юдина об этом, он ответил: «Ничего подобного, Пригожин троцкистом не был, ты хуже беспартийного». Если учесть еще защиту Кожуро, парторга и редактора газеты — жены осужденного Горешина, со стороны Юдина и Хонькина и частые случаи грубого окрика на сигналы отдельных коммунистов, то станет понятным оживление активности контрреволюционных и антипартийных элементов в этом институте.

Вследствие половинчатой политической линии партком не мог мобилизовать студенчество против действительных носителей разложения, не провел массовой работы, не сплотил массы на уроках политической борьбы. Более отсталая часть студентов Литфака не одобрила исключения участников антисоветской группы из комсомола. При удалении Дахиллегера 4 комсомольца демонстративно ушли с лекции нового профессора. В то время как одна из факультетских газет объявила Дахиллегера контрреволюционером, другая — лучшим ударником. Когда РК комсомола вынес выговор секретарю комсомольской организации ин-та за слабую работу и притупление партийной бдительности — партчасть комитета комсомола не только не пригласили на заседание парткома при обсуждении этого вопроса, но пришедших на это заседание попросили удалиться. Когда Пригожин издал приказ, запрещающий перед зачетной сессией на 3 недели всякие собрания, член парткома добросовестно это проводит в жизнь и запрещает собрание группы по поводу антипартийного разговора. Когда приказом объявляется выговор профкому или возлагается ответственность за выполнение закрытого письма ЦК на зав.учебной частью, парторганизация проходит мимо этого. Проходит она также мимо зажима со стороны распоясавшегося троцкиста Колпакова, проваливающегося на зачетах студентов, проявляющих партийную бдительность (Васильченко, Борткевич), не замечают пьянства членов парткома и секретаря комсомольской организации, а Хонькин сам продает выданную ему институтом путевку.

В Московском областном педагогическом ин-те парторганизация прошла мимо разлагающей работы Крупениной, не только не вскрывала, но и не реагировала на прямые заявления о контрреволюционных настроениях некоторых студентов, а когда принимала те или иные решения против таких студентов, — проводила без огласки — келейно. Партийная организация не вскрывала также

буржуазных, троцкистских и оппортунистических извращений в преподавании и совершенно не сумела поднять самокритику. В институте им. Бубнова активизация антисоветских сил среди студентов и антипартийные выпады отдельных преподавателей не потревожили самоуспокоенности партийной организации. Коммунисты, живущие в общежитиях вместе с антисоветскими элементами, не реагируют на их выступления, и, когда органы НКВД арестовывают соответствующих лиц, — партийная организация проходит молчком мимо политического значения вскрывшихся явлений. Келейный характер изъятия из института антисоветских студентов и полнейшая бесконтрольность преподавания даже заведомо антисоветской и антипартийной профессуры скрашивает действительное положение в институте.

Таким образом, во всех 3-х институтах требуется немедленная мобилизация внимания партийной и комсомольской массы на указанных крупнейших извращениях партийной линии, широкое развертывание самокритики во всех звеньях организации и подъем партийной большевистской бдительности и непримиримости, подъем пропагандистской работы на тот высокий уровень, как это требует закрытое письмо ЦК ВКП/б/.

У Недостатки руководства Наркомпроса

Наркомпрос не организовал набора студентов, не обеспечил необходимого социального и партийного состава их. Допустил безответственность и текучку в работе приемных комиссий, оставил без наказания лиц, виновных в засорении институтов. Равным образом Наркомпрос допустил засорение преподавательского состава чуждыми, антисоветскими элементами. Более того, в учебных планах, утвержденных Наркомпросом (например, для литературного факультета ИФИ) отсутствует курс истории ВКП(б) и курс истории народов СССР. Даже на славянско-русском цикле отсутствует курс современной советской литературы и кроме русского языка не изучается ни один язык народов СССР. Мало обращает внимания Наркомпрос на культурно-бытовое обслуживание студенчества и правильное использование отпущенных средств институтами, в результате чего имеют место факты пьянок и бытового разложения во всех трех институтах.

Совершенно очевидно, что необходимо принять срочно ряд мер в связи с нашей проверкой.

Эти меры должны пойти в направлении:

- 1) коренного изменения существующей практики работы приемных комиссий в ВУЗах;
- 2) тщательной проверки приглашаемых на работу преподавателей, особенно по социально-экономическим дисциплинам;
- 3) постановки партийно-пропагандистской и воспитательной работы среди студенчества;
- 4) пересмотра и укрепления командных кадров педагогических учебных заведений;
- 5) привлечения к ответственности ряда работников как педвузов, так и Наркомпроса.

**РУКОВОДИТЕЛЬ ГРУППЫ ПРОСВЕЩЕНИЯ
И ЗДРАВООХРАНЕНИЯ**

ШОХИН

**ОТВЕТСТВЕННЫЙ КОНТРОЛЕР
(общественник)**

ВИЛКС

23 марта 1935 г.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.695. Л.83-92. Подлинник. Машинопись.

В результате таких проверок и докладных записок начались массовые увольнения преподавателей и специалистов из высших учебных заведений, научно-исследовательских институтов — всех, кто «при выяснении» оказался замешанным в «небольшевистском прошлом» или в «порочащих связях». Кампания захлестывала все большее число людей, нанося значительный ущерб кадрам в различных областях развития науки и высшей школы. Ужесточение политического контроля распространялось на все сферы общественной жизни. Процессы, подобные вышеописанным, происходили, в частности, в издательском деле. Внимание партийных органов обращается в связи с этим на кадры Главлита — главного цензурного органа. Об этом говорит следующий документ:

В ОРГБЮРО ЦК ВКП/б/

О РАБОТЕ ГЛАВЛИТА

Выходящие в стране печатные издания дважды просматриваются органами цензуры. Существует так называемая предварительная цензура, осуществляемая уполномоченными Главлита, работающими непосредственно в издательствах, и последующая цензура, осуществляемая Центральным аппаратом Главлита (исключение составляют ежедневные газеты, для которых цензурный просмотр уполномоченного Главлита, прикрепленного к этой газете, является окончательным).

Проверка работы центрального аппарата Главлита показала, что состояние цензуры в стране является совершенно неудовлетворительным.

Центральный аппарат Главлита осуществляет последующую цензуру изданий, поступающих к нему уже после просмотра их уполномоченными Главлита, работающими непосредственно в издательствах и газетах и край(обл)литами. Поэтому по работе центрального аппарата Главлита можно судить о результатах и качестве работы уполномоченных при издательствах и периферии Главлита, осуществляющих предварительную цензуру.

Аппарат Главлита состоит из 4-х основных секторов: Политико-экономического, Художественного, Сельско-хозяйственного и Краевой инспекции. В задачи этих секторов входит и руководство работой предварительной цензуры. Как же выполняет центральный аппарат Главлита возложенные на него задачи?

Политико-экономический сектор осуществляет последующую цензуру по 32 издательствам, начиная от Союзгиза и кончая Медгизом, издательством Медицинской энциклопедии, издательством ЦК эсперантистов и т.д. Работают в секторе 4 человека, среди которых нет ни одного экономиста. Состав сектора ни по количеству работников, ни по их подготовке не может обеспечить квалифицированного просмотра литературы. Поэтому огромное большинство поступающей литературы просто не просматривается, идет в так называемый «сброс» (по политико-экономическому сектору «сброс» достигает 70-75%). И все же, даже при таком незначительном проценте просмотренных изданий сектором за 1935 г. задержано 30 изданий, уже прошедших предварительную цензуру, тогда как в предварительной цензуре за это же время задержано лишь 25 изданий.

Это говорит о чрезвычайной слабости предварительной цензуры и о халтурном отношении к делу ее работников.

В секторе до самого последнего времени работал политредактором ЛЕСС, исключенный из партии при проверке партдокументов за связь с троцкистами. Руководитель сектора т.Казанский (снят постановлением Оргбюро) не организовал работу ни в самом секторе, ни — по руководству предварительной цензурой. Казанский потворствовал рваческим, антипартийным действиям Уполномоченного Главлита при Госфиниздате Зарецкого, разоблаченного Комиссией

партийного контроля. Сектором был пропущен библиографический словарь Мезьера, рекомендовавший троцкистскую литературу.

Сельскохозяйственный сектор просматривает всю сельско-хозяйственную литературу. В секторе работает 4 человека, из которых трое имеют некоторые знания в области сельского хозяйства, один — окончил историко-философский институт. Но серьезного просмотра по существу сектор не обеспечивает. Достаточно сказать, что в секторе нет ни одного специалиста по вопросам животноводства. «Сброс» по этому сектору достигает 60-65%. Большинство литературы по актуальнейшим вопросам сельского хозяйства просматривается «в общем и целом». И все же сектор имеет большое количество задержаний: за 1935 г. содержано 116 изданий.

Сектор Художественной литературы. Из 4-х работников сектора только нач. сектора т. Спасский окончил Институт красной профессуры, остальные работники специальной подготовки не имеют. Уполномоченные по основным литературным издательствам тоже литературной подготовки не имеют.

Сектор Краевой инспекции. Он просматривает всю литературу, издающуюся в краях и областях, начиная с социально-политической и художественной и кончая ветеринарной, медицинской и т.д. Естественно, что люди, работающие в этом секторе (5 человек — обязанности между ними разделены по территориальному признаку: каждый политредактор имеет группу краев, должны были бы обладать какими-то универсальными познаниями для того, чтобы по группе своих краев обеспечить просмотр всей разнородной литературы. А поскольку этого нет и не может быть, последующая цензура сводится к беглому просмотру и выявлению лишь грубейших ляпсусов, каких в изданиях местных краевых издательств много. Так, краевой инспекцией даже при плохой организации работы задержано и изъято за 1935 г. 79 названий, из которых 18 — на национальных языках.

Зам.нач. сектора Краевой инспекции до самого последнего времени был Орлов, при проверке партдокументов исключенный из партии, оказавшийся не Орловым, а Ольшевским, сыном пристава, ныне сосланного, офицером царской армии. Ольшевский поддерживал связь с братом белогвардейцем, нелегально приехавшим в СССР.

В результате плохой работы уполномоченных Главлита в издательствах, государство понесло большие материальные потери, а рынок засоряется недоброкачественной литературой. По 12 центральным книгоиздательствам за 11 месяцев 1935 г. в порядке последующей цензуры Главлитом изъято и пошло в макулатуру 69 названий, что стоило государству 413 510 р., и задержано для исправления 85 названий, что обошлось в 148 300 рублей.

Как можно видеть из выше приведенного обзора работы секторов Главлита, это отнюдь не говорит о хорошем составе работников центрального аппарата, а лишь о том, что уполномоченные по предварительной цензуре очень слабы и работают плохо.

Тем более необходимо, чтобы центральный аппарат Главлита занимался не только ловлей ошибок предварительной цензуры, — запоздалой и стоящей государству больших средств, а в особенности организацией и укреплением работы предварительной цензуры, подбором для нее кадров, которые чрезвычайно засорены и почти сплошь совместительствуют. Между тем, этой работой до последнего времени Главлит не занимался. Не было не только изучения, но даже учета работников предварительной цензуры — уполномоченных и политредакторов при издательствах, газетах и на периферии. Только теперь начинается учет налаживаться, и он сразу же обнаружил, что из 88 московских работников предварительной цензуры, из которых есть личные дела, — 46 имеют (иногда по несколько) партийных и административных взысканий за серьезные политические ошибки.

В издательстве «Академия» Уполномоченным Главлита работает Рубановский, имеющий несколько партийных взысканий за троцкистские ошибки и сочувствие взглядам оппозиции (работал в издательстве при Каменеве, продолжает работать и до сих пор). Уполномоченный Главлита по Детгизу Городецкая имеет строгий выговор с предупреждением за допущение раскрытия военной тайны. При проверке партдокументов у нее задержан партбилет.

Многие политредакторы, прикрепленные к центральным газетам, недостаточно политически грамотны, плохо знают свои обязанности и часто небрежно относятся к делу. Из-за этого в указаниях политредакторов разных газет сплошь и рядом наблюдается разнбой (один политредактор пропускает то, что другой запрещает печатать) и при наличии массы анекдотических случаев запрещения к опубликованию самых невинных вещей, в газеты продолжают проникать совершенно не подлежащие опубликованию сведения.

Абсолютно нетерпимым является процветающее среди работников предварительной цензуры почти поголовное совместительство. Из 126 работников предварительной цензуры в Москве — 76 совместительствуют. При этом в технических издательствах из 42 уполномоченных и политредакторов совместителей 35; из 34 работников военной цензуры совместителей 25.

Если положение с цензурой в центре явно неудовлетворительно, то на местах, а особенно в районах, оно является прямо катастрофическим. За исключением Ленинграда, Свердловска, Смоленска, Горького и Ростова положение таково, что действительного контроля за выходящей литературой со стороны Главлита нет. Почти повсюду в районах контроль за газетами возложен по совместительству на зав. райОНО, военкомов или работников райкомов. Из 3 250 райуполномоченных по РСФСР, Украине, Белоруссии, Закавказью, Узбекистану, Туркмении и Таджикистану освобожденных только 297 чел.

Обкомы, крайкомы и ЦК нацкомпартий в большинстве случаев недооценивают работу по цензуре, совсем не дают на нее работников или дают людей проштрафившихся, ни к какой работе вообще не способных.

Большим местом в работе Главлита является существующая система оплаты труда политредакторов предварительной цензуры, при которой политредактора жалование получают не в Главлите, а в обслуживаемых ими издательствах. Эта система не только приводит к разнбоя в оплате труда, но и ставит политредакторов в зависимое от издательства положение, а с другой стороны порождает злоупотреблений со стороны работников цензуры, рвачество и халтуру. Примером может служить разоблаченный КПК уполномоченный Главлита по Госфиниздату Зарецкий, который получал в общей сложности около 3 тыс. рублей в месяц, и уполномоченный по издательству иностранных рабочих Аксельрод, зарабатывавший 5-6 тыс. рублей в месяц.

С существующей системой оплаты труда необходимо немедленно покончить, — это ясно показала проверка, проведенная КПК в связи с делом Зарецкого.

Таким образом, в нынешнем своем состоянии цензура резко отстает от задач, поставленных партией перед печатью.

Зав.отделом печати и издательств ЦК

Б. Таль

Зам.пред.КПК при ЦК ВКП/б/

Подпись

2 января 1936 г.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.731. Л.72-77. Подлинник. Машинопись.

О том, как начинает работать механизм политической цензуры рассказывает докладная записка, представленная отделом печати и издательств ЦК, «раскручивает» историю с изданием политического словаря для рабочих и колхозников, который должен был стать важным инструментом политического воспитания масс.

СЕКРЕТАРЯМ ЦК ВКП(б) —
тт. СТАЛИНУ, КАГАНОВИЧУ,
АНДРЕЕВУ, ЖДАНОВУ, ЕЖОВУ.

О ПОЛИТИЧЕСКОМ СЛОВАРЕ ДЛЯ РАБОЧИХ И КОЛХОЗНИКОВ

10 мая 1935 года ЦК ВКП(б) принял решение об издании политического словаря, рассчитанного на рабочих и колхозников.

Редакция политического словаря была составлена из следующих лиц: Таля, Кнорина, Кантора Х.Н.

Над этим словарем, еще до решения ЦК ВКП(б), не мало «поработали» Томский и его сподвижник из троцкистских шпионов. Из 16 редакторов отделов политического словаря и Таль и Кнорин привлекли в качестве редакторов отделов словаря группу, подобранных Талем — Кнориным и представленных на утверждение ЦК ВКП(б), подавляющая часть — троцкистские шпионы. Оказались врагами и многие из тех лиц, которые в процессе работы были привлечены в качестве редакторов или ответственных работников.

Арестованы редактора следующих отделов:

Буткевич — редактор военного отдела.

Горин — редактор исторического отдела.

Файнберг — редактор отдела комсомола.

Смолянский — редактор отдела Коминтерн.

Тивель — редактор международного отдела.

Иозльсон — редактор отдела мировой экономики.

Гуревич — редактор сельскохозяйственного отдела.

Берман — редактор отдела советского строительства и права

Тулепов — редактор национального отдела.

Козлов — редактор всеобщей истории.

Исключены из партии редактора отделов.

Литературного — Динамов

Ленинизм — Костко

Общего отдела — Зенкевич.

Авторский состав также был засорен врагами народа: Танхилевич и Туманян (оба арестованы) писали статьи по вопросам истории партии: Фролов и Ваннаг (оба арестованы) — писали по вопросам истории СССР; Гуревич и Иосифов (оба арестованы) — писали по вопросам сельского хозяйства.

В аппарате редакции словаря остались два технических работника, оба беспартийные. Остальные, как политически скомпрометированные, отстранены от работы.

Вражеский состав редакторского аппарата представлял контрреволюционные, антимарксистские статьи, умышленно затягивал выпуск словаря. В статье «Организованный капитализм» дается, например, подробное изложение этой контрреволюционной теории и утверждается, что она потерпела крах только «под ударами мирового экономического кризиса и в результате господства фашизма в «демократической» Германии и других капиталистических странах». Слова «Контрразведка» и «Гестапо» написаны так, будто они ведут работу только внутри своих стран, ни слова не сказано об их подрывной антисоветской

деятельности. Контрреволюционная стражня есть в других статьях, написанных для словаря. Сподвижник Таля, буржуазный националист и шпион Тулепов, редактировавший национальный отдел, не внес в тематику словаря такие вопросы, как «Национализм», «Буржуазный национализм».

За три года работы на подготовку словаря израсходовано 450 тысяч рублей. Имеющийся материал требует серьезной переделки, очень многое должно быть написано заново. Необходимо пересмотреть словник и дополнить его новыми статьями, вытекающими из Сталинской Конституции, выборов в Верховный Совет СССР, из изменений международной и внутренней обстановки, решений VII Конгресса Коминтерна и событий в Испании и Китае.

Отдел Печати и издательств ЦК ВКП(б) считает необходимым:

1. Возложить руководство всей работой по выпуску политического словаря на Отдел партийной пропаганды и агитации.
2. Утвердить новую редакцию словаря в следующем составе: Рубинштейн Н.Л., Потемкин В.П., Климов (Кантор Х.Н.);
3. Утвердить редакторов разделов по прилагаемому списку;
4. Обязать Отдел партийной пропаганды и агитации и новую редакцию закончить всю работу по изданию словаря в трехмесячный срок.

ЗАВ.ОТДЕЛОМ ПЕЧАТИ И ИЗДАТЕЛЬСТВ ЦК ВКП(б)

Л.Мехлис

28 декабря 1937 г.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.11. Д.833. Л.115-117.
Правленая заверенная копия. Машинопись.

Обвинения, представленные составителям словаря, как видим, смехотворны. Никаких антимарксистских, тем более контрреволюционных идей не просматривается. Тем не менее работа над словарем послужила уже не темой для идеологического разноса, а исключения из партии и массовых арестов. Теперь уже от них не был гарантирован никто, какие бы заслуги в революционном движении и социалистическом строительстве он не имел, в том числе и выдающиеся организаторы советской индустрии, которые обеспечивали промышленный рывок и знаменитый «разбег» СССР, выведший его на передовые позиции в мире. Например, в личном деле А.Д.Брускина, в 1930-е сделавшего стремительную карьеру от простого инженера до наркома машиностроения, сохранились два письма-доноса. Первое письмо было написано 18 августа 1936 г. неким С.А.Дракиным из города Грозного:

Здравствуйте Иван Алексеевич, приветствую Вас с Северного Кавказа и поздравляю Вас с выздоровлением.*

Я пишу Вам, как старшему товарищу и хочу поделиться следующим:

Узнав из печати о том, что троцкистско-зиновьевская свора продолжает свою контрреволюционную работу, переходя к террору, делая покушения на наших руководителей, организуя контрреволюционные группы. В печати сказано о раскрытии контрреволюционной группы на Харьковском Паровозо-строительном заводе, где выявлено участие и пособничество членов партии. Это меня заставило написать Вам и привести пример покровительства меньшевику и троцкисту со стороны члена партии т.Брускина Александра Давидовича, назначенного зам. Наркома Тяжелой промышленности с 7.08.36 г. Покровительство его этим лицом заключается в следующем:

Брускин после окончания Харьковского Технологического Института работает на Харьковском паровозостроительном заводе, на котором вместе с ним работают его товарищи по институту Эфрос, исключенный из партии как меньшевик, и Дусавицкий, исключенный из партии как ярый троцкист. С переходом т.Брускина на Харьковский Тракторный завод Эфрос и Дусавицкий также переходят туда работать, более ярко выразилось это покровительство в следующем примере. После убийства т.Кирова троцкистом Николаевым, троцкист Дусавицкий с Харьковского Тракторного завода переходит работать на Челябинский тракторный завод к т.Брускину, который в это время там был директором, между тем т.Брускин хорошо знает, что Дусавицкий является троцкистом. Может быть, я ошибаюсь в чем-либо, Иван Алексеевич, но я как со старшим товарищем хочу поделиться, так как в настоящий момент надо быть более чутким и бдительным.

Уважающий Вас с товарищеским и коммунистическим приветом С.Дракин.

Иван Алексеевич Вы наверное удивлены кто написал Вам письмо, так вот я думаю Вы вспомните. Когда Вы были председателем Губ Отдела Горняков в Артемовске, а после председателем ВУКа [Всеукраинского комитета] горняков, то я в то время учился в Харькове Технологическом институте и был уполномоченным студентов Горняков г.Харькова, поэтому часто по делам студентов горняков приходилось с Вами разрешать некоторые вопросы, так вот я и решил обратиться к Вам, ожидаю ответа.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.100. Д.39599. Л.9. Подлинник. Рукопись.

* По-видимому, письмо направлено И.А.Акулову, секретарю ЦИК СССР.

Затем в ЦК ВКП(б) пришло другое письмо, написанное 9 ноября 1937 г. А.Б.Крикунчиком. В обоих случаях примечательны «говорящие» фамилии писавших. Укажем, что происхождение писем установить не удалось: нет оснований утверждать, что письма пришли от реально существовавших лиц, также как нельзя доказать, что они поддельные. Во втором письме сообщалось:

Несомненно, что при назначении на крупнейшие государственные должности Центральный Комитет ВКП(б) тщательнейшим образом проверяет товарищей и вся их прошлая политическая деятельность известна ЦК до мельчайших подробностей. Опубликованное в газете «Известия» N255 от 1-го ноября сего года выступление т.Акаева при выдвижении народного комиссара машиностроения Александра Давидовича БРУСКИНА кандидатом в депутаты Совета Союза заставляет сомневаться в том, что все из политического прошлого А.Д.Брускина известно ЦК ВКП(б). Это обстоятельство и побудило меня обратиться в ЦК с настоящим заявлением.

Выступление т.Акаева изложено газетой «Известия» следующим образом:

«Я выдвигаю кандидатом в депутаты Совета Союза народного комиссара машиностроения товарища Брускина Александра Давидовича, который проявил себя, как стойкий большевик. В годы революционного подполья тов.Брускин активно боролся за дело Ленина-Сталина. Он принимал участие в освобождении Украины от денкинских банд.» Между тем, Брускин А.Д. еще в 1920 г. был активным меньшевиком. Он был членом Харьковского городского комитета меньшевиков. В сентябре или октябре 1920 г. он арестовывался в Харькове органами ЧК, как меньшевик. И лишь в ноябре или декабре 1920 г. он подал в партийную организа-

цию Харьковского технологического института заявление о приеме в члены ВКП(б) и был принят в члены ВКП(б) без прохождения кандидатского стажа.

Приведенные факты мне помнятся, потому что я присутствовал на том собрании партийной организации технологического института, очень немногочисленной в то время, на котором решался вопрос о приеме в члены ВКП(б) БРУСКИНА А.Д.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.100. Д.39599. Л.11. Подлинник. Рукопись.

На основании двух сигналов в секторе учета руководящих кадров ЦК ВКП(б) были подняты документы на Брускина, проведена беседа с ним и составлена справка, направленная Г.М.Маленкову:

По существу поступившего заявления на БРУСКИНА А.Д. из просмотра материалов Единого партдокумента и личного дела выяснилось, что пребывание в партии меньшевиков Брускин не скрывал. Эти данные совпадают по всем документам.

Вступил он в партию меньшевиков после Февральской революции и был в ней до декабря 1920 г. В декабре 1920 г., будучи студентом Харьковского технологического института, вступил в партию большевиков. Был принят без прохождения кандидатского стажа. Прием его в партию, как выходяца из другой партии, был утвержден ЦКК(б) Украины. Будучи меньшевиком (группа Н.Н.Попова), Брускин А.Д., как он указывает в автобиографии, добровольно пошел на фронт против Деникина. Был в 3 Луганском интернациональном полку в качестве красноармейца с марта 1919 г. по август 1919 г. — Затем остался на территории белых и с сентября 1919 г. по октябрь 1919 г. работал контролером в Харьковском студкооперативе. В октябре был арестован деникинской контрразведкой (в то время он был еще меньшевиком), где просидел один месяц. После тюрьмы с декабря 1919 г. по май 1920 г. работал техником Укр. Совнархоза до поступления в Технологический институт, где и перешел к большевикам.

Являлся ли т.Брускин членом Харьковского городского комитета меньшевиков, установить не удалось, так как в личном деле нет на этот счет никаких документов, в автобиографии он об этом не пишет. Не указывается ничего также и в регистрационном бланке по обмену партдокументов.

В отношении ареста его органами ЧК как меньшевика в 1920 г. также нет данных. Сам он указывает, что арестовывался деникинской охранкой (октябрь-ноябрь 1919 г.), а не в сентябре 1919 г., как пишется в заявлении.

По данному вопросу 29.09.36 г. — т.Шкирятов вызывал Брускина и установил, что он работал с указанными в заявлении лицами, что Эфрос даже им, Брускиным, был приглашен на работу, а Дусавицкого уже тянул за собой Эфрос. В беседе с т.Шкирятовым т.Брускин утверждал, что на Челябинском тракторном с данными людьми он не работал.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.100. Д.39599. Л.10. Подлинник. Машинопись.

Несколько позже Брускин был арестован. Нельзя, конечно, утверждать, что расследование по письмам-доносам было тому непосредственной причиной, но то, что они использовались в качестве «компромата» — несомненно. Так было подготовлено избиение кадров в период «ежовщины», в значительной мере осуществляемое руками самих этих кадров.

Урон, который нанесли кадрам массовые репрессии был, конечно, весьма существенным, но он компенсировался нарастающим лавинообразным потоком новых руководителей и специалистов, стремящимся сделать карьеру, и в «Кратком курсе истории ВКП(б)», вышедшем в 1938 г., было сказано, что в годы второй пятилетки партия добилась осуществления сталинского лозунга «Кадры решают все!»

Примечания:

¹ РЦХИДНИ. Ф.355. Оп.1. Д.115. Л.100-101.

² ГАРФ. Ф.7952. Оп.3. Д.240. Л.65-66.

³ Проверка была проведена в феврале 1935 г. завкультпропом ЦК ВКП(б) А.Стецким в связи с публикацией в «Правде» заметки «Троцкист на кафедре». Проверяющий пришел к выводу, что действительное положение в вузах еще хуже, чем говорилось в «Правде». Материалы проверки называются «О политическом состоянии вузов Азово-Черноморского края» и состоят из трех частей. Первая часть, которую мы приводим, посвящена политическим настроениям среди студенчества. Вторая часть называется «Засоренность преподавательского состава троцкистами и дело Владимирова». Последний в 1928 г. исключался из партии за принадлежность к троцкистской оппозиции. Подробно рассказывается о том, кто виноват в том, что бывший троцкист оказался на кафедре Высшей коммунистической сельскохозяйственной школы (ВКСХШ) в Ростове, о том, что партийные органы города не проявили достаточной бдительности. Говорилось также об исключении 7 преподавателей «за троцкистские вылазки и троцкистскую контрабанду». Третья часть материалов указывала на слабость партийной и массовой политической работы в высших учебных заведениях края.

«СТАЛИНСКАЯ КОНСТИТУЦИЯ»

Одним из важнейших событий общественной жизни 1930-х годов стало обсуждение и принятие новой советской конституции. Вокруг ее оценки до сих пор не утихают споры, отражающие не только неоднозначность самого документа, но сложность и противоречивость того времени. Названная с момента своего рождения «сталинской» и «самой демократической в мире», конституция была призвана закрепить основы нового социалистического государственного и общественного устройства, создать привлекательный образ социализма для трудящихся СССР и всего мира.

Почему Сталину так уж необходим был этот заключительный аккорд «социалистического наступления» и почему он пошел на принятие по форме действительно самой демократической конституции в условиях, когда его позиции, казалось, были настолько прочными и сильными, что он мог, наверное, обойтись без какой-либо конституции? Было ли ее принятие очередной прихотью вождя или же отражало какие-то глубинные течения в жизни советского общества? Не преувеличиваем ли мы его реальную власть и недооцениваем ли роль пассивной оппозиции сталинскому режиму? Может быть, тот порядок, который нашел воплощение в содержании конституции, и был выражением тех чаяний и надежд, которые существовали в обществе со времен революции? Были или нет какие-то элементы демократии при разработке нового основного закона и в чем они заключались? Как выглядела эта демократия в действии? Случайно ли принятие конституции практически совпадало с развертыванием в стране оголтелой репрессивной кампании, названной в народе «ежовщиной»? На эти, как и многие другие вопросы можно ответить, если обратиться к анализу материалов обсуждения проекта конституции и обстановки, в которой оно происходило.

Конституционная комиссия во главе со Сталиным была образована на VII Всесоюзном съезде Советов в составе 31 человека, включая партийных и государственных руководителей центра и республик. Были созданы также 12 подкомиссий — экономическая, финансовая, правовая и т.п., куда вошли главным образом соответствующие специалисты. Летом 1936 г., после года работы, проект новой конституции по решению Пленума ЦК ВКП(б) и Президиума ЦИК СССР был вынесен на всенародное обсуждение, которое продолжалось пять месяцев. 5 декабря 1936 г. VIII Чрезвычайный съезд Советов единогласно принял новый основной закон.

Таким образом, полтора года страна жила в ожидании больших перемен, возможно, самых значительных с момента революции 1917 г. Именно об этом говорят публикуемые ниже документы. Предложение высказаться по самым насущным проблемам, волнующим общество, открыто говорить все, что думаешь, посылать свои предложения, письма, замечания внушали иллюзию демократии. Да и сам проект давал основания для оптимизма, ибо речь шла о всеобщем избирательном праве, равенстве всех категорий насе-

ления, свободе слова, печати, собраний, отмене всех прежних ограничений «государства пролетарской диктатуры». Многие полагали, что именно в статьях новой конституции заключались существенные черты социализма, который теперь надо было лишь «утвердить». Провозглашение колхозников и единоличников равноправными гражданами СССР могло рассматриваться как косвенное признание властями несправедливости коллективизации с логичной постановкой вопроса о возможности выхода из колхоза и возврате отобранного имущества. Провозглашаемая свобода совести вроде бы означала осуждение прежних преследований верующих, отказ от воинствующего атеизма. В памяти людей был еще жив решительный поворот большевиков от «военного коммунизма» к нэпу. Может быть и теперь должно было повториться нечто подобное?

Однако многие уже нутром чувствовали разницу и не спешили откровенно высказываться по поводу главных вопросов устройства жизни советского общества, тем более, что в процессе обсуждения завеса демократизма постепенно таяла и отчетливо проступала иезуитская задумка власти раскрасить яркими красками фасад созданного режима, пустить всем пыль в глаза, выявить недовольных и поймать на крючок наивных пескарей, клюнувших на демократическую приманку. Сталину, как когда-то царице Екатерине II, понадобилось уловить настроения в обществе и сделать для себя определенные выводы.

Обсуждение проекта конституции постепенно разворачивалось в одну из очередных кампаний, так свойственных советскому периоду истории, с традиционным трудовым подъемом, единодушными поддержкой и одобрением, о которых во всю мочь трубила на своих страницах печать, сообщая о триумфальном шествии «великого исторического документа» по всей стране. С помощью новой конституции руководство пыталось возбудить новую волну общественного энтузиазма, придать дополнительное дыхание стахановскому движению, как бы олицетворяющему творческие потенции нового строя. Надо было показать, что наступление социализма знаменуется беспрецедентными трудовыми подвигами, блестящими рекордами и достижениями советских людей. Вот некоторые выдержки из сообщений, которые шли по всем информационным каналам: «Мастер первого класса, забойщик шахты имени Дзержинского Саенко ... с начала года выполнил 32 месячных нормы и заработал около 12 тыс. рублей»; «В Ленинграде трудится более 100 стахановских бригад имени VIII съезда Советов...»; «...Соответствующим образом возросла заработная плата стахановцев, например, зарплата стахановца Ковальчука из завода им.Ленина составляет 996 руб. в месяц, Вдовенко — 1024 руб.» и т.д. Так сознательно создавалась иллюзия единодушного одобрения проекта, которая перерастала в некий общественный гипноз в условиях насаждения коллективистского сознания и яростной борьбы с индивидуализмом.

Лишь в малых дозах давалась информация о существовании сомневающихся и недовольных — своего рода «паршивых овец в стаде». В то же время на стол Сталина и его аппарата ложились и другие аналитические материалы, мало похожие на ту идеологизированную жвачку, которой потчевали читателя советские газеты и журналы, и свидетельствовавшие о весьма ши-

роком диапазоне мнений, суждений, событий, связанных с принятием конституции.

Всенародное обсуждение конституционного проекта, конечно же, жестко контролировалось сверху. Подробная информация о настроениях в обществе поступала в виде сводок НКВД, в виде обзоров писем, замечаний, предложений, направленных в адрес руководителей страны, прежде всего самого Сталина, а также учреждений и организаций. При публикации материалов в печати особое внимание обращалось на «выверенность» и «правильную оценку» сообщаемых фактов. Цензура бдительно следила за тем, чтобы не только в центральных, но и в местных газетах, и даже в фабрично-заводских многотиражках не было ничего лишнего. Так, в справке о работе московской печати в 1936-37 гг. отмечалось, что «во время подготовки и обсуждения Конституции СССР 1936 г., выборов в Верховный Совет многотиражные газеты допустили серьезные ошибки и извращения», в результате чего до 30 номеров газет было задержано и перепечатано.¹

Разумеется, судьба подготовленного в недрах аппарата документа была предрешена еще до начала его всенародного обсуждения, а именно в тот момент, когда летом 1936 г. Пленум ЦК ВКП(б) решил «одобрить в основном проект конституции», что на языке того времени означало, что в дальнейшем никаких принципиальных изменений в ее текст внесено уже быть не может. Тем не менее, если Сталин сказал: всенародное обсуждение, значит – всенародное. Приоткрывая шлюзы для открытого выражения мнений людей, нужно было обеспечить их массовое участие в кампании и при этом еще направить поток народного волеизъявления в нужное русло, что составляло задачу не из легких. И размах кампании не имел прецедентов в мировой истории. Наверное, ни одна принятая прежде конституция не оставила после себя такого обширного шлейфа документов – своеобразного и уникального среза советского общества 1930-х годов, которые и поныне лежат в архивах.

Цифры участвовавших в обсуждении проекта могут поразить воображение. Согласно официальным данным, в стране состоялось 623 334 собрания, посвященных обсуждению проекта конституции, на которых присутствовало 42 372 990 человек и было сделано 169 739 предложений, замечаний, дополнений в текст конституции.² Но для специалиста столь «точная» статистика при анализе массовых мероприятий может, естественно, вызвать лишь скептическую улыбку. Очевидно, что за ней во многом стоят «дутые» показатели. Не удивительно, что в более поздней советской литературе можно встретить и значительно большие цифры,³ вплоть чуть ли не до поголовного участия людей в обсуждении конституции. Но сами организаторы кампании все же на это не решились, несмотря на то, что с мест поступали бесконечные сводки о ее успешном проведении и небывалой активности населения. Например, из Молдавии сообщалось, что «обсуждением охвачено 70.5% избирателей»; из Днепропетровской области – «процент охвата населения колеблется от 76 до 100»; из Воронежской области – «на собраниях трудящихся... присутствовало 1 130 тыс. человек или 71% избирателей»; из Харьковской области – «...прошло 19166 собраний, на них присутствовало 2 002 304 человек или 83% трудящихся»; «в г.Сталинграде

80% трудящихся посетили собрания по обсуждению проекта Конституции» и т.д. Наряду с этим отмечалось, что, например, «в г.Одессе практиковались массовые обсуждения проекта Конституции на открытом воздухе в парках..., завод им. Январского восстания провел 18 вылазок рабочих за город, где обсуждался проект конституции». Как видим, здесь наблюдается попытка создания неформальной обстановки, совместить «полезное и приятное», привлечь людей свежим воздухом, развлечениями. Кроме общих собраний, в огромном большинстве мест проводились мероприятия, связанные с углубленным изучением отдельных разделов и статей проекта. В национальных районах проект конституции обсуждался на родных языках. В Черкессии, говорилось в сводках, обсуждение происходило «на черкесском, абазинском и ногайском, а в сельсоветах, населенных нацменьшинствами на языках соответствующей национальности. В Пильненском районе Горьковского края в 4 мордовских сельсоветах обсуждение проводилось на родном языке. Следует отметить большую работу, проведенную в Благовском [Благовеском] районе Одесской области по обсуждению и изучению проекта конституции на болгарском языке... Кроме собраний, бесед и чток в ряде мест... проводились радиопереключки, передача специальных лекций по радио и пр.» Сообщалось об огромном количестве выступивших, вносящих предложения, об активном участии депутатов Советов, членов депутатских групп и групп содействия.⁴ То же самое приводится в отчетах о проведении кампании на местах, хранящихся в фонде Президиума ЦИК СССР.⁵

При чтении подобных сообщений может возникнуть впечатление не только о чрезвычайно высокой активности населения, но и о глубокой проработке статей конституции даже на самых экзотических языках многочисленных народов, населявших СССР.

В этой связи привлекают внимание свидетельства очевидцев о том, как зачастую в действительности происходили эти массовые мероприятия. И тут картина рисуется уже далеко не столь радужной. Об этом говорит, например, письмо в «Крестьянскую газету», написанное в июле 1936 г. неким Иваном Васильевым и напоминающее скорее юмористический рассказ:

«Привидение, которое не возвращается»

Под таким названием 5 июля сего года должна была демонстрироваться кинодрама в Парке культуры и отдыха на ст.Проходной Прималкинского района Кабардино-Балкарской автономной области.

Вот это кино и решили использовать руководители района для проработки Конституции. Начали собирать часов с четырех вечера. Кой-какие организации пришли организованно, строем и с песнями. Вели в летний театр, и было приказано свыше никого не выпускать из зала, но все-таки к часам к восьми зал опустел. Что делать? И решили: пойдет публика на кино, мы с ними проработаем. После двух звонков публика заняла места согласно билетов. Зал полон, президиум в сборе, ликует, а публика недоумевает, видя на сцене вместо экрана красный стол и вождей района. Секретарь РК ВКП(б) – т.Кашкожев, председатель РИКа – т.Бирюн и его зам. т.Опалько.

После третьего звонка вместо картины выступил т.Кашкожев со вступительным словом, дескать, проработаем сталинскую конституцию. Кто-то из публики осмелился заметить, что за деньги не проработывают. Т.Кашкожев

выпалли: кто не желает, может выйти, — и многие вышли из зала к кассе за деньгами, а касса была предупреждена — деньги не возвращать.

Подумаешь, какая у нас публика не сознательная — за 80 коп. получить два удовольствия не хочет: и проработку Конституции и кино — требует деньги.

Доклад т. Опалко сделала, слов нет, хорошо. Оратор она в районном масштабе — блестящий, но слушали вынужденно: не пропадать же 80 коп. И картина была хорошая — по Анри Барбюс[у]. Доклад длился один час. Президиум обращается, взывает, просит публику высказаться, выступить, сказать свое мнение. Полчаса ушло на это. Наконец, какой-то рабочий, фамилию которого не сказали, вышел и начал говорить; так говорил, что оказал медвежьёю услугу президиуму. В зале поднялся невероятный шум, крик, хохот, свист.

Появилась милиция и появился сам начальник РО Наркомвнудела т. Самаринко в окружении своих сотрудников, расставили силы, присматриваются к беспокойно ведущим себя, и после кино в час ночи кое-кто был приглашен для объяснения.

Т. Бирюк, предРИКа, видя, что никто не выступает, выступил сам и заявил: я хозяин района и завтра заставлю вас всех прожевать Конституцию на цеховых собраниях. Вы пришли куда, на какое-то кино несчастное...

Это то кино, о котором Ленин сказал, что из всех искусств кино самое лучшее, а вот для т. Бирюк[а] — это несчастное кино. Так и не проработали 5 июля Конституцию т. Сталина у нас на ст. Прохладное, работники района провалились, оскандалились, а, надо сказать, некрасиво вышло.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.77-78. Копия. Машинопись.

Вероятно, подобный случай «проработки» конституции с участием работников НКВД был далеко не единственным. Можно представить себе, какой опыт общения с демократией унесли участники описанного собрания. Его организаторы невольно разоблачили свою истинную цель — заставить всех «прожевать» конституцию и отчитаться перед вышестоящими органами о максимально высоком количестве участников обсуждения. Если у «вождей» Прималкинского района Кабардино-Балкарии вышло не все ладно, то можно с уверенностью сказать, что «благополучных» случаев «проработки» конституции в принудительном порядке было достаточно много. В одном из спецсообщений областных управлений НКВД в октябре 1936 г. говорилось, что на ткацкой фабрике им. Максима Горького (Гаврилово-Посадский район Ивановской области) «в целях обеспечения достаточного количества рабочих на собрании после работы двери во двор фабрики были закрыты и около них поставлен сторож. Собрание прошло формально. Из рабочих выступало всего лишь 3 человека».⁶ Сообщалось также о частых срывах собраний, плохой их посещаемости.⁷ «В колхозе им. Ворошилова [Юрьев-Польский район Ивановской области]... на собрание стали собирать с 8 часов вечера, когда большинство колхозников уже спали. В результате из 100 колхозников на собрание явилось только 6.»⁸ Но можно не сомневаться, что с отчетной статистикой все было в полном ажуре.

Источники свидетельствуют о том, что местная номенклатура, на плечи которой легла основная работа по обсуждению проекта конституции и проведению соответствующих собраний, оказалась как бы между двух огней. С одной стороны, от нее требовали максимального количества участников, внушительного числа выступавших и внесенных предложений. С другой стороны, чем более широким и открытым было обсуждение, тем более ве-

роятны были разные критические и негативные оценки советской действительности, а это могло обернуться непредсказуемыми последствиями. Инстинкт самосохранения толкал руководителей к тому, чтобы заранее предусмотреть все, подготовить проверенных ораторов, а значит — к перестройке, заорганизованности и формализму. В сводках НКВД отмечалось «связывание инициативы масс и искусственное отделение их от непосредственного участия в обсуждении основного закона Страны Советов.»⁹

Был у местных руководителей и свой резон, чтобы избежать широкого обсуждения. Они, как огня, боялись, что оно может вылиться в критику их собственной деятельности, ее несоответствие положениям конституции, и, как показывают документы, боялись не напрасно. В Горьковском крае только в одном Сосновском районе на собраниях выступили с критикой недостатков 331 человек, «обращая внимание на плохую работу по рассмотрению жалоб, о нарушениях демократии, о невыполнении наказов, о слабом вовлечении в советы женщин и т.д.» Во время обсуждения проекта конституции на общем собрании колхоза «Год великого перелома» (Карловский поссовет Чутовского района Одесской области) «в своих выступлениях колхозники, приветствуя новую конституцию, одновременно подчеркивали неудовлетворительную работу своих депутатов Марюхнич и Мирошниченко и предупреждали их про возможность отзыва из состава совета, если они не улучшат своей работы». Таких коротких факто-сообщений приводилось много.¹⁰

Таким образом, обсуждение конституции в какой-то мере можно рассматривать и как часть общей кампании сталинского руководства, направленной против местных администраторов, их некомпетентности, бюрократизма, неспособности претворять в жизнь указания руководящих органов. По крайней мере, так получилось на деле. В данном случае критика обрушилась на низовые советские органы, деятельность которых была у всех на глазах. Неудивительно, что за короткий срок обсуждения проекта, по официальным данным, более 15 тыс. депутатов местных Советов в 21 крае и области лишились своих мандатов.¹¹

В источниках явственно предстает политическая малограмотность, неподготовленность, низкий культурный уровень «проводников советской демократии», неумение ответить на самые элементарные вопросы или принять самостоятельное решение. Содержание статей конституции вызывало у них смешанное чувство досады (напишут всякое, а ты, попробуй, разъясни) и страха (скажут, а ты потом, отвечай). Отсюда частые случаи растерянности, путаницы среди организаторов собраний. Секретарь Чернухинского райисполкома Горьковского края Гостев на вопрос, как будет по новой конституции распределяться работа Верховного Совета и Совнаркома, «с честью» вышел из затруднительного положения, заявив: «Они там сами разберутся, кому что делать». Докладчик по конституции на Горьковском заводе «Двигатель революции», поздравив рабочих с успешным завершением второй пятилетки, обрушил на их головы следующее разъяснение по поводу классового состава советского общества: «У нас стерты классы с лица земли..., но наше крестьянство не является трудящимся». На недоуменный

вопрос более подкованного слушателя: есть ли все же классы в СССР, оратор окончательно смутился и неуверенно повторил, что классов нет.¹²

Обсуждение проекта на собраниях становилось тяжелым испытанием для их организаторов. Нередко они старались избежать вопросов, дискуссий, действуя по принципу «что же обсуждать, если все давно ясно», «умные люди писали конституцию, так что не нам вносить в нее исправления», зачастую вопреки инструкции и риску подвергнуться критике в центральной печати. Представитель Алма-Атинского горсовета в Казахстане Рудинский должен был организовать объединенный митинг колхозников пригородных сельсоветов. Колхозники начали съезжаться еще с утра и ждали начала митинга аж до 6 часов вечера. Основательно «помариновав» пяти тысячную аудиторию, Рудинский явно рассчитывал, что все устанут, прослушают штатного докладчика и со вздохом облегчения разойдутся. Однако колхозники хотели во всем разобраться и пытались настаивать на дискуссии, что не устраивало представителя сверху, и он никому не дал выступить. Об аналогичных случаях сообщалось из ряда кантонов АССР Немцев Поволжья. «Предложений об изменении статей или дополнений к проекту вносить нельзя» — утверждал один из руководящих работников на собрании рабочих совхоза. «Проект охватывает все стороны жизни, поэтому никаких дополнений не вносить» — говорилось в постановлении другого собрания, несмотря на то, что участники высказали ряд предложений. Во многих районах Оренбургской области райисполкомы вместо организации работы по обсуждению проекта конституции ограничились принятием решения о ее «проработке». В Бурятии председатель колхоза посчитал излишним такое обсуждение, так как его уже одобрили парторганы. Было зарегистрировано немало случаев фальсификации стенограмм собраний, исключения из них тех или иных предложений.¹³

С большим трудом до местной номенклатуры доходило, чего, собственно, от нее хотят: нужно было поиграть в демократию, но так, чтобы это вылилось в многомиллионную демонстрацию преданности делу социализма и лично товарищу Сталину.

Во что могло превратиться обсуждение проекта конституции без участия «организаторов» говорит один любопытный документ. Это письмо в «Крестьянскую газету» колхозника Павла Ивановича Воронова из колхоза «Каретово» Солигаличского района Ярославской области, присланное им от имени всех односельчан.

Колхозники нашего колхоза приветствуют сталинскую конституцию с большой радостью. Слушали меня колхозники и одобряли эту сталинскую конституцию. Всего участвовало на собрании 25 человек, но высказаться из них никто не мог, и тогда я, колхозник Воронов, предложил дополнить еще несколько пунктов, и они стали просить меня написать эти пункты и послать. Так я, по согласию всех колхозников, и написал, и, когда я им прочитал, что я написал, и они с пенем Интернационала все собрание [постановили]:

1. Чтобы нам колхозникам пользоваться правом городского рабочего ничуть не ниже, чтобы мы рабочие-колхозники работали за деньги, а не за трудовни.

2. Чтобы сделать нас колхозников всех профсоюзниками и иметь профсоюзные книжки, чтобы могли иметь полное право, как у городского рабочего.

3. Чтобы колхозу отпуск леса был бесплатно на все колхозные нужды, хотя определенный процент для нужд колхоза отпускать бесплатно.

4. Чтобы была бесперебойная торговля в наших селах всеми товарами, а в особенности мукой, а то у нас очень редко забрасывают муку, и колхозники бегают за хлебом за 30 километров, чтобы достать печеного хлеба для прокормления семьи, и ряд других товаров не бывает в кооперациях, а насчет кожаной обуви даже нигде и не видим здесь никакой.

5. Еще просим наладить у нас в колхозах работу, чтобы мы работали не все вместе, а каждый на своем прикрепленном участке, которые прикрепят за нами на все лето, и записи чтобы были в трудовые книжки каждую декаду, и давали нам их на руки, чтобы было у нас известно каждому колхознику, а то мы работаем все лето и не знаем, кто что заработал. Бригадиру говорим, чтоб выдавал нам каждый месяц и каждую декаду. Он говорит — не успеваю, работы много, а что делает? Он ничего не делает у нас в колхозе. Имеем председателя и счетовода, и бригадира, а дела никакого не видим. Председатель гуляет и бригадир, а счетовода совсем не видим нигде. Дали ему 225 трудодней — ничего не делает и просим помочь изжить все недостатки в наших колхозах. У нас в колхозе всего рабочих 20 человек. Он и предколхоза и он бригадир и хорошо устраивается, когда у нас во всем колхозе всего рабочих 20 человек, а у нас никто нам ничего не помогает исправить дело; в нашем колхозе живет избачка, и та не принимает никакого участия, — эти, конечно, неполадки имеются во всем Солигаличском районе.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.74-75. Копия. Машинопись.

Документ буквально проникнут духом ожидания перемен в связи с принятием новой конституции и от пункта к пункту постановление колхозного собрания, составленное автором, превращается в жалобу на нелегкую колхозную жизнь. Подобное сочетание постановки больших вопросов с житейскими заботами людей и будничными сценами очень характерно для многих материалов, спонтанно пришедших снизу в связи с обсуждением новой конституции.

Главным штабом, куда должны были стекаться все предложения, замечания, дополнения, поправки, где они подвергались учету, регистрации и систематизации, был Президиум ЦИК СССР. Однако он начал работу с существенным запозданием, когда кампания уже была в разгаре. В обобщающую сводку аппарат Президиума включил лишь 43427 предложений по проекту конституции.¹⁴ Если сравнить эту цифру со всеми поступившими в ходе кампании материалами, то бросается в глаза, что они охватывают лишь четвертую часть от их общего количества. На ряде документов, сохранившихся в архивах, есть пометка «не имеет отношения к проекту конституции». Ясно также, что многие материалы, расплывенные по различным инстанциям, не были должным образом приняты во внимание, а то и просто проигнорированы. Отсюда следует совершенно определенный вывод: чтобы получить объективную картину состояния общественного мнения, необходимо учитывать весь спектр документов, связанных с принятием конституции, а не только те из них, которые прямо и непосредственно касаются ее отдельных статей и положений.

Надо сказать, что количество материалов, присланных в связи с обсуждением конституции, в любом случае оказывалось огромным. И не только принудилровка и показуха были тому причиной. Значительное количество

письменных откликов имело стихийный характер. В чем же дело? Искреннее желание перемен и иллюзия их возможности? Безусловно. Поддержка демократических тенденций и устранение прежней несправедливости? Бесспорно. Но и это еще не все. Если существовала возможность поговорить по душам, то почему и не поговорить, даже если была угроза понести наказание за «длинный язык». Сказалась и давняя традиция общения простонародья с властью, особенно с помощью переписки с ней. В ходе обсуждения было высказано немало предложений: дельных и пустяковых, очень конкретных и совсем уж фантастических, нелепых по своей сути.

Что, пожалуй, больше всего бросается в глаза: разница между опубликованными и архивными материалами. Если в печатных в откликах преобладал город, рабочий класс, крупные предприятия, как того и хотело руководство страны, то архивные документы явно свидетельствуют о большей активности деревни, более наивной, и снова, несмотря на горькую науку реквизиций и коллективизации, принявшей новую затею руководства за «чистую монету», причем в значительно большей степени, чем город. Да и проблемы, которые переживала в то время советская деревня, стояли, пожалуй, гораздо острее.

Весьма активно откликнулось население на призыв руководства подытоживать путь, пройденный страной к социализму. Однако оно вряд ли ожидало получить ту разноголосицу мнений, которая рисуется на основании источников. Конечно, немало оказалось положительных откликов, отражающих разнообразие жизненных судеб людей до и после революции. Часть из них носит следы инициирования сверху, «литературной правки», чтобы их можно было использовать в контексте единодушного одобрения «Сталинской Конституции» и публикации в печати. Но такие документы достаточно легко распознаваемы по обилию газетных штампов и клише и выхоленной авторской индивидуальности. Даже работники политических органов, следившие за «правильным ходом кампании», чтобы избежать обвинения в преднамеренном сборе негативной информации, вынуждены были давать в своих сводках сообщения примерно такого типа: «Орденоносец т.Смоляников Добринского района Воронежской области пишет: «Я хорошо изучил проект Сталинской Конституции. В каждой статье проекта вложены мысли великого ума, — гения пролетарской революции товарища Сталина. В каждой статье ощущаются великие завоевания Октября, подлинное завоевание человечества — строительство бесклассового социалистического общества.»¹⁵

Трудно вообразить себе рядового рабочего и крестьянина, пользующего столь «высоким стилем». Нет особого смысла приводить дальше подобные одобрительные отклики, ибо ими были буквально переполнены газетные страницы под рубриками: «Мечты трудящихся всего мира становятся явью», «Мы самые счастливые люди на свете», «Спасибо т.Сталину» и т.п. Тщательно подбирались и редактировались одобрительные отзывы на проект конституции представителей различных национальностей СССР, иностранных рабочих и специалистов.

Зачастую приходившие с мест письма представляли очень своеобразный жанр — гремучую смесь бюрократического делопроизводства и самодее-

тельного творчества, весомо одобренные пропагандистскими клише того времени. Поди разберись, например, где кончается постановление схода колхозников и начинаются собственные литературные упражнения селькора Петра Григорьевича Щеглова из Воронежской области в его письме, направленном в «Крестьянскую газету».

Мы, колхозники колхоза «Красного Боевика» заслушали доклад о проведении новой Конституции Союза ССР 1936 г.

ПОСТАНОВИЛИ:

Одобрить для нас радостный проект новой Конституции и одобрить председателя конституционной комиссии тов. Сталина. Мы видим в лице тов. Сталина, в проекте новой Конституции, что чутко относится ко всем трудящимся СССР. Мы знаем, что у нас в стране нет разницы по трудовой дисциплине, как женщине, а также и мужчине. Женщина также пользуется такими правами, как и мужчина.

Мы видим своими глазами, что женщины вместе с мужчинами на всех предприятиях и учреждениях строят социалистическое общество. Мы знаем, что в капиталистическом государстве женщина несет вечное тягло, ей бедной некуда обратиться и пожаловаться, потому что на нее смотрят, как у нас смотрели до революционного времени.

Тов. Сталин правильно отметил в проекте новой Конституции, что в нашей стране считается тот наш, кто вместе с нами шагая вперед строит социалистическое общество, а кто не работает, тот и не ест. Мы колхозники боремся на своих социалистических полях. Мы колхозники хотим дать стране 7-8 миллиарда пудов хлеба и дадим.

Мы не пойдем занимать хлеба в капиталистических странах и не будем кланяться отжившим кулакам. Мы знаем — для мозолистых рук ничего не страшно. Наш колхоз «Красный Боевик» на 100% подписался на новый заем. Мы закончили скирдование озимого хлеба и перешли к молотье, в первую очередь выпольняем хлеб государству, натуроплату МТС и дадим хлеба через кооперацию. Прошлый год на трудодень колхознику обошлось по 3 кг 800 г и деньгами по 1 руб. 03 коп. Сегодня думаем распределить по 5 кг хлеба и 1 руб. 50 коп. деньгами. И в дальнейшем более будем усваивать агротехнические мероприятия, чтоб колхоз «Красный Боевик» сделать большевистским, а колхозника зажиточным.

Мы знаем — наша страна кругом окружена капиталистическими странами, мы видим: всячески старается враг подойти ближе к границе СССР и пожитья нашим клочком земли. В 1929 г. я сам был на К.В.Ж.Д. Мы сумели отстоять границу СССР и сумеем всегда врагу дать жесткий отпор. Мы знаем, что капиталисты всех стран никогда не могут смириться нами, они бешено готовятся на нас войной, но мы готовы.

Но коль скоро Европа первая грозитя будет нам мы скажем — извинить и тем, что нам не мир, а войну несут, мы не заикнувши скажем, у нас остры штыки и порох тоже сух и путь назад штыком укажем.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.59-60. Копия. Машинопись.

Конечно же, для селькора Щеглова это косноязычное словоизвержение не только выполнение общественного долга, но и проба пера, и еще — надежда. Надежда на то, что его письмо заметят, опубликуют и, возможно, обратят внимание на его «незаурядный» талант. Вероятно, по причине полного сумбура и невозможности сделать из него нечто вразумительное, письмо не было напечатано, хотя и стало единицей учета среди других

одобрительных откликов на проект конституции. Мы поместили этот документ, чтобы подчеркнуть, что он — типичен для тысяч одобрительных постановлений: отчасти пришедших спонтанно, отчасти в добровольно-принудительном порядке, в большинстве формальных, во многом похожих на симбиоз отчета и плана проводимых мероприятий, часто маловразумительных и далеких от реальной жизни. Особенность таких документов — практически полное отсутствие каких-либо конкретных предложений по проекту конституции.

В отличие от подобных откликов письмо 70-летнего крестьянина Федора Михайловича Постникова из Северного края, который в своем письме в «Крестьянскую газету» повествует о своей нелегкой жизни и маленьких радостях, трудно заподозрить в неискренности.

Жалко, что мне 70 лет, счастливые молодые люди при такой свободной жизни, при таком руководителе тов. Сталине. Но я все-таки захватил хорошей жизни во время существования советской власти. Ведь раньше при царе страшно вспомнить, как я жил. Родился я в бедной семье, отец мой жил очень плохо, земли имел мало, был неграмотный и меня не учил. Мне с малых лет пришлось жить в батраках и немного-немало 15 лет жил в пастухах. Дома жить было не на что, был у меня один сын, который погиб за советскую власть, его убили на фронте в рядах Красной Армии. После него осталась жена с ребенком, которая тоже померла, на моем иждивении осталась внучка, которую я воспитал и свободно учил и в настоящее время учится, даже и нам со старухой помогает. Да я еще и сам старик зарабатываю. В 1934 г. у меня была выработка 200 трудодней, в 1935 г. — 150 трудодней, к тому же проконопатил школу и сельсовет и тут я заработал немало.

А в колхозе я за свой честный труд получаю по 2 и 3 премии, а в настоящем году я еще лучше зажил, получил премию поросенка, которого никогда у меня не было. Затем участвую в проведении олимпиады, участвую в хоре песельников, выступаю один и мое выступление когда ставили у нас в селе Морозовке культурными силами понравилось и меня возили в район вместе со всеми нашими артистами. Наш хор и наше представление в районе взяли первую премию. А меня старика, за отдельную мою песнь «Черемушка» премировали 25 руб., да еще обещают везти в край.

Так вот где товарищи, счастливая жизнь. Если бы я был молодой, то я обязательно бы выучился на хорошего артиста и певчего, а то вот уж много кое-чего повидал. А если поеду в Архангельск, то насмотрюсь на машины, которых никогда не видел, и всякого строительства. Спасибо тов. Сталину, хотя я старик, но еще ухватил счастливой жизни и предлагаю Конституции не забывать нас стариков.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.58-59. Копия. Машинопись.

Для автора новая конституция — это милость, благодеяние. Она стала олицетворением положительных изменений в его жизни за годы советской власти. Следует лишь заметить, что понятия «свобода» и «счастье» являются весьма относительными. В разные времена, в разных странах и у разных людей представления об этих ценностях расходились очень значительно. Но общая закономерность очевидна: чем больше исстрадались люди, чем больше лишений и невзгод выпало на их долю, тем ниже у них планка «счастья». Для Ф.М.Постникова достаточно оказалось премирования его поросенком, возможности участвовать в художественной самодеятельности

и общественного признания его певческих талантов. Последнее обстоятельство – социальное раскрепощение, возможность учиться и развивать свои способности – немаловажное для самооценки и оценки последствий революции, представленных в откликах на проект конституции. Вот, например, мироощущение в связи с ее принятием старого рабочего Бермана из Днепропетровской области: «Говорят, мы когда-то были молоды, но это неправда. Я в прошлом не помню молодости, ее у меня не было. Молодость пришла в преклонном возрасте. Я молод потому, что только в 1934 г. окончил техникум, я молод потому, что мои сыновья – один профессор, другой директор предприятия, третий горный инженер и четвертый студент транспортного института. Я молод потому, что радостно жить в нашей стране.»¹⁶

И рабочий Берман, и крестьянин Постников выразили своими откликами очень важное и характерное социально-психологическое явление, присущее советскому обществу 1930-х годов. Молодость – это пора ожиданий, реальных и смутных, время ученья, роста, первых свершений. Ставка делалась на молодежь, и страна, действительно, ощущала себя молодой, жила надеждами на будущее, в динамическом ритме полного сил молодого человека, которому казалось все по плечу. Часть этого мироощущения передалась среднему и старшему поколению. Ради будущего многие люди готовы были идти на любые жертвы, закрывать глаза на уродства и оправдывать мерзости. С этой точки зрения момент для принятия новой конституции был выбран удачно. К тому же в головы вдалбливалась мысль, что и до коммунизма осталось поднажать совсем немного. Ради этого и выкладывались.

Однако рядом с такого рода положительными откликами оказалось немало таких, которые вряд ли пришлись по вкусу организаторам кампании. Иначе, например, оценила путь, пройденный деревней за годы советской власти, колхозница Ф.М.Плиндина из Богучарского района Воронежской области:

Может кто стесняется написать, а я напишу истинную правду, все мнение народа: все благодарят советскую власть за то, что власть отобрала у помещиков все предприятия, все благодарят, что советская власть говорит, что войны не надо. Но колхозом недовольны, что все голодными по углам говорят, но явно боятся говорить, как бы все предприятие было государское, чтобы войны не было, а крестьянин работал всяк себе, а государству сколько должен с гектара отдать.

А то и я вижу, не хотят в колхозах работать, неужели не слышать в редакции вот этого – крестьяне желают в новой Конституции, я слышу по народу, а на собраниях все боятся говорить, что мы в колхозе не хотим, работаем, а есть нечего. На самом деле – как жить? Все говорят: у нас сейчас хлеба в колхозе почти совсем нет, а где же набраться по рублю за кило.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.83. Копия. Машинопись.

О том, что колхозы не решили многих бед, традиционно свойственных деревне, а даже добавили новые, говорит письмо К.Ф.Шестаковой из Свердловской области:

Я, нижеподписавшаяся колхозница, решила написать вам письмо, известить вас о своей жизни. Я живу очень плохо. Каждую весну не хватает хлеба. Имею двух сынов, первого – 16 лет, второго – 5 лет. Очень трудно мне их воспитывать. Мужа нет – помер. Слышу из газет (сын читает) – колхозники пишут,

что живут зажиточно и сами устанавливают закон. Раньше на собраниях беднота молчала, всем управляла зажиточная масса. Мы бедняки ныне выбираем в управление бедняков, но в этом мало радости. Вот я, бедная вдова, каждую зиму голодаю. Сын учился в пятом классе в районе за 6 километров, с осени ходил охотно, пока было тепло и был хлеб, с ползими хлеба не стало и морозы жестокие, и мой сын остановился учиться, потому что стал недоедать, соображение по учению стало задерживаться, валенок не было, теплого пальто тоже не было. По этим основным причинам и не закончил ученье.

Кто мне, бедной вдове, поможет? Правление колхоза давало 16 кг на двоих моих сыновей на месяц, и я с ними питалась. Пишут, что закон наш не только не бедных, а зажиточных. Мы, бедные, говорим, что нам не под силу платить молоко и мясо и шерсть, надо сложить с бедняков. Но наши слова не учитываются, как скажут зажиточные, так и постановляется. На общем собрании колхозников тоже по-нашему не делается. По недоеданию я совсем обессилела, наравне с другими работать трудно.

Я часто вспоминаю Ленина, какой он добрый был для нас, для крестьян, отобрал землю от помещиков, отдал крестьянам и приказал поделить на едока. В те годы были сыты все, не было голодных. Рано помер Ленин. Теперь нам, бедным вдовам, хуже того порядка, что был до революции. В то время управляли капиталисты и с нас не просили ничего: ни шерсти, ни мяса, ни молока. Теперь управляют коммунисты и просят все дочиста. Хлеба нет. Молоко велят сдавать, да еще мясопоставки требуют. Мясо надо купить и сдать. Почему коммунисты поступают с нами так плохо, как не делали капиталисты, не морили голодом бедных крестьян?

Вы пишете, чтобы писали в «Крестьянскую газету» свои предложения. Поэтому я считаю нужным занести в проект — освободить маломощные бедняцкие хозяйства от молокопоставки и мясопоставки, освободить позоренье хозяйства «белобандитами». Почему у нас в СССР получилось, что два класса — один освобожденный, а другой угнетенный? От нас государство покупает все дешево, а нам продает дорого. Хлеб покупает 6 руб. центнер, а нам продает печеный за девяносто пять рублей центнер.

В новом проекте записано — свобода слова, свобода печати. И мы, бедняки, просим редакцию писать в газету наши письма. Мы живем плохо, нам желательно жить лучше, чтобы и мы могли видеть зажиточную жизнь в своих семьях.

Нам нужна свобода на продажу только излишков, а не так — своих детей оставлять голодными, а молоко сдавать, продавать государству. Мы все трудящиеся, как рабочие и служащие и колхозники — колхозник тоже человек, ему требуется также хорошее питание. Не надо оставлять колхозников-бедняков голодными. Только те бедняки, что детные, семейные. Ленин пожалел многодетных крестьян, приказал землю разделить на едока. Бездетные говорили — надо делить на работника. В настоящее время бездетным жить очень легко и хорошо, только они хвалят, а бедноты сотни тысяч, голодны и наги.

Прошу записать в проект: пострадавшее хозяйство от белой банды в 1919 г. за дело социализма освободить от госпоставки молока и мяса и шерсти. Освободить детные бедняцкие хозяйства — 3 или 4 малыша, им требуется хорошее питание, а у нас молока не хватает и наши дети часто болеют.

Колхозница-вдова, полуголодная, пишу и слезами умываюсь

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.80-82. Копия. Машинопись.

Являясь членом колхоза, автор мыслит и ощущает себя в социальных категориях прежних лет, а именно — принадлежащей к классу бедняков, обездоленных и угнетенных, хотя понаслышке знает из газет, что где-то

люди живут зажиточно. Эти-то зажиточные олицетворяются у нее с нынешними коммунистами и являются виновниками всех горестей и несчастий бедной вдовы, которой, как видно, после смерти мужа, жить стало совсем невмоготу и намного хуже, чем до революции, а тем более по сравнению с нэпом. Тогда не было обязательных госпоставок в виде хлеба, молока, мяса, шерсти. Государство, пишет она, покупает все дешево, а крестьянам продает все дорого. Из письма не ясно даже, где у колхозницы проводится разграничение общественного и личного. Одно очевидно: автор хочет лучшей доли для своей семьи и считает, что «колхозник тоже человек». Единственная надежда у нее на новую конституцию, о которой она имеет весьма смутное представление, но вроде бы там записаны свобода слова и свобода печати. Они ей нужны, чтобы сообщить в газету о своем тяжелом положении и с ее помощью записать в проект пункты, освобождающие таких бедняков, как она, от госпоставок. Увы! Письмо попало в разряд «враждебных откликов».

Об аналогичных «антисоветских» требованиях об отмене принудительных поставок государству хлеба, молока и мяса сообщали и сводки НКВД.¹⁷ В них же немало данных об эксцессах, когда при «накатанном» обсуждении конституции вдруг у кого-то из собравшихся (чаще всего у более эмоциональных женщин) вдруг не выдерживали нервы: «На пленуме Куламинского сельсовета Булаевского района (Карагандинская область), когда один из выступающих после прочтения проекта конституции, делаясь с присутствующими своими воспоминаниями о прошлом, сказал о том, в каких условиях раньше служили в царской армии до 25 лет, присутствующая на собрании единоличница Хулюпова со злобой в голосе крикнула: «Ну что же, что служили 25 лет, зато все были сыты, обуты, одеты.»¹⁸

Призыв оценивать прошлое в сравнении с нынешними достижениями, как свидетельствуют материалы обсуждения проекта конституции, показал, что в памяти людей совсем не угасли и реквизиции продовольствия, и хлебозаготовительные кампании, и «перегибы», и брошенная на произвол судьбы голодная деревня 1932-33 гг., и совсем недавняя карточная система.

Наибольший интерес населения, а следовательно и большое количество откликов, вызвали те статьи конституции, которые затрагивали непосредственные интересы граждан. Люди как бы «примеривали конституцию на свой размер», на конкретную ситуацию и свою судьбу, на свою деревню. Не «бытовое», а «абстрактно-правовое» мышление, воспитанное на уважении к закону, в отношении к проекту встречалось редко и чаще всего было косвенным свидетельством более высокой образованности авторов. Значительно меньше писем относилось, например, к вопросам национально-государственного, административного устройства СССР. По данным Президиума ЦИК СССР несколько более половины – 53% предложений приходилось на одну-единственную X главу конституции «Права и обязанности граждан». К ней тесно примыкали статьи 7-10 главы I, затрагивающие отношения собственности, и ст.12, в которой говорилось о принципах социализма: «кто не работает, тот не ест» и «от каждого по его способности, каждому – по его труду». Данный факт подтверждается анализом сводок НКВД и писем граждан в газеты и журналы. Однако отклики на эти статьи часто

оказывались совсем не такими, на которые рассчитывало руководство. В них были отчетливо слышны отзвуки только что прошедшей сплошной коллективизации. Это и понятно, ведь в количественном отношении колхозники — недавние крестьяне — по-прежнему составляли большинство населения. Кроме того, в центре обсуждения оказался вопрос о неравенстве рабочих и колхозников, о том, чтобы на деле обеспечить оплату труда в соответствии с его количеством и качеством.

Вернемся к приведенным ранее предложениям колхозника П.И.Воронова. Они, с одной стороны, вроде бы содержат признание колхозного строя, а с другой — просьбу наладить работу так, «чтобы мы работали не все вместе, а каждый на своем прикрепленном участке». Обратим внимание на первые два пункта письма. В них автор просит уравнивать крестьян в правах с рабочими как в отношении оплаты труда (работа за деньги, а не за трудодни), так и социальной защищенности (членство в профсоюзе). Подобный мотив является очень распространенным в письмах. Об этом же красноречиво свидетельствуют и сводки НКВД. Как говорилось в одной из них, в Козелецком районе Черниговской области в колхозе «Новая жизнь» колхозница Погребная заявила: «Колхозники, которые работают по полеводству, недостаточно получают за труд против всех, которые работают на производстве. Мы работаем по 20 часов, а они по 8 часов в день. Мы имеем общую нужду в одежде и обуви, ходим в рваных платьях и рубашках, а они, рабочие, обеспечены всем полностью. Мы не имеем свободных мест на курорты, а они, рабочие, — имеют.»¹⁹

Ей вторит в своем письме И.Савурин из Воронежской области: «...Надо бы добавить в новой Конституции зарплату на трудодень, а то мы работаем и не знаем за что. С весны нам всегда обещают много, а когда станем получать, то на год не хватает на мамалыгу.»²⁰ Работа за трудодни обычно рассценивалась как нарушение принципа равного вознаграждения за равный труд. Более того, многие сельчане в своих письмах стремились доказать, что их труд намного тяжелее и весомее для страны и просили отразить этот факт в конституции. Именно подобного рода замечания чаще всего откладывались в сторону как не имеющие отношения к проекту.

Внимание сельских жителей не могли не привлечь те пункты конституции, в которых определялись контуры колхозного строя — основы «социализма» в деревне. Вряд ли кто мог предположить, что признание самостоятельной колхозной собственности станет фундаментом крайне лицемерной политики государства в отношении к колхозному крестьянству и не только не устранил прежнее неравенство между рабочими и крестьянами, но и усугубит его. В то время как колхозы должны были строго рассчитываться по своим обязательствам перед государством и даже сверх того, оно же, государство, к своим обязательствам перед колхозами относилось спустя рукава, ссылаясь на то, что сами колхозы должны заботиться о благополучии своих членов, об их социальной защите и т.п. Однако некоторые колхозники при обсуждении проекта конституции уже поняли, «куда ветер дует». Так, член Храпковского сельсовета Киржачского района Миронов при обсуждении 120 ст. проекта конституции (о материальном обеспечении в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности) заявил:

«Чем мы, колхозники хуже рабочих, однако нам в случае инвалидности по новой Конституции государство не будет оказывать никакой помощи. Эта Конституция хороша только для рабочих, а нас, крестьян, опять будут гнуть, да еще вдвое против прошлых лет.»²¹ Таким образом, не устраняя прежних противоречий между городом и деревней, государство и тут способствовало возникновению новых.

Тем не менее в момент принятия конституции многие ее положения могли восприниматься колхозниками вполне оптимистично. С этой точки зрения закрепление земли за колхозами в бессрочное пользование рассматривалось как естественная мера по отношению к крестьянам. Это была их земля, на ней они хозяйствовали до коллективизации, здесь им и теперь долго еще предстояло приспособляться к новой жизни.

Как отголосок прежних землеустроительных споров следует рассматривать возражение колхозника А.А.Опалева из Зуевского района Кировского края против закрепления земли за колхозами в бессрочное пользование (ст.8).

В новой Конституции ст.8 говорит – земля, занимаемая колхозами, закрепляется за ними навечно. По-моему, это слово надо изменить, надо сделать на срок до 15 лет, колхозные границы, может быть, понадобится изменять между колхозами.

Мы еще не забыли царскую власть, которая закрепляла навечно за помещиками и даже за некоторыми крестьянами. Нам очень не нравится статья. Хотя бы иногда помещик совсем вымрет, но его участок не терял собственность, он передавался каким-либо его родственникам. Хотя новый проект Конституции закрепляет землю навечно за колхозами, т.е. за трудовым крестьянством, но ведь не надо забывать еще то, что в настоящее время проводится неправильное закрепление земли. Вот, всем известно, что между колхозами земельная площадь не выравнена. Есть в некоторых колхозах земли много, а у некоторых мало. Также и покосная площадь распределена неправильно. Особенно я хорошо знаю, как в своем Зуевском районе покос распределен возле реки Чепцы прямо бюрократически. Большинство дали покосу тем колхозам, у которых есть покосу много дома при колхозе, дали еще отъездные, и в дальнейшем может быть то, что в колхозе может вся рабочая сила уничтожиться по случаю голода, болезни или просто могут все разъехаться, а акт навечно будет крепить участок земли. Надо сказать, что земля остается в пользовании всего трудового крестьянства и все.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.64-65. Копия. Машинопись.

«Хорошую», однако, перспективу держит в уме автор: «рабочая сила в колхозе может уничтожиться по случаю голода, болезни или просто могут все разъехаться.» С чего бы это? Но о том, какая чехарда с колхозными землями последует в скором будущем, насколько мало государство будет склонно считаться с данной конституционной нормой, рассматривая колхозную собственность лишь в качестве придатка к государственной и поступая с ней, как заблагорассудится, вряд ли кто тогда мог предполагать.

Огромный энтузиазм сельского населения вызвали статьи конституции о допущении мелкого частного хозяйства, основанного на личной собственности и исключающего эксплуатацию чужого труда (ст.9). Для одних это означало частичное признание вины за насилие, осуществленное в период «колхозного разворачивания», для других – надежду когда-нибудь снова обрести свое хозяйство. Немногие оставшиеся единоличники тоже восприняли

духом, наивно полагая, что с постоянным нажимом на них теперь будет покончено. Другие просто выразили надежду, что их теперь не выбросят «за борт», как, например, группа единоличников в 25 человек из Чувашии.²²

Сводки НКВД показывают, что в связи с этим получили широкое распространение следующие разговоры: в с.Сильченково [Черниговская область УССР] единоличник Н.И.Обух заявил: «Ну теперь, согласно новой конституции, единоличник будет жить, прошло то время, когда над нами издевались, а теперь мы покажем, как надо жить.»²³ В той же области единоличник Максимовского сельсовета М.П.Пилипенко, имущество которого было продано сельсоветом за неуплату налогов, при обсуждении проекта говорил колхозникам, что, согласно новой конституции, имущество ему придется вернуть, что единоличников теперь будут наделять землей, а тем из них, у кого нет лошадей, землю будут вырезать под самым селом. В с.Липово единоличник Н.А.Несен в разговоре с Носачем, тоже единоличником, бывшим красным партизаном, сказал: «Теперь новая конституция гласит за то, что можно в колхоз не вступать, землю одинаково будут давать, а главное то, что никакого натиска, как раньше на единоличников не будет, а кого лишали права голоса будут восстанавливать. Теперь мы заживем, как и раньше.»²⁴ В с.Мышаровцы Винницкой области один колхозник явился в сельсовет с вопросом, когда будут нарезать землю для желающих работать на ней единолично.²⁵ О том же свидетельствуют и письма. Единоличник С.И.Глистин из Воронежской области, обратившись к ст.9, где говорилось о праве граждан на мелкое частное хозяйство», написал в «Крестьянскую газету»: «Я бы эту статью дополнил так: всех оставшихся трудящихся единоличных хозяйств... наделить нормой государственного земельного надела и возратить незаконно изъятую тягловую силу, а также остальное имущество.»²⁶ Поскольку коллективные и индивидуальные крестьянские хозяйства по новой конституции признавались вроде бы равноправными, А.И.Феданов из Курской области писал: «Я вношу следующее дополнение [к ст.8]: а за единоличными хозяйствами прикрепить земельный надел на постоянное пользование, чтобы последние тоже не отставали от колхозов, как в обработке, так и в удобрении земли.»²⁷ А единоличник И.Н.Сосенков из Куйбышевского края пошел еще дальше, предлагая любопытную перспективу сосуществования двух форм собственности.

... В каждом сельсовете, в котором имеются единоличные хозяйства, которые до сего времени не влились в колхозы, которые живут разбросанными среди колхозников и огорожены колхозной землей, а свою землю имеют не под руками, что и мешает обрабатывать землю и также разводить какую-либо скотину, потому что, живя среди колхозников, не имея рядом своей земли, единоличная скотина может в любое время войти на колхозные посева, за что и берут штрафы. Прошу добавить к статье, которая допускает существование единоличных хозяйств, чтобы приказом в сельсовете организовали один единоличный поселок со всеми удобствами для жизни.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л. 65. Копия. Машинопись.

Данное предложение показывает, чего хотели единоличные крестьяне и что ценили они в колхозном строительстве — создание коллективных «удобств для жизни». В сводках НКВД говорится также, что в связи с обсу-

ждением конституции широко распространились разговоры и слухи о том, что теперь раскулаченным можно вернуться из ссылки, что их восстановят в правах, возвратят имущество и будет «полная свобода всем.»²⁸ В течение 20-22 августа от единоличников с.Н.Слободы Путивльского района Черниговской области «в райисполком поступило 19 заявлений, и в том числе одно коллективное от 13 человек, о возврате им имущества и усадеб». «Кулак Забавский (из с.М.Побойна Миньковецкого района Винницкой области), возвратившись с ссылки, потребовал от сельсовета, чтобы ему возвратили дом и имущество.»²⁹

В связи с подобными выступлениями и высказываниями, как говорилось в сводках, на места выезжали ответственные работники «для разъяснения».³⁰ О том, какого рода проводились «разъяснения», не сообщается, но уже сам факт отнесения таких высказываний к разряду «антисоветских» говорит сам за себя. Не случайно, в сводках приводятся и такие разговоры крестьян: «Все равно будет не по нашему». «Как Сталин сказал, так и будет.»³¹

Одобрительно отнеслись к статье 9 городские кустари, пережившие в начале 1930-х годов эпидемию закрытия сапожных, починочных мастерских, ателье по пошиву одежды, парикмахерских, частных заведений торговли, общепита и т.п. В материалах Президиума ВЦИК отложилось немало писем, в которых выражалась надежда на перемены к лучшему, на то, что им дадут спокойно работать и жить, как им хочется.

В большинстве откликов получила горячую поддержку статья конституции о защите государством личной собственности граждан. Многие, помня недавние «перегибы», расценили ее как гарантию от того, что нечто подобное может повториться. Колхозник И.Л.Лукьянов из колхоза «Пионер» Усвятского района Западной области писал в «Крестьянскую газету»: «В нашем колхозе прошла проработка новой Конституции 14 июня 1936 г., где подробно проработан каждый пункт. Оживленно подхвачен пункт 10, глава I, где все колхозники радостно говорили, что дома и огород предусмотрены законом, т.е. охраняются, так как ранее колхозники боялись строить дома, говоря, что скоро все дома отойдут под жакты [жилищно-коммунальные товарищества, т.е. колхозники боялись обобществления жилья]». Признание права на личное подсобное хозяйство в какой-то мере означало для колхозника сохранение прежнего единоличного крестьянского хозяйства, только в миниатюре. Одновременно в нем как бы консервировались старые проблемы деревни. Колхозник И.Ф.Торочин из колхоза «Тракторист» Воронежской области в своем письме в «Крестьянскую газету» ставил вопрос о том, что «... неверен устав сельхозартели насчет приусадебных огородов. Семья 10 душ или семья 2 души получает по 0,40 га. Я считаю, что это большая ошибка. Мое предложение [или] целиком и полностью отобрать приусадебные огороды колхозника все в колхоз, или же наделить большие семьи большими усадебными участками, чем малые семьи. Я приведу пример из своей семьи. У меня 11 душ семья, а у Путинцева 2 души, они не нуждаются в колхозной работе, они от усадьбы прокармливаются, а моя семья большей частью устремляется на колхозную работу...»³² Ему вторит Данилов Н.М. из той же области: «... Я вношу предложение добавить бы в проект Конституции по второму пункту сельхозартели на многосемейных хотя

несколько преувеличить размер усадебных участков полгектара на двор 2-3 едока. Это хорошо. А на 8-9 едоков полгектара — это очень обидно, так как что этот малосемейный будет жить припеваючи, а многосемейный будет терпеть голод.»³³

Надо заметить, что колхозный строй уже пустил свои корни в деревне. В связи с обсуждением конституции поступало немало предложений вообще отменить возможность ведения как личного подсобного, так и мелкого частного хозяйства. Сказывалось влияние прежней уравнилельной психологии. На одном из колхозных собраний некто Шугальский говорил: «Не знаю, почему в конституции предвидится существование единоличника. По-моему, он должен быть или колхозником или рабочим, потому что в этой пятилетке предвидится ликвидировать классы.»³⁴ Если Шугальский подходил к данному вопросу «теоретически», исходя из весьма популярных в то время идей, то для многих активистов колхозного движения, помимо опасений, что придется отвечать за прежние ошибки или возвращать несправедливо отобранное имущество, означало бы и моральное поражение в многолетней войне за поголовную коллективизацию. «По моему мнению, — писал один из них в «Крестьянскую газету», — сюда [в ст.9] нужно дополнить: ввиду окончательного прихода всех трудящихся к социализму, на основе личных убеждений поставить обязанностью вступить в социалистический сектор единоличным крестьянам в колхозы и социалистические объединения кустарей-ремесленников мелким кустарям. Это, по моему мнению, в силу того, что у нас в Союзе ССР отдельных категорий трудящихся быть не должно, так как одна власть и один нужен дух. Из имеющихся фактов видно, что у нас при сельсовете имеется 14 единоличных крестьянских дворов, и если рассматривать их работу, то они живут как будто не в Стране Советов.»³⁵ Вот это — заставить «на основе личных убеждений» — память о том, что «перегибы» были осуждены, и — «почему они живут не как все» — выдает автора с головой. «Высказываю свое мнение о том, — писал И.Ермаков из Курской области, — чтобы ст.9 написать так, что единоличные хозяйства в советской стране не должны существовать долго, так как мелкое частное хозяйство единоличных крестьян может влиять на колхоз.»³⁶ О том, как влиять, автор не сказал, но, само собой подразумевается, что разрушительно.

Другой не менее острой проблемой, вызвавшей волну откликов, стало провозглашение свободы совести и отправления религиозных культов (ст.124). Часто они сопрягались со ст.125 (о свободе слова, печати, собраний) и с ст.135 из главы XI «Избирательная система», где говорилось, что все граждане, в том числе и независимо от вероисповедания, имеют право участвовать в выборах. «Как понимать в проекте новой Конституции пункт о свободе собраний? — спрашивал, в частности, В.Ф.Новожилов из с.Хмельница под Черниговым. — Разрешается ли этим пунктом свобода религиозных собраний общественно-богослужебного характера вне стен церкви, т.е. в частных домах, где нет здания церкви? В настоящее время на подобные собрания нужно брать разрешение у соответствующих органов советской власти, но они вообще ни в коем случае не разрешаются.»³⁷

Демонстрация в Москве в честь принятия конституции. 6 декабря 1936 г.

Обсуждение проекта конституции «на свежем воздухе».

Сводки НКВД показывают, что немалая часть населения пришла к выводу, что война с религией прекращается, а политика закрытия церквей, мечетей и запрещения деятельности религиозных общин признается ошибочной. На этой почве возникала обида среди тех, кто чувствовал себя в советском обществе ущемленным: «В новой конституции для колхозника никакой разницы нет, кулаку и попу путь открыли, а для нас без перемен.»³⁸

В то же время сами верующие воспрянули, было, духом. Вот, например, заявление, поданное группой крестьян в Путивльский райисполком Черниговской области 15 августа 1936 г.:

Настоящим верующие, пользуясь распоряжением уважаемого нашего общего правителя товарища Сталина, который в своей дорогой Конституции в параграфе 124 сказано — церковь отделена от государства и школы и церкви свободно могут исполнять все культурные служения, в виду чего просим, для исполнения всех христианских обрядов и служений зарегистрировать нам избранного нами священника о.Иоанна Кротова.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.49. Копия. Машинопись.

В с.Березовка (Одесская обл.) говорилось в одной из сводок, на бригадном собрании колхозников гр.Новиков так толковал ст.124: «Теперь выходной день будет только в воскресенье, а церковь можно открывать и проводить в ней службу, а в таком большом селе, как Березовка, можно строить новые церкви.»³⁹ «В Винницкой области, — говорилось в другой, — в с.Трояновцы Грицевского района классово-враждебные элементы начали организовывать отсталых колхозников на то, чтобы открыть молитвенный дом (церковь), которую закрыли по постановлению ЦИК УССР и несколько лет подряд не функционирует. Под влиянием попов и классово-враждебных элементов такие же самые требования ставились отдельными отсталыми элементами — колхозниками и колхозницами в селах Миклаши Ляховецкого района, Забелино Полонского района, в г.Шепетовке, с.Красностав Берездовского района.»⁴⁰

Аналогичные случаи происходили во многих районах страны, причем вне зависимости от религиозных конфессий:

В Зельманском кантоне республики Немцев Поволжья с.Гнадентау — председатель церковного совета Шефер, бывший лишенец, на собрании граждан села поставил вопрос: можно ли теперь вновь открывать церковь, закрытую за отказ от ремонта, необходимого для сохранения госимущества и за отказ от уплаты соответствующих налогов. Может ли теперь церковный совет собирать церковные собрания без разрешения сельсовета и КИКа.

Этот же Шефер, некий Клауб, бухгалтер Старо-Полтавского кантпотребсоюза Карпуха вели и ведут агитацию о том, что церкви должны теперь открывать без внесения соответствующих налогов и производства ремонта церкви; что пастор (поп) теперь придет обратно, восстанавливается в избирательных правах и можно свободно собирать религиозные собрания, шествия и т.д. в любое время без разрешения сельсовета и кантонного исполнительного комитета.

Указанный выше Клауб пытался научить колхозников, чтобы те потребовали для себя от правления колхоза 7-часовой рабочий день и 10-15 руб. заработка в день, и не менее 6 кг хлеба на трудодень.

У вышеуказанного Шефера во дворе имел место сбор бетбрудеров без всякого разрешения сельсовета или кантисполкома.*

В том же с.Гнадентау бетбрудера собрались без всякого разрешения, причем для созыва собрания использовали колокольную, которая в ветхом состоянии и в течение нескольких лет не использовалась.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.52. Копия. Машинопись.

* Члены религиозной общины.

В сводках говорилось, что оживились сектанты. «Члены секты молокан подали заявления об открытии молитвенных домов, в частности в г.Рассказово Воронежской обл.»⁴¹ Однако источники свидетельствуют, что подобные настроения в обществе не были господствующими. Даже формальное провозглашение свободы вероисповедания в конституции нередко встречало непонимание. Давали себя знать почти два десятилетия активного наступления на религию, травли верующих, разрушения храмов. Люди отказывались верить своим глазам, прочитав в проекте, что допускается не только свобода совести, но и участие в выборах священнослужителей, ранее лишенных избирательных прав. На одном из собраний в Воронежской области был задан вопрос в том смысле, что, дескать, неужели и «попы тоже будут голосовать?». «Знающий» представитель сельсовета пояснил, что ко дню выборов они будут лишены права голоса.⁴² Этот ответ показал, что принцип всеобщего избирательного права, заложенный в конституцию, настолько явно противоречил духу времени, что человек счел за лучшее положиться на свое «пролетарское чутье». А в одной из сводок НКВД, сообщалось, что в Винницкой области представитель райисполкома совсем зарпортовался. При ответе на вопрос, кто такие умалишенные и почему их лишают права голоса, он разъяснил, что это «все, кто верит в бога.»⁴³

Особенно ярко чувства подобных людей продемонстрировал партторг колхоза «Сталинец» Василий Степанович Колесников в своем письме в «Крестьянскую газету»:

Я хотел лично написать в Центральный Комитет о выпущенном проекте новой Конституции в разрезе ее понимания в разных отсталых районах, в особенности у нас среди нацменов греков Прохладного сельсовета Греческого района в колхозе «Сталинец», где я и работаю партторгом. Прежде я возьму вину на себя, что я еще не воспитал масс, но за трехмесячный период этого сделать невозможно, ибо люди жили веками и очень трудно приходит перевоспитание, да и сам я еще не совсем грамотный, как политически и в особенности общего образования. Это вы можете заключить из моего письма. А сейчас перейду к основным вопросам.

1. С выходом новой Конституции на местах в деревнях ее сильно извратили, примерно статью 136 понимают и растолковывают сто раз, в выборах участвуют все, значит могут быть избиратели и попы, не понимая, что церковь отделена от государства. И попы как живущие на нетрудовые доходы должны быть лишены избирательных прав и быть избранными.

Ст.9-10 извращена так, что на весну все, кто хотят быть единоличниками, то могут выписываться из колхоза и прибавляют ст.10, что личная собственность граждан охраняется законом и, значит, налоги будем платить одина-

ковые, как и колхозник. Меньше искажаются статьи, касающиеся краевых, центральных и других организаций как свои непосредственные близкие вопросы, да это, конечно, вполне понятно. Но вообще очень и очень много кривотолков со стороны отдельных еще остатков сынков плантаторов и бывших эксплуататоров, которые так боком вошли в колхозы и жульнически врастают в социализм. Особенно в этом большую роль играют длинногривые попы и церковные старосты. Они сумели вскоре после Конституции* заняться ремонтом церкви и восстановлением ограды, и на этой почве провели агитацию, что по новой Конституции все церкви должны быть восстановлены и якобы сейчас организовали специальные школы для попов. Особо на эти выдумки по нашему колхозу явился Апостолица Юра, с которым трижды проводил в отдельности беседу. По сравнению с другими колхозами у нас обстоит дело с извращением гораздо лучше, чем там, где плохо проходит массовая разъяснительная работа. Как, примерно, колхоз «Новая жизнь» и «Путь ленинизма» этого же сельсовета.

Еще я считаю необходимым сообщить о правильной отрезке земли из плановых мест колхозников. Особенно можно встретить много разговоров со стороны атамановский дражнил или старших рабочих, как они себя называют. Но эти рабочие в ковачках, и они ходили с палками и дрюковали рабочих, но по таким же разным соусам они оставались в колхозе. Такими лицами являются первый Шкрум Алексей и второй Недельский Потан. Этим лицам мало оставили земли полгектара. Но характерно то, что Шкрум работает только с весны [до тех пор] пока не созрели его культуры в огороде, а потом он бросает совсем колхоз и работает исключительно в своем огороде и тех посейанных трудоемких культур на 0.50 сот[ых гектара] ему со своей женой вполне хватает только обработать и реализовать на рынке по спекулятивному ценам, а культуры у таких людей, также как и виноград, фруктовые деревья, клубника, огородинка и разные другие комбинации, и, ежели ему и подобным дать гектар и больше земли, то, конечно, он не будет находить времени и нужным работать в колхозе, а поэтому они и ведут разговорчики, что неверно сделало правительство, что оставило по 0.50 сот[ых] гектара земли для личного пользования колхозников. Конечно, против таких вылазок мы сумели на месте дать отпор и разоблачить таковых и подобных ему. Но эти элементы не хотят понять и уходят, так выражаясь грубо, в подполье, хотя они и не опасные, но таких шептунов уже порядочно... **

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.71-73. Копия. Машинопись.

* Видимо, после публикации проекта.

**В письме Колесникова опущена последняя часть об абортках.

Задумаемся, почему этот человек воспринимает в качестве «извращений» как раз правильную трактовку в деревнях многих статей проекта конституции. Да потому, что он продолжает уповать на уже усвоенные догмы и традиции поведения малограмотного сельского актива. Еще недавно Колесниковы были главной опорой коллективизации и других подобных «социалистических преобразований», ломая через колено своих сограждан. Эти люди снова, как и в период «перегибов», почувствовали себя обманутыми и преданными. Воспитанные на слепой ненависти к «длинногривым попам», «эксплуататорам», «недобитым буржуйам» и т.п., «жульнически врастающим в социализм», эти люди вряд ли когда-либо могли смириться с теми принципами, которые были заложены в конституции. В то же время, несомненно, они бы несколько утешились и меньше терзались сомнениями-

ми, если бы знали, что все случаи проявления религиозных чувств, попытки восстановить церкви, надежды избежать колхозной участи, отстаять самостоятельность и независимость суждений, свободу выражения мнений тщательно берутся на заметку органами НКВД.

Но особенно тщательно фиксировались ими как «антисоветские высказывания» мнения людей по поводу изменений политической системы советского общества, личных прав и свобод граждан. Сами отклики на эту тему приобретают подчас весьма странную «гибридную» форму. К ним, например, принадлежит письмо 64-летнего инвалида С.Кирилловского из Моршанского района. Для этого документа характерна несколько архаическая вязь слов, дающая, кстати, некоторое представление о личности этого человека. Возможно, что составители сводки не все поняли в содержании письма и этим объясняются несостыковки текста:

*Спешу поделиться мыслями, которые выведены мною как резюме из всех толков о великом сталинском творении. Беспрецедентный в истории человечества, величайший государственный акт мог быть создан только гениальной личностью. В нем, так сказать, потенциально вложены все пожелания и мысли трудящихся — колхозников, колхозниц, какие только высказаны и могут быть высказываемы, так что они могут войти в состав конституции только в качестве примечания к той ли иной статье. Приведем пример: нецензурные ругательства, хулиганские оскорбления религиозного чувства, женской стыдливости и прочие проявления дикого варварства и грубой некультурности в принципе предусматриваются 123 ст. в смысле проявления ненависти, пренебрежения и неуважения к личности граждан, что и может быть добавлено как примечание к ст.123. Исключительные случаи убийства, воровства и прочих эксцессов, так сказать нарушающих нормальную жизнь, подходят также лишь под ответственность по ст.128, 130 и 131, а потому желание трудящихся таких лиц задерживать без санкции прокурора во избежание побега их от правосудия для защиты жизни, чести и имущества — может быть выставлено как примечание к ст.127. Сельсовет может их задерживать под личную ответственность как ненормальных и врагов народа до суда. Желание трудящихся колхозников и колхозниц сократить полномочия депутатов предусматриваются ст.142, по которой депутат, не оправдывающий надежд избирателей, может быть отозван в любое время. Другие пожелания трудящихся могут быть редакцией как материал для предстоящего съезда поданы этому съезду при окончательном утверждении проекта... * осуществить, были бы ложкой дегтя в бочке меда, но вот время дает возможность всем высказаться и обдумать, что хорошо, непонятное и неправильно толкуемое становится понятным, все, так сказать, переваривается в народном сознании и конституция является в еще большем блеске и величии. Товарищ Сталин этой конституцией, скажу словами Пушкина, «памятник воздвиг себе нерукотворный, к нему не зарастет народная тропа.»*

*Если реформа 1861 г. породила волнения крестьян, а местами и восстания с зверским усмирением, то сталинская конституция вызвала огромный подъем духа и энтузиазма. Этот проект, как сказал уважаемый тов.Калинин, оголил ряды чуждых революции классов, привлек на свою сторону тех, у кого есть совесть, дарование, и кому прежде мешало лишение, но было желание охотно примкнуть к социалистическому строительству. Атмосфера социализма народную массу приподняла и слила всех в одно, как по физическому закону... ** , двигая, приподнимает все предметы, и этот закон обязателен как для мира физического, так он обязателен и для мира морального. Если реформа 1861 г. засадила многих в тюрьму и на каторгу, то сталинский проект Конституции освободи-*

дит многих заключенных от заключения и принудработ широкой амнистией к годовщине 7-го ноября с.г. — таковы желания и надежды трудящихся. Пора бы понять гражданам, кто бы ни был он в прошлом, что всем открыта дорога к общественной деятельности и строительству социализма. Так говорили уважаемые товарищи Молотов и Калинин на митингах рабочих. Имя дорогого, гениального товарища Сталина, кроме другой его полезной деятельности, за один только проект конституции должно быть занесено в истории человечества заметными буквами и век наш по справедливости должен называться веком Ленина и Сталина.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.56-57. Копия. Машинопись.

* Разрыв в тексте. Видимо, имеется в виду, что «есть предложения, которые если их» (далее по тексту).

**Видимо, разрыв в тексте: не ясно, что двигает по физическому закону.

Это письмо оставляет двойственное впечатление: то ли это самообман — тогда поражает та легкость и готовность поддаться ему со стороны человека безусловно начитанного, знающего историю России, то ли это прием осторожной критики режима с помощью возвеличивания Сталина и его приближенных. Между строк прочитывается то, что беспокоит автора: необходимость защиты государством религиозных чувств граждан (возможно, что сам он — человек верующий); «проявления дикого варварства и грубой некультурности». Автор хвалит Сталина за то, что конституция — «его творение примирило друзей и врагов», явно выдавая желаемое за действительное. Похвалив Сталина за гласность обсуждения проекта, С.Кирилловский, как бы невзначай «подсказывает» следующий шаг, который ожидает народ от вождей: амнистию политзаключенных.

Более откровенно по своему содержанию письмо в «Крестьянскую газету» якобы из далекой деревенской глуши от «рядового колхозника Мельникова Василия Ефимовича»:

Опубликованный проект Конституции СССР от 12/VI — 36 г. есть одно из ценнейших дарований советской власти народам Союза за время ее существования.

Если будущему съезду советов угодно будет утвердить ее полностью, после всеобщего обсуждения, то для народов СССР действительно наступит новая эра жизни, ибо думы и чаяния передовых умов старого и нового света будут в натуре осуществляться и воплощаться в жизнь.

Мы тогда будем вправе сказать западникам: граждане! мы тоже не бесправные рабы, а свободные граждане, самобытно строящие свою жизнь, костью и кровью выковыывающие права гражданства и отечество, которое будем ценить и охранять как зеницу ока. Эти неотъемлемые права гражданства, безусловно, будет могуче и крепко во всех отношениях общественной жизни и если кто захочет изнутри или извне на Союз ССР с такой Конституцией, тот получит всесокрушающий отпор.

При будущих выборах в советы на основании ст.134 народы СССР будут верховными обладателями власти, следовательно, будущие органы власти будут иметь источник воли народа.

Из всех различных форм правительства тут надо считать наилучшими, которая полнее обеспечивает народное счастье и безопасность и которая представляет наиболее гарантии против дурного управления.

Ведь каждый мыслит и чувствует, что покушение на основные важнейшие права человеческой личности и гражданина не только притупляет гражданственность, но даже возбуждает в человеке чувство ненависти к государству и стремление разрушить и уничтожить ту государственную власть, которая сводит к нулю главный смысл человеческого и гражданского существования.

Для того, чтобы законы и распоряжения правительства были более благо-разумны и устойчивы, главу III ст.34 по-моему надо дополнить: в Верховный Совет избирать людей в возрасте не менее 50 лет и с высшим образованием.

В Совет национальностей в возрасте не менее 30 лет с широким жизненным охватом.

Главу IX ст.102 дополнить: смертная казнь отменяется, как мера социальной защиты унижительная для человечества в XX веке, заменить ее мерой наказания высылкой за пределы СССР с конфискацией имущества.

108 ст. дополнить: Крайсуды или Облсуды при разборе дел нарсудов имели в своем заседании очередных заседателей от рабочих 4 чел., от крестьян — 6 чел. 10% нарсудья должен быть с высшим образованием.

Глава X ст.125 — дополнить так как свобода печати есть один из величайших устоев свободы политической, поэтому всякое ограничение печати следует считать актом тирании, а предоставить право всем гражданам выразить свое мнение в печати безо всякой цензуры, без препятствий выписывать и получать из-за границы газеты и журналы различных партий и оттенков.

129 ст. дополнить: предоставить право всем гражданам Союза свободно выезжать за границу, работать, путешествовать или с научной целью, во все страны света.

141 ст. дополнить: по избирательным округам заносить в списки кандидатов не только организациям, но и частным лицам, потому что не все организации знают всех хороших людей вокруг себя.

Моя искренняя просьба к уважаемой редакции «Крестьянской газеты» в следующем: широко ознакомить читателей нашей газеты в ближайшее время с конституциями передовых стран всего земного шара, ибо большинство населения не имеют даже малейшего понятия об основах этих государств. В особенности ознакомиться с французской конституцией 1789 г., Американской, опубликованной в 1772 г., как выпестованной в борьбе за независимость с английским владычеством в колониях.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.83-85. Копия. Машинопись.

Ясно, что «рядовым колхозником» автора считать вряд ли стоит. Писем колхозников мы уже привели достаточно, чтобы судить об их характере. Перед нами же — размышления человека о настоящем и будущем страны, за которую он болеет душой и искренне хочет ей счастья. Письмо, с одной стороны, — крик отчаяния, с другой, — надежда на чудо. Автор полностью поддерживает проект конституции, называя ее «ценнейшим дарованием Советской власти народам Союза за время ее существования» и обращает внимание прежде всего на те ее положения, с которыми советское государство находилось явно не в ладах. Сколько смелости нужно было, чтобы написать о необходимости ознакомиться с конституциями «передовых стран мира», а не так, как полагалось их называть, — стран «загнивающего капитализма». Мало того, автор пошел дальше проекта и предлагал закрепить в конституции совершенно неприемлемые для режима вещи: отмену смертной казни, отмену цензуры, свободу выезда за границу и др.

Не менее крамольное письмо прислал в конституционную комиссию ленинградский инженер Глебов, посчитавший опубликование проекта новой конституции «началом великих реформ». Отрывок из его письма попал в сводку НКВД: «Народное представительство, избранное всеобщим избирательным правом представляет величайшую силу, способную влиять на прочнейше организованные правительства. Учитывая будущее, при установлении крупных государственных реформ, предпочтительно исходить из всех возможных следствий. Вот почему полезно предположить образование под сенью законодательных палат других политических партий, кроме коммунистической. Лучше предусмотреть условия их формирования открытыми путями. Иначе это проявление самодеятельности населения будет ютиться при общественных организациях иного назначения.»⁴⁴

Эти и подобные отклики и предложения встречаются в материалах обсуждения конституции. Некто К.Н.Центцель отстаивал в своих предложениях независимость от государства общеобразовательной школы, свободу критики деятельности высших и центральных органов, ратовал за отмену смертной казни, право выдвигать в Советы не только общественным организациям, но и отдельным гражданам, выступал за амнистию политических заключенных.⁴⁵ А.И.Башарин из Армавира открыто писал, что «в стране 10-миллионная армия заключенных — большинство по ложным доносам.» Он рассматривал это как результат сведения личных счетов, преступной безответственной работы местных следственных органов, судов и прокуратуры, просил разобраться и навести порядок.⁴⁶ Были предложения предусмотреть отказ от военной службы в силу убеждений.⁴⁷ Высказывались мнения о необходимости внести в конституцию пункт о свободе выбора места работы и проживания. Были возражения против обязательного распределения молодых специалистов.⁴⁸ Многие колхозники жаловались на невозможность поехать на производство.⁴⁹

Среди «враждебных откликов и предложений» оказалось и письмо И.А.Тюшина из колхоза «Восход» Брейтовского района Ярославской области. Оно любопытно тем, что показывает, насколько живучей в крестьянстве оказалась идея создания Крестьянского союза, пережившая даже кошмар коллективизации. Интересно и то, чем автор обосновывал свое предложение. Как можно установить из очень невнятного содержания письма, его, Тюшина, как он пишет, «по личным счетам», председатель колхоза вместе с неким «собутыльником» (видимо, председателем сельсовета) «за выявление их безобразий» незаконно исключили из колхоза, и, разыграв «из дурака мужика кулака», задавили налогами. Хотя он, Тюшин, «абсолютно не имеет никакого ни имущества, ни сельскохозяйственного состояния», которые остались в колхозе и числились за другими членами семьи, а сам он «добывает себе пропитание на лесных работах». Чтобы не было в будущем такого произвола, автор обращается к ст.126 проекта конституции и пытается «встроиться» в нее со своим предложением, для пушей убедительности прибегая к весьма высокопарному слогу, который, по его мнению, должен соответствовать духу основного закона:

Предлагаю, согласно спущенного проекта конституционной комиссии, внести в статью 126, в каковой говорится в целях развития организационной самостоятельности дать право всему колхозному и единоличному крестьянству организовать непосредственный Крестьянский союз при каждом сельсовете и каковой бы непосредственно сносился во всех нуждах и пояснениях с центральными земельными управлениями ввиду бюрократического отношения сельских советов и правлений колхозов, каковые в большинстве случаев ведут колхозное крестьянство не к зажиточной культурной жизни, а к развалу колхозов и их ухудшению и благоустройство крестьянской жизни должно учитываться не вообще — [в] государственном масштабе, а согласно местных условий жизни, и особо по северным областям.*

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.79. Копия. Машинопись.

* В целях развития организационной самостоятельности — строка из ст.126

В процессе обсуждения проекта конституции в обществе довольно часто звучали антибюрократические настроения, отчасти поощряемые прессой. Правда, разоблачать можно было только конкретного советского бюрократа-чиновника, творящего произвол и злоупотребления. Нельзя было критиковать бюрократизм как явление советской жизни под угрозой попасть в «черные списки», особенно если дело доходило до критики властного устройства.

Некоторое исключение было сделано для стахановцев. В печати, например, прошло активное обсуждение случая с преследованием знаменитого стахановца И.Бусыгина, которого администрация пыталась уволить за то, что он украдкой от зав. цехом перекрыл нормы. «Сотни тысяч есть случаев, — писал по этому поводу в адрес VIII съезда Советов стахановец М.Ф.Голосов, которого, как он сам пишет, здорово потрепали, — когда хозяйственники по самопроизвольному капризу увольняют трудящихся...»⁵⁰ Насчет «самопроизвольного каприза» можно усомниться, но очевидно, что в то время высшее руководство было явно на стороне стахановцев. Кстати, иногда создание им особых условий, их постоянные разъезды с целью пропаганды своего опыта расценивались рядовыми рабочими как нарушение права на труд: дескать, «они прогуливают, а мы их труд оплачиваем.»⁵¹

Между тем шел быстрый процесс оформления нового руководящего слоя, который начал заявлять о себе и своих собственных интересах и пытался закрепить их в конституции. Так, председатель Дединовского сельсовета Луховицкого района Московской области Чубуков вносил следующее предложение к проекту: «К ст.10 нужно добавить, что комфорт и роскошь, являвшиеся ранее признаком буржуазности, сейчас при социализме отображающие признак зажиточности и культуры, также охраняются законом.»⁵² После многолетней проповеди аскетизма и всеобщего поравнения это было небывалое прежде явление.

Во многих письмах-откликах люди отмечали рождение «новой советской буржуазии». Колхозник Н.Г. Жилиев из Азово-Черноморского края, возмущаясь этим обстоятельством, по своей наивности предлагал и с нею бороться старым испытанным способом — лишением политических прав:

В Конституцию необходимо внести особый параграф о том, что все трудоспособные мужчины и женщины, но совершенно не работающие и не занимающиеся каким-либо общепользным делом, лишаются политических прав. А то нарождается новая советская буржуазия — лодыри-тунеядцы.

У нас, например, в колхозе выгоняют низать на шнурки табак слепых шестидесятилетних старух, а эти ожиревшие черепахи не хотят ударить палец о палец, за два года пребывания их в колхозе у них нет и одного трудодня, а через своих мужей первыми всегда тянут из колхозной кладовой все, что туда попадет. Это жена завхоза колхоза гражданка Ильина, жена парторга колхоза Шевченко и жена предколхоза гражданка Иверева. Последняя в 1935 г. работала в колхозе, и у нее было около 200 трудодней, а в 1936 г. нет ни одного трудодня. Она говорит мужу, что же их жены не работают в колхозе, а ты ведь больше их начальник, ну и я не пойду.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.70. Копия, Машинопись.

Письмо примечательно еще и тем, что затрагивает проблему внутриколхозной дифференциации, говорит о тех, кому было вольготно «на колхозных хлебах». Красноармеец Ф.Л.Счастливым из Читы писал, что «многих руководителей, хозяйственников, инженеров, техников жены не работают, имеют прислугу... это форменная эксплуатация.»⁵³ Колхозник М.Е.Филиппов, несмотря на то что в проекте конституции было заявлено о полной ликвидации эксплуататорских классов в СССР, настаивал, чтобы внести в нее добавление о необходимости охраны трудящихся от волокиты и бюрократизма, ибо, по его мнению, бюрократы и волокитчики эксплуатируют трудящихся незаконными решениями, постановлениями и являются «осколками капиталистических классов.»⁵⁴

Упомянутый И.А.Тюшин уже сообщал в цитируемом выше письме о некоторых приемах, используемых местным начальством для расправы с непокорными. С деятельностью администрации на местах часто связывались социальная несправедливость, самоуправство, бесправие людей, а также, как ни странно, жестокая репрессивная политика и преследования по политическим мотивам. Об этом отрывок из письма уже упоминавшегося И.Савурина:

Выпустить нужно такую конституцию, чтобы каждый жил свободно, чтобы за нами бригадиры не кричали — Эй, ты почему не пошел на работу, а то с вами справлюсь. В защиту себя слова сказать нельзя, начинают угрожать: «Поменьше говори, а то я тебе пришлю 58-ю статью. Ваньке дали 10 лет возить тачки и тебе туда пора. А Гришка 5 лет отбыл, так теперь не говорит, почему твоя жена на работу не ходит, мы таким скоро дадим, нам стоит клочок бумажки и ты на канале.» С моей стороны политзаключенным нужна амнистия. У нас таких политикантов, что они 58 раз дурак, а ему применили 58 статью и дали 10 лет. Я человек малограмотный читаю газету и некоторые старики рассказывают, как раньше плохо жилось, задолжаешь лавочнику, старшина требует его долг, в случае неуплаты бьет по зубам. Теперь — около двора не убран сор — сажали суток на 15 в клоповку, я вздумал и мне стало стыдно, живем в свободной стране, а столько заключенных и за что. За килку [пучок] колосков 10 лет, конь халку набил — 10 лет, папироску не дал — 10 лет, и так, ежели бы знал наш дорогой вождь товарищ Сталин, что на селе творится, то никогда бы не простил.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.87. Копия. Машинопись.

Можно представить, как легко было в такой обстановке, с одной стороны, разжечь в обществе пламя ненависти, натравить подчиненных на своих непосредственных начальников, а с другой, — свалить на них вину за пережесты и якобы неверную трактовку руководящих установок. Очень часто выразителями антибюрократических настроений были наиболее бедные и полуголодные слои общества. Жалуясь на колхозно-совхозный беспредел и ежегодную голодуху, они надеялись исправить положение с помощью новой конституции.

Как избежать превращения так называемой социалистической собственности в кормушку для избранных, как предотвратить ее расхищение и разбазаривание? Материалы обсуждения проекта показывают, что в советском обществе не было найдено иных рычагов для этого, кроме как ужесточение карательной политики. На эту тему шел буквально вал предложений, в массе которых тонули голоса тех, кто призывал к законности, смягчению наказаний, убеждению, милосердию и другим способам воздействия на общество. При принятии конституции это нашло отражение в дополнении к ст.131: «Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа.»

Молодой техник 1-го Государственного подшипникового завода Яков Огуз пошел еще дальше, призывая объявить врагами народа также лиц, покушающихся на личную собственность граждан, приобретенную на трудовые доходы. «Это дополнение, — писал он, — будет играть большую роль не только для нашей повседневной жизни, но и прозвонит в грядущем огромным резонансом. В самом деле, в Советском Союзе нет богатей, ни бедняков. Все одинаково трудятся. Стало быть, вор — паразит, враг народа. С введением Конституции нужно бы объявить вора — пусть это будет вор [личной] собственности — врагом народа, также как вора социалистической собственности карать со всей строгостью революционного закона. Надо дать понять, что у нас нет безработицы, а следовательно нет причины, порождающей воровство. И что воровство — тяжелое преступление против государства (при социализме не должно быть воров), против народа...»⁵⁵ Это — доведенная до абсурда логика усвоенных автором догм исторического материализма, вступающая в противоречие с действительностью и здравым смыслом. Но то, что борьба с врагами народа «прозвонит в грядущем огромным резонансом», им было предсказано точно.

Иной раз просто поражает буквальное обыденное толкование принципа «Кто не работает, тот не ест» и связанный с этим избыток жестокости и непримиримости в обществе 1930-х годов. Существовала высокая степень готовности общественного сознания к новой войне — на сей раз с «врагами народа». «Сталинская Конституция, — сообщал сотрудник газеты «Ударник» Г.И.Проскураков из Чистоозерного района Западно-Сибирского края, — исторический документ. При закончании проработки актив вносит добавление к ст.12 — всех лиц, которые злостно уклоняются от работы и не хотят честно трудиться (лодыри, рвачи, бракоделы, разгильдяи) считать их как врагов народа.»⁵⁶

Очень много откликов поступило на ст.120 и 122, касающиеся прав стариков и женщин, проблем семьи, охраны материнства и детства. Это, видимо, не случайно и обусловлено обострившимися в 1930-е годы социаль-

ными и демографическими проблемами. Экспериментирование в области семьи и брака, происходившее в предшествующие годы, дало негативные результаты, привело к увеличению разводов, легкомысленному отношению к семейным обязанностям, сокращению рождаемости и т.п. Это вынудило руководство принимать меры, в том числе и законодательные, направленные на укрепление семейных устоев. Правда, в них, в соответствии с духом времени, были внесены элементы административного запрещения и принуждения. К числу таких актов принадлежал только что принятый закон «Об охране материнства и детства», более известный как закон о запрещении абортов.

Все это не могло не вызвать заинтересованные отклики при обсуждении проекта конституции. В некоторых письмах звучал протест против запрещения абортов как нарушающего права граждан.⁵⁷ Однако большинство откликов напоминало бытовые разборки и жалобы на эту тему. Так, Мария Степановна Худякова из Челябинска писала, что ошиблась в муже — «он был женат кроме меня на двух и у них по ребенку, узнала я поздно — уже была беременна, а теперь он еще четвертую взял и уехал.»⁵⁸

А вот женщины, принявшие участие в собрании по проработке конституции в Бердянском районе Днепропетровской области, числом около 500, видимо, основательно, по-бабьи, все обсудив, решили написать письмо с предложениями в ЦК ВКП(б), куда включили раздел «Об алиментах и распутстве», где говорилось:

[...] Об алиментах и распутстве, которое у нас на высоком уровне, что закон Конституция гласит на первого дитя 1/4 и на двух 1/3 [зарплата] неверно, потому что этим довели что всюду лишь судят про алименты, т.е. дали мужчинам менять жен, ведь развод дорого стоит, так мужчины не берут развода или не регистрируются — одно сходятся да расходятся, а сирот на свет пускают, позорное дают им имя «байстро», для того чтобы уничтожить это распутство и позорное имя для дитя байстро мы даем такое предложение:

1. Если девушка рождает от холостого (брак не регистрируется) — дать ей 50% его зарплаты «чтоб не было насмешек над женщинами». Если он то же самое сделает с другой, то второй дать 1/4 на ребенка (чтоб она знала, что у него есть дитя и жена его чтоб не мечтала — он одну бросил, меня нет — не бросит — и этим мужчины остепенятся). Но если и с третьей, то дитя забрать на воспитание, а ему и ей выплачивать по 300 руб. в воспитательный дом плюс дать им по три месяца принудительных работ.

2. Если прижила дитя вдовушка или девушка с семейным мужчиной, то то же самое — ему три месяца и 400 руб., а ей три месяца и 300 руб. на воспитание дитя. Когда мужчины платили 1/3 зарплаты на алименты, то мужчины немного остепенились, но когда 1/4 — то уровень распутства поднялся на 50% — «дана мужчинам свобода» — мы требуем ее прекратить. За аборт женщине три месяца тюрьмы, так как очень распространились сейчас аборты и удушье родившихся продолжаетея. Особенно просим ударить холостых, то что делается невыносимо — по 5 штук детей. Уровень распутства дошел до такого, что мужчина прижил 5 душ детей с 5 женщинами. [...]

ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.82. Л.13-15. Подлинник. Рукопись.

В заключение женщины просили, чтобы в паспорте и военном билете делались отметки о детях, чтобы легче было искать алиментщиков. Письмо удивительно созвучно памятникам обычного права, вроде древней «Русской Правды».

А вот документ совершенно иного рода. Житель Ленинграда Лев Владимирович Кашкин решил внести свою лепту в решение демографических проблем. «Народонаселенческая политика, — писал он, — никогда еще не имела места в истории. Все правительства разрешали ее тем способом, каким страус спасается от преследования. Я предлагаю применить для народоселенческой политики более действенные средства, чем прятать голову под крыло.»⁵⁹ Он предложил внести в конституцию аж целую специальную главу (Ха) об ответственности граждан за свое здоровье и долголетие, а также учредить Народный комиссариат трудоспособности и долголетия (Наркомтрудолг). Своему предложению автор ниспослал теоретическое обоснование в виде «записки», где попытался «творчески» развить тезис Маркса о том, что органы человеческого тела являются естественными орудиями производства. «Записка» состоит из семи глав, содержание которых может составить конкуренцию самому Олдосу Хаксли и его знаменитому роману «Этот прекрасный новый мир», вышедшему, кстати, в 1932 г. Автор, как он пишет, понимает, что может быть обвинен в покушении на личную свободу и права граждан, но забота об интересах социалистического общества и государства для него превыше всего.⁶⁰

Разумеется, привести полностью этот документ мы не можем, ограничившись его пересказом. Причем, следует учесть следующее обстоятельство. Чтобы не быть неверно понятым и «избежать обывательского толкования» своих идей, автор умышленно заменил слова «мать, отец, родители, дети и другие синонимы» новаторскими терминами,⁶¹ создав тем самым своего рода новый язык — «новояз».

«Записка» начинается с предложения ввести в нормы советского права ответственность граждан за свое здоровье в целях «содействовать советскому правительству устранить общественное зло, причиняющее огромный вред строительству и обороноспособности Родины.»⁶² Зло — это болезни, возникающие на почве «нарушения гражданами требований здравдисциплины», в то время как «задачи социалистического строительства и его темпы требуют здоровья.»⁶³ Так как, по мнению автора, в большинстве случаев болезнь — результат нарушения здравдисциплины, то этого достаточно, чтобы признать болезнь преступлением, если только нет смягчающих вину обстоятельств, ибо «болеющий наносит вред обществу во многих отношениях»: недодает продукцию, «не работает, а ест», «обуза для обороноспособности страны» и т.п.⁶⁴

Автор предлагает установить три категории граждан: «здравников», сохраняющих и укрепляющих свое здоровье, «здравсередняков» и «противоздравников», не сохраняющих и не укрепляющих своего здоровья, в числе которых — «малонадежные и безнадёжные, скрытые и явные здравхулиганы, печальное наследие нашего исторического прошлого.»⁶⁵ В борьбе за здоровье необходимо социалистическое соревнование типа стахановского — «выработка индивидуальных достижений». «С помощью приборов необходимо определять уровень здоровья каждого гражданина и оповещать об этом общество, «чтобы все знали.»⁶⁶ Среди причин нарушений здравдисциплины названы здравнеграмотность, здравпорочность поведения (т.е. вредные привычки: обжорство, пьянство, обломовщина, распущенность, антисанитария), здравпорочность идеологии (т.е. «оправдание нарушений путем

обвинения здравников в биологизме, расизме и т.д.) и бесполезная здравжертвенность (т.е. сжигание здоровья ради чрезмерных заработков).⁶⁷ Предлагаются и меры для их ликвидации: первой — «здравликбез с применением гигиены, в том числе народной, физкультура, правильное питание, витамины; второй — ликвидация уравниловки и социалистическое соревнование за здоровье; третьей — изучение трудов Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина.⁶⁸

«Органы человеческого тела, — писал автор, — это в своем роде оборудование, которое трудящийся приносит с собой во всех отраслях деятельности, так сказать, телесная индустрия страны», которые должны являться общественной социалистической собственностью.»⁶⁹ В системе Наркомтрудога необходимы специальные органы, которые «организуют точный учет размеров роста общенародного капитала трудоспособности...» Для этого, по мнению автора, надо организовать широкую сеть измерительных лабораторий для определения здравуровня всех граждан, разделения их по разрядам и перемещения из разряда в разряд в зависимости от здоровья. Примером для создания наркомата может стать советское оборонное строительство.⁷⁰

Как определить заботу конкретного человека о своем здоровье? — спрашивает автор и отвечает: «для этого нужно сравнить 2 здравуровня: в момент рождения гражданина с данным моментом. Разница покажет, была ли его забота положительной или отрицательной. Но и родовой уровень как точка отсчета одновременно является показателем заботы матери о зародыше и плоде, ее поведении в родовой период.»⁷¹ Степень ответственности граждан зависит от возрастных групп населения, которых он выделяет четыре:

1. Родовые граждане — от зачатия до отнятия от груди. До сих пор зародыш, утробный и внеутробный плод не признавались гражданами. Это, конечно, неверно. Исключение этого возраста из общей жизни гражданина и лишение его прав не имеет никаких юридических оснований. Но ответственность родовых граждан, так как они сами о себе не могут заботиться равна 0, наоборот, ответственность родовой женщины за них равна 100%.

2. Молодые граждане — от отнятия от груди до настоящей зрелости. Подгруппы — дети, юноши, молодые люди. Ответственность за свое здоровье у них растет от 0 до 100%.

3. Зрелые граждане, их уровень ответственности равен 100%.

4. Старые граждане. Наша цель — достижение всеобщего долголетия населения и ликвидация старости с сохранением за людьми трудоспособности. Но пока что ответственность за их здоровье со 100% уменьшается до 0.

ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.56-57. Подлинник. Машинопись.

Далее автор переходит к регулированию процессов рождаемости при социализме:

Здоровье родового гражданина относится к здоровью прочих возрастов того же гражданина примерно так же как естественные богатства страны к их дальнейшей разработке. Размеры и качество внутренних богатств, которые добыты из недр материнского организма, являются решающими для развития трудоспособности в зрелом возрасте. Однако плохо организованная добыча естественных богатств может повлечь за собой как непродуцируемую растрату их в процессе добычания, так и порчу[...].

ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.59. Подлинник. Машинопись.

Решительно все в поведении женщины так или иначе отражается на составе ее крови, на равномерности и регулярности снабжения кровью всех частей ее организма и организма плода. Отсюда долг женщины — забота о новых поколениях ... Что касается мужчины, то он долг перед новым поколением не несет, так как детей производит не он, а женщина. Мужчина несет ответственность только за качество своего оплодотворяющего зачатия. Это и есть долг мужчины [...].

ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.61. Подлинник. Машинопись.

Зачатие является чрезвычайно важным моментом в родовом производстве, так как определяет высоту здравуровня зародыша. Повысить его можно посредством подбора лучшего зачала, которое может быть высшего и низшего качества.

Женщины делятся на 4 родовые группы:

- 1) здравзаботницы*
- 2) плодозаботницы*
- 3) зачатзаботницы, т.е. сознательно относящиеся к зачатию, отдавая предпочтение оплодотворяющему зачалу, которое гарантирует зародышу лучший запас здоровья*
- 4) родовредительницы*

ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.62. Подлинник. Машинопись.

Автор называет шесть причин нарушения женщинами родовой дисциплины: самомнение и самообман (т.е. «всякая мать и без того желает счастья и здоровья своему ребенку, а для общества и государства не так важно знать, чего хочет женщина, как знать то, чего хотят они сами от женщины — мало ли чего может захотеться женщине больше, чем желание счастья и здоровья своему ребенку»); родовая здравнеграмотность, родовая здравпорочность поведения (т.е. «вредные пороки — сексуализм, алкоголизм, обжорство и пр. виды распутства и распушенности»); родовая здравпорочность идеологии; ложная родовая здравжертвенность (т.е. оправдание порочности поведения под предлогом «мужчинам вредно воздержание» или выполнения супружеского долга); иждивенчество (т.е. экономическая зависимость женщин и детей от мужчины).⁷²

В советских условиях, писал Кашкин, с помощью государства можно ликвидировать причины нарушения женщинами родовой здравдисциплины. Самодовольство и самообман должно устранить с помощью развития критики и самокритики и обязательного распределения всех новорожденных по нескольким разрядам в зависимости от высоты их родового здравуровня. «Самомнению низко разрядных родовых женщин это нанесет решительный удар, уравниловка будет убита, соцсоревнованию родовых женщин будет положена твердая основа.»⁷³

Как следствие, по мнению автора, произойдет устранение неграмотности в области родового производства, определяются общие черты поведения, отличающие лучшие группы родовых женщин от худших, которые станут материалом и предметом исследования новой действительной научной гигиены. Одновременно выявятся и пороки поведения низших родовых разрядов. Если такие пороки перешли в болезненное состояние, то необходимо вмешательство специальных медицинских учреждений. В области же идеологии родового производства дело обстоит гораздо сложнее, ибо, писал

Кашкин, «благодаря его соприкосновению с интимными половыми отношениями она необычайно запутана и обывателями, и врачами, и поэтами, и философами» и разобраться в этом «противоречивом винегрете нет никакой возможности,»⁷⁴ если не руководствоваться критерием классовой борьбы. Чтобы навести порядок в этом деле, «надо также решить вопрос, что полезнее для классовой борьбы — повышение здравуровня новых поколений или его снижение? И вопрос, какой идеологии нам следует отдать предпочтение, будет решен...», а «зачисление в низший разряд по линии родового производства сразу отобьет у женщин охоту жертвовать здоровьем будущих поколений разным посторонним целям, хотя бы эти цели были неплохи сами по себе.»⁷⁵ Экономическую зависимость женщины от мужчины автор предлагал устранить заменой частных алиментов, уплачиваемых «так называемыми отцами», государственными алиментами, которые также должны использоваться в интересах ликвидации обезлички и уравниловки в родовом производстве. Размеры государственных алиментов следовало бы установить в зависимости от разряда нового гражданина и его производительности. «Общество имеет право лучше обеспечить своих лучших граждан в любом возрасте», — писал Кашкин и с пафосом заключал свою теорию:

Уже самые первые шаги новой Народнонаселенческой политики по пути ликвидации этих вредных для трудоспособности и долголетия населения общественных пороков совершенно изменят общественное лицо и общественное положение Советской женщины. Сознание, что родовое производство из частного дела становится государственным, что путем добросовестного выполнения своих обязанностей в этом производстве она может в неограниченном размере поднять могущество нашей родины во всех сферах ее деятельности, где требуется трудоспособность и долголетие граждан, даст ей сознание своего достоинства, какого у женщины еще никогда не было за всю историю существования человеческого рода.

Женщины высших родовых разрядов — стахановки родового производства, устанавливающие высшие нормы его, будут у нас пользоваться таким почетом и уважением, какого не удаивалась ни одна королева. Лозунг «Дорогу женщине!» из красивой фразы наша новая Народнонаселенческая политика превратит в реальное дело, в живую конкретную действительность. Женщинам других стран придется дивиться на нашу страну, где женщины и дети «выше всего». В трудные минуты своей жизни они будут вспоминать об этом.

ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.69. Подлинник. Машинопись.

После этого автор излагал проект новой главы (Ха) конституции под названием «Трудоспособность и долголетие населения», которая состояла из 13 статей (для сравнения X глава «Основные права и обязанности граждан» состояла из 16 статей) и принципы устройства Наркомата трудоспособности и долголетия. В ст.1. речь шла об обязанности граждан беречь и укреплять свое социалистическое здоровье и ответственности за причинение ему вреда, которое должно было рассматриваться как преступление против народа. Предполагалось также обеспечивать право граждан на здоровье системой государственного контроля и обеспечения ее соответствующими учреждениями. В ст.2 говорилось, что «каждый гражданин СССР обязан соблюдать все условия, обеспечивающие зародышу, утробному и внеутробному плоду законченное и совершенное развитие всех органов его

тела. Здоровье граждан родового возраста [началом родового возраста считать зачатие, концом — отнятие от груди] является социалистическим здоровьем. Лица, причиняющие по своей вине вред зародышу, утробному и внеутробному плоду, совершают преступление против народа...»

В ст.3. говорилось о безусловном праве каждой гражданки СССР «на производство гражданского природа (по бытовому: детей, потомства, ребят, сыновей, дочерей и т.п.)».

Статьи 6, 7 и 8 заслуживают того, чтобы привести их целиком:

Статья 6. Каждый родовой гражданин СССР зачисляется в один из установленных правительством разрядов в зависимости от его родового здорового уровня. Родовой здоровуровень вносится в метрическое свидетельство гражданина, а впоследствии и в паспорт как постоянное неизменное данное о его личности. Родовой здоровуровень одновременно служит показателем и будущей трудоспособности самого гражданина и, с другой стороны, — показателем выполнения родовой дисциплины его производительницы. (По бытовому: одной матерью).

Разряд граждан, родившихся ранее вступления в силу закона о родовой ответственности женщины, родуровень которых неизвестен, устанавливается по текущему его здоровуровню.

Повышение или снижение текущего здоровуровня путем личной здоровзаботы или здороврасточительства молодых граждан обязательно влечет за собой соответствующее повышение или снижение его родового разряда и размеров родового социального обеспечения.

Статья 7. Родовое право женщины на производство граждан и зачатное право мужчины на оплодотворение зародыша как социалистическое право отделяется от личного, индивидуалистического брачного права на половое сожительство супругов. Родоспособные женщины и зачатоспособные мужчины по их вступлению в брак дают обязательство принимать необходимые предупредительные меры против зачатия зародыша.

В случае решения родоспособной женщиной, состоящей в браке, дать стране нового гражданина, она обязана до зачатия обратиться в родовое управление, получить формальный развод, а также справку о зачатоспособности мужчины, намечаемого ею для зачатия и о нормальном родуровне ее будущего ребенка.

Возобновление брака допустимо только после окончания родового возраста гражданина, т.е. после отнятия от груди. Ответственность за нарушение этого закона остается в силе и в том случае, если родуровень родившегося не принадлежит к числу низких разрядов.

Статья 8. Каждый гражданин СССР должен заботиться о доброкачественности и полноценности своего оплодотворяющего зачала. По степени полноценности зачала мужчины делятся на официально установленные разряды, регистрируемые родовым управлением.

При установлении нормального родуровня будущего родового гражданина принимается во внимание как разряд родовой женщины, так и разряд зачатного мужчины.

ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.70-71. Подлинник. Машинопись.

В ст.9. говорилось о государственном родовом социальном обеспечении в зависимости от родового разряда граждан; в ст.10 — об обязанности мужчин уплачивать родовой налог пропорционально своему заработку и прекращении уплаты ими индивидуальных алиментов; в ст.11 — об обязанности женщин давать «природ», уровень которого «был бы не ниже указанного ей родовым управлением нормы.»⁷⁶ В ст.12 речь шла о праве граждан

не использовать свое родовое и зачатное право, однако предусматривалось введение всеобщей обязательной родовой повинности женщин «в том случае, если этого потребуют две трети родоспособных женщин и если правительство найдет это целесообразным»; в ст.13 — о запрещении стерилизации и объявлении ее государственным преступлением.⁷⁷

Можно было бы посмеяться и отложить в сторону этот документ как любопытный казус и проявление болезненной идиосинкразии, однако этого сделать это нельзя по двум причинам.

Во-первых, автор был не одинок в своих идеях. Некто А.Михайлов из Тулы вносил предложение: «В целях полной справедливости и равенства людей ввести статью об обязательности или человеческом долге каждому мужчине и женщине по способности оплодотворять, оплодотворяться, иметь вместе до 40-летнего возраста не менее 2-х детей.»⁷⁸ Изобретатель инженер Василий Дмитриевич Романов (ЦНИИМАШ, Москва) писал в Президиум VIII съезда Советов, предлагая «считать изобретения собственностью страны с момента их зарождения (а не с момента подачи автором заявки), поскольку это достояние всего народа». Одновременно возражал против авторского права на интеллектуальную собственность. «Все покушения на изобретения, — писал он, — особенно изобретения оборонного значения являются преступлением против Советского Союза и виновные объявляются врагами народа.» Он предлагал также создать Наркомат изобретательства и науки, так как, писал он, «основная масса хозяйственников и промышленников — масса косная, идущая по пути эволюционного развития представляемых ею областей техники, а изобретателей, не эволюционеров, а революционеров техники за редким исключением они душат.»⁷⁹

Во-вторых, отдельные элементы идей, подобных тем, которые были изложены Л.В.Кашкиным и его единомышленниками, нашли отражение в советском гражданском и семейном праве. На протяжении многих лет, начиная с революции, печать писала о семье и браке как пережитках старого общества, об освобождении женщины от домашнего рабства через участие в общественно-полезном труде и общественной жизни, о снятии с нее семейных обязанностей, в том числе по воспитанию детей и передаче заботы о них обществу, о свободной любви, о социальной гигиене и т.п. Были предложения внести в семейный кодекс право замужней женщины выбирать любого мужчину в качестве отца предполагаемого ребенка, встречаемые, впрочем, похабными шутками и смехом. Очевидно, откуда автор поднахватался подобных идей. Между тем осуществление их на практике, наложилось на старые представления, на пораженное язвами и болезнями общество, на страшные последствия войн и разорения и породило целый ряд новых проблем социально-демографического свойства. Усиление государственного вмешательства в их решение и вызвало необузданный полет фантазии со стороны автора, который своими предложениями довел эту идею до абсурда, но не учел, что государство решило взять другой курс — на укрепление семьи и брака.

Обширный пласт документов принадлежит к области социального проектерства, порожденного советской действительностью. Оно было характерно и для 1920-х годов, выражаясь тогда в форме рассуждений о социализме — так называемого «народного социализма». При обсуждении же проекта конституции 1936 г. появились новые моменты. Конституция уже про-

возглашала построение социалистического общества. Теперь вставал вопрос о том, куда идти дальше. Партийные руководители в полный голос заговорили о решении новой задачи — строительстве коммунизма. Но поскольку о нем они имели еще более смутное представление, чем о социализме, то всячески поощряли различные инициативы и даже требовали от интеллигенции более четко разработать контуры будущего коммунистического устройства.

Провозглашая новую задачу, руководство преследовало две основные цели. С одной стороны, нужно было отвлечь внимание от текущих реалий, с другой — возбудить новую волну энтузиазма и обеспечить себе массовую поддержку, подвигнуть советских людей на новые свершения и жертвы во имя светлого будущего, закрывая глаза на многие непорядки и несовершенства в существующей системе.

С 1936 г. новая кампания стала набирать обороты и накануне войны уже шумела вовсю. Не остались от нее в стороне и рядовые советские граждане. То, какие мысли и идеи высказывались и что из них получилось в результате, — предмет специального конкретно-исторического исследования той особой «цивилизации», которую некоторые ученые и философы окрестили «советским коммунизмом».

Несомненно, что обсуждение проекта конституции послужило поводом для разговоров о будущем общественном устройстве. Техник завода №1 им. Авиахима Г.Добрушкин требовал даже записать в конституцию, когда именно наступит коммунизм.⁸⁰ В материалах обсуждения довольно много предложений об изменениях государственного устройства, способствующих коммунистическому строительству, совершенствовании экономических и социальных отношений. Так, Василий Васильевич Попов выступил с большим проектом реорганизации центральных учреждений и создания Высшего индустриального совета страны.⁸¹ Много выдвигалось предложений по проведению природоохранных мероприятий, строительству транспортных путей, линий связи, нефтепроводов и газопроводов. Вносилось предложение о том, как школы и другие учреждения должны заниматься выявлением способностей детей и направлять их на соответствующее обучение.⁸² Высказывалось предложение записать в конституцию, что «все граждане СССР составляют Армию социалистического труда и Армию обороны трудящихся.⁸³ Некто Шульгин путем длинных и маловразумительных рассуждений трансформировал принцип «кто не работает, тот не ест» в примерно такой же, выражаемый русской поговоркой: «Что потопаешь, то и полопаешь», и предложил его в качестве дополнения к ст.12 и, по его мнению, «тогда у нас поднимется культура и граждане выдвинут от себя трудовых ударников.»⁸⁴

Таким образом, материалы обсуждения проекта конституции показали, сколь пестрым и разноголосым было советское общество в середине 30-х годов. Его однородность — очевидный миф, созданный усилиями многочисленных авторов.

Открывшийся 25 ноября 1936 г. в Москве VIII Всесоюзный Чрезвычайный съезд Советов одобрил доклад Сталина, сделанный им по поручению конституционной комиссии. Около недели ушло у 220 членов редакционной комиссии на постатейное обсуждение внесенных поправок и дополнений. Однако подавляющее их большинство было не востребовано. 5 декабря съезд утвердил новую конституцию. Этот день был объявлен всенародным праздником. Вслед за принятием конституции началась новая кампания по ее «массовому разъяснению» и подготовке выборов в новые органы

власти. Кажется, что этой кампании партийные органы придавали не меньшее значение, чем обсуждению проекта, и представляется, что главное, на что она была нацелена — закрепить в массовом сознании мысль о руководящей роли ВКП(б) в советском обществе и тех благодеяниях, которыми партия его осчастливила. Многие статьи и положения конституции действовали частично или не полностью, другие вообще остались только на бумаге, поскольку не было условий и механизмов их реализации. Реальная жизнь зачастую оказывалась слишком далекой от идиллии конституционных норм. Дальнейшие события показали, что конституция во многом оказалась «фиговым листком» советской демократии, так как не сумела поставить законодательные преграды массовым репрессиям, захлестнувшими страну вслед за ее принятием. Ирония истории состояла в том, что большинство тех, кто разрабатывал новый основной закон, сгорели в огне «ежовщины». И тем не менее значение конституции было огромным, ибо она долгие годы служила той точкой отсчета, с которой в советском обществе всегда происходило сопротивление беззакониям, злоупотреблениям властью, бесправию и произволу. С апелляции к конституции, как правило, начинались попытки реформирования системы.

Примечания:

¹ ЦГАОДМ. Ф.4. Оп.49. Д.173. Л.91.

² ГАРФ. Ф.3316. Оп.8. Д.222. Л.159.

³ Так, в многотомной истории КПСС указывалось 2 млн. предложений по проекту конституции. См.: История КПСС. В 6 тт. Т.4. Кн.2. М., 1971. С.513.

⁴ См. информационную сводку НКВД о ходе обсуждения, представленную в ЦК ВКП(б): РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.40-44.

⁵ См.: ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.105, 142 и др.

⁶ Неизвестная Россия. XX век. Вып. II. М., 1992. С.274.

⁷ Там же. С.273-275.

⁸ Там же. С.273.

⁹ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.46.

¹⁰ См.: РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.46-48.

¹¹ ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.105. Л.1.

¹² РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.45. В первоначальном проекте конституции, в черновом наброске ст.102, говорилось о том, что в Союзе ССР уничтожено деление на классы, и это положение «проскочило» в печать, добавив путаницы для пропагандистов, хотя буквально в течение недели эта теоретическая посылка была признана неверной. Было указано на существование двух классов: рабочих и крестьян.

¹³ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.45.

¹⁴ ГАРФ. Ф.3316. Оп.8. Д.222. Л.159.

¹⁵ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.37.

¹⁶ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.36.

¹⁷ Неизвестная Россия. XX век. Вып. II. С.278.

¹⁸ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.52.

¹⁹ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.50.

²⁰ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.86.

²¹ Неизвестная Россия. XX век. Вып. II. С.274-275.

²² ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.51(об).

²³ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.50.

²⁴ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.49.

²⁵ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.51.

²⁶ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.68-69.

²⁷ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.65.

- 28 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.49.
29 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.51.
30 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.49.
31 Неизвестная Россия. XX век. Вып. II. С.273.
32 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.63.
33 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.64.
34 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.50.
35 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.65.
36 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.67.
37 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.80.
38 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.86.
39 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.50.
40 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.51.
41 Неизвестная Россия. XX век. Вып. II. С.278.
42 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.75.
43 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.46.
44 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.52.
45 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.84. Л.33-34.
46 ГАРФ. Ф.3316. Оп.40. Д.14. Л.100-101.
47 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.85. Л.80.
48 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.81. Л.22, 23, 24, 27, 30, 32, 33.
49 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.81. Л.51.
50 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.81. Л.9-9(об).
51 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.81. Л.8.
52 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.69.
53 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.77. Л.96.
54 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.88.
55 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.193. Л.55.
56 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.70.
57 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.82. Л.1-2.
58 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.16.
59 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.58.
60 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.51.
61 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.58.
62 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.34.
63 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.35-36.
64 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.36.
65 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.38.
66 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.39.
67 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.40-41.
68 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.42-43.
69 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.44.
70 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.46-50.
71 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.55-56.
72 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.63.
73 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.65.
74 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.66.
75 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.67.
76 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.72.
77 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.73.
78 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.82. Л.3.
79 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.81. Л.3-4.
80 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.77. Л.92-93.
81 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.79. Л.2-8.
82 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.81. Л.44-45.
83 ГАРФ. Ф.3316. Оп.41. Д.81. Л.38.
84 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.232. Л.75-76.

«ЛЮБОВЬ И ИЗОБИЛИЕ»

Один из самодеятельных поэтов послал в адрес XVIII съезда ВКП(б) (март 1939 г.) поэму, в которой писал:

*Растут у нас везде герои.
И если вдруг спросить у каждого из них:
 Ответь, кто вдохновитель подвигов твоих?
С улыбкой счастья, радостный, ответит:
 Тот, кто всего прекрасного творец,
Искусный зодчий, друг наш и отец
Товарищ Сталин. Сталина мы дети.¹*

Вторую половину 1930-х годов многие считают «звездным часом» сталинского социализма, несмотря на массовые репрессии, «ежовщину», атмосферу затаенного страха, подозрительности, столь ясного ощущения близости предстоящей войны, связанных с нею подготовительных мероприятий, «внезапную дружбу» со вчерашним злейшим врагом — фашистской Германией. Много надежд сулило принятие новой конституции. Ветры перемен, часто противоречивые и изменчивые, делали ситуацию в стране чрезвычайно сложной и внутренне напряженной, но общий настрой был, безусловно, оптимистический. Это был апогей того векового шума, созданного Революцией, жестокого, но счастливого на заре, равнодушного и безотрадного впоследствии.

Были триумфальные встречи папанинцев и покорителей Арктики как результат развертывания грандиозных кампаний по исследованию природных ресурсов северных и восточных районов, прокладыванию новых трасс, освоению Северного морского пути. Энтузиасты этого освоения становились героями, «знатными людьми страны Советов». Именами геологов, ученых, летчиков, штурманов — пионеров освоения Арктики запестрели страницы газет, ими называли детей. Появились такие экзотические имена — яркая примета времени — как Оюшминальд (Отто Юльевич Шмидт на льдине). Герои Арктики становились образцом для подражания и кумирами для подрастающего поколения. Не случайно престиж таких профессий как летчик, моряк был необычайно высок.

Происходили громадные сдвиги в духовной жизни советского общества и идеологии. Они отмечены нарастанием двух тенденций. С одной стороны, утверждением в обществе «сталинизма», т.е. марксизма-ленинизма в сталинской интерпретации, идеологии вождизма и культового сознания. С другой стороны, — усилением государственно-патриотических начал и соответствующим оформлением государственных традиций и символов, неразрывно связываемых с именем Сталина. Формировалось понятие новой социалистической Родины — СССР. Внедрялся тезис о всемерном укреплении социалистического государства, росте его экономической и оборонной мо-

щи. Подобные же тенденции находили отражение в литературе, искусстве, кино. Утверждалась помпезная живопись, архитектура, призванные прославлять мощь и величие державы и ее вождей в достаточно примитивной и натуралистической манере, доступной пока еще малоразвитому в культурном отношении населению. Большое внимание в идеологическом воспитании народа играли музыка, театр. Главное требование к ним — доступность. Особое внимание уделялось песням — мажорным, бодрым, величественным, лирическим. Они утверждали героикку гражданской войны, романтику будущей социалистического строительства, которые должны были быть на слуху у всех, особенно у молодежи, звучать повседневно и навязывать людям определенный образ действительности.

Все эти мероприятия со стороны руководства объяснялись стремлением к самоутверждению, к легимитизации своей власти в глазах народа. Возвращение к государственно-патриотическим устоям в какой-то мере способствовало консолидации общественного мнения в стране и примирению с режимом.

Несмотря на определенные позитивные перемены, в целом процессы оставались весьма противоречивыми, отражая всю сложность ситуации в стране. На этом фоне отчетливо прослеживается стремление власти выпятить позитивные тенденции, скрыть от общества свои провалы и неудачи, свой страх и неуверенность в будущем. Именно в это время средствами кино, литературы, массовой информации доводятся «до совершенства» внедряемые в массы идеи о Сталине как «отце нации», о заботе партии о людях, о счастливом детстве и вообще счастливой жизни в СССР.

Наиболее яркий пример — празднование 20-й годовщины Октябрьской революции. В связи с этим событием по инициативе М. Горького готовился пятитомный труд, показывающий итоги социалистического строительства и достижения СССР за 20 лет. При этом пятый том должен был называться «Взгляд в будущее» и содержать «научно обоснованные фантазии» общим объемом 40-50 печатных листов. Известно, что в 1936 г. состоялось несколько заседаний авторского коллектива, в ходе которых известнейшие ученые, деятели культуры и искусства, хозяйственники пытались описать что ждет в ближайшем будущем Европу и мир в целом. При этом писатель Киришон затеял целую дискуссию на тему: «Весь ли мир через 15-20 лет будет социалистическим или только одна Европа?»² Не менее любопытны оказались рассуждения о том, как будет выглядеть освоенный человечеством социалистический космос, Арктика, переделанное «по Мичурину» сельское хозяйство, а также — о питании будущего, архитектуре, театре, искусстве будущего, о покоренных природных богатствах и т.д. Так, известный деятель кино А. Довженко рассказал, что «путешествуя по Дальнему Востоку, много думал о его природе и пришел к заключению о необходимости ликвидации Татарского пролива», чтоб улучшить климат Приморья, превратив его в субтропики. Оказалось, что Довженко уже сообщил об этой идее во Владивостокский обком ВКП(б). Только одно обстоятельство его беспокоило: «если об этом написать, то ведь японцы встанут на дыбы». Говорилось также о будущем советских заключенных. Один из руководителей ГУЛАГа Фирин, в частности, сообщил, что непосредственным инициа-

тором строительства канала Москва-Волга и Беломорстроя был т.Сталин. «Он же примерно полтора года назад поставил задачу создания канала «Москва-Владивосток», — доверительно рассказал он, не уточнив, правда, столько для этого потребуется заключенных и хватит ли людских ресурсов, остающихся на свободе.

В том же ключе выстраивалась история советского государства и правящей партии. В общественное сознание внедрялась идея тождества марксизма-ленинизма и государственного патриотизма, олицетворяемого личностью Сталина. Писатели засели за сочинение исторических романов, раскрывающими эту идею. В этом духе создавалась новая концепция истории, важными вехами утверждения которой были «История фабрик и заводов (ИФЗ)», «История гражданской войны в СССР» (ИГВ) и — «Краткий курс истории ВКП(б)», которые сыграли огромную роль в навязывании нового образа истории и деформации исторического прошлого страны.

Преобразование исторического сознания общества во второй половине 1930-х годов — тема особого разговора. История и сверху и снизу перерабатывалась в крупном заводском или полузаводском масштабе. Нужно было сделать ее общедоступной и понятной для каждого, приобщить всех к осознанию величия происходящего, создать чувство сопричастности коллективной массы, возглавляемой вождем, к историческому творчеству. В этом ключе история упрощается и подается исключительно в черно-белом изображении. В одну кучу собираются все «враги» и «невыясненные», представляются как сторонники исторического идиотизма. Надо было изобразить «пустоту и скорбь капитализма и многолюдный социализм, где много молодости, бодрости и силы, где вздымаются стройки, клубится дым заводских труб, где на полях рокочут тракторы и движутся комбайны». Все труды, которые не совпадали с канонизированной версией революции и социалистического строительства, роли в ней партии, Ленина и Сталина, были изъяты из обращения. То, что было создано в СССР, представлялось закономерным результатом классовой борьбы в течение предшествующих столетий. На этой основе восстанавливалась преемственность до- и после-революционной истории. Было или не было в действительности то или иное событие — не имело особого значения. Нечто похожее имело место, и это главное. Такая история напоминала скорее психологическое внушение, и легко воспринималась неразвитыми и малограмотными людьми, порою сливаясь с народным мифотворчеством. Вот, например, письмо в «Крестьянскую газету» И.К.Карнюша:

1938 года месяца 10 30 дня

Писмо в крестьянска газеты товарищу урицкаму/ таварищ урицки душевна благодарю вам и доблеснаму нашему таварищу сталину за ваши такавья трудные заботы об нас крестьянях как доблесны наш таварищ сталин заботица о каждам челаевеки неутамима день и ноч чтоб кажды крестьянин бив озабочен толки сам а себе и штоб кажды крестьянин не мог даца другому дивирсанту в руки и сваи уси постановления передает табе таварищ урицки как вернаму сваему другу таварищ урицки штоб ты распрастранял на всем населенаи чрез крестьянскаю газету и учить вы чтоб мы усе были граматныя то заета я вам

100 раз душевна благодарю/ я уже старик 68 лет а чрез ваши крестьянския газеты научивса нескалька читат и писат толки и жалка што глаза патерялис.

Вот выписую я газету крестьянску не толки мне ахота ее читат а и прошу таварищ урицки штоб и маи какия годныя статейки будут вам присланы то штоб будут помещены в крестьянскаи газеты.

Вот в первых я пишу про старину как заступило царствования дома раманавых.

В первых кагда заступив михаил и сын его алексей ани царствовали [со] свайми баярами а давали пастанавления приказы и дерективы как абрацца с крестьянями и думают ани што выполняются ихния декреты что крестьяням живеца харашо/ адиножды едя алексей на маскве слыша ат людей што худа на свете/ тада алексей вызывая свайх баяр испрашуя скажится мне што такая худа на свети/ адни баяры сказали царю нападет [на] человека беднота вот и худа на свети/ а цар им атвечая эта бедствия челавека и каждый челаовек пережит может бедствия/ другия баяре гаварят нападет [на] человека нужда скотина упадет вот и худа/ он атвечая эта нужда челаовек переживет нужду и все может жит харашо/ третия баяры гаварили дом сгарит у челавека вот эта худа а цар им атвечая это горя челавека челаовек перегарюя и все может жит а худа никогда не может челаовек пережит.

Так с баяр ништо не атветив.

Тада алексей расклеив па маскве ахвишки хто бы ни наишовся скажат што такая худа на свети/ то гаршечник таргававши гаршками на рынку в маскве едя и видя расклеяны ахвишки хто бы наишовся скажат что такая худа на свети/ гаршечник взяв и падписав ахвишку/ я магу абъявит ваша царская величества што такая худа на свети падписав я гаршечник такойто/ послн праежая алексей па маскве видя ахвишка падписана гаршечникам/ он паехав на рынок гаршков спрашуя хто изволив маю ахвишку падписат/ гаршечник выходя я ваше царская величества/ ну скажи и што такая худа на свети/ то гаршечник царю сказава/ не адно худа а три/ первая худа худой сусед пападеца на свети/ ат его можно атселитца/ другая худа худая жена попадетца из ей можна разделитца а третия худый розум у челавека ат его некуда деваца/ вот у ваших баяр худый розум дак куда ани ат его денуца/ ане грабят мужиков а мужикам худа и жит.

Тепер скажим про гасударей. Заступив гасудар петра первый/ он уже гасударявав не с баярами а з министрами да с гиниралами/ захателас петру развит расею/ он как ездив по немецких царствах ему културнаст немецкая понравилас/ он взяв учителей из немецких гасударств для абразавани расеи с англии германии с храници итали и дав им власт распаряжаца всей расеяй.

Патом процарствавав он до 29 летняго возраста и усомнив какой же я гасудар што учителя правят всей расеяй а я цар он и вздумав как бы власт узят у свай руки/ он дает приказ штоб разделит войска на четыре части и сделат маневры хотя и с халастой оружия и будем сражаца ну хто каго заберет в пленто таго будя и власт/ вот ани вышли на маневры/ он думал што ане будут старца ваеват каждый себе а ани заадно все на адного петра и как прижали его к неви штоб он здався но он не здався а паставив строгаю дисциплину живым в руки не давалаца/ бросився в неву [со] свайм атрядам а па неви плыли платы/ он на платах вниз по неви праплыв всего неделю и вышав на сушу заграницу где были назначены маневры/ тада он падаждав ночи свайм отрядам к управичелным важным все высматрев наливая свайм салдатам у хляшки спирту и приказуя свайм салдатам/ идитя к цепи и напаите вес цеп дюпана а сами сматрится штоб у рот не брали/ салдаты так и зделали/ когда быв вес цеп пяны бес чувства тада петр свайми атрядами акружив вес [слово не ясно] и закричав/ здавай[тесь] вы в мене все в плену и мая власт.

Посли етих маневров он заболел и через три года он канчався а жена его екатерина* была совсем тонкая сухая два мужика не магли абхватит ее та не толки адала власт в руки рука вадящих органам но и в крепасную здала крестьян/ при крепасной зависимости крестьяни жили при гасударях сперва екатерины сын павел павлав сын александра и александривин сын никалай/ кагда завязалас вайна с французами в сивастополи никалай помер александр никалаевич взяв власт в сваи руки и зняв крепасную зависимасть и хатев атабрат землю и дат крестьянам его убили рукавадящи органы.

Тепер александра третий пражив якабы миратворец. Патом заступив никалай который скольки раз сабирал гасударственаю думу [три слова не ясно]/ гасударственая дума не састаялас/ и вот палучив в каприз што не табой нам дана власт и не табой снимица кагда он сам шов из сана наследства все сламав/ тепер вся старая правителства перевешена перестреляна. И доблесный наш таварищ ленин владимир илич сламав всю старую свору узав власт в сваи руки паставив партийных людей напасту и сколки не боровся за народ а все таки сканчав сваю жизн и переборот врагов не мог.

Тепер таварищ ленин аставляя вернага и истинага друга за нас бароца с дегерсантами и сказав нада устроит милионы и милионы камунистав тада можим идею жизн народа.

И вот наш доблесный таварищ сталин уже так крепка укрепив все кранты [краны] как пагранишныя так нутрения сваими вернами стахановскими камунистами и кажица нигде не далжно быт срыва. А ано сматри и ест.

Вот пример. Снова в сибирскай области куйбышевскага района епанешинскага сельсавета деревни константинавки в калхозу имени блюхир правадилас у тридцат васмом гаду абмалот хлеба урожайнаст 37 года/ можна сказат месяцы апрел май и етат абмалот хлеба не дан ни на трудадни и никуда а чиста его перехлейтавали [передержали] и сагнаили на ладошках** более 200 ух сот центерав рожки хлейтованай центерав 25 пиеницы — 50-сят а остальныи авес и ежали ета неверна то прислат паверит так я карнюш атвечаю [вплоть до] высших мер наказания.

Вот пример. Аб етам хлеби я написав статейку в редакцию стаханавку то ест в районау/ в районай газети отпечатавали што в калхозу блюхира в председателя мальцава амбары некрыты/ хлеба сагнило на ладошках более 200 х сот центерав и болши ничего/ будя хто за эти хлеб атвечат неизвесна.

Вахтарых уж малютят новыи убажай а з ладошак не убирают лежит на дажди.

Вахтарых у нас в канстантинавки устроена сельпо а в асталных деревнях сельсавета атделения/ то какой тавар привезут в сельпо то кагда зносят таво в лавку то его каждый видя а в прадажу паступая не вес а какая малая част ку да деецы неизвесна. А пачему так. А вот пачему. Кагда в у тридцат четвертам и пятам гаду быв цыбик заведущий фермы кирянок кузма быв предкалхоза егилский быв пред ревизионай камиси харкадин быв предсельсавета а децик быв заведущим райзом и эти субъекты чут толка не узорбили вес калхоз сколка я не боря с ними а ничего не смог сделать/ даже к вам в крестьянскаю редакцию абращався 2 ва раза/ ну все таки спасибо вам памагли/ кирянку дали 8 лет лишения свабоды егилскаму дали 5 лет лишения свабоды/ децик недапустя следствия утапився из мосту где и трупу его не нашла ведшая милиция на дапрос/ а цыбик астався правит также и харкадин астался правит/ калхоз красная заря он исправил и сейчас аправдався. Дак вот какие ведуца у нас полажении/ можна сказат ежали нелюбимага касаковскаго и децика внистожили а атколки ихния асталис и как же не будя суживат [судить] ежали доблесный наш таварищ сталин пиша так штоб его урожаю адно зерно не магло пагибнут зря а у нас и сотни центерав пагибая. На ета на все приежают полномоченья с района и смотрят както

странна/ даже камсамолская ячейка и та слепа ничего не видя/ нам харашо а болше нет. Толки и гаворят што калхозники не хатят работат. А вот рядом са мной убинский район там уже многа порядок лучи следят за всем многа дастойней труд работы многа радеи как райсполком и все калхозники и селсаветы также и камсамолцы словам руководящий райисполкома харош то и усе харашо.

Подписався Карнюш Иван Кирилович

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.97. Л.34-37(об). Подлинник. Рукопись.

* От Петра I автор сразу перескакивает к Екатерине II.

** Открытые утопанные глинистые площадки, на которые ссыпалось зерно во время сбора урожая.

Автор, как видно из письма, лишь недавно приобщившийся к грамоте, не знает ряда букв и правил грамматики. К тому же, видимо, белорус по национальности, судя по тому, как он записывал свое повествование, которое лишь местами отдаленно напоминает то, что было на самом деле, и больше похоже на народную сказку. Кое-где в тексте пришлось расставить разделительные знаки (/), чтобы выделить смысловые группы. Как видим, восприятие прошлого в письме явно размывается, приспособляется к навязанной сверху модели. Но, что примечательно, к этой донельзя спрямленной и примитивной версии событий, естественным образом присоединяются те, которые совсем недавно происходили в колхозе им. Блюхера, выстраиваясь в общее русло классовой борьбы с врагами народа. На этой основе формируется некое подобие новой социальной идентификации.

Приведем один эпизод, который хорошо показывает, как меняется историческое сознание людей во второй половине 1930-х годов. Он описывается в письме избача, рассказывающего о том, как происходило торжественное собрание, посвященное празднованию 21-ой годовщины Октябрьской революции. Письмо довольно длинное, и мы приводим из него лишь отдельные места. «6 ноября, — писал автор, — в колхозном клубе состоялось торжество. На нем присутствовали 112 человек, из них молодежи 32 человека, в том числе комсомольцев 21 чел., женщины 38, мужчин 42, в том числе стариков 13 человек.»³ Подобная «статистика» уже сама по себе говорит о многом. «В прениях, — продолжал автор, — выступил 62-летний старик участник гражданской войны Шуплецов Андрей Иванович. Душа его трепоскалась и сердце било грудь, в некоторых случаях слова его прерывались и среди колхозников стояла тишина, каждый со вниманием слушал его слова и каждый готов был сию минуту идти в бой защищать свою счастливую родину.»⁴ В отличие от прежних воспоминаний о гражданской войне рассказ старика был больше похож на откровенное вранье, насыщенное невероятными подвигами, утвердившимися к тому времени литературными и газетными штампами в изображении гражданской войны. Но ни у автора письма, ни у слушающей аудитории стариковские выдумки не вызвали сомнений. «Отправился я на войну в 1917 г. в ноябре месяце (!), — повествовал рассказчик, — распростился со своими домашними. Приезжая в Киров на станцию, пришел поп с большим кадилом раздувая им отпел

«Вечную память» всем солдатам. Тут у меня дрогнула душа и внезапно покатили слезы. Женщины падали в ноги попа и с ревом умоляя его чтобы ее муж или сын остался жив. Поезд погруженный красноармейцами пошел на Москву. В Москве нас разделили на дивизии и отряды, наш отряд направили в Саратов (!). Приезжая на место, нас отправили в школу. Отучились 5 дней всего, даже не научились мы стрелять... , как пошли частные разговоры между красноармейцами – завтра на фронт.»⁵ Далее автор выражал переживания по поводу того, что большинство красноармейцев не умело стрелять, но тем менее оказалось, что «назавтра в 1 час ночи мы уже были в первой линии окопов», а «противник еще молчал.»⁶ Потом следовал типичный антирелигиозный пассаж: «На рассвете к нашим окопам подошел поп, здравствуйте солдатня, воскликнул толстопузый. Один из красноармейцев сказал в ответ попу, у нас нет солдатни, у нас есть красноармейцы. Красноармейцы?? С хохотом поддержал толстопузый, какое новое слово я даже совсем не слышал. А не слышал то послушай, сказал наш командир Миродов.» Но в это время «издали разнесся голос какого-то человека», который просил: «Прочитайте такую молитву, чтобы от нас отпрядывали пули против противника. Красноармейцы не успели проговорить как с обеих сторон загрохали тяжелые орудия. Поп начал было какую-то молитву, не мог ее окончить, как обернулся кверху животом вместе с атаманским заговором.»⁷ После этого рассказ пошел буквально по известному фильму «Чапаев». Описывалась психическая атака на красных белых колонн, но пулеметчик Ходыкин не стрелял до последнего, а затем «от пуль Ходыкина ни один человек убежать не мог.» Но командира «Миронова убили, и мне, – говорил выступавший, – пришлось взять командование на себя. 8 месяцев воевал отряд под моим руководством.»⁸ Далее рассказ стал совсем невразумительным и бессвязным. Оказалось, что отряд все же был разбит и взят в плен. После этого в соответствии с популярной песней «Орленок» вводился персонаж комсомольца Кошегова, который, несмотря на то, что над ним глумились, «пытали как собаку», не «выдал военную тайну.»⁹ (Не менее популярный образ сказочного Мальчиша-Кибальчиша в повести А.Гайдара «Военная тайна»). Далее описывалась организация побега, как из бежавших Шуплецов сформировал летучий разведывательный отряд, который «удачно распутывал тайности белогвардейцев.»¹⁰ Тут, видимо, рассказчик совсем заврался. «Слово его прервалось, – отмечал автор письма, – по залу клуба прокатилась мертвая тишина. Старик Шуплецов уже пошел со сцены. После маленькой паузы по залу прокатилось громкое хлопанье рук колхозников. Все колхозники обратились к лицу 21-ой годовщины Октября.»¹¹

Подобное мифотворчество становится знаменем времени. Между тем реально пережитое за все эти годы не исчезает, переходит на уровень подсознания и проявляется подчас совсем в неожиданных ситуациях. Об этом ярко свидетельствует один клинический случай, записанный в Воронежском медицинском институте:

Случай 14. Больной 3., 45 лет.

Доставлен с вокзала в 4 часа утра из приемного покоя.

С алкоголем впервые познакомился в 20 лет. Пил изредка. Усилилось пьянство приблизительно лет с 36-37.

Последние недели провел в Москве, где гостил у брата и пытался устроиться на работу. Перед отъездом из Москвы 4 дня подряд пил (до одного литра в сутки). Плохо спал, нерегулярно питался. На вокзале у него украли чемодан с вещами. Имея несколько рублей, больной отправился в путь. Надеялся в Воронеже устроиться на работу, рассчитывая на помощь старых друзей. В своих расчетах ошибся: приехав 27 сентября в Воронеж, друзей не застал, 4 дня находился на вокзале. Физически чувствовал себя плохо, очень ослабел. 4 ночи вовсе не спал. Ел за это время очень мало.

В ночь на 1 октября больного стал одолевать необыкновенный страх; пробегали, суетились пассажиры, создалась атмосфера сутолоки. Стало казаться, что в зал проникают какие-то агенты. Они являлись одетыми то в форму моряков, то суетливо пробегали одетые в штатскую одежду. Всех их, однако, больной безошибочно узнавал по поднятым воротникам, в которые они пытались прятать свои лица. Вскоре больной услышал (среди шума) разговор; прислушался. Речь шла о расстреле молодой женщины и старика-пассажира. На расстреле настаивал агент, просил начальника вокзала обставить дело так, чтобы не было излишней паники; последний обещал подать к перрону паровозы (паровозные гудки заглушат выстрелы). Через несколько минут раздался тревожный рев паровозных гудков. Больному удалось сквозь шум и гам услышать три выстрела. Гам и хаос нарастали; люди собирались толпами и кричали. В углу больной заметил нечто, прикрытое лошадиной попоной, решил, что это трупы расстрелянных пассажиров. Люди кругом говорили хором; оглушенный криками больной не мог ничего понять. Также не мог проникнуть в смысл знаков и сигналов, которые ему подавали пассажиры. Вскоре увидел перед собою «агента». Последний пронзительно крикнул: «Берите его, мы ему покажем». Агент угрожал больному наганом, из дула которого струился красный дымок; собравшись с последними силами, обуреваемый страхом больной вскочил на стол, молил о пощаде и звал окружающих на помощь. При удержании оказал резкое сопротивление, после чего, уступая силе, был доставлен в клинику.

Все заболевание таким образом завершилось в течение 3-4 часов.

С.Г.Жислин. Об алкогольных расстройствах: клинические исследования.
Воронеж, 1935. С.113-114.

В фантазмагорической картине, возникшей в горячечном пьяном бреду, легко узнаются сцены, напоминающие прошлое, которые никогда бы не возникли в иных исторических обстоятельствах. Семена страха, жизни на волосок от гибели, отчаяния и паники, посеянные в годы гражданской войны, постоянно произрастали в подсознании. Обратим внимание, как образ «агентов», т. е. чекистов, воспроизводится в нем в качестве грубой, безжалостной и иррациональной силы.

В 1938 г. вышел «Краткий курс истории ВКП(б)» — разработанная и уложенная в определенные рамки концепция исторического процесса, ставшая «священной книгой» сталинского социализма. Со времени публикации в «Правде» первых глав в сентябре 1938 г. началась активная и повсеместная проработка курса. Партия, комсомол, все трудящиеся получали наглядное пособие, как нужно бороться и строить социализм, как нужно

бить «врагов народа». К проработке курса активно привлекались «активные» участники революции и гражданской войны. Среди таковых оказался старик П.П.Загуменнов, который радостно и не без корысти откликнулся на этот призыв, о чем свидетельствует его письмо в «Крестьянскую газету», которое мы вынуждены опубликовать без всякого вмешательства с нашей стороны:

От 15 ноября 38 г. в редакцию в. поляны в полянскую правду от Загуменнова Петра Прохорыча де. ст. пандерки Асиперско. сельсовета вятско полянского района от вет редакции Крестьянской газеты на ваше обращение ко мне от 3 ноября 38 г. означение новой книги по истории всесоюзной коммунистической партии большевиков. Значение той истории нашей партии очень велико то нам рассказал пропагандист селиванов иван иванныч в котором кружке я нахожусь по истории ВКП(б) по изучению нового учебника у нас проходило три занятия из них мне пришлось побывать на одном где на меня произвело громатное впечатление той борьба которую прошла наша коммунистическая партия изучая эту книгу истории вкп(б) мы еще быстрее ликвидируем недостатки во всех отраслях нашего народного хозяйства особенно в сель хозяйстве у нас сейчас очень много недостатков в сель хозяйстве где я живу в колхозе у нас название колхозу красный колос Асиперского сельсо. вят. полянского района. Какие недостатки в нашем колхозе пясневского руководители очень много неубрано хлеба с поля которой сгнили от дождей сгноили все корма в 1938 году как ржению солому и яровую и все грубые корма вкабынах пшеницу разворачивали речегами делят пшеницу натрудодни хорошей 150 грам и гнилой дают 150 грам. А ржи всего дали 500 грам и все обещали натрудоден денгами 2 р. 40 ко. А дали всего 40 ко. в корне оманули колхозников к сему по. Загуменнов Петр Прох.

Однако на этом письмо не закончилось, видимо, до его отправки Петр Прохорович успел еще приобщиться к политическому образованию и агитации, после чего продолжил свойopus:

я еще выслушал на занятии читки истории новой книги в асиперском сельсовете шла проработка нар судей В. участка кузнецовым я выслушал из книги новой истории вкп(б)

выйдя в свет такое важное постановление цк об изучение истории ВКП(б) можно только приветсвоат и благодарит партию и правителство и лично то. Сталина за издание такого документа как история ВКП(б). Я старик уж 70 лет малогромоной считаю что без изучения такого важного документа как история ВКП(б) невозможно управят ни в одном учереждеии читая учебник истории видно что все написаное в нем можно приминит во всякой отрасли в работе потому я 70 летний старик предлагаю всем изучит этот учебник знат его каждому партийному и беспартийному рабочему служащему, колхознику и не колхознику. Выучит этот учебник у нас не будет никакой извращений в работе я старик обезуюс заучит его начиная по первой группе рекомендованного в постановлении партии об изучении истории, а затем перейду и вовторую и в третью группу и вызываю всех остальных стариков моего возраста последоват моему примеру. дорогие редакторы мне свами хочется познакомиться прошу мой привет передат дорогому нашему сталину и калинину горячий привет через газету я пензеонер присибе детей нет двоим живом со старухой получаем в месяц 25 ру но всетаки мало нам на подержание старости нельзя через вас увеличит еще на есколько я вам опишу свою идею я Загуменнов Петр прохорович 70 лет жене тоже 70 лет детей при сибе нет колхозники Организаторы колхоза я пошел по ступеням с 1918 года был избран в первые советы когда привезли влас в нашу волось

...[слово неясно] из города малмыжа красноар. епутаты я был выбран в камисию избират влас советов чтобы не залес кулак выбирали из чистой бедноты боролся скулачесвом ливизировали как клас 1919 году надвинулся на нашу меснос Колчек Адмирал кулаки все вышли наборбу всех выказали советских работников и наш состав власти я был председател бедноты нас кулаки предали на рострел 5 человек сидели в карателном отряде 3 суток но всеже нас лесничий застоял вместо пули нам влили по 50 розок в задницу и у мене всю взяли одожу скот и все семена и забрали моего сына как у комуниста сыну было 18 лет но сын всеже вырвался из рук полочей но я поклялся мстит досамой смерти будем корчеват врагов и склат под зеленую ел у нас были в колхозе такие мы нашли и дали им статью 58 пункт 10*, 58 пу 8** Загуменновы братья заслужили по 8 лет и поражение в правах 2 года

дорогие редакторы неизвините миня что я плохо написал но все же прошу ответит что будет зделано вами но я извнисяюс долго ответу не давал таких занятий ретко были еще я вам скажу кода к нам приезжал епутат т солодилов мине доверили проводит митинг еще мине хочетса узнат как вы узнали про мине старика Активиста скажыте или же вам указала полянская газета

РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.26. Л.545-547(об). Подлинник. Рукопись.

* Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению советской власти или совершению отдельных контрреволюционных преступлений.

** Совершение террористических актов, направленных против представителей советской власти.

То, что старик совершенно неграмотный и не может даже как-то связно изложить свои мысли, в данном случае не имело никакого значения. Нужно было на «живых примерах» показать правоту исторического дела, чтобы не только коммунисты, но и кадры советские, хозяйственные, учащаяся молодежь и особенно те, кто имеет отношение к управлению государством твердо усвоили «аксиомы большевизма». Чему и как учил пример П.П.Загуменнова, хорошо запомнившего свою «поротую задницу», — очевидно из приводимого письма.

Подобные настроения сыграли немалую роль в развязывании массовых репрессий, создании для них соответствующей общественной атмосферы. «Ежовщина» не приобрела бы столь катастрофических масштабов, если бы ее бациллы не попали на подготовленную и хорошо удобренную почву. Известно, сколь долго и трудно прививаются в массовом сознании позитивные явления и как быстро и легко воспроизводятся, особенно на бытовом уровне, низменные инстинкты. В советском обществе на эту закономерность наложились многочисленные болезни прошлого, усугубив ее в десятки и сотни раз. (Первая мировая, гражданская война, коллективизация и раскулачивание, преследование левых, правых, троцкистов и др. с соответствующим полувоенным мировосприятием).

Развязанная разнузданная и крикливая кампания по выявлению и уничтожению врагов народа получила сходство с временами разжигания «охоты на ведьм», свидетельствовавшими о значительных аномалиях в развитии общества. Получился своеобразный резонанс, который пришелся как раз на вторую половину 1930-х годов. Сказались и периодически проводимые «чистки» партии и аппарата, и преследования по социальным и политическим мотивам, и поощрение доноительства, явного и тайного, и по-

стоянные проработки людей по поводу недостатков, искривлений партийной линии, и организованные ранее «показательные» процессы, и постоянный соблазн применить к «несознательным членам общества», наряду с убеждением и воспитанием, пропагандой и агитацией, методы принуждения и насилия, причислить их к врагам существующего строя, а значит и народа. Со своими противниками у советской власти со времен гражданской войны разговор был вообще короткий — пуля в затылок или широко распахнутые для них двери тюрем и лагерей. Таким образом, если в целом «ежовщина» представляла небывалое прежде явление, то все ее компоненты уже просматривались в исторической ретроспективе.

И все же, почему же все-таки массовый террор пришелся именно на 1937 г. и чем объясняется его повсеместный характер? На то был свой комплекс причин, не в последнюю очередь связанный с провозглашением построения социализма в стране. Среди причин экономического характера следует назвать существование постоянных трудностей на производстве и в быту, провалы на различных участках, которых в «социалистическом обществе», казалось бы, не должно быть, сгладить нарастающую напряженность и раздражение, противоречие между тем, что было обещано, и тем, что было в действительности. Беды и неудачи надо было списать на козни подрывных элементов, на предателей, изменивших делу социализма. Постаралась массивированная пропаганда. Многочисленные трудности и противоречия вылились в идею вражеского окружения, шпиономании, необходимости выявления и уничтожения врагов народа, объявления людей таковыми по малейшему поводу.

Следует учесть, что закрепление в Конституции 1936 г. всеобщего избирательного права, свободы вероисповедания, равенства всех форм собственности (пусть даже на бумаге) вызвало далеко не однозначную реакцию в обществе, как и амнистия 1935 г. в отношении высланных кулаков. Многие воинствующие атеисты, активисты коллективизации и раскулачивания, рабочие восприняли это как плевок в свой адрес и жаждали реванша, чтобы расправиться с «недобитыми буржуями».

Сложные процессы происходили в рабочей среде, что доказали факты преследования стахановцев. В центре и на местах активно шел процесс формирования советской номенклатуры, быстро перенимавшей забытые, было, барские привычки. Особое неприятие вызывали жены ответственных работников, часто не работавшие, имевшие прислугу и стремившиеся копировать манеру одеваться, наряжаться и поведение барынь из полузабытого дореволюционного мира. Не случайно шли разговоры о появлении новой, «советской буржуазии». Все эти факторы часто настолько переплетались, что создавали в сумме целый комплекс проблем. Под политические подводились обычные уголовные преступления.

О том, как это делалось, рассказывают, например, сохранившиеся в архивных документах заявления в «Крестьянскую газету» путевого обходчика С.Мухартова, написанные от руки крупным каллиграфическим почерком, но с большим количеством ошибок, с кое-где сохранившимся старым правописанием. Почти после каждого слова стоят точки или запятые, которые, по мере надобности, приходилось убирать, дабы не затруднять чтение. Первое заявление относится к апрелю 1936 г.:

Эскиз к панно П.Ефанова «Знатные люди Страны Советов».

Изучение «Краткого курса истории ВКП(б)».

Заявление

Прошу представителей крестьянской газеты выехать на место положения, разобрать и причинить свой справедливый и показательный Пролетарский суд над бандитом Николаем Степановичем Рудоченковым, бывшаго воспитателем детского дома, и его укрывателей, как Гособвинителя и нарследователя тов.Козопольянского, и нарсуды тов.Вакатова, и главного виновника тов.Владимира Барвина — делектора [директора] этой школы по делу обвинению погибшей на своем важном посту мученической смертью Учицьльницы и Камсомолки Галины Григорьевны Мухартовой от злодея и бандита Николая Степановича Рудоченкова. Учицьльница и камсомолка Галина Мухартова, родом из бедной Пролетарской колхозной семьи, дватцати двух лет, учительствовола четвертый год в Начальн. Средней [неполной средней] успенской школы Калининской области Ржевского рика Луначарского сельсовета. Дело произошло так. Заступая на пост в сентябре месяце 1935 года, Галина Мухартова как рас к своему великому несчастью и была встретевши с этим Рудоченковым, который был здесь Воспитателем детского дома, не знаю кем был поставлен на пост. Ему 24ре года, уроженец Города Таганрога азов черноморского края. И вот с первых дней своей встречи этот Рудоченков с хулиганской выходкой и нахальством начал предлагать свою любовь и всячески уговаривал ее вступить с ним в Брак. Но Галина Григорьевна Мухартова, будучи умной, скромной девицей, и предвидя в Рудоченкове непорядочного и не путевого в будущем мужа, на все это ответила отказом и покончила с ним всякое знакомство. Но Рудоченков этим не успокоился. Будучи от природы хулиганом, он не отставал от Мухартовой. Он часто врывался в ее комнату и наносил ей всякие оскорбления и даже побои, что и подтвердила на суде свидетельница и учительница Березнекова, ее подруга, жившая с ней в одной комнате. Галина Мухартова пробовала жаловатца на все эти дерзости делектору школы Владимиру Барвину и просила перевести ее в другую школу, так как ей не дает житья Рудоченков, но делектор Барвин не обратил на это никакого внимания, а Рудоченков в это время начал грозить ей убийством, если она не хочет выйти за него замуш. Видя, что дело опасное, Галина Мухартова решила сама лично итти в районо пожаловатца на Рудоченкова. Узнав об этом, Рудоченков решил ей жестоко отомстить. И вот 9 марта 1936 года Рудоченков, умываясь в присутствии жены делектора Барвина, сказал, как Барвина в качестве свидетельницы на суде поясняла сама, что он сказал, что я сегодня решил конкретно, но к чему он так сказал, она точно не поняла, и еще Рудоченков сказал в присутствии счетовода, что у нас будут сегодня два трупа. И вот 9 марта в 9 часов утра 1936 год, когда Галина Мухартова собиралась итти на занятие, в ее комнату внезапно взошел Рудоченков и совершил свой злодейский умысел. Он злодейски задушил и удавил ее на полу, так как в петли ее никто не видал, и дал пример, что она повесилась сама, якобы она была заперта изнутри и, узнав, что она повесивши, он взял нож и стаместку и, открыв стаместкой дверь один, перерезал палатенце, на котором висела Мухартова, и снял ее с петли и бросился к медийннки Силановой и, схватив какое-то лекарство, побежали делать искусственное дыхание. И когда Силанова первая взошла в комнату, то Мухартова лежала на полу, а злодей сказал также Силановой, что, если она скажет что нибуть, я убью тебя. Это подтверждала Силанова сама на суде. И вот, Представители крестьянской газеты, если Мухартова была заперта изнутри и повесивши, имел ли право Рудоченков один входить в комнату и сымать ее с петли, который лично грозил ее убить, а, судя по этому, убийца был на лицо и к нему оставалось только приминить справедливый Пролетарский Суд. Но дело оказалось иначе, Пролетарский суд смазал это дело. Одинадцатого Апреля 1936 года разбирал это дело в открытом заседании Ржевский Нарсуд Председательствующего товарища Вакатова и Гособвинителя и следо-

вателя товарища Козополянского не признал нас потерпевшей стороной, мать Федосью Гурьянову и братьев Александра Мухартова и Степана Мухартова. Он не дал нам на суде слова. Мать была на суде в качестве свидетельницы, но ее слова были вопиющего в пустыни, а когда я, Степан Мухартов, попросил слова, то меня товарищ Вакатов оштрафовал на 30 руб. и выгнал из суда. Товарищ Козополянский и товарищ Вакатов всеми силами стремились опровергнуть Рудоченкова, несмотря на то что он путался в своем показании. Она даже в присутствии суда учили его, как говорить, и давали ему понять, что могут его опровергнуть. Но благодаря самого Рудоченкова, который в присутствии всех доказал, что Галина Мухартова действительно повесилась через меня, я ее довел до этого и заранее знал, что она повесится, и только по этому его оправдать было никак нельзя и ему дали четыре года лишения свободы с отбытием в трудовых колониях. Нам, потерпевшей стороне, копию [постановления суда] не хотели давать, но видя, что мы настойчиво требуем, они дали нам копию, но убийство прикрыли самоубийством и по этому совершили преступление перед всей Пролетарской общественностью. Она за вино притупили свою классовую бдительность, а по этому, руководствуясь вашего справедливого суда, как вы применили свой справедливый суд 1935 год, не знаю, кокого месяца, над убийцами селькора Белаго заведующим сельпо Фастом и Нач. милиции Кружкиным, а по этому мы просим представителей Крестьянской Газеты не отсылать наше дело ни в какую прокуратуру, иначе мы также будем жертвой, как пала наша сестра и дочь Галина Мухартова на своем славном посту, на котором несла свет и культуру будущему молодому поколению, а по этому просим вас из глубины души услышать наш голос и взять под свой контроль и разобрать полетическое бандитское дело, которое мы только доверяем вам как самому честному и справедливому Оргону советской власти и просим лично выехать на место положения и Приминить свой Пролетарский суд и дать виновникам по за слугам. К сему и подписуемся. Брат Степан Мухартов. За неграмотную мать Федосью расписалась дочь Анастасия Мухартова.

Наш адрес: город Ржев Калининской области Ржевского рика Луначарского сельсовета, есиновский полустанок, деревня Власово.

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.41. Л.141-145(об). Подлинник. Рукопись.

Горе несчастной семьи в связи с гибелью дочери понять можно. Совершенно очевидна и уголовный характер дела. Кажется, что решение Ржевского народного суда было оправданным, тем более, что обвиняемый признал, что именно его действия привели к самоубийству молодой учительницы, за что получил 4 года лишения свободы. Однако семье Мухартовых этого показалось мало, и чтобы добиться большего они стараются придать делу политическую окраску, причем главным объектом нападок становятся уже не столько обвиняемый, сколько директор школы, следователь, судья и т.п. как «враги народа». Об этом ярко свидетельствует второе заявление:

Заявление

1936 год 17 мая

еще рас прошу Представителей рабочей крестьянской газеты разобрать в срочном порядке уголовное полетическое дело по поводу злодейского убийства учицельницы Галины Мухартовой, о котором я вам заявлял в письме, которое вы получили 26го Апреля 1936 год. От вас я ответ получил 29го Апреля, в котором вы мне сообщили, что дело передано на разследование. Но прошло уже три недели и нам ничего неизвестно, а враги советской власти, как нар. Следователь Козополянский и нар. Судья Вакатов, и делектор Барвин торжествуют свою злодейскую победу. Она твердо уверены, что нам, темным калхозникам, правосу-

дия не найти, и по этому она безбоязненно творят Преступления. Когда нами была передана ихняя копия в Калининский суд, она была подходящая, то она после, наверно, хватились, что дали не ладно, и, когда мать 28го апреля 1936 год выехала в Калининский суд, то этой копии на суде не оказалось, а взамен совершенно другие, вымышленные какието показания. В Копие было сказано, что Рудоченков снимал из петли Мухартову один, а в Калининских бумагах уже снимал Мухартову с петли вдвоем с Силановой. Когда мать выслушала всю эту не лепость и сказала, что это все ложь, и, горько плача перед судом, сказала, что доказательство есть, что дочь ея была убита средь бела дня на посту, но правосудия не найдешь, тогда Калининский суд не стал разбирать это дело и оставил его без последствия в старых рамках. И вот, рабоче крестьянская власт, тут все ясно. Мало того, что враги смазали дело в Ржеве, они подсунули фальшивые бумаги и в Калинин, а по этому я, Мухартов, и предаю в ваше правосудие этих трех малатцов как изменников и врагов советской власти Нарследователя Козаполянского, Нарсудью Вакатова и делектора Барвина, и Прошу рабоче Крестьянскаю власт, как получите мое это письмо, немедленно снять с работы этих бандитов и сурово покарать Пролетарским судом за то, что эти Бандиты не нанасили свои удары в самое сердце революции. Она позанили своими лжывыми устами почетное име Республики, называя его именем Российской социалестической федеративной Советской Республикой, а сами его только позорили, а по этому и Прошу и Требую немедленно, как только получите мое это Грозное письмо, не откладат ни на один день это дело, выслать военный рев. трибунал и сурово наказать зорвавшихся врагов советской власти, которые думают, что дело покончено и оне преспокойно пьянствуют. Мать должна получить тысячу штрафовки, но делектор Барвин, наверно, ее пропил со Следователем, у нас доказательства найдутца и свидетели найдутца, так что враги будут уличены в своем Преступлении. Дело остается только за приездом справедливого Грозного Судии. Будем ожидать немедленно и за все ниже изложенное ручаемся и отвечаем своими головами. К сему подписи: Степан Мухартов. За неграмотную мать Федосью расписалась Ан. Мухартова.

Еще Представители рабоче крестьянской газеты краткая биография моей жизни. Я, гражданин Степан Мухартов, из бедной пролетарской семьи, так же как погибшая моя сестра Галина Мухартова. Мне 40 лет. В настоящее время я нахожусь на службе путевым обхотчиком при станции Есиповской 1 километр от своей деревни. В 1919том году я на фронте против калчака охотно отдавал за советскаю власт свою жизнь и Пролил кровь, будучи ранен. После выздоровления я был на востании в смоленской Губернии и там мы с честью выполнили свой долг. Теперь, товарищи рабоче Крестьянская власт, когда свершилось на моих глазах такое злодеяние и Следовател и нарсудья смазали и загладили все дело, я до глубины души возмущен таким поведением этих людей. Эти люди, пользуяс доверием советской власти, открыто вступили на путь контр революции. Они твердо были уверены в том, что ни один колхозник не посмеет на них на писать того, чего написал на них я, Мухартов, ибо оне напали на человека с открытой душой, который за правое дело готов умереть перед Пролетарским судом и советской властью, лишь бы только враги были найдены и наказаны. К сему подписываюсь Мухартов, дайте ответ, выедети или нет.

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.41. Л.152-154(об). Подлинник. Рукопись.

Почти год заявления лежали без движения и каких-либо последствий. Однако наступил 1937 г. и дело Г.Мухартовой снова привлекло внимание редакции. 5 апреля 1937 г. в адрес прокурора РСФСР (копия в ЦК ВЛКСМ) было направлено письмо следующего содержания:

Направляем Вам переписку по делу об убийстве комсомолки-учительницы Мухартовой Галины Григорьевны. Мы считаем, что дело это является не только уголовным, но и политическим. По имеющимся в распоряжении «Крестьянской газеты» материалам можно судить, что дело это осталось далеко не обследованным и виновные в трагической гибели комсомолки Мухартовой остались не выявленными и не привлеченными к законной ответственности.*

Просим Вас истребовать это дело через прокурора Калининской области и пересмотреть его в порядке надзора, так как Калининская Областная Прокуратура, по нашему мнению, недостаточно внимательно отнеслась к этому делу и из ее поля зрения совершенно ускользнули политические моменты этого дела и косвенные виновники гибели Мухартовой.

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.41. Л.148. Заверенная копия. Машинопись.

* Были сделаны копии с писем, которые однако не полностью передавали их содержание. Например, требования к «Крестьянской газете» опускались, искажались особенности языка и стиля.

Получилась ситуация, чем-то напоминающая известную историю о том, как рабочий судья, прочитав дело о названии сволочью государственного служащего перед лицом интересующегося народа, вдруг дал свое заключение: ответчицу оправдать, а истца-служащего признать действительной сволочью и предать наказанию как неугодную личность. Ответчицу же пригласили приходить еще, чтобы выявлять такие элементы.

«Ежовщина» надолго останется одним из самых страшных в отечественной и мировой истории явлением, когда в невероятной спешке руководимые Ежовым органы НКВД, в соответствии с указаниями Сталина, «наверстывали упущенное за предыдущие 4 года». Десятки тысяч ни в чем не повинных людей оказались уничтоженными по надуманным обвинениям и сфальсифицированным процессам. С 1937 г. психологическая обстановка в стране резко меняется, поскольку угроза ареста себя и близких подавляет чувства, создает атмосферу психоза, подозрительности. Словно пожар, репрессии, касаясь поначалу небольшого круга лиц, охватывали все большее число людей. Подобно тому как проводились кампании по обсуждению конституции, выборам в Верховный Совет, успешной уборке урожая, заготовке кормов и т.п., велась кампания по выявлению и разоблачению врагов народа. Устанавливались даже квоты на то, сколько их должно быть выявлено в пределах той или иной территории. Развертывалось своего рода соревнование, кто больше разоблачит, кто больше проявит бдительности. Руководители, отстраняющиеся от этой кампании, сами рисковали оказаться в числе репрессированных. Тем не менее в ряде мест она протекала довольно вяло. В этих условиях инициатива переходила к аппарату НКВД. Из центра на периферию направлялись специальные уполномоченные вместе с сотрудниками НКВД, чтобы «выкурить и разорить гнезда троцкистско-фашистских клопов». Инициированная руководством кампания быстро вышла из под контроля и захлестнула общество. Досталось, как говорят, «всем сестрам по серьгам». Яростная и безжалостная машина репрессий в обстановке массового психоза и истерии была зачастую, не разбирая правого и виноватого, оставляя кровавые следы во всех общественных страдах

и группах. Руководители всех уровней становились уязвимыми для критики как и сверху, так и снизу. Но и рядовые члены партии не могли чувствовать себя в безопасности, по мере того как разгоралась кампания и настраивала людей друг против друга. С этой точки зрения «ежовщина» представляла собой радикальную и истерическую реакцию на рост бюрократизма, злоупотреблений, некомпетентность и другие огрехи созданной системы. В волнах развязанных репрессий смешалось многое: хаос в управлении, волокита, бестолковость, ненависть к начальникам, допускающим злоупотребления и произвол, наивные надежды на то, что суровыми мерами можно радикально исправить ситуацию, облегчить свое горе и нужду. Отсутствие правдивой информации сопровождалось таинственностью и неизвестностью происшедшего наверху. Срабатывали примитивные штампы вроде «нет дыма без огня», «зря у нас не сажают», вносящие свою лепту в натужный и поддельный энтузиазм в кампании по выявлению и разоблачению врагов народа, граничивший с кликушеством. Немалую роль играли, как выясняется сегодня, и шкурные интересы, сведений личных счетов, стремление продвинуться по службе и занять место оклеветанного коллеги, получить привилегии, занять освобождаемую жилплощадь и пр.

Многие сферы общественной жизни оказались парализованными. Поиски «врагов народа», шпионов приобретают подчас маниакальный характер, а «героями эпохи» становятся «верные псы» режима, «бдительные» граждане и просто те, кто не брезговал делать карьеру на чужом горе.

Типичная ситуация сложилась в Объединении государственных издательств (ОГИЗе), куда в ноябре 1937 г. для «наведения порядка» ЦК ВКП(б) направил руководителем П.Ф.Юдина. Роль П.Ф.Юдина в истории еще ждет своего исследователя. Начав карьеру в 1920-х и закончив в 1960-е, он везде оставил после себя «заметный след». Ничем не отличавшийся от сверстников, студент Института философии ИКП сделал головокружительную карьеру на беспощадной борьбе с «немарксистскими философами». Получив назначение в ОГИЗ, он поспешил оправдать доверие.

10 ноября 1937 г., через несколько дней после назначения, он собрал совещание, на котором заявил, что вся система ОГИЗа, начиная с Главного управления и кончая издательствами, — «засорена до последней степени». «Это троцкистско-бухаринские, кадетские, эсеровские, меньшевистские, бундовские, немецко-японские, все, что хотите, но не советские организации, — говорил Юдин. — Здесь годами сидели предатели, шпионы, начиная с Халатова, Томского, Брона и Быкова, а по издательствам сидели другие враги: Вихирев (Учпедгиз), Лазьян (Соцэкгиз), Бела Кун, Тардый, Михайлов (Сельхозгиз)». Огорошенные столь энергичным началом, руководители структурных подразделений ОГИЗа пытались робко возразить, но получили суровую отповедь: «Политическое положение определяется тем, — говорил Юдин, — чтобы ни одна сволочь не имела возможности спрятаться в учреждении... А если у вас сволочь на сволочи сидит и сволочью погоняет, то после этого говорить, что политическое положение благополучно — неправильно». Больше часа философ и будущий дипломат (в 1950-е годы — посол СССР в Китае) П.Ф.Юдин упражнялся в «великом и могучем русском языке», обливал грязью с ног до головы ни в чем не повинных людей.

«Сволочь на сволочи сидит, — повторял он свое, видимо, любимое выражение. — Тут был Ерофеев. Он пришел ко мне жаловаться, что с ним неправильно поступили, что его исключили из партии. Я сказал: «Вы честный человек, давно сидите в полиграфии, напишите и покажите непорядки». И он написал. Сукин сын, мерзавец первоклассный, даже в официальном документе он оправдывал Томского и Брона, утверждает, что вредительство не велось Сукин сын Ерофеев. Не понимаю, почему он еще может писать записки?...

Вот Мельман — это холуй Томского, заведовал Домом отдыха... Когда застрелился сукин сын — Томский, он на могилу к нему посылал цветы... Его на 100 верст нельзя подпускать близко к издательскому делу... А сам Быков, который был здесь заместителем Брона? Это проходимец из проходимцев. Мы его с собрания из этой комнаты, отобрав партбилет, повезли в тюрьму».

Юдин потребовал «выгнать, выжечь каленым железом всякую сволочь и нечисть» из системы ОГИЗа. Через три дня руководителям структурных подразделений надлежало представить «списки людей, бывших во всяких партиях и оппозициях, исключенных из партии, людей, приехавших из-за границы, иностранцев, хотя бы они живут в Союзе 15 лет, людей, бывших в ссылке... Зав. производственной частью пусть дадут сведения о серьезных политических опечатках..., это покажет контрреволюционную работу...»

Большую помощь Юдину оказала заведующая отделом кадров ОГИЗа Каргина. Поддержав тональность выступлений начальника, она на совещании 1 декабря 1937 г. обрушилась на заведующих издательствами, которые «не занимались и до сих пор не занимаются своим личным составом...».

«Относительно «Истории гражданской войны». Там было вот какое положение, — говорила Каргина. — Одно время там кадровиком был Губернаторов; под влиянием т. Минца он ни за что не хотел заниматься кадрами... Я трепала его на куски (!) и в конце концов я добилась, что Губернаторов стал заниматься кадрами. Я считаю, т. Минц, что Вам и сейчас нужно обратить внимание (на кадры). Это неспроста, что у Вас 14 человек арестованных.

По «Истории фабрик и заводов». Т. Рудой, кадрами ты не занимался, ты не хочешь иметь кадровика. Почему? Имей в виду, что завиздательством в 1-ю очередь должен заниматься вопросом о кадрах, — наставляла Рудого Каргина, — чтобы под рукой у него был кадровик, который бы тряс личный состав, а то из «Истории гражданской войны» к тебе перешли плохие кадры...»

Согласимся, что все эти наставления звучали как еле прикрытые угрозы. Час триумфа Юдина приближался. «Вражье гнездо» в ОГИЗе было ликвидировано.¹²

Пример ОГИЗа — далеко не единственный. Источники свидетельствуют, что подобная ситуация была достаточно распространенной. Стремясь перестраховаться, многие администраторы увольняли вопреки законодательству «подозрительных», с их точки зрения, лиц. В качестве примера можно привести историю с массовыми увольнениями специалистов из научно-учебных заведений системы Наркомздрава УССР. В докладной записке (ноябрь 1937 г.) на имя секретарей ЦК ВКП(б) Андреева, Жданова и Ежова зам. зав отделом школ ЦК ВКП(б) — будущий «школьный министр» Каиров сообщал:

В октябре месяце с.г. в Отдел школ ЦК ВКП(б) поступило заявление от профессора Киевского мединститута Крупского с жалобой на то, что он снят с работы за то, что лечил семью Любченко, впоследствии разоблаченного врага народа.*

Это заявление и ряд других жалоб об огульном увольнении работников мз мединститутотв Отдел школ направил Наркомздраву СССР и предложил ему организовать тщательную проверку этих материалов совместно с Комитетом по делам высшей школы при СНК СССР, путем посылки на место специальной комиссии.

Проверкой установлено, что в Киевском мединституте в течение одного дня было уволено 32 чел. В Одесском санитарно-бактериологическом институте в течение 2-х дней было уволено 35 человек.

Среди уволенных и восстановленных комиссией Наркомздрава СССР на прежней работе много крупных, честно работающих специалистов. Причиной увольнения у большинства из них явилось наличие родственников за границей (хотя многие из них связи с родственниками не поддерживали).

Имеются и такие факты, когда уволенным сотрудникам запрещался вход в институт, зарплата и другие денежные расчеты присылались на дом. Местком Санитарно-бактериологического ин-та открыл прием профсоюзных взносов в скверике около института.

Местные органы здравоохранения никого из уволенных на работу не берут, в результате чего около 70 чел. специалистов остались без работы.

Такая практика со стороны местных организаций создает законное недовольство среди научных работников, что может быть выгодно лишь врагам советской власти.

Об этих фактах наркомздрав СССР довел до сведения СНК СССР и по поручению тов. Молотова представил проект постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) по данному вопросу.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.833. Л.127-128. Подлинник. Машинопись.

* Любченко П.П. до своего «разоблачения» и гибели в 1937 г. был председателем СНК УССР.

О том же говорилось в докладной записке зам. наркома здравоохранения СССР Н.И.Проппер-Гращенко на имя Ежова от 17 ноября 1937 г.:

В течение октября м-ца Наркомздравом СССР был получен ряд жалоб на массовые увольнения сотрудников Киевского медицинского института и Одесского санитарно-бактериологического ин-та. Так в Киевском мединституте директором ШАШКО в течение одного дня было уволено 32 человека по мотивам «как не соответствующие требованиям, предъявляемым к преподавателям советской высшей школы»; в Одесском санбакинституте в течение 2-х дней было уволено 35 чел. без указания причин.

Расследованием, произведенным специальной комиссией НКЗдрава СССР с участием представителя Всесоюзного комитета по делам высшей школы указанные факты подтвердились.

Все уволенные из Киевского медицинского института немедленно вслед за этим увольнялись и из других мединститутов Киева и при попытке получить какую либо медицинскую работу — везде получали отказ.

Из 47 человек рассмотренных по Киевскому мединституту объединенной Комиссией НКЗдрава СССР и НКЗдрава УССР — 26 чел. было восстановлено на прежней работе, остальные 21 человек — комиссией были направлены на практическую работу с отменой прежней формулировки их увольнения.

Среди уволенных и восстановленных Комиссией на прежней работе много крупных специалистов, честно работающих и преданных Советской власти. Крупный бактериолог Шеремет, имеющий грамоту ЦИКа СССР за разработку бактериальных фильтров и награжденный т.Орджоникидзе за внедрение их в промышленность, совершенно определенно заявил комиссии «мое увольнение есть акт классового врага».

Профессор физики Руденко был снят с 1-го Киевского мединститута (причина — якобы он когда-то был пьян на лекции), а директор 2-го Мединститута, страхуя себя, немедленно снимает его с работы во 2-м Мединституте за совместительство в 1-м Медицинском институте.

Бактериолог Скибинская, врач с 12-летним стажем и научными трудами, будучи снята с работы в Киевском медицинском ин-те и получив отказ Горздравотдела послать ее на другую врачебную работу, ушла работать швейей на фабрику, бравирова этим и возмущая рабочих.

В Одесском санитарно-бактериологическом институте директор института Анина по указанию Местного Отдела НКВД уволила в два дня с работы 35 чел., среди них 4 заведующих основными отделами института, 11 научных работников врачей.

Общее у всех уволенных — наличие родственников за границей, хотя многие из них связи с родственниками не поддерживают.

Среди уволенных есть крупные специалисты, некоторые из них (проф. Палавандов, доцент Куперштейн, научн.сотр.Грин-фельд) работали в институте свыше 15 лет, неоднократно премировались, являлись хорошими производственниками и обществениками.

Снятие работников Санбакинститута проводилось немедленно, сдавать дела запрещалось, некоторые по случаю увольнения досрочно вызывались из отпуска. Уволенным сотрудникам запрещался вход в институт, зарплата и другие денежные расчеты присылались на дом, для приема профсоюзных взносов, выдачи личных карточек и проч. Местком открыл прием в скверике около института. Причина увольнения уволенным не сообщалась.

Несмотря на то, что директор института каждому уволенному заявлял, что он как честный специалист ничем себя не дискредитировал и может работать в другом учреждении по специальности — местные органы здравоохранения никого из уволенных на работу не берут и лица эти в настоящее время являются фактически безработными.

Если и требовалось увольнение указанных лиц из Санбакинститута по мотивам политического характера, то это могло быть сделано постепенно, путем перевода их на другую работу.

Подобные же методы «чистки» вузов и научных учреждений, в результате которых около 70 чел. специалистов были лишены права на труд, создают только панику и озлобление среди научных работников и могут быть выгодны лишь врагам советской власти.

Расценивая эти факты, как контрреволюционный акт, — прошу обратить внимание ЦК КП(б)У с просьбой срочно принять необходимые меры к недопущению появления подобных актов впредь.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.833. Л.132-134. Подлинник. Машинопись.

Несмотря на защиту замнаркома здравоохранения, увольнения работников продолжались. Увольнения означали не только то, что семьи оставались без средств к существованию, так как уволенных нигде не брали на работу. Опаснее было то обстоятельство, что увольнение по причине «неблагонадежности» часто становилось первым шагом на пути в ГУЛАГ.

Источники свидетельствуют, что от «ежовщины» страдали все, не только партийно-государственная номенклатура, военные кадры, но и учреждения науки и культуры. Так, в отчете МГК ВКП(б) за 1937 г. говорилось, что из общего количества сотрудников Академии наук в Москве на начало 1938 г. арестовано уже 420 человек (т.е. каждый шестой из общего числа в 2 524 чел.) — и аресты продолжались.¹³ Огромный процент «врагов народа» оказался среди архивистов, библиотекарей, представителей творческой и технической интеллигенции — наиболее образованной и думающей части общества.

Последствия репрессий сказались и в такой сложнейшей области, как международные отношения. Между тем анализ материалов Посольства США в Москве конца 30-х гг. позволяет сделать однозначный вывод — настоящая чехарда в союзном МИДе, постоянные перестраховки сотрудников, снижение общего уровня профессионализма способствовали ухудшению межгосударственных отношений, принятию неверных решений, что особенно пагубно сказывалось в обстановке военной опасности.

В несколько меньшей степени (в процентном отношении репрессированных) массовые репрессии коснулись промышленных предприятий. Здесь они имели скорее локальный характер. Это было связано, видимо, с тем, что пятилетний план все же необходимо было выполнять. Однако атмосфера и здесь была накалена до предела, особенно на крупных предприятиях в промышленных центрах. Так, после процесса так называемого «троцкистско-зиновьевского блока» МК и МГК ВКП(б) направили на предприятия закрытое письмо, в котором, в частности, говорилось об организации «проклятыми подонками контрреволюционной белогвардейщины, фашистскими агентами» террористических групп на фабриках и заводах и ставились задачи по их разоблачению. 17 августа 1936 г. партсобрание столичной «Трехгорки» принимает постановление: «Необходимо поставить работу таким образом, чтобы были всесторонне изучены настроения и поведение на фабрике и в быту каждого рабочего.»¹⁴ В атмосфере начинавшегося психоза подозревались все без исключения. Неудивительно, что расцвела гипертрофированная подозрительность. Средства массовой информации открыто призывали граждан проявлять бдительность, разоблачать врагов народа, сообщать о подозрительных лицах и фактах в органы НКВД. Одновременно публикуются примеры, на основании чего были изобличены иностранные агенты. И вот письма, заявления, по содержанию напоминающие доносы, становятся массовым явлением. Основания для ареста поражают очевидной безобидностью: наличие пишущей машинки, бинокля, любого оружия, переписка или любые контакты с родственниками за границей, с иностранными посольствами и т.д. Подозрительным казалось все. Один рабочий оказался в камере за... собственную опрятность: он регулярно гладил брюки и другую одежду, так что его соседи решили, что он утюгом «проявляет написанные бесцветными чернилами задания вражеской разведки. Другой рабочий, бывший участник революции 1905 г. и эмигрант из Америки, получил срок за «антисоветскую агитацию», так как рассказывал приятелям, что в США у него был свой автомобиль.¹⁵

В особо трагическом положении оказались в период массовых репрессий эмигранты из Германии, Италии, Испании, США и других стран,

приехавшие на родину всех трудящихся, либо спасаясь от преследователей, либо с искренним намерением строить социализм. Сейчас, когда стали достоянием гласности инструкции НКВД, стало очевидным, что иностранные эмигранты методично уничтожались в плановом порядке, а не успевшие принять советское гражданство безжалостно изгонялись из страны на верную смерть. Цитируемое ниже письмо – крик отчаяния, мольба о спасении и одновременно прозрение, что на самом деле значит конституция и законность в 1938 г. (письмо написано на немецком языке, здесь приводится перевод, приложенный к оригиналу).

Магнитогорск 16 мая 1938 г.

В Президиум Верховного Совета СССР

30 апреля с. г. я написала Вам письмо с горячей мольбой об изменении приговора о высылке, назначенной моему мужу Вальтеру Фридлендеру, врачу, ре-эмигранту из гитлеровской Германии. Я не могла себе представить, чтобы это была воля партии и правительства: бежавшего из гитлеровской Германии, легально приютившегося в СССР уже два года, жившего и работавшего изо всех сил честно и хорошо, приобретшего в СССР ребенка – выбросить в дьявольскую пасть фашизма. Задержите его высылку, пока не поздно. 13 мая я узнала в Челябинской тюрьме, что он уже послан в Минск. Он находится уже на границе, и это значит гибель для него и его семьи. Задержите его высылку, иначе это каждодневно может случиться с нашим годовалым ребенком и со мной. Поступали ли Вы так со всеми иностранцами, которые подали заявление о советских паспортах и уже получили их.

Мой муж душевно больной, тяжело душевной больной. Его болезнь не обнаруживается внешне, она не обнаружена и следователем Долговым в Челябинске, она не проявляется ни в лихорадке, ни в сыпи, но она подавляет его желание жить. В таком болезненном состоянии мой муж не в состоянии ухватиться за малейшую возможность написать мне, своей жене, и что важнее: обратиться в Верховный Совет с просьбой об изменении приговора.

В Челябинске я не получила ни одной единственной справки о нем в ни в самом НКВД, ни от начальника НКВД, ни от следователя Долгова. Если я на своем родном русском языке обращалась по телефону исключительно с целью условиться, чтобы меня приняли лично, мне каждый раз отказывали в этом и так в течении 5 месяцев. На меня набрасывались с криком все громче и громче, так что я понимала все меньше и меньше – и трубка вешалась.

Как это может быть, чтобы провозглашаемая на весь мир теория коммунизма, содержащаяся в Сталинской Конституции, в праздничных лозунгах, в речах членов правительства о предоставлении права убежища эмигрантам из фашистских стран, так нарушалась, – а сейчас в Челябинске эта теория совершенно искажается органами НКВД, например, высылкой моего мужа. Не допустите же Вы, чтобы мы здесь в СССР стали жертвой фашизма.

Задержите моего мужа на самой границе. Но наисрочнейшая Ваша помощь может еще спасти его и его семью. В величайшем отчаянии я умоляю Вас об этом.

*Ева Фридлендер, временная учительница музыкальной школы
в Магнитогорске.*

ГАРФ. Ф.7523. Оп.23. Д.201. Л.49. Заверенная копия. Машинопись.

Просмотренные нами следственные дела репрессированных поражают крайним цинизмом, явными подтасовками, фальсификациями, применением физических и психологических мер воздействия.

Весьма характерным явлением в обстановке массовых репрессий стало «саморазоблачительство». О родственных связях, дружеских отношениях с «врагами народа» положено было сообщать в партком, который разбирал дело и в соответствии со «степенью вины и раскаяния» принимал решение. Скрытие от парторганизации и органов НКВД контактов с репрессированными считалось тяжелым преступлением. Поэтому в условиях доносительства и всеобщей подозрительности многие стремились перестраховаться. И вот уже пожилая работница пишет в партком «Трехгорки» заявление с повинной: ее сестра, работавшая уборщицей в Кремле, заменяя заболевшую напарницу, однажды убрала в кабинете у высокого начальства, которое вскоре было арестовано как враг народа.¹⁶ Люди сообщали о прямых и дальних родственных связях с репрессированными, о фактах дружбы и знакомства с членами их семей. Таким образом, в орбиту массовых репрессий в связи с этими разбирательствами прямо либо косвенно оказывались вовлеченными миллионы жителей. И пусть не все стали узниками ГУЛАГа, но всем без исключения пришлось делать нелегкий нравственный выбор: только безусловное осуждение «предателей и изменников родины», как бы близки они не были и до решения суда, могло спасти от наказания. Семьи репрессированных оказывались в поистине отчаянном положении: перед ними постоянно висела угроза ареста как членов семьи изменников родины (ЧСИР) и едва ли не каждая ночь становилась бессонной. Они должны были публично отказаться от арестованных близких, предав их морально, но даже и в этом случае печать репрессированного лежала на семье, закрывая, как правило, детям доступ в комсомол, к образованию и престижной ответственной работе. От них, как от чумных, отворачивались прохожие, переходили на другую сторону улицы вчерашние друзья, стремились избежать общения сослуживцы. Выдержать подобную психологическую блокаду было не каждому по силам. В результате — у части общества терялись нравственные ориентиры, безвыходность ситуации толкала одних к самоубийству, других к добровольному сотрудничеству с НКВД как, возможно, одному из способов выжить. Однако, как свидетельствует анализ следственных дел, с оказавшимися за решеткой по любой, даже пустяковой причине сексотами расправа была особенно жестокой. Чрезвычайно возрос вес НКВД, к которому в полной мере можно было применить известное уголовное правило: «боишься, значит уважаешь». Общество действительно было погружено в атмосферу всеобщего страха. Распространенным явлением стало желание перестраховаться даже в безобидной ситуации. Весьма характерно в этой связи признание сотрудника Наркомпроса Арбузова на заседании парткома НКП РСФСР 17 января 1939 г., которому по роду обязанностей приходилось в 1937-38 гг. многократно выступать в детдомах для испанских детей: «Я сказал несколько слов на этой встрече, причем я предварительно спросил в НКВД, что я должен говорить и делать. Мне сказали, что нужно выпить за здоровье и процветание Испанской республики.»¹⁷

Рыбный отдел главного гастронома страны («Елисейского») во второй половине 1930-х годов.

Рабочий «обед».

Но если с НКВД советовались даже по поводу тостов, то легко можно себе представить, как велико было влияние этого органа в решении других, намного более важных проблем.

Пропаганда приложила максимум усилий, чтобы убедить людей, что НКВД зря не забирает». Этот постулат о непогрешимости чекистов, казось, вполне соответствовал тому, что для этой важной и ответственной работы партия отбирала лучших из лучших. Арест близких людей приводил многих коммунистов к особенно тяжелой коллизии — кому больше верить — непогрешимости НКВД» или мужу и сыну, с которыми жили бок о бок десятки трудных лет и которых, казалось, знали так же, как самих себя. Выбор каждый делал сам. Общество было в смятении. Многие в глубине души не верили в виновность близких, но заявить об этом во всеуслышание боялись. Другие, считали арест родного человека трагической ошибкой, продолжали верить в справедливость НКВД. И лишь немногие, как С.Иванова, писали в ЦК партии о безобразиях, творимых НКВД, и требовали прекратить произвол:

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ПАРТИИ

К вам, старым членам партии, пишу и думаю, что Вы обратите внимание на все действия наших НКВД. Неужели до Вас еще не дошли все те ужасы, которые творятся у нас в провинциальных городах, где в буквальном смысле слова творятся ужасы, что даже не верится, что мы живем в «стране радостей». Ведь мы живем в счастливое время, а между тем нашими НКВД творятся форменным образом безобразия. Почему-то в последнее время стали арестовывать исключительно старых членов партии, которые себя успели среди народа хорошо зарекомендовать, работали по партийной линии честно и добросовестно, не имели никаких партвыскакиваний, за плечами имеют партстаж по 20-25 лет и вдруг сразу за 15-20 дней делается врагом народа. Как это понять, или он враг народа, или враги народа его убрали с дороги, так как он им мешал. А с его арестом начинаются целый ряд страданий: семью сейчас же выселяют из квартиры, начинается травля детей и всякие другие издевательства. А фактически, отец их самый честный работник, выполнял все партийные нагрузки добросовестно, народ его как за самого честного работника знает, но все это не учитывается нашими НКВД.

Товарищи, вы лучше обратите внимание, что делается в наших НКВД и проверьте не втерся-ли туда враг народа или не укрылся ли так кулак, который делает там всякие гадости с целью подрыва советской власти.

Пишу от имени сотни женщин, которые пролили потоки слез, которые называют советскую тюрьму «стеною слез», где молодые следователи, чтобы пробить себе дорогу и проявить, якобы, свою бдительность, издеваются над арестованными — даже жутко подумать — за что? Издеваются также и над их женами, если жена приходит к следователю и спрашивает — в чем его преступление, — услышишь ответ — враг народа, за что понесет наказание, а какой поступок не говорят — секрет. Да, мы, женщины, Советского Союза требуем от власти, чтобы наших мужей судили открытым судом, чтобы мы знали, что наши мужья действительно враги народа и мы тогда сумеем вырвать из своих сердец и порвать с ними навеки, но ведь это не так делается, а как-то все тайно: за что его судят не знает ни он сам, ни его семья, ни его знакомые. Мы женщины, спрашиваем, почему? Если наши мужья виноваты, почему не судят их открытым судом? Ведь когда-то промпартию и троцкист.бухарин.партию судили открытым судом, ведь была возможность прямо назвать их: гады, мерзавцы,

подлецы, так вам и надо, не покушайтесь на нашу родную страну. А наших бедных мужей стали судить тайно, чтобы никто не знал. Да, у нас, женщин, нет веры в этот суд – все обвинения, которые им шьют не больше, как злая клевета, для того, чтобы выслужиться и проявить свою бдительность. Вранье, нет у нас столько врагов, сколько наши молодые следователи делают для защиты своей собственной шкуры. Наплодили этих мальчишек, а они уж слишком издеваются над народом. Надо видеть, что делается и слышать все те ужасы, которые делаются у нас под тюрьмами, когда у сотни женщин одно и тоже на устах – за что? Не было бы жаль, если он виноват – виноват – судите, но так, чтобы и мы знали в чем его вина.

Товарищи, старые коммунисты, помните, что и наши мужья, старые члены партии и так как вы работали на пользу своего государства и любили родину и что им молодые мальчишки шьют. А когда говоришь с кандидатами партии, то они счастливы, что они не попали в партию, так как на партийцев идет теперь гонение, – вот почему такой слабый приток в партию.

Пишут женщины нашему дорогому Сталину, Ежову, Вышинскому но видно все эти письма не доходят, их, очевидно, уничтожают на местах, а поэтому я решила обратиться к старым членам партии, надеюсь, что вы обратите внимание, так как и вы не гарантированы от этих ужасов. А ведь из вашей партии уходят лучшие люди, которые когда-то с Лениным рядом защищали свою страну и кровь проливали и сами из рабочих и отцы рабочие, ну, словом, из самой пролетарской семьи, и только благодаря советской власти стали людьми, и вдруг стали врагами народа, неправда! ложь! Иногда хочется кричать во всеуслышание, ни они враги народа а его делают врагом народа – мерзавцы, подлецы, которые хотят выслужиться и получить звание бдительного, но вернее лжебдительного.

Обратите серьезное внимание на провинциальные органы НКВД, так как провинция всегда умела перегибать постановления партии и правительства, вот так получилось у нас в провинции.

Обратите внимание на крик и стон плачущих женщин, которые напрасно льют слезы и ждут вашей защиты из центра. Тысяча женщин протягивает к вам руки, помогите, спасите! Не дайте проливать напрасно слез!

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.298. Л.93-95. Копия. Машинопись.

Письмо свидетельствует о сложностях типично большевистского менталитета в разгар массовых репрессий. И хотя среди репрессированных оказалось действительно много представителей старой большевистской гвардии, в одном Х. Иванова не совсем права: массовые репрессии были результатом не только конфликта поколений. За решеткой оказалось немало и молодых людей, и несовершеннолетних. Так, газета «Советская Сибирь» сообщила 21 февраля 1938 г. о процессе над детской контрреволюционной организацией в Ленинск-Кузнецком, состоявшей из 160 (!) школьников, обвиненных в распространении листовок, фашистских знаков, портретов врагов народа и т.д. Самым молодым членом организации оказался 10-летний Витя Логунов, якобы проводивший контрреволюционную работу. Отметив, что подсудимые «клеветали на счастливую советскую детвору», суд все же не пошел на поводу у следствия, настаивавшего с самого начала на применении к детям 58 статьи УК. Они были осуждены за хулиганство. В это же самое время в Москве было сфальсифицировано дело о якобы существовавшей фашистской организации «Гитлер Югенд», по которому было арестовано около 50 детей немецких эмигрантов в возрасте 16-25 лет. Большинство из них было расстреляно. О подробностях этой фальсификации

рассказал в 1957 г. на допросе бывший сотрудник столичного НКВД Р.М.Трайбман, работавший в 1937-38 гг. в 7 отделении, «курировавшем» средние и высшие учебные заведения. «Особенно меня тогда возмутил имевший место следующий факт, — говорил Трайбман. — В один из вечеров один из работников милиции, который был направлен с ордером на арест одного из молодых немцев, позвонил Смирнову (Смирнов Василий Алексеевич, начальник 7 отделения управления НКВД по Московской области) по телефону и сообщил, что этого немца нет дома, он находился на работе в ночной смене на заводе... На вопрос Смирнова, от кого он узнал об этом, милиционер ответил, что об этом ему сообщил брат арестуемого. Поинтересовавшись, сколько лет этому брату, Смирнов предложил милиционеру... арестовать и доставить в Управление этого брата, оставив в засаде другого милиционера... Помню, что вскоре милиционер привел в Управление молодого (лет 18-ти), испуганного мальчишку, который вскоре «дал» продиктованные Смирновым показания о том, что он является участником к.-р. организации «Гитлер Югенд» и что завербован он был в эту организацию своим родным братом, то есть именно тем братом, на которого был выписан ордер на арест и которого не застал дома... Когда доставили старшего брата, в Управлении ему устроили очную ставку с его младшим братом... После чего старший брат... был Смирновым избит и затем подтвердил показания своего младшего брата, дополнительно дав показания на ряд других лиц...»¹⁸ Таким образом «действовали» чекисты, выполняя план, в соответствии с «выделенными лимитами» и зачастую проявляя самостоятельную инициативу. В случае с «ГЮ», по словам Трайбмана, выполнялась директива наркома о «вскрытии чуть ли не в 2 дня к.-р. националистического формирования среди немецкой молодежи.»¹⁹

В процитированном выше письме Х.Ивановой есть еще один важный момент, на который нельзя не обратить внимание. Она пишет от имени тысяч женщин, у которых арестовали мужей и сыновей. Маховик массовых репрессий, действительно, в большей степени коснулся мужской части населения страны. Однако даже тем женщинам, которые не попали в лагеря для ЧСИР, пришлось невероятно тяжело — и морально, и материально, и физически. Ведь нужно было и детей вырастить, и мужа поддержать. Характерный пример такого незаметного подвига простой русской женщины — судьба Анастасии Кох, жены немецкого рабочего-эмигранта, арестованного НКВД в начале 1938 г. «Я сама работаю на Электроламповом заводе с 12 лет (с 1915 г.), — писала она Н.А.Булганину в начале 1940 г. — 24 года своей жизни я отдала заводу, чувствовала себя как в родной семье, а сейчас меня из нее вышвырнули и забыли или того хуже — презирают, за что — сама не знаю. Я была член партии с 1930 г. Меня исключили за то только, что я осмелилась сказать, что мне трудно поверить, будто мой муж мог быть врагом народа. Когда его арестовали, на партсобрании поставили передо мной вопрос — или ты должна от него отказаться и признать его виновным или мы тебя исключим из партии. Я не знаю, правильно ли поступила в то время, но я не могла признать его виновным, не имея на то никаких доказательств не только потому, что он мне муж. Честное слово, поверьте: а потому, что это значило бы поставить крест над человеком может

быть взятым по какой-нибудь ошибке. Я просила на партсобрании сказать мне, в чем он виноват? Мне ответили, что мы сами не знаем, но если НКВД взяло, значит есть за что. Такой ответ меня не удовлетворил, а наоборот, хуже измучил. Я задала другой вопрос: за что его можно считать врагом народа, ведь машины на производстве почти все его конструкции и работают до сих пор без отказа, на общественной работе он считался как самый честный и добросовестный работник. Мне опять ответили: «Видишь ли, все наши враги всегда будут стараться быть хорошими производственниками и общественниками, чтобы лучше замаскироваться». Ничего не скажешь, иезуитское объяснение.²⁰

Анастасия так и не отказалась от мужа, веря в его невиновность. Вероятно, только эта вера в то, что тебя не предали и ждут, помогла Вилли Коху, как и тысячам других заключенных сталинских лагерей, выжить.

К концу 1930-х годов выросло и возмужало уже целое поколение людей, выросших на принципах коллективизма, веривших, что «человек человеку друг, товарищ и брат», что именно этим социализм отличается от буржуазного индивидуализма Запада. Кроме того, они выросли на книгах и фильмах, изображавших СССР как образец справедливости (социальной, расовой, национальной, половой и др.). Тем страшнее был шок, наступивший в 1937 г., когда казалось, сразу обрушилось все то, на чем держались жизненные установки и моральные устои. Другим страшным последствием массовых репрессий стал искусственный разрыв семейных уз. О том, какие испытания выпали на долю семьи как основной ячейки общества, рассказывал в своем письме в Президиум Верховного Совета СССР 13 сентября 1938 г. 19-летний рабочий Л.С.Цельмеровский. Его письмо показательное еще и тем, что в нем подробно описывается отношение государственных структур к такой многочисленной, но малоизученной категории репрессированных в конце 30-х гг., как ссыльнопоселенцы.

Автобиография.

Я родился в 1919 г. в гор.Петрозаводске в семье помощника коменданта города. С двух лет я переехал в Ленинград и с восьми лет поступил в школу и окончил 7 классов и поступил в энерготехникум. Со 2-го курса я ушел и поступил на завод «Русский Дизель» в качестве ученика модельщика. Там меня как комсомольца выдвиженца посылают на учебу в аэроклуб на летчика. Но в этот момент все дело... [не ясно] мой отец (его арестовали а меня высылают как члена семьи без суда) (меня даже не допрашивали).

Немного об отце.

Мать мне сказала что его выслали в Северные лагеря за недовольство. Сам я лично никогда не поверил бы (его арестовали по 58), потому что я сам слышал как он [рассказывал] сестрам как он бил белых на Севере. Он нам рассказывал о своих подвигах. Когда произошло убийство С.М.Кирова, он плакал. Он был избратель ударник несколько раз получал премии. Последнее время он работал монтером на военном заводе №7.

Трудно решить что он за человек быть может это все только искусно маскироваться. Он мне несколько раз говорил что он был в Варшаве.

От Льва Сигизмундовича Цельмеровского.

В августе м-це 1937 г. арестовали моего отца Сигизмунда Петровича Цельмеровского, месяца через три вызвали и мать, малолетних сестер взяли в детский дом. Мне велели выехать из Ленинграда в 8-дневный срок.

Меня направили в гор. Стерлитамак (Башкирия), прожив в Стерлитамаке 2 месяца получаю от матери письмо в котором она пишет что едет с сестрами в Алма-Ата, в свою очередь прошу перевод в Алма-Ата, а затем снова получаю письмо в кот[ором] мать пишет что она уже в Чимкенте и что их из Чимкента направляют в гор.Казалинск.

Затем через два месяца пришло разрешение на выезд в Алма-Ата. Но я к этому времени работал инструктором конструкторской лаборотории при ДТС. Работа очень нравилась, следовательно уменя небыло надобности ехать в Алма-Ата. Да и мать уже к тому времени была не в Алма-Ата, а в Казалинске, а как она писала то там работу мне найти будет трудно.

Я пришел [в] Стерлитамакское управление [НКВД] и объяснил все положение начальнику, который сказал, что надо написать обратное заявление об оставлении, заявление я написал и послал его в Уфу.

На другой день ко мне на работу пришел милиционер который взял меня в какуюто комнату где на до мной произвели обыск. Затем уполномоченный предложил мне выехать из Стерлитамака в 24 часа, на что я отказался т.к. неим[ел] средств. Тогда добрый начальник милиции посадил меня в камеру и 3 дня мне не довали ничего есть.

Пока я сидел, милиция без меня произвела расчет и на последние деньги купила билет до Алма-Ата. Затем под конвоем меня довели дл Уфы, там дали билет и посадили на поезд, (не дали даже взять мои вещи), дали 30 руб. Приехал я в Алма-Ата, и стал просить денег на хлеб.

В Алма-Ата мне дали литер и денег. Направили меня в Чимкент. В Чимкенте мне дали как аминистративно ссыльному удостоверение взамен паспорта. Так вот по этому адскому удостоверенью неберут даже чернорабочим, обращаются как с чужим, а некоторые так и заявляют: ты, говорит чужой человек. Пытался я поступить накурсы эксковаторщиков, но там мне заявили, нам говорят таких не надо. Сейчас я работаю чернорабочим, вернее больше болею маярией и так я мыкаюсь...[непонятно]

За что же меня так обидели, меня воспитала советская школа. С поступлением на работу (завод «Русский Дизель») я был принят в ряды комсомола. где я как активист дважды посылался на курсы летчиков. Работал я модельщиком и к концу года я уже получаю 5 разряд.

Я думаю так что раз отец в чем нибудь провинился, так пусть он сам за себя и отвечает, а я вовсе ненамерен терпеть позор причиненный им. Я хочу служить в рядах красной армии. Я хочу быть равноправным советским гражданином так как я считаю что я достоин этого звания так как меня воспитала советская школа в советском духе а поэтому и взгляды у меня очевидно совсем другие вот поэтому мне очень тяжело на сердце иметь бумажку чужого человека.

Затем у меня еще есть 2 сестренки бедняжки им обоим по 13 лет и обе оне учатся нето в 6 нето в 7 классе обе пионерки учатся хорошо. Я боюсь как бы им ко времени получения паспорта не выдали какой нибудь помаранный документ (они живут с матерью в гор.Казалинске).

Сейчас подошло время становиться на учет, а на будущий год призыв. Поэтому прошу вас рассмотреть мое положение и восстановить меня в звании советского гражданина.

Тяжело мне сейчас жить я даже духом упал уж больно на меня смотрят как на чужого и становиться тяжело на сердце ведь мне всего 18 лет а я уже лишен прав советского гражданина. Я совсем оборвался потому что зарабаты-

ваю я только на хлеб а тут еще мать пишет что говорит если будет лишняя копейка то присылай а я и сам то еле жив а иногда сердце так заболит что хочется плакать и само собой разумеется что если вы мне не поможете то из меня человека не выйдет а выйдет какой-нибудь бродяга. Тяжело очень но я терплю я помню свою мечту быть инженером кораблестроителем. Прошу вас Михаил Иванович Калинин рассмотреть мое положение прошу вас неотказать моей просьбе.

Когда я учился в школе я занимался в стрелковом кружке и считался лучшим стрелком в школе из мелкокалиберного ружья. Когда надо будет то и из боевой непромажу знаю красной армии нужны снайперы.

Лев Сигизмундович Цельмеровский

Казахстан гор. Чимкент до востребования.

ГАРФ. Ф.7523. Оп.23. Д.202. Л.16-20. Рукопись. Подлинник.

Письмо написано неровно, с большим количеством зачеркиваний, исправлений, недописанных слов. Число ошибок к концу увеличивается, что свидетельствует о внутреннем состоянии автора.

Еще одно письмо, которое рассказывает о происходившей в стране трагедии и распоясавшихся работниках НКВД:

В ЦК ВКП(б)

Проезжая по делам службы по ряду областей и районов за лето и осень текущего года, а особенно последнее время – приходилось наблюдать жуткие картины на вокзалах больших и маленьких городов.

Тысячи семей ютились и в некоторых местах и теперь еще ютятся около вокзалов и в самих вокзалах женщины, дети, старики больные.

Это все люди выселенные из разных городов за то, что в их семьях были когда-то судимые, или осужденные и отбывающие наказания.

Особенно, видимо, большое усердие по выселению проявляет Новгородское НКВД. Где бы ни останавливался, везде новгородских десятки семейств встретишь. По словам самих выселенцев, в октябре, начиная с половины, и до 1 ноября выселено около 1000 семей и люди едут – куда кто попало, жилищности нет, работы нет и средств к жизни нет и люди скитаются без крова, а их – огромные тысячи. В Котельниче, в Вятке, Глазове, Буге и других мелких городах – везде они набиты битком, помимо тех, которых выселяют в определенные места.

Выселять из пограничных зон людей политически опасных, судившихся за деяния контрреволюционного характера – это правильно, но выселять огульно всех бывших судимых, их семейства, больных пожилых и стариков – это действие чьей-то вредительской руки.

Мне приходилось наблюдать в Котельниче человек 50 разных возрастов людей, около вокзала скитаются с детьми, проезжала группа иностранцев, подошла, расспрашивала их и качала головами. Люди и все выселенцы приехали – квартир нет да и работы нет, а осень. А если кому посчастливится приютиться в холодных сараях, деревенских банях – это большое счастье.

Интересуясь, в ноябре проезжая мимо этих городов, узнал, что люди уехали дальше и, вероятно, так же маются в других местах, если половина не примерли.

Я полагаю, что это неизвестно ЦК партии, а поэтому и решил написать вам, потому что это вещь нездоровая и, видимо, работники некоторых управлений НКВД распоясались до произвола, особенно Ленинградская область.

Дают 24 часа на выезд — люди в панике продают за бесценок имущество и едут куда глаза глядят.

И больных не щадят.

Тут надо ЦК дать определенные какие-то установки НКВД, чтобы не было на местах произвола, иначе нехорошо получается.

Антипов В.

Ленинград, Боровая 2, кв. 7.

Вокзал Череповец

12 декабря 1938 г.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.298. Л.87-88.
Заверенная машинописная копия.

Число таких писем, связанных с «ежовщиной», от самих пострадавших, членов их семей, друзей и знакомых, просто людей, своими глазами наблюдавших, что происходит, очень велико. Хотя в литературе сложилось мнение, что они никак не влияли на политику руководства, изучение архивных документов показывает, что это не совсем так. Большинство писем по крайней мере прочитывалось и, видимо, их содержание так или иначе доводилось до сведения партийных вождей. Стало ясно, что нужно предпринимать, какие-то шаги. «Козлом отпущения» был избран сам Ежов и его ближайшие приспешники в аппарате НКВД. Уже в январе 1938 г. пленум ЦК ВКП(б) принял постановление, осуждающее ошибки парторганизаций при исключении коммунистов из партии и формально-бюрократическое отношение к апелляциям исключенных. Осуждались клезуники, карьеристы, создававшие в партии атмосферу недоверия и подозрительности. Упоминались работники НКВД, прокуратуры и судебных органов, которые пошли на их поводу, допустив «ошибки» в осуждении честных коммунистов. И только когда ситуация грозила выйти из-под контроля, а НКВД настолько усилило свои позиции, что становилось опасным, когда цифры уничтоженных зашкалили за все мыслимые отметки, Сталин, как когда-то в марте 1930 г., признал перегибы и обвинил в них Ежова. Поверившие, что гроза прошла, люди стали бить во все колокола, пытаясь спасти арестованных и достучаться до руководства страны. В августе 1938 г. Ежов был фактически отстранен от руководства НКВД, а осенью за «допущенные ошибки» смещен с поста наркома. Общество бурно отреагировало на это смещение новым потоком разоблачений и жалоб. Вот одно из них за неразборчивой подписью, направленное в ЦК ВКП(б) в конце 1938 г.:

Ни политика, ни законы советского государства, ничто не оправдывает то, что произошло в Туле за этот 1938 год. Тысячи арестов за один-два месяца, из которых очень небольшой процент арестов по законам, по существу. В массы просачиваются сведения, слухи, факты, которые только создают вредные настроения и недоверие. Даже в партийных рядах есть много осторожных разговоров о перегибах, о неверии в то, что справедливо судят и ссылают людей. После того, как распространились в массах слухи о снятии и аресте начальника управления НКВД и снятии быв.наркома НКВД и аресте по другим городам представителей власти, стали говорить открыто о том, что тысячи невинных людей томятся в тюрьмах и в ссылке. Вполне советские люди, преданные люди советскому государству, чувствуют, что здесь что-то не так, что-то неладно. Соз-

дается впечатление, что сознательно все здесь все перепутано, сознательно оголили крупные предприятия.

Товарищи, все это не помогает советской власти, а только отдаляет людей. Я партийный человек, но я начинаю колебаться, у меня появляется какая-то апатия. Я знаю, какие разговоры и настроения в нашей партийной организации после того, как арестовывают и ссылают вполне честных людей. Если человек сказал, что нет ботинок — это не антисоветская агитация.

Все-таки мы знали людей, какие с нами работали, мы им доверяли, доверяла вся партийная организация, только кто-то один им не доверяет и людей по году держат, заставляя часто сознаваться в том, а что он сам никогда не знал.

Все делается втайне, но все же известно многое.

Нужно, что-то исправить, помочь общему делу советского строя, нужно заставить людей уважать законность и освободить людей, которые неправильно взяты.

Если человеку не доверяют, нужно сделать так, чтобы он был бы другом советского строя, а не делать из него врага.

Дорогие товарищи! Обсудите это письмо, покажите его Иосифу Виссарионовичу Сталину. Пошлите комиссию, поверьте, что хочется жить так, чтобы радоваться и строить дальше нашу жизнь.

Это письмо такое же опущено и в Москве, потому что письма не доходят, говорят, до центра, может быть и неверно

РЦХИДНИ. Ф.17.Оп.120. Д.298. Л.92. Заверенная машинописная копия.

Еще одно письмо на ту же тему:

В ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КОМИТЕТ ВКП(б)

Уважаемые товарищи!

Как рядовой гражданин СССР не могу не откликнуться на устранение Ежова от руководства НКВД — событие немалой важности.

Призванный к работе, чтобы вскрыть предателей и изменников и очистить страну от вражеских элементов, он сам навредил столько, сколько быть может все предатели и изменники вместе взятые.

Вместе с враждебными советской власти элементами арестованы и сосланы сотни тысяч ни в чем неповинных, честных и частью даже преданных советской власти людей. Ведь сейчас нет в стране почти ни одного дома, откуда кто-нибудь не сидел бы. Получилось в конце концов такая картина, что вся страна против советской власти. При этом совершались неслыханные жестокости. Под тяжкими пытками люди вынуждены были «сознаться» в никогда не деланных преступлениях. Жена арестовывается потому только, что муж сидит. Дети бросались на произвол судьбы. О сосланных никому из родных ничего неизвестно.

Получился резкий контраст между объявленной у нас Конституцией и проводимым в стране жестоким произволом.

При чрезвычайно низкой у нас заработной плате, при отсутствии предметов первой необходимости, никто еще вдобавок не уверен, что он завтра не окажется в тюрьме. Трудно ли после этого догадаться, какие настроения существуют в массах. И это настроение создано Ежовым. Два-три года назад настроение было иным.

Со слов десятков и сотен тысяч невинных людей — Ежов просмотрел настоящих шпионов и диверсантов. У нас еще не прекратились пожары и взрывы на предприятиях, которые несомненно организуются диверсантами. Наивно думать, что страна полностью от них очищена. Но Ежов специализировал своих сотрудников на то, чтобы брать мирных граждан из постели, а настоящих диверсантов ловить разучились. Наоборот, они открыто даже допускаются в

страку. Пример с летчиком Линдбергом очень яркий. Когда Ренсимен отправлял из Праги доклад в Лондон, Гитлеру было известно его содержание, так работает Гестапо, а к нам пробирается матерый шпион и враг наш и мы хлопаем ушами, не знаем с чем он к нам собирается.

Будем и хотим надеяться, что устранением Ежова изменится и характер работы НКВД. Хотим надеяться, что будут устранены и исправлены ежовские ошибки, что НКВД начнет действительно бороться с враждебными советской власти элементами, а честным работникам будет обеспечена нормальная и спокойная работа.

В. ЧЕРНОУСОВ

Одесса.

10 декабря 1938 г.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.120. Д.298. Л.90-91. Заверенная машинописная копия.

Порочный круг как бы замкнулся — борьба с вредителями оказалась делом рук самих вредителей. Анализ многих писем показывает, что люди не подвергали сомнению саму практику репрессий, вменяя «перегибы» в этой области только отдельным лицам.

Всего за 1937-38 гг. было арестовано более 1 млн. 700 тыс. человек, главным образом по 58 статье, т.е. за контрреволюционные преступления. Это было намного выше, чем в предшествующие годы, и означало, что кампания имела совершенно четкую политическую направленность. За тот же период было приговорено судами к различным видам наказания 1345 тыс. человек. Тюрьмы страны были переполнены: на конец февраля 1938 г. в них содержалось 549 тыс. заключенных при «лимите» в 155 тыс. мест. Число приговоренных к высшей мере наказания: расстрелу или «10 годам без права переписки», что на деле также означало смертный приговор, за 1937-38 гг. составило 682 тыс. Население ГУЛАГа пополнилось примерно на 0.6 млн. заключенных.²² Но и после «ежовщины» НКВД под руководством нового наркома Берия так же упорно и методически вел ту же работу, правда, способы ее стали более таинственными, а потому — зловещими. Как видно из вышеприведенных документов, все прежние репрессивные факторы оставались в сознании — и «вредительство», и шпиономания, и прочие. Более того, явно видно стремление отгородиться от враждебного Запада барьером, препятствующим проникновению в СССР «вражеских лазутчиков». Все это объясняет, почему репрессии продолжались и в дальнейшем, хотя широко распространенным является мнение, что после «ежовщины» произошло их ослабление. Была проведена «разгрузка» тюрем, кто-то, действительно, был выпущен на свободу, кто-то прощен, но таких оказалось немного. В 1939 г. ГУЛАГ сократился всего на 120 тыс. человек.²³ Большинство «врагов народа» продолжало оставаться в лагерях и колониях.

Несмотря на широкий размах репрессий, они не затронули так называемую «пятую колонну», т.е. активных противников советского строя, втайне мечтавших устроить массовую резню коммунистов. Показной лояльностью и даже подыгрыванием репрессивной политике им ничего не стоило ускользнуть от бдительного ока НКВД и сверхбдительных граждан. Об этом рассказывает довольно-таки забавный случай, рассказанный в письме на имя Калинина неким П.А.Мисовым. Адрес автора письма не установлен,

но по его содержанию — г. Горький. Письмо было написано в июле 1938 г. и очень напоминает раскрытие, правда неудачное, заговора гладиаторов в романе популярного в те годы романа Р. Джованьоли «Спартак». (Воспроизводится со всеми особенностями, характеризующими личность писавшего человека, за исключением мест, которые не удалось разобрать из-за плохого почерка):

*Народному и Всесоюзному Старосте
Михаилу Ивановичу Калинину*

Михаил Иванович прости что я тебе незноком может у вас дела по сурьезнее но душа не терпет кому то написать хочется об одном случае а кому не знаю решил написать тебе зная твою простоту. Дело было в конце июня я был в отпуску в декрете день был жаркий я люблю половить рыбку взял это я удочки и пошел на реку но пройдя этак километра 2 или 3 я вздумал отдохнуть там был овражек и густой кустарник забрался это я в густой кустарник больно жарко было и думал посижу да покурю посидел этак я минут 20 слышу на верху кто то разговаривает сначала я не обратил внимание но слышу толкуют про войну я стал слушать что мол народ про войну говорит выбрал записную книжечку да карандаш эти вещи всегда с собой ношу. Один из них говорит ты хочешь что-бы война началась скорей а по моему лучше если протянется так годик другой за это время мы сумеем создать стихийные кадры так что наша победа будет обеспечена. Заключение [...] 2 миллиона с лишнем наших туда попало не больше 40 процентов остальные Сталинские прихлебатели... это материал для нас не годный кого и выпустят никуда не пойдет будет бояться что-бы не посадили остальные кадры создадутся из родных друзей возлюбленных, будут мстить за отцов тут польза двойная родных любят и честных Сталинских работников подберет с работы. Все будет разваливаться. Подумай сам Ленин всю жизнь мстил царизму за смерть брата сколько-же у нас будет таких Лениных.*

[...] и сейчас в тюрьме мрут как мухи от недоедания который попадет послабее ну и готов сей час нужно работать да работать так что-бы к одному нашему 20 Сталинцев припутать озлобление будет большое и это сыграет большую роль теперь самый пустой донос и возьмут а от туда уже не выберется враг народа а крышка выходит то из 200 человек один. Следствие тянется 9 месяцев ну а потом хотя и нет вины сажают как не надежного в административном порядке много их уже сослали так-то. Пусть их карают да бьют так чтобы с сорной то травой всю капусту свою выполют спохватятся они не скоро увлеклись нашим лучше. И на работе тепер такое положение коли взяла НКВД то он значит враг народа а коли враг народа значит о них хорошее говорить нельзя даже если он один из самых честных работников а то и тебя возмут за сношение с врагом народа тут они стали говорить тихо я решил их этих гадов выследить и слышал еще они говорили о чем то тут рабочий центр и все заводы будут работать на оборону и в Горьком нужны стихийные кадры а какие такие стихийные этого слова я не понимаю разговаривать стали совсем тихо я спустился в овраг чтобы выйти с другой стороны как бы не в значай но когда я обошел овражек этих мерзавцев уже не было овраг был у дороги по дороге шли да проехали два автомобиля легковые и один грузовой может быть они были на автомобиле не знаю куда девались я даже заплакал старый дурак не сумел выследить так расстроился что взял свои удочки и пошел домой. А ведь верно у нас чего то не ладно вот у моего одного знакомого взяли сына молодого парня посидел год выпустили со скоротечной чахоткой вскоре умер родные и сейчас все плачут больно ведь если человек погибает зря тяжело родным простудился в тюрьме взяли летом и передачи не пропускали спал на цементном полу простудившись другой служащий посидел 9 месяцев съезного ничего не пропускали выпустили а у него уже третья стадия.

Таких примеров батюшка Михаил Иванович мог бы тебе написать много да видно и так зря разболтался я не хотел рас сказывать да не стерпел тебе напи-

сал не гневайся. Вот еще хотел тебе написать зря другой раз не обдуманно передают по радио вот например передавали о Куйбышеве чтобы память ему была говорили когда Куйбышев сидел в царской тюрьме ему сестра принесла съсное папирсы и даже букет цветов вот это я слушал и не обратил внимание пришел это на работу один комсомолец мне говорит при царизме как видно и в тюрьме было хорошо все съсное передавали папирсы и букет вдоба[во]к не то что у нас виноват али нет попал так и пропал и родным не сказывают куда человек делся да все это зря вот мы старики не заметили а молодые на ус намотали за все эти ошибки душа болит без партийный а крепко болею душой за Советскую власть живу хорошо и это при царизме и восне не видать чувствую что не ладно все вот пример о том разговоре и как видно [кто-то] работает и шибко работает что бы народ делат злым кто доволен что бы изнего врага зделать прости меня старика коли зналбы что не осерчаеш то другой раз написал бы обо всем что мне кажется нехорошо и что народ толкует.

ГАРФ. Ф.7523. Оп.23. Д.212а. Л.96-97. Подлинник. Рукопись.

* Каждый раз при ассоциации со Сталиным в тексте строчные буквы исправлены на прописные.

Письмо П.А.Мисова примечательно еще тем, что передает, «о чем народ говорит», и чего не следует делать в официальной пропаганде, чтобы не подрывать основы советского строя.

О том, что мало что изменилось в общественной атмосфере после устрания Ежова говорит то, что несмотря на ужесточение режима в тюрьмах и лагерях, продолжали поступать письма от людей, пострадавших, по их мнению, безвинно. Например, заключенный Архангельский в письме в ЦК ВКП(б), написанном в 1940 г., рассказывал об издевательствах при аресте, о нравах, царивших среди охраны лагерей.²⁴ По-прежнему поступали жалобы на незаконные действия НКВД. В партийных организациях налапались партийные взыскания за связь с репрессированными.²⁵

Среди писем, показывающих обстановку на местах, наше внимание привлекла докладная записка Г.Л.Скрябина, направленная на имя Сталина в 1940 г. Скрябин, в числе ряда других лиц, был командирован ЦК в Куйбышевскую партийную организацию для укрепления партийной линии и вошел в состав пленума и бюро Куйбышевского обкома ВКП(б). Оказавшись на месте, Скрябин оказался буквально в «пауцьем гнезде» и его быстро «выжили». Но за время своего пребывания он успел сделать интересные наблюдения о нравах местной номенклатуры. Возможно, Скрябин несколько «сгустил краски», но тем не менее общий характер работы провинциального аппарата выступает достаточно ясно. Приведем некоторые факты из этого документа:²⁶

Поскольку я вынужден переехать на работу в Ленинградскую организацию и тем самым лишиться возможности продолжить непосредственную борьбу против непартийной линии секретарей Куйбышевского ОК ВКП(б) т.т. Игнатова и Мельникова, постольку считаю партийным долгом осветить перед Вами отдельные факты с тем, чтобы они послужили разбирательством на Центральном Комитете ВКП(б).*

Между Игнатовым и Мельниковым продолжительное время идет беспринципная борьба за место первого секретаря обкома. Борьба между ними достигла положения, когда на официальных заседаниях один другого называет двурушником.

Эта борьба не могла не вести к интригам, издевательствам над отдельными работниками аппарата и выживанию негодных людей из аппарата обкома ВКП(б). [...]

Борьба между Игнатовым и Мельниковым заставляла их заигрывать с кадрами, сплачивая их вокруг себя на не деловой почве. В январе 1939 г. т.т. Игнатов и Мельников устроили пьянку, на которой зав. ОРПО** Сурин избил двух постовых милиционеров. Это повторилось и в майские дни, с той только разницей, что не были избиты милиционеры, а драку между собой случайно избежали. Это имело место и раньше. После одной из попок у т. Игнатова, т. Игнатов вместе с Бочаровым и Деткиным [арестованным уполномоченным НКВД и его заместителем] подъехали к Волге и начали отбирать моторные лодки у проезжающих по реке. [...]

Казалось бы грубейшие ошибки Игнатова, в бытность врага Постышева***, должны были научить его кое-чему. К сожалению, этого не получилось. Личные и деловые связи, совместные пьянки с Журавлевым [бывший уполномоченный НКВД по Куйбышевской области], а затем с врагами Бочаровым и Деткиным не дали т. Игнатову стать на положение руководителя обкома ВКП(б). [...].

Игнатов и Мельников оказались слишком «скромными» к преступной деятельности Бочарова, Деткина и др. работников НКВД. Арест Бочарова долго был фактом секрета от отдельных членов бюро обкома. В управлении НКВД по нашей области под руководством Журавлева и его заместителей — врагов народа — Бочарова и др. творились исключительные безобразия: стойки по несколько дней подряд; конвейерная система допроса; физические избиения арестованных; нередки случаи отливания холодной водой избитых; запугивание; инсценирование очных ставок; фальсификация протоколов допроса; кража вещей арестованных и др. Эти извращения и неправильные аресты, как мне кажется, имеют прямое отношение и связь с рассмотрением апелляции б. арестованных коммунистов и привлечению клеветников к ответственности. Я должен заверить ЦК, что в Куйбышевской области клеветников «не обнаружено», из работников НКВД за грубейшие извращения почти никого не привлечено. Причину этому надо искать в боязни Куйбышевских руководителей за свои ошибки. Достаточно привести несколько фактов.

Яшин М.П. (начальник пожарной охраны Куйбышевского древокомбината), в ноябре 1937 г. ГК ВКП(б) исключен как враг, 3 февраля 1939 г. обком исключает как арестованного. После 1 года 60 дней трибунал ПРИВО**** присуждает к расстрелу. После кассации т. Яшин сидит в камере смертников 65 дней и затем освобождают без предъявления ему обвинения. Следователи Тисненко и Иванов, ведя следствие по делу т. Яшина, применяли к нему все методы, господствующие в Куйбышевском управлении НКВД. Эти следователи не только не наказаны, а Тисненко работает в должности особоуполномоченного. Через бюро обкома проходили десятками б. члены ВКП(б), которые годами сидели в заключении, некоторые из них были присуждены к высшей мере наказания, физически искалеченные, морально убитые и освобождены за отсутствием состава преступления. При рассмотрении всех этих дел т. Игнатов прикидывался незнающим и вместе с другими возмущается, как это все произошло? Так же, как он прикидывается невинным в избиении кадров при Постышеве и после него. Так, например, т. Паршутов, секретарь Ульяновского ГК был исключен и тут же на пленуме арестован в присутствии т. Игнатова, проводившего этот пленум. После двух лет ареста, после потери трех ребер от избиения на допросах, после вынужденного признания себя «активным врагом», теперь он освобожден. И на бюро ОК,

когда выяснилось, что т.Игнатов виновен, то вопрос о клеветниках замяли, а т.Паршутову разрешили переменить место жительства — вместо Ульяновска на Чкаловск. [...]

Хотел бы обратить внимание ЦК на руководство Игнатовым и Мельниковым отдельными участками работы.

Самым ценным капиталом для нас являются люди. Посмотрите, как относятся к ним в нашей области. В 1938 г. сто человек колхозников-нацмен Барановского и Кузнецкого районов, подстрекаемые классовыми элементами, учинили между собой драку. Дело не обошлось без смертельных случаев. В 1939 г. в Красноярском районе колхозники избили казахов, за взятую ими солому. Суд и прокуратура не придали этим делам значения и затянули их рассмотрением.

Фактами убийств и самоубийств особо отличаются два района в области: Черновершинский и Новобуянский. В Черновершинах за 2,5 года имели место 35 случаев убийств и самоубийств. При этом характерно, что все дела следственными органами были прекращены, так как убитые и самоубийцы представлены психически ненормальными. Мне вспоминается один факт самоубийства по этому району. Коммунист зав.школой т.Герасимов и его жена покончили самоубийством при следующих обстоятельствах: будучи затравленными, неправильно исключенными из партии, не найдя поддержки в РК ВКП(б), по договоренности с женой, Герасимов сначала застрелил на кровати жену, и тут же покончил с собой. После смерти осталась записка, кое-что повествующая об их травле. Дела убитых и самоубийц слишком разнообразны. Здесь Вы найдете убийство матерями своих детей, растление малолетних, убийство с грабежом, теракты и др. Насколько внимательны следственные органы в этих делах видно из того, что в этом же районе арестованный покончил самоубийством в камере предварительного заключения. В процессе ведения следствия допускались прямо-таки дикие приемы. Зам. облпрокурора и райпрокурор по делу одного убитого в камере предварительного заключения учинили инсценировку убийства перед глухонемым. Зам. облпрокурора обули в лапти, одели в рубище, посадили на стул, затем вошел райпрокурор и набросился на него, снял лапти, затянул ему на шею петлю и душил его. [...]

Почти такое же положение по Новобуянскому району, в котором за 1938-1939 гг. имело место 30 случаев убийств. Такие факты имеют место и в других районах области. Так, например, по Майнскому району парторг ЦК покончил самоубийством, в Инзенском районе покончил самоубийством милиционер. [...]

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.121. Д.19. Л.95, 98, 100-101, 102-103.
Подлинник. Машинопись.

* Игнатов Н.Г. С января 1938 г. — первый секретарь Куйбышевского обкома и горкома ВКП(б). В январе 1941 г. был переведен на пост первого секретаря Орловского обкома ВКП(б).

** ОРПО — отдел руководящих партийных органов.

*** Постышев П.П. В 1937 — начале 1938 гг. — первый секретарь Куйбышевского обкома ВКП(б). В январе 1938 г. — снят, в феврале того же года исключен из партии, а через год — расстрелян.

**** Приволжский военный округ.

В письме Сталину К.Поль от 21 января 1939 г., выдержки из которого приводятся ниже, рассказывается о мытарствах человека и семьи, безусловно преданных режиму, но оказавшихся «замаранными» в связях с репрессированными.

Стахановцы московского «Станкозавода» с премиальным мотоциклом.

«Пирамида» наиболее популярный номер художественной самодеятельности в 1930-е годы. Должна была демонстрировать чувство коллективизма и сопричастности к великим свершениям.

Дорогой товарищ Сталин!

Разрешите на основе Вашего указания о значении опыта людей из массы, рассказать Вам что приходится переживать некоторым рядовым партийцам и комсомольцам по отдельным сложным вопросам современности. [...]*

Расскажу в качестве иллюстрации что пришлось и приходится [переживать] мне и моему сыну комсомольцу 19 лет. Я член ВКП с 1919 г. До 1926 г. была на партработе, с 1930 г. по окончании историко-партийного отделения ИКП — на научной и журналистской работе. В 1936 г., узнав из письма МК об аресте Сокольников, сообщила парткому Наркомпроса РСФСР, где я тогда работала, что Сокольников приходится мне двоюродным братом, но что с 1924 г. я не имела с ним никакого дела и не видала его. В связи с этим меня исключили из партии и сняли с работы. Год я была без партбилета, 8 месяцев без работы. Только после январского пленума КПК при ЦК ВКП восстановила меня в партии, причем не вынесла мне никакого взыскания. Но несмотря на мою просьбу снять с меня строгий выговор, который наложили на меня в 1936 г. враги народа, сидевшие в парткоме Вуамлина** (Дзенис, Гиттель и др.) «за притупление большевистской бдительности», КПК этого клейма не сняла, хотя вся наложившая его банда давно разоблачена. Перед эти я год не могла добиться в парткоме Наркомпроса снятия этого взыскания, ибо этот партком был в руках врагов народа (Романов, М. Орахелашвили и др.). Теперь я год работаю учительницей истории СССР и Конституции в 332 школе Красногвардейского района. Все время была отличницей и вела активную партработу. 8 месяцев я в парторганизации роно. 4 раза ставился вопрос по моей просьбе на парткоме вопрос о снятии взыскания и каждый раз мне отказывали с мотивировкой что недостаточно знают меня. 3 раза я была по этому вопросу у секретаря РК т. Степаненко. Он обещал помочь мне и использовать меня на партработе, но ничего сделано не было. До ИКП я окончила историко-филологический факультет Петроградского университета, владею немецким и французским, читаю по английски. Имею опыт научной работы, преподавательской работы в вузах по истории ВКП и ленинизму, журналистской и пропагандистской работы и массовой агитационной работы на предприятиях. После моего восстановления в партии прошел уже год, но все попытки получить производственную и партийную работу по специальности не дали результата. Всюду та же картина: люди очень нужны, встречают тебя прямо радостно, но когда сообщаем о родстве и взыскании тебе открыто или под другим предлогом отказывают. Вот примеры. Обратилась в секцию международного права института права Академии наук с предложением написать под их руководством очерк истории внешней политики СССР в качестве докторской диссертации и составить сборник «Ленин и Сталин о борьбе СССР за мир». Работаю над этими вопросами ряд лет и горячо хочу написать пригодную для широких масс книжку по истории нашей борьбы за мир. Мне сначала сказали, что такая книжка нужна как хлеб, а потом отказали. Я работаю правда членом секции, активно участвую в обсуждении работ других товарищей, но мне никаких научных заданий не дают.

Летом принесла в «Рабочую Москву» статьи по международным вопросам. Спрашиваю: где зав. иностранным отделом? Говорят: нет его. — А заместитель? — И его нет. — Тогда какой-нибудь сотрудник отдела? — Никого нет.

Тогда я пошла к редактору газеты. Расспросив о квалификации он сразу повел разговор о заведовании международным отделом, но услышав о родстве записал мой телефон и не позвонил. Пошла в журнал «Пропагандист». Мне заказали статью о Ростовской стачке. Когда прочли ее, заказали мне вторую об Обуховской обороне. Приняли обе статьи и предложили идти работать в штат. Но когда я сообщила о родстве и в особенности о выговоре не напечатали ни одной статьи, хотя признали их хорошими. За 8 месяцев моего пребывания в

Красногвардейской районной парторганизации райком ни разу не дал мне ни одного задания, не поручил ни одной беседы или доклада. 3 года я не была на заводах, раньше проводила на предприятиях по 2-3 беседы в неделю. Правильно ли все это, товарищ Сталин?

*Теперь о сыне. Он с 1936 г. член ВЛКСМ. Студент III курса Московского геолого-разведочного института. Хотя он ни разу в жизни не видел Сокольников и сам сообщил об этом родстве, он был в связи с этим и моим исключением дважды исключен из ВЛКСМ и был восстановлен без всякого взыскания после январского пленума. [...]****

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.121. Д.19. Л.41-43. Подлинник. Машинопись.

* Опушены длинные рассуждения о том, что родственников врагов народа и живущих за границей не следует подвергать преследованиям, представляющие вариации на сталинские слова «Сын за отца не отвечает».

** ВУАМЛИН – Всеукраинская ассоциация марксистско-ленинских институтов. По всей видимости, автор какое-то время работала в этой организации.

*** Опушены повторы. Полностью документ см.: РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.121. Д.19. Л.34-44.

Очень сложную и противоречивую картину внутри самой партии рисуют материалы обсуждения проекта нового устава ВКП(б), разработанного комиссией под руководством А.А.Жданова.²⁷ А.Караулов из Тамбова писал (краткое содержание письма): «Товарищ Сталин в 1935 г. сказал, что сын за отца не отвечает. Между тем, по милости перестраховщиков, в практике партийных организаций брат стал отвечать за брата, даже в случае совершенно обособленной, друг от друга жизни. Коммунист сам по себе безупречный, только потому, что среди его родственников оказались репрессированные, такой коммунист начинает расцениваться как коммунист второго сорта, его никуда не избирают, ему не доверяют и постоянно упрекают преступлением брата или других родственников.» В связи с этим он предлагал добавить в устав: «Член партии не отвечает за действия и преступления своих родственников, если не будет доказана его личная виновность в этом». А.Смага из Баку настаивал на том, чтобы «оградить права и высокое звание члена партии – искоренить «теорию» деления коммунистов на 2 или 3 сорта, прекратить практику составления секретных дел на коммунистов, запретить дачу партийных сведений о коммунистах беспартийным организациям.» В.Седов из Свердловска писал о необходимости «на деле изменить отношение к восстановленным в партии: окружить их атмосферой товарищества, не оставлять изолированными от партийной массы, не попираť их человеческое достоинство требованием вечного покаяния. Не пора ли, – спрашивал он, – в анкетах советских учреждений» «сократить» вопросы партийного порядка – подвергался ли партийным взысканиям? Когда и за что? Кем отменено?» Северов из Ленинграда отмечал, что ЦК постоянно запаздывает с исправлением ошибок местных организаций. Так было, например, с исключениями из партии. Ошибки исправлялись лишь тогда, когда они принимали слишком большие размеры. Железнодорожник С.Липенков призывал оговорить в уставе, чтобы райкомы через голову первичной организации не могли исключать из партии, а вопрос об исключении в первичной организации решался лишь тайным голосованием. О том же писал другой железнодорожник А.Хрипин, а также Камалов из Уфы. По-

следний призывал также предоставить апеллирующему право отвода из состава рассматривающей его дело организации лиц, на беспристрастность которых апеллирующий не рассчитывает. М.Рошин из Ленинграда в порядке отклика на избиение кадров в период «ежовщины» считал необходимым ввести в устав пункт о том, чтобы «обеспечить бережное отношение к испытанным старым членам партии, к представителям ленинско-сталинской большевистской гвардии, к подпольщикам, участникам гражданской войны 1917-21 гг.» Это нужно для того, чтобы «на личном примере старшего поколения партии воспитывать новое поколение и комсомол.» Для оказания помощи ветеранам, по его мнению, нужно было восстановить при районных комитетах партии кассы взаимопомощи. Он призывал также создать при первичных организациях партийные товарищеские суды для разбора маловажных проступков членов и кандидатов партии. Рабочий Г. Черный с завода «Серп и молот» в Москве предлагал кандидатуры коммунистов, выдвигаемых на руководящую работу, предварительно обсуждать на собраниях первичной организации и на заседании партийного комитета соответствующего предприятия или учреждения. В.Кочетов из Ленинграда считал, что прием в партию, а равно обсуждение проступков тех или иных коммунистов, нужно производить на открытом собрании — «ведь беспартийных большевиков так же глубоко волнуют эти вопросы, они живо заинтересованы в чистоте партийных рядов.» А.Измайлова из Москвы обратила внимание, что фактически XVIII съезд собирается через пять лет после предыдущего. Она указала также на необходимость подчеркнуть в уставе право членов партии свободно обсуждать вопросы партийной политики.

Все эти предложения отражали определенную тягу к демократизации партии. Но были предложения и совершенно иного порядка. П.Луцкевич из Кировограда предлагал принять новое название партии Всесоюзная ленинско-сталинская коммунистическая партия (большевиков). И.Гуревич из Воронежа писал: «Существует порядок — члена или кандидата партии, оказавшегося врагом народа и разоблаченного органами НКВД, исключать из партии на общем собрании первичной парторганизации. Что дает эта формальность?» Он предлагал внести дополнение в устав: «Если член партии оказывается человеком, изменившим партии, боровшимся против партии и советской власти в подрывных целях, он механически выбывает из партии, о чем ставится в известность парторганизация». Естественно, такой порядок значительно «упрощал» борьбу с «врагами народа». Военнослужащий из Читы Г.Киселев настаивал на том, чтобы при исключении из партии оговаривалось — «с правом вступления» или «без права вступления в ВКП(б)». Исключавшихся по политическим мотивам принимать на тех же условиях, что и выходцев из других партий.» О том, что означало в те годы пребывание в других партиях, известно. Н.Кузнецов из Перми предлагал внести в устав, что «члены партии, допустившие фракционность или попытки к образованию фракционной работы в партии, подлежат немедленному исключению из партии, как враги социалистической родины.» В.Демин из Ашхабада считал необходимым ввести в практику как меру воспитания и исправления — исключение из партии на определенный срок в зависимости от степени и важности проступка.

Некоторые предложения по уставу отражали происходившие в обществе изменения. Если раньше при вступлении в партию явное предпочтение отдавалось рабочему классу, то проект нового устава предусматривал более широкий доступ, облегчавший путь наверх представителям номенклатуры и их детям. В качестве реакции на низкий уровень образования коммунистов в предшествующие годы С.Жижкин из пос.Шевченко предлагал внести в устав требование добиться такого положения, чтобы в течение третьей пятилетки все коммунисты имели подготовку не ниже средней школы. В то же время имелись и факты негативной реакции на это предложение. Романов из Главсевморпути беспокоился — не засорится ли партия при столь свободном доступе в нее, как это устанавливается тезисами доклада тов. Жданова, и не ослабится ли ее боеспособность. Ф.Шаповалов из Липецка предлагал для выходцев из чуждых классов установить вторую категорию по приему в партию: пять поручителей с 10-летним стажем ((в том числе обязательно двух рабочих с производства), а кандидатский стаж для принятых по этой категории ввести 2 года. И. Фурман из Новоград-Волынска высказывался за сохранение трех категорий по приему в партию: а) для рабочих, проработавших 3 года на производстве, установить 6-месячный кандидатский стаж при двух поручителях с 3-летним партстажем; б) для крестьян и интеллигентов одногодичный кандидатский стаж с тремя поручителями с 5-летним стажем; в) для выходцев из других партий — как в старом уставе. В.Алексеев из Вологодской области считал, что еще не время устанавливать для всех одинаковые условия приема в партию.

Как известно, этот пункт устава был принят на съезде в «облегченной» редакции. Более того, руководство начинает выражать недовольство малостью подраспустившимся «гегемоном» — падением дисциплины на производстве, разболтанностью, текучестью, ростом ряда негативных явлений, пьянства, преступности и т.п. По постановлению, принятому СНК СССР в январе 1939 г., любое опоздание на работу на 20 минут приравнивалось к неоправданному отсутствию, а повторное опоздание вело к увольнению работника. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1940 г. предусматривал еще более строгие меры. Любой случай неоправданного отсутствия на работе подлежал рассмотрению в народном суде. Признанные виновными приговаривались к исправительным работам на рабочем месте сроком до 6 месяцев с удержанием 25% заработка. Одновременно вместо 7-часового вводился 8-часовой рабочий день и семидневная рабочая неделя, что было связано с возникшими производственными трудностями. Указ запретил расторжение трудового договора о найме на работу в одностороннем порядке, что фактически означало прикрепление работника к предприятию. В августе того же года был принят указ об усилении уголовной ответственности за мелкие преступления (пьянство, хулиганство и пр.). В результате этих мер снова стало расти население ГУЛАГа. Если в 1939 г. по статье «за хулиганство» было осуждено 108 тыс., то в 1940 г. — почти 200 тыс. человек.²⁸

Нет нужды подробно говорить о морально-психологическом факторе на производстве. В стране, где многое делалось на голом энтузиазме, вере, революционном порыве к светлому будущему, на откровенной эксплуатации талантливого от природы русского мужика, тяжелый морально-

психологический климат репрессий особенно сильно отразился на желании и возможности работать с максимальной отдачей, вносить рацпредложения, участвовать в стахановском движении и т.д. Парторганизации ведущих предприятий, игравшие немалую роль в «вытягивании» плановых заданий, оказались буквально заваленными разбором дел репрессированных, членов их семей, жалобами, заявлениями и физически были не в состоянии серьезно заниматься производством.

Нет сомнения, что массовые репрессии породили своего рода «экономическую лихорадку» на производстве и кризис снабжения, который хорошо просматривается по документам. «Посадки» организаторов производства, ведущих инженерно-технических кадров, квалифицированных рабочих не могли не сказаться на деятельности трудовых коллективов, количестве и качестве выпускаемой продукции как промышленности, так и сельского хозяйства. Сильно пострадало высшее и среднее звено планово-управленческой сферы недавно созданной «социалистической экономики». Как видно из источников, такие передовые столичные предприятия всесоюзного значения, насыщенные сложным импортным оборудованием, как Электрокомбинат, Автозавод, ГПЗ-1 оказались в конце 1937-начале 1938 г. настолько дезорганизованы репрессиями, что с треском провалили план и практически не смогли полностью восстановиться вплоть до начала войны. О ненормальной обстановке, сложившейся на Сталинградском тракторном заводе докладывал в ЦК некто Цуриков.²⁹

Накануне войны явно усилился усилился однобокий характер советской промышленности, отставание отраслей производящих товары широкого потребления. К тому же «экономическая лихорадка» на производстве совпала по времени с военными приготовлениями, требовавшими резкого увеличения доли военного производства за счет сокращения выпуска гражданской продукции. Как видно из многочисленных писем с мест, к 1939 г. страна по сути стояла накануне возврата к карточной системе распределения промтоваров и продуктов питания. Но это означало бы для руководства фактическое признание и своей несостоятельности и отмену широковетельных заявлений о возрастающей заботе о советском народе, жить которому с каждым годом якобы все лучше и веселей. На это Сталин пойти не мог. Послушные средства массовой информации сделали все, чтобы скрыть правду о реальной ситуации. Из писем с мест видно: многие считали, что критическая ситуация только в их местности, а не по всей стране, что недостаток товаров — дело рук вредителей и спекулянтов либо результат нерасторопности местных властей. Дефицит продуктов привел к огромным очередям. Отчаявшиеся граждане сами просили ввести карточную систему, чтобы не умереть с голоду. В письмах неоднократно подчеркивается, что отказ властей решать ситуацию озлобляет население, вызывает антисоветские настроения. В результате, несмотря на явное противодействие центра, решившего «не замечать» ситуацию, местные руководители вынуждены были явочным порядком вводить нормированное распределение продуктов и товаров для категорий населения, не охваченных закрытой торговлей и спецраспределителями. Когда же дефицит «выбрасывали» в свободную продажу, то люди часто теряли не только признаки социалистической морали,

но и человеческий облик. Такую типичную картинку советского быта нарисовал в письме М.И.Калинину, написанном в конце 1938 г. жителем станицы Белая Калитва Ростовской области М.И.Апенько:

В ст. Белая Калитва Ростовской области 26 и 27 ноября сего года проходила колхозная ярмарка, где скопилось несколько тысяч колхозников и рабочих для покупки промышленных товаров, так как в местной газете «Сталинский клич» было объявлено о достаточном количестве завезенных на колхозный рынок промтоваров.

На ларьках торговых, на красном полотнище, огромными буквами были написаны лозунги «За культурную советскую торговлю в городе и деревне!». На самом же деле я был свидетелем неслыханного издевательства над гражданами, а именно: очереди у мануфактурных ларьков выстроились ночью. В 10 часов утра начали привозить мануфактуру. Подвода с лошадью поломали очередь, и кто был первым – очутился последним, последние очутились первыми. Поэтому мануфактуру могли купить спекулятивные элементы и по знакомству, так как многие лица выдавали себя за членов содействия милиции. Прейскуранта на товары не было, следовательно – неизбежный обсчет покупателей.

Когда же начали мануфактуру покупать и бросать через головы, очереди совершенно поломались, образовалась общая сутолока и сплошной массив народа, что давало возможность лезть по головам в грязных сапогах и в грязной одежде. Конкретно 26 ноября по головам ползли Леонов Роман, Черников Николай. Белоусову Марфу вытащили в безсознательном состоянии в растрепанном виде, гражданину Аксенову (хутор Крутинский) разбили нос, сильно шла кровь, так как крышка рундука не была прикреплена.

27 ноября утром гражданин Мазолевский в форме железнодорожника [тоже лез] по головам и особенно циническое издевательство было проявлено над 15-летней гражданкой Какичевой Натальей из хутора Форштад. Она была выброшена на головы и каталась по головам (обнажены были ноги).

Все это известно районным организациям, но никто не реагировал.

Я рассматриваю, что это работа классового врага, была проделана конкретная контрреволюционная агитация на практике, о чем я писал Предсовнаркома СССР т. Молотову. Секретариат т.Молотова направил для расследования областному прокурору, а воз и ныне там. А также сообщил я Облисполкому, последний обязал Облвнуторг и Облпотребсоюз развернуть правильную советскую торговлю в Белокалитвенском районе. Однако все это осталось без исполнения. О последующем вашем распоряжении прошу сообщить.

ГАРФ. Ф.7523. Оп.23. Д. 209. Л.70. Подлинник. Машинопись.

Как видим, опять виноват «классовый враг». Между тем проблема дефицитов на различные продовольственные и промышленные товары все более обострялась. Повсеместно были введены нормы отпуска товаров в одни руки, заставлявшие людей обегать десятки магазинов, чтобы запастись продуктами и не стоять в бесчисленных, огромных и злых очередях. Возник своего рода порочный круг: чем больше товарных резервов выбрасывалось в торговлю, тем больше были очереди. Плановые цифры роста торгового оборота, даже в малой степени не могли обеспечить потребности населения. Расхватывание товаров усугублялось постоянно циркулирующими слухами о войне, которая вся ближе продвигалась к границам Союза.

Руководство сражалось с дефицитами главным образом административными и карательными мерами. Указ 26 июня 1940 г. был направлен и против тех, кто стоит в очередях вместо работы на предприятиях и учреждениях.

Накануне войны руководство пошло даже на запрещение очередей, борьбу с ними с помощью милиции. Борьба эта шла с переменным успехом. Люди изобретали тысячи способов, чтобы достать то, что было нужно. Складывалась своего рода наука, как можно это сделать, приложив изрядное количество времени и изобретательность. Увеличилось число людей, которые старались запустить руку в государственный карман.

Источники свидетельствуют, что экономическая ситуация конца 1930-х годов породила несколько серьезных социальных проблем, о которых необходимо сказать особо. Во-первых, она четко высветила обострение социально-профессиональных противоречий внутри советского общества, что явилось безусловно новым явлением после провозглашенного в конституции 1936 г. принципа социального равенства. Дело в том, что в условиях кризиса снабжения по решению Политбюро ЦК ВКП(б) была создана система закрытой торговли и общественного питания для военнослужащих, работников НКВД, тружеников военно-промышленных объектов, железнодорожного транспорта и некоторых других. То есть, были выделены привилегированные социально-профессиональные группы, о снабжении которых, в отличие от остальных, государство позаботилось. Эта несправедливость в условиях реальной угрозы голода не могла не вызвать возмущенной реакции населения. Как писал А.И.Микояну школьник из Гомельской области Борис Морозов, местные железнодорожники в условиях голода, «посылая ко всем чертям посторонних, педагогов, получают хлеб из своего буфета. И кто им только давал право позорить страну! Нет, при таких порядках и при таких достатках никогда нам не победить, никогда нам не построить коммунизм!», — заключил девятиклассник.»³⁰ Кроме того, критическая ситуация продемонстрировала, что номенклатура вовсе не намерена делить тяготы и невзгоды жизни с остальными людьми, что также мало соответствовало провозглашенным идеям социальной справедливости. Житель Казани Зайченко писал Председателю Совнаркома Молотову весной 1940 г., что спекуляция получила широкое распространение. Работники магазинов, не стесняясь покупателей, отпускают товар родственникам и знакомым без очереди, припрятывают вещи для перепродажи при попустительстве милиции и местных властей. Люди вынуждены покупать товар втридорога у спекулянтов. В то время как простые граждане простаивали ночь накануне 1 мая 1940 г. в очереди за хлебом, местные власти получили в своем спецраспределителе деликатесную икру, колбасы, пирожное.³¹ С.Д.Богданов из Ферганы сообщал наркому пищевой промышленности в ноябре 1940 г. о пышном расцвете блата и использовании служебного положения в полуголодном городе. «22 октября стояли в очереди рабочие, служащие, ожидая в раймаге промтовары. После чего приходит начальник милиции, начальник уголовного розыска, прокурор, судья, набрали самых ценных товаров и ушли. После чего народ заволновался, народ заговорил, что нет правды, и нигде нельзя добиться. Остальной товар вывезли неизвестно куда, рабочие не могли получить.»³²

Страшный дефицит действительно возродил спекулятивную среду, вызвав широкое недовольство и естественные в обстановке будируемых массовых репрессий мысли о происках врагов. В искореженном общественном

сознании это было самое простое и доступное для советского обывателя объяснение возникающих проблем. Отметим, что и для власть предержащих подобное объяснение было весьма удобным, поскольку отучало людей задумываться о действительных причинах недостатков. «Опять чья-то преступная лапа расстроила снабжение Москвы,- писал 19 дек.1939 г. В.М.Молотову москвич С.Абуладзе. — Снова очереди с ночи за жирами, пропал картофель, совсем нет рыбы. На рынке все есть, но тоже мало и по четверной цене. Что касается ширпотреба, то в бесконечных очередях стоят все больше неработающие люди, какие-то кремневые дяди и дворники, ранние уборщицы и незанятые... Как быть служащему человеку? У нас нет времени часами стоять в очередях или платить бешеные цены на рынке. Вячеслав Михайлович! Неужели нельзя урегулировать снабжение продовольствием и ширпотребом? Просим Вас как нашего депутата содействовать ликвидации всех махинаций и бескультурия в снабжении, ведь очереди развивают в людях самые плохие качества: зависть, злобу, грубость и изматывают людям всю душу.»³³

Москвичи не подозревали, что столица находится в значительно лучшем положении по сравнению с остальной страной. Приезжавшие в столицу к родственникам, в командировку жители других регионов открыто завидовали москвичам и одновременно возмущались: а чем они или их дети хуже московской детворы, почему они не видят ни сахара, ни молока.

Из глубинки же приходили вовсе отчаянные письма. «В столовых предприятий отпускается только по 200 гр. хлеба, и то с обедом, — сообщал В.М.Молотову в январе 1940 г. зам. начальника Лесозавода №6 Зюздинцев из п.Гольши Горьковской обл. — А если рабочий берет чай, то хлеба не дают и при этом большинству рабочих не хватает хлеба к обеду. Те, которым не досталось хлеба, едят щи, а вместо хлеба берут кашу. Это также вызывает недовольство, доходящее до скандала, и вредно отражается на производстве.»³⁴ Т.Макаренко из Севастополя писал И.В.Сталину «как самому близкому другу и отцу», что у них в городе от многочасовых очередей, голодухи люди звереют, дерутся, теряют человеческий облик. В магазине №5 по ул.К.Маркса произошел, по выражению автора, «характерный случай». «За то, что рабочий хотел достать колбасы, его задавили самым настоящим образом. И когда он скончался тут же в магазине, то никто уже не решился брать колбасу, так как мертвец лежал в магазине.»³⁵ Мать двоих маленьких детей П.С.Клементьева из Нижнего Тагила в отчаянии писала Сталину в январе 1940 г., что ей нечем кормить детей. «Готовить не из чего. Все магазины пустые, за исключением в небольшом количестве селедка, изредка если появится колбаса, то в драку. Иногда до того давка в магазине, что выносят людей в бессознательности. Иосиф Виссарионович, что-то прямо страшное началось. Хлеба, и то, надо идти в 2 часа ночи стоять до 6 утра и получишь 2 кг ржаного хлеба... Я настолько уже истощала, что не знаю, что будет дальше со мной... От многих матерей приходится слышать, что ребят хотят губить. Говорят затоплю печку, закрою трубу, пусть уснут и не встанут. Кормить совершенно нечем. Я тоже уже думаю об этом...»³⁶ О страшном оскале приближающегося голода писала в ЦК ВКП(б) и Вера Игнатьева из Сталинграда: «...люди точно с ума сошли, страшно видеть бе-

зумные, остервенелые лица, лезущие друг на друга в свалке за чем-нибудь в магазине... Нет ничего страшнее голода для человека. Этот смертельный страх потрясает сознание, лишает рассудка, и вот на этой почве такое большое недовольство. И везде, в семье, на работе, говорят об одном: об очередях, о недостатках. Глубоко вздыхают, стонут, а те семьи, где заработок 150-200 руб. при пятерых едоках, буквально голодают, пухнут. Дожили, говорят, на 22 году революции до хорошей жизни, радуйтесь теперь!»³⁴ Тяжелое положение, как показывают письма, сложилось на строительстве ряда «специальных объектов» и на заводах оборонного значения, хотя их работники обеспечивались лучше.³⁷

Источники свидетельствуют, что кризис снабжения, сопровождавшийся заметным ростом цен, привел к известному обострению отношений горожан и колхозной деревни. Многие рабочие, как и прежде, стали валить беду на деревню. Колхозники для продажи продукции со своих участков приезжали в город, скупали дефицитные товары, что вызывало явное недовольство горожан. «Деревня скупает все товары, появляющиеся на рынке... Городской житель даже в Москве не может купить одежду и обувь,» — раздавались голоса при обсуждении проекта нового Устава ВКП(б). Преподаватель из Москвы А.Сазонов, видимо на основе официальной статистики, указывал на неоправданный, с его точки зрения, рост доходов колхозников и предлагал добиться снижения доходов в деревне в ближайшие 4 года на 10-12 проц. в год.³⁸ Каким было реальное положение колхозников и почему они ехали в город за продуктами, мы еще увидим.

Судя по предложениям в связи с обсуждением проекта Устава партии, кризис снабжения, рост цен заставил многих людей более пристально взглянуть на уровень жизни различных категорий населения и возможности более справедливого распределения товаров. Так, Братцев из Куйбышева предложил ввести карточную систему на дефицитные промтовары, чтобы все могли одеться и обуться. А.Н.Попов из Курска ратовал за значительное повышение цен на товары группы «люкс» — велосипеды, вина, тонкое сукно и за счет этого не повышать цены на предметы первой необходимости. М.К.Котелевский из Одессы, отмечая необходимость ликвидации наметившегося в последнее время отставания в выпуске так необходимых людям изделий легкой промышленности, предложил ликвидировать дефицит за счет увеличения — в 15 раз (!) экспорта. Ф.Воронин из Московской области, озабоченный ростом дифференциации доходов населения, выступил с предложением поднять минимальную зарплату с 115 до 175-200 руб. с одновременным ограничением высоких заработков представителей интеллигенции до 1500-2000 руб. И.Шибяев из Москвы обратил внимание на необходимость увеличения пенсий для стариков и нетрудоспособных.³⁹

Система социального обеспечения к концу 1930-х годов выглядела далеко не налаженной. Источники свидетельствуют о нехватке детских садов и ясель, громадных очередях при устройстве в них малышей и жалобы на привилегии при этом для отдельных групп населения. Как уже говорилось, в этот период государство взяло курс на укрепление семьи. К числу мероприятий, лежавших в этом русле, принадлежит постановление ЦИК и СНК СССР от 27 июня 1936 г. «О запрещении абортов, увеличении материаль-

ной помощи роженицам, установлении государственной помощи многодетным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовных наказаний за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах.» Уже из самого названия очевидно, что намечаемые меры имели во-многом запретительный и репрессивный характер. Неудивительно, что в перспективе они дали малый эффект. В докладной записке, посвященной анализу причин высокой детской смертности и направленной в 1940 г. в ЦК ВКП(б) наркомом здравоохранения СССР Митеревым, отмечалось, что по сравнению с серединой 1930-х годов детская смертность повысилась. Если в 1935 г. она составляла 146 детей на 1000 родившихся, то в 1938 — 162.⁴⁰ Материалы по проверке того, как выполняется вышеуказанное постановление, показали, что до его принятия в 1935 г. количество аборт в стране насчитывало 1 932 305 случаев. После постановления наблюдалось сначала резкое снижение, а далее снова рост: 1937 — 570 тыс., 1938 — 685 тыс., 1939 — 755 тыс.⁴¹ Причем, речь шла об официально зарегистрированных абортах. Была также выработана инструкция борьбы с так называемыми «преступными абортами», предусматривающая за их совершение уголовную ответственность. Пожалуй, лучше всего показывает, какие бытовые коллизии могли возникать на данной почве, телеграмма военнослужащего Анисимова в Верховный Совет СССР:

Москва Кремль Верховный Совет Калинин

[Во] время пребывания [в] отпуску [в] Кисловодске [моя] жена Анисимова имела сожителство[.] Результатом [стала] беременность [.] Имею семью двух взрослых детей [.] прожив 20 лет. Вследствие беременности Анисимова оставила семью [.] Прошу решения прервать беременность [.] возвратив [к] нормальной жизни семью 4 человека[.] После прервания Анисимова возвращается [в] семью [.] Ваше решение шлите [.] Хабаровск [.] санитарное управление армии [.] Анисимову.

ГАРФ. Ф.7523. Оп. 23. Д.209. Л.60. Подлинник. Телеграфный бланк.

Как видим, понадобилось разрешение на аборт высшего законодательного органа страны. Нет сомнений, что массовые репрессии не способствовали укреплению семейных и моральных устоев. Возросла безотцовщина, увеличилось число разводов, самоубийств.

В тридцатые годы в стране продолжалось переселенческое движение, в которое к концу десятилетия приобрело организованный добровольно-принудительный характер. В малонаселенные, но богатые землей, лесами и другими природными богатствами, перспективные для освоения регионы страны — Алтай и др. переселялись жители из густонаселенных районов. Реалии переселенческого дела, как видно из документов, оказались значительно сложнее, чем ожидалось. Одной из наиболее существенных неожиданностей стал всплеск межнациональных конфликтов. Дело доходило до того, что во многих случаях распри на почве национальной неприязни становились причиной массового возвращения переселенцев и фактического срыва переселенческой политики. Впрочем, неприязнь местного населения к вновь прибывшим была во многом связана с общими экономическими

трудностями: жилищной необустроенностью, недостатком продовольствия, кризисом снабжения, о котором говорилось выше. Местное население боялось, что многолетние переселенцы будут их «объедать», придется освободить для них жилье, делиться и так скудным рационом продуктов и промтоваров. Именно в этом, по-видимому, была одна из главных причин живучести национальных предрассудков. В полуголодной стране сохранялся психологический феномен очереди, в которой стоят все, но товаров достанется не всем. Так экономические и национальные проблемы тесно переплетались, рождая сложные связи и взаимозависимости, порождая периодические всплески ненависти. Все это мало соответствовало социалистическим идеям, но как нельзя лучше отражало противоречивые реалии советской действительности конца 1930-х годов. Начальник Переселенотдела при СНК Чувашской АССР Лазарев сообщал, что в 1940 г. в Алтайский край из Чувашской АССР переселилось 966 хозяйств, из них обратно вернулось 318 хозяйств, что составляет 32,9%.⁴² При этом прилагались 3 копии писем, причем отмечалось, что подобные письма поступали почти ежедневно. В одном из них говорилось:

Скоро год, как мы переселились из Чувашии но если взять как живем в настоящее время. Скота никакого не имеем потому, что нам правление не помогает [...]. По сути мы за их прошлогодние недоимки виновны чтоль? Живем в скверных квартирах, застал зимний мороз, избы неисправны и неотремонтированы, окна тоже, но стекло для нас колхоз получил, и нам стекла не исправили, а полученные стекла для нас израсходовали для животноводства и после чего окна пришлось забить досками и заклеивать глиной...*

Нет бани и по дрова ехать нет лошади и даже не дают, в бане моимся в 4-5 недель раз, даже появляются нехорошие случаи. Одежда вся износилась, но в магазине нам не дают, всегда из очереди отбрасывают, дескать у вас не уплачен паевой взнос, даже ни районные работники о нас не думают, но за последнее время стыдно выходить на улицу, все изорвалось, что было на нас, но купить нигде, а когда нас вербовали сюда, говорили, что нам будут продавать мануфактуру в первую очередь, а когда приехали нет ничего.

По сути дела нас здесь не считают нужными людьми, нас считают только за свиней, как например: переселенец Сергеев Петр, когда стоял у кладовой чтобы получить муки 5 кгр кладовщик ему не выдал, а толкнул в грудь ногой и ногу сишиб, и назвал, дескать чуваши они вовсе как свиньи и живите с картошкой, а мука нужна для русских, да где же тогда Сталинская Конституция о равноправии ...

Когда [мы] сидели за столом с переселенцем Алексеевым В.А. и Александровым С.Х. к нам подошел Жиров А.Л. и крикнул на нас выходите со стола, мы сперва покушаем, а остаток — переселенцам дескать вы все переселенцы едите чужой хлеб...

*Алтайский край, ст. Овчинниково Косихинский район,
Червовский с/совет, колхоз им. Сталина.*

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.123. Д.42. Л.59-59(об.). Заверенная
правленная машинописная копия.

* Опущена часть об использовании льгот для переселенцев на списывание долгов и недоимок колхоза.

А вот случаи, записанные со слов возвратившихся назад переселенцев:

1. Козлова Екатерина Куприяновна переселилась из колхоза им. Дмитрова Ибресинского района в Алтайский край, Залесовский район Талицкого с/совета колхоз «Анатолий». Я загородила огород совместно с Ширтановским Ильиным Захаровичем, из деревени Н.-Выслы Никитиным Егором. А мужики и молодежь старожилы собрались пьяная шайка, огород разгородили с этими жердями, разбили окна и жердями разломали печи Трофимова Павла и Денисова Федота.

Старожилы заявляют Вас надо прогнать, какой черт принесло Вас, что здесь на березе калачики висят, что ли. Жаловались в район и там не приняли никаких мер и мы вынуждены были приехать обратно...

2. Гаврилов Емельян Гаврилович (старик).

Приехал на переселение, занял дом стекла были, печка была, как только я занял за одни сутки разбили все окна, печки разломали и дом превратили в уборную...

Были случаи такие временно сидели без хлеба 17 дней (когда рассказывает старик плачет). Были случаи, что переселенцы ели падаль. Например Денисов Федот ел павшую телку, Никитин Николай тоже...

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.123. Д.42. Л.61. Рукописная заверенная копия.

Заседание бюро Алтайского крайкома ВКП(б) 18 декабря 1940 г. полностью подтвердило факты издевательского отношения к переселенцам в Залесовском районе Алтайского края. Как отмечалось в протоколе, в результате из 769 семей в 1940 г. выехала назад 361 семья. Указывалось на нарушение местными властями постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 4 июня 1940 г. о личном руководстве делом приема и хозяйственного устройства переселенцев. Говорилось, что семьи переселенцев никто не встречал. Семьи жили на вокзале в течение 10 дней. Багаж у них был расхищен. Указывалось на оскорбление национальных чувств чувашей со стороны местной администрации. Им не выдавали ссуд и продуктов, в результате чего 15 детей переселенцев умерли.

В постановляющей части говорилось о принятых мерах. Предколхоза им.Анатолия Недосеков за антисоветские действия в отношении к переселенцам привлечен к уголовной ответственности и арестован. То же было предпринято в отношении зав. райзо Иванова и зам. предрайисполкома Чиркова, остальным виновным были вынесены партийные взыскания.⁴³

Народный комиссар внутренних дел Чувашской АССР старший лейтенант ГБ Барсков докладывал 6 марта 1941 г. наркому НКВД Берия, что «из поступивших в НКВД Чувашской АССР материалов видно, что в ряде областей и краев Советского Союза, как-то: Красноярском, Алтайском краях, в Свердловской, Кустанайской областях нарушается постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР о переселенцах.» Далее говорилось, что «местное население переселенцев принимает плохо. Допускаются грубости и издевательства, доходящие до избиения...», много уехало: «В 1940 г. из 2839 хозяйств Чувашской АССР, переселившихся в упомянутые края и области, 859 хозяйств возвратились обратно.»⁴⁴ «Колхозник-переселенец из колхоза имени Чкалова Залесовского района Алтайского края Афанасий Яковлевич Воробьев рассказывал, что сначала приняли нормально, а затем отношение резко изменилось. Детей и стариков оставляли без продуктов. В общественную столовую не пускали, товаров в магазине не продавали, не обеспечива-

ли топливом, дрова из лесу вынуждены были носить на себе. На трудодни ничего не выдавали.»⁴⁵ Н.П.Янбашев из Кустанайской области (Мендыгаринский район) «в числе других переселенцев 8 дней лежал в пыли и под дождем. 4 дня его семья совершенно не имела хлеба и он даже не имел средств купить его... С 8 июля прошлого года (день прибытия переселенцев) им не отпустили в магазинах ни одного метра мануфактуры.»⁴⁶ В колхозе «Новый путь» Верхотурского района Свердловской области переселенец Осипов Александр, сообщая факты издевательств, рассказывал, что зам. председателя колхоза А.Г.Шубиков заявил на собрании колхозников: «переселенцы приезжают очень большими семьями, они хотят жить на нашей шее, пускай едят картошку и пьют воду.»⁴⁷

Все эти факты свидетельствуют о том, что социальные процессы в советском обществе в конце 1930-х годов несмотря на провозглашаемую общность и якобы растущее единство общества, оставались внутренне напряженными, а существующие противоречия не только не сглаживались, но даже нарастали. Массовые репрессии, кризис снабжения, и другие факторы, безусловно, катализировали эти процессы.

То же самое отмечалось и в области межнациональных отношений. В одном из заявлений в партийные органы отмечались массовые факты антисемитизма в СССР.⁴⁸ Массовые репрессии внесли свою лепту в разжигание национальной вражды, рассказывая населению о потенциальных врагах и шпионах, и предлагая с особым «вниманием» относиться к представителям таких национальностей, как немцы, итальянцы, австрийцы, поляки, финны. Сегодня рассекречены директивные материалы НКВД конца 1930-х годов, свидетельствующие о не случайном характере почти поголовных репрессий в отношении представителей этих национальностей. Впрочем, под подозрением были все «иностранцы», вне зависимости от национальности, заслуг перед СССР или Коминтерном. В обществе сознательно разжигалась ненависть к ним как потенциальным террористам и агентам иностранных разведок. Сегодня кажется труднообъяснимым, почему общественное мнение оказалось столь податливым на социальную демагогию. Ведь еще в 1934 г. австрийских штурмовиков, например, встречали как национальных героев, а 3 года спустя их превратили в злейших врагов СССР. Репрессивная машина гребла всех под одну гребенку. В 1938-1939 гг. из СССР были высланы семьи обрусевших немцев, итальянцев, предки многих из которых приехали в Россию еще при Петре I, несмотря на то, что эти люди не знали ни языка, ни культуры предков и не имели с этими государствами никаких связей. Единственное основание — иностранная фамилия. Об абсолютной бездумности машины репрессий свидетельствует, например, тот факт, что среди высланных оказался молодой талантливый ученый-ядерщик, еврей по национальности, бежавший из Германии после прихода Гитлера к власти и в тридцатые годы активно участвовавший в разработке подходов к созданию советской атомной бомбы.

Следует особо остановиться на социальных и национальных проблемах, возникших в стране в результате присоединения к СССР в 1940 г. территорий западной Украины и Белоруссии, а затем Прибалтики и Молдавии. За оккупацией последовала «советизация» — коллективизация, сколачивание

колхозов, раскулачивание и т.п., т.е. повторялись те процессы, которые страна пережила 10 лет назад. Казалось бы, можно и нужно было извлечь определенные уроки, дабы избежать многочисленных трагедий, несуразностей, которые в свое время сопровождали «социалистическое наступление» и вызвали справедливое недовольство населения. Тем более, что конституция 1936 г. вроде бы косвенно признала это.

Были ли сделаны соответствующие выводы? Документы свидетельствуют, что изменений не произошло. Более того, со всей очевидностью «советизацию» этих регионов осложнили военные конфликты и национальные особенности. Среди репрессированных в Западной Украине и Белоруссии большинство оказалось польской национальности. На восток — в Казахстан, Сибирь отправились эшелоны с высланными поляками, эстонцами, литовцами и др. Из секретного письма Берии в ЦК ВКП(б) от 14 сентября 1940 г. узнаем, что, согласно постановлению СНК СССР от 10 апреля того же года, из западных областей Украины и Белоруссии в Казахстан были высланы члены 25 тысяч польских семей — старики, женщины и дети, вся вина которых состояла в том, что члены их семей — мужчины либо служили в польской армии или в госаппарате, либо оказались причисленными к «буржуазно-помещичьим, контрреволюционно-повстанческим элементам» и находились в концлагерях. Только в течение мая-апреля 1940 г. в Казахстан прибыло 62 тыс. ссыльных стариков, женщин и детей, имевших стандартный срок — 10 лет.⁴⁹ Нет сомнения, что сами репрессированные воспринимали происходящее как несправедливое «наказание», в том числе — по национальному признаку. И они были правы, судя по секретным инструкциям НКВД. О быте ссыльных поляков рассказывают выдержки из секретной справки инструктора сельхозотдела ЦК ВКП(б) Хейло от 21 августа 1940 г.:

О разлагающем влиянии на трудовую дисциплину в колхозах сосланных из бывшей Польши кулаков и буржуазии в Кустанайскую область Казахской ССР

[...] Сосланных кулаков размещают в домах колхозников часто и без согласия последних. Были случаи, когда в одном колхозе ссыльным устроили такую радушную встречу, что отдали им дневной удой молока с фермы, так что дети колхозников в детплощадке остались без молока. Есть такие случаи, когда отдельные председатели колхозов брали к себе на квартиру ссыльных. Факты женитьбы на ссыльных комбайнеров, трактористов и других активистов колхоза.

За работу в колхозе ссыльным начисляют трудодни и оплачивают наравне с колхозниками.

В абсолютном большинстве случаев эта буржуазия и кулаки ничего не делают в колхозе. Многие из них приехали, имея при себе достаточно денег, одежды и других вещей, а отдельные получают переводы денег по 2-3 тысячи рублей, видимо, от родственников.

Покупают у колхозников продукты питания, а работать не желают и никто не понуждает. [...]

20 семей ссыльных [колхоз «Джанаул» Карабалыкского района] ничего не делали, ссылаясь на то, что их используют «не по специальности». [...]

В Магнайской МТС того же района «бывший офицер приехал со своим денщиком и тот ему и здесь продолжал готовить кофе, чистить и разувать сапоги, а когда органы НКВД его бывшего денщика перебросили в другой колхоз, так

этот офицер неделю не разувался, а когда ноги отекли, разулся и две недели не надевает сапог. [...]

В Федоровском районе в самом райцентре много ссыльных, которые также размещены в домах колхозников, ничего не делают, целые дни просиживают в ресторане, разгуливают по базару, по учреждениям...

В самом областном центре г.Кустанае есть случаи, когда ссыльных принимают на работу машинистками, делопроизводителями в учреждениях, принимают на работу даже в такие организации как Заготзерно, где не исключена с их стороны возможность диверсионных актов. [...]

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.123. Д.42. Л.7-8. Заверенная машинописная копия.

Из секретного письма НКВД от 14 сентября 1940 г. в ЦК ВКП(б)
А.А.Андрееву:

НКВД сообщает по существу письма тов. Хейло.

Согласно постановления СНК СССР от 10 апреля 1940 г. НКВД СССР из западных областей УССР и БССР было выслано в Казахскую ССР 25 000 семейств, «содержащихся в лагерях для военнопленных и в тюрьмах бывших офицеров польской армии, полицейских, тюремщиков, жандармов, разведчиков, быв. помещиков, фабрикантов, чиновников бывшего польского государственного аппарата, участников контрреволюционных повстанческих организаций».

В течение апреля и мая 1940 г. было выслано в административном порядке в Казахскую ССР лиц упомянутых выше категорий 62 000 человек сроком на 10 лет.

Высланные размещены в следующих областях Казахской ССР: Кустанайской, Акмолинской, Актюбинской, Северо-Казахской, Павлодарской и Семипалатинской...

СНК Казахской ССР п.2 пост. было поручено принять необходимые меры к размещению, бытовому устройству и размещению семей высланных.

Большинство высланных составляют – старики, женщины и дети. [...]

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.123. Д.42. Л.1-2. Заверенная машинописная копия.

Обратим внимание на в целом хорошее отношение местных жителей к прибывшим полякам. Сами пережившие раскулачивание и ссылки как ЧСИР периода массовых репрессий, русские в большинстве своем в чем могли помогали приехавшим обустроиться на новом месте. Веским доказательством отсутствия национальной неприязни стали смешанные браки между ссыльными поляками и местными жителями. Все это, как видно из документа, никоим образом не устраивало власти. Не случайно докладная записка называется «О разлагающем влиянии на трудовую дисциплину в колхозах сосланных из бывшей Польши кулаков и буржуазии...».

Просмотренные нами многочисленные засекреченные в прошлом материалы о ситуации в национальных регионах и республиках СССР в конце 1930-х годов разительно отличаются от того, что писали о дружбе народов газеты того времени. Источники позволяют сделать вывод об обострении национальных проблем в этот период. Особенно сложная ситуация сохранялась на Северном Кавказе. Вот конкретные факты о положении в Кабардино-Балкарии из закрытого письма «О фактах проявления буржуазного национализма, великодержавного шовинизма в республике и мероприятиях по интернациональному воспитанию трудящихся» от 16 сентября 1940 г.:

За последнее время в ряде районов республики отмечены факты проявления буржуазного национализма и великодержавного шовинизма...

Вот некоторые из многочисленных случаев, выявленных в течение последних месяцев:

11 июля 1940 г. на Тырнаузкомбинате Карданов М.П. избил начальника про-дснаба тов. Софронова за то, что последний, якобы, не брал его на работу потому, что он кабардинец (у Карданова не было на руках документов: паспорта, трудовой книжки и т.д.). Он пытался зарезать тов. Софронова. Карданов был направлен в милицию Эльбрусского района, но начальник милиции т. Джабоев отпустил его и он скрылся. Как выяснилось, Карданов является сыном высланного кулака.

Там же имеются факты великодержавного шовинизма. В день Военно-Морского флота была организована массовка, в которой принимало участие более 500 человек. Штукатур Гладков, будучи выпивши, пытался объединить русских для организации драки между кабардинцами, балкарцами и русскими. Гладков был направлен в милицию Эльбрусского района, но также отпущен.

9 апреля 1939 г. на ст. Муртазово Терского района органами милиции был задержан гр-н Шадов Амербек Тагирович, при задержании, без всяких оснований, учинил драку, выражался нецензурными словами по адресу русских и грузин, называя их фашистами. [...]

16 августа 1940 г. домой в Чегем 1-ый возвращались выпившие Дивнич С.М., Пфейфер и Сидоренко. Проходя по улице, к ним стали приставать мальчишки, один из них камнем ударил в спину Дивнича. Последний погнался за мальчишкой, который забежал во двор Боготова Бужей и скрылся в кукурузе с криками «Урус», «Урус». На крик мальчика выбежал кабардинец с колом и ударил Дивнич в плечо. Пфейфер, услышал крики, прибежал к месту драки и увидел Дивнич ок-руженного уже целой толпой кабардинцев, которые также напали и на Пфей-фер, избивли последнего, пробив ему голову. Дивнич и Пфейфер решили пожало-ваться в с/совет, где, однако, вместо принятия мер, они подверглись снова из-биению со стороны пред. с/совета Пекова Тамаша Мазановича, секретаря с/совета Макоева Ибрагима, секретаря КСМ организации Боготова, шофера, завхоза колхоза Кишева Хабаза и др.

В течение марта-апреля месяца с.г. многие русские рабочие В.-Акбашского лубзавода подверглись избиению кабардинцами, причем методы избиения были од-нородны. В ночное время шедших с завода русских встречали, просили прикурить и убедившись в том, что он русский, избивали его, приговаривая: «Вот вам Фин-ляндия, вот вам Украина, вот вам Польша и Турция»*.

2 мая в 22 часа группа кабардинцев напала на возвращавшихся с лубзавода рабочих и забросала камнями, при этом был ранен в голову шофер лубзавода Квинта Василий Ефимович.

В ночь на 2 мая в саду Ширибова Хасанби был обнаружен в бессознательном состоянии смертельно раненый Жабин Тимофей 56 лет. Доставленный в больни-цу Жабин, не приходя в сознание, умер.

Расследованием установлено – 11 человек участников избиений. Все оказа-лись жителями с.В.-Акбаш.

В Чегемском районе буржуазные националисты также убили человека, иду-щего по дороге в сел. Нижний Чегем.

Группа националистов сел. Кенже Нальчикского района, возглавляемая пред-седателем сельского совета депутатов трудящихся Тхамоковым, уничтожила огороды русских рабочих Пепло-пемзового рудника. Имеется ряд фактов избиения кабардинцами русских в очередях магазинов с выкриками при этом явно национали-стических фраз (Лескенский, Баксанский, Урванский, Нальчикский и др.).

В Балкарских и некоторых других районах приезжие учителя подвергаются гонениям даже со стороны руководителей советских организаций. Учителям отказывают в снабжении продуктами, оскорбляют и т.п. [...]

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.122. Д.2. Л.24-30. Заверенная машинописная копия.

** То-есть, избиваемым приписывались захватнические планы русских в отношении упомянутых стран.*

Среди мероприятий, предлагаемых для борьбы с проявлениями национализма, указывалось на необходимость усиления систематической воспитательной работы. «Нужно иметь ввиду, — говорилось в письме, что репрессивные меры к националистам, которые будут проводиться судебными органами, естественно вызовут с их стороны усиление деятельности их подрывной работы в массах, их стремление использовать это в своих националистических целях. (Подчеркнуто в документе и на полях рукою, видимо, Жданова, поставлен вопрос: «А если они головы проламывают?»)

Особое беспокойство властей в конце 1930-х годов вызывали факты массового уклонения призывников из национальных регионов от службы в Красной Армии, что рассматривалось одновременно и как антигосударственное уголовно наказуемое деяние, и как проявление национализма. Обратимся к письму зам. нач. Главного управления политической пропаганды Красной Армии Кузнецова от 7 октября 1940 г. в ЦК партии «О результатах расследования фактов массового уклонения призывников Чечено-Ингушской АССР от службы в Красной Армии.» В нем говорилось:

Группа работников НКО СССР проверила на месте факты массового уклонения от службы в Красной Армии призывников Чечено-Ингушской АССР.

Проверкой установлено, что по призыву 1939 г. в кадры Красной Армии по Чечено-Ингушской АССР было зачислено 6246 чел., из которых 3325 чел. в 1939 г. были отправлены в части Красной Армии, а 2921 чел. оставлены в резерве.

Оставленный резерв по нарядам штаба Северо-Кавказского военного округа отправлялся в Красную Армию командами в феврале и июне 1940 г. Отправка была организована крайне плохо, контроль за явкой призывников на сборные пункты отсутствовал. В результате во время отправок не явилось к месту сбора и сбежало с пунктов отправки и эшелонов 529 чел.

Кроме того, из призывников Чечено-Ингушской АССР, ранее отправленных в Красную Армию, дезертировало из частей 84 чел.

На 18 сентября из числа сбежавших и уклонившихся от явки арестовано 180 чел., из которых 37 осуждены Военными Трибуналами. Остальные разыскиваются милицией и органами НКВД. [...]

В Итум-Калинском районе (секретарь РК ВКП(б) тов. Магомадов) не явилось на отправку 62 чел. Из общего количества укрывавшихся 50% коммунистов и комсомольцев, 7 сельских учителей, 1 технический работник РК ВКП(б), 1 бухгалтер и 1 статистик.

Секретарь Шалинского РК ВКП(б) тов. Сельмурзаев настаивал освободить из под ареста дезертиров Докуева, Юнусова и Махматхажиева, мотивируя это тем, что у Докуева один брат председатель сельисполкома — член ВКП(б), другой — директор школы — кандидат ВКП(б), а у Юнусова мать член пленума райкома ВКП(б).

То же в Шатоевском районе.

Многие коммунисты этого района скрывают дезертиров. Инструктор РК ВКП(б) Гериханов, зная, что член ВКП(б) Демельханов защищает дезертира Дубаева, стал говорить с Демельхановым о его непартийном поведении. На это Демельханов ответил: «Что тебе нужно от меня, ты чеченец и я чеченец, так зачем же нам говорить о дезертирстве Дубаева и его делах. Нужно об этом молчать».

Наиболее позорным фактом является случай с районным прокурором Давлитгиреевым, который упорно не хотел идти на призывную комиссию. Только по требованию райвоенкома Давлитгиреев прошел призывную комиссию и был признан годным к службе в армии. Однако он не согласился с решением призывной комиссии и поехал в Грозный к врачам-специалистам, где также был признан годным к службе в Красной Армии. После этого Давлитгиреев едет в республиканскую прокуратуру и просит, чтобы его забронировали как ответственного работника. Заместитель прокурора республики тов. Щербань согласился на это и в строго секретном письме на имя председателя Шатоевского райисполкома тов. Сапаева написал: «Прошу Давлитгиреева забронировать за прокураторой Шатоевского района». [...]

Аналогичное положение в Назрановском, Атагинском и других районах республики. [...]

Председатель Гучум-Калинского сельисполкома Эльсаев скрывал от призыва 7 двоюродных братьев. По этому сельсовету 100 призывников не явилось на сборные пункты. [...]

Укрывательство родственников.

[...] Председатель колхоза «Красный молот» Урус-Мартановского района Кагирманов и счетовод Гучигов 22 февраля 1940 г. выдали справку Гучигову о том, что «ему разрешается выехать в любой город СССР за приобретением вещей». Получив справку Гучигов скрылся. В мае 1940 г. эти же лица выдали Гучигову вторую справку о том, что «Гучигов не скрывается от органов власти». В июне 1940 г. они же выдали Гучигову третью справку о том, что Гучигов 22 февраля женился и по обычаю чеченцев в течение двух недель должен скрываться от родителей. Гучигов осужден военным трибуналом на 5 лет.

Укрывательству призывников и военнообязанных от прохождения службы в Красной Армии способствует неудовлетворительный учет граждан по годам рождения, который ведется по похозяйственным книгам. Через год-два эти книги заводятся вновь, причем количество граждан призывного возраста ежегодно уменьшается. В похозяйственных книгах Помятоевского сельсовета Шатоевского района числится граждан 1921 г. рождения: по книге 1937 г. — 14 чел., по книге 1939 г. — 6 чел., а по книге 1940 г. — 1 чел. Все эти лица проживают на территории сельсовета, но им был исправлен год рождения. Это объясняется тем, что в 1937 г., когда составляли похозяйственные книги, массового призыва не было, поэтому писали год рождения правильно. В 1940 г. книги составлялись в период массового призыва в Красную Армию, поэтому и произведены исправления года рождения призывников. [...]

Явно неблагополучно в республике с учетом военнообязанных и старших возрастов. По Ачхой-Мартановскому району военнообязанных до 50 лет насчитывается 4121 чел., а состоит на учете только 643 чел. По Назрановскому району соответственно: 3100 чел. и 800 чел. По Шатоевскому району 2892 чел. и 852 чел.

В целом по республике не взято на учет 60-70% военнообязанных. [...]

Группа работников НКО сообщает о неудовлетворительной работе партийных и советских организаций в селах. Органы милиции и прокуратуры не принимают решительных мер к пресечению деятельности антисоветских элементов. В

районах республики сильны еще религиозные пережитки и влияние кулацких элементов. Кровавая месть, калым — распространенное явление.

В колхозном строительстве имеют место серьезные извращения. В Шатоевском районе из 9600 га пахотной земли обобществлено только 900 га. Остальная земля находится в индивидуальном пользовании колхозников. Из 3443 колхозников 1300 имеют приусадебные участки от 2 до 10 и больше га. Колхозник сельхозартели «18 год Октября» Алабаев на семью 5 чел. имеет усадьбу размером 19,22 га, колхозник Мазлопов — 12,93 га, колхозник сельхозартели им.Кирова Демидов — 11,9 га. Таких «колхозников» в Шатоевском районе много.

В апреле 1940 г. была проведена кампания за сокращение у колхозников приусадебных участков, но в ряде сельсоветов антисоветские элементы сорвали это мероприятие. В селе Памятовском явившиеся на собрание колхозники демонстративно отказались слушать выступление второго секретаря обкома партии тов.Хасанова. В селе Сатты выступавшего на собрании с докладом о сокращении приусадебных земель председателя райисполкома тов.Сапаева забросали камнями. На собрании колхозников сельхозартели им.Шерипова бывший кулак Мунаев бросился избивать представителя РК ВКП(б) тов.Дурдаева.

Аналогичное явление было и в колхозе «18 лет Октября», где колхозники Би-султанов и Дубаев с обнаженными кинжалами бросились на зам. предрайисполкома тов. Одаева.

В Шатоевском районе имели место террористические акты против председателей сельсоветов и районного актива. Были убиты председатели сельсоветов т.т. Ковтаров и Мамалаев. По сообщению секретаря райкома ВКП(б) тов.Сапаева по всем эти делам никаких мер не принято и контрреволюционные элементы продолжают находиться на свободе.[...]

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.122. Д.2. Л.31-39. Заверенная копия. Машинопись.

Очевидно, что факты уклонения кавказцев от службы в РККА встречались и раньше. Думается, массовый характер придало этому явлению участие СССР в войне с Финляндией и других конфликтах, сопровождавшихся людскими потерями.

Тем временем по всем документам, отражающим повседневность, чувствуется приближение «военной грозы». Это постоянно проводимые оборонные мероприятия, сводки о возникающих в связи с этим настроениях, а также порою мимоходом сообщаемые сведения. В середине 1930-х годов правительство решило снять различные ограничения в военной службе для казаков, составлявших когда-то самые боеспособные соединения старой армии. Можно было создавать специальные казачьи части из казаков Дона, Кубани и Терека. Как известно, отношение в прошлом казачества к советской власти было неоднозначным. Многие из казаков выступали на стороне белых. Районы казачества сильно пострадали в период коллективизации и голода 1932/33 гг. Секретная сводка Мигулинского районного отделения НКВД от 29 апреля 1936 г. сообщала о возникших в связи с этим разговорах (воспроизводится со всеми особенностями оригинала):

СПЕЦСВОДКА

О настроениях различных прослоек населения Мигулинского Района в связи с решением правительства о снятии ограничений с казачества по службе в РККА и приказом Наркома обороны СССР Маршала тов. ВОРОШИЛОВА об организации казачих дивизий.

Решение Правительства о снятии ограничений с казачества по службе в РККА и приказ Наркома обороны тов. ВОРОШИЛОВА об организации казачьих дивизий населением Мизулинского Района встречены с большим подъемом.

Несмотря на то, что разъяснительная работа и проработка решение правительства и приказа в Районе еще налажена не достаточно — большая часть колхозников о них знают. Оживленно их обсуждают, высказывая в большинстве положительные настроения. Отвечают на решения Правительства и приказ Наркома обороны тов. ВОРОШИЛОВА производственными показателями.

Во 2-й бригаде колхоза им. «КИРОВА» Мрыховского с/совета колхозник Брехов Роман до обсуждения решения Правительства о снятии ограничений по службе в РККА довал на рядовую саделку [сеялку] не больше 5 га, на второй день после проработки решения Правительства и приказа Наркома стал довать за смену на саделку без подмены волов по 7,8 га.

Колхозник того же колхоза 1-й бригады Иванов Роман до проработки постановления Правительства и приказа Наркома довал на рядовую саделку до 4,5 га, после проработки стал довать не меньше 5, 5-6 га.

Колхозница Удовкина татьяна 25 лет до проработки на бороновании довала 3,5 га, после проработки стала довать на одну бороу по 5 и по 5,5 га.

«А почему меня не взяли на службу год тому назад, я бы теперь почти год был бы в армии и учился бы, я страшно обиделся, что меня комиссия при призыве не допустила в ряды РККА. Ну нечего осенью я все равно пойду служить в армию».

/Казак хутора Алексеевского Зеленков Иван Иванович 1913 года рождения, плохо грамотный/

«Мне очень хочется пойти в Красную армию, но уж больно у меня дяди «хорошие» что-бы их черти взяли. Двое из них изъяты НКВД, третий где-то пропал, да и отец не лучше тоже был у белых Урядником, не бось меня так же возьмут в Армию.

/Насонов Василий Семенович 1914 года рождения колхозник к-за «Новая Жизнь» 24/IV-36 г. призван в ряды РККА и зачислен в каваллерию/.

«Вот это очень хорошо, теперь наших казаков больше будет приходиться из Красной Армии развитых и грамотных. Там их подучат не так как нас учили раньше, что приходили из армии забывали, что и знали когда уходили на службу».

/Бабкин Григорий Осипович, казак 50 лет, колхозник к-за «Новая Жизнь» Алексеевского с/совета/

«Кзаки таки-же люди как и мы все. Они тоже осознали, что Советская власть строить зажиточную жизнь, вот и Правительство пошло им на встречу.»

/Плахова Пелогей Ивановна 35 лет, доярка м.[ясо]-м.[олочного] совхоза №22 иногородняя/.

Основная масса колхозного казачества, а особенно молодежь высказывая положительные настроения не редко изъявляют желание итти служить в Красную армию добровольцами. Это желание в отдельных случаях так велико, что молодежь — казаки колхозники очень настоятельно требуют в с/советах ходатайствовать о приеме в Красную армию.

«Почему нас не хотят сейчас брать в Красную армию, мы тоже хотим служить, наших годов сегодня отправляют, а нас почемуто брать не хотят. Пусть совет ходатайствует, что-бы нас тоже взяли. Теперь всем казакам кроме лишенцев можно служить, а мы сами не дожидаясь призыва хотим итти в армию».

/Земляков Гаврил колхозник колхоза» Подтелкова и Кревошлыкова Верхнековского с/совета и Пшенов Евгений рождения 1914 г. Не были призваны 24/IV-36 г. ввиду ограниченного призыва. С Мизулинского Района взяли в РККА 25 человек/

Порыв итти добровольцами в армию проявляется не только молодежью, но взрослыми казаками. Эту часть казачества особенно интересует послужить

Советской власти и обязательно во вновь организованных казачьих частях. Из старых казаков изъявляют желание идти добровольцами в армию — обещают честно и преданной службой добиться получения высшей награды ордена Красного Знамени.

«Колхозник колхоза «Октябрьская Революция» Кабкин Иван 37 лет, казак подал заявление в с/совет на имя тов. Ворошилова в котором просит принять его в ряды Красной армии и обязательно преданной своей службой добиться награды его орденом Красного Знамени».

Лишь незначительная часть казачества и иногородних в основном наших учетников и объектов разработок решение Правительства и приказ Наркома обороны тов. ВОРОШИЛОВА рассматривают как признак «слабости Советской власти» скорой войны недоверчиво, а в большинстве случаев враждебно, расценивая мероприятия Правительства — как простое заигрывание с казаками из за боязни осложнений в тылу на случай войны.

«Советская власть все время казаков душила судила и высияла, а теперь когда на западе и на востоке стали дела плохие, довай хвалить казаков. Они не знают что казака нужно подхвалить тогда он мол пойдет за нас, да и в тылу будет дело обеспечено. А казаки их подхвалят они и рады стараться, будут идти на пролом».

/Меркулов Семен Федорович 56 лет, единоличник работает временно в заготзерно. Состоит на формулярном учете как каратель, к-р настроенный элемент/.

«Этим постановлением и приказом Советская власть глядит и задабривает казаков, подготавливает почву для предстоящей войны. Создают дивизии из всего населения, а сами знают хорошо, что у нас в станицах и хуторах больше теперь не казаков, а иногородних. Вот говорят, что создать дивизии из всего населения для того, что-бы помешать казаков с иногородними, тогда мол надежней будет. А из этого дела не чего не выйдет. Как начать мешать казака с мужиком так получится какой-то сброд. Раз у нас казачей крови нет, то они с казаками служить вместе не могут».

/Кулак Чукунов Стефан Филипович 1875 г. рождения казак состоит на формулярном учете как кулак/

Прослойка казачества, главным образом старшие возраста, активные белогвардейцы, кулаки отрицательно высказываясь о Мероприятиях Правительства в большинстве случаев проводят провокационные сообщения о скорой войне и о гибели советской власти.

«Пусть пишут хоть сотню постановлений и приказов, ничего из этого не получится. Молодежь мы знаем и без этого, что он за Совет.власть, а на стариков эти приказы не действуют. Пусть только начнется война мы знаем кто пойдет с нами в лес, а оттуда мы им в тылу покажем, куда они только будут бежать».

/Хижников Алексей 56 лет, казак хутора Мещеряковского, главный объект на разработке « Николаевские казаки»/

«Советская власть сейчас хвалит казаков потому что, вот вот должна разрогиться война. Ну ничего пусть только начнется война, а она не за горами, недаром стали заигрывать с казаками, почувствовали, что пахнет порохом. Мы им покажем в тылу, не дожидаясь когда кончиться война на фронте».

«Казачью части организуют из трех областей потому, что остальные казаки ближе к Японии и Германии и Польше, а эти по дальше и понадежнее а те вслучаи войны могут ударить к ним. Япония и Германия должно бы задавила, но они бояться этой Большевицской заразы».

Отрицательные настроения среди молодежи и сельской интелегенции единичны, у первых вызваны не недостатком массовой работы и влиянием на них родителей, а у вторых а-с настроенной части интелегенции недоверием к проводимым мероприятиям.

«Вслучае если казакам придется воевать, то старые казаки не с охотой пойдут воевать за Сов.власть, а вот молодые будут сражаться с большой охотой, да и сейчас можно сказать и казаков то не стало все они то суждены, а то высланы».

/Водурин Василий казак, колхозник 18 лет, житель Подгорского сын активного белогвардейца/.

«Как трудно пришлось Сов. власти так они и вспомнила про казаков, а забыли как нашего брата сожгли да выслали, так пусть теперь обходясь без нашего брата охотников мало найдется идти в армию разве насильно заставят идти служить, тогда воли не воли придется служить».

/Мрыхин Василий сын кулака хут. Подгорского Мигулиновского Района взят нами на формулярный учет/.

«Не зря власть стала по ближе подходить к казакам. Дело идет к войне, ну и довай казаков позабавим, они тоже нужны будут оборонять Сов.власть. Видимо опять ходят с казаков сделать полачей какими они были в 1905 году, а теперь какую им честь оказывают, только иди да вой».

/Парамонов Сергей Михайлович иногородний 35 лет завхоз Заготзерна ст. Мигулинской. Взят на формулярный учет/.

Проработка письма казаков Верховья Дона тов. Ворошилову в Районе прошла не совсем организованно, не во всех колхозах и на спех по существу свелась к простому собиранию подписей. В отдельных колхозах подписи собирались без соответствующего разъяснения. И не случайно, что в момент собирания подписей задвались со стороны колхозников такие недоуменные вопросы:

«Почему о казаках стали много говорить, не трусить ли Советская власть?»

/Кузнецов Петор Макарович инвалид гражданской войны со стороны белых хут. Мрыховский /взят на учет/.

«Почему так поздно начали обращать внимание на казаков».

/Мрыхин Афанасий х. Мещеряковской Мрыховского с/совета/

«Скоро-ли будут мобилизовать казаков всех в армию».

/Мукасеев Иван казак х. Мрыховского того же с/совета/.

Характерно, что не только колхозники но и отдельные руководители колхозов и с/советов в Районе до сих пор не знают о письме В-Донских казаков тов. Ворошилову.

/Н-Тиховской с/с. Предсельсовета Козлов, к-з «Шеболдаева» парторг Симочков, Предколхоза им «Подтелкова» Меркулов./

Особый интерес и обсуждение вызвал приказ какая-же будет форма.

Старики казаки высказывают настроения и пожелание изменить старую казачью форму, оставить лишь ломпасы да фуражки красным околышем.

«Старая форма у нас у Донских казаков не совсем подходит теперь. Во первых она очень не удобная, второе это то, что она у очень не современа. Нам нужно было бы от старой формы оставить одни красные ломпасы до фуражки остальное сделать такое же обмундирование, которое носят в армии сейчас кавалерийские части. Разве можем мы сравнить, нашу старую форму с теперешней. Конечно нет. А если оставить старую фуражку и брюки с ломпасами будет очень красивая форма».

/Лутченко Говрил, казак 45 лет колхозник-стахоновец к-за им. Буденного Мигулинского с/совета/.

«Старую нашу форму нужно переделать, та форма, которая была у нас в старое время она теперь нам колхозным казакам не пойдет, молодежь наша хочет теперь современную форму, да она и лучше будет. нужно оставить только старые ломпасы, да фуражки а все остальное нужно заменить таким, которое бы отличала нашему Советскому культурному и зажиточному казачеству».

/Брехов Тимофей Иванович 65 лет, казак хут. Коноваловского Мрыховского с/совета/.

Молодежь-особенно учащиеся Средней школы, старших классов требуют полной замены, новой формы отвечающей теперешнему времени, но от отличительной от остальных частей РККА:

«Хорошо-бы было бы если бы старую форму заменили, для нашей молодежи она не будет отвечать ее запросам и требованиям. Нам нужна форма такая, которая-бы, казака красноармейца облагораживала-бы и вместе с тем выделяла от других частей РККА. Старая форма для молодежи советского казачества не подойдет».

/Чайкин Василий ученик 9-го класса Мигулинской средней школы/.

НАЧАЛЬНИК МИГУЛИНСКОГО РО НКВД
Сержант Гос.Безопасности
/Осипов/

ГАРФ. Ф.1235. Оп.141. Д.1789. Л.79-74. Подлинник. Машинопись.

На 1930-е годы приходится бурный рост рядов РККА. С 1932 по 1938 гг. ее численность увеличилась в 4 раза и в начале 1939 г. Красная Армия насчитывала 2.1 млн. человек.⁵⁰ Еще более значительный рост (больше, чем за предшествующие 10 лет) пришелся на 1939 г. (в сентябре был осуществлен окончательный переход к всеобщей воинской обязанности) и 1940 г. Армия вобрала в себя значительные призывные контингенты сельской и городской молодежи. Накануне войны общая численность людей «под ружьем» приближалась к 5 млн. человек. Роль армии в жизни общества заметно возросла. Быть военнотружущим стало престижно. Этому способствовало воспитание армии в героическом и патриотическом духе, воспевание прошлых побед русского оружия и Красной Армии. В том же русле находились восстановление генеральских званий и отмена института военных комиссаров. Армия также перестраивалась в русле имперских традиций, единоначалия и строгой иерархии.

Однако состояние армии явно оставляло желать лучшего. Офицерский корпус более чем на 70% состоял из наспех подготовленных специалистов. К тому же наблюдался значительный некомплект среднего и младшего состава.⁵¹ Реальная боевая учеба нередко подменялась муштрой и глупыми политическими кампаниями с «шапкозакидательским» уклоном, мол: «От тайги до Британских морей Красная Армия всех сильнее!» Репрессии 1937-38 гг. нанесли значительный урон военным кадрам. В период «ежовщины» было арестовано и «уволено за связь с заговорщиками» 24 тыс. человек. Кроме того, «чистке» подверглись более 4 тыс. командиров польской, латышской и других «нежелательных национальностей». В результате армия лишилась 8% командного состава. Кажется, что осуждение «ежовщины» коснулось прежде всего армейских кадров. К 1 мая 1940 г. из общего числа репрессированных было восстановлено 12 тысяч.⁵² Однако репрессии в армии продолжались, хотя и в небольших масштабах. Они создавали крайне нервную обстановку, вносили недоверие и подозрительность, нездоровое соперничество и доноительство, сковывали инициативу.

Несмотря на растущее перевооружение, «моторизацию» Красной Армии, производство военной продукции в стране шло зачастую путем ее ко-

личественного наращивания. Новые типы самолетов и танков внедрялись с существенными задержками. Количественный и качественный рост вооруженных сил требовал подготовки соответствующего командного и технического состава, за которой не поспевали курсы, школы, училища, военные академии. Советско-финляндская война 1939-40 гг. особенно наглядно обнаружила проблемы, существующие в армии. В документах того времени постоянно проходят упоминания о различного рода оборонных мероприятиях: то о налаживании в СССР телевидения в военных целях, то о ликвидации отставания в развитии радиопромышленности, то о производстве торпедного оружия для ВМФ. Составлялись списки предприятий и специальных цехов, на которых закреплялись кадры ИТР и рабочих ведущих профессий, встречались списки спецнабора по областям, краям, союзным республикам в пехотные, летные, бронетанковые, военно-морские школы, разнарядки для колхозов о создании резерва лошадей для Красной Армии, и т.д. и т.п.

Советское военное руководство внимательно следило за успехами Германии, развязавшей Вторую мировую войну. Об этом говорит, например, такой «случайный» документ, как письмо главкома ВМФ адмирала Кузнецова в ЦК ВКП(б) от 23 декабря 1940 г.

На мою вторичную просьбу о снятии трех копий с немецкой военной кинохроники морских эпизодов (воздушные бои над Англией, блокада, торпедные катера и ряд других), Председатель Комитета по кинематографии при СНК Союза ССР тов.Большаков ответил: — «Вашу просьбу о снятии копий с фильмов военно-морской хроники, полученных из Германии, Комитет выполнить не может, так как это было бы нарушением наших договорных отношений с немецкими кино-фирмами».

Немецкая военная кинохроника будет демонстрироваться закрыто и только для командиров ВМФ, следовательно, ссылки Комитета на договорные начала с германской фирмой не могут служить препятствием для выдачи нам материала.

Материал кинохроники крайне необходим командирам ВМФ для изучения опыта второй империалистической войны.

Прошу Вашего указания тов.Большакову.

Подпись.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.121. Д.26. Л.60. Подлинник. Машинопись.

На письме резолюция: «Копий снимать не нужно, а показать работникам НКВМФ военную кинохронику». Как и во всем в проведении оборонных мероприятий было много бестолковщины, «перегибов» и произвола. Вот, например, письмо Сталину краснофлотца И.Котова, рассказывающее, какими мерами обеспечивалась «постоянная боеготовность»:

Дорогой Иосиф Виссарионович!

31 августа 1940 г. на линкоре «Марат» Краснознаменного Балтийского флота был проведен осмотр корабля помещений, в результате которого осматривались рундучки, вещи и учебные пособия при этом я не понимаю почему, отбирали, заставляли врать и сжигать учебники, которые нужны краснофлотцам.

*Иосиф Виссарионович! Я вот решил описать Вам как было у нас поставлено это дело в арт. подразделении, где политруком товарищ Шентунов. [...]**

Иосиф Виссарионович! У нас в подразделении большинство краснофлотцев окончили 3-4 класса, более 50% личного состава, у многих краснофлотцев были

приобретены учебники, у некоторых взяты из библиотеки, краснофлотцы, при осмотре сказали: «все учебники сдать в библиотеку, а кто не хочет выбросить с рундука, разорвать и в мешок /который посреди кубрика/, и снести мешок на буксир «Якобинец», стоящий у борта линкора, сжечь».

Иосиф Виссарионович! У краснофлотца Юсова, старшина группы Ковтун нашел в рундуке открытку, на которой изображены Вы с товарищем Ворошиловым у здания Кремля. Старшина спрашивает зачем она? Краснофлотец отвечает, как же это можно тов.тов. Сталин и Ворошилов. Старшина бросает открытку на палубу под ноги. Товарищ Сталин, почему же это так?

У краснофлотцев были открытки, купили в г.Кронштадте, вы с товарищем Ворошиловым на подводной лодке, потом открытка тов.Ворошилов и тов.Киров на военном строительстве, велели их порвать и выбросить, почему же?

Иосиф Виссарионович! У меня была открытка — Сергей Миронович среди пионеров, я ее хранил давно, так как я был пионером и видел Сергея Мироновича несколько раз, но не велят держать, доходит до приказаний, ну конечно краснофлотцы нехотят бросают в мусорный мешок. Я спросил старшего политрука тов.Шептунова, почему нельзя иметь? Зачем? Я говорю вожди наши, любимые всем народом и трудящимися всего мира. Приказ, говорит тов.политрук, приказ Наркома, не иметь лишнего ничего. Иметь две-три тетради, учебник по истории народов СССР, так как я второй год служу, ну и можно Краткий курс истории ВКП(б).

Иосиф Виссарионович! В кубрике были портреты тов.Ворошилова, Молотова, Калинина, в рамках под стеклом, так рамки сломали, портреты порвали и сожгли в топке буксира, также было в рамке политбюро ВКП(б), приказали ломать, порвать и сожгли. [...]**

Очень много таких примеров. Спрашиваешь командиров, отвечают приказ Наркома, но Иосиф Виссарионович я не знаю, по-моему Нарком ВМФ СССР не приказывал ломать, рвать, сжигать портреты любимых великих людей, которыми мы краснофлотцы дорожим, а почему так получается?

Тов.Сталин я может не складно написал, но верно написал все, что хотел бы сказать.

Краснофлотец И.Котов

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.121. Д.26. Л.43. Машинописная копия.

* Опущено требование сдать в библиотеку корабля или выбросить купленные моряками труды Сталина и Маркса.

** Опущено описание уничтожения и сожжения плакатов, лозунгов, подготовленных краснофлотцами к празднованию Международного юношеского дня, лишних чистых тетрадей и т.п.

К грядущей войне готовилось и гражданское население, преимущественно молодежь, через разветвленную сеть самых различных добровольных организаций и мероприятий «содействия», в том числе военно-спортивного типа: ОСОАВИАХИМ (Общество содействия обороне, авиации и химии), ПВХО (противохимическая оборона), ГТО (готов к труду и обороне), ГСО (готов к санитарной обороне) и др. Однако для надлежащей повсеместной подготовки не было ни кадров, ни материальной базы, особенно в деревне. Вот один документ, свидетельствующий о том, как обстояло там дело с оборонными мероприятиями. Это письмо в «Крестьянскую газету» комсомольца Н.Тимохина из д.Смирновки Дединовского района Тульской области от 8 октября 1938 г.

Уважаемые товарищи, шлю я вам свой зажиточный колхозный привет и желаю всего наилучшего в вашей городской счастливой жизни.

Дорогие товарищи

Письмо я ваше получил, в котором вы запрашиваете у меня о военном действии в сознании народа и в их числе нашего колхоза имени Ежова Смирновского сельсовета. Вы просите у меня написать вам в редакцию, что есть у вас в колхозе Осовиахимовская организация, ГТО, ПВХО и ГСО и другие. Разъясняю: в нашем колхозе нет таких организаций и если появятся, то очень дико станет, потому что в нашем колхозе до такой степени дошло, что вся колхозная дисциплина распалась. В нашем колхозе нет даже красного уголка, где бы колхозная молодежь и сами колхозники повеселились. Наш колхоз самый бедный колхоз по всему району, в нем мало лошадей, мало сбруи и та вся изношена. В нашем колхозе на трудодень сегодня достанется по 150 г, а денег совсем не дадут, потому что сам колхоз занимается в других колхозах. Есть в нашем сельсовете подходящие колхозы и в них есть комсомолы, но тоже нет осовиахимовской организации. Пропаганда о военных знаниях совсем не поставлена, потому нет таких людей, да все колхозники расстроены, когда на собрание собираются не как люди, приходится кланяться к одному человеку два три раза, но это все пустяки. Вы мне разъясните подробно в следующем письме, где и как раздобыть эту Осовиахимовскую организацию и почем преподавать и как. Наши часть колхозников будут и примут участие потому, там интересные вопросы. И я бы сам принял участие в осовиахимовской организации, так как комсомол, а то со скуки пропал, развееселиться негде, культурной жизни набраться негде, а в деревне только приведет к уличному хулиганству с уличными мальчишками, большие ни к чему.

Видно то, что если намок, то долго не высушиться в ненастную погоду, так и здесь. Когда нет руководительного прибора, это стенной газеты, она исправляет все недостатки в колхозе, и то не смогут как сделать. Правление колхоза самые интересные газеты и журналы не выписывает читать и развлекаться нечем а на красный уголок средств не хватает в колхозе Ежова Смирновского сельсовета, а на кружки на какие тоже не отпускают. Когда еще не отсеялись озимое и не обмолотили зерно еще не сдали в заготовку, а картофель копать еще не зачинали, а овощей и совсем нет на огородах. А вы если спросите а почему ты сам не агитируешь все эти дела? Я вам отвечу, потому что я ели управляюсь со своей работой, хожу письмоносец, обхаживаю 5 деревень, а все на ногах, подписываю газеты, а где и читаю в бригадах, а если и есть время вечер, то я один комсомолец в своей деревне ничего не сделаю, надо все [же] подсобника, да еще нет помещения где бы находиться. В следующем письме я опишу вам где находится наша комсомольская организация и где райком куда я поступил в комсомолы, но туда наша молодежь и думать не хочет, что далеко ходить. А пока делайте запросы еще не стесняйтесь. Желаем лучшего в работе.

С дружеским приветом Тимохин

РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.56. Л.1-2. Подлинник. Рукопись.

Удручающее впечатление производит это письмо, причем не столько отсутствием каких-либо оборонных мероприятий, сколько описанием «зажиточной» жизни в колхозе имени Ежова.

В свете происходивших в стране процессов интерес вызывает положение в приграничных районах, особенно на тех территориях, которые недавно вошли в состав СССР (Зап. Украина, Зап. Белоруссия, Прибалтика, Бессарабия и Сев. Буковина, часть Финляндии), где вовсю насаждались новые советские порядки. Об этом свидетельствует письмо в «Правду» от 15 января 1941 г.

Ошибки в деятельности Вишпурского (Выборгского) горкома партии.

Особенно важно, чтобы каждый житель Вишпури был всегда начеку, проявлял большевистскую бдительность. Почти ежедневно здесь происходят пожары или крупные аварии на электростанции, газовом заводе и водопроводе. Это не случайно, конечно. В городе еще много подозрительных людей, много жуликов и проходимцев.

На границе не спокойно. Пограничники чуть ли не каждый день задерживают шпионов и диверсантов, засылаемых белофиннами. Известен факт, когда границу перелетели три финских самолета и произвели разведку в районе между Сортавала и Вишпури.

В этих условиях горкому следовало бы ориентировать коммунистов на усиление бдительности. К сожалению, этого нет. Проявляется нетерпимая беспечность и благодушие. Недавно сотрудник местной газеты беспартийный тов. Юценко разговаривал с инженером-коммунистом, ответственным работником электростанции тов. Ивановым. Не узнав даже с кем он говорит, Иванов выболтал по телефону содержание секретного постановления бюро горкома о работе электростанции. Такая излишняя, вредная доверчивость существует в горкоме, на предприятиях (на комбинате Йоханнес, судверфи), в речном пароходстве. Рассказывают обо всем: и о мощности заводов, фабрик, и о мероприятиях оборонного значения, и об укреплении границы.

Или такой факт: во многих домах остались десятки и сотни книг на русском языке, изданных в Хельсинках, Риге, Берлине. Содержание этих книг – антисоветское. Но изъятием их никто по-настоящему не занимается. Учащиеся первой школы увлекаются произведениями Чарской. В кабинете директора ремесленного училища хранятся явно фашистские книги (на финском языке), которые давно следовало бы изъять. Более того: на стене спортивного зала училища (раньше здесь был лицей) долгое время висела доска с «непонятной надписью». А надпись гласила: *лицейсты такие-то погибли в борьбе с большевиками...*

Легкомыслие проявляют даже при назначении людей на ответственные посты. К начальнику речного пароходства Сухареву пришла 19-летняя девушка тов. Паршина, только что приехавшая из Пятигорска. Она хотела устроиться на работу. Начальник пароходства, не проверив паспорта, не узнав толком откуда и зачем она приехала в Вишпури, решает:

· – Поедешь на Сайменский канал.

И 19-летняя девушка, окончившая в этом году десятилетку, едет... начальником шлюза на границу.

Летом в город приехало много авантюристов, жуликов. Некоторые из них устроились в торговых организациях и занялись реализацией трофейного имущества. В тресте кафе-столовых и по сей день работают растратчики, воры. [...]

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.122. Д.8. Л.16-19. Заверенная машинописная копия.

Далее шел рассказ о плохой идейно-воспитательной подготовке, о том, что не изучается «Краткий курс», что местные руководители фактически игнорируют указания ЦК. Донос скорее всего был составлен по наущению Вишпурского РК ВКП(б), по каким-то причинам недовольного действиями горкома. А вот отрывки из рапорта республиканскому народному комиссару ГБ от начальника секретно-политического отдела (СПО) Горотдела (ГО) НКГБ г.Перемышля (Зап. Украина) мл.лейтенанта ГБ М.А.Виткова от 30 апреля 1941 г.:

С момента прихода Хименко начальником Горотдела последний ввел себе как систему грубость, мат и нечуткое отношение к подчиненному ему составу. Говоря неоднократно о необходимости соблюдения строжайшей конспирации, особенно в условиях г.Перемышля — пограничного города, сам Хименко не соблюдает и элементарные правила конспирации. Так, он может встретить любого сотрудника в дежурной комнате и в присутствии вахтеров и другого обслуживающего персонала потребовать доклада об оперативной работе. Подтвердить это может оперуполномоченный СПО т. Соколовский да и другие работники.

Был даже такой случай, когда Хименко сел в машину, взяв с собой Нач. отделения КРО* т. Колосова, и поехал в одно из сел принимать серьезного агента-внутренника по ОУН**. Приехав в лес, он поставил машину и в присутствии шофера Станько — местного украинца, брат которого находится закордоном, а он сам имел подозрительные связи с резидентом немецкой разведки Плишке (арестован), принял от агента материал, подтвердить это может ст. оперуполномоченный КРО т. Лихоузов. [...]

По учетам КРО проходил как резидент немецкой разведки Плишке, но тем не менее этот человек имел свободный доступ в здание и во двор Горотдела для ремонта автомашин. Приводил его в Горотдел вышеуказанный шофер Станько.

Однажды в выходной день Плишке прошел в здание Горотдела, но вместо того, чтобы идти в гараж, зашел во внутреннюю тюрьму и стал заглядывать в волчки камер. Заметив это, вахтер Горотдела Горопадский закрыл его в камеру и доложил мне о случившемся. Я доложил все это Зам. Нач. Горотдела — капитану Сизову, а последний позвонил Хименко по телефону домой и рассказал, что известный нам как резидент немецкой разведки Плишке пробрался к камерам внутренней тюрьмы и заглядывал туда, за что был задержан и посажен в камеру. Узнав об этом, Хименко приказал Плишке из камеры освободить и извиниться перед ним, что его задержали, якобы, по ошибке. О чем говорит этот факт, выводов делать не стану.

В апреле месяце 1941 г. нами был вызван на допрос один известный в г.Перемышле троцкист. В процессе работы с ним, последний рассказал о своей троцкистской идеологии, заявил, что он большевиком никогда не был, как и Троцкий никогда большевиком не был. Пришедший в это время в кабинет Хименко начал вести с ним разговоры, разясняя, что Троцкий, Бухарин и другие стояли за советскую власть и до революции и после революции до восстановительного периода, а потом отошли от генеральной линии и начали двурушничать. Такое «разяснение» может сделать только политически безграмотный человек, либо близкий идеологически к троцкистам. При полемике Хименко о троцкизме присутствовал оперуполномоченный СПО т. Чекушин.

Нужно указать, что Хименко нечистоплотный в части приобретения вещей. Интересный факт сейчас приведу:

в г.Перемышле проживал изветный купец и администратор зданий, некий Унгер. Хименко этого Унгера приблизил к себе и всегда можно было его то на квартире у Хименко, то в его кабинете. Унгер снабжал Хименко различными вещами.

Позже на Унгера посыпались заявления и Хименко дал распоряжение расследовать это дело. Из имеющегося до сего времени в Горотделе дела видно, что Унгер, враждебный советской власти человек, имел связь с польской полицией и по заключению Нач. КРО т. Колосова подлежит увольнению с должности в Смешторге, где он работал, и взятию на учет. В действительности же Унгер оставался работать на прежнем месте, на учет не был взят и не разрабатывался, но зато Хименко выдал ему постоянный пропуск в здание Горотдела с тем, чтобы он мог его регулярно посещать и снабжать «барахло».

В результате прокуратура арестовала Унгера и других и решением Облсуда Унгер был приговорен к расстрелу.

О факте связи Хименко с Унгером в Горотделе знали все и даже статья была в стенной газете, но парторганизация этот вопрос замяла, так как секретарем является Колосов — подхалим высшей степени...

Далее о небрежном хранении секретных документов, о том, что «кто бы в отделе что ни сделал, всегда он докладывает Нач. УНКГБ о том, что это сделал он. В его лексиконе слова коллективизма «мы» нет, а всегда он употребляет слово «я».

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.122. Д.8. Л.91-96. Подлинник. Машинопись.

* Контрразведывательный отдел.

**ОУН — организация украинских националистов.

Создается впечатление, что все негативные явления, свойственные развитию советского общества, на присоединенных к СССР территориях проявились особенно явственно. Да и все приведенные документы свидетельствуют, что война застала советское общество в весьма напряженном состоянии, в столкновении различных тенденций и противоречий. Немало было беспорядка и хаоса, напрямую связанных с тем, что случилось в тот момент, когда на страну обрушилась отлаженная военная машина Германии. Логика требует более пристально взглянуть на советскую деревню, в которой, несмотря на то что СССР был объявлен «могучей индустриальной державой», проживало пока еще большинство населения страны, которому и предстояло вынести на своих плечах бремя новых испытаний.

Примечания:

- 1 РЦХИДНИ. Ф.477. Оп.1. Д.43. Л.1.
- 2 РЦХИДНИ. Ф.386. Оп.1. Д.65. Л.29-31.
- 3 РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.26. Л.208.
- 4 РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.26. Л.208.
- 5 РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.26. Л.208-209.
- 6 РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.26. Л.209.
- 7 РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.26. Л.209.
- 8 РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.26. Л.210.
- 9 РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.26. Л.211.
- 10 РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.26. Л.212-213.
- 11 РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.26. Л.214.
- 12 ГАРФ. Ф.4851. Оп.1. Д.18. Л.2-9, 13-17, 41-43.
- 13 ЦГАОДМ. Ф.4. Оп.9. Д.173. Л.221.
- 14 ЦГАОДМ. Ф.369. Оп.1. Д.162. Л.22-26.
- 15 Использованы материалы следственных дел репрессированных в 1937-1938 гг., хранящиеся в Архиве Управления ФСБ РФ по Москве и Московской области.
- 16 ЦГАОДМ. Ф.369. Оп.1. Д.161.
- 17 ЦГАОДМ. Ф.1934. Оп.1. Д.184. Л.57.
- 18 Архив УФСБ РФ по Москве и МО, следственное дело П-33352.
- 19 Архив УФСБ РФ по Москве и МО, следственное дело П-33352.
- 20 Письмо Анастасии Кох с просьбой о пересмотре дела мужа находится среди материалов его следственного дела в Архиве УФСБ РФ по Москве и Московской области.
- 21 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.161. Д.43. С.17-26.
- 22 Подсчитано по: ГАРФ. Ф.9401. Оп.1. Д.4157. Л.201-205. Земсков В.Н. ГУЛАГ (Историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. №6.

C.11; *J.Arch Getty, Gabor T.Rittersporn, and Victor N.Zemskov. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years: A First Approach on the Basis of Archival Evidence // The American Historical Review. Vol.98. No 4. October 1993. P.1048.*

²³ *J.Arch Getty, Gabor T.Rittersporn, and Victor N.Zemskov. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years. P.1048.*

²⁴ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.161. Д.36. Л.5-12.

²⁵ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.161. Д.37. Л.121-123.

²⁶ Полностью документ см: РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.121. Д.19. Л.95-103.

²⁷ РЦХИДНИ. Ф. 477. Оп.1. Д.61. В связи с чрезвычайной дробностью выдержек из материалов обсуждения и пестротой их содержания указания на листы дела далее не даются.

²⁸ *J.Arch Getty, Gabor T.Rittersporn, and Victor N.Zemskov. Victims of the Soviet Penal System in the Pre-war Years. P.1033.*

²⁹ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.161. Д.50. Л.151-155.

³⁰ *Осокина Е.А. Кризис снабжения 1939-1941 гг. в письмах советских людей. Вопросы истории. 1996.№ 1. С.6.*

³¹ Там же С.18-19.

³² Там же. С.19.

³³ Там же. С.5.

³⁴ Там же. С.7.

³⁵ Там же. С.9.

³⁶ Там же. С.11-12.

³⁷ Там же. С.14.

³⁸ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 161. Д.41.

³⁹ РЦХИДНИ. Ф.477. Оп.1. Д.61.

⁴⁰ РЦХИДНИ. Ф.17. Д.48. Оп. 161. Л.13.

⁴¹ РЦХИДНИ. Ф.17. Д.48. Оп. 161. Л.62.

⁴² РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.123. Д.42. Л.58.

⁴³ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.123. Д.42. Л.67-68.

⁴⁴ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.123. Д.42. Л.100.

⁴⁵ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.123. Д.42. Л.101.

⁴⁶ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.123. Д.42. Л.102.

⁴⁷ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.123. Д.42. Л.103.

⁴⁸ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп. 161. Д.32. Л.5-12.

⁴⁹ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.123. Д.42. Л.1-2.

⁵⁰ Подсчитано на основе сведений справки и отчета начальника управления РККА по начсоставу Е.А.Щаденко о работе за 1939 г. См.: Известия ЦК КПСС. 1990. №1. С.177.

⁵¹ Там же. С.182, 187.

⁵² Там же. С.188-189. Цифры, на основании которых произведены подсчеты, неполные, так как не включают ВВС и ВМС.

«БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ПОРЯДОК В КОЛХОЗЕ»

Уже к середине 1930-х годов советская деревня была в основном коллективизирована. Процент коллективизации постоянно рос за счет «раскрестьянивания» — ликвидации последних индивидуальных крестьянских хозяйств. Чтобы окончательно «задушить единоличного демона», государство усиливало давление на единоличников, что вело к постепенной их деградации и люмпенизации. Они вынуждены были из года в год сокращать свое производство, не могли полностью засеять свои пашни, проедали преждежитое, занимались отходничеством или вообще уезжали в города или другие районы страны. Лишь 10-15% единоличников в какой-то мере держались на плаву к середине 1930-х годов. Несмотря на то, что конституция 1936 г. допускала существование мелких частных хозяйств единоличных крестьян и кустарей, основанных на личном труде (ст.9), судьба единоличников была уже предрешена. Налоговое обложение «в индивидуальном порядке» постепенно охватывало буквально все: доход от сельского хозяйства, от сенокоса, от лошади, от коров и прочего скота, рыбной ловли, пчеловодства, пушного промысла, самозаготовок и т.д. Нельзя было буквально шагу шагнуть, не сталкиваясь с налоговыми органами. Основная масса писем-заявлений единоличников в районные налоговые комиссии и более высокие инстанции касалась неправильного исчисления «твердых заданий» и жалоб на гонения со стороны колхозной и районной администрации.

Например, в октябре 1933 г. в НК РКИ поступила жалоба 36 граждан с.Ломаты Дубенского района Мордовской автономной области о грубейших нарушениях закона о зернопоставках, об изъятии хлеба уже после выполнения обязательств по зернопоставкам государству, истолкованное как «искривление классовой линии». Комиссия Мордовского обкома, выделенная для расследования жалобы на месте, установила, что «факт дачи встречных планов единоличным хозяйствам с.Ломаты полностью подтвердился». По материалам комиссии НК РКИ была составлена докладная записка на имя Сталина*, в которой в частности, говорилось:

Комиссия установила беззакония такого же рода и в других сельсоветах: Кочуровском, Тазинском, Паракинском, Енгальчевском и др. При этом нарушение постановления ЦК ВКП(б) и СНК имели массовый характер. По заключению комиссии «в отдельных сельсоветах эти искривления доходили до чудовищных размеров, выполнение хлебосдачи было превращено в прямую продрозверстку». Комиссия установила, что изъятие хлеба производилось исключительно у аккуратных сдатчиков, «у бедняцко-средняцких хозяйств».

Особенно возмутительны безобразия, допущенные в Паракинском сельсовете, где имело место массовое изъятие домов, лошадей, картофеля и т.д. Здесь, как и в других сельсоветах, сильно запоздали с выполнением зернопоставок среди части единоличников. Но хлеба при обысках не нашли. Тогда районный уполномоченный т.Крюков вызвал председателей 11 колхозов и обязал их «в порядке колхозной торговли» сдать 171 центнер хлеба за единоличников по цене от 60 до 90

руб. за центнер. Деньги эти взыскивались с единоличников путем продажи их имущества и, в частности, картофеля, хотя план поставки картофеля еще не был выполнен. Таким образом, по приказу Крюкова было взято в колхозе им.Кагановича – 35 ц, в колхозе «Вейце» – 35 ц, в колхозе «Красная сосна» – 40 ц и т.д. – задолго до до разрешения колхозной торговли. Директор Паракинской МТС знал об этом, но никак на это не реагировал.

В Тазинском сельсовете был произведен поголовный отбор хлеба у аккуратных хлебодатчиков, причем квитанции на отобранный хлеб не выдавались, учета нет, и возможны злоупотребления.

В Кочуровском сельсовете, где уполномоченным Райкома был секретарь Райкома комсомола, производился поголовный обыск у всех аккуратных сдатчиков и даже колхозников. Бригада приходила в дом, высчитывала приход и расход хлеба, устанавливала норму питания от 3 до 5 пудов на едока и, если оставался излишек, его отбирали. Таким образом изъято, например, у Наумкина М.З. – 26 кг, у Агеева А.А. – 67 кг, у Саматкина А.Ф., имеющего 9 едоков и честно выполнившего, как и другие, свои обязательства перед государством, – 11 ц, и т.д.

Таким путем был изъят хлеб у 81 хозяйства. Бригады ходили по домам пьяные с бутылками водки в карманах. бросали в жителей сырыми яйцами.

В Енгальчевском сельсовете (секретарь ячейки Хрипунов – сын кулака, уже получивший ранее строгий выговор с предупреждением за искривление классовой линии) была выявлена скрытая площадь в 114 га. Эта площадь была разверстана по хозяйствам пропорционально едокам. Без утверждения РИКа и вручения дополнительных обязательств сельсоветом ячейка под руководством уполномоченного Райкома т.Чекашкина приступила к массовому отбору хлеба под чистую.

Всего по 6 сельсоветам комиссия Обкома и ОблКК получила 629 жалоб на незаконное изъятие хлеба и имущества (из них удовлетворено 546 или 86.8%). «Такие же факты отбора хлеба имеют место и в других селениях: Кабаева, Турдаки, Неклюдово, но туда, – пишет комиссия, – мы считали нецелесообразным ехать, ибо методы отбора хлеба одни и те же». По заявлению второго секретаря Обкома такого рода искривления линии партии имели место в 12 сельсоветах [...]**

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 661. Л.3-5. Подлинник. Машинопись.

* Докладная записка представляет собой сокращенный вариант материалов комиссии.

** Опущена часть документа, где говорится о принятых мерах и о привлечении ряда виновных лиц к партийным взысканиям и судебной ответственности.

В связи с возбуждением ряда уголовных дел в марте 1934 г. прокурором РСФСР И.А.Акуловым на место был командирован его помощник Раусов, который, как докладывал Акулов в Оргбюро ЦК ВКП(б), дополнительно установил:

[...] * Перегибы в отношении единоличников – бедняков и середняков, а в некоторых случаях колхозников – были допущены в октябре месяце 1933 г. в 18 сельсоветах района. Перегибы носили массовый характер и затронули до 700 хозяйств или 22% к общему количеству единоличных хозяйств. Хлеб отбирался методами прямых разверсток в порядке встречных планов и сплошных обходов дворов, обысков. Для изъятия хлеба организовывались бригады, «военные штабы», причем каждого члена бригады обязывали: члена партии – ежедневно «заготовить» 6 центнеров хлеба, комсомольца – не менее 2 центнеров, беспартийного – не менее 3 центнеров. Члены бригады предупреждались, что в случае невыполнения ими заданий отберут партбилет, а беспартийных отдадут под суд. Были

случаи, когда эти угрозы претворялись в жизнь. Такими методами хлеб отбирали главным образом у тех хозяйств, которые уже выполнили свои обязательства перед государством, под видом того, что эти хозяйства укрывают хлеб несдатчиков. В Енгальчевском и Ломатском сельсоветах незаконно с грубыми перегибами отбирали не только хлеб, но и дома, лошадей и другое имущество. Отобранные дома разбазаривались. Имели случаи дарения домов родственникам. В Паракинском сельсовете в счет выполнения плана сдачи зерна единоличниками и даже твердозаданцами из неделимого фонда колхозников изъято 11 центнеров ржи. Стоимость ржи частично оплачивалась деньгами, вырученными от продажи имущества, незаконно изъятого у крестьян, а частично забиралась без оплаты.

Такие исключительно безобразные факты перегибов проводились зав. Орготделом Райкома ВКП(б) Крюковым, уполномоченным КомзагСНК Каштановым и уполномоченным Райкома партии Спиридоновым с ведома и по установкам Секретаря Райкома партии Моисеева. Моисеев еще 21 сентября 1933 г. на совещании секретарей ячеек и уполномоченных по хлебозаготовкам дал лозунг: «если единоличник не умеет думать о колхозе головой, надо его заставить думать брюхом!» Этот лозунг был понят как призыв не только к тому, чтобы быстрее собрать хлеб у единоличников методами голого администрирования, но и заставить единоличников вступить в колхозы. Заворготделом Крюков, который по существу непосредственно виновен в перегибах, на Пленуме Тазинского сельсовета расшифровал лозунг Моисеева так: «после выполнения плана хлебозаготовок на 100% заставим единоличников думать о колхозе не головой, а брюхом» [...]**

Тов. Раусов на месте дополнительно установил, что в момент проведения работы по хлебозаготовкам аналогичные по методам и в одно и то же время перегибы имели место и в других районах Мордовии: Торбеевском, Зубово-Полянском, Старо-Шайгайском и др. По Торбеевскому району, также как и по Дубенскому, перегибы вдохновлялись районным руководством. Там широко практиковались встречные планы и разверстки по зернопоставкам.

В Покровском сельсовете райуполномоченный, произвольно выбрав 219 малоедоцких крестьянских хозяйств, наложил на них дополнительно план поставки хлеба в размере 285 центнеров. У гражданина Беззубова, за которым не числилось никаких недоимок, дважды произвел обыск и отобрал все вещи. Были отобраны все вещи дочери Беззубова — молодой девушки, которая на этой почве покончила жизнь самоубийством.

В Атюровском сельсовете зав. Орготделом Райкома партии Кудашев лично провел встречный план хлебосдачи в размере 510 центнеров среди свыше 300 крестьянских хозяйств. От колхоза «Ленин-Киц» по распоряжению секретаря Райкома партии Тихонова было изъято 64 центнера хлеба для покрытия плана хлебопоставок по единоличному сектору.

Допуская администрирование в отношении трудящихся единоличников и колхозов, районное руководство во главе с секретарем Тихоновым совершенно обходило твердозаданцев. К ним не применялось никаких мер воздействия, несмотря на то что ими явно саботировалось выполнение заданий. Районное руководство в значительной степени было засорено кулацкими, разложившимися элементами. Секретарь Райкома Тихонов оказался сыном кулака-лишенца. Основной метод руководства с его стороны был грубый окрик и голое администрирование, особенно в отношении трудящихся единоличников. В районе слово «единоличник» превратили в позорную кличку, тогда как район коллективизирован всего лишь на 50%. [...]**

Это дело расследованием закончено. Привлечены к судебной ответственности: секретарь Райкома партии Тихонов, зав. Орготделом Райкома Кудашев и зав. Райзо Холопов.

Дело 13 марта сего года передано в Областной Суд с предложением срочно заслушать его на месте (Торбеевском районе) с мобилизацией общественного мнения. [...]****

РЦХИДНИ. Ф. 17. Оп. 114. Д. 661. Л.13-15. Подлинник. Машинопись.

* Опушена часть документа, в основном повторяющая факты предыдущего.

** Опушена часть, где рассказывается о сопротивлении местных органов судебному преследованию перегибщиков и какие меры в связи с этим были приняты.

*** Опушена часть, рассказывающая об очковитирательстве районных работников в связи с проведениемхозполиткампаний.

****Опушена часть, какие меры контроля за прохождением дела предполагаются.

Как видим, в документах еще прослеживается разница между «твердозаданцем» и «единоличником», хотя слово «единоличник» уже становится «позорной кличкой» и местные власти ведут усиленный нажим на него. Если в данном случае «перегибы» вроде бы оказались исправленными, на местах по сути продолжалась прежняя практика. О том, как складывалась в эти и последующие годы судьба отдельного единоличного хозяйства, рассказывает следующее письмо в «Крестьянскую газету», датированное 22 сентября 1938 г.:

Москва

В редакцию Крестьянской газеты

Гражданина единоличника Гребенева Афанасия Федоровича, дер.Лобошана Шалеговского сельсовета Оричевского района Кировской области

Заявление

Прошу в Вашей многоуважаемой газете поместить ответ на мое письменное заявление. Я природный труженик крестьянин 1879 г. рождения, занимался с детства одним крестьянством, знал только удобрять и обрабатывал своими руками землю, средняк и не был обложен твердым заданием. Семья 6 человек, жена 1881 г. рождения, сын 16 лет и две дочери по 19 лет, все трое учатся в школе взрослых, и сестра 71 г. С 1932 г. накладывали на мое хозяйство непосильные налоги, с которыми чуть справлялся. С 1935 г. местная власть усилила налоги как на единоличника, с которыми не мог справиться, все мое имущество описали: лошадь, корову, подростка, овцу с ягнятами, все сельскохозяйственные орудия, упряжь, мебель и запас леса для ремонта строений и др. и продали за налоги. За 1936 г. продали все постройки: клеть, амбар, конюшню, двор и ограду с мелкими постройками. Купил наш колхоз для конюшни, которая до сего времени существует на 14 лошадей. За 1937 г. были две избы рядом под одной крышей, продана [видимо, крыша] и увезена в другой сельсовет за 500 руб. Сени были не описаны и не проданы, а увезены. Это все самовольно взял наш Лобошанский колхоз. До сего времени семья моя лазит в избу по стремянке. Нет помещения оправиться. В 1936 г. с 1 июля я вынужден отказаться от земли и уйти на производство, оставить на произвол судьбы дом, так как пришлось отдать государству хлебозаготовку, на семена не осталось, сельскохозяйственных орудий и лошади. С того времени я работаю в райбольнице сторожем по 90 руб. в месяц. Хозяйство мое пришло в упадок, поднимать нет средств, работников нет. Желательно учить детей, так прошло 2 года за неимением средств для учебы, надо зарабо-

тывать на хлеб. Имею усадьбу. Нынешний год освобожден от налога, как служащий.

В марте 1937 г. за налог взяли сломали и увезли мою вторую избу, которая была связана одной крышей с жилой избой. Тут грозит опасность все может упасть. Постройки ветхие 1874 г. Эта была изба не жилая, была маленькая печь, оштукатурена, покрыта тесом и окрашена внутри, была крепкая, а осталась мне ветхая, гнилая. Я обратился об остановке перевозки избы в Кировское Облфо, которое дало приказ остановить сломку и перевозку, расследовать дело. Райисполком совместно с сельсоветом постановили сломку и перевозку остановить, так как изба была не вся увезена. 12 июня 1937 г. Президиум Райисполкома постановил: выдать мне по страховой оценке денег 1096 руб. и остатки увезти. С этим я не согласился, хотя и получил деньги. Ходатайствовал об увезенной избе пред Районом и областью, что несправедливо взяли избу, за что говорит 8 всероссийский партийный 1936 г. 25 ноября съезд.* Товарищ Сталин в своей конституции за крестьянское средняцкое хозяйство, неприкосновенность жилищ, а тут власть совсем преступили эту статью.

1937 г. в июне месяце, собрав все документы, написал мне жалобу защитник Нарсуда товарищ Валеv и взял 70 руб. по адресу Наркомфин. На второе мое заявление ответ: «Ваше дело отправлено в Киров и будет ответ к 20 сентября». Действительно, ответ последовал в конце сентября: «Все исчислено правильно, от налога не освобождаешься, а за неправильность изъятия избы получите по страховой цене 1096 руб.» Просил я в своем заявлении 5000 руб. Не ограничиваясь этим ответом, обратился вторично этого года в июне месяце и указывал на постановление 8 всесоюзного съезда и нарушение Сталинской конституции, послал подтверждение и справки от соседей стоимости избы в 5000 руб. Наркомфин отвечает: «Как видно из прилагаемой копии в парагр.40, действовавшей в 1936 г., а у меня увезена изба в 1937 г. в июне: «Требование Ваше об изъятии избы по восстановительной цене удовлетворено быть не может».

А потому прошу редакцию ответить мне, справедливо ли все сделано и кто преступил закон не разорять средняцкое хозяйство: местная власть или верховная? И куда, если выше, обжаловать о возвращении моего имущества? Это первое.

Второе. В феврале месяце нынешнего года Райфо дало право выкупа строений, которыми пользуется наш колхоз с 1935 г. октября месяца, купленные с торгов за 870 руб. В феврале месяце 500 руб. мною уплачено колхозу, а остальные с уценкой 41 руб. уценки на уничтоженные потолки и внутренние стены и другие предметы. По-моему, уничтожено на 30% всех построек. Но я решился выкупить на деньги, полученные за изъятую избу, а остальные 329 руб. до сего времени выплатить не могу вот уже 7 месяцев, и колхозники не уезжают с моего двора, так как у них постройка конюшни не готова. Вправе ли я их попросить уйти из моего двора с удержанием доплаты за 7 месяцев с начала выкупа, так как нет возможности вести хозяйство.

1938 г., 22 сентября.

Еще обращаюсь с вопросом, каким путем вытребовать центральную каммисью для расследования моего хозяйства, о разорении и восстановлении, за что и кто?

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.57. Л.231-233(об). Подлинник. Рукопись.

*Имеется ввиду VIII Всесоюзный съезд Советов.

Ответ на письмо Гребенева был краток: «Мы не находим никаких оснований для дальнейшего обжалования вашего дела. Если вы недовольны ответом НКФ РСФСР, то можете обжаловать в НКФ СССР.»¹

В приведенном письме более всего удивляет, как упорно человек продолжает драться за свое имущество. Если Гребенев еще находил силы бороться, то жалоба крестьянки О.П.Семеновой из Смоленской области дышит полной безнадежностью и свидетельствует о грубом произволе и безжалостности государственной машины. Жалоба была получена «Крестьянской газетой» в июле 1938 г.:

В типографию крестьянской газеты тов. Урицкому от гр. д. Шишкино Косткинского сельсовета Вяземского района Семеновой Ольге Петровне.

**Жалоба.
Вторичная.***

*Я, гражданка Семенова Ольга Петровна, прошу пожалуста издательство крестьянской газеты разобрать мою жалобу. Я, гражданка Семенова, имею трех детей, т.е. трех дочерей, старшей дочери 19 лет, она слепая, средней дочери 16 лет, эта дочь родилась у меня хромая и еще девочка 12 лет, самой мне 57 лет, хозяйина у меня не имеется: уже 5 лет, как умер, тоже был колека с гражданской войны. Так что живем мы одиналично. Я, гражданка Семенова, жалуясь о том, что у меня 1 сентября 1936 г. отобрали все имущество, у меня взяли 336 кг ржи, 40 кг овса, швейную машину, две овчины с овец, костюм с брюками, пиджак на котиковом миссу, крытую сукном шубу, шесть мишков с розжью, и еще описали в сарае сено. При отборке присутствовали такие лица: председельсовета тов.Егоров, инспектор Вяземской налоговой комиссии тов.Наважилов и трое понятых: Михайлов Иван, Степанов Михай и Соколов Александр. Когда они пришли и стали делать отборку, а я спросила за что, а они отвечают за НДСИМУ налога 1935 г. и за уплату налога в 1936 г. Я, гражданка Семенова, неграмотная и просила их обождать делать отборку: 2-е меньших девочки придут из школы и они покажут вам квитанции на уплату налога в 1935 г., а они сказали, что не можем ждать ни одной минуты, а в 1936 г. извещений мне неприподносили на уплату налога, без извещений пришли делать отборку имущества, когда я стала спрашивать в Вяземского инспектора налоговой комиссии тов.Наважилова, что правильно ли они делают, а он отвечает, что неправильно, бабушка, это делают. Все свои, а я нимогу ничиво поделать. 1 января 1937 г. произвели отборку на сено 150 пудов, которое было описано 1 октября 1936 г. вместе с отборкой имущества. При отборке сена был секретарь сельсовета тов.Ильин Г.Я. и понятой Михайлов Иван, а мне даже и не сказали, приехали малчком, разломали замок на сарае и отдали это сено из постороннего колхоза председателю колхоза Голосову, без всяких торгов и без весу указали, что сто пудов. За что пошло мое имущество, сено и хлеб я низнаю мне и по сих пор неизвестно, ни на розжь не дали квитанций, ни на имущество и даже не возвернули мне порожних шесть мишков и за розжь денег. Я не раз обращалась в область, в Москву и в райисполком и говорила, почему со мной не производят никакого расчета, все сулют, вот тогда, а на самом деле их нет. Возвернули только 86 кг ржи и то пророслой, а больше никакого расчета со мной не производят, смеются над неграмотной и больнои женьщиной. Спрашивается, когда кончатся эти безобразия?..]***

К симу за нее Майорова

15 июля 1938 г.

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.133. Л.102-102(об). Подлинник. Рукопись.

* Первая жалоба среди писем не найдена.

** Опущены повторные обращения помочь, приехать и разобраться.

В 1938 г. в стране официально оставалось еще 1.347 тыс. хозяйств единоличников, в 1939 — 960 тыс., в 1940 — 641 тыс.² О том, что они представляли в действительности, каким было их положение, свидетельствуют вышеприведенные документы. Одним из последних преимуществ единоличного хозяйства была возможность держать лошадь как рабочее и транспортное средство, использовать ее как источник дополнительного заработка. Но в августе 1938 г. II сессия Верховного Совета приняла закон о «О государственном налоге на лошадей единоличных хозяйств». Уже за содержание одной лошади устанавливались непомерные налоги, а за каждую последующую почти вдвое больше. Это вынудило проситься в колхозы оставшихся владельцев лошадей. Неудивительно, что в решениях XVIII съезда партии (март 1939 г.) единоличники определялись как люди, находящиеся на перепутье между колхозом и фабрикой. Заключительным актом насилия над ними стала ликвидация хуторов на рубеже 1930-40-х годов. Мало того, что судьба последних крестьянских хозяйств оказалась крайне незавидной, над каждым единоличником буквально витала тень «кулака».

Последствия политики ликвидации кулачества как класса, осуществляемой в период «социалистического наступления», долго еще сказывались на жизни общества. Из «кулака» был сотворен своего рода жупел, который глубоко внедрил в сознание. В нем чувствуется комплекс вины за содеянное в деревне, опасение того, что придется за это отвечать, и страх, что пострадавшие будут мстить за насилие, примененное по отношению к ним. Вовсю действовал феномен «кулацкого вредительства», неразрывно связанный с судьбой «кулацкой ссылки» во второй половине 1930-х годов.

Между тем большинство трудпоселков, находившихся в северных и восточных районах страны, давно было преобразовано в колхозы и совхозы. Но различные инстанции были буквально завалены письмами, как в них говорилось, «неправильно раскулаченных» с просьбами о возвращении на прежние места проживания, особенно после принятия конституции 1936 г. На это следовал стандартный ответ, что с 1935 г. ссыльные восстанавливаются в гражданских правах, но без права возвращения. Однако желающих вернуться было уже не остановить. Как правило, для этого использовались родственные и дружеские связи. «Бывшие кулаки» растворялись по колхозам, совхозам, заводам и фабрикам, тщательно скрывая свое ссыльное прошлое. По источникам массовых актов вредительства со стороны этих людей не прослеживается, но миф об этом прочно внедрил в сознание и усиленно поддерживался в обществе. Власть прореагировала на это усилением репрессий.

В постановлении Политбюро от 2 июля 1937 г. указывалось, что «большая часть бывших кулаков и уголовников, высланная в свое время в северные и сибирские районы, а затем, по истечении срока высылки вернувшихся в свои области, являются главными зачинщиками всякого рода антисоветских и диверсионных выступлений как в колхозах и совхозах, так и на транспорте и в некоторых отраслях промышленности». В постановлении предлагалось взять на учет этих людей, наиболее активных арестовать и либо снова выслать, либо расстрелять. Через 6 дней в результате работы троек была представлена разнарядка, где говорилось, что, например, по

Омской области было намечено к расстрелу 479 чел. и высылке 1959 чел. Всего же по списку составленному в НКВД к 30 июля к расстрелу было намечено 72 тыс., к повторной высылке 270 тыс. чел.³

Так писались последние страницы истории единоличной деревни. Ей на смену утверждалась новая форма деревенского бытия — колхозы и совхозы. Их имена активно внедрялись вместо названий прежних сел и деревень. Громко звучали броские термины периода революции и гражданской войны, имена вождей и полководцев, памятные и знаменательные даты, отзвуки прежней борьбы за мировую революцию, за счастье людей во всем мире. К середине 1930-х годов относится и закрепление в деревне основ колхозной системы. В феврале 1935 г. II Всесоюзный съезд колхозников ударников принимает примерный устав сельскохозяйственной артели, чаще называемый «сталинским уставом колхозной жизни», на основании которого должен был строиться «большевистский порядок в колхозе» — наверное, самый ходячий штамп применительно к советской деревне 1930-х годов. В июле того же года Совет Народных Комиссаров принимает постановление о выдаче колхозам государственных актов на вечное пользование землей. Кампания вручения колхозам этих актов захватила фактически всю вторую половину 1930-х годов и сопровождалась газетной шумихой. Колхозный строй, таким образом, устанавливался в деревне навсегда.

Потоком шли сообщения и письма об успехах колхозного села под рубриками: «Крепнем с каждым днем», «К весеннему севу готовы», «Вывоз навоза на поля — лучший подарок XVIII съезду партии» (sic!), «Сталинский урожай», «Встретим урожай во все оружие» (sic!). «Проведем снегозадержание», «Хорошо подготовим коня», «Жить стало лучше (sic!) жить стало веселее», «Сев провели на отлично», «Готовы к весне», «Плоды стахановского труда» и т.д. и т.п. Много говорилось об ударной работе стахановских звеньев, о том, как ученые помогают колхозам и совхозам, об опытниках и селекционерах. Рапортовали зачастую сами председатели колхозов, а также агрономы, зоотехники, передовики колхозных полей, ударники и стахановцы, избачи и рядовые сельские корреспонденты. Большой пласт документов отложился в связи с учреждением Всесоюзной сельскохозяйственной выставки, призванной демонстрировать достижения колхозов и совхозов. Масса корреспонденции шла под рубрикой «Завоеем право на участие в выставке». К ним примыкали материалы, пропагандирующие и рецензирующие сельскохозяйственную литературу, альбомы «Ословодство и мулопроизводство», «Верблюдоводство» и прочие книги научного, популярного и псевдонаучного свойства. Огромное число тружеников колхозных полей боролось за повышение урожайности кок-сагыза — «знаменитого» отечественного каучуконоса.

Многие авторы считают, что по этим сообщениям и письмам, чаще всего публикуемым в прессе, рисуются главным образом «потемкинские деревни», подобные той, что изображалась в популярном фильме «Свинарка и пастух». Но, видимо, это не совсем так. Конечно, достижения советской деревни были весьма относительными. Многие из них были обусловлены общим прогрессом в сельском хозяйстве, применением техники,

ростом культуры и образования населения, но некоторые были действительно достигнуты благодаря социалистическим преобразованиям на селе.

Писем, поступающим из села на эту тему, т.е. о том, что было раньше, и что стало теперь, пожалуй, больше всего. К ним необходимо прислушаться. В заметке «Советское село» уроженец с.Хвощеватки Березовского района Воронежской области И.Попов 4 января 1939 г. писал, что его село сегодня «имеет школы: начальную и среднюю, аптеку, детский сад, главный магазин сельпо, избу-читальню, ветпункт». Люди «не обращаются больше к бабке-знахарке. Есть в колхозе медпункт, а в соседнем колхозе — родильный дом». Есть своя интеллигенция: «учителя, врачи, ветеринар, агроном, счетоводы, секретари, комбайнеры, шофера, трактористы — все вышли из народа».

«Много уроженцев Хвощеватки, выпускников средней школы, — писал автор, — можно встретить в учебных заведениях Советского Союза. У.Колтакова учится в Воронежском государственном университете, С.Васильев заканчивает учебу в Ленинградском военном училище, А.Васильев — студент Института Нархозучета, К.Васильева — студентка мединститута, Н.Колтаков кончает инженерно-строительный институт. Да разве всех перечислишь!» — восклицал он.⁴ Огромное влияние на формирование массового сознания оказали кинофильмы 1930-х годов, посвященные истории страны, новой колхозной жизни. Отклики на них составляли значительную часть корреспонденции, наравне с описаниями новых явлений в жизни деревни. Например, селькор Я.П.Каширских из колхоза «Большевик» Верхне-Хавского района той же области писал о том, как меняется быт деревни, повествуя на тему: «Зимний вечер в колхозе». Описывался колхозный клуб, как весело в нем колхозники проводят вечера, как распевают песни, частушки. Приезжавшие лекторы рассказывали о Красной Армии, о боевых действиях в Китае, в Испании. Среди колхозников, пишет автор, «идут разговоры о повышении урожая сахарной свеклы, о вывозке навоза, снегозадержании. Будет еще лучше, — заключал автор, — купим радио, патефон...»⁵ Именно такие письма, отредактированные опытной рукой, чаще всего и публиковались в прессе. Но не все эпизоды «счастливой колхозной жизни», особенно курьезные, имели шанс попасть в печать. Вот, например, заметка селькора Глухова из с.Шевырялово Сарапульского района Удмуртской АССР от 24 декабря 1938 г.:

Счастливая жизнь

Русинову Матвею Федоровичу уже перевалило на 8-й десяток лет, он колхозник с 1929 г.

До Революции Матвей Федорович от старости лет отрастил до самой груди бороду и носил в скобку подстриженные волосы от этого он показывал [казался] старым человеком. Человек он трудолюбивый до 1 Декабря 1938 г. у него у одного перешагнуло на 4-ю сотню трудодней. Имеет он в своем хозяйстве дойную корову, птицу и поросенка. Дом крытый железом, но вот одного Матвею Федоровичу не хватало он был вдовым.

По советувался с близкими людьми Матвей Федорович и решил взять уже по счету третью жену. В первых числах декабря истекающего 1938 г. он скромно сыграл по-Советски свадьбу бороду подбрил, волосы подстриг и этим оказался как быть к стати своей третьей жене имеющей 42 года.

В старое время попы никак бы не разрешили свадьбу в Декабре. Это считалось пост, да и такому человеку имеющему 74 год они бы отказали в браке. По истине у нас счастливая Советская жизнь.

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.12. Л.12. Подлинник. Рукопись.

К валу воспоминаний пожилых людей о прежней безрадостной жизни и ее сравнению с нынешней приобщалась и молодежь. К их числу, например, принадлежат воспоминания «История моей жизни» красноармейца Прокофия Гурьяновича Шатрова, который из глухой деревушки был призван в армию (автор не указывает откуда) и служил в одной из воинских частей в Белорусском военном округе. «Я, — пишет автор, — 1916 года рождения. За годы Советской власти какие со мной произошли происшествия...» Однако большая часть воспоминаний состоит из переписывания газетных фраз о достижениях страны под руководством партии Ленина-Сталина, перемежаемого мелкими бытовыми эпизодами. Чтение воспоминаний чрезвычайно затруднено, так как автор, несмотря на то что окончил 4 класса начальной школы, явно недостаточно усвоил грамотность и плохо изложил на бумаге свои мысли:

Описваю. Когда я был 6-7 лет я тогда нянчал с младшими братом и сестрами. Когда побольше вырос 8-9 лет я стал подсоблять свои домашны работы. Тогда отец меня ~~отдал~~ [зачеркнуто] нанял к богатому мужику Власову И.М. на летние работы так я ево работал по два года, боронил и т.д. За одно лето я у его заработал 2 пуда овсом да кормился. В то время не было плугов, все обрабатывали землю сохами, деревянными бородами. Косили исключительно горбушами целый день в наклон. Жали все руками. Богаты мужики делали помочи, собирали народу жать руками. Жнут целый день и долго по месяцу ночью. Когда напьются пьяны жнут быстро и пойдет резня своих рук, почти чуть не каждый калечит свои руки.

Наша местность была очень под влиянием религии. Религия у нас была такая — ходят старики. Старики — это молоды и стары, зовут как по научному сектанты. Оне проповедовали. Массу наказывали разных грехов: курить табак, плясать, песни петь. У кого есть самовар, они не ходили к тому, тоже грех. [...] Оне говорили, не перечтеш сколько грехов. За эти грехи будет особое на том свете наказание от бога: кто будет гореть в огне, кто в черьях сидеть, кто в смоле кипеть. Один бок будет гореть, а другой расти. [...] Большие всего рассказывали, будет ходить по земле антихрест класть пячать на людей. Это значит будут прививать советскую осьпу. [...]

В то время очень была распространена заразная болезнь оспа. Уносила людей эта болезнь, особенно маленьких ребят. Кто останется жив, если останется, тот весь искаряпан, все лицо в ямах. Считали за счастье, кто останется жив. [...]

Советская власть стала заботиться о людях, стали ездить по деревням прививать оспу, оберегать людей от смерти и калечения. [...]

Однажды к нам в деревню приехала из больницы врач прививать оспу. Да, [...] наши родители почти чуть не все попрятали детей кто куда мог, а я был побольше, да, встал на лыжи и удрал в лес, чуть-чуть не замерз.

Ишо один был случай. Я уже был в школе [...]. Вдруг приехала оспопрививательница [...] все разбежались. Я удрал в деревню и забрался в солому, а товарищ мой, несмотря на то что школа от нас 3 км, зимой удрал в одной рубахе. [...]

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.13. Л.334-335(об). Подлинник. Рукопись.

Советский плакат «На коллективную работу».

Уборка помидоров в подмосковном колхозе

Далее автор возвращается к сектантам и описывает разные случаи их прегрешений. Ввиду косноязычия автора, суть понять трудно, но один случай – неудачная попытка на празднике Николы украсть деньги, пожертвованные крестьянами. В темноте злоумышленник уронил таз, куда складывались жертвования, «деньги разлетелись», спавшие в избе проснулись, «что, что случилось?», а тот отвечает: «Я заплутал». Другой случай, тоже на празднике. Гости, съехавшиеся из разных деревень, улеглись спать вповалку в избе: мужчины и женщины на разных полатях. Один парень-сектант решил по брусу перебраться к девушкам, но с грохотом свалился на пол, где тоже расположились люди.

Далее автор описывает, как после окончания 4 классов, его назначили колхозным письмоношцем и курьером: «Наш колхоз от сельсовета 3 км и все лесом. Я ночью в полночь носил сводку. Ночь была очень темная, ревут птицы всякими голосами. Я не заметил перед собой елку, наскочил прямо на нее». Видимо, столкновение с елкой было настолько сильным, что более всего запомнилось автору из его курьерской работы. Через два года его послали на курсы счетоводов, а после до самого призыва в армию он работал на этой должности. Мимоходом автор упомянул вступление в комсомол. В то время, писал он, на колхозных полях уже появились машины, тракторы. Сектанты говорили, что «пришел дьявол». Одна старушка, вместо того, чтобы пройти прямо, «дак, она обошла на километр дальше кругом». Подобные мелкие подробности постоянно сопрягаются у автора с «большой политикой». «Сами колхозники, – писал он, – научились управлять техникой. Только под руководством партии это разгромила и уничтожила навсегда такие теории сектантов и попов». И сейчас я, заключает автор, «в такой почетной нахожусь рабочей крестьянской Красной Армии, прибыл в октябре 1937 г. Какая жизнь хорошая одевают, кормят, воспитывают... Я обязуюсь прослужить честно, как положено по уставу.»⁶

Службу в армии автор почел за большое счастье после довольно-таки монотонной и унылой, небогатой значительными событиями жизни в деревенской глуши.

Есть огромное количество документов, которые говорят о том, что с пришествием колхозного строя мало что на селе изменилось к лучшему, а во многих местах положение даже ухудшилось. Приведем наблюдения инженера Матюхина, о котором ранее в нашей книге уже шла речь:

В июле месяце я посетил свою свою родину, на полях которой я не бродил много, много лет. Обошел я примерно 60-80 квадратных километров. Был в селе, в котором родился, был в деревне, в которой рос до 15 лет, был в деревне, в которой был два лета батраком. Бродил по селам и деревням, в которых 40 лет тому назад собирал для себя и своей семьи пропитание Христовым именем. Я не буду убеждать тебя, как тощи колхозные и совхозные поля и как омерзительно убоги поля так называемые пригородные, как не проезжи дороги большаки. Но вот цифры говорят. что это самые убедительные аргументы. 37 лет тому назад, уходя из деревни на Брянский завод, в деревне Попов-Клинок на 35 дворов было 60-65 рабочих лошадей, 35-40 коров, жеребята и телята двух-трехлетки и одногодки исчислялись за сотню, овцы и свиньи 250-300 штук. На дворе помещика Леонова было 25-30 лошадей и столько же коров. В июле месяце на мой вопрос

землякам: сколько же у вас лошадей, я получил ответ — 27, а коров штук 30. Молодняка ни у той, ни у другой породы нет...

Моя родина производительница конопли. Конопля — это растение в полтора твоего или моего роста. То-есть, такова была конопля 37 лет назад. Теперь я видел необделанную пеньку ростом в три четвертых метра. Может быть в метр, но не более. 37 лет назад в июле нельзя было видеть необделанную пеньку. К празднику Николы и не позднее посев всей пеньки лежал в лабазах купцов в г.Брянске. Два пуда пеньки равнялись шестнадцативершковым сапогам.

На мой вопрос, чья это почерневшая пенька на болоте, мне ответили: горщиков колхозников, а мы, единоличники, свою сдали по контрактации по 8 руб. за пуд. [...]

РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1.Д.430. Л.45-46. Подлинник. Рукопись.

Вместе есть много свидетельств примирения жителей деревни с колхозным строем. Как писала М.И.Калинину группа крестьян Пуховичского района БССР в 1935 г. накануне VII съезда Советов, «... стало ясным, что крестьянин колхоза обойти не может, а поэтому нужно создать в колхозе человеческие условия жизни. Если раньше этого, может быть, было добиться невозможно, то в этом году, по нашему мнению, можно сделать.»⁷ Ухудшение своего положения крестьяне объясняли тем, что после того как часть крестьянства была «окулачена и выселена», вторая часть, не желая вступать в колхоз, потянулась в город и влилась в ряды рабочих, выпадающая на их долю земля осталась и ее приходится обрабатывать тем, кто вступил в колхоз, а потому работать день и ночь.⁸

Впрочем об интенсивности труда в колхозах имеются противоречивые сведения. Другое впечатление создается при чтении письма Малова в «Крестьянскую газету» от 21 ноября 1938 г.:

Колхоз имени 1е Мая.

По реке Печоре в 100 км ниже г.Троицка Коми АССР расположен колхоз им. 1е Мая, территория которого объединяет деревни Вампы, Куиспель и Мишко Иван. Чем же может похвастаться означенный колхоз? О достижениях — здесь таких нет. Колхозники здесь не имеют понятия о соцсоревновании, о выполнении заданий или о нормах выработки вообще. Культурный уровень колхозников низкий, нет избы-читальни, да и никто этим не интересуется, хотя руководителям района все это, как и прочее, хорошо известно. Видимо, тоже не обращают внимания.

Отсюда и последствия. В деревнях процветает пьянство и разгул, можно сказать, пьют всей деревней от старого до младого, что проезжающему человеку особо бросается в глаза. Дисциплина отсутствует, бригады не слушают предколхоза, постоянная перебранка и ругань. Ни одно задание не выполняется. В самое горячее время для колхоза сенокос и уборочная кампания на работу выходили не больше 3-4 колхозников. Сено осталось на 35% нескошенное под снегом. Единоличникам колхоз покоса не выделил и скот сеном не обеспечен. Картофель частью остался на поле невыкопанным. Урожай хлеба, несмотря на хорошее лето, меньше прошлогоднего, по причине той, что колхоз не вывез на поля удобрения. Помещения для молотбы хлеба нет и хлеб молотят дедовским способом, зимой под открытым небом. В колхозе имеется единственная машина сенокосилка «Новый идеал» и ту летом не раз ломали и ремонтировали. Кончили косить, выпал снег, а косилка уже 2 месяца лежит и ржавеет под снегом, убрать некому. Странно, что проезжающие руководители не раз все это видят, но мер не принимают — машина и ныне там.

Хозяйство колхоза развалилось: саней мало, хомутов не хватает, а имеемые выглядят печально, чинить и ремонтировать некому — нет ответственного колхозника.

15 ноября имел место следующий возмутительный факт: заболела скотница, 16 дойных коров и прочий скот остался три дня некормленный и коровы недоенные и только на четвертые сутки больная скотница на костылях вышла накормить скот и подоить скот, и это на глазах правления колхоза в деревне Вампы. Ни бригадир Мезенцев В., ни счетовод Юдин В. не могли распорядиться заменить больную скотницу, а колхозник Юдин Петр прямо сказал, мол, татарин 3 дня не кормил скот и то выжили, так и мы. Что говорить о личности Юдина П., он старый псаломщик, бывший белобандит, его личность прямо говорит о его делах, но удивительно то, что председатель Савиноборского сельсовета Калиновский еще выдвинул его на пост предколхоза кандидатом. Если обратиться к выработке колхозников, то картина тоже печальна. Остальные дни ушли в пьянстве и прогулах. Все это свидетельствует о нездоровой атмосфере в колхозе 1е Мая и кому следует необходимо взяться за оздоровление колхоза.*

Изложенные факты подтверждают полностью свою подпись:

Малов

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.4. Л.196-196(об). Подлинник. Рукопись.

* Оставлено место для цифр выработки трудодней, но цифр нет.

В чем же причины неудовлетворительного состояния дел? Что мешает наведению «большевистского порядка» в колхозах и совхозах, достижению впечатляющих успехов в строительстве социализма в деревне. С этой точки зрения привлекает видение проблемы глазами колхозного активиста-селькора П.М.Гребенникова, который в феврале 1939 г. направил в «Крестьянскую газету» очерк об изменениях в жизни воронежского села Казинка за годы советской власти. В центре внимания автора — проблема применения машинного труда, которое считалось одним из главных преимуществ колхозного строя. В очерке явно проступает свойственный времени «железный синдром». Очерк был написан с потугами на образное восприятие действительности в подражание распространенным в те годы писательским очеркам и романам из колхозной жизни, — манера, кстати, присущая многим сельским корреспондентам, которая тем не менее вполне уживалась с недостаточной грамотностью и корявостью стиля. Отдельные выдержки из документа заслуживают внимания. При этом опущены «лирические отступления» автора, посвященные описанию природы, и разные сюжеты на отвлеченные темы.

Очерк начинается с констатации некоторых фактов:

«В 1934 г. комбайн скосил 12 га и стоял в загоне до октября. Каждый год назначенные под уборку комбайном поля докашивались вручную косами, зябь никогда не вспахивалась полностью. Самое большое 60%. В 1937 г. комбайнами было убрано 225 га.»

Далее следует описание села, расположенного, как пишет автор, «треугольником на левобережной донской равнине, пересеченной небольшой речушкой Казинка»:

Труд казинчан был известен не только в своем селе, но далеко за пределами бывшей Воронежской губернии, манищким и калмыцким степям, куда их увозили каждую весну, как только отцветали сады, откупные лодки вниз по течению Дона. [...]

Они ехали туда, гонимые нуждой, на мартыновские ярмарки как живой товар, где сбившись в кучи, как овцы, ждали, когда кто-нибудь купит их труд, оптом или в розницу. [...]

И даже считались счастливицами те, кто осенью, возвращаясь домой, отмеряя сотни километров, неся за пазухой излатанного рубища полотняной рубахи, съеденной за лето потом, несчастные гроши для уплаты подати и аренды помещику Суханову. [...]

А весной опять они оставляли полуосиротевшее село Казинку и свои родные поля, изрезанные оврагами, и уходили убирать сено и хлеб для богатеев «Корольков» [Корольковъх] и «Безугльх» [Безугловъх]. [...]

В то время Казинка насчитывала [среди] своих сельчан 320 отхожих косарей, 18 чабанов, 5 табунщиков, 7 воловиков и 3 ямщика. [...]

Живые свидетели этому всему, которые откушали Безугловских кандеров и черного, как земля, хлеба, дед Козьма Матвеевич и дед Шкурин Тимоха. [...]

И только советская власть росжала помещичьи тески, сжимавшие долгие годы село Казинку, и только советская власть дала свободно вздохнуть казинчан на своих родных просторах. Это казинчане поняли и при организации колхоза им.Калинина были всегда передовыми. [...] Не один колхоз брали на буксир, не одну выделяли ударную бригаду для помощи совхозам. [...] Сам колхоз имел в правлении своем несколько лет подряд развевавшееся Красное Знамя с надписью: «Труд есть дело чести, дело доблести и геройства!»

Но труд колхозников кому-то стал противен и вреден. Пролезшие в руководящие районные организации люди, ныне разоблаченные враги народа, польский шпион Сандлир, враг народа Шапкин, Рябикина, Жужалов, творившие свои гнусные дела, доходившие до самой [последней] подлости, которую они могли только придумать. [...] Обязательно в самую стужу вызывали в район по двести подвод под строгостью суда якобы по необходимым делам государственной важности. Не приготовив покрыва, оставляли по целым суткам людей и лошадей под открытым небом, каковые проделки в течение двух лет лишили колхоз им.Калинина тягла. [...]

Таких гнусностей казинчане видели не мало, часто в самую страдную пору. [...] Они видели, как заехавший в загон комбайн из-за поломки какой-нибудь простой вещи останавливался и начинались процедуры – ежедневные наряды в район, МТС за частями, направлялись подводы. Ежедневно давались бригады, обслуживающие комбайн. [...] Люди приходили с вилами, граблями, ждали части. К вечеру подвода приходила, а части не было. [...]

Не один раз, разворачивая плечами, поблескивая орлом, нарисованным потом на спине, дед Тимоха Шкурин [...], удадо размахивая косой, обкашивал стоявший в загоне комбайн... Нередко можно было слышать разговор, что, мол, они все так косят, нам только пишут, что у нас косят, а работа их вся видна. [...]

Но в мае 1938 г. славная советская разведка разоблачила людей, творимых эти безобразия, которые должны понести должное свое наказание. И только в 1938 г. казинчане, облегченно вздохнув, свободно принялись за труд, доказавшие, что труд есть доблесть в героизме. На 15 мая была закончена вспашка. К 1 июля была закончена полка всех яровых 3 раза, а 6 июля колхоз начал уборку и закончил ее в 17 дней, и только в 1938 г. калининцы увидели работу комбайна и трактора.[...]

Комбайнер Александров Н.Ф. на комбайне «Сталинец» за 17 дней убрал 631 га [...], а комбайнер Другалев В.П. на комбайне «Комунар» за 7 дней убрал 428 га. [...]

При окончании уборки при отъезде тов.Александрова его провожали не только те бригады, которые обслуживали комбайн, но и ближние производственные бригады. Наперебой старались позвать ему руку, а потом долго не расходились, провожая его взором, пока он не скрылся с виду, слушая рассуждения деда Тимоха, который удевлено рассуждал: «Вот тебе и говорили, что работа комбайнов видна. Нет, брат, если люди работают, и работу любят, то работа всегда будет.» Узнавши, что Александров — студент рабочего факультета сельскохозяйственного инженерного института, придакнул: «Это действительно будет инженер! Знает, что почем.»

РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.7. Л.35-37(об). Подлинник. Рукопись.

Далее в очерке рассказывалось, что дед Тимоха, как главный сомневающийся, был столь впечатлен, что стал горячим поборником комбайнового труда. По грубым, на пальцах, подсчетам деда, комбайн заменил не менее 60 косарей да вязалок [снопов], 2 зубаря, 4 подавальщика, 5 рожеников, 6 набивальщиц, 2 половницы, не считая уборщиков зерна. «Цифры дед Тимоха, — сообщает автор, — всегда защищает с жаром при спорах со своими бывшими калегами по калмыцким степям». «И видел дед Тимоха, — говорится в очерке, — появляющихся на горизонте молодых жизнерадостных людей, свободно и высоко вздымавших грудь, хлопотливо обращая взор и управляя железом, которое срезало высокую рожь, куда-то ее тянуло, а там молотило, веяло и отдавало людям чистым зерном, но их появлялось все больше и больше, одни срезали высокую рожь, другие взрывали твердую грудь земли. Это все делало железо, выполнявшее волю людей.»

При встрече нового 1939 г., писал автор, «Казинка подсчитала свои достижения. Бывшие чабаны и косари имеют сынов и внуков, которые делются: 2 инженера, 3 летчика-лейтенанта, 5 техников-строителей, 10 преподавателей средних школ, 29 учителей, 2 врача, 2 слушателя военно-инженерной авио-школы, 2 землемера, 17 учащихся в высших учебных заведениях, 48 трактористов и комбайнеров, 12 шоферов и 450 человек учатся в полной средней школе, которая выглядывает гордыней среди села, заменив собой «вертеп» обмана и разврата, через год из которой выйдет 36 человек казинчан, получившие среднее образование..., а затем ежегодно последовательно до 100 человек.»

Казинка, сообщал также автор, «имеет клуб, вмещающий до 1000 чел., библиотеку на 4000 книг, великолепный новый сельунивермаг, аптеку, больницу с родильным отделением до 20 рожениц. Насчитывается в селе интеллигенции: 11 преподавателей средней школы, 13 учителей начальных школ, врач, 2 акушерки, агроном.»⁹

Конечно, изменения в жизни Казинки вовсе не были связаны с разоблачением вредителей в мае 1938 г., ибо были результатом многолетнего развития села за годы советской власти. В чем в данном случае заключалось «вредительство»? Гибель «колхозного тягла» более всего представляется следствием неумеренного административного рвення в выполнении государственных повинностей, бездушного бюрократизма и нерасторопности,

отсутствие частей — тоже вредительством не объяснить, как и низкое качество техники на полях.

Между тем едва ли не половина шедшей снизу корреспонденции была посвящена именно вредительству и злоупотреблениям в колхозах, совхозах и МТС. Речь, таким образом, идет о своеобразном феномене массового сознания. Как говорил писатель, людей занимала «не столько будущая радостная участь, сколько убийство всех врагов творящих и трудящихся людей». На основании таких документов рисуется подлинная картина жизни и быта советской деревни.

Кажется, что многочисленное племя вредителей только и думало о том, где еще, в какой области и как нанести ущерб социализму. Техник-землеустроитель П.Анисимов из Архангельской области в конце 1938 г. писал в Наркомзем о том, «последствия вредительства в землеустройстве ликвидируются медленно». Любопытно, что о себе автор пишет в третьем лице, тем самым как бы выступая выразителем взглядов определенной части специалистов в области сельского хозяйства:

Советская землеустроительная техника за последние годы шагнула далеко вперед. Наше правительство ежегодно ассигнует огромные средства на наведение большевистского порядка на колхозной земле. В стране социализма выросли тысячи интеллигентов, труженников из среды народа. Землеустроители окружены заботой нашей партии и правительства, создаются все условия для плодотворной работы. Но трижды заклятые враги народа, троцкистско-бухаринская и прочая нечисть, орудовавшая в нашей Архангельской области, вредила в сельском хозяйстве и землеустройстве. Враги народа всячески старались озлобить народ против Советской власти. Но враги просчитались. Под руководством Сталина славные органы НКВД под руководством сталинского наркома Н.И.Ежова разоромили и уничтожили осиные основные гнезда. Разоблаченный враг народа бывший райзем и начальник землеустроительного отряда в Пинежском районе Архангельской области Тарасовский много натворил пакостных дел. Производственников, работавших по выдаче госактов, Тарасовский никогда не считал за людей. Давал клички «Фашист», «Гитлер», «Большеносый» и др. Этот тип по три-четыре месяца не выдавал зарплату, не создавал условий работы, авансовые отчеты утверждал тогда, когда пройдет полгода. Государственные акты вручались неподписанными в рике, с перепутанными данными, как то колхозам: Леуновский, «Новая жизнь», Завражский, «Красный Октябрь», Совпольский, Карьепольский и др. Завражский, Вонский, Труфаногорский, Вальтегорский сельсоветы переплелись чересполосицей. Карьепольскому колхозу выдан госакт на шесть тысяч га площади меньше, чем он имеет фактически по отводу. «Красный Октябрь» получил больше на 50 га, чем в натуре. Надо сказать и то, что в этом колхозе госакт сгорел и до сих пор никто из руководителей районных организаций Пинеги не знает. В этом колхозе ст.техник Марюхин установил границы колхоза, ликвидировал чересполосицу, а после приехал Тарасовский, опять эту чересполосицу возобновил. Дал колхозу за 18 км сенокос 18 га, отрезал из границ колхоза также 18 га. Президиум райисполкома близоруко отнесся к этому делу, утвердил проект Тарасовского, а проект землеустроителя Марюхина, который был составлен правильно — нарушил. Нарушил и устав сельхозартели. Двести километров трактов, рек, ручьев в этом районе в границах колхозов инструментально не обойдены, а на госакт нанесены на глаз. 3000 га сенокосов по отдаленным речкам были закреплены в долгосрочное пользование, площади их взяты путем опроса.

*Про махинации Тарасовского Анисимов П.П. два раза сигнализировал в краевую газету «Правда Севера», но письма где-то затеряли, ответа не получил. Тарасовский теперь арестован. Но дела в системе отдела землеустройства не изменились. Техник Анисимов работает пятый год, за это время не бывал ни на одном собрании, совещании, где бы поделились опытом работы производственников. Учиться поступить хотел, но это оказалось тщетно. Результатов никаких. Теперь писал два заявления об уходе с работы — ответа также нет. Текучесть кадров из отдела землеустройства очень большая. Молодой выдвиженец Карельский Александр Иванович теперь работает райземом в Пинеге. С работой мало знаком. Условий не создано. Писал заявление об уходе — ничего. Ему не помогает никто. Вместо помощи получил выговор. Ст.техник Немиров теперь работает райземом в Карпогорском районе, также никто не помогает. Никто из землеустроителей нигде не учится. Областной земотдел (начальник Кызьюров, его зам Маклаков) планируют, пишут массы директив, а специалистам ничем не помогают. Была нарезка приусадебных участков. В Пинеге за это дело взяли только 21 марта. Нужно было кончить к 1 апреля, а облзо только 10 апреля соизволил послать указания по этой работе. С работой, конечно, не справились — провалили. Искривлений в этом деле до черта [...]**

В Пинеге также не руководят разукрупнением колхозов. По два года тянется разукрупнение и до сих пор по этому делу ничего не сделано. Руководители (зав. райзо Калинин) нарушают демократию колхозников. Колхоз «Новая деревня» Леуновского сельсовета был разукрупнен Тарасовским в мае месяце 1937 г. Материалов по разукрупнению никаких нет. Другой колхоз, выделившийся, получил больше земли, чем «Новая деревня» (особенно сенокос). Колхоз «2-я пятилетка» Чапольского сельсовета разукрупнен Тарасовским. Устроена чересполосица. Теперь колхозники пишут в райисполком, в райзо по этому делу, но все еще никто к ним не едет, не разукрупняет.

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.13. Л.44-45(об). Подлинник. Рукопись.

* Опущена часть письма, в которой описывается, как происходило закрепление за колхозами сенокосных угодий, о том, что по бюрократической нераспорядительности эту работу пришлось проводить без оплаты самим землеустроителям вместо рабочих-десятников.

Письмо свидетельствует о ряде любопытных фактов. Во-первых, о существенных трениях между различными поколениями специалистов, которые боролись за свое «место под солнцем» разными способами, не исключая «сигналов» друг на друга наверх и в печать. В данном случае «сигналы» Анисимова, видимо, сыграли свою роль в устранении «вредителя» Тарасовского, чья грубость, самодурство и некомпетентность сыграли на руку его противникам. Во-вторых, письмо говорит о сохранении в колхозно-совхозном землеустройстве таких явлений как чересполосица и дальнепользование. Причина, отчасти, заключалась в том, что сами руководители хозяйств были заинтересованы в этом, чтобы скрыть от обременительных государственных поставок дополнительные площади пашенных и сенокосных угодий. Из разных районов страны шли письма-доносы о том, что колхозы делают «зачачки» на отдаленных участках, в скирдах, стогах и копнах. В-третьих, письмо Анисимова свидетельствует о том, что работа по разукрупнению колхозов, приведению их границ к привычным селам и деревням, далеко не завершилась. Наконец, письмо говорит о громадном масштабе

работ, связанных с выделением и закреплением приусадебных участков, — жизненно важный вопрос для выживания сельского населения.

Надо заметить, что крестьяне сами выступали горячими поборниками разукрупнения колхозов. В уже упоминавшемся выше письме колхозников Пуховичского района БССР излагались такие аргументы: «Чем больше земли, тем хуже земля обрабатывается и тем больше нужно платить зерном в виде налога государству и тем больше нужно платить и натуроплаты МТС за обработку и тем меньше приходится на трудодень колхознику. И в таком колхозе больше бесхозяйственность и больше грубые и дикие отношения к колхознику со стороны администрации. В таком колхозе колхозник не может не только во время обработать свой маленький участок, который еще является главным источником его существования, но не имеет права про это говорить...»¹⁰

Таким образом, при проведении землеустроительных работ сталкивались интересы различных групп сельского населения, поэтому различные мероприятия в этой области нередко рассматривались как акты вредительства. О вредительстве в землеустройстве сообщалось также из Орловской области.¹¹ и других районов страны.

Как следствие вредительства обычно рассматривались малые выплаты колхозникам на трудодни. Между тем устав сельхозартели гласил, что колхозы в первую очередь должны были обеспечить госпоставки, произвести погашение налогов государству, страхплатежи и возвращение ссуд, затем погасить текущие производственные нужды и административно-хозяйственные расходы, расходы на культурные нужды, сделать отчисления в неделимый фонд, а уж после этого отчислять продукцию на трудодни. Не удивительно, что после этого для оплаты труда мало что оставалось, особенно в неурожайные годы. Но иной раз не спасал и богатый урожай. Об этом говорит следующее письмо:

В редакцию «Крестьянской газеты» от члена колхоза Бакланка Раменовского сельсовета Лешского [Лежского] района Северной области Алексева Александра Петровича

19 сентября 1937 г.

В колхозах Лешского района Северной области в нынешнем году получают очень обильный урожай, что даже такого изобилия продуктов наши деды не помнят, но враги народа, видя, что колхозы крепнут, колхозники становятся зажиточными и становятся еще более преданными партии и ее вождю товарищу Сталину, в это-то время стараются напакостить, не дать собрать урожай, раздразнить колхозные массы. Как взять в наших МТС враги народа троцкисты бухаринцы выводили машины из строя, такие решающие в уборке машины как льнотеребилка ВНИЛ-5 17 льнотеребилок. Вытереблено льна всего за сезон 35 га. Комбайны не используются, стоят на полях и зав. бездействует. Договора МТС с колхозами не выполняются и руководители МТС еще ни разу перед колхозниками не отчитывались, боясь разоблачения показа массам своей вредительской работы. Устав сельхозартели нарушается в колхозах и никто не желает этому помочь, как взять пример у нас в колхозе Бакланка предколхоза Михайлова колхозники не выбрали, а который работает уже с 15 января сего года и систематически нарушает сталинский устав и в месть над сталинским ударни-

ком комсомольцем Ильей Ухановым. * И районные организации вместо защиты Уханова сами потворствуют над Ухановым, ведут следствие, разыгрывают его ошибки. Над селькорами издеваются как селькор Красулин снят с работы счетоводов сельпо за то, что часто критиковал руководство и других.

Я Алексеев селькор с 1926 г. В 1936 г. 10 июля в косилке обрезал ногу, но помощи в лечении нигде не смог добиться, вместо помощи получил насмешку как этой же Баклановской сельпо был членом ревизионной комиссии. Меня вывели по болезни вроде как, но это неверно, потому что вместо меня проведен только пришедший из концлагеря Серов Ан. Ив. и теперь который всеми силами стремится развалить сельпо, а директор Сидоровской МТС Кошельников за письмо в Наркомзем СССР на совете МТС обзывал троцкистом, а зоотехник райзо по коню Кудряшев говорит, что за письмо Алексеева нужно стащить за ноги в реку. Но несмотря на это все сами массы колхозники всеми силами борются за сохранение обильного урожая и уборка идет к концу. Тогда враги народа взяли другой метод борьбы раздражения масс. Поджигают деревни, самые большие и где грудные**, чтобы побольше сгорело, как недавно сгорела д.Отеметениково, зажжено в нежилом доме, сегодня 19 сентября 1937 г. сгорела д.Раменово, зажжено в нежилом доме, сгорело в д.Антипино, тоже самое в ту же ночь сожжена рига с хлебом в колхозе. А что же в этом не секрет, что раньше в этих деревнях существовали эсеровские группы, ихние отрожки повидимому и действуют.*** Но наше руководство района еще мало спустилось на места, еще только занялось делом в самом районе, а ведь правильно отмечал в своей статье т.Урицкий, ликвидировать последствия вредительства в сельском хозяйстве и что должно быть проведено, и то иначе нельзя быть.

Прошу редакцию заняться моим письмом самим лично, а то если вы мои письма посылали на расследование, я после ничего не получал, как издевательство надо мной и до самой проверки фактов фамилию не оглашать. А то мне за это я уже сообщал что попадало и при проверке фактов держать связь не со мною лично.

И много еще фактов можно привести нарушений закона революционного.

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.4. Л.345-347. Правленая заверенная копия.

* Видимо, мстит за что-то Уханову.

** Компактно заселенные.

*** Пожары скорее всего участились из-за сухой погоды, которая стояла в 1937 г.

Вот отрывок из другого документа на ту же тему:

В издательство «Крестьянская газета» от колхозников колхоза «Новая жизнь» Алексеевского сельсовета Бижбулякского района Башкирской АССР от 12 июня 1938 г.

Товарищеское письмо

Дорогие товарищи! редакторы «Крестьянской газеты» неаднакратно мы сигнализировали районным организациям о преступной бесхозяйственности в колхозе «Новая жизнь», но районные организации на все это ноль внимания обращают. А поэтому последним решили обратиться к вам. Наш колхоз закончил обмолот хлебов 30 октября 1937 г. Хлеб убрали качественный, сухой, но правление по своей непорочности распределение доходов сделали в начале февраля 1938 г., а ведомости для раздачи хлеба по трудодням изготовили еще позднее. И когда 27 марта 1938 г. открыли то зернохранилище, где находилось 12000 пудов зерна для распределения по трудодням, то колхозники увидели не хлеб, а навоз вместо хлеба. 12000 пудов хлеб был сгноен, который не пригоден стал для питания. Кладовщику за пьянкой не было свободного времени проветрить это зерно-

хранилище. А правление не могло предупредить об этом кладовщика, потому что сами вместе с кладовщиком пьянствовали. В силу необходимости колхозникам пришлось получать на трудодни гнилой хлеб, а некоторые колхозники и совсем отказались от полочки «навоза». Из-за чего среди колхозников получилось большое недовольство вообще на колхозы. В настоящее время пьянка у кладовщика не прекратилась, а на оборот усилилась, ежедневно человек ходит пьяный. Создается мнение: откуда достает средства кладовщик на выпивку? Факты доказывают. Однажды ночью амбарные сторожа заметили у амбаров человека, который успел открыть замки ключом у трех амбаров. Сторожа, не имея оружия, подняли крик, неизвестный бросился бежать, сторожа бросились за неизвестным в погоню, но догнать не могли, а узнали, что это был сам кладовщик Осипов. Правление колхоза об этом ни звука, потому что связаны семейственностью. Кладовщик председателю колхоза брат, член правления тоже брат и т.д.[...]*

О всех этих ненормальностях знают районные организации, но почему-то умалчивают. После чего мы, колхозники, решили написать письмо в издательство Крестьянской газеты и в своем письме просим вас, товарищи, чтобы вы действовали в пользу нашего колхоза «Новая жизнь» Алексеевского сельсовета Бижбулякского района Башкирской АССР.

К сему подписуемся Новиков И., Кривцов Н., Ромашкевич С.

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.8. 144-145(об). Подлинник. Рукопись.

* Опушена часть письма, где говорится о том, что вместо ударника-стахановца на курсы бухгалтеров был послан родственник одному из членов правления колхоза, одиночник, кстати, опять же Осипов. Родственные чувства оказались сильнее классовых.

В письмах — свидетельства довольно острых конфликтов, постоянный поиск виновников провалов, неудач, причин возникающих трудностей. Правление колхоза «Ильич» Ильинского района Ивановской области в своем обращении в «Крестьянскую газету» от 2 мая 1938 г. обвиняло, как это часто бывало, во всем вредителей, засевших в МТС и их районных покровителей*:

«Крестьянская газета»

Помогите колхозам Хлебницкого сельсовета и Рожновского сельсовета выявить наших злейших врагов и вредителей, засевших в Горской МТС Ильинского РИКа Ивановской области, а одновременно и их укрывателей все районные организации Ильинского РИКа Ивановской области.

Дело в том, что в нашей местности весенняя пахота и сев начались с 15 апреля, а тракторов до сих пор 2 мая на наших полях нет. И не слышать, когда они будут. В 1937 г. в нашей Горской МТС и Ильинском райисполкоме процветало полнейшее вредительство в области сельского хозяйства. По сигналу в газету «Правда» вредители выявлены и понесли достойное их наказание от 10 до 5 лет лишения свободы и сняты с работы. Население вздохнуло свободно, вредителей больше нет, но наступившая весна 38 г. выявила обратно. Деревья свалили, от корней пошли обильные побеги, вредителей больше и хуже, чем в 37 г. Тракторный парк как с осени был брошен на местах в деревнях в поле, так и стоял всю зиму, части машин все обожгавели. Растасканы и расхищены такими же вредителями и МТС только во второй половине февраля и в марте месяце начала думать о ремонте и разбирать моторы. Снимали с трактора для отсылки в ремонт.

А когда правления колхозов стали на собраниях говорить, что вот колхозы отремонтировали свои орудия, а МТС весенний сев сорвала, то районные организации МТС районного исполкома сельсоветы вопрос ставили, что к сроку все

будет готово, а вышло обратное, а когда колхозы поставили Горской МТС, почему нет тракторов, последняя ответила, что тракторы в ремонте, а когда выйдут, то приедем, надо вам пахать на лошадях, а сеять вручную и притом вытаскивать из музея матушку соху, на которой и работать.

На основании изложенного просим вас срочно распутать этот клубок с вредителями Горской МТС и Ильинского района, которые покрывают замалчивают все вредительства и гробят колхозный конный парк. Перегрузкой работы истощают и без того слабую силу лошадей, затягивая сев на неопределенное время. Сорвали все планы весенних работ. Долго ли будет продолжаться это безобразия, правления колхозов и колхозники возмущены и требуют расследования.

*Предколхоза «Ильич» Халистов
Счетовод (подпись).*

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.36. Л.15-16. Правленная заверенная копия.

* На письме резолюция: «Срочно послать в областные организации для расследования.»

Как показывают письма, между колхозами и МТС постоянно возникали трения. По сравнению с колхозниками работники МТС находились в относительно привилегированном положении, определенным постановлением ЦК и СНК от 13 января 1933 г. Оплата труда трактористов и комбайнеров МТС предусматривала гарантированный минимум, как натурой, так и деньгами. Хотя, как и колхозникам, им записывались трудодни, расчет производился учетчиками МТС, а ведомости пересылались в колхоз и на их основе выписывались счета колхозам на перечисление денежных средств в МТС. Во время работ механизаторы должны были питаться в колхозах и получать в день хлеба — 1 кг, мяса — 200 г., жиров — 50 г., 1 л молока, 400-450 г пшена и картофеля с учетом потребного для супа. Потом за все это из заработка вычиталось деньгами из расчета 1 р.50 к. в день. Натуральные выплаты колхозы доставляли механизаторам на дом, независимо от места жительства. Значительная часть переписки МТС и колхозов касается взаимных претензий и обид. Колхозы непрерывно жаловались на плохое качество работ, производимых МТС, на то, что последние взыскивают с них различные поборы (за пережог горючего, за поломку техники и т.п.). Постоянно встречались жалобы на то, что посланные на курсы МТС колхозники фактически пропадают для колхоза и МТС использует их не по назначению. Работники МТС жаловались, что колхозы не выполняют своих обязательств, несвоевременно производят выплаты, «гробят» технику, плохо кормят трактористов и комбайнеров.

Во многих письмах затрагиваются проблемы работы самих МТС — отсутствие помещений, слабая ремонтная база, огромная текучесть кадров, нехватка бензина, который, ввиду острого дефицита, распределялся главным образом по блату. Стахановка А.Коньшина из МТС им.Тельмана Болховского района Орловской области сообщала о плохом состоянии общежитий для механизаторов МТС, где к тому же «мужчины и женщины живут вместе». Совет «Крестьянской газеты» пожаловаться начальству, кончился тем, что, как пишет автор, ее «теперь все презирают.»¹²

Агроном Г.И.Таранов (Тало-Писаревская МТС Писаревского района Воронежской области) жаловался на то, что районные организации не создают условий для специалистов. В МТС, — писал он, — всего 6 агрономов, но только двое имели средства передвижения, чтобы выезжать в колхозы, остальные добирались на работу «попутно». В распоряжении Таранова оказалась лошадь, как он пишет, «нижесредней упитанности, седло без подпруги, тележка без колес.» Интерес представляет описание рабочего дня такого специалиста:

До начала рабочего дня я прихожу на час два раньше, первым долгом начинаю собирать и ремонтировать свою упряжь. Налаживание и ремонт длится не менее 3-6 часов, после этого я отправляюсь по колхозам на расстояние 10-15 км. Этот путь держать примерно часа два, а то и три, в первом колхозе вместо того, чтобы приступить к непосредственной работе начинаю опять ремонтировать свою тележку, т.е. ищешь в колхозе колеса или ищешь шорника, чтобы починил хомут, вот и рабочий день кончился.[...]

Продолжаешь путь в другой колхоз, тут уже дело хуже, лошадь начинает приоттавливаться или колеса поломались, и такие вещи повторяются ежедневно.[...]

Вдобавок не дают фуража для лошадей, приходится самим добывать корма, никто не дает.

В магазине ничего нельзя купить, все что привезут — идет черным ходом. Следовательно, агроном должен ходить в рубашке адам и в отцовских ботинках. Квартир нет. Помещения, которые выделяют, приходится ремонтировать самим. Не удивительно, что агрономы бросают работу, переходят в учителя. За последнее время 5 агрономов сбежало.*

РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.7. Л.101-102. Заверенная машинописная копия.

*Т.е., без рубашки.

Как видим, состояние материально-технической базы МТС — удручающее. Не хватало не только транспортных средств, но и техники, запчастей для ее обслуживания. Плохо было с кадрами. Положение накануне войны еще более осложнилось в связи с переводом промышленности на нужды обороны и массовым призывом в армию квалифицированных кадров трактористов и шоферов. Разумеется, что в таких условиях хорошо обслуживать колхозное производство МТС не могли и без вредителей.

Письма подчас буквально вопиют о проблемах деревни. Многие из них представляли собой тривиальные доносы, которым тем не менее придавалось большое значение. Письма, отобранные на хранение, часто служили материалом для расследования и заведения уголовных дел. В качестве актов вредительства рассматривались потери зерна, эпидемии и гибель скота, «вскрытие коров и установление причиной их смерти крупную нечищенную картошку, которую им скормили неизвестные подкулачники», плохое состояние кормов, семенного фонда, гниющее в поле зерно, частые в деревнях пожары и так до бесконечности. Проблем на селе, чтобы служить пищей для обвинений, хватало.

Бывший красноармеец Шаламов под псевдонимом «Очевидец» писал о воровстве, растратах и злоупотреблениях в колхозе им. Правды Сампур-

ского района Тамбовской области и требовал расправиться с виновными как с врагами народа, причем так, «как сделали с преступной группой в октябре 1934 г., куда входили предрика Медведев, главветврач Архангельский, райзоотехник Крекшин, участковый ветфельдшер Листратов, колхозный сторож Новичков, приговоренные к расстрелу за заражение скота.»¹³

Сбежавший из колхоза в Москву некто П.С.Рогудилин продолжал засыпать газеты письмами. Одно из них от 3 ноября 1938 г., содержание которого как-то можно установить из-за вопиющей безграмотности автора, предстает следующим образом:

Я вам пишу уже четыре года но мер вы никаких не принимали по особо важным замечкам, за что меня хотели и хотять отомстить. В 1936 г. я был вынужден выехать, а иначе меня хотели враги посадить [...] за то что я выявлял врагов. [...] Но сетки [все-таки] мне жаль свой любимый колхоз где враги его разваливают и хотять развалить как весной 1937 г. Разве я вам не писал что в колхоз К.Маркса Калабинского сельсовета Задонского района Орловской области зло умышленно засеили место сортовой пшеницы редовой. [...] Дальше я не одно письмо получил из дома где пишут мне, что в нашем колхозе всю солому предколхоза пропил. Кто даст на поллитра тому дать соломы, а трудодней хотя и не было, так расхищено соломы пшеницной с 40 га всю расхитил не извесно куда, а на трудодни не давал. [...]

РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.41. Л.29. Подлинник. Рукопись.

В письмах поражает будничность недостатков и оценка их как фактов вредительства, бандитизма и пр. Почти обязательно к ним «пристегивается» прошлая связь с белыми, кулаками, порою едва ли не младенчества. Как правило, делалось это так, что проверить было чрезвычайно трудно, ибо речь шла о намеках или, как в одном из писем из Новосибирской области, о событиях на совершенно другом конце страны.¹⁴ Если же по фактам писем районное начальство никаких мер не принимало, для авторов это означало, что там тоже окопались вредители, с которыми надо было расправиться. Нередко в провинции пытались укрыться от массовых репрессий остатки разгромленных в столицах и крупных городах «осиных гнезд вредителей». Но и сюда достигала волна разоблачений. Об этом говорит «сигнал» от 9 января 1939 г.: «В колхозе «Вильна Украина» Плаутинского сельсовета Моховского района проживает гражданин Корчак Петр Григорьевич ранее репрессирован со своей женой, имеет развод но живет вместе, до 1936 г. проживал в Москве и в 1937-1938 годы работает на колхозной работе, но общим собранием еще не утвержден.»¹⁵ Бдительный редактор «Крестьянской газеты», в свою очередь, подает сигнал: «Леонид! Этот случай может оказаться не единичным...»¹⁶

Постоянная угроза репрессии рождала какой-то особый тюремно-лагерный способ мышления, тесно сопряженный с повседневной жизнью села. С.Г.Решетников из колхоза «Решетниковский» Коротаевского сельсовета Свечинского района Кировской области сообщал, что «картошка в этом году [1938 г.] у них сторела, однако госпоставки на нее взамен берут рожью». Это несправедливо, заключал он, так как есть будет нечего и приводил пример: «Если присудили старшего брата на десять лет к заключе-

нию, а он взял да и умер, тогда должен младший брат отбывать за него? По моему ведь нет.»¹⁷ Подобная аналогия говорит о многом.

Часто, чтобы как то облегчить бремя существования колхозов правления пытались организовать в них подсобные промыслы. Однако навыки промысловой деятельности были в значительной степени утрачены. Неудивительно, что зачастую председатели пускались на путь различных авантюр. Об этом свидетельствует материал, подготовленный 20 декабря 1938 г. к публикации в «Крестьянской газете» под рубрикой «Суд», но по каким-то причинам помеченный резолюцией «не пойдет».

НАРУШИТЕЛИ СТАЛИНСКОГО УСТАВА КОЛХОЗНОЙ ЖИЗНИ

Колхоз им. Ворошилова Мытищинского района Московской области образовался в 1930 г. По количеству объединяемых дворов колхоз был небольшой — он насчитывал 13 дворов. У колхоза были все условия для роста его материальной мощи, а тем самым и для создания колхозникам зажиточной жизни. В колхозе имелось 107.6 га земельного массива, был рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь и, наконец, самое главное — горячее желание колхозников дружным коллективным трудом ковать свое новое счастье.

Дельцы, пробравшиеся к руководству колхоза, при прямом попустительстве отдельных руководителей, решили встать на совершенно иной путь, путь преступлений, обмана и мошеннических действий.

Бывший председатель правления колхоза Марков, зная, что прямой целью колхоза является сельскохозяйственное производство и что организация каких бы то ни было подсобных, не связанных с сельским хозяйством предприятий, не предусмотрена уставом колхоза и прямо запрещена постановлением правительства, решил, что все это его в никакой степени не касается. Подыскав ловкого мошенника Гайворонского (ныне арестованного как врага народа), Марков развивает кипучую энергию по организации подсобных предприятий самого различного характера, зная, что в этом деле кое-что может перепасть и на его долю.

12 апреля 1937 г. Марков добивается согласия колхозников, вводит их в заблуждение, собирает с них деньги и оборотные средства будущего предприятия и рассылает уполномоченных по всем республикам Советского Союза для реализации еще не сделанной продукции — контурных карт-классных досок.

Не имея выделанной ни одной карты, Марков разослал 22 уполномоченных, которые приняли заказы на изготовление 36 тыс. карт на сумму 1.480.000 руб., пользуясь порочной системой учета и отчетности, эти агенты присваивают 122.603 руб. денег из полученных авансов и некоторые из них постепенно ускользают из-под наблюдения колхоза, проще говоря, скрываются с колхозными деньгами.

Получив все же вместо 700 тыс. около 580 тыс.руб. авансов Марков приступает к выделке геокарт. Производство оказалось неосвоенным и в результате в 1937 г. оно давало 85.8% брачной продукции.

Не довольствуясь этим и ясно понимая, что с подсобными предприятиями ничего не выходит, Марков, теперь уже без ведома всех колхозников, открывает новое производство по выделке ковриков на тему «Три поросенка». Судьба этого нового производства примерно та же — убыток колхозу более 3 тыс. руб.

Между тем Марков, следуя указке врага, строит «прожекты», согласно которым в колхозе предполагается построить громадный комбинат геокарт, овощехранилище, скотный двор и т.д. Приглашается наемная рабочая сила, в качестве агентов по заготовке леса наняты совершенно неизвестные лица, которые, не отчитавшись в 24.635 руб., скрываются.

Вместо настоящей организации сельскохозяйственного производства председатель колхоза Марков, предревкомиссии и бригадир Жиганов и бухгалтер Сереб-

ряков занимаются пьянкой в тесном супружестве с Гайворонским. Сельское хозяйство, т.е. основа колхозного производства, рассматривается как второстепенное дело. В результате в 1937 г. из 15 га картофеля 10 га осталось под снегом, урожайность овса и других культур резко понизилась. Бригадир Жиганов, будучи пьяным, запахал 0.5 га уже посаженные луком. Пьяницы и преступники уже довели дело до того, что стоимость трудодня резко пала, а за 1937 г. колхозу причинен убыток в сумме 439.788 руб.

Возмущенные колхозники изгоняют из руководства колхозом обанкротившихся руководителей Маркова, Жиганова и Жиганову. Однако вновь избранный председателем Гавриленко недалеко ушел от своих предшественников. Вместо наведения большевистского порядка в колхозе, Гавриленко продолжает линию на организацию подсобных предприятий. Принимаются новые заказы на производство карт, заключается договор на изготовление цветных мелков, членских билетов МОПР и т.д. Результат прежней практики дал и прежние результаты. За 1938 г., за период работы Гавриленко, колхозу причиняется убыток в сумме 14.634 руб.

Учет и отчетность в колхозе были доведены бухгалтером Серебряковым и счетоводом Жигановой до хаотического состояния. Требования финансовой дисциплины нарушались, за подотчетными лицами оказалась задолженность 135 тыс. руб.

Так преступники, игнорируя интересы колхозников и злостно нарушая Сталинский устав колхозной жизни, довели колхоз до тяжелого состояния и обесценили трудодень колхозника.

Все они в ближайшее время предстанут перед Московским областным судом.

Дело слушается с участием сторон обвинения и защиты в выездной сессии в Мытищинском районе.

Маркову В.Н., Серебрякову С.С. и Гавриленко И.И. предъявлено обвинение в злоупотреблении служебным положением по 109 ст. УК РСФСР. Счетоводу Жигановой А.А. и председателю ревкомиссии Жиганову В.А. предъявлено обвинение в халатном отношении к служебным обязанностям по ст.111 УК.

Предстоящий судебный процесс является еще одним подтверждением правильности и своевременности постановления Правительства Союза от 23 октября 1938 г. «О незаконной организации при колхозах промышленных предприятий, не связанных с сельскохозяйственным производством».

Этот процесс наглядно показывает, к чему приводят нарушения Сталинского устава колхозной жизни.

Член Мособлсуда Ник. Судариков.

РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.34. Л.102-105. Заверенная копия. Машинопись.

Государство таким образом резко осуждало практику организации подсобных предприятий как препятствующую основному назначению колхозов — производить как можно больше сельскохозяйственной продукции. Несмотря на то, что для руководителей колхоза им. Ворошилова дело закончилось плачевно, и в последующие годы председатели продолжали упорно, зачастую тайно, прибегать к подобной практике. Накануне войны случаи подпольного «бизнеса», хищений, растрат, нелегальной спекуляции, как свидетельствуют сводки НКВД, участились.

Постепенно вызревало и еще одно противоречие в колхозном хозяйстве: между работой в общественном секторе и труде в личном подсобном приусадебном хозяйстве. Низкая оплата труда в колхозе, мизерное, чаще всего, содержание трудодней вынуждали людей буквально цепляться за те клочки земли, которые представляли собой эти подворья (0.5 га — для кол-

хозников, 0,4 га — для рабочих и служащих), концентрировать здесь максимум своих трудовых усилий. Эти подворья становились главным средством выживания и превращались в своеобразные крестьянские микрохозяйства — предмет особой заботы в ущерб работе на колхозных полях и фермах. Огромное число писем касалось того, как обеспечить личное подсобное хозяйство дровами, а также кормами корову или мелкую домашнюю скотину. Наблюдались даже колхозные «десанты» за хлебом, иначе кормить скот было нечем. Много поступало запросов относительно наследования приусадебных участков. Колхозники не упускали возможности тайно «прирезать» к своему хозяйству тот или иной клочок земли, незаконно накопить сена. Власти не оставили эти факты без внимания. В 1939-40 гг. были произведены обмеры приусадебных участков, в результате которых примерно четверть их общей площади была отрезана. Серьезным подспорьем для существования деревенских жителей стал сбор «лесного урожая» и торговля ягодами и грибами на так называемых «колхозных рынках».

Задачи увеличения сельскохозяйственного производства и рост плановых заданий требовали, чтобы крестьяне как можно больше работали на колхозных полях. Но отсутствие серьезных стимулов в колхозном труде и мизерное вознаграждение за него вынуждало колхозников затрачивать больше усилий на своих приусадебных участках. Занимая ничтожную долю посевных площадей и имея гораздо меньшее по численности количество скота и птицы, личные подсобные хозяйства колхозников давали почти половину сельскохозяйственной продукции в стране. Они же обеспечивали крестьянам основную часть их денежного дохода и позволяли как-то существовать. Естественно, что крестьяне стремились уклониться от работы в колхозе, трудиться на своих приусадебных участках, зачастую тайком от колхозного начальства. «Если же какой колхозник, выбившись из сил самовольно не выйдет на работу, — писали белорусские колхозники, — то его штрафуют, и он должен хорониться, не показываться на глаза председателю колхоза или бригадиру, и при таком положении колхозник стал утрюмым, неповоротливым и от него нет той производительности, какая могла быть.»¹⁸

В свою очередь, это вызывало ответные меры, давление на них, принуждение к труду со стороны колхозного начальства. Мало того, что работа на колхозных полях и фермах была очень нелегкой, занятия в личных подсобных хозяйствах становились способом консервации тяжелого ручного труда, так как сельская администрация почти не оказывала им поддержки, строго следя, между прочим, за своевременной уплатой налогов. Помимо этого, колхозники по линии сельсоветов обязаны были выполнять отдельные государственные трудовые повинности, так что жизнь в деревне поистине превращалась в каторжную. Председатели колхозов, призванные заботиться об общественном секторе, чинили всяческие препятствия работе людей в приусадебном хозяйстве, стремились не оказывать им никакой поддержки.

В письме, озаглавленном «Разлагатели», председатель одного из колхозов спрашивал о том, являются ли парниковые рамы средством производства, подлежащим обобществлению. Дело в том, что все колхозники с их помощью занимаются разведением рассады и выращивают овощи на продажу, а это крайне мешает работе в колхозе. На это получил от газеты довольно

уклончивый ответ, что парниковые рамы обобществляются не обязательно, только в том случае, если используются для приобретения дохода сверх внутрихозяйственных нужд.¹⁹

Одновременно личные подсобные хозяйства становились объектом усиленной налоговой эксплуатации государства. Как прежде крестьяне-единоличники жаловались на тяжесть налогов, так и теперь колхозники протестовали против возрастания налогового бремени. Но письма показывают, что люди буквально стояли за каждый сантиметр предназначенной им площади, спорили до драки со своими соседями. В личном подсобном хозяйстве разрешалось держать только одну корову. Всякие попытки увеличить это число решительно пресекались. В одном из слезных писем из Тамбовской области содержалась жалоба на то, что колхоз отобрал с трудом выращенную телочку.²⁰ Накануне войны количество скота в личном пользовании довольно резко сократилось.

В мае 1939 г. было принято постановление об обязательной выработке минимума трудодней в колхозах — нечто уже похожее на «барщину». Очень много писем поступало на тему о том, что приходится работать с утра до утра, что нет выходных, некогда повышать культурный уровень, о зависти к городскому рабочему и городской жизни. Большинство сельских жителей, прежде всего молодежь, чрезвычайно болезненно переживало эту ситуацию. Глядя на замордованных тяжелым трудом родителей, не испытывая желания терпеть моральное унижение, постоянно копаться в навозе и видеть только коровьи хвосты, сельская молодежь, несмотря ни на какие преграды и препоны, стремилась в город, манивший относительной свободой, чистыми учреждениями, вузами, театрами. Поэтому несмотря на все препоны отток из деревни нарастал. Для этого использовались разные способы, формировавшие своеобразные «каналы» социальных перемещений в советском обществе. Одним из них стал оргнабор: вербовка рабочей силы в колхозах на стройки, на сезонные работы, на лесозаготовки и т.п. специальными уполномоченными, которым колхозное начальство не имело права чинить препятствия. Три председателя колхозов — «Красный меч», «2-я пятилетка», им.Энгельса Заметчинского района Тамбовской области сообщали, что «многие колхозники без ведома правления ушли в отход на заработки, особенно мужчины. Работать некому.»²¹ О массовых случаях «отхода», вернее бегства из деревни в поисках заработка, систематически сообщали донесения органов НКВД.

Другим «каналом» отлива населения из деревни стало продолжение учебы в средних школах, в школах ФЗО, в вузах и техникумах. Это создавало устойчивую установку на продолжение образования как средства избежать колхозной участи, которое хорошо просматривается по приводимым документам. Следующим «каналом», который стал особенно широким в последующие годы, стала служба в рядах Красной Армии, после которой мало кто возвращался в колхоз. Существовали и промежуточные формы, в частности, — через работу в МТС, откуда механизаторы могли перейти на завод. Таким образом, через эти «каналы» из деревни происходил отлив наиболее активной, дееспособной и молодой части населения.

Обед в поле.

Колхозный амбар.

Да и остальные колхозники частенько задумывались о том, куда бы поехать из родного колхоза. Иван Пирогов из пос. Лебединка Тектовского района. Новосибирской области в своем письме так формулировал свои вопросы:

1. *Может ли член колхоза поехать на производство?*
2. *Если может уехать на производство то почему правление колхоза не дает справки для получения паспорта и районные органы не велят давать справки?*

Пример колхознику чемнебуд неглянется в этом колхозе жит как то по климатическим месным условиям хочет уехать и просит справку то Правление колхоза говорит что мы тебя не дадим тебе справки давай работай а колхозник говорит я работат небуду давайте мне справку я поеду. Колхозник на работу не ходит то его начинают истрахават [пугать] и держат до тех пор что у колхозника не остается ничево и в конце концов исключают его из колхоза и сельсовет облагает его сразу по единоличному и этот ин [даже] остается без ничего все проес[т]. Прошу расьяснения верноли так делают или неверно.

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.97. Л.151-152. Подлинник. Рукопись.

Если молодежь, легкая на подъем, уйти из колхоза почитала за счастье, для старшего поколения, корнями вросшего в деревню, исключение из колхоза создавало крупные жизненные неприятности. Понимая это, правления колхозов все шире применяли практику или угрозу исключения для расправы с неудобными им элементами. На эту тему поступало множество писем. В одном из писем сообщался факт исключения аж 160 колхозников, который остался без последствий. Среди исключенных семья оказалась семья жалобщика Кузьменкова, бывшего красного партизана, в то время как семья бывшего офицера старой армии Макарова осталась.²² Косо смотрело колхозное начальство и на тех, чьи дети в колхозе не работали. На эту тему — письмо в «Крестьянскую газету» из Орловской области от 11 января 1939 г.:

Я Грецкий Степан Никитич Имею сем синовей катория работают каждой в своего места. Старший сын Григорий работает в Митковском эмтоэс [МТС] бригадиром тракторной Бригады. Второй сын Николай работает кузнецом в тойже эмтоэс. Трети сын Василий домобилизовался с Красной Армии 38 г. танкист Работает в тоеже Митковской эмтоэс. Четверты сын Димитрий призван вреды Краснай Армии служит в одной из частей дальневосточной Армии. Пятой сын Иван в 7 класи средняя школы. Шастой сын Степан в 6 класи тойже школы, седмой Никихвор в начальной школы в 3й групи. Я же отец Степан Грецкий инвалид 2й групи Мировой войны, и в 1938 году декабря месеца меня исключили из колхоза. Но маеже хозяйства имеет 220 трудодней. Прошу редакцию Крестьянской гозеты разеснит и установит меня в колхози. Колхоз Красная Зареча Климовского района Орловской области.

РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.41. Л.91-91(об). Подлинник. Рукопись.

В данном случае решение правления было признано неправильным и Степан Никитич был восстановлен в колхозе. Письмо интересно с точки зрения социально-демографической динамики, «своего места», занимаемого каждым из 6 сыновей. Одновременно чувствуется постепенное наступление одной из серьезных демографических проблем колхозного села — большое

скопление в нем «стариков и старушек». Старшие сыновья — уже вне колхоза, младшие, которые еще учатся, явно идут по другой, неколхозной стезе.

В социальной структуре села главное место принадлежало сельской администрации. Чаще всего она и выступала в качестве обидчиков, виновников многочисленных бед и несчастий, служила мишенью для разного рода разоблачений, и, прежде всего, конечно, — председатели колхозов, сельсоветов, директора совхозов и МТС. В самом деле, если газеты пишут об успехах колхозного строя, о счастливой колхозной жизни, то кто виноват, что в данном хозяйстве дела не идут на лад? Конечно, местное начальство. В числе пострадавших в 1937 г. оказался председатель колхоза им. Ленина Грачевского сельсовета Залегощенского района Орловской области Поликарп Парменович Сергеев — автор нижеследующего письма:

В Крестьянскую газету

Заявление

В настоящем прошу рассмотреть в нижеследующем. Мой год рождения 1887 сын крестьянина (средняк). Отец мой всю жизнь поработался кулаками соседями не выходя из кабалы братьев Давыдкиных, которые за пуд муки заставляли его работать целыми месяцами и так продолжалось всю жизнь до его смерти. Я пошел в батраки с 11 лет. В 1900 г. попал в Москву к богатому хозяину Артамонову в Грузинах. Кондратьевский переулочек и работал вплоть до 1904 г. В 1904 г. по болезни поехал в деревню и болезнь моя продолжалась до 1906 г., а в 1906 г. поехал опять в Москву на заработки. В 1909 г. призван был на военную службу, служил в г. Благовещенске на Амуре в 4 стрелковом восточном сибирском полку, где я встретился с Суворовым Сергеем Ермолаевичем, который отказывался служить военную службу и сидел в тюрьме, на что я сурьезно обратил внимание. У меня до этого возникали мысли: за что и зачем я служу и кому служу? После этого мне пришлось прочитать некоторые брошюры Толстого, где разоблачалась церковь, попы и помещики. Я решил Л.Н.Толстому написать письмо. Толстой мне быстро ответил, где еще больше подтвердил мои мысли. Вернувшись с военной службы, я опять попал в Москву, где поступил в вегетарианскую столовую в качестве швейцара. Проработав год в столовой, мы организовали земледельческую артель под Тулой при деревне Хмелек. Артель скоро распалась ввиду притеснений царской власти и были за нами гонения и частые обыски полицией. Я вернулся опять в столовую, а в 1914 г. объявили войну, а при объявлении мобилизации я скрылся в Сибирь. Считаю, что война империалистическая нам не даст никакой пользы и защищать царей, помещиков и кулаков считал ненужным, даже вредным. После моего отъезда в Сибирь моя семья осталась в Москве, жена и двое детей, которые были притесняемы и гонимы полицией, делали всякие попытки и пришлось моей семье пострадать. В Сибири на Амуре на Красной речке в 18 верстах от города Хабаровска я работал в детской колонии по чужому паспорту, а перед революцией переехал в коммуну, поселенная на берегу реки Селемджи, где работали политические, бежавшие с каторжных работ. И работал там бывший редактор Клитчегло Г.Ив. из разгромленной одной редакции в 1905 г. царской властью. После революции я опять вернулся в Москву и работал в детской колонии при станции Чучково (детская колония была от фабрики). Через некоторое время я выехал в деревню со всей семьей, где занимался земледелием по сие время. По приезду в деревню организовал избучительню, два года был избачем и занялся земельным вопросом. Село Глубки, где я раньше жил, жили очень бедно и было дальнеполье. Я разбил всю землю на че-

тыре участка с выселками, а в 1931 г. меня избирают председателем колхоза им. Ленина и членом Грачевского сельсовета председателем полеводческой секции, где я работал по 7 декабря 1937 г. 7 декабря меня снимают из председателей (в нашем районе сняли председателей колхозов 75% за 1937 г., мотивировок к этому никому на руки не дают), а 13 января 1938 г. меня исключают из колхоза (а членом сельсовета состою и сейчас) по натравливанию массы как сектанта, вредителя и врага народа по постановлению общего собрания колхозников. Всех членов колхоза 45 человек, присутствовало на собрании всего 19 человек. Я считаю такое действие как председателя Грачевского сельсовета Елисеева, а также и собрание колхозников издевательством, травлей над живым человеком. Это только наруку врагам народа, я считаю неверным. Согласно сельхозустава артели должно при исключении из колхоза присутствовать две трети, а их присутствовало из 45 человек только 19. Второе не то, что согласно Сталинской Конституции.

Я и так к сектантам не подлежу, я всякому фонатизму был и есть самый злейший враг. Я против этого течения начал сам бороться еще с 1909 г. Само слово бог я понимаю как выдумку попов и буржуев и т.д. Это было наруку им, чтобы лучше обирать трудящийся народ и затемнять массы. Я еще раз заявляю, что я не верю никаким богам и прислужникам буржуазии. Я еще ранешнее время, т.е. до войны, нес всякие насмешки со стороны односельчан и соседей, называли нехристом и безбожником.

Моя борьба за время председательства колхоза. В 1932 г. в нашей местности организовалась шайка воров, которые скрывались в лесах, человек на 12. Ворovali имущество колхозов, совхозов и колхозников. В нашем бывшем Новосильском районе много поворовали коров и всякого имущества. Я первый решил повести борьбу, заявил в Новосиль — тогда еще там был угол розыска* — боролся целых два года и все-таки победил эту шайку: некоторых пересажали, а некоторые сбежали. В то время меня хотели застрелить. Я не один раз заявлял, но мало обращали внимания на мои сигналы. Еще позже этого двух колхозников разоблачил в воровстве государственного имущества. На суде дело смазали. Двум братьям дали по 6 месяцев принудработ с отбыванием при колхозе, а также двух колхозников разоблачил в воровстве картофеля в совхозном хозяйстве Ржавец. Дали им по одному году принудработ и одного пришлось присутствовать при раскулачивании. Все эти люди живут сейчас в нашем колхозе. А в 1937 г. 18 июня писал заявление на Давыдкина Стефан Ивановича о контрреволюционном выступлении: всячески обзывал тов. Сталина при присутствии следующих лиц первое Глотов В.М., Кочергин Егор С., Горохове Ст. Егор., Савина В.Пав. и Глотове Иван Серг., а ранее этот гражданин выступал на дорстрое, разлагал других колхозников. Это дело до сих пор выявляется, отсюда пошла вся борьба со мною и всякая травля на меня. Мне не один раз делали всякие репрессии, угрозы, угрожали подвести меня в работе по колхозному хозяйству. Был не один раз срыв работ. О всех творящих безобразиях мною подавались сигналы в район, но до сих пор никто не хотел мне помочь и не обращали никакого внимания. Наш колхоз, сельсовет, а также район очень мало посещали, и не хотели знать, чем живет наш колхоз, и я варился в собственном соку безпомощный целых шесть лет, а поэтому прошу обратить сурьезное внимание на вышеуказанное и считаю, что меня одного могут смести с лица земли, а поэтому прошу вашего вмешательства и вникнуть в суть дела и оказать мне помощь и разобратсья по справедливости.

23 января 1938 г.

РГАЭ. Ф.396. Оп. 10. Д.110. Л.96-101(об). Подлинник. Рукопись.

*Автор весьма своеобразно толкует угрозыск (уголовный розыск), в данном случае отдел угрозыска, как «угол розыска».

К письму приложен донос на неправильную работу ревизионной комиссии колхоза, в котором финансовые нарушения (или представленные автором как нарушения) рассматриваются как происки существующих в колхозе врагов народа.²³

Личность председателя Сергеева особой симпатии не вызывает, хотя его биография необычна и привлекает внимание. Он принадлежит к тому типу руководителей, о которых образно можно сказать, что они, узнав о гибели двух телят, спешили в район, чтобы поставить вопрос о немедленной ликвидации остатков кулачества и буржуазных, контрреволюционных элементов, иначе-де хозяйство вести нельзя. Порочность своих методов руководства колхозом автор не осознает, и как видно, вовсе не за то он был снят, а по причине отсутствия ясности в его довольно путаной биографии. Обычно же на посту председателей были люди с более прозаической судьбой. Большая их часть вербовалась из «деревенского актива», отличившегося на «фронте коллективизации», или состояла из присланных из города «специалистов» с туманными знаниями о сельском хозяйстве и невысоким уровнем образования. Часто на постах председателей оказывались совершенно случайные люди, малограмотные, малокультурные и распушенные. С колхозниками они порою обращались, как прежние помещики-самодуры. Не случайно одним из требований, которые высказывались в письмах было «ввести в обязательном порядке вежливое обращение к колхозникам со стороны председателя колхоза и бригадира, чтобы колхозника не называли кулаком, кулацким саботажником, кулацкой мордой.»²⁴

Формально все председатели должны были избираться общим собранием колхозников, но «колхозная демократия» работала слабо, да и людей собрать было довольно трудно. По большей части колхозники безропотно соглашались с навязываемой им сверху кандидатурой. О том, как «руководили» колхозами такие председатели, имеется масса свидетельств разного рода.

В одном из архивных дел сохранились уже упомянутые в предыдущей главе первичные спецсводки Мигулинского районного отделения НКВД (Азово-Черноморский край) за 1935-36 гг., составленные начальником районного отделения НКВД сержантом госбезопасности Осиповым. В них содержатся различные сведения, в том числе о фактах злоупотреблений, нарушений законности, извращений, допускаемых в работе местных руководящих органов. Отдельные выдержки из этих документов, рассказывающие о нравах колхозной администрации, мы приводим. (Документы отпечатаны на машинке с огромным количеством ошибок. Исправлены только те, которые затрудняют чтение и понимание текста):

***Из раздела «СПЕКУЛЯЦИЯ КОЛХОЗНЫМИ ПРОДУКТАМИ И
ЖУЛЬНИЧЕСКИХ МАХИНАЦИЯХ РУКОВОДСТВА КОЛХОЗА
«ЗНАМЯ КОЛХОЗНИКА» НАЗАРОВСКОГО СЕЛЬСОВЕТА».***

[...] Руководство колхоза «Знамя колхозника» в лице председателя колхоза Климошенко, кандидата в члены ВКП(б) и завхоза кулака-белогвардейца Назарова, случайно пролезшего в кандидаты партии. Как только была получена колхозом грузовая автомашина, последние организовали систематическую спекуляцию продуктами, предназначенными колхозу. Причем продукты, приобретенные

ими в колхозе, брались по пониженным ценам и вывозились на базар в города Миллерово, Ростов и Луганск, где [их] продавали по спекулятивным ценам. Не ограничиваясь этим, предколхоза Климошенко в октябре месяце организовал продажу колхозных продуктов: масла сливочного, свинины, яблок и барашек в г. Ростове, куда возил лично сам указанные продукты на колхозной машине. Причем продукты продавал по рыночной цене, которые в то время слагались на рынке в г. Ростове, тогда как отчитался за эти продукты чуть выше стоимости их в колхозе. Так, например, сливочное масло продавал по 15 руб. за кг, а отчет за за проданные им 70 кг масла представил из расчета по 3 руб. за кг. Это дало возможность Климошенко с поездки в г. Ростов присвоить 3200 руб. колхозных денег. Махинации Климошенко были нами разоблачены не только при помощи организованной нами глубокой ревизии колхоза и допросом свидетелей, ездивших с Климошенко, которые подтвердили, что Климошенко продавал продукты в несколько раз больше [дороже], чем указал в своем отчете. Кроме этого, было также установлено, что завхоз Назаров и Климошенко полученное ими на трудодни зерно продавали на рынках по спекулятивной цене, получая в неограниченном количестве отсевленную муку в колхозе по 20 коп. за кг. Таким путем Климошенко получил из кладовой колхоза 600 кг муки, а Назаров 500 кг. Такая вещь практиковалась последними и с яблоками, которые ими брались по 10 центнеров без какой-либо платы, тогда как эти же яблоки вывозились ими на рынки в г. Миллерово, где продавались по рыночной цене. (Климошенко и Назаров осуждены на 8 лет каждый).

По колхозу «Ставропольский полк» Мешковского сельсовета.

«[...] Показание свидетельницы Коноваловой: «В конце августа или в начале сентября, точно не помню, я вместе с колхозницами Гориной и Батальщицковой триеровали семенную рожь. Амбар, где мы работали, находится во дворе правления колхоза. Вечером перед концом работы к нам в амбар зашел предколхоза Земляков и стал со мной шутить. Видя это, колхозницы Горина и Батальщикова, не дожидаясь меня, ушли домой. Спустя некоторое время, подошел к амбару кучер Землякова Кузнецов Павел и закрыл дверь в амбаре, где была я и Земляков. Последний, видя это, стал усиленно приставать ко мне и [уговаривал] вступить с ним в половую связь. Зная от колхозников, что Земляков болен венерической болезнью, я сказала об этом ему, на что последний ответил, что это неверно и что он только вчера имел половую связь с Поздняковой Ефросиньей. Я долго не соглашалась, но потом все же вступила с ним в половой акт. Дней через несколько, сомневаясь в правдоподобности [слов] Землякова о том, что он не болен, я пошла в больницу к врачу, который после осмотра заявил мне, что я больна венерической болезнью гонорреей и что мне необходимо лечиться».

Кроме заражения Земляковым колхозницы Коноваловой имеются данные, что им заражены гонорреей Чибизова Ульяна, Позднякова Ефросинья и другие колхозницы колхоза «Ставропольский полк» (Земляков осужден на 5 лет лишения свободы).

Председатель колхоза им. Кагановича Верхняковского сельсовета Мигулинского района Вецунов Георгий Андреевич на протяжении апреля-мая месяцев [1935 г.], т.е. с момента вступления в должность предколхоза, по отношению к женщинам-колхозницам проявляет преступно-хулиганское действие, выразившееся в понуждении женщин к половому сожителству.

Вецунов своими похабными, дерзкими, преступно-хулиганскими поступками терроризировал женщин-колхозниц, предлагая [им] при первой встрече обязательно провести с ним ночь. К наиболее дерзким издевательствам Вецунова относятся следующие:

[...] Как только Вецунов вступил в должность предколхоза, первые же свои дни ознаменовал пьянкой с бывшим предколхоза, ныне завхозом Климантовым.

В апреле месяце в колхозе им. Кагановича в зятя вышел гражданин Мрыхин. Зная, что его в колхоз Вецунов может не принять, так как Мрыхин был осужден, последний решил купить водки и пригласить к себе в дом Вецунова. Вецунов, несмотря на то что колхоз в севе отстает, занялся пьянкой у Мрыхина. В момент выпивки Вецунов предлагает жене Мрыхина пойти с ним в катух поспать, иначе он не только не примет ее мужа в колхоз, но и загонит обратно на Урал. Растерянная женщина осталась в недоумении и обращается к мужу Мрыхину с таким заявлением: «Что же делать, ложиться под Вецунова и откупать тебя или тебя снова отправят на Урал?». Мрыхин ответил: «Если что у вас с ним было, то живите, я ничего против иметь не буду».

В этот же день к вечеру почти пьяный Вецунов вошел в квартиру сапожника Назарова Егора и, войдя в сени, ударил плетью по кадушке с водой, обрызгал сам себя и начал ругать[ся] в бога, Христа и так далее, говоря: «Наставили здесь кадок, что не пройдешь». Войдя в хату, Вецунов подсел к девушке-колхознице Бабкиной, свояченице Назаровой, и здесь же в присутствии Назарова начал приставать к Бабкиной. Одной рукой взял Бабкину за плечо, а второй стал поднимать юбку, говоря: «Дай я тебя попробую, ты еще цельная, непробованная, тугая, дай я тебя п..., и ты выздоровеешь». (Бабкина была больна). Бабкина, чтобы уйти от стыда, вышла во двор, за ней же пошел Вецунов. Во дворе Вецунов снова стал приставать и звать Бабкину в катух спать, но Бабкина отказалась. Тогда Вецунов заявил: «Теперь ты можешь не считать себя колхозницей колхоза им. Кагановича».

В полеводческих бригадах колхозники боялись, когда к ним приезжает Вецунов. Как только Вецунов подъезжает, колхозники заявляли [говорили]: «Уходите, бабы, кто куда, Вецунов едет, сейчас кого-нибудь повалит».

Колхозница Уварова говорит: «Колхозницы нашего хутора говорят: Вецунов весь «каменный», часть хутора осеменил, скоро и до верхней части хутора доберется». (Вецунов по суду оправдан).*

Из раздела «О ХИЩЕНИЯХ И РАСТРАТАХ.»

Органами НКВД в 1935 г. вскрыто и предотвращено ряд крупных хищений колхозного хлеба и растрат, главным образом по линии кооперации.

К наиболее крупным относится следующее: в колхозе им. Кагановича кулацко-хищенской группой, состоящей из кулака Егорова, дважды осужденного кулака сторожа Демина и бежавшей с высылки кулачки Титовой.

Демин, пользуясь личной связью с бывшим председателем колхоза Вецуновым, пролез в объездчики, а впоследствии в сторожа колхозного хлеба. Вместе с Егоровым и Титовым организовали групповую кражу зерна с токов, которые охранял Демин. Всего указанной группой было похищено 200 пудов пшеницы и семенной ржи. Указанный хлеб был изъят из ям и передан колхозу...

Всего крупных хищений было вскрыто 10. Изъято хлеба 950 пудов. Осуждено за хищение 18 человек.

Растрат в 1935 г. вскрыто 17, главным образом по Мигулинскому сельпо. Общая сумма растрат выражается в сумме 20 267 руб. Принятыми мерами взяскано с растратчиков 17 000 руб. Осуждено за растраты 11 человек.

Из раздела «О ФАКТАХ НАРУШЕНИЯ И ИЗВРАЩЕНИЯ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ.»

[...] В сентябре месяце 1935 г. доярка колхоза «Сталинский путь» дочь командира карательной сотни при белых Бесчетнова накормила навишим бараном колхозников указанного колхоза, в результате чего часть колхозников после употребления его в пищу заболела.

Характерно, что незадолго до этого факта отец Бесчетновой Бесчетнов Андрей работал зав. МТФ, который за жульничество был снят с работы. Когда на его место был выдвинут лучший колхозник ударник Бровкин, оставшаяся работать на МТФ дочь белогвардейца-карателя Бесчетнова стала мстить Бровкину за отца. И когда на МТФ пал баран, последняя принесла его в колхозную кладовую и сдала его как здорового барана. Дело наше на Бесчетнову и Бровкина закончено. По делу главным обвинителем проходила Бесчетнова. Бровкин же привлекался как за халатность.

Рассматривая в суде указанное дело, суд оправдал Бесчетнову, а второстепенному лицу Бровкину, который стал жертвой Бесчетновой, дал три года лишения свободы [...]

В 1935 г. в период уборки хлеба кулачка, жена расстрелянного нашими органами белобандита Меркулова, бросила в комбайн подушку. Комбайн вышел на 2-3 дня из строя. Когда Меркулова была привлечена к ответственности, суд ее оправдал, а лучшего комбайнера Третьякова осудил на 6 месяцев принудработ, за что — неизвестно [...]

ГАРФ. Ф.1235. Оп. 141. Д. 1789. Л. 73-66. Подлинник. Машинопись.

** В разделе «О фактах нарушения и извращения революционной законности» сообщается, что «в июне месяце 1935 г. Вещунов был привлечен к ответственности, и дело [на него] было передано в нарсуд. По неизвестным причинам Вещунов судом был оправдан, но в октябре месяце 1935 г. Краевая комиссия крайкома ВКП(б) по проверке руководящего состава колхозов района проверяла все факты издевательства Вещунова над колхозниками. Решением комиссии и крайкома ВКП(б) Вещунов был снят с работы и исключен из колхоза. В части снятия его с работы решение было проведено в жизнь. Из колхоза Вещунов до сих пор не исключен и не привлечен к ответственности.»*

Подобных случаев произвола, безобразий, жульнических махинаций, растрат в сводке приводится достаточно много. При чтении следует принять во внимание язык и стиль документов, принятый в НКВД, обязательное навешивание политических ярлыков и связи с враждебными социальными элементами.

Если судить по письмам, кажется, что основной контингент «вредителей» на селе составляли именно председатели, и на них прежде всего обрушились кары в период «ежовщины». «Вредительство» не обошло стороной и многочисленные колхозы, названные именем «остроглазого наркома». Об этом свидетельствует, например, следующее письмо:

Москва. Редакция Крестьянской газеты!

От ревкомиссии и колхозников колхоза им.Ежова Студеновского сельсовета Анненского района Воронежской области.

Заметка

Когда в колхозе им.Ежова будут изгнаны из руководства правления колхоза во главе предколхоза Лобова Ивана Ивановича оставшейся отростки врагов народа и вредители. И когда в колхозе им.Ежова будут осуществляться права и воля народа Сталинского устава.

Наш колхоз организован в 1934 год. Тогда наш колхоз в 1934 г. и по 1937 г. 7 августа был большевистским и шол передовым по району по всем видам в пользу Сациализма. Наш колхоз состоит из 35 хозяйств. Но с 7 августа 37 г. к

нам в колхоз сумел пролесть предколхозом по инициативе уполномоченного райисполкома Бабкина Василия Семеновича враг народа Корольков Михаил Иванович. Тогда колхозники заявили тов. Бабкину что Корольков есть враг народа. Он находится под следствием Н.К.В.Д. Но тогда Бабкин не посмотрел на это что колхозники не хотят его. И тогда Корольков М.И. стал предколхозом. Связался с председателем ревкомиссии Лобовым И.И. и начали вредить и ущемлять права колхозников. Все это описать очень много что они проделовали. Они оттягивали озимый сев который наверняка снизил урожай 38 г. Они оттянули молодбу хлеба где причинили много ущерба. Несмотря на все это что все возможности были обмолотить в срок и без потерь они на 50 га орженой площади запахали подгребки которых определяется ущерб в 100 ц зерна. По инициативе Королькова была зарезана лошад умышлено родственником Корольковым. Но тогда Королькова разоблачили вскоре и арестовали органами Н.К.В.Д. Тогда по инициативе председельсовета Свистова был поставлен предколхозом приятель Королькова Лобов И.И. такой же вредитель как и Корольков. Его поставил председельсовета Свистов без всякого ршения общиго собрания вопреки воли народа и сталинского устава. Предельсовета Свистов неоднократно устраивал пьянку с Корольковым и Лобовым. Тогда как Лобов стал предколхозом имел заговор с Корольковым против колхоза и ущимления прав колхозников влице предревкомисии Распопова Ив. Алекс. и члена колхоза Кузнецова Ив. Петр. дабы развалить колхоз. Тогда Лобов стал совершать Акты вредительства. Поморозил кормовую свеклу 1000 ц на 100% которая погнила. Этим самым оставил скот без корма в период посевной и погноил сименной горох 18 ц на 100%. А также погноил пшеницу и погноил сименой картофиль 60 ц на 50% и чьясть картофиля осталось нерытых под снегом.

Колхозников всех подорвал. Топки и корма колхозникам недает лошадей привезти. Например семья Красно Армейца Торхова Андрея Стефановича не привозила ище ни одного килограма корма. Скот стоит голодает. Колхозники для своих нужд нанимают единоличников. Этим самым создают недовольствия у колхозников и обостряют колхозников против С.С.С.Р. В 1938 г. Лобов сорвал подготовку к висений посевной кампании умышленно вредит в колхози и отягивает всю работу. А кто посмеет критиковать здоровой критикой и разоблачить вредительские дела Лобова то Лобов имеет у сибя защитника за сало и водку в лице председельсовета Свистова, каковые тогда пускаются во все оружие окливетать и переложить вину Лобова на плечи колхозников. Чесных колхозников обзывают вредителями и лодырями и разлогателями вопреки постановления Енварского пленума Ц.К. В.К.П(б). * А кто же есть Лобов И.И.? До революции был зажиточный, во время революции держал связь збелами. Чем это объяснить? В 1918 г. Лобов с своим соседом и приятелем кулаком, когда у Лобова стояла хозяйчасть Р.К.К.А, то Лобов и кулак Гуровский которой сычяс арестован органами Н.К.В.Д. обобрали эту доблесною Р.К.К.А. оружием и вещами обувю а также омуницией. Но тогда Лобов был арестован органами В.Ч.К. но сумел убежать из под ареста и скрылся и Лобов всю время был дизиртиром который не хотел отстаивать нашу молодую республику и во время колитивизации Лобов шол против колхозов которой не однократно раскулачивался и во время колитивизации Лобов скрылся от колхоза и збежал, но в 1933 г. Лобов пришол и записался в колхоз III Интернационал и в 1934 г. записался в колхоз им.Ежова и отсюдова пытался збежать но не удалос и в 1937 г. по инициативе председельсовета Свистова Лобов стал предколхозом и за все эти действия 7 марта 1937 г. общие собрание колхозников колхоза им.Ежова постановило снять предколхоза Лобова но тогда Лобов видит волю народа что ставят снять его то Лобов объявил собрание сорвано и закрыто и тогда на 8 марта 38 г. Лобов и председельсовета Свистов опять собрали собрание и хотели взять колхозников на испух всячески старались скрыть следы безобразий Лобова и хотели переложить их безобразия на чесных

колхозников. Но им не удалось сломить воли народа и общее собрание колхозников постановило за все те безобразия снять с работы Лобова как не оправдывающего доверия народа. И просили выше стоящие органы утвердить наше решение. Но до сего времени не обращено на это внимание районных органов. И Лобов все остается предколхозом руководит и все дальше вредит. А поэтому заявляем когда же в колхозе им.Ежова будет осуществляться воля народа Сталинского устава.

А поэтому просим редакцию Крестьянской газеты помоч нам в этом деле и разоблачить. И когда Лобов будет изгнан из руководства колхозом и за все это преступление предан пролетарскому суду как за вредительство. И просили дать ответ предревкомиссии Распопову Ивану Алексеевичу. Настоящая заметка подписывается ревкомиссией и членами колхоза им.Ежова.

Ревкомиссия

Распопов Иван Алексеевич

Борзунов Андрей Петрович

Член правления Спорыхин Петр Фомич

Члены колхоза

Распопов Федор Филипович

Торхов Стефан Андреевич

Распопов Алексей Иларионович

Кузнецов Иван Петрович селькор

Провоторов Василий Федотович

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.19. Л.18-21(об). Подлинник. Рукопись.

* В январе 1938 г. пленум ЦК ВКП(б) принял постановление, осуждающее ошибки парторганизаций при исключении коммунистов из партии и формально-бюрократическое отношение к апелляциям исключенных. Осуждались клезуники, карьеристы, создававшие в партии атмосферу недоверия и подозрительности.

Как видим, все безобразия в колхозе председатель сваливает на самих колхозников, а те на него, приписывая ему множество других «грехов», каждый из которых мог бы в то время стать поводом для судебной расправы. Конфликт дошел до столкновения на общем собрании колхозников, но благодаря сложившейся практике их проведения, поддержке и попустительству местной власти, председатель продолжал править колхозом, пока по сигналу «Крестьянской газеты» в дело не вмешались более высокие инстанции. Таким коллективным письмам придавалось особое значение. О том, что негодных председателей покрывают районные власти говорит и коллективное письмо колхозниц из Ивановской области от 21 ноября 1938 г.:

Хулигана скрывают

Бывший предколхоза Пантелеев Н.Х. из колхоза им.Сталина Горкинского сельсовета Юрьев-Польского района Ивановской области всячески издевался над колхозниками, ругал неподобными словами, обзывал ворами. Прибил счетовода колхоза женщину и подпaska. Некоторых женщин обзывал воровки. Как Осипову Анну Матвеевну ругал прямо на общем собрании: «Сука, воровка, растащиха», а она ничем не виновата. Этот предколхоза Пантелеев Н.Х. занимался припиской трудодней в свою пользу, присвоил колхозных денег 56 руб. По его вине лошадь издохла, матка 7 лет. Одна девица нашего колхоза заявила, что этот предколхоза Пантелеев Н.Х. пытался ее изнасиловать, и их обоих сводили на личную

ставку орган милиции. И вот уже скоро будет год, но дела все скрылись. Велось следствие 6 месяцев, следствие закончилось, дело было передано прокурору [г.] Юрьев-Польского, а у прокурора лежит 2 месяца и все дело затихло. А этот хулиган хвалится и дразнит нас женщин: «Что вы мне сделаете такие дряни, мне никогда ничево не будет и никогда миня не посадят.»

Мы женщины просим помощи через Крестьянскую газету привлечь этого хулигана к судебной ответственности за издевательство над женщинами, за побои счетовода и за все его гнусные дела, просим разыскать все его подлости.

К сему подписуемся: 5 подписей колхозниц

РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.19. Л.323-324. Подлинник. Рукопись.

Огромное число писем затрагивает проблемы взяточничества и самоснабжения председателей за счет колхозных амбаров. За взятку у председателей можно было получить дрова, уголь, накосить сена, получить лошадь и т.п. Зачастую сельская и районная администрация на почве обмана, коррупции и пьянства были связаны круговой порукой, что не могло ускользнуть от глаз колхозников. В одном из писем под заголовком «Пьют, как из лука бьют, водку день и ночь» и направленной депутату Верховного Совета, два колхозника, которые, как они указывают, «переутомились писать», общались, каким образом расследовалась их жалоба на то, что «зафатчик, кулацкий сын, накосил за взятку больше, чем положено»: из района «приехал инструктор, его напоили водкой досыта и он забыл свою работу и потерял свой ум». Ознакомил правленцев с заявлением, — «те посмеялись, нас поругали». С тем и увез заявление назад. Затем «приехал снова зам. райзо, тоже попил водки и уехал с этим». После этого «направили снова первого алкоголика, который напился второй раз еще лучше.»²⁵

О том, что начальство не упускало случая поживиться за счет рядовых колхозников, говорит и такой бытовой случай в колхозе им.Молотова Пичаевского района Тамбовской области, рассказанный в одном из писем. Колхоз устроил пруд для разведения зеркального карпа. Для вылова рыбы колхозное начальство приказало пруд распрудить — обычная бестолковая колхозная практика. Рыбу растаскивали как сетями, так и руками. Всего выловили 20 пудов. Улов засолили и поместили в амбар для начальственных нужд, а колхозникам поставили могарыч, рыбное угощение. Всего, по подсчетам корреспондента, этой рыбы было 3-4 пуда. Колхозники есть отказались и требовали раздать все на трудодни.²⁶

В одном из архивных дел хранится комплекс писем Дмитрия Афанасьевича Халатова — довольно интересного рассказчика. По ним можно установить некоторые факты его биографии. Был членом колхоза «Труд» Яровщинского сельсовета Жиздринского района Орловской области, в который вступил в 1929 г. Сначала, пишет он, «жили богато и весело, но с тех пор сменилось 11 председателей, которые довели колхоз и колхозников до ужаса.»²⁷ Иногда по его сигналам принимались меры. Однако этим он озлобил районное и местное руководство. Имея специальность кузнеца, жену и 6 детей, «дойдя до крайности плохой жизни выбыл из колхоза» и в конце 1936 г. поступил на работу в Брянске на железную дорогу. С того времени в колхозе бывал наездами по выходным дням и наблюдал жизнь своего и соседних колхозов, сообщая по разным инстанциям о том, как страдают

они от воров и расхитителей. Видимо, по этой причине семью Халатова и его двух братьев исключили из колхоза в сентябре 1937 г. как кулаков и вредителей. Но если спросить, пишет Халатов, «если я вредитель, то я мог бы на транспорте навредить больше, чем в колхозе. На самом деле я преданный беспартийный большевик, как велит советский закон и Сталинская Конституция. В моей семье работали жена, дочь — зав. яслями и 4 школьника, а по выходным работал и я в кузнице. Всего заработали 450 трудодней.»²⁸

Халатов регулярно писал о беспорядках не только в своем, но и окрестных колхозах, которые, отмечал он, «равные с нашим, как родные братья.»²⁹ Так, в одном из писем от 26 января 1938 г. о колхозе «Первомайский» он писал, что в нем после частой смены председателей «колхоз возглавил Кондрашев М.Н., бывший счетовод, друг и приятель Ларину И.Н., левому эсеру, который к месту прибран советской властью». Этого Кондрашева Халатов обвинял во всех смертных грехах. Среди обвинений, есть и не голословные. Вот некоторые из сообщаемых им фактов:

Тракторист Лунькин Кирилл Васильевич работает в Жиздринской МТС. Ему нужно было привезти свой заработок в колхозе: хлеб и картофель своей семье. Дело в лошадах. Лунькин Василий, отец тракториста, в своем Первомайском колхозе лошадей не добился. Тогда он позвал к себе все правление, угощал вином с закусками, кому сколько влезет. Пьяное правление во главе с Кондрашевым решило дать 4 подводы, а на завтрашний день, когда он пришел взять записку на лошадей, то ему разрешили только две лошади, а что не подвезти, можно, мол, продать на месте. Лунькин согласился и на этом. Обиженный извозчик, придя на конный двор с запиской, показывает ее конюху Зайцеву. И здесь тупик. Зайцев предъявил за уход лошадей по одной четверке вина за лошадь. Это было упрочено и Лунькин получил двух лошадей. Талалаев Петр Дмитриевич, который служит в Красной Армии, посещал свою жену, уехал обратно. Жена красноармейца Ефросинья Ивановна через долгое время после мужа родила, немного оправившись ее застигла зима. Ефросинья получила документ на лошадь с топливом. Обратилась к конюху Зайцеву. Как закон, Зайцев не постеснялся спросить две четверки вина с жены красноармейца. [...]

РГАЭ. Ф.396. Оп.5. Д.110. Л.161. Правленая заверенная копия.

На многочисленные сигналы Халатова и просьбу «Крестьянской газеты» разобраться Орловский обком отвечал: «Проверкой установлено, что Халатов происходит из семьи торговцев. К работе относится недобросовестно, был уличен в воровстве колхозного имущества, вел в колхозе разлагательную работу, за что исключен из колхоза. Брат Халатова Ефим арестован органами НКВД». Тем не менее жалоба была принята к рассмотрению, а секретарь районного комитета партии снят с работы «за молчание.»³⁰

В районной газете «Колхозный путь» (Куйбышевский район Татарской АССР) 5 ноября 1938 г. в заметке под названием «Бюрократы не унимаются» сообщалось о попытке расправы со стороны руководящих работников Красносельского сельсовета над селькором Зеленковым, который своей корреспонденцией разоблачал их издевательство над стахановцами, разложение трудовой дисциплины, пьянку, присвоение колхозных средств, обман рабочих и т.п. Газета, чтобы остановить эту расправу, апеллировала к районному прокурору.³¹

*Плакат на українському мові:
«Ми повинні 1935 рік зробити
роком високого врожаю при
всяких кліматических умовах.
(Постышев)»*

Колхозниці за роботою

В архиве «Крестьянской газеты» сохранилась заверенная копия одного из писем в редакцию от имени П.Н.Зеленкова и Н.Д.Изотова с упомянутыми разоблачениями. На самом деле письмо написано одним Зеленковым. Оно довольно длинное. Вот некоторые из сообщаемых в письме фактов:

Издевательство над стахановцем зав. КТФ тов. Абралиным С.А. Тов.Абралин, бедняк, при царском правительстве ходил по миру, жил в батраках, в данный момент зав. КТФ, три раза премирован Татнаркомземом. И вот 13 июля сего года член сельсовета Максимов Н. в присутствии председельсовета Ховренкова А. и члена сельсовета Архипова В. написал на сивой лошади, кличка «Думка», мазутом на боку крупными буквами слово «Бахит». Это прозвище тов.Абралина, над ним раньше кулаки издевались таким похабным прозвищем, так вот и наши руководители додумались до этого и злостно смеялись над этой надписью [...]

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.143. Л.11. Подлинник. Рукопись.

Оскорбления колхозников. Максимов Н. и Ховренков А. обругали красноармейку Ишенкову П. разными похабными словами и даже блядью и т.д. и пригрозили ей, что мужа ее выгонят из армии путем написания отрицательной характеристики [...]

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.143. Л.11-12. Подлинник. Рукопись.

Нарушения сельхозустава. Берут себе лошадей по гостям без всякой оплаты. Ховренков выдает лошадей единоличникам и служащим. Применили [слово не ясно] наем единоличников, все делается исключительно с найма, а свои жены сидят дома, ничего не делают, применили себе широкий кредит из кассы колхоза. Ховренков 230 руб. от 1936 г. еще не погасил.

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.143. Л.12. Подлинник. Рукопись.

Самоснабжение. Подходящие материалы – мануфактуру, шерсть делят по себе. Хлебные квитанции берутся по себе, приобретали велосипеды и другие предметы. Ревкомиссия колхоза бездействует. [...]

РГАЭ. Ф.396. Оп. 10. Д.143. Л.13. Подлинник. Рукопись.

О фактах злоупотребления и произвола говорит отдельная спецсводка, составленная Мигулинским районным отделением НКВД в июне 1936 г.:

Начальнику СПО УНКВД Азово-Черноморского края
капитану госбезопасности тов.Волкову*

г. Ростов-на-Дону

*Начальнику Сев. Дон. окротдела НКВД** старшему лейтенанту
госбезопасности тов. Автономову*

гор. Миллерово

13 июня 1936 г.

***О попытке к самоубийству колхозницы колхоза им. тов. Кагановича
Верхняховского сельсовета Харитоновой Александры Поликарповны
на почве издеательства бригадира 2-й бригады Илющихина
и продовольственных затруднений.***

10 июня сего года наш источник «Иващенко» сообщил мне, что бригадир 2-й бригады колхоза им. тов. Кагановича Верхняховского сельсовета Илющихин систематическим издевательством над колхозницей Харитоновой Александрой Поликарповной довел ее до того, что Харитонова 2 июня, закончив работу в

бригаде, пришла домой и пыталась повеситься и только благодаря своевременно вошедшему в квартиру ее мужу ему удалось предотвратить самоубийство жены.

Получив такие данные я немедленно выехал в колхоз им. тов. Кагановича. В процессе беседы с колхозницей Харитоновой, ее мужем Харитоновым и председателем колхоза Языковым я установил следующее:

Колхозница Харитонова, работая во второй бригаде названного колхоза подвергалась ничем не обоснованным издевательствам со стороны бригадира Илющихина, который в присутствии колхозников бригады неоднократно упрекал ее и ее мужа Харитонова в «лодырничестве и симуляции», тогда как Харитонов все время работает в колхозе и, не было ни одного случая, когда бы Харитонов отказался от выполнения наряда.

Не ограничиваясь этим, Илющихин, хорошо зная, что в колхозе напряженное положение с продовольствием, он, когда Харитонова 1 июня сего года полагаемую ей норму лапши не съела в бригаде, а взяла в кофейнике себе домой с тем, чтобы вместе с мужем ее съесть, Илющихин 2 июня на объединенном колхозном собрании 1-й и 2-й бригады после обсуждения законопроекта о запрещении абортов, помощи роженицам и расширении сети родильных домов и ясель выступил и заявил: «Да вот таким женщинам-воровкам, как Харитонова помогать, которая ворует в бригаде лапшу, кормит ею своего лодыря-симулянта».

Присутствовавший на колхозном собрании комсорг колхоза Языкова не дала соответствующего отпора кулацкому выпад и издевательствам Илющихина над Харитоновой.

Незаслуженно оскорбленная Харитонова со слезами на глазах была вынуждена покинуть собрание. Придя домой, Харитонова решила покончить с собой, для чего у себя в коридоре подвязала к потолку веревку, подставила стул и уже намеревалась повеситься. Только благодаря вернувшемуся с работы мужу Харитонову ему удалось предотвратить самоубийство своей жены.

В беседе со мной о причинах, побудивших Харитонову решиться на такой легкомысленный акт, последняя заявила мне, что:

«Я вместе со своим мужем безотказно работаем в колхозе. Муж мой, хотя и болел, но все же выработал 250 трудодней. В этом году у него уже выработано 100, а у меня 50 трудодней. Никто у нас в колхозе из домохозяек больше 50 трудодней не имеет, потому что зиму и весну мы почти не работали, и только с апреля месяца текущего года нас стали привлекать к работе. Муж мой имеет мало трудодней, потому что сам он очень не развит: куда его пошлют работать, там он и работает, и к тому же крайне тяжелое материальное, продовольственное положение выбило нас из сил. Дома у нас вот уже месяц нет ни грамма муки, картофеля и масла. Жить очень трудно, а тут незаслуженные издевательства бригадира Илющихина. Крайне тяжелое положение с питанием и неказание нам помощи и вынудили меня покончить с собой.

Кроме этого установлено, что над Харитоновой и ее мужем издевался не только бригадир Илющихин, но и руководство правления колхоза в лице пред. колхоза Языкова. Об этом знали не только работники района, в частности зав. райзо Прусаков, но он сам по существу поддерживал эти издевательства, доказательством чего могут служить следующие факты:

«В апреле или начале мая месяца правление колхоза для поддержания колхозников выдавало им на питание макуху.*** Узнав об этом, я сказала (Харитонова А.П.) своему мужу, чтобы он подал заявление правлению колхоза на получение макухи. Пред. колхоза Языков, завхоз Мрыхин в присутствии Прусакова стали интересоваться в бухгалтерии, сколько у меня с мужем трудодней. Бухгалтер Калмыков сообщил неверные сведения, якобы у нас нет трудодней, тогда как у мужа в это время было около 100 трудодней, а у меня около 50. Обсуждая этот вопрос: дать или не дать нам макухи, названные лица стали называть моего мужа лодырем и пр. на собрании колхозников.

Присутствовавшему на собрании бригадиру Илющихину я заявила, чтобы он выступил и сказал, что они неверно называют нас лодырями. Илющихин на это ответил мне: «Я не слышал, чтобы они вас называли лодырями». А макухи нам так и не дали.» (Из показаний Харитоновой А.П.)

Действительное положение с продовольствием в колхозе настолько тяжелое, что ряд колхозников этого колхоза голодуют. Этот колхоз в 1935 г. выдал на трудодень по 1 кг 50 г. Правление колхоза вместо того, чтобы принять меры через соответствующие организации и улучшить положение колхозников путем получения продовольственной ссуды, сочло нужным «поддерживать» нуждающуюся часть тем, что выдавало нуждающимся колхозникам макуху, ранее завезенную для свиней. Всего роздано колхозникам макухи 31 тонна.

Такое издевательское отношение к колхозникам привело к тому, что отдельные ударники сидят без хлеба более месяца и буквально голодают. Другая часть продает своих телок, свиней и пр. и покупает хлеб в сельпо.

Следует отметить, что подобное положение с продовольствием относится не только к колхозу им. тов. Кагановича, но и ряду других колхозов нашего района.

По нашим данным в районе 14 колхозов, которые нуждаются в оказании продовольственной помощи. Из них особо нуждающиеся следующие колхозы:

	Получено на т/д
1. Колхоз им. Буденного	780 г
2. «Знамя колхозника»	1200 г
3. «Ставропольский полк»	700 г
4. «Заветы Ленина»	900 г
5. им. Молотова	1050 г
6. им. Подтелкова и Кривошлыкова	1000 г
7. им. Октябрьской революции	2000 г
8. им. XVII партсъезда	1400 г

Кроме того установлено, что за два дня до получения данных об издевательстве над Харитоновыми редакция газеты «Сталинский путь» имела официальное заявления мужа Харитоновой Харитонова, который сообщал об издевательстве над его женой и попытке ее к самоубийству на почве издевательств Илющихина и просил принять меры. Зам. редактора тов. Земляченко поставил об этом в известность секретаря РК ВКП(б) тов. Ерофеева, но мер никаких принято не было, пока нами данный вопрос не был вскрыт, расследован и не поставлен в РК ВКП(б) и РИКе.

НАШИ МЕРОПРИЯТИЯ:

Принятыми мерами через райорганизации Харитоновой оказана материальная, медицинская помощь и созданы нормальные условия для работы в колхозе.

Бригадир Илющихин через райпрокурора привлекается к ответственности.

Вопрос о пред. колхоза им. Кагановича Языкове и зав. райзо Прусакове поставлен в РК ВКП(б).

Начальник райотделения НКВД
сержант госбезопасности Осипов

ГАРФ. Ф.1235. Оп.141. Д.1789. Л.56-59. Подлинник. Машинопись.

* Секретно-политический отдел Управления НКВД по Азово-Черноморскому краю.

** Северо-Донецкий окружной отдел НКВД.

*** Отработанные семена подсолнечника.

Любопытную картинку из жизни деревни рисует следующее письмо в редакцию «Крестьянской газеты» в конце 1938 г.:

Просим поместить нашу заметку «Подвиги хулигана-плута Тычинкина».

В темной деревушке М.[альх] Кемарах Б.[ольше] Кемарского сельсовета гре-мело имя колхоза «1 августа». По его размаху рост колхоза поднимался во всех отношениях. Вперед почему он рос в него был прислан коммунист предколхоза Васеев с советской душой и коммунистическим сердцем. Васеев вина в рот не брал, вся масса любила Васеева, а в районе [он] имел авторитет. Но кто растаскивал колхоз, тому стало скучно жить. Васеев растаскивать колхоз не да-ет, бросились на Васеева, хотели изжить Васеева, но стойкий коммунист от-бросил далеко негодяев. Кто был главарем негодяев – Тычинкин Степан Михай-лович, его крестник Колуганов Иван Михайлович и другие. Так не удалось взять, то начали подходить с хитростью к Васееву. Сначала Тычинкин стал брагу ставить, угощать Васеева, с ним стал другом. Начал в бражку винца добавлять и спаивал Васеева каждый день. Васеев пьяный лежал, а он, Тычинкин, начал управлять колхозом. Стал и избачем Тычинкин и сливачем масла в пользу госу-дарства при д.М.Кемарах, пошел пить, воровать и хлеб, и молоко, и деньги из кассы пропивать. Сломал молокомер и начал вымерять молоко неверным молоко-мером. А с честными колхозниками за молоко деньгами не расплатился. Начал их притеснять, стал за молоко брать себе наживу, а кто чего скажет, запугивал, составлял материал, выгонял из колхоза. Книжку к уплате зачеркивал и молока поставил две кадушки у себя в подполье. Начал собранное молоко в Москву от-правлять, а деньги в свой карман класть, а на воровские остатки денег стал Васеева спаивать. Васеев и ночь, и день лежал пьяный, а Тычинкин ворует в его голову, да колхоз разваливает. Отбил охоту и руки у всех колхозников, ходят как с кумья, развалился бедный колхоз «1 августа» и запугал колхозников. Ска-тилась головушка честного коммуниста Васеева, снял ее с него Тычинкин – до того дошло дело. Васеев в петлю влез давиться, но успели и спасли Васеева. Тычинкину нужно замазать следы своих преступлений, нужно было влезть в до-верие района, ездил Тычинкин и в РИК и райком и говорил, что нам работать в колхозе кулаки мешают, оттого и дело не идет, убрать бы некоторых надо. А сам придирался к честным колхозникам, которые его вином не поили и воровать мешали. Пришел к Чеснокову И.Ф. в дом и предложил дать 50 руб. денег. Тот сказал, нет у меня. Пригрозил ему Тычинкин, начал материал на него собирать, да «черным вороном» пугать, напугал, и колхозники обутые спят, ждут «черного ворона», а другие побежали... [не ясно, куда], чтобы избавиться от угроз плута Тычинкина. Напьется каждый день пьяный, начнет бить, что попадет под руку. Вот примерно, но не все:

1) У Сомова А.И. выбил окно, 2) избил Новикова В.А., 3) Каткову С.И. ушиб грудь камнем, лежал месяц, 4) убил до полусмерти Челнокова Федора Ивановича 80-летнего, 5) обругал и чуть не избил сотрудника Кузовка по мясopоставке, 6) изувечил тракториста Будылина, все рыло разбил, 7) избил сочувствующего Но-викова Василия Андреевича, 8) обругал и чуть отвернулась [едва увернулась] от смертельного удара двух дикарей [бульжников] сотрудница Кемарской больницы Фалузакова А.Е. и не было конца избитию и хулиганству, воровству, пьянству от Тычинкина, писать, так не хватит газеты. Я было писать устал, но напишу два ярких примера.

В 1938 г. [Тычинкин] был выбран по сдаче мясopоставок, за что ему уплачи-вали трудоднями. Тычинкин собрал с колхозников деньги на мясopоставку и при-своил себе, пропил или прогулял, не знаю, где колхозные деньги с лишком 700 руб-

лей, колхозникам не отдал и не купил мяса, и сейчас стоит недоимка за членами колхоза, сорвал Тычинкин мясопоставку. В том же году был [избран] предревкомиссии.

Украл ночью хлеба воз с мельницы №2, его с хлебом поймали и писать кончаю, все его плутни описать не хватит бумаги.

Сейчас из предревкомиссии выброшен. Приносим большую благодарность парторгу Лашину, прибывшему из Кемарской парторганизации, как правдивому и стойкому коммунисту-борцу за правое дело народа, освободил от хулигана Тычинкина, но Тычинкин пугать не перестал, придя в отделение лавки грозит, кто меня разоблачил, тем вырву зубы и обрежу языки. А потому просим наказать хулигана Тычинкина, воровавшему хлеб с мельницы и 700 руб. денег возратить колхозникам и уплатить деньги за молоко, присвоенное Тычинкиным, а поэтому просим дать Тычинкину по его заслугам.

*Горьковская область, Перевозский район, д.М.Кемары, колхоз «1 августа»,
сочувствующий Колызуков, сочувствующий Хозяинов,
колхозники — 4 неразборчивых подписи.*

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.26. Л.134-136. Правленная заверенная копия.

Заметка написана очень своеобразным стилем, похожим на речитатив. Ее писал, несомненно, один человек, но, видимо, присутствовавшие при этом просили внести свои добавления, делали подсказки, из-за чего иногда и несколько нарушается общий ритм рассказа. Есть, по всей вероятности, в письме и преувеличения ради, как говорится, «красного словца», и доля юмора, но черты поведения и нравы, зачастую свойственные колхозным руководителям, подмечены верно, и в каждой деревне был, наверное, свой «тычинкин». Описываются в заметке и «стойкие коммунисты», стоящие на страже колхозных интересов, но стойкость их, если судить по председателю Васееву, явно преувеличена.

О том, как колхозная администрация относилась к переселенцам свидетельствует письмо в «Крестьянскую газету» от 20 июня 1937 г. комсомольца В.И.Гуляева, который выступал как бы не от себя лично, а от группы приезжих колхозников членов колхоза «Новый колос» Сивашского района Днепропетровской области. Чтобы придать вес своему «заявлению» автор обильно и не к месту воспользовался бюрократическими фразами и выражениями, да вдобавок не проставил ни одной запятой. Чтобы понять что-то, этот недостаток пришлось устранить:

Заявление

Я, Гуляев Василий Иванович, приехал в колхоз «Новый колос» из Горьковской области, а также приехало и ряд семей из других областей. По приезду нас в колхоз правление колхоза обещало переселенцев снабдить всеми продуктами и хлебом, а также и квартирами. В результате чего оказалось, что правление колхоза стало относиться к приезжим колхозникам бюрократически, а именно: вместо квартир семьи расставили по конюшням, в результате чего малые дети заболевают и мрут. Кроме того, в колхозе имеются детясли, в которых к детям переселенцев относятся хищнически, а именно: 26 мая я и моя жена были на работе в степи километра за четыре от хаты, а дети были в яслях. И в 12 часов дня двухлетнего мальчишку няни отпустили одного, каковому нужно было идти от ясель до дому около километра, каковой неизвестно как пришел домой, нашел один дорогу, но по приходу в хату не мог попасть, ввиду того что она была заперта. Сел под хату и начал кричать, т.е. плакать. Благодаря того, что его

плач услышала соседка и прибрала к себе на квартиру, а то мальчик мог бы до вечера сидеть подле хаты и плакать. После чего мальчик и болеет по настоящее время. И, кроме того, 8-месячного мальчика в яслях простудили и мальчик помер. А когда дети были больные и я обращался к голове колхоза, чтобы таковой дал мне для больных детей литр молока, то таковой непотстал и ко словам.* А если кому из переселенцев и дали квартиру не на конюшне, то голова колхоза, такую навязав колхознику Карпухину за 800 руб., которая куплена у сельсовета колхозом за 200 руб., а после чего поставил тут ицо квартиранта, и голова колхоза сказал Карпухину, что квартиранта Чепрова выгнай, а Чепрову сказал не выходи, т.е. сделал травлю между колхозниками, которые кидаются друг на друга с ножами, а член правления наглый, он же и завхоз, ходит по вновь прибывшим колхозникам, заявляя таковым, что, если есть деньги, то покупайте у них в колхозе хаты, а если нет денег, то можете быть и внеколхозе, мы вами не нуждаемся, а также заявляет и голова колхоза. А если придет к правлению за продуктами, то таковое относится не совсем благополучным, заявляя вновь прибывшему колхознику, что мы вас примали не снабжать, а работать, поэтому хлеб нужно покупать, в результате чего колхозники голодные не выходят на работу, и десяти семьям вновь прибывшим колхозникам пришлось из колхоза переехать в другие колхозы. На счет этого всего колхозники обращались в район и сельсовет, но со стороны руководства колхоза улучшений нет. Учет в колхозе отсутствует, трудодни колхозникам не пишут, а когда колхозник будет спрашивать, то целым неделям ходит в правление и результата не получает.

Кроме того, бригадиры колхоза над вновь приезжими колхозниками издеваются, а именно бригадир Калинин посадил вновь прибывшего колхозника мальчишку Савина в степи на верх коня, а сам сел в кабрилет, погнал коня и начал мальчишку дуть вожжами и в результате он его збросил с коня.

16 мая один колхозник Петро ездил на приписку в райвоенкомат, бригадир Калинин поймал такового на дороге и избил кнутом, где следственные органы вели дело и почему то прекратили. Кроме того, бригадир Калинин избил колхозника на степи цепью, за что был сужден.

Бригадир Калинин вынуждает жен переселенцев в половое сношение, каким говоря, что вы не ходите на работу, я вам буду писать трудодни, а если не будете иметь со мной половую связь, то я вам не буду писать трудодни совсем. А именно бригадир Калинин не дает житья в колхозе переселенке Гуляевой Александре,** приходит к ней на квартиру, вынуждет таковую в половую связь, какковая не стала одна оставаться в квартире, заявляя своему мужу, что я жить здесь не буду. А кроме того и другие имеются безобразия.

О результате прошу сообщить.

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.33. Л.136-137(об). Подлинник. Рукопись.

*Автор, видимо, хотел сказать «не пошел навстречу и не прислушался к словам», но не смог.

** Видимо, жене автора письма.

Рядом с администрацией деревни находилась так называемая сельская интеллигенция: учителя, врачи, зоотехники, зав.клубами, избачи и т.п. Это была наиболее грамотная, образованная, молодая и дееспособная часть сельского населения. Значительная часть сельских корреспондентов вербовалась именно из этой среды. К таким принадлежал например штатный селькор Воронежской областной газеты «Коммуна» и районной газеты г.Павловска «Крепи колхоз» Андрей Иванович Полуэктов. Не удовлетво-

рившись успехами на этом поприще, он решил писать в центральную «Крестьянскую газету». Впрочем, предоставим ему слово:

Прошло более года тому назад, как мною было написано письмо на имя «Крестьянской газеты» о наших достижениях в сельском хозяйстве за 1937 г. Редакция мне ответила, поблагодарила за письмо и просила еще писать о хорошем, а также и плохом, которое необходимо искоренять, но ответить я вам так и не посмел до сего времени по следующей причине; я член колхоза имени Дзержинского Лосевского района Воронежской области Полуектов Андрей Иванович работаю в настоящее время зав. хатой-лабораторией и биологической лабораторией. Сначала я вам опишу мощностъ нашего колхоза, а затем и причину молчания. В середине 1929 г. наш колхоз был организован приезжими красноармейцами уроженцами Брянской губернии, служившими в г.Воронеже, в коммуну им.Дзержинского, в которую вошло сельцо Тумановка, как ее называли при помещике Тушнев, в количестве 55-60 дворов, и соседнее село Ливенки в 3 км, где находится сельсовет, 1500 дворов. Но при отливе весной 1930 г. все соседние села отпали и в коммуне им.Дзержинского осталось одно сельцо Тумановка, да приезжие красноармейцы 5 семей. Кроме того, каждый красноармеец перетянул своих родственников с Брянска и составилось 12 семей. Названная коммуна в сельце Тумановка заняла земельную площадь бывшего помещика Тушнева И.Д., которой было 650 га и культурных плодовых садов 33 га, да неудобий 29 га. Кроме того, еще дворы помещиков Мазурина и Свиридова, у которых земля была в других местах, а также и лес, который после революции был присоединен к государственному Шиповскому лесхозу. Сама площадь коммуны расположена возле знаменитого корабельного Шиповского леса, который окутывает коммуну с трех сторон, кроме западной стороны от села Ливенки, в 1931 г. 4 семьи из районного центра сл.Лосево и в 1932 г. из других районов 5 семей, таким образом в 1933 г. уже насчитывалось более 120 семей. Площадь пахотной земли большею частью ровная, черноземная и плодородная, еще суходольного луга 20 га и лесного кустарника 2 га.

Из обобщественного скота коммунарами, коммуна организовала животноводческие фермы: МТФ — 75 коров, СТФ — 100 голов, ОТФ — 150 голов, ПТФ — 200 пчелосемей и 65 голов лошадей. В 1931 г. силами коммуны совершенно на новой площади было построено из обобщественных коммунарами построек хорошая конюшня на 100 голов, коровятник на 120 голов, свиарник на 150 голов, омшаник на 150 пчелосемей, 12 амбаров, мельница, крупорушка и механическая маслобойка, работающие двигателем, от которого динамо освещало электричеством контору, школу, клуб, общежитие на 20 семей и все животноводческие фермы. В клубе имелся стандартный киноаппарат, далее имеется кирпичный завод, вырабатывающий до 200 000 шт. жженого кирпича, фруктовая сушилка и теплица для выращивания ранних овощей, имелся еще питомник, дающий по 25-30 тыс. корней ежегодно посадочного плодового материала, в котором имелись самые лучшего сорта яблоки и груши. За последнее время развили еще и мичуринские сорта, которых имеется более 200 корней яблонь.

В 1934 г. коммуна перешла на устав сельскохозяйственной артели, после чего всем приезжим колхозникам нарезали по 0.5 га огородов, а тем, кто еще обобществлял свои постройки, то колхоз на свои средства на вновь образовавшейся улице построил еще и дома. Таким образом за коллективизацию колхоз возрос в два раза. Кроме вышеуказанного, еще при коммуне имелось три трактора фордзон, три двигателя по 10, 12 и 18 лошадиных сил и сложная молотилка. При организации МТС ей было сдано 1 двигатель, 3 трактора и 1 молотилка.

Таким образом, на протяжении 8 лет коллективизации колхоз имеет хозяйство в следующем виде: 140 семейств, 75 голов лошадей, 45 коров, 20 голов молодняка рогатого скота, 18 пар рабочих быков, 200 голов овец, 120 голов свиней,

250 пчелосемей, 200 шт. курей плюс к этому 100 коров в единоличном пользовании колхозников, 150 голов овец, 500 шт. курей, 120 голов свиней, 12 пчелосемей — одним словом колхоз стал большевистским, а колхозники в нем стали зажиточными. Это будет верно потому, что колхоз действительно за все годы коллективизации был по всем кампаниям в районе первым, но за 1938 год по всем своим работам наш колхоз стал в районе последним. Казалось бы, из описанного выше экономического положения нашего колхоза нам, колхозникам, жить в таком колхозе желать лучше некуда, но на самом деле происходит совершенно обратное.

Какие же причины служат тормозом благоприятному экономическому росту нашего колхоза? Причины эти следующие: 1. С первых дней организации коммуны и до сего времени не потухает вражда между старыми жителями сельца Тумановка, из которых три семьи во время коллективизации раскулачены и выселены и у которых остались ближайшие родственники, и прибывшими новыми семьями, которые организовали коммуну. Часто в открытую ругаются, то старожилы говорят: «Вас черти принесли, если бы вас не было бы, то здесь и колхоза не было бы», то новые жители говорят старым: «Это вам не помещик Тушнев, которому вы поклонялись, как Богу, и крали у него, чего хотели».

Колхоз им. Дзержинского по национальности русский и организаторы коммуны по национальности русские. Нас со слободы Лосево приехали 4 семьи украинцев и мы до сих пор называемся «хахлами», несмотря на то что представитель Воронежского НКВД, когда они еще с первых дней шефствовали над коммунной, на общем собрании всех колхозников говорил, что национальная рознь в колхозе вредна, но это так и продолжается по сей день. «Вы хахлы, черт вас понаносил сюда — говорят некоторые колхозники. Кроме того, новую улицу, которую заселили дворов 60, назвали «Первомайской», но старые жители сельца Тумановки никогда не называют ее этим именем, а называли ее «Чертов рог» и в всех разговорах только и слышим: «Чертов рог», «Пойдем на Чертов рог» и т.д.

2. С 1933 г. нет подходящего человека в председатели, которых сменилось уже 4 человека, из них все были самоснабженцы, держали вокруг себя подхалимов, растратчиков и т.д. Примером может служить следующее поведение. В 1933 г. председатель Кузнецов В.Е. снят районными организациями за то, что поехал на пасеку на рысачке, а там ее пчелы заели насмерть. В 1934 г. другой [председатель] Русанов М.Д. этот начал выпивать да по женщинам ходить. Политотдел МТС его тоже снял, да и после Русанова был тоже назначен районными организациями Бойко Г.И., который по хозяйству как будто бы и ничего, но характером колхозникам не подошел и даже чуть ли не все члены партии просили райком его снять, что и сделали. Его сняли, а он, как говорят, впоследствии оказался троцкист. Далее после него был МТС рекомендован заместитель директора МТС, но тоже оказался самоснабженец и растратчик, и когда он уволился, то судом с него взыскивали 750 руб. После него собрание выбрало обратно бывшего председателя Кузнецова, который тоже оказался нечестным и его парторганизация все же извоверкала, вследствие чего в конце 1937 г. Нарсудом был приговорен к 2 годам, и он за первую половину 1938 г. отбыл свое наказание и уже живет дома. После Кузнецова весь 1938 г. работает кандидат, а с апреля месяца 1938 г. — член партии тов. Никульшин К.В., человек преданный Советской власти и старающийся сделать хорошо для колхоза, но у него почему-то дело идет очень плохо и, как я указал выше, по всем кампаниям [колхоз] идет позорно сзади всех колхозов в районе. Сам товарищ Никульшин с соседнего села Ливенки, из которого в нашем колхозе до 30 семей и есть ему даже родственники, которым он, конечно, делает снисхождение, от чего и зарождается вражда у других колхозников. Дисциплина ослабла. Несмотря на то что все лето стоит хорошая погода, все же с уборкой затянули и до сего времени зябь не закончена, корма в риги с полей не убраны, риги пустые, а полова в поле мокнет под дож-

дем на расстоянии 0.5 км. Кормов для зимовки скота только на половину зимы, а листву в лесу не собирали и лес на расстоянии 1 км. До сего времени не подготовлены помещения для зимовки скота и даже некоторые не обмазаны. Весь сельскохозяйственный инвентарь разбросан и детишки его разоряют, все косилки и вейлки с решетками стоят под дождем. Имеется хорошая баня, но в ней более чем полгода не топились, и колхозники забыли, когда в ней банились, а ходят и дядю Афоню просят пустить в баню. Советов [Никульшин] со стороны колхозников не принимает и делает все самовольно, не спрашивает ни членов правления, ни общего собрания колхозников. Так, например, самовольно начал перевозить весной кирпичный завод в другой яр, где есть глина и песок, но глина, все знают, что для кирпича не годится. Теперь вышло два сарая: плотники делали целый месяц, и они в зиму не укрылись и начали их растаскивать. На старом месте один сарай почти растащили, а второй начинают. Горн полуразвален. В 1938 г. завод не работал и кирпич завозили с других сел. По природно-расходной смете перерасходовали 17 тыс., за что прокурор в местной районной газете объявил председателю и счетоводу еще в июне суд, но до сих пор еще ничего не слышно, а во время отчета за третий квартал по настоянию районных работников Бобровского С.П. и Бобровского С.И. вынесли за все преступления выговор. Один помещичий дом в саду о двух комнатах вполне исправный стоит сейчас полуразваленный, несмотря на то что в 1937 г. сад дал урожай в 500 т яблок. Их неправильно реализовали и до 100 т погнило. Деньги колхозникам на трудодни ввиду неправильного их расходования только под нажимом района раздали в июне 1938 г. и только тем, которые сумели, так как рвачи всегда получают их раньше. Летом 1938 г., когда скосили клевер, пастухи загнали туда ночью рабочих быков, восемь из них объелись, трех колхозники уже на заре отходили, а пять прирезали, из которых 4 головы председатель самовольно на автомашине другого колхоза сам с одним только пастухом отправил в Воронеж. За четырех быков привез только 2500 руб. Колхозники очень были обеспокоены этим фактом и писали в «Коммуну» в Воронеж, но при разборе этой заметки вышеупомянутые районные работники совместно с председателем сельсовета Щеголевым добились на общем собрании только выговора председателю. Быки были отправлены без веса и заприходовались только после продажи их в Воронеже. Весной 1938 г. с свинофермы продавали колхозникам поросят по 3-7 кг за наличный расчет по цене 2.5 руб [за кг]. У некоторых колхозников на следующий день поросята подошли. Им обратно не продавали и не обменивали на лучшие. Своей же сестре Нагиной А.В. председатель прирезающего поросенка обменял на хорошего, прирезанный же поросенок, как подтвердили другие колхозники, сдох, и на другой день его варили на общем питании, то его сестра не ела. Далее самовольно взял себе поросенка 38 кг, а денег не платил. На заседании правления члены правления этого поросенка не давали. Из-за этого толклись два часа, в конце концов он всех переспорил и взял, но денег так и не платил за него до сего времени. Кроме того, он выписал себе 100 руб. какой-то зарплаты, никто не добьется на основании чего. Поросятка этого еще кормить, он уже более центнера. Для корма привез поросенку 1.30 ц жмыха. Когда колхозники на отчетном собрании задали вопрос: «Где ты жмых взял?» говорит: «Не ваше дело!», а потом сказал, что в Ливенском сельпо, а парторг Русанов говорит, что этот жмых выдается Маслопромом для колхозников за аккуратную сдачу коровьего масла. Из колхозной кладовой Никульшин выписывает: мед, масло, яйца и другие товары, как мануфактуру, так и кожаное только любимчикам. Так, например, неделю тому назад выписал по одной паре новых голенищ бригадирам полеводческих бригад, из которых один, Данилов Иван Васильевич, ему родственник и который уже два месяца не хочет работать и большую возможность имеет сам купить. Неоднократно были постановления правления и общего собрания, чтобы по ордерам из кладовой не

выписывать что-либо и для кого-то, а если есть, то необходимо все это распределять на трудодни согласно сельскохозяйственного устава.

Будучи сам предколхоза и членом правления Ливенского сельпо поставил торговать в ларек тоже ливенского — Крынина С.А., который был в 1932 г. животноводом и растранижил 51 поросенка, за что был судим на 5 лет, но отбыл наказание за 2 года, был исключен из колхоза и до сих пор не принят, но живет в колхозе и в ларьке торгует не как говорит правление, а как говорит предколхоза, в результате чего у Крынина С.А. все дети одеты и обуты, а одна вдова с Брянска, муж которой тов. Зайцев Ф.А. был членом партии и еще при организации коммуну помер, никак не выпросит трем школьникам хоть одну одежку, а они, между прочим, были.

Есть еще масса безобразий, но будет достаточно и этих для того, чтобы расследовать их и положить им конец. Между прочим, обо всех этих безобразиях колхозники пишут в райгазету «Крепи колхоз», в Воронежскую областную газету «Коммуна», но результатов пока ровным счетом никаких, поэтому я решил написать в центральную «Крестьянскую газету». Надеюсь, что она положит конец этим безобразиям, которые разваливают наш колхоз.

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.19. Л.189-192(об). Подлинник. Рукопись.

Сразу видно, что А.И.Полуэктов — человек незаурядный, весьма наблюдательный, хотя, бесспорно, типичный сын своего времени. Одной из причин неудовлетворительного состояния колхозных дел автор считает трения на национальной почве. Однако проблема была не столько в национальности, сколько в живучести старой общинной психологии, разделении людей на «своих» деревенских, и пришлых — «чужих». На последних, естественно, переносилась часть вины за то, что происходило в деревне в последние годы. В свою очередь пришлым гораздо резче бросались в глаза семейственность, кумовство, круговая порука, перекочевавшие из старой деревни в колхозную жизнь. Чаще всего пришлые гораздо острее воспринимали безобразия, творившиеся в деревне, писали о них газеты, а это углубляло взаимную неприязнь, а если дело доходило до критики начальства, тогда преследованиям не было конца. Главную же причину развала колхозного хозяйства А.И.Полуэктов видит в кадровой проблеме, в председательской чехарде, неумелых действиях тех или иных руководителей хозяйств. Интересна и биография этого человека, которую он сам рассказал в том же письме:

Теперь я скажу, что я за человек и почему я попал из Лосево в колхоз им. Дзержинского.

Я — крестьянин сл.Лосево, жил в центре слободы. Отец мой был бедняк, имел отхожий заработок, гонял лесные плоты с Калача по реке Дон до Ростова. Я родился в 1886 г. До 1897 г. я кончил сельскую школу и в 1898 г., подзадоренный своим отцом, я поступил мальчиком к торговцу Микушину Михаилу Егоровичу в г.Павловск/ на Дону, прослужил у него более двух лет задаром, как тогда договаривались или был такой порядок оплаты мальчикам, что за то, чтобы подучить торговать, поступали и работали мальчики бесплатно. Проработав у торговца более двух лет, отец зимой 1900 г. меня от торговца взял домой, ты, говорит, у меня один, а здесь тебе тяжело, весь в дегте, керосине и уголье: лавка была черная. Когда я переехал в Лосево, и мы занялись сельским хозяйством, то летом от несчастного случая случился пожар от мельницы уже в начале августа, и от этого пожара сгорело 450 дворов — почти весь центр слободы, в

том числе сгорело и наше все имущество до основания, так как мы жили недалеко от начала пожара. Кроме недвижимого имущества, сгорело и все движимое, что было из животных, также весь скарб в хате. Мы с отцом в то время были за 8 км. Оставшись с одной кобылой с одним глазом, которую сейчас же и продали за 17 руб., как сегодня это помню, переехали жить к дедушке материнному отцу. Он был крепкий средняк, а я договорился опять с местным торговцем и начал у него служить до самой русско-германской войны, от которого меня и взяли в 1916 г. на войну. После пожара и до войны мы с отцом нажили лошадь и корову, а также построили хату: передняя комната деревянная, а вторая — чисто коловая. Во время моей службы [у торговца] я уже не стремился заниматься сельским хозяйством, а начал изучать торговое дело. Выписывал журналы по товароведению и, кроме того, выписал бухгалтерские курсы, которые я кончил еще до войны, но работать по счетоводству мне не удалось, так как был взят на войну. Отец же все отбивал меня в сельское хозяйство, и когда вышел Столыпинский закон о закреплении душевых наделов, то мой отец закрепил три надела: свой, матери и мой. Я начал возражать отцу, что он мне не нужен, но закон давал права отцу даже не спрашивать детей о их согласии закреплять. Так меня за такое действие отца и сейчас некоторые колхозники, которых я задеваю в газете или на общем собрании за непорядки, называют столыпинцем, угрожают — мы тебе покажем. Некоторые по злобе даже говорят, что я будто скрылся из слободы Лосево, чтобы меня там не трогали, но дело совершенно обстоит иначе и не заслуживает того, в чем меня враги обвиняют.

Во время военных действий я на военной службе прошел учебную команду и был произведен в младшие унтер-офицеры и стремился выслужиться у старого начальства, но с наступлением Февральской революции я был в маршевой роте 189 пехотного полка, стоящего в г. Мценске Орловской губернии и познакомился с одним рабочим из Москвы по фамилии Сергеев, который пояснял мне значение Февральской революции. Я примкнул к нему, и нас рота избрала первыми депутатами в солдатское собрание, а с отправкой нашей роты на фронт, я обратно и на фронте был выбран в ротный комитет в культурно-просветительскую комиссию 2-го Финляндского стрелкового полка и библиотекарем пулеметной команды, где начал читать современную революционную литературу. Выступал на революционном митинге во время керенщины, за что хотели меня арестовать, но я скрылся, так как митинг двух полков был в лесу. Свидетель этому — мой товарищ в Лосево и сейчас жив. Я выступал против наступления, против продолжения войны. Перед Октябрьской революцией наш полк ехал защищать Временное буржуазное правительство в Петроград, но по пути разложился в большевизме и остановился на станции Шклов, где и пробыл до демобилизации после Октябрьской революции. По демобилизации я прибыл в сл. Лосево, где активно начал участвовать в революционных делах, после чего меня избрали в первый Лосевский сельсовет. В сельсовете я был избран в комиссию по конфискации буржуазного имущества, где я в первую очередь конфисковал имущество своего хозяина. Во время передвижения фронта я от казаков укрывался, а когда они ударили и прибывали в нашу местность красноармейцы, я обратно работал на советской [работе]. Мой меньший брат сначала вступил в Красную Гвардию, а затем в Красную Армию, в которой прослужил 7 лет и за отца его тоже обвиняли, не считали, что он партизан. В 1919 г. был на Павловском уездном съезде советов, после которого я остался служить в г. Павловске и занимал различные должности вплоть до заведующего Укуспромом при Уездном Народном Хозяйстве*. В Павловске я прослужил три года. До службы в г. Павловске у меня собралось семейство 16 человек и мне очень трудно жилось в Павловске, где у меня было только 4 души детей, остальные были в Лосево. Я страшно голодал и вынужден был оставить службу в Павловске и переехал в Лосево. В то время у ме-

ня не было ни лошади, ни коровы. Во время моей службы в Павловске мы, четыре лосевские товарищи, организовали колхоз из 15 домохозяев и во время налета Колесниковской банды в Лосево наш один колхозник был убит бандой в центре Лосево на площади, а мы, организаторы, все еще служили в Павловске. Когда мы все приехали в Лосево после ухода банды, то нам свой колхоз спасти не удалось, он весь рассыпался — все колхозники разом подали заявление о выходе из него. Это было в 1922 г. Уездные же организации нас из Павловска в то время не отпускали. Уездная парторганизация всех служащих приглашала в партию, но мой товарищ, с которым стояли на квартире, так разбил мое желание, что я и порвал эту анкету, а впоследствии оказалось, что этого товарища раскулачили и выслали в Караганду. Я, конечно, осознал в дальнейшем роль партии в социалистической революции и подавал заявление вторично, но это заявление разобрали заочно и один товарищ, как мне после говорили, упрекнул меня отцом-столыпинцем. Так на этом дело и засохло. Когда я переехал в Лосево, то меня немедленно избрали членом правления Лосевского кредитного товарищества, где оно реконструировалось на советский лад. Я от имени кредитного товарищества организовал торговлю как спец по этому делу, где торговал год, а затем был членом ревизкома кредитного товарищества два года, а затем избрали членом ревизионной комиссии Лосевского райпотребсоюза, где я проработал два года. Во время коллективизации вступил в колхоз «Красная деревня» в 1929 г., проработал три осенних месяца в качестве счетовода, а затем в январе 1930 г. во время сплошной коллективизации колхоз переименовали в «Красное Лосево» и меня избрали членом правления колхоза и заместителем председателя. Во время отлива** правление переизбрали, и я опять избираюсь заместителем председателя и заведующим 1-ым участком колхоза в центре слободы Лосево — более 500 дворов. После годовой работы в колхозе, где я один из первых обобществил сельхозинвентарь и тягловую силу, а затем меня переизбирают в члены ревизионной комиссии колхоза. Парторганизация дает мне основную работу счетовода в Лосевском сельпо.

У меня было два сына — оба трактористы. Один из них практически проработал год на тракторе, а другой, красноармеец, проходил тракторные курсы, и вот их председатель коммуны им. Дзержинского начал переманивать в коммуну, после чего они согласились поехать с разрешения райкома, так как в Лосево были лишние трактористы, а коммуне их не хватало. Когда они, проработав там 1931 г., тогда их пригласили вступить членами в коммуну и в августе 1931 г. зачислили. Затем председатель стал приглашать и меня в коммуну. Когда я согласился, правление коммуны меня потребовало снять с работы в Лосевском сельпо и переехать к ним на работу, что я и сделал 10 января 1932 г. Сначала работал полеводом два года, потом заведующим МТФ, затем два года секретарем правления, а после МТС меня назначила зав. хатой-лабораторией, которую я и организовал, а в 1938 г. к хате-лаборатории областной земельный отдел присоединил биолaborаторию. За все время в колхозе им. Дзержинского вел очень активную работу по учебе колхозников, два года был заведующий сельскохозяйственным кружком, член драмкружка, член хорового кружка, а затем являюсь членом всех добровольных обществ: МОПР, «Радиолюбитель», «Долой неграмотность», «Осовиахим». Все государственные обязательные и добровольные платежи уплачиваю впереди других, начиная с 1920 г. За последнее время не один раз объявлялось в газете «Крепи колхоз» о досрочной уплате мной платежей. В настоящее время состою в депутатской группе при Ливенском сельсовете в торговом-заготовительной секции. Далее состою селькором своей колхозной стенгазеты, райгазеты «Крепи колхоз» и областной Воронежской «Коммуны». За селькоровскую работу очень много терплю материального ущерба в своем семействе. В начале 1938 г. меня избрали членом редколлегии колхозной стенгазеты. Я поста-

вил работу в стенгазете так, что неделю тому назад газета «Крепи колхоз» отмечала на своих страницах ее как одну из лучших стенгазет по району. За притеснения в работе селькора я жаловался райгазете «Крепи колхоз». Ничего не выходит, так как вызовут парторга или председателя в район, и они на словах отчитаются, и я опять виноват. Дальше я обратился к областному прокурору, но результатов пока не вижу никаких. Тем колхозникам, которым колхоз должен строить дома, как я указывал выше, то строились они незаконно, о чем я писал в газеты, но дела не исправил, а злобы для себя наделал немало. Мои заметки, которые я пишу в «Крепи колхоз» я их пишу открыто и подписываю правильно свою фамилию. Я считаю, что правду нужно писать везде и всюду и полностью слова тов. Сталина, что печать есть сильнейшее оружие, которое выкорчевывает всех симулянтов, самоснабженцев, горлопаев, захватчиков и вредителей. Поэтому я так все и делаю. Но те люди, которые против правды стоят, они настолько обросли неправдой, что их не возьмет и двенадцатидюймовая пушка, так как у них армия подхалимов имеется такая, что когда начнешь говорить о правде, то тебя понимают в обратную сторону и даже причисляют к контрреволюционерам.

Неделю тому назад меня избрали членом ревизионной комиссии, хотели председателем, но я сказал, что работаю зав. хатой-биологической и мне очень трудно, тогда заменили другим, трактористом, и общее собрание дало наказ проревизировать все отрасли колхоза, так как с начала коммуны и до сего времени правильной ревизии в колхозе не было, а поэтому, я считаю, и колхоз разваливается. Я, конечно, это дело сделаю, но нужна свыше помощь. Если ее не будет, то получится, как это случилось в 1932 г., когда ревизионная комиссия начала делать глубокую ревизию и затрагивать кой-кого, то она попала в распоряжение НКВД и просидела два месяца, а враги в это время восторжествовали.

10 ноября 1938 г.

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.19. Л.193-195(об). Подлинник. Рукопись.

* Управление кустарной промышленности при уездном совете народного хозяйства.

** Имеется ввиду отлив из колхозов весной 1930 г.

Биография А.Полуэктова, не примечательная большими взлетами и падениями, в какой-то мере отражает судьбу беспартийного руководителя-хозяйственника, лояльного по отношению к власти. Но все-таки, если судить по тому, что автор сожалеет, что не вступил в партию, а после этому помешал отец-столыпинец (в обычном лексиконе — «кулак», причем еще довоенной формации), его амбиции простираются дальше, чем, видимо, в значительной мере объясняется его корреспондентский зуд.

В письмах довольно много примеров сельской интеллигенции, которая благородно и честно служит делу, но немало свидетельств обратного свойства. Корреспондент Ефим Конюх, как видно из сельских учителей, в связи с этим писал в «Крестьянскую газету» 18 февраля 1938 г.:

Уважаемый тов. редактор!

Обращаюсь к вам со следующим вопросом. Будете ли вы возражать против таких фактов?

Советский учитель — это та фигура, которому партия, советская власть и весь народ доверили почетное дело — дело воспитания подрастающего поколения в духе коммунизма, воспитания патриота и вместе с тем привить учащим-

ся хорошие качества человека. Если нет, то вы не можете отрицать того, что сам учитель должен быть примером для детей.

У нас есть (хотя редкие) «экземпляры», которые служат примером, но пример этот ничего не имеет общего с человеком, не только носящим звание учителя, но и советским человеком.

Нельзя умолчать такой факт. Директор Д.Дубровской НСШ Ламского района Рязанской области Толстов В.И. человек очень «предусмотрительный». 6 февраля 1938 г. на педсоветах поставил учителям ультиматум: «Категорически запрещаю учителям гулять по улице позже 10 часов вечера, иначе взгрею».

Но сам продлевает такие возмутительные вещи. В 1937 г. работал в с.Пасловка, «женился» прожил 3 месяца и почему-то охолостел. Приезжает в Д.Дуброву на пост директора под видом холостяка, снова «женится», но не на целые сутки, а только «на ночь». Женищина от него беременела, и, видя, что он на ней не женится, делает аборт и сейчас болеет. Толстов раньше говорил ей: «Я тебя изучаю», а теперь окончательно отказал: «Я женат, ко мне скоро придет жена». Эти факты не возмущают зав. Ламского района, перед которым Толстов ходатайствовал о переводе из Леленовской НСШ учительницы в Д.Дубровскую НСШ, ссылаясь на то, что хочет на ней жениться. Но Толстов говорил, я женюсь на ней, (только не распишусь), проживу до весны, а потом ее прогоню.

Пусть Толстов женится с учетом того, что его действия отражаются и на учащихся.

Такой возмутительный поступок не вызывает действия со стороны районных организаций.

РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.49. Л.208-209. Правленая заверенная копия.

Документ говорит скорее об общей порче семейных устоев и о начавшейся ханжеской и лицемерной борьбе за их укрепление. Письма полны жалобами брошенных женщин, просьбами разыскать тех, кто не платит алименты. Часто борьба за укрепление брака выражалась лишь в обязательстве «расписаться», т.е. скрепить подписями брачное свидетельство. Нередко молодые учительницы, кои во множестве появились на селе, становились объектом сексуальных домогательств.

В переписке между различными инстанциями встречается огромное число документов исходящих от деревенских активистов, от людей, которые «одним своим существованием доказывали правильность линии партии» и «которые умерли бы при существовании врагов народа, кулачества и мелкой буржуазии». Очень много писем по разным поводам поступало от передовиков производства, «стахановцев колхозных и совхозных полей». Уже в преддверии стахановского движения ВЦСПС был развернут конкурс за лучшие производственные достижения в животноводстве. Центральная конкурсная комиссия (ЦКК) весной 1935 г. подвела итог конкурса и отметила премиями ряд передовиков производства. Среди них оказался старший гуртоправ Армавирского молмясовхоза №32 Владимир Афанасьевич Сычев. Он был премирован ЦКК 400 руб. денег и охотничьим ружьем. Одновременно руководство профсоюзов мясных и молочных совхозов решило ближе познакомиться с победителями конкурса и затеяло с ними переписку с просьбой писать о том, как они работают, какие трудности существуют и т.п. В результате от В.А.Сычева пришло письмо следующего содержания:

Совхоз №32 «Скотовод». Ферма №1. Гурт №1.
Сычев.

13 сентября 1935 г.

Дарагой тов. Одинцов [Одинцов].

За премирование меня Ц. К. К. я выношу большую благодарность и в дальнейшем даю обязательство работать еще лучше как работал баротца за госпроизводство [воспроизводство] стада и выполнение всех государственных планов и вывост всех отстающих гуртов в передовые;

Я работаю в совхозе с 1930 года 5 мая Семейство уменя сомною 4 человека Мать брат и жена Жена работала по 1 сентября дояркой а с 1 сентября пошла по освобождению. Брат ходить в школу в 7-й класс в город. Армавир Зарплата наша была в среднем 220 руб.

Гурт мой от ферм[ы] вышел я сним начистой степь где построил бригадой Дом 4 комнаты изкоторых занимаю одну я обстановка в комнате стол стулья 2. Койка деревянная и т.д. потому что мы в городе редко бываем, обстановка в комнате незавидная. Насчет обуви унас дело плохо бригада вся босая потому что унас негди покупать, покупаем в [у] кустарей которая имеет носки 3-5 дней, а платим большие деньги в Кооперативе унас нету ничего даже и спичек нету.

Питания нам в гуртах в летний период ничего не дают кроме помидор и капуста но это уна[с] свое есть на огородах, уменя был огород но унас была засуха так что с него урожая мы собрали очень мало.

Я имею скотину следующие; 2 поросенка свинья споросонная и кабан имеется 1 кабан гуртовой которого резать будим через месяц есть куры больше нету ничего. Насчет корма для свиней нам ничего неотпускают кормим покупаим на базари.

Я сам рожден Воронежской губернии Родился 1907 года малозаротный окончил 3 группы при селе. Тех. учеба у нас сейчас непроходить и наверно не будить А я в дальнейшем хочу учиться и повысить свой стаж, а то кроме практике я больше ничего незнаю потому что снами никто незанимается.

Болезни я засобой никакой нечувствою только меня какойто слабость что уменя нет никакой поправки или от недостатка жиров или отбеспокойство своего гурта Теперьча сообщаю освоей производственной работе; У меня в гурте 100 голов крупного рогатого скота из которых растелилось 84 головы, телята все поносящее время живы и больших нету с позним отелом уменя будеть ноябер декабрь отелице 12 голов телята теперьча к подсосному непускаются, а выпаивацуть [выпаиваются] в ручную и которые были подсосные мы их уже от матерей поотбивали и коровы доются без телят. Отхода уменя вовремя зимовки и летнего периода еще небыло. План молоко поставок плохо выполняется. за 1 полугодие я план выполнял и перевыполнял но за 2 полугодие выполняли на 55-60% лиш потому что унас сильная засуха и воды для моего гурта нету что нам приходится гонять за 7 километров до Кубани по больших горах где только можно ходить скоту горскому и сколько мной [н]асчет воды говорилось но мер никаких не принимались то вмоей бригаде есть вышли в передовые 3 доярки и 1 м/гурт.[младший гуртоправ] которья сейчас знатными людьми нашего совхоза остальные бригады. Опытот поделаться сомной нехотят и на меня имеют ревноство виду того что у них в гуртах бывають отходы скота а также молодняка. Скот уменя несмотря что часто недопивает на упитоност имеет в среднюю скот наш митис / украинский породы и бес / породный есть митис / немецкой породы но мало молодняка сейчас породы м/с [метис] привес давали от 700 г. и 1 кг. в сутки

Сприветом

старший гуртоправ
Армовирского молочных мясных совхозов №32
Сычев Владимир Афанасевич.

ГАРФ. Ф.7689. Оп.11. Д.50. Л.34-36. Подлинник. Рукопись.

Из приведенного документа возникает картина, очень схожая с описанным А.Платоновым в «Ювенильном море» мясосовхозом номер 101 и гуртом «Родительские дворики», служившими «источником мясной пищи, которой оказывалось явно мало для гремящего на постройках пролетариата». Естественно, что такое положение передовика, которое описано в письме, вызвало гнев и возмущение руководства. В адрес местной администрации было направлено 26 октября 1935 г. официальное письмо следующего содержания:

**ДИРЕКТОРУ, НАЧАЛЬНИКУ ПОЛИТОТДЕЛА И ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
РАБОЧКОМА АРМАВИРСКОГО МОЛМЯСОСОВХОЗА №32**

*Копия: Директору и Зам.директора по политчасти Северо-Кавказского
молмясотреста и Северо-Кавказскому крайкому союза.*

По имеющимся сведениям лучшему ударнику совхоза, премированному Центральной конкурсной комиссией т.Сычеву до сих пор не созданы необходимые культурно-бытовые условия, не организована учеба и т.д.

Предлагаем:

1) Занимаемую т.Сычевым комнату привести в культурный вид и оборудовать ее полностью соответствующей мебелью за счет совхоза.

2) Оказать помощь в приобретении обуви через совхозрабкооп или в магазинах города.

3) Обеспечить т.Сычеву улучшенное питание, одновременно организовав улучшенное питание для ударников совхоза.

4) Помочь т.Сычеву в обеспечении его свиней необходимыми кормами.

5) Продать ему корову или телку с рассрочкой платежа на 1.5-2 года.

6) Прикрепить к т.Сычеву преподавателей по повышению его общеобразовательных знаний с тем, чтобы подготовить его на курсы техникум-животноводов.

7) Создать т.Сычеву соответствующую обстановку в работе, организовав обмен опытом работы среди бригад.

Одновременно обращаем Ваше внимание на отсутствие в Вашем совхозе зооветучебы рабочих. Предлагается немедленно этот участок работы оживить.

О принятых Вами мерах и результатах сообщите не позднее 1/XI 1935 г.

**ЗАМ.НАЧ.ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ
МОЛМЯСОСОВХОЗОВ**

НАЧ.СЕКТОРА МОЛМЯСОСОВХОЗОВ ПУНС*

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦК СОЮЗА РАБОЧИХ
МОЛОЧНО-МЯСНЫХ СОВХОЗОВ**

Месунов

Шахгильдян

Трубачев

ГАРФ. Ф.7689. Оп.11. Д.50. Л.33-33(об). Заверенная машинописная копия.

* Политуправления Наркомата совхозов.

О принятых мерах было сообщено и самому В.А.Сычеву. Одновременно содержалась просьба сообщить, что нового в его работу внесло распространение стахановского движения, какое культурное обслуживание создано для передовиков производства и т.п.³²

Вспокоенное совхозное руководство попыталось по мере сил отреагировать на грозные указания. Зам. директора совхоза Рассветаев в сообщении председателю ЦК Союза рабочих молмясосовхозов сообщил, что 14 ноября 1935 г. ряду знатных людей совхоза, в том числе В.А.Сычеву, были отведены и отремонтированы отдельные квартиры и оборудованы за счет совхоза мебелью. Сообщалось, что Сычев получил гардероб, стол, 4 стула и детскую кровать,³³ а рабочком совхоза дополнительно сообщал, что за его счет «для тов.Сычова Владимира приобретена библиотека», «пириходной грамафон», «патреты всех вождей», а, кроме того, он был «в октябрьские дни премерован самоваром никелерованным». Говорилось также, что «на каждой ферме имеется красный уголок и на 4 фермах имеется радио» и «накаждой ферме имеется гормонь и струнный Аркест.»³⁴

Следствием этих мероприятий явилось письмо В.А.Сычева от 16 ноября 1935 г., которое мы также приводим. Кажется, что в результате занятий с преподавателем грамотность корреспондента даже несколько понизилась, хотя явно сквозит возрастание чувства гордости и значительности в связи с проявленным к нему вниманием:

*Масва Дворец труда
м/мясных совхозов
центральных и южных олостей
Пред Ц.К союза
тов.Трубачеву
ат знатного гуртаправа
А Ч. К [Азово-Черноморского
края] Армавирского Ройона
совхоза №32 скотовод
ферма №1 гурт №1
Сычева Владимира Афанасив.*

Сабчяю вам что посланные вами писма и падарок я получил за каторый вам Сычев В.А. Жена мать и брат вносим бальшуя благадарнаст.

Наполученое письмо ат вас что должен сделать трехугольник нашего совхоза зделоли следуюший мераппрятя

Купили мне в квартиру 1 стол 4 стула 1 гордироб и передвижной грамофон. Прикрепили меня кучителю которай начал сомной занимацца учитцо я хожу б кило[метров] Насчет приабретеня обуви унас дело плохо потому что купит негде потому чт[о] ат города живем далеко Насчет питаня я не нуждаюс насчет прадажи коровы или телки Дерекыця нашего совхоза без распоряжения Треста неможит Корма для наших свиной дают по 65 руб центер ячмен Клуб унас на ферме оборудован часто Бывает пастоновки и кино палит атдел и рабочий комитет снабдил нас билбатекой и чясто снами проводят беседы на[с]чет стахановского движения.

Я внастоящие время тоже хачю стат вряды стахановцев. За летн[и]й период уменя из 100 галов растелилос 91 на 15/XI 35 г. телята все живые 72 телка я здал 24/X 35 вобчий гурт хорошими а остальные 19 находютцо уменя За все лето уменя небыло ни адного атходы и аборт 7 голов ателютца в этом месяцы

Васпитаня телят мы производим вручнуя план молоко ноябр месяц я выпалняю на 103% в литрах. К зимовки я падготовилса полнастю времянки абмазаны снутри и сноружи и побелены толко незастеклены потому что управ[ляющий] говорит нет стекло телятник тоже падготов[лен] но тоже нестеклен

Корма к зимовки падвезены к базам в растаение 1 км и ближе на 80%

Балантировка скота унас прошла но гурты еще не формировали и я незнаю скаким скотом буду зимоват мне хатят дат митисны телак 1933 г. но их унас на ферм[е] нет скот мой пакрыт на 1936 г. на 86% потому что ест коровы растелилис недавно в ноябре месяце и ест стелные каторых я неучитовою на 1936 г. рекардистак коров уменя 4 каторые без породные на 2 и 3 ател давали 18 лит[ров] и телок сосал и сичас я выевил адну рекордису первателко микадиха растелилас 25/III 35 г. взял ее под особое наблюдение и уход довел до ат 7 лт до 16 лт при норме 4 кл атрубей 1 к жмыха и в дольнейшим будим работат так как тов Алексей Стаханов

Недастатки унас такие састороны дерекцый и управляюшига паваспитанню телят паилко нет полотенец нет марли нет хатя стираат нечего мыла нет ва время дойки киросину нет халатов у доярок тоже нет рукомойников и никогда не было чянов для п[о]ения коров в базах нету выше упомянутые недастатки могут паслужит на убыток нашему совхозу а также всей стране можит что неправильно написал и зделал ашыбки то не неабрашайте вниманя ввиду маея малограмотности.

Сприветом Подпись

ГАРФ. Ф.7689. Оп.11. Д.50. Л.39-40. Подлинник. Рукопись.

К переписке приложена заметка в районной газете, где очень гладко и обтекаемо воссоздавался облик передовика производства В.А.Сычева, который «встал в ряды стахановцев». «Уже базы у него все готовы, телятник хорошо оборудован. Все помещения для скота обмазаны, чистенько выбелены, снаружи хорошо утеплены.»³⁵ На самом деле, как можно убедиться, несмотря на оказанную помощь, условия жизни и труда передовика производства улучшились ненамного. Аналогичный комплекс документов отложился в связи с премированием ЦКК конюха совхоза имени Кирова (г.Червень Минского округа БССР) Адамовича Игната Карловича, которому совхоз вообще оказался бессилён чем-нибудь помочь³⁶ и «сталинской ударницы» Максимовской Клавдии Федоровны. В письме инструктору ЦК профсоюзов мясомолочных совхозов от 1 ноября 1935 г. она писала следующее:

Дорогой тов. Одинцов!

Ваше письмо, которое вы послали 25/X я получила и очень благодарю за это письмо. В связи с развертыванием Стахановского движения в нашей стране ваше письмо еще больше укрепило меня для дальнейшей борьбы за укрепление социалистического животноводства и превращение в рентабельное хозяйство наш совхоз. т. Одинцов вы спрашиваете есть ли у меня дети, я не замужняя, мне еще 22-й год от роду и живу я одна никого у меня больше нет родных осталась от родителей 1 год и три месяца 5 лет воспитывалась в Тотемском дет-доме в Сев.Крае а потом жила в няньках в чужих людях. Тяжело даже вспомнить сейчас, что мне пришлось пережить в детстве живя в чужих людях.

Пройдя суровую школу жизни в детстве очень рада была, что я дожила до того когда я поступила в совхоз «Победа» работать дояркой мне было только 17 лет от роду.

Я стала стараться работать и добилась того, что я была лучшей дояркой в совхозе, но была неграмотна. Комсомольская организация совхоза обязалась меня выучить грамоте и у меня было страстное желание научиться грамоте и в скором времени я научилась, потом меня поставили бригадиром дойного гурта, я стала также добиваться, чтобы моя бригада была передовой бригадой в совхозе.

И я этого добилась. Моя бригада была передовой бригадой в совхозе за все время моей работы в «Победе» 4-х молодых девушек прогульщиц я взяла их к себе в бригаду и они теперь все ударницы одна из них получила почетную грамоту политотдела и одна сейчас кандидат в сталинские ударницы. За хорошую работу я премирована 15 раз имею почетную грамоту лучшего ударника и почетную грамоту строителей социализма выданные политотделом совхоза «Победа».

В соревновании я всегда была победителем хотя после делясь опытом с соревнующимся бригадиром в одно время они нас перевысили по удою, но после этого мы стали применять еще новые методы, чтобы побороть их опять. Если сразу соц. договор проверялся 1 раз в месяц то потом мы стали проверять каждую декаду не смотря на то, что мы работали на разных фермах и получались хорошие результаты в обеих бригадах. Потом я была командирована на 6-ти месячные курсы бригадиров, где здала все зачеты на отлично.

Овладев техникой своего дела у меня показатели стали еще лучше.

Но классовый враг еще не добит совсем и феврале м-ц у меня в одном бидоне молока которое было отправлено на с/пункт [сборный пункт] оказались крупные крошки, администрация совхоза не придавала этому большого значения и в мае месяце опять мне в один бидон молока налили воды и тут же стали говорить что Максимовская план выполняет водой. У нас в «Победе» очень много работало раскулаченных адмовысланных [админи-стративно-высланных] которые не любят ударников и которые старались как можно шире распространить эти слухи.

т. Одинцов! Можете представить, как тяжело было перенести это, когда я просидела дома целый день одна и никто из администрации не пришел ко мне хоть бы спросили как, это получилось. Пришел парт-орг. фермы и... попросил денег в займы и больше ничего не сказал, когда я его спросила не занялись-ли выяснением этого факта то он ответил: есть когда тобой заниматься сейчас посевная.

Только пришли пионеры со слезами и говорят, что в лавке бабы говорят, что комсомольская бригада план выполняет водой и в то время мне принес пис-меносец газету, где писали о награждении комсомола метро орденом Ленина. А мою комсомольскую бригаду только опозорили.

Тов. Одинцов! Не могла я этого больше перенести вспомнила я свое безотрадное детство совхоз меня приютил, вырастил, воспитал совхоз для меня был дороже жизни, совхозом я жила, дышала.

Посмотрела я на плачущих пионеров и тяжело стало что остальные все за-были, те которые видели, что я все силы отдавала для совхоза и я решилась было на самоубийство но благодаря своевременной помощи была спасена.

Конечно я теперь сознаю, что я не по комсомольски сделала. После выздоровления сев. мол/мясотрест меня перевел на постоянную работу в «Дикое» где я и работаю с 7 июня 1935 г. В совхозе «Дикое» я работаю бригадиром телятника и род. отделения. Когда я приехала было много телят больных я развернула соревнование среди телятниц и заключила бригадный соц.-договор с бригадиром телятника совхоза Бушуиха т. Викторовой на сегодняшний день я победила Викторову падеж прекратился заболевания ликвидированы у меня по телятнику средний привес за последний месяц 715 грам. такого в Диком еще не бывало, но это не предел я добыть еще лучшей упитанности. Но я т. Одинцов ставлю перед собой задачу, чтобы телятник в котором я работаю был не только образцовым участком производства, но чтобы он был школой воспитания, где бы росли такие кадры которые не боятся трудностей, выращивать стахановцев я добиваюсь того, чтобы все члены моей бригады стали сталинскими ударниками у меня уже есть в этом совхозе такие результаты когда я приехала в «Дикое» то через несколько дней было комсомольское собрание и стоял вопрос о исключении из комсомола одной девушки Седунова Галина она нигде не могла работать или ее гнали за халатное отношение или она сама убежала и дождала до того, что и мать

начала гнать ее из дому. Я поговорила с секретарем комитета ВЛКСМ что я ее возьму к себе в бригаду и поговорила с ней и комсомольская организация поручила мне Седунову. Сейчас Седунова дает образцы хорошей работы и кандидат в ударники.

т. Одинцов у нас в совхозе плохо работает профсоюзная организация[.] За 5 месяцев моей работы здесь у меня в бригаде еще не бывал пред. Рабочкома проверки ударников еще не было за 5 месяцев моей работы и новых ударников животноводства еще не выдвигали, а много есть рабочих которые заслуживают звание ударника.

Собрания рабочих фермы тоже не было, гдебы подводились итоги работы за месяц и где-бы рабочие могли бы поговорить о достижениях и недостатках у нас пред Р.К. только формально существует, он же и пом. бухгалтера и по профсоюзной работе среди масс ничего не делает. С профгруппами никакой связи не держит не дает им задания не собирает их не заслушивает их о их работе и профгруппы даже не знают своих обязанностей.

Мои жилищно-бытовые условия: маленькая комната, стол, кровать, этажерка под книги и тапуретки я своей комнатой довольна, но только комната и нет такого помещения, гдебы можно было хранить овощи и вообще все.

Питаюсь в столовой разницы в питании нет с другими никакой, даже в первую очередь не дадут обед в столовой или в магазине хлеба. Придешь в магазин или встоловую, то стоят в очереди домохозяйки и даже люди, которые не работают в нашем совхозе то если просишь отпустить без очереди, так продавец отвечает «только в порядке очереди»[.]

Из животных и птиц не имею ничего, да негде и держать.

Училась я не много училась в лик.безе самоучкой и окончила 6-ти месячные курсы бригадиров по животноводству сдала зачеты все на отлично, сейчас готовлюсь к сдаче зоот.ветминимума при Крайзу, для присвоения звания мастера социалистического животноводства.

Занимаюсь в полит.кружке по истории ВКП(б) читаю газеты: «Комсомольскую правду» и «Совхозную газету» и краевую [»]Северный комсомолец» читаю газеты у себя в бригаде где я работаю и в общежитии у доярок.

Учиться дальше я бы желала но сейчас везде принимают с образованием не ниже семилетки это во первых, а во вторых мне жалко оставить животноводство потому, что в последнее время я стала очень слаба здоровьем и я стараюсь сейчас в моей бригаде вырастить себе заместителя. В лечении я сейчас очень нуждаюсь я болею сердцем у меня «порок сердца» в «Победе» Гороховская пред Р.К. обещала мне путевку в сенаторий но так и не пр[и]шло мне сездить то если можно будет путевку то пожалуйста т.Одинцов сейчас жизнь такая интресная и так хочется жить и жить и так тяжело мне, что я болею но не смотря на это я на любой работе не уступлю и мужчине. И еще последнее так я вам извещаю то, что премия которая была выслана центральной конкурсной комиссией я еще не получила и не знаю и получу ли я спрашивала директора треста то он мне обещал ответить и не ответил до сих пор ничего.

Ну пока всего хорошего!

С комсомольским приветом [подпись]

Извините, что много написала мне хотелось познакомить вас и с моей автобиографией и с работой

ГАРФ. Ф.7689. Оп.11. Д.129. Л.133-137(об). Подлинник. Рукопись.

Письмо воспроизведено со всеми особенностями правописания. Следует добавить, что оно написано неуверенным почерком с частыми исправлениями, вставками, которые свидетельствуют о физическом и моральном

нездоровье автора. Да и содержание его показывает, в каких условиях приходилось работать ударникам и стахановцам – на грани нервного истощения и срыва. В данном случае вмешательство ЦК профсоюза закончилось тем, что Максимовской для поправки здоровья была выделена путевка на курорт, в связи с чем 25 декабря 1935 г. было получено письмо следующего содержания:

*Инструктору Ц.К. Союза тов. Одинцову
От Максимовской Клавдии Федоровной.*

Уважаемый тов. Одинцов!

Прежде всего посылаю вам горячий привет и свое ударное спасибо, за оказанное, мне вами внимание и практическую помощь.

Пишу вам уже не из «Дикой», а из Абхазии.

Нахожусь на курорте в Новом Афоне. Я так счастлива, что кроме северного края, мне пришлось увидеть и такой край, где никогда не бывает зимы. Да и вообще много я видела интересного, в дороге, когда ехала, как например: Донбас-Константиновка и др. промышленные города.

тов. Одинцов! Я так благодарна вам, что не могу и выразить это словами.

Ну, да, разве напишешь словами о чувстве? Смогу я выразить свою благодарность, когда вернусь опять в совхоз, в [к] своей ударной работе. Я опять не жалея сил буду бороться за укрепление нашего совхоза, чтобы наш совхоз был рентабельным и самым передовым совхозом в Северном крае.

Здоровье мое заметно улучшается чувствую себя хорошо.

Здесь очень тепло, почти так, как у нас летом, а пока и все. [...]

ГАРФ. Ф.7689. Оп.11. Д.129. Л.132-132(об). Подлинник. Рукопись.

В деле имеется копия письма председателя ЦК союза рабочих мясных и молочных совхозов Трубочеева в Северный крайком от 29 декабря 1935 г., где содержится просьба выяснить причины, по которым зам. директора треста по политчасти т.Люстров советует директору и предрабочкома совхоза «Дикое» не выдвигать пока на большую работу т.Максимовскую и не делать ей особых привилегий.³⁷

Это письмо одно из многих, направляемых на места с просьбой оказать реальную помощь ударникам и стахановцам, попыток воздействия на администрацию, разобраться и наказать виновников противодействия стахановскому движению. Аналогичные вышеприведенным шли письма и из колхозов. В одном из дел содержится переписка доярки-стахановки А.Г.Юферевой, у которой, «тетя Е.О.Юферева тоже стахановка, орденоноска, в настоящее время учащаяся Социалистической академии земледелия в Москве.» Сама А.Г.Юферева, как она пишет, надорвалась на колхозной работе, заболела туберкулезом и теперь уже не работает. Пишет, что не на что содержать детей и просит путевку в санаторий. В результате принятых мер была помещена в больницу в г.Кирове.³⁸

По документам часто рисуется очень противоречивый облик тех, кто был в авангарде колхозно-совхозного труда. Уже К.Ф.Максимовская в своем письме пытается объяснить наличие крошек в бидоне с молоком и добавление в него воды происками недобитого классового врага, и о том, какие разговоры в связи с этим возникли. А вот в заметке под названием «Срывают стахановское движение», направленной в «Крестьянскую газету»

16 мая 1938 г. Ее автор О.С.Мокроусова, история жизни которой очень напоминает биографии других передовиков, уже в открытую борется с «врагами народа»:

С 1936 г. до 6 мая [1938 г.] я работала зав. свинофермой в колхозе «Победа» Каменского на Днепре района Днепропетровской области. Ферма у меня была первая на весь район, я брала ежегодно обязательства и перевыполняла их ежегодно, была премирована 3 раза: один раз поросенком, другой раз часами, третий раз путевкой на курорт из облисполкома в 1500 руб. Начался срыв моей работы в лице бывшего секретаря РПК [районного партийного комитета] — ныне врага народа, он постарался снять меня с свинофермы и послал работать в сельсовет председателем, где я проработала 2 месяца. По своему личному заявлению, по состоянию своего здоровья, я просила освободить меня от этой работы. За этот промежуток времени ферма пошла на упадок, правление колхоза «Победа» неоднократно просило меня принять свиноферму. Я люблю это дело и, видя, в каком состоянии свиньи, — согласилась. Акт приема и в каком состоянии были свиньи (в ужасном) имеется в колхозе. Я взялась опять за работу, сама относилась к делу самоотверженно, не жалея своих сил и, конечно, требовала работы от обслуживающего персонала и от правления требовала все то, что нужно было для свинофермы. Это не понравилось предправлению Кузьмину И. и завхозу Сидельникову Н. и они начали заниматься травлей против меня: «Нашим хлебом каждый выкормит». Среди колхозников занимаются агитацией, что ферма им очень дорого стоит. «Она, — т.е. я, — чужая» (я беженка с Гродненской губ., живу в Днепровке с 1916 г.), но до сих пор я «чужая». И в результате своей работы, эта компания добилась своего. 6 мая 1938 г. на собрании колхозников вынесли постановление снять меня с работы. Чем же мотивируют свое постановление? Всякой ерундой. За работу они ничего не могут сказать и никто не говорил. «Она требует от свинок работы», «сама мало работает», одно слово, постановление ничем не обосновано. Когда я пошла взять выписку из протокола, так счетовод Лихацкий написал такого, чего и вообще не было и никто ничего этого не говорил. Я подчинилась решению общего собрания и ферму сдала, конечно, по акту, но решила это дело не оставить и выявить на страницах вашей газеты всю неправоту, всю грязь, которой обливают меня стахановку. Неприязнь началась еще с того, что мой брат, капитан, служит в Красной Армии 20 лет, приехав в отпуск, выявил многих вредителей бывших кулаков на руководящей работе — их сняли с работы. После статьи, помещенной на страницах вашей газеты, «Враги народа и их покровители» от 2 октября 1937 г., житья мне просто не стало. Сколько мне приходилось переносить оскорблений, я ради дела все терпела и переносила. И, наконец, правленцы нашли другой выход — убрать меня с свинофермы, я им мешала пьянствовать, развратничать и т.д. В прошлом я батрачка, гнула спину перед панами, неужели я не найду своего заслуженного права и защиты для себя в СССР. Кто давал право издеваться над стахановкой?

Прошу редакцию осветить на страницах вашей газеты суть моего дела. Статья, помещенная в вашей газете, даст толчок к расследованию по этому делу.

Мокроусова О.С.

п/о Днепровка, Каменского на Днепре района Днепропетровской области.

РГАЭ. Ф.Оп.10. Д.32. Л.248-249. Копия. Машинопись.

Неизвестно, насколько обоснованными были обвинения ударников и стахановцев в некачественной работе. Чаще всего самоотверженность, самоотдача, готовность беззаветно трудиться не вызывают сомнений, но бы-

вало и так, что люди «скакали» от ударничества, а скотина стояла некормленной и непоеной. Но одно очевидно, что обвинения подобного рода встречали особенно яростный гнев и стремление расправиться со своими обидчиками.

Особенно поражает при чтении писем огромное число среди колхозного актива деревенских стариков. Это своеобразный феномен деда Шукаря, образ которого создан в «Поднятой целине» М.Шолохова. Едва приобщившись к чтению и письму, подобные старики начинали засыпать газеты своими «творениями», активно откликаясь на те или иные события быстро текущей жизни. Обычно упор делается на никчемность и безобидность этих «активничающих стариков и старушек». На самом деле картина была куда более пестрой. Не надо забывать, в результате демографических и социальных изменений на селе, они стали составлять весьма значительную часть населения деревни и ее трудовых ресурсов. Среди них встречались люди весьма своеобразные и интересные. В одной из заметок, поступивших в редакцию «Крестьянской газеты» 12 сентября 1938 г. описывался «Самоотверженный поступок колхозника», где говорилось:

Недавно с колхозных полей свезли богатый урожай. Охрану амбаров в колхозе «Красный страж» Копыльского района Белорусской ССР поручили 68-летнему старику Адаму Мартыновичу Борису. На днях, как всегда, старик с вечера вышел на свой боевой пост. К полуночи его настороженное внимание привлекло зарево, осветившее край неба. По месту зарева ему не трудно было догадаться, что горит деревня, где он живет, и среди других, вероятно, и его дом. Адам Мартынович не покинул своего поста, а, наоборот, с удвоенной бдительностью зашагал вокруг амбаров, внимательно присматриваясь и чутко прислушиваясь. Лишь с приходом смены он отправился на пожарище. Дом его сгорел.

Копыльский рик наградил сторожа Бориса за самоотверженное поведение на посту 500 рублями и решил построить ему в колхозе новый просторный дом.

С. Кузьмич

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.12. Л.12. Подлинник. Рукопись.

Как видим, понятие общественного добра у А.М.Бориса оказалось выше личного, и его поступок был щедро вознагражден.

Ефим Петрович Любезнов из д.Усты Западной (Смоленской) области, прочитав в газетах о том, что идет активная кампания по выдвижению Героев Труда, тоже решил принять в ней участие, направив в «Крестьянскую газету» следующее письмо:

Описание практической жизни Любезнова Ефима Петровича.

Юных лет мальчик учился у дядька две зимы, школы не было. Читал азбуки азбука. За две зимы я мог по складам читать и как курица лапами расписаться. Бросил отцовский дом, уехал и взят был у [в] лавку на посылки в селе Уладовки Каменец Подольской губернии сахарный завод, не помню Виницкого или Бердичевского уезда. 1874 года в первых числах августа я выехал [из деревни], прожил до 3 дни Рождества. Хозяин купец Казыма Казымыч выбросил меня из магазина полурядного, мороз был за 30 и более [градусов], что я не сознался и не сказал, что прикащики были пьяные, а хозяин был в гостях. Стоял на морозе и плакал, идет подрядчик Алферов Афанасий: «Юша, ты что плачешь?» – «Меня хозяин выгнал». – «Не плачь, я сейчас». Алферов узял меня за руку и повел меня на квартиру, приводит на кухню: «Кухарка, вот тебе мальчик, он тебе будет по-

могать сходить у [в] лавку к нам в завод что принести. Я проработал до глубокой осени. В городе Винницы строили дом у адвоката. Меня учили работать и бегать у [в] лавку, на базар, за гвоздями, за ситным. Помню в октябре или ноябре месяце меня хозяин обул и одел и определил к адвокату в кучерскую. Вскоро-сти меня посадили верхом пару серых лошадей напоить в реку. Меня лошади привели к реке, спустился с берега, напоил. Лошади повернули, пошли в гору, вдарили вскок, я свалился, но остался невредим. [Лошади] прибежали на двор — мальчика нет, подумали, что я растоптан лошадьми — розыск. Я пришел сам. Адвокат спросил: «Юша, ты разбился? Нет? Признайся, нет?» На третий день меня отправили на дачу, где жили три человека: приемщик при станции, землемер, кухарка, и шустрая лашеденка. Я мальчик быстрый: свезу в город или на станцию — и день свободный. Прожил я до поста, жилося мне хорошо. Приехал подрядчик Алферов ко мне, стал уговаривать меня: «Юша, сколько ты не живешь здесь, все ты будешь лакей, а если выучеся работать — будешь мастер.» Уговорил меня. Я передаю слова подрядчика своему господину. «Неужели тебе у меня жить плохо». — «Нет, но только я лакей 6-7 раз в месяц, а то я буду получать, может быть, до ста рублей.» Степан Иванович меня очень любил, что я был быстр и нахотчив, рассердился на меня, вскочил со стула, схватил меня за голову, поднял под потолок: «Расшибу, рассыпесья, как горох!» Я испугался, он опустил. «Позови Семена». Я позвал Семена. Приняли они меня, весь получил расчет. На прощанье поцеловал меня: «Ну, Юша, будешь в Винцы, всегда заезжай ко мне.» Я опять поступил к подрядчику, проработал 4 года, изучил плотничные, столярные работы. Последний год работал Степановский завод близ Белой Церкви.

Мои родные считали меня погибшим, никакого слуха не подавал, жил без паспорта. Мой отец был у гостей у сестры на праздник Преображение 6 августа в селе Дубровка Будского сельсовета Думенического района. Зашел разговор о погибшем сыне. Дубровский плотник работал тоже в Степановском заводе, меня знал — фамилия Любезнов Ефим Петрович — и сказал моему отцу, что есть с нами работает в заводе такая фамилия. Отец: «Это мой сын!» Берет адрес, присылает мне письмо и деньги на дорогу 7 руб. и пишет, если не приедешь к такому-то числу, то приведу поитанно 1000 верст. Я уже 17 год. Бросился к хорошим людям за советом. Более говорили: «Родные просят, поезжай». беру расчет, досталось 3 руб. 75 коп., а 7 присланных дал на сбереженья хозяину, хозяин мне не отдал: «Ты их забрал». Билет стоил 12 руб. Пришлось пройти пешком и шел через города Винница, Бердичев, Житомер, Чернигов, Киев, Стародуб, Моголев, Брянск, Жиздра, родное село Усты, пришел блудный сын разут-раздет всю дорогу начевал под кустом или в канаве под забором. Ближе к строению пришел на свое поле, ждал под кустом темного вечера, чтобы никто не видел. Своей соседке попал навстречу, взошел в свой дом, в руках тряпки, отца не было, пришел поздно, взошел в хату, взглянул на меня — хорош мальчик! Я пал на колени, сказал: «Отец, твой сын был мертвый и ожил, пропал, нашелся». Отец поднял [меня], мы заплакали. Блудный сын вернулся в родной дом, настала радость, ликование. Меня молодца обули и одели. Я сказал: «Папаша, мамаша, больше этого не будет». Я поступил столяром на угольную шахту, проработал 4 года, приняли на военную службу, прослужил пять лет — командир звона, обучающий молодых солдат, отслужился, прибыл домой, уехал в город Умань, где проработал плотником несколько месяцев, переехал в Бессарабию, на станции Окница поступил десятником, проработал два года, заболел, меня отправили с провожатым на родину, до Киева дорога бесплатно. Приехал домой — положили в больницу в г.Жиздра, где пролежал 2 года, доктора не вылечели, деревенская бабка вылечела в один месяц. Поступил опять столяром в шахту, перевелся на чугунолитейный завод генерала Булюкова, Дудено Козельского уезда, где проработал 6 лет модельным мастером, перевели на крупный завод Мальцова, Песочня, откуда и поступил десятником на станцию Дабужа Рязанско-Уральской железной до-

роги. По окончании работ поступил на фабрику ИОТ Мальцова, коньчил строить фабрику, перешел на паровозный завод в Бежице. Был Китайский метеж* — сократили, переехал в Киев, не удалось — поступил в Кременчук. Из г.Кременчука перехал в Москву. Проработал 20 лет, служил в горожской управе, строил 9 этажей у Красных ворот, дом Афремова в Серпухове, больницу, кожевальный завод, конфетную фабрику Бежо, завод «Проводник» заведующим. Наступила революция, перешел в Рогожско-Симоновский район по ремонту домов, школ, гимназий, столовых, магазинов. В 1905 г. был контужен в левую ногу, строил борекады, резал столбы. Был арестован три раза. На собраниях сидел по суткам. Из-за голодовки приехал домой в село Усты в 19-м году. 17 ноября избран председателем кооператива и назначен в г.Жиздру членом правления, заведующим хозяйством, казначей, кассир. Работал десятником, техником, прорабом, мастером первоклассным по железобитону как чистые полы разрезные под шашку и краску сделать, бетонные ступени сделать и на место поставить, мазиочные мраморные ступени отшлиховать, поставить на место, полы набрать, коврами выстелить полы и плитками заграничными облецовка стен плитками кирпичиком, набивка колон, балок, перекрытия арматуричик, по крестьянски сделать повозку, фуру, тарантас, дрожки, разного рода мебель, инструктор каменным и железобитонным, штукатурным и стальярным работам в фезеву школы 7 летки.

Проработал 61 год. Начал с августа 1874 года, а десятником с 1890 г. — имеются на руках документы. Провел свою службу очень хорошо, честно, благородно отчитывался до копейки [...]**

Мне было бы интересно, если бы нашелся таковой мастер, соревновался бы со мной. Но думаю, что таковых мастеров нет и не будет пройти такую практику. Любезнов — первый и последний Герой Труда. Прошу как всех комсомолов, пионеров, молодеж пойти моею дорогой, пройти такую практику как Любезнов село Усты Думенического района Смоленской области...***

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.133. Л.21-24. Подлинник. Рукопись.

* Т.е., во-время восстания «боксеров» в Китае.

** Далее автор снова кратко перечисляет свои профессии и места, где он побывал за 61 год.

***Опушены просьбы напечатать письмо в газете.

Эта «история блудного сына», лишь на старости лет утомившегося в деревне, по многим признакам была написана в 1935 или 1936 г. и, видно по тексту, писалось долго и трудно, раз от разу, стариковскими каракулями, корявым почерком, без разделения на слова и предложения, естественно, без знаков препинания. Так что разобрать его было нелегко, но оно представляет несомненный интерес, раскрывая перед нами довольно любопытную личность. По каким-то причинам было отослано в газету только в мае 1938 г. На письмо в начале июня был послан не менее любопытный ответ:

Письмо ваше получили. К сожалению, использовать в газете не можем. Вы пишете, что прошли большой жизненный путь, были во многих городах, выполняли тяжелую разнообразную работу. Хорошо, если бы вы оценили прожитую вами тяжелую, мрачную жизнь до революции и написали бы, каковы ваши мечты, желания и настроения в связи с интересной веселой жизнью сейчас, в годы советской власти. Если бы вы живыми примерами сравнили вашу жизнь до революции и теперь — вот это для молодежи было бы интересно.

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.133. Л.20. Заверенная копия. Машинопись.

Как видим, ответ содержал прозрачный намек на то, что и как нужно писать, и поражает лицемерием. Старик, безусловно, прав в том, таких как он людей, с такой большой практикой и с таким количеством профессий найти трудно. По всем параметрам он подходил к требованиям, которые предъявлялись к Героям Труда, тем более, что сам участвовал в революции 1905 г. в Москве. Но письмо не описывало тяжелую и мрачную жизнь до революции, скорее наоборот. Особенно ярко описывались первые шаги трудовой деятельности, которые обычно полнее всего сохраняет память. Однако, видимо, испугавшись такой реакции «центральных властей», старик быстро, буквально в течение нескольких дней, сострепал сумбурное и паническое «Заявление», выдержки из которого мы приводим:

*Мною было описано что я как проживал в старые годы до революции. Это все я считаю вам понятно. Но мною не было описано про жизнь во время советской власти. Я сейчас стараюсь вам описать, как я жил и живу сейчас. Верно, я со своей стороны, считаю, что жизнь сейчас весела и счастлива для всех, как и для меня. И в особенности для молодежи. А если вспомню свою молодость, то очень было плохо. [...] *А по этому я сейчас сравнил жизнь с прежней и считаю с моей лично стороны как я прожил 75 лет и даю свою благодарность советской власти и нашему вождю народа Иосифу Исарионовичу Сталину за счастливую веселую жизнь за создание Конституции и в настоящее время жить становится лучше и веселее. Моя только стоит задача пожить дольше при веселой жизни и увидеть ище Лутшего.*

Но только просил бы нашего наркома внутренней власти [зачеркнуто] оборон товарища Ежова бороться и выкорчевывать последние вредительства, а то я тоже сообщую, что враги народа есть. Как со мной стариком не посчитая моего труда за лезший в руководство сельсоветом Кулешов и не оплатил мне за работу и руководство мое. Я выполнял десятника дорожного строительства в 1938 г. на месяц с окладом 125 руб. и в настоящее время не оплатили. Я уже подавал визде и нет никаких результатов. [...]

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.133. Л.25-26(об). Подлинник. Рукопись.

*Повторяются некоторые эпизоды из первого письма, которые, по мнению автора выглядят «плохо».

Часто письма пожилых людей просто напоминают нечленораздельное стариковское бормотание, в котором беспорядочно смешаны самые разные вопросы. К числу таких относится, например, письмо колхозника Донченко из колхоза «Выгодный труд» Леоно-Калитвенского района Краснодарского края:

Привет товарищам. Ред колегия я жилаю толко верно и точно я очен малограмотной я хочу подчеркнут во что я колхозник радовой очен понял слова товарища сталена что он сказал правелно что живые люде все ришают и человек дароже золота и верный ево селско хозяйственный устав помощник руководит правлениям А колхознику розасня как надо работат чтоб был зажиточной товарищ стален сказал 2 слова что чесно трудиця и береч соцелист. хозяйст. колгос большевицкий ево усе слова правы и неоценимы но давайте обратим внимания как ето выполняеця сталенский устав задат вопрос правлениям колхоза выгодный труд бывшего пред назаров и втарой кривогузов михаил как они руководили невидиле что им тармозило А колхозники помогали А они Гордились не слушали считали что ето ат них атнимут руководство вот сами что повлияло для них что они дадут распоряжение бригаирам А проверят не проверят считают ето уже выполнето А бригадир и невыполнил А они и не знают почему не выполнил

уважительны причина заснул вот и шло руководство самотоком и давало что они не сумели оба быть пред колхозам.

Вот узят пример Спросит бригадира как вы даете наряд колхозникам то он не ответит правельно Дае наряд идите полот и болше нечиво Сколко должно зделат за ден и сколко получит это им как будто не касаеця вот вам и руководство и чем же здес можно отдилит ударника или симулянта вот визде сами недоумки и получаеця что суседни колхозы растут а выгодный труд кариной колхоз самый отстающий здес симулянтам удобно симулируют и расхитителям тоже удобно расхищят почему потому что чясто было токи целыми ночами без сторожей вот эти ненормальности и довели чут ли не до саботажа возмите задолжности Государству хуже нету как по выгодному [труду] Вот узят проверит соцдоговора колхоз с колхозом напишут договора подпишут [...] А потом как положут в шака и лижжит целый год и ещоб лижжал да не знают как новый писат так они бирут и с них пишут новый на новый год вот вам и работа и руководство почему тормозит усе болше идет самотоком потому и атстаем.

Тепер хочу напомним в революционные время почему Армия Деникина провалилас они Гордилис что получили танки и оружие то думали мы тепер загонем красных но не тут было Красна Армия сильней потому что они здади уллучяли положение для кристьян и рабочих А эти привыкли держат дисциплину насилиям да плетками да шомполами вот я до сих пор помню как у нас драли плетми да шомполами А потом в Черткове принимали А мы идем в Черткову да и говорем ну мы вам и навокем после плетей да шомполов вот они думали что это будет крепче А оно наоборот и проиграли Деникин Колчак Юденеч Врангел мне очен жал Гироев что своим довериям они погибли считали что сперва буде на них стороне болшенство А они обманули выдали товарища Потолкова и Кривошлыкова вот жалкое положение но все таки они правы победа вышла на стороне Красной Армии разгромили насилников плетучинов.

Прошу ред колегию поместит мою заметку в газету большевицкая смена я ее выпишую я Донченко и под маими заметками ставте фамилию (Дон).

Тепер я хочу аписат что я как доволной что наших лудей назначили предами в колхоз в т.ч. предправления партийной человек чесной товарищ Чубенко В.С. и председсовет товарищ Тугушев тоже чесной партеец и к государственным выполнениям очен харошее отношение я не хочу хвалит но они уже заслужили доверие перед партия и чесными колхозниками эти расхищения я думаю что разобют не буде такой пустоши как было в 37 году палили корницы пшеницы расхищяли соцеелистическое хозяйство угробляли тягло имели руководители по две жини как говориця вот и повело не к харошему я буду учится и у этом году исле удасца все буду опесоват вот толко мойя беда что я негр. Говорил товарищ Сталин учис и учис это верна что нада учица.

К сему написаному всему Донченко А на газеты пишите вот так (Дон).

РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.61. Л.245-247. Подлинник. Рукопись.

Автор ухитрился затронуть огромное количество вопросов: от организации труда в своем колхозе, до причин разгрома армии Деникина, выразив попутно верноподданныческие чувства по отношению к верховной власти и вновь назначенному колхозному начальству. На письмо автор получил очень благожелательный ответ, в котором, помимо согласия на сотрудничество, содержался совет учиться, обогащать культурный и политический уровень. Как говорится, руководство радовалось наличию таких стариков в деревне, которые «бунтуют, действуют, активничают и шагают вперед.» Однако, как показали события 1937 г., такие старики оказались вовсе не безобидными.

Приводимые документы показывают, насколько сложной, неоднозначной была ситуация в деревне, и, наверное, служат своеобразной иллюстрацией на тему, что тайно напряженное общество и есть большевизм.

Примечания:

- ¹ РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.57. Л.230.
- ² М.А.Вылцан. Последние единоличники // Кооперативный план: иллюзии и действительность. М., 1995. С.85.
- ³ «Труд». 1992. 4 июня.
- ⁴ Полностью письмо см.: РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.7. Л.31-39.
- ⁵ РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.7. Л.18-21.
- ⁶ Полностью письмо см: РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.13. Л.334-341(об).
- ⁷ РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.526. Л.116.
- ⁸ РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.526. Л.116.
- ⁹ Полностью очерк см: РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.7. Л.35-41(об).
- ¹⁰ РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.526. Л.116-117.
- ¹¹ РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.41. Л.30.
- ¹² РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.41. Л.260-262(об).
- ¹³ РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.143. Л.101.
- ¹⁴ РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.97. Л.146.
- ¹⁵ РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.41. Л.61.
- ¹⁶ РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.41. Л.60.
- ¹⁷ РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.26. Л.191.
- ¹⁸ РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.526. Л.117-118.
- ¹⁹ РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.60. Л.6.
- ²⁰ РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.55. Л.7.
- ²¹ РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.55. Л.35.
- ²² РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.41. Л.61. Л.89.
- ²³ РГАЭ. Ф.396. Оп. 10. Д.110. Л.102-103.
- ²⁴ РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.526. Л.120.
- ²⁵ РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.41. Л.81.
- ²⁶ РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.143. Л.62.
- ²⁷ РГАЭ. Ф.396. Оп.5. Д.110. Л.165.
- ²⁸ РГАЭ. Ф.396. Оп.5. Д.110. Л.164.
- ²⁹ РГАЭ. Ф.396. Оп.5. Д.110. Л.160.
- ³⁰ РГАЭ. Ф.396. Оп.5. Д.110. Л.169.
- ³¹ РГАЭ. Ф.396. Оп.10. Д.143. Л.16.
- ³² ГАРФ. Ф.7689. Оп.11. Д.50. Л.32-32(об).
- ³³ ГАРФ. Ф.7689. Оп.11. Д.50. Л.39.
- ³⁴ ГАРФ. Ф.7689. Оп.11. Д.50. Л.38.
- ³⁵ ГАРФ. Ф.7689. Оп.11. Д.50. Л.37.
- ³⁶ ГАРФ. Ф.7689. Оп.11. Д.127. Л.67-75.
- ³⁷ ГАРФ. Ф.7689. Оп.11. Д.129. Л.140.
- ³⁸ РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.26. Л.69-74.

«СЧАСТЛИВОЕ ДЕТСТВО»

Тем, кто был рожден после революции, было предназначено жить при коммунизме. Это обещал им великий Ленин. Им же надлежало и построить это невиданное доселе общество социального братства, равенства и справедливости. Эту миссию возложила на них Революция, выстрадавшая старшим поколением, и ее заветы генетически проникали в сознание новой поросли, вступающей в жизнь в двадцатые-тридцатые годы. Она уже не должна была быть такой, как их родители, ей предстояло стать полностью «красной», т.е. беззаветно преданной революционным идеалам, не знающей «проклятого прошлого», которое осталось где-то позади, чей «звериный оскал» с малолетства и в лучшем случае ассоциировался с образом страшного волка из сказки про Красную (!) Шапочку. Все у них должно быть не таким, как у прежних детей, начиная с красивых и ярких имен, данных им при рождении. И дальше все должно было быть иначе — ясли и детский сад, школы, которые призваны воспитывать нового человека, вузы, готовящие самых лучших в мире специалистов, и многое другое.

Вместо библейских заповедей им предстояло заучивать наизусть «азбуку коммунизма», вместо церквей ходить в Дворцы Пионеров, вместо службы стоять с замиранием сердца на пионерских линейках. А еще носить галстук, петь новые задорные песни и не только «учиться, учиться, учиться», но и с пеленок «бороться, бороться и бороться» за новое общество и со всем, что считалось «родимыми пятнами капитализма», в том числе просвещать незрелых отцов, матерей, дедушек и бабушек. И еще: им было на кого равняться — «в красном углу» на месте прежних икон висели портреты стойких и непоколебимых борцов за освобождение трудящихся всего мира — Ленина и Сталина.

Дети революции, они дышали ее воздухом, впитывали ее лозунги, бездумно воспринимали ее опасные идеалы. Но дети и в те времена оставались детьми и как все дети на свете они хотели родительской ласки, красивой сказки со счастливым концом и лучше засыпали не под звуки революционного марша, а под мелодию колыбельной. Подрастая, они озорничали, хулиганили в меру и без меры, дрались из-за девчонок и тайно читали Есенина, разучивали запрещенные «буржуазные» танцы. Они «сбивались с пути», курили, «прикладывались к бутылке». Не меньше, чем прежде, влияли на них и улица и двор, активно участвуя в их воспитании. Все это было, но всего этого как бы и нет, потому что об этом мало писали в предназначенных для них книгах. К тому же в том, что мы так мало знаем о поколении революции, виновата война. Именно они, мальчишки и девчонки 1915-1924 года рождения, приняли на себя самый страшный удар фашизма. Умерли и победили.

Когда внимательно читаешь приводимые ниже документы о молодежи двадцатых-тридцатых годов, то можно буквально поразиться двум главным обстоятельствам. Во-первых, в какой страшной чудовищной степени взрос-

лые пытались сделать детей заложниками своих идей и политических игр, ведь «феномен Павлика Морозова» – это нечто более сложное и неоднозначное, чем принято считать. Им же, детям, более ранимым и хрупким, чем взрослые, приходилось в первую очередь вольно или невольно расплачиваться за результаты жестоких игр. Во-вторых, вопреки многочисленной «научно-комсомольской» литературе, источники свидетельствуют, насколько пестрым и многоликим было это поколение, насколько разными были их представления о жизни и противоречивыми оказались их судьбы.

Несмотря на ущерб, нанесенный молодому поколению гибельными последствиями революции и гражданской войны, его представители составляли самую многочисленную возрастную когорту среди населения советской страны, и больше всего детей и в тридцатые годы по-прежнему оставалось в деревне, переживающей процесс сокрушительной ломки, и от того, как складывалась их жизнь, во многом определялись пути социального развития советского общества. Деревенским детям, наряду со взрослыми, пришлось испытать на себе тяготы и лишения сплошной коллективизации. Им в меньшей мере досталось того внимания и заботы, которые, как уверяли газеты, страна уделяет молодому поколению, отдавая ему все самое лучшее.

О том, как жили дети в колхозах, видно из писем в газету, которая так и называлась «Колхозные ребята», только не из тех бравурных отчетов, что публиковались в каждом номере, а из тех сообщений, что по получении клались под сукно. Пионер Козинского сельсовета Ялано-Катайского района Челябинской области Митя Иванов был одним из тех, кого с детства учили говорить правду и бороться с недостатками. «Как живем мы дети колхозников Ялано-Катайского района? – писал он в 1936 г. в редакцию. – Многие из нас не посещают школу. Нет хлеба, а у некоторых нет обуви и одежды. В школе нет даже горячих завтраков, а домой придешь – тоже нечего поесть, потому что у нас в этом году был неурожай хлеба. В колхозе пришлось по 500 гр. на трудодень. Мы его давно съели... Кто нам поможет для того, чтобы не умереть голодной смертью? По району уже есть люди, которые опухают с голоду. Некоторые вдовы бросают своих детей и сами скрываются неизвестно куда для того, чтобы спасти хоть себя от голодной смерти.»¹ Зная о критическом состоянии с питанием детей школьного возраста, правительство приняло решение о снабжении школ горячими завтраками. Это мероприятие было проведено с большой помпой и сочеталось с пропагандистской кампанией демонстрации заботы о детях. Действительно, постепенное введение горячих завтраков, в первую очередь в городских школах, было крайне необходимым и в известной степени вынужденным делом, так как из-за голода многие дети бросали учебу. Однако и это мероприятие проводилось с большим скрипом, а о качестве завтраков сохранились свидетельства самих детей. Василий Шибанов, ученик 3 класса Загорьевской средней школы-интерната Нагорьевского района Ярославской области писал в 1936 г. в газету «Колхозные ребята»: «Сообщаю, что в нашей школе есть что-то неладное. Всегда мы кушаем обеды мясные, но мяса почему-то нам в супе не попадает, куда девается мясо, не знаем. И этот суп ежедневно варят, нам так надоело, что глаза не смотрят. В нашем районе сейчас в лавках недостаток печеного хлеба. Наши родители из колхоза хлеб

не получили ничего ввиду того, что была сильная засуха. В школе нам хлеба дают только по 0,2 гр. (видимо, по 200 гр. — ред.). Нам этого мало, из-за чего некоторые ученики не стали посещать школу.»²

В каждом письме детей видна большая тяга к знаниям. Тяготы жизни, недоедание, огромный психологический груз политических потрясений в стране, — все это ложилось на неокрепшие детские плечи, уродуя моральное и физическое здоровье подрастающего поколения. Однако трудности не убивали огромного желания учиться в народной среде. В целом в 1930-е годы престиж образованности, овладения хорошей профессией был необычайно высок. Это было связано как с объективными потребностями индустриального развивающегося общества, так и с многолетней мечтой народных «низов», в которых никогда не иссякали таланты, к получению доступного образования. Казалось, мероприятия советского государства 1920-30-х годов в области просвещения и образования и были направлены на удовлетворение этих потребностей. Однако на практике ситуация была значительно сложнее. Складывалась система, препятствующая получению образования, прежде всего высшего и среднего специального, для детей «бывших», а также раскулаченных, лишенцев, ссыльных и других категорий репрессированных, о чем речь пойдет ниже. Но и колхозная жизнь, с постоянными авралами, большим спросом на рабочие руки не способствовала получению качественного образования детьми колхозников. Особенно проблематично было продолжить учебу после 4-го класса деревенской школы. Зная об этой проблеме, острой повсеместно, Н.К.Крупская в 1932 г. била тревогу, обращаясь не только в разные инстанции, но и к руководству страны. Так, в письме Постышеву осенью 1932 г. она писала: «Дети колхозников закидывают письмами — их не пускают из колхозов учиться, ибо они нужны как рабочая сила. От ребят старше 12-ти лет (окончивших 4-х летки) требуют трудодней и ребята вынуждены бросать школу. Весной — все ребята ШКМовцы [учащиеся школ крестьянской молодежи] были мобилизованы (школьные каникулы не согласовываются с периодом страды) и им пришлось в ряде колхозов бросить учебу, так как с них требуют трудодни. Мы стремились сблизить деревню с городом, но именно в деревне, в колхозах ставим свирепые рогатки, делающие невозможным для ребят, кончивших 4-х летку, дальнейшую учебу. Дети единоличников учиться вольны, а дети колхозников — не вольны. Получается недопустимое противоречие. Прилагаю письмо девочки, пионерки, которая не знает, что ей делать, хочет учиться, а ей учиться не дают. Писать в колхоз я не могу, конечно. Но нужно общее какое-то постановление. Колхозцентр линии тут не имеет. В прошлом году труд детей шел под контролем школы, в это лето школа отстранилась от этого дела, постов охраны детского труда нет, и детский труд эксплуатируется сверх меры. Уборка свеклы идет на детском труде. Какая уж тут учеба.»³

Как видим, дети в колхозах с 12-летнего возраста постоянно должны были работать, получая значительно меньше взрослых и лишь мечтая об дальнейшей учебе. Понимая, что при существующем порядке вещей эксплуатации детского труда неизбежна, Н.К.Крупская выступала за то, чтобы существовали хотя бы посты охраны труда, которые не допускали бы «эксплуатации сверх меры».

Таким образом, реальное положение детей колхозников сильно отличалось от законодательства об охране детства, а также от красивых слов о заботе партии о подрастающем поколении. Не случайно Н.К.Крупская метко сравнивает их с людьми, лишенными своих прав. «Дети колхозников – форменные лишенцы, – писала она Постышеву, – не говоря уже о том, что вообще положение ребят в колхозах тяжелое. Недавно объявились тут председатель и секретарь одного колхоза моего имени из ЦЧО хлопотать о ма-нуфактуре для ударников. Делают доклад, – хвастают, как все хорошо. Колхоз – животноводческий. Молоко все дают куда-то, в Маслоцентр, что ли. Вспомнила я Ильичево «обеспечить каждому ребенку бутылку молока» и спрашиваю: «А вы оставляете для детей-то молоко?» – «Нет, все до капли сдаем!». И половина населения из колхоза сбежала.»⁴

Конечно, в стране были разные колхозные хозяйства, но большинство влачило полунищенское существование, сдавая весь урожай государству. До детей ли тут, если за провал плана поставок можно было лишиться головы? Но вот страда завершена. Казалось бы, зимой дети колхозников могут целиком посвятить себя учебе. На деле же с наступлением холодов появлялись и новые проблемы: детям часто не в чем было ходить в школу, расположенную, как правило, за несколько километров от дома. Об этом решил написать М.И.Калинину 13 января 1933 г. 13-летний Ваня Немчинов со станицы Спинова:

Дорогой дедушка Калинин. Сейчас я опишу тебе всю свою жизнь. Дедушка Калинин у нас семья большая, четверо детей. Отца нет – он погиб, борясь за рабочее дело, и тоже мать чуть не вмерла, хворает. Дедушка Калинин, мне очень хочется учиться, но мне невчем ходить в школу. Были старые штиблеты, и те изорвались совсем, починить некому. Мать хворает, денег нет, сидим без хлеба, а учиться очень хочется. Дорогой дедушка, перед нами стоит задача учиться, учиться и учиться. Так сказал Владимир Ильич Ленин. Но придется кончить ходить в школу. Родных нет никого и помочь нам некому, придется работать на завод, чтобы не дать всей семье помереть с голоду. Дорогой дедушка, мне 13 лет, учусь хорошо, неудов нет. Учусь в 5 классе. Ну пока, писать больше нечего. Наш адрес: Ст.Спинова, Кооперативная площадь, дом №4. Немчинову Ивану Васильевичу.»

Подумав немного, этот рано повзрослевший паренек Иван Васильевич, старший в семье и потому чувствующий ответственность за остальных детей и большую мать, сделал приписку:

Дорогой дедушка, хлеба дают нам очень мало – 300 грамм на день. Приходится есть только 2 раза в день, а учиться без хлеба трудно».

РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.456. Л.10-11. Подлинник. Рукопись.

В январе 1933 г. в стране уже чувствовалось наступление массового голода, а Ваня Немчинов больше думал об учебе, которой мешает недостаток хлеба.

В середине-конце 30-х годов положение несколько улучшилось, но не намного. Для сельских детей наиболее реальным способом приобрести надежную профессию и получить какую-то перспективу в жизни было пойти учиться на курсы трактористов, комбайнеров, шоферов. Об этом – письмо слу-

шателя школы комбайнеров в г.Мценске, полученное «Крестьянской газетой» 17 января 1939 г. и, как видно из приписки, присланное дядей курсанта:

Здравствуйте дядя Федя и тетя Соня. Дядя Федя я письмо получил в которой вы пишете описать сколько нас на курсах и как я одет. На курсах нас только 150 чел., а полагается 300 но их и было 300 но они по разехалис от плохих условий так как на одном хлебе, холодные общежитие плохой свет. Но мы посылали в облосную газету дело передали в Облосное Земельное Управление для раслетствий [для расследвания].

Я одет хорошо и обут но не так хорошо на курсах приходится под получку всегда по 3 дня голодными быть так как нет ни столовой и в городе один только ресторан в котором супу 1 т[арелка] 125 к. Прасочной [прачечной] нет так приходится ходит[ь] грязным и вшивым но я стараюсь кончить школу потому что на следующий раз пойти на курсы либо шоферов или механиком.

Денег я заработал всего с пищей моей которой я питался лето 1000 р. 400 р. Просы [видимо, на 400 руб. проса] и 250 р. получил летом после смерти Дедушки. Остальные получу в конце января месяце хлеба я заработал 72 пуда фуражу я заработал 30 пудов сена 12 пудов хоботья [пустых колосьев] 5 пудов соломы. Вопще на 400 дней заработанные. Дядя Федя большое спасибо вам за бумагу и еще раз спасибо. Без бумаги как без рук. Ну пока досвиданья оставайтес живы здоровы. Передовайте привет Полины и тети Вари и Жени и Всем остальным.

РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.41. Л.284-284(об). Подлинник. Рукопись.

В письмах сельских жителей в «Крестьянскую газету» на всем протяжении 30-х годов постоянно встречаются жалобы на нехватку средств у колхозов на содержание детских учреждений: родильных домов, детских ясель и детских садов, которые существовали зачастую только благодаря энтузиазму обслуживающего персонала.

В городах, на фабриках и заводах, в целом положение было получше. Как ни парадоксально, лучше, чем в сельской местности, было продовольственное снабжение. Но и здесь, особенно на новостройках, дети рабочих постоянно недоедали, особенно в голодные годы. За месяц до Вани Немчинова 11 декабря 1932 г. школьники с Волховстроя писали М.И.Калинину:

Всесоюзного старосте М.И.Калинину от детей школьного возраста при Волховстрое.

Дорогому нашему пролетарскому вождю М.И.Калинину.

Мы дети школьного возраста как передовой авангарт просим тебя улучшить наше положение по питанию, так как мы дети на Волховстрое нет нам никого питания. Ходим на обет в общую столовую, получаем там суп с кислой капустой, да затушили винигредам [видимо, задушили винегретами]. Через такую пицу стало учиться нам невмоготу. Кормят как поросят. Учтите вы наше положение по питанию, дайте для нас каких-либо жыров... Михаил Иванович Калинин, ждем вашего ответа с нетерпением. Просим от души вашей помощи в питании, чтобы улучшить питание.

РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.432. Л.4-4(об). Подлинник. Рукопись.

Как видно из письма, хоть и плохо, но детей на Волховстрое кормили и голодная смерть им не грозила. Так как питались они в общей столовой, то из содержания письма ясно, что ели рабочие Волховстроя и каково было их

«рабочее настроение» после обеда. По крайней мере у их детей после подобной пищи настрой на учебу улетучивался.

В приложениях к совещанию партийных и комсомольских руководителей в ЦК ВКП(б) по вопросам пионерской работы 7 мая 1933 г. сообщалось, что в 1932 г. в одной из школ Саратова «ребята ночью разгромили столовую под руководством пионера. На вопрос — «зачем это сделали?» ответили: «плохо кормят». «А почему не говорили об этом?» — «Мы заявляли, но никто внимания не обращает. А вот теперь сразу обратили внимание», — объяснили дети.⁵

Дети всегда и везде отличались непосредственностью, искренностью. Известно, что малыши часто повторяют то, что говорят дома их родители, впитывая не только общую направленность и тематику разговоров, но и характерные выражения, которые они усваивали с самого юного возраста. С этой точки зрения материал, почерпнутый из протокола совещания при Внешкольном секторе Наркомпроса в феврале 1935 г., имеет огромное значение не только с точки зрения ситуации в детсадах, куда определялись дети до 7 лет, но и как ценный источник по истории общественного сознания 30-х годов в целом.

В одном из детсадов Москвы случилось «чрезвычайное» происшествие — «ребенок запустил сапогом в портрет т.Сталина. Ребенок трудный, сделал в припадке возбуждения», — сообщается в документе.⁶ А вот в Ленинском районном детсаду ребенок в присутствии воспитателя не просто сорвал со стены портрет Сталина, но и объяснил свои действия, видимо, так, как неоднократно слышал от родителей: «Он нам хлеба не дает.»⁷ В Реутовском райдетсаду Московской области проверяющими выявлена другая напасть — национальная вражда между детьми.⁸ Спрашивается, откуда это у совсем маленьких детей, не имеющих еще ни жизненного опыта, ни четкого представления о национальных различиях.

Другая тема, свидетельствующая о том, что дети чуть не с младенческого возраста втягивались в обсуждение «взрослых» проблем, которые причудливо трансформировались в детском сознании в соответствии с их восприятием окружающего мира, — убийство С.М.Кирова. По этому поводу в образцовом детсаду г.Щелково можно было услышать следующую не лишённую смысла детскую версию: «Один дяденька сказал другому: «Убей Кирова, я тебе деньги дам. Кирова он убил, а денег не получил.»⁹

В детском саду №1 Сталинского района г.Москвы воспитатели столкнулись с проблемой, приведшей их в состояние и шока и страха одновременно: ребенок отказался вместе другими детьми участвовать в празднике Красной Армии, заявив, что «хочет быть белогвардейцем. Началось это после просмотра кинокартины «Чапаев» — рассказал на совещании сотрудник детсада, — Выяснили в семье, мать в отчаянии.»¹⁰ В отчаянии была и воспитательница, которой грозило серьезное наказание. Воспитатели, стремясь обезопасить себя от неприятностей, сводили до минимума какую-либо инициативу, доводя до абсурда строгое следование плану работы с детьми, утвержденному «сверху». В этой ситуации любые непредвиденные события в стране становились настоящим стихийным бедствием, так как их нельзя было заранее предусмотреть в плане. «Я чувствую, что педагоги боятся об-

ественных событий, — признавался на совещании представитель Краснопресненского района. — Есть сведения, что в саду завода «Большевик» педагоги занавесили окна, чтобы дети не видели демонстрации в дни похорон Кирова, так как этого нет в программе.»¹¹

Политизация жизни общества в 30-е годы несомненно коснулась и школы, которую партия рассматривала как важнейшее звено не только образования, но и политического воспитания молодежи. Однако при всей внешней благополучности школьного дела, оптимистической цифири о сдвигах в качестве преподавания и охвате школой детей, постепенном переходе на обязательное 7-летнее обучение и т.д. источники свидетельствуют о том, что на самом деле существовали как бы две разные жизни школы — одна показная, парадная, а другая — как рабочая форма одежды — не такая красивая, а местами просто грязная, неоднозначная. Двуличность — болезнь общества 30-х годов — поразила детские учреждения.

Дети всегда оставались детьми. Они шалили, не думая о том, что взрослые будут искать в их действиях и словах политическую подоплеку. Они влюблялись и писали романтические, как им казалось, стихи друг другу в альбомы, они дружили и собирались компаниями, обсуждали взрослых, тайком курили и выпивали, — в общем жили своей, часто скрытой от взрослых и неподконтрольной им жизнью. Начитавшись книг про Тома Сойера и дядю Тома, они хотели жить в своем придуманном ими детском мире, где действуют свои законы. Вот только насколько все это согласовывалось с ситуацией в СССР в 30-е годы, когда все и вся должно было находиться под контролем? Обнаруженные в архиве материалы помогают наметить контуры школьного быта 30-х годов.

В упомянутых приложениях к совещанию 7 мая 1933 г. приводились «отдельные факты хулиганства и болезненных явлений в среде детей» в основном на Урале — районе активного «социалистического наступления», которым в духе времени приписывалось влияние «классово-чуждых элементов»: «Очень сильно, — сообщалось там, — по Уралу распространено хулиганство. Главные очаги хулиганства — индустриальные центры: Свердловск, Магнитогорск, Челябинск, Пермь, Тагил, Надеждинск и другие.»¹² Далее говорилось, что в ряде школ г.Свердловска школьники портят школьное имущество, избивают активистов пионеров, срывают уроки, воруют друг у друга вещи.¹³ Сообщалось, что в школе Магнитогорского соцгородка была «бандитская воровская» шайка», которая «вредила школе, терроризировала педагогов и учащихся. Этой бандой руководили кулаки, бандиты и воры.»¹⁴ В Карабаше близ Челябинска «была создана группа, желающая жить весело и беззаботно. Руководила группой школьница — ударница учебы. Группа ее называла Лелькой Атаманшей. Ее отличительной внешней признак: носила мужскую рубашку с растегнутым воротом. Во всех делах Лельке помогал вор, бандит, которого знали только по имени Олег.»¹⁵ В Шадринске «двое школьниц Галя Скопина — 13 лет, дочь подкулачника и Титова — дочь бывшего офицера организовали общество «борьбы за равенство и правду». У них был единственный лозунг в работе: «Не верить в победы социализма, бороться за веру и правду». Группа вербовала членов и писала контрреволюционные листовки.»¹⁶ В том же городе «церковница Визберг, бывшая

жена генерала, в октябре 1932 г. организовала группу школьников, якобы для изучения музыки. На самом же деле она намечала через своих посетителей развернуть контрреволюционные дела в школе. К ней ходили в начале только 5 девочек. Она их обучала играть на рояли церковные каноны, устраивала с ними игры, помогала готовить уроки, и постепенно начала разворачивать контрреволюционную агитацию. Визберг хвалила старую школу и издевалась над советской школой. Устраивала экскурсии в собор, рассказывала о мощах, святых и вообще о религии. Регулярно угощала своих посетителей чаем, и далее намеревалась организовать каток, в работе ей помогал местный поп. С 5 человек группа выросла до 18 человек, среди них были пионеры.»¹⁷ В том, что поведение детей было связано с «контрреволюционными делами» можно сильно усомниться, скорее это штрихи к повседневному времяпрепровождению школьников на новостройках, в больших и малых городах.

То же самое отмечалось в столице. Мосгорно в отчете Моссовету в 1932 г. докладывало о классовых вылазках учеников, избиении пионеров и учителей. Говорилось о существовании антисоветских организаций «Общества забастовок и прокламаций», «Либерально-демократического союза», «Общества Черного Полумесяца.»¹⁸

Пионервожатая школы Московской школы №12 прислала в райком партии письмо о неблагоприятном положении в школе. Проверка показала: «Большая группа ребят ежедневно напивалась и приходила в школу мертвецки пьяной. Тут были ребята 12-13 лет, которых приходилось прямо откачивать. Более того, мы в течение 4-х часов беседовали с одним мальчиком 12 лет, Грачевским, который развернул перед нами исключительно четкую программу контрреволюции. Эта программа была настолько четко сформулирована..., что не верилось, что ее так развивает мальчик 12 лет:

- Вас, – говорит, ведь скоро не будет.
- Как нас скоро не будет, а куда мы денемся?
- Вы сейчас вяжетесь на Востоке, а мы с тыла.
- А кто «мы»?

Ответа не последовало, хотя ясно, что ученик повторил лишь слышанное от взрослых. Мать его была домохозяйкой, отчим – рабочий с «Серпа и Молота.»¹⁹

Был выявлен ряд хулиганских групп. В показательной школе им. Радищева существовала организация «11 чертей». В другой школе обнаружили «организацию изобретателей» (изобретателей взрывчатых веществ). Показателен был ее нечленораздельный характер, полухулиганский, но явно политизированный. На вопрос, зачем им взрывчатые вещества, ответили: «Изобретем летательный аппарат, полетим в Лондон и будем взрывать дома.»²⁰

В материалах к отчету МГК ВКП(б) за 1937 г. говорится о создании в некоторых школах Москвы «нелегальных» (то есть созданных не по указанию взрослых) организаций – «Золотой зуб» в школе №313, общества «Белая пуговица» в школе №610, о выпуске самодельных рукописных журналов и стенгазет (школа №59). В школе №232 Дзержинского района столицы в течение 1936-37 гг. существовал литературный кружок из учеников 9-10 классов, названный в отчете «подпольным.»²¹

Во многих школах было распространено писание альбомов с сентиментальными стихами, признаниями и т.д., что, естественно, вызывало пристальный интерес воспитателей. Внимание авторов докладной записки в ЦК ВЛКСМ о недостатках в работе школ за 1937 г. привлекло, например, следующее откровенное признание в альбоме Новокупцевой Раи, ученицы 6 класса Атяшевской средней школы Мордовской АССР:

*Люблю тебя, как жид селедку,
Люблю, как немец колбасу,
Люблю тебя, как русский водку...
Любить сильнее уж не могу.²²*

Вместо того, чтобы поставить ученице «пятерку» за наблюдательность и для интереса посмотреть на объект столь необычной любви, проверяющие, шокированные бытовым национализмом стишков, тут же раздули политическое дело. Между тем очевидно, что корни бытового национализма детей – в среде взрослых, прежде всего – родителей. Точно так же трудно обвинить в авторстве антисоветских частушек ученицу 4 класса далекой Кулясовской начальной школы (Мордовия), которая на районной олимпиаде детской художественной самодеятельности к ужасу зрительного зала, ничего не подозревая, пропела частушку, популярную в родной деревне:

*Пятилетка, пятилетка,
Пятилетка в десять лет
Не пойду я к вам в колхозы:
У вас в колхозах хлеба нет!²³*

Как видно из источников, любимой шалостью малолетних сорванцов в 30-е годы был обстрел из рогаток портретов, висевших в школьных коридорах и классах. Хорошо, если они выбирали кого попроще, из писателей или ученых, но если лидеров партии и государства, тогда держись! Перед нами докладная записка инспектора Управления начальных и средних школ Наркомпроса Алексеева от 2 ноября 1935 г., направленная в адрес Наркома Бубнова и зав.Мосгорно Дубровиной под грифом «совершенно секретно» и выдержанная языком военных сводок: «Установлено, что в средней школе №4 Сталинского района г.Москвы 26 октября сего года группой учеников 4»в» класса в числе 6 человек: Былинкин, Клочков, Артамонов, Сомов, Синеев и Маркелов Михаил производилась стрельба из рогатки в портрет т.Кагановича. Организатором этого антисоветского выпада был ученик Маркелов – сын члена ВКП(б), работающего членом правления Общества потребителей...»²⁴ Вряд ли у кого из ребят были личные претензии к т.Кагановичу, просто захотелось пострелять из рогатки. В результате баловство было квалифицировано как антисоветские действия, досталось и учителям, и родителям.

Аналогичные случаи зафиксированы и в других школах. Так, из закрытого письма Горьковского ГК ВЛКСМ (утверждено бюро ГК 16 февраля 1935 г.) узнаем, что «в школьном городке Свердловского района 28 сентября 1934 г. учащиеся 6 класса всячески издевались над портретами наших

вождей». В докладной записке о фактах противонародного влияния в отдельных школах Мордовии от 21 февраля 1937 г.: «В ноябре месяце [1936 г.] был факт, когда кусками хлеба был закидан портрет т.Ежова. Ученик 8 класса «а» Савченко несколько дней тому назад на портрете Н.К.Крупской (который висит в классе) мелом нарисовал усы. Обнаружено также, что изорван портрет т.Ворошилова». Все эти шалости с портретами, по всей вероятности, не имели политической подоплеки, но свидетельствовали о явном недостатке пиетета среди подрастающего поколения по отношению к вождям. Вместе с тем, заставляет задуматься тот факт, что ничего подобного не делалось по отношению портретам умерших классиков марксизма-ленинизма, которых дети по непонятным причинам щадил, либо же подобные случаи не становились предметом разбирательства.

Другой тревожный симптом школьной жизни 1930-х годов, о котором не принято было говорить, — широкая распространенность и популярность среди школьников фашистской свастики. Так, приехав в 1937 г. в одну из школ Мордовии, проверяющий был буквально шокирован этим обстоятельством и решил провести настоящее расследование. «Так, например, — писал он в докладной записке, — мною лично был задержан 13 февраля 1937 г. в коридоре этой школы во время перемены ученик 4«а» класса Гришин Петр, который клеил рукой (на ладони которой был написан мелом фашистский знак) на спину ученику этой школы 4-го класса Чертополохову. Разговаривая с учеником Гришиным, он сказал, что это распространяется в школе давно и указал что клеят также значки Черняевский, Чепрыгин, Колзаков, Лыткин, Ситников, Глазов... Подобные факты имели место и в старших классах, так, например, ученик 7 класса «б» Соболев 28.1.37 г. рисовал фашистскую свастику мелом на парте, ученики «8»а» класса Савченко и Моисеев на парте рисовали мелом фашистские знаки. Является также установленным, что в начале января 1937 г. в 5 классе «в» на печке был чернилами написан фашистский знак. Кроме того, мною лично при осмотре помещений школы замечена была фашистская свастика на стенах в коридорах.»²⁵ Аналогичные данные о шалостях школьников со свастикой имеются и по другим школам и регионам, что говорит о распространенности этого явления, которому придавалось, конечно же, политическое звучание и виновные нещадно карались.²⁶

Запретно-нездоровый интересе к фашистской символике, который проявляли взрослые, показывая поистине чудеса перестраховки, отражался на детях. Им, как известно, именно скандальный и запретный плод особенно сладок. Имеются в виду «взрослые игры» с пионерской символикой, разгоревшиеся не на шутку и не оставшиеся без детского внимания. 14 ноября 1937 г. зам. редактора «Комсомольской правды» Порельштейн получил письмо от Ленинградского корреспондента газеты Финогенова, содержание которого давно являлось для школьных и пионерских работников секретом Полишинеля. «Нам стало известно, что во многих школах Ленинграда и области пионервожатые и комсорги потребовали от пионеров, чтобы они немедленно сдали им пионерские галстуки и пионерские значки, так как получена соответствующая директива от вышестоящих организаций. При этом они объяснили, что значок обозначает фашистский знак, на нем изо-

бражен серп и молот, горящий на костре. На галстуках, если смотреть на свет, — должен быть виден силуэт Троцкого.»²⁷ Пораженный явной чепухой и мистикой, корреспондент пошел в 21 школу Октябрьского района и выяснил, что накануне вожатые действительно отобрали у пионеров галстуки и значки, в соответствии с указанием райкома комсомола, который в свою очередь получил директиву из обкома ВЛКСМ, а обкому приказали все это осуществить устно по телефону из ЦК ВЛКСМ. Выяснив все это, корреспондент продолжал:

...Такова же история этого возмутительного случая и в остальных школах. Узнав об этих фактах, обком ВКП(б) указал секретарю Ленинградского ОК и ГК ВЛКСМ т.Любину за недопустимые явления. Однако Обком и ГК ВЛКСМ не проверяют сейчас, как на местах идет исправление допущенных безобразий. В некоторых школах, как например в 21 школе Октябрьского района вместо того, чтобы немедленно вернуть пионерам галстуки и значки, комсорги и вожатые совещаются, как лучше педагогически это сделать и до сих пор ничего не сообщают ребятам.

Сегодня Мосрайоно спустил по школам и детсадам директиву: снять со стен портреты т.Сталина вместе с пионеркой Маркизовой, так как ее отец враг народа. Работники детских садов и школ района вместо разоблачения этой гнусной провокации стали немедленно осуществлять на практике полученную директиву. В Московском РОНО заявляют, что им об этом сообщили из Московского РК ВЛКСМ и из отдела школ РК ВКП(б). Только поздно вечером из ГК партии позвонили в РОНО и потребовали немедленной отмены этого нелепого и явно контрреволюционного распоряжения.

До некоторых школ еще не дошло новое директивное указание ГК партии об отмене этого провокационного распоряжения, поэтому там происходит то, что имело место во многих других школах. Кое-кто, воспользовавшись такой контрреволюционной директивой, советовал ребятам сжечь на огне галстуки, что некоторые ребята и сделали.

ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1267. Л.44-45. Подлинник. Машинопись.

Приведенный выше документ свидетельствует об истерических метаниях людей, отвечающих за работу с детьми, с единственной целью — «держать нос по ветру», чтобы не очутиться в ГУЛАГе. В этой обстановке сами дети мало интересовали ответработников.

Как следует из материалов к отчету МГК ВКП(б) за 1937 г., аналогичная ситуация была и в Москве, где «массовое распространение имела провокация о фашистских якобы значках на пионерских галстуках...»²⁸

Школы 30-х годов — это, конечно же, — срез жизни всего общества, но срез не обычный, подчас более яркий и показательный. Работать школьным учителем в 30-е годы было не только сложным, но и опасным делом. Контролирующие инстанции детально сообщали «наверх» о чрезвычайных происшествиях на уроках и разговорах среди учащихся. В докладной записке уполномоченному КПК при ЦК ВКП(б) т.Френкелю от 21 февраля 1937 г. сообщалось:

22 ноября 1936 г. на уроках учителя Бабина (Мордовия), члена ВКП(б), были прямые антисоветские выступления некоторых учеников. На вопрос: «Почему война против Советского Союза будет самой опасной для буржуазии войной?» учащийся Юренев ответил так: «Буржуазия пойдет на Советский Союз, кула-

чество восстанет, привлечет на свою сторону колхозников и все вместе выступят против Советской власти». Его поддержали ученики – члены комсомола Медведев и Заикин. Учитель Бабин вместо разоблачения контрреволюционной сущности такого ответа пустился в дискуссию с учениками, поставив перед ними новый вопрос: «Чем вы это обосновываете?». И на это последовал ответ: «Положение в деревне плохое, вот Вы снимите галифе, поезжайте в деревню, послушайте, что говорят крестьяне. Только похуже оденьтесь, и Вы все узнаете».

ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1265. Л.38. Копия. Машинопись.

Подобные дискуссии на уроках и откровения учащихся не были редкостью. Школьники по наивной откровенности, а когда – из ухарства перед классом выдавали такие вещи, что учителя хватались за голову и бросались выполнять свой профессиональный долг проводников партлинии. Когда учитель Беляев – бывший красногвардеец и участник Октябрьской революции – был назначен директором 119 школы Москвы, он прошел к выводу об антисоветских настроениях в среде учащихся. В письме на имя Сталина и Косарева от 26 августа 1937 г. он поспешил сообщить: «В отношении окончивших (103 чел.) 10 классы в этом 1937 г., у меня сложилось и осталось убеждение, что 90% из них – не наша молодежь, и это будет доказано жизнью и фактами их деятельности в вузах и на работе». Бдительный директор школы, донося на своих учеников, не поленился приложить к письму списки выпускников с их домашними адресами.²⁹

В стремлении установить жесткую дисциплину в школах некоторые администраторы проявили завидное творчество. Так, в 1935 г. в одной из школ Омской области решили «для укрепления дисциплины» организовать принудительную стрижку всех школьников, как мальчиков, так и девочек. Нет ничего удивительного в том, что, как сообщалось в докладной записке комсомольскому секретарю А.В.Косареву, «стрижка вызвала большое недовольство родителей и самих учеников, особенно девочек. Посещаемость в школе в дни стрижки снизилась до 60%».³⁰

В докладной записке в СНК СССР от 12 апреля 1941 г. отмечалось:

Некоторая отсталая часть педагогов в целях установления дисциплины прибегает к незаконным методам воздействия на учащихся: учитель школы села Степановки Черненко (Комаровского района Черниговской обл.) систематически применял к ученикам физическое воздействие (таскал за уши, бил по голове линейкой и т.д.), учитель школы Ново-Светловского Ворошиловградской области Ткаченко во время уроков с целью соблюдения тишины в классе заставил ученицу 3 класса Журавлеву набрать в рот воды и продержать весь урок с тем, чтобы вылить воду после окончания урока в присутствии учителя. Этот же учитель неоднократно выгонял учеников из класса, обзывал детей «гадами» и т.п. Такие же факты имели место в других областях.

ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1472. Л.49. Копия. Машинопись.

Однако это приводило, скорее, к обратным результатам. В школах Омской области, как отмечалось в той же докладной записке Косареву от 1935 г., продолжалось распространение анекдотов и выдумок, направленных на дискредитацию советской власти и ее вождей. «Ленин любил ходить в ботинках, а Сталин предпочитает сапоги. Что бы это значило?» Такие вопросы

на сообразительность были весьма популярны среди школьников. Для несообразительных взрослых в документе давался и ответ: «Это означает, что Ленин вел нас по сухому, чистому пути, а Сталин все больше по болоту.»³¹

Среди просмотренных архивных документов встречается немало фактов самоубийств школьников и учителей. Очевидно, специфика 30-х годов заключалась в невероятных физических и моральных перегрузках, крайних формах вмешательства общества и государства в человеческую личность, в возрастании чувства безысходности, в искусственном утрировании значимости многих идеологических проблем. Впрочем, каждый случай имел свою основу, свои причины, о которых, возможно, мы никогда не узнаем. В официальных документах указывалось чаще всего официальные же, то есть более удобные, причины. «20 ноября 1937 г. в 313 школе повесился ученик 6 класса пионер Васильцев, — говорилось в одной из докладных записок о состоянии московских школ, направленной 28 ноября 1937 г. в ЦК ВКП(б). — Причина — он был выгнан из класса преподавателем черчения, а так как дома бытовая обстановка тяжелая (рос без отца, семья материально нуждалась) и боясь неприятностей дома, он покончил с собой. 25 ноября повесился у себя на квартире ученик 525 школы пионер 4 класса Кирсанов.»³² Строки этого документа предельно лаконичны, как сводки боевых потерь. Но ведь это чрезвычайное происшествие — столько детских самоубийств! И случайно ли то обстоятельство, что происходит все это в 1937 г., в разгар сталинского террора, обстановки массового психоза, когда неокрепшая детская психика на пределе и любая капля может оказаться роковой? Случайно ли то, что учителя, измотанные физически до крайности, а еще больше измотанные непосильным грузом психологической ответственности, подчас полуголодные решались на самоубийства? Об одном из таких случаев в Омской области сообщалось в докладной записке на имя Сталина, Андреева и Косарева от 31 июля 1935 г.:

8 мая сего года в Сединском сельсовете Ново-Заимского района покончил свою жизнь самоубийством комсомолец Воробьев — учитель местной школы 1 ступени. В предсмертной записке, которую оставил Воробьев, он писал, что недоволен местной Советской властью, так как он материально не обеспечен. Расследовавшие самоубийство сотрудники органов провели вскрытие тела на предмет подтверждения факта плохого материального обеспечения Воробьева. Результат этого фарса был зафиксирован: «При вскрытии тела Воробьева пища в желудке не была обнаружена. Следствием также установлено, что Воробьев жил в очень скверных материальных условиях, местным учителям зарплата иногда не выдавалась по несколько месяцев».

ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1129. Л.63. Копия. Машинопись.

Неужели для того, чтобы понять, голодает человек или нет, необходимо ждать его самоубийства и затем копать в желудке мертвого: а вдруг все же что-нибудь съел и повесился не от голода, а, к примеру, как все же приписали Воробьеву, по причине чтения «упаднической литературы (Есенин)».

Одной из самых мощных и безусловно действенных организаций, занимавшихся воспитанием молодого поколения на новых, коммунистических принципах, была пионерская организация. Ее ячейки существовали в 1920-

30-е годы в колхозах, школах, детдомах, других детских учебных и воспитательных учреждениях. Имевшая формальную самостоятельность, пионерская организация была безусловно одним из центральных звеньев в цепочке пионерия-комсомол-партия. Ставя во главу угла воспитание детей в духе преданности социалистической Родине, взрослые дяди из ЦК ВКП(б) прекрасно понимали, насколько важны те основы мировоззрения, которые закладываются в юном возрасте. Именно поэтому соответствующая символика и атрибутика, наряду с беседами и иными формами работы, имела такое значение в пионерских отрядах. Характерно, что в 30-е годы воспитание велось не только и не столько в духе преданности идеям, сколько конкретным вождям, с ними отождествляемым. Не случайно традиционный призыв звучал: «Пионер, в борьбе за дело Ленина-Сталина – будь готов!», на что должно было непременно следовать «Всегда готов!»

В архивах сохранилось немало приветственных писем-отчетов пионеров в адрес партийных и государственных руководителей, разных форумов и т.д., из которых можно сделать вывод об идиллической ситуации внутри пионерской организации. Написанные детской рукой, каллиграфическим почерком лучшего ученика и без обычных детских ошибок, эти письма часто писались под диктовку взрослых. Один из ярких образчиков такой корреспонденции – приветственное письмо М.И.Калинину, написанное пионерами 6-й оздоровительной школы накануне XVII съезда партии в январе 1934 г.:

ДОРОГОЙ МИХАИЛ ИВАНОВИЧ!

Шлем тебе горячий пионерский и октябрятский привет от учеников 6-ой оздоровительной школы. Поздравляем тебя с XVII Парт Съездом как одного из старых членов ВКП(б). Мы хотим сообщить Вам о том, что наша школа тоже готовилась к Съезду ВКП(б). Сначала провели собрания по группам, дали обязательств каждый по учебе и дисциплине. Стали соревноваться группа с группой, бригада с бригадой, кто лучше выполнит обязательства. Неудачающих у нас только 9 чел. а было 19 чел. Родители подарили нам Красное Переходное знамя. К концу года добьемся мы, чтобы не было ни одного неудачающего. У нас в школе из 120 чел. лучших ударников 43. Они учатся на хорошо и отлично и выполняют режим. Ведем мы общественную работу. Вступили все в члены МОПР. Помогаем Чувашскому колхозу «Знамя революции», открыли детские ясли, посылали деньги, игрушки, помогаем школе: послали конструктор, учебные пособия и деньги на семена школьного огорода. Колхозная школа присылает свои работы. С ними мы все время переписываемся. Сейчас мы готовимся к весенней посевной кампании, производим сбор на колхоз, работаем у себя в живом уголке. Дедушка, мы самые счастливые из детей Советского Союза. Наша школа организовалась после Октября. Мы здесь учимся и лечимся. Наша школа – школа будущего. В открытых школах обращают внимание на здоровье детей и вот нас слабых детей направили в Оздоровительную школу.

Михаил Иванович! Упомяните на Съезде ВКП(б) о том, как дети трудящихся учатся, лечатся и воспитываются, чтобы быть готовыми на смену отцов.

В борьбе за рабочее дело всегда готовы!

Подписи детей. Всего – 21 подпись.

Детская демонстрация в подмосковном колхозе в период сплошной коллективизации.

Марш под лозунгами «Ликвидируем кулачество как класс» и «Все на борьбу с вредителями сельского хозяйства»

Среди многочисленных писем детей самые интересные – те, которые написаны без подсказки и участия взрослых – родителей, учителей или пионервожатых. Такие письма – далеко не образец орфографии и политической выдержанности, зато подкупают своей непосредственностью, искренностью и рисуют реальную картину жизни пионеров 30-х годов, какой она представлялась самим детям. Вот Лиза Зарубина и Женя Смирнова из деревни Тропа Ивановской промышленной области собрались однажды в марте 1933 г. и решили написать письмо М.И.Калинину. Почему именно ему? Они это объяснили сами:

Добрый день дядя Миша!

Шлем тебе свой сердечный привет и всего хорошего в твоих больших делах. Дядя Миша, мы давно наслушались про тебя, что ты хороший мужичек, все тебя хвалят и нам захотелось написать тебе письмо. Ты на нас наверное не рассердишься, что мы тебе написали, но нам страсть хочется повидать тебя, посмотреть на Москву. Мы не где кроме своей деревни не были и ничего хорошего не видели. Ище хочется повидать могилку милова дяди Володи, да там вас много хороших дядей.

Мы видали на картинках и когда если кто говорил, что был в Москве и видел все, то мы с завистью слушали. Дядя Миша, напиши нам скорей ответ. Хоть мы посмотрим на твое письмо, если не когда не удастся видеть тебя самого. Досвиданье, ждем ответа. Передай привет дяде Сталину и всем другим.

*Лиза Зарубина и Женя Смирнова. Наш адрес: П.Володарского района ИПО почт.отдел. Мимошино, Н.Тропский с/совет д.Тропа
Досвиданье дорогой дядя Миша»*

РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.456. Л.4. Подлинник. Рукопись.

«Мы самые счастливые из детей Советского Союза», – писали Калинину пионеры из 6 оздоровительной школы. «Мы нигде кроме своей деревни не были и ничего хорошего не видели», – противоречили им девочки изпод Иванова, для которых, как и для подавляющего большинства детей 30-х годов, приехать в большой город, в тем более в Москву, было тем же самым, что попасть в сказку. Как ни парадоксально, но именно в письмах детей пульс обыденной жизни советской глубинки улавливался подчас яснее, чем в кипах отчетов. Вот и письмо Калинину юного пионервожатого Геррманна Роланда от 23 ноября 1934 г. на самом деле рассказывает не только о трудностях организации пионерских отрядов на местах, но и дает рельефный срез настроений в немецком национальном колхозе.

Дорогой дедушка М.И.Калинин!

В газете № 310 «Правда» от 11 ноября 1934 г. я читал в вашем докладе на торжественном заседании о достижениях нашего Советского Союза. О выплавке металла, о сельскохозяйственном машиностроении, о химической промышленности и т.д. Разрешите вам сообщить о наших достижениях в нашем маленьком колхозе им. «Роза Люксембург» Колтуновского сельсовета Георгиевского района Обиленской М.Т.С. Сев.-Кавказского края. Наш колхоз маленький, всего 150 членов колхоза из них 60 трудоспособных. И знайте, почти все немцы не любят советскую власть. Хочу вам сперва написать как возник наш пионерский отряд. Мой папа учителем в кол. Колтуновке уже 10 лет. Он сам беспартийный, но участвует во всех советских политических работах. Я пионером уже 2 года. В настоящем году мне удалось накануне 1 мая завербовать двух моих товарищей,

которые объявили себя пионерами на общем собрании. На следующий день мне с папой удалось в школе завербовать еще 11 учеников, но знаете, как немцы, без разрешения родителей некоторые ученики не могли вступить в пионеры, папе пришлось ходить к родителям на дом и переубедить их и получить от них согласие. Таким образом у нас получился отряд пионеров в 14 человек. Конечно наши правления колхозов Роза-Люксембург и Карл – Либкнехт Слижевский, Губер и Гек Отто нам много помогли. Они купили сейчас-же для всех пионеров – пионерские костюмы, горн и барабан. Я стал вожатым этих пионеров. На первомайском торжественном собрании все пионеры объявили себя шефами над жеребьятами и поросятами, а девочки над птицефермой. Кроме того мы пионеры работали и помогали колхозам. Охраняли урожай, помогали косить, полоть, ездить верхом. Теперь после всех работ политических кампаний мы пионеры в свободное время находимся в колхозном дворе, где чистим своих подшефников и учим скакать через препятствий, так что если подшефники вырастут будут готовы для Красной армии. С тех пор как мы пионеры начали помогать нашим колхозам, они стали первыми в Георгиевском районе. Но и в учебе не отстаем. Наши школы, посредством соцсоревнований и ударничества, стали первыми в районе. Большинство наших учеников ударники, а также все наши колхозы достигли первенство в районе по всем хозполиткампаниям, а это первенство, мы пионеры не допустим сдавать. Нам хотелось иметь письменное сношение с зарубежными нашими товарищами-пионерами, но не знаем, как туда писать, по какому адресу. Дедушка Калинин извините за беспокойство, не знаю, что вас больше интересует с нашего маленького отряда, я вам написал бы все. – Если окончу учение, тогда, приеду тоже в Москву, я сейчас учусь в 5-ом классе Н.С.Ш. в пос. Михайловском, которую открыли только осенью, поэтому она еще очень плохо оборудована и совершенно без наглядных пособий. Завтраки еще не налажены хорошо. Ходить мне пешком ежедневно 3 км туда и обратно. Учусь я только на хорошо и отлично. Как наши передовые колхозы несколько раз премированы за первенство, так и наши пионерские отряды Колтуновского сельсовета и отдельные личные пионеры премированы за хорошую работу.

Я премирован на Георгиевском Районном слете пионеров балалайкой. Колтуновским сельсоветом 10 руб. и колхозом им. Роза-Люксембург грамотой и 5 р. Пока все, на следующий раз, если получу от Вас ответа, почаще буду писать.

С пионерским приветом. Будь готов!

Пионер вожатый Геррманн Роланд.

РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.526. Л. 6-8. Подлинник. Рукопись.

Молодое поколение 30-х Их с пеленок учили быть правдивыми, непримиримыми к недостаткам, разоблачать и бороться с врагами социализма. Для многих детей это превращалось в забавную игру, а если удавалось что-то серьезное – то и льстило самолюбию. Часто незаметно, сами собой, эти «игры» входили в плоть и кровь, формируя стереотипы поведения и отношения к действительности. «И знаете, почти все немцы не любят Советскую власть», – написал немецкий мальчик Геррманн Роланд, думая, что это – не донос, а чистая правда, и даже не подозревая, что тем самым он может обречь на гибель всю деревню. Прозрение наступало, как правило, тогда, когда беда стучалась в дом, касалась родных и близких. А пока что эстафету Павлика Морозова продолжали пионеры и комсомольцы 35-й школы г.Куйбышева, составившие в сентябре 1936 г. письмо, в котором они разоблачали контрреволюционную работу кулака:

Есть справка от Зубчаниновского сельсовета, что гражданин Александр Александрович Дьяконов – кулак, очень вредный паразит для нашего строительства. Ваша обязанность сделать чистку вашего учреждения, мы смена растем, но эти кулаки все-таки тормозят нашей учебе и воспитанию своими прокламациями. Я Миша Горбунов, Зина Стрелкова и много других наших пионеров и комсомольцев видели, как он наклеивал прокламации, что «скоро война, большевиков задашим, Сталина повесим, а Крупскую с любовниками расстреляем», «Празднуйте Пасху – она дана Богом» и другие нелепости. Я хотел сорвать, он заметил, что мы следим за ним, скорей оборвал. Одному из нас дал подзатыльник, другому уши надрал, ссылаясь на нас, что якобы мы сделали. Это ловкий кулак, но мы узнали, где он работает и решили написать Вам, что его надо оттуда убрать-уволить. Мы следим за всем, это наш долг перед Советской властью.

Пионеры и комсомольцы 35 совшколы г.Куйбышева

Не успели мы у него вырвать эту прокламацию, он быстро разорвал, вот как трудно бороться с кулаком, он ловчее и находчивее нас, нас же и обвинил. Ну ничего, мы свой пост не оставим, только партийцы идите на помощь.

ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1188. Л.102. Копия. Машинопись.

Как видно из документов, на местах пионеры действительно оказывали большую помощь хозяйствам, особенно в уборке урожая и выращивании молодняка. Однако, к сожалению, общая политизация жизни 30-х годов сказалась и на деятельности пионерских организаций, теряющих самостоятельность. Бюрократизм, заорганизованность вытесняют остатки романтизма пионерии 20-х годов. Во многих организациях политико-воспитательная работа становится самодовлеющей, при этом многие мероприятия проводятся формально, для галочки. Мелочная опека взрослых приводит к тому, что дети перестают чувствовать себя хозяевами в пионерской организации, которая все больше превращается в послушный комсомольско-партийный придаток. Особое внимание уделяется формированию кадров пионервожатых, которые и призваны были стать проводниками политики партии в пионерских отрядах. Однако, как видно из документов, «номенклатурные пионервожатые» – послушные исполнители указаний сверху и люди «политически выдержанные», часто не имели не то что таланта, а даже элементарного образования для работы с детьми и не пользовались у них авторитетом. Воспринимавшие вожатство как начальный этап политической карьеры, многие из этих молодых людей больше всего на свете боялись сделать ошибку. А значит, они стремились работать по плану, утвержденному сверху, по инструкции. Их пугало творческое начало, инициатива снизу, которые могли привести к непредсказуемым последствиям. Особенно чуткие к фальши и показухе, многие дети замыкались в себе, не веря в возможность что-либо изменить. В результате, несмотря на внешне вполне благополучную картину и продолжающийся рост рядов пионеров, начало 30-х годов ознаменовалось внутренним кризисом пионерского движения. Как и во взрослой жизни, в детской среде все большее распространение приобретали двойные стандарты поведения, двойная мораль. И после этого воспитатели удивлялись, как так произошло, что лучший по поведению школьник, пионер придя домой и сняв галстук, оказывался самым отъявленным хулиганом. Обеспокоенные снижением авторитета пионерской ор-

ганизации, а значит и возможностей влияния и контроля за подрастающим поколением, партийные и комсомольские руководители обсуждали вопрос «О пионерской работе» на заседании Оргбюро ЦК ВКП(б) 7 мая 1933 г.

Цитируемый ниже диалог Л.М.Кагановича с пионервожатым Октябрьского района Москвы Дорфманом интересен во многих отношениях. Это — своеобразная игра в кошки-мышки, где Каганович настаивает, чтобы Дорфман рассказал не «как положено», а какова ситуация в пионерской среде на самом деле. Тот же, видимо, впервые в жизни присутствовавший на столь ответственном заседании, явно нервничает, приспосабливается к разговору, все время стремится подстроиться под хитрого Кагановича и одновременно не допустить ляпсусов, что плохо получается. И вот он уже под общий смех утверждает, что ребятам все равно, с кем танцевать — с мальчишками или с девочками, что «буржуазный» танец фокстрот никто не танцует и т.д.:

КАГАНОВИЧ. Что нас больше все интересует — это услышать от вас, чем недовольны сами пионеры; как они рассуждают и чем недовольны?

ДОРФМАН. Основной недостаток вот какой. Чего требует пионер? Это того, чтобы он являлся хозяином своей организации.

КАГАНОВИЧ. Вот вы каким языком говорите. Мы спрашиваем не об этой формуле. Вы скажите простым языком, каким вы разговариваете с ребятами и как они с вами разговаривают.

ДОРФМАН. Они недовольны, что нет технических кружков.

КАГАНОВИЧ. Только этого им и не хватает? Только за этим они скучают?

ДОРФМАН. Нет красочности в работе.

КАГАНОВИЧ. Что значит красочности?

ДОРФМАН. Нет клуба.

КАГАНОВИЧ. Вот Вы скажите нам хотят они танцевать, и с кем? Мальчишки ли с девочками ли, или им безразлично?

ДОРФМАН. В этом различия конечно нет (смех).

КАГАНОВИЧ. Мы просим вас, товарищи вожаки пионеров, не стесняйтесь, рассказывайте по-просту, не старайтесь рассказывать языком, приспосабливаясь к нам. Скажите чего хочет пионер. Хочет ли чтобы ему были танцы, хочет-ли он ходить в музей, заниматься искусством, ходить в театр, кино. Чего он хочет? Хочет-ли он чтобы сам ходил в кино, или чтобы его водили, сколько раз он хочет по свободному, чтобы один он ходил без контроля, или под контролем? Хочет ли он контроля или нет, если хочет, в какой мере?

ДОРФМАН. Чего хочет пионер? Ему хочется посмотреть хорошую картину. Организованным порядком он ходить не любит.

КАГАНОВИЧ. А ходит ли он организованным порядком?

ДОРФМАН. Ходит.

КАГАНОВИЧ. В школе показывают кино?

ДОРФМАН. Показывают. Вот у нас, например, в школе есть кино-установка.

КАГАНОВИЧ. Какие картины показывают?

ДОРФМАН. Больше всего пускаем научные картины, как пособие, связанные с той или иной проработкой темы.

КАГАНОВИЧ. А какие картины больше всего нравятся пионерам?

ДОРФМАН. Драка. Где есть борьба, где идут прыжки.

КАГАНОВИЧ. Еще что?

ДОРФМАН. Обычно можно услышать такой разговор среди пионеров: вот выступает Вильям Харт, участвуют американские артистки. Сейчас съагитируют, соберется человек 10 и пойдут самостоятельно в кино.

КАГАНОВИЧ. По каким признакам собираются?

ДОРФМАН. У звена есть план работы, в месяц 3 раза сходить в кино. Это они выполняют. Но помимо этого ребята собираются по 3-4 человека и по окончании учебы бегут в кино на интересующую их картину.

КАГАНОВИЧ. Девушкам какие картины больше нравятся? Или они не скажут? Чего еще хотят дети? Танцами, например, они интересуются?

ДОРФМАН. Массовыми танцами очень интересуются.

КАГАНОВИЧ. А часто приходится им танцевать?

ДОРФМАН. На каждом вечере.

КАГАНОВИЧ. А сколько раз в месяц бывают такие вечера?

ДОРФМАН. Два раза в месяц, но кроме того бывают и еще вечера.

КАГАНОВИЧ. Какие это вечера?

ДОРФМАН. Вечер ударника, вечер пионеротряда, вечер школы.

КАГАНОВИЧ. Где проходят эти вечера? Расскажите про какой нибудь конкретный вечер.

ДОРФМАН. Ну вот проходил вечер в школе, посвященный вопросу реализации решения ЦК о работе пионерорганизации. Этот вечер был устроен и проведен совместно с родителями и общественностью. На этом вечере была маленькая информация секретаря партячейки о реализации решения ЦК, потом выступил представитель ЦК комсомола и затем была краткая информация о работе нашей пионерской базы. Мы премировали лучших ударников — пионеров радиоприемниками. Была выдано 5 радиоприемников, а всего было премировано 28 человек. После этого была самодеятельность самих ребят.

КАГАНОВИЧ. Что это за самодеятельность, в чем она выражалась?

ДОРФМАН. Выступали звенья, давали физкультуру, давали танцы, были индивидуальные танцы, скажем из балета «Красный мак», «Яблочко», проводили массовые танцы. Затем была художественная постановка самих ребят и была живая газета. Ну, а потом было, конечно, угощение для ребят.

КАГАНОВИЧ. А вообще у вас танцы допускаются? Где ребята могут показать свое ухарство, всякие фокусы показать, — такие танцы допускаются? Ну, вот скажем «Казачек»? Таких танцев у вас нет?

ДОРФМАН. «Казачка» ребята не знают, а вот русскую очень любят танцевать. «Яблочко» нравится и есть любители танцевать «Шамиля».

КАГАНОВИЧ. А как у вас насчет фокстрота? танцуют его легально или нелегально?

ДОРФМАН. Фокстрота не танцуют, и нелегально тоже не танцуют.

КАГАНОВИЧ. Наверное танцуют, только вы не знаете. Ну чем еще ребята интересуются? Вы говорил насчет технических кружков, что это за кружки?

ДОРФМАН. Радио-кружок, кружок выпиливания, кино.

КАГАНОВИЧ. Еще что?

ДОРФМАН. Шумовой оркестр организован. Этим они очень интересуются.

КАГАНОВИЧ. Больше всего какие дети интересуются этими кружками? Эти кружки охватывают небольшую группу детей?

ДОРФМАН. Пятые-шестые группы. Я-бы сказал, что эти кружки охватывают, конечно, не большинство и вот почему — с одной стороны нет руководителей, а с другой стороны нет средств.

КАГАНОВИЧ. Еще чем интересуются?

ДОРФМАН. Интересуются они многим.

КАГАНОВИЧ. А между детьми, между пионерами как складываются отношения? Безразлично, или есть острые споры, недоброжелательство эгоистичность, такой эгоцентризм. Что преобладает больше всего? Может быть вы расскажете несколько примеров из своей работы.

ДОРФМАН. Я могу рассказать факт политического порядка и факт порядка учебного. Первый факт. Было такое дело. Одна дивчина перестала ходить в школу. Девочка из второй группы — 12 лет. Не ходила в течение трех дней. Почему? Оказалась она жила рядом с церковью, затащила ее какая-то старушка в церковь и она там ходила вместе с попами, собирала деньги, протирала окна, мыла полы и проч. Здесь этим делом я занимался лично сам. Пошел и взял еще двух пионеров, выяснили причину, выявили, что поп известный Веденский и еще один поп 22 лет эксплуатировали эту дивчину. Нам удалось узнать где она живет. Они ей давали пакетики для раздачи, а в пакетики клали молитвы, крестики для раздачи взрослым людям.

КАГАНОВИЧ. А девочку эту вы в школе затравили, конечно?

ДОРФМАН. Наоборот.

КАГАНОВИЧ. Она свои ошибки признала; заявление писала или нет?

ДОРФМАН. Мы широким оповещением сбора отряда об этом деле не занялись. У нас был просто предпраздничный митинг. У нас был просто предпраздничный митинг, где мы попутно рассказали и об этом факте. Правда, нам это очень легко удалось вскрыть.

Второй факт — это отношение ребят к ребятам. Бывают такие случаи. У нас одна дивчина является председателем ученического комитета (учкома), на почве того, что она лучшая ученица ее затравили: стали говорить о том, что она с кем-то гуляет и поэтому получает хорошие отметки.

КАГАНОВИЧ. Сколько ей лет?

ДОРФМАН. 15, учится она в шестой группе.

КАГАНОВИЧ. Драки между мальчиками нет, или есть и на какой почве происходят?

ДОРФМАН. Драки просто так бывают: «выходи, подеремся». Просто на кулачный бой идут — кто сильнее, кто кого поборет.

КАГАНОВИЧ. А вообще драки на какой почве происходят, ненависть друг к другу есть?

ДОРФМАН. Это есть.

КАГАНОВИЧ. На какой почве?

ДОРФМАН. У нас в школе был такой факт — собралась группа: двое ребят и двое дивчат; собрались они дома у одного парнишки под видом того, что они сошлись заниматься по отстающим предметам, закрылись они в отдельной комнате и принесли туда водку. Мамаша их раскрыла эти дела, раскрыла, что один паренек пришел с полбутылкой водки.

КАГАНОВИЧ. Сколько ему лет?

ДОРФМАН. 13 лет. Но выпить им не удалось, потому что мамаша постучала, ей открыли дверь и она нашла эту водку, отобрала и выругала их как следует. Кто-то в школе проговорился, сказал одной девочке, девочка сказала учительнице и вопрос стали разбирать на группе. А после этого хотели бой на кулачках устроить. Бывают также бои в связи с кражами.

РОЙЗЕНМАН. А вот бывают драки из зависти, скажем, один лучше идет по учебе или лучше ест, лучше одевается? На этой почве драки бывают?

ДОРФМАН. Примерно, внутри группы взять. У нас есть мальчики, которые обеспечены и деньгами и ручками и тетрадками, полностью обеспечены, а все-таки воруют, и не только в школе, но и у самих родителей.

КАГАНОВИЧ. Вообще об отношениях между детьми, о самом их нутре, вы видимо не можете рассказать.

ДОРФМАН. Я рассказал.

КАГАНОВИЧ. Я спрашивают, насколько наши дети уже продвинулись вперед в своем таком действительно человеческом воспитании в отношениях друг к другу, в отношении изживания психологии прошлого, эгоизма, самолюбия, эго-

центризма, в отношении изживания всего того нехорошего, что осталось от прошлого. Ведь нужно сказать, что у нас на 80% осталось от прошлого в человеческой психике. Вот мне и хотелось бы узнать, как идет дело в отношении изживания у наших детей этих пережитков прошлого.

ДОРФМАН. Я уже показал такой факт. За то, что девушка хорошо учится, ей ставят палки в колеса, начинают дразнить будто-бы она с кем-то гуляла, будто бы она в хороших отношениях с председателем учкома и тот ставит ей хорошие отметки. Другой факт — это насчет воровства, когда даже обеспеченные ребята все-таки воруют. такие факты тоже имеются. Дети иногда собираются не только из одного дома, но из соседнего и устраивают нападения на детей из других домов.

КАГАНОВИЧ. А на собраниях бывают у вас споры какиенибудь?

ДОРФМАН. Почти не бывают. Сделаю доклад, вопросы зададут, кое-кто выскажется и на этом собрание кончается.

Я хотел бы еще по одному вопросу сказать. Есть у нас вспомогательные школы. Этими школами никто не занимается. А между тем этот вопрос имеет большое значение и ему нужно уделить большое внимание. В этих школах в большинстве учатся дети рабочих, в этих школах учатся отсталые дети, дети плохо развитые, дефективные. Среди них наблюдается много случаев воровства, они хулиганят. Мне хотелось бы выяснить, что для них нужно сделать, какие-то рамки определенные поставить, вообще как-то по seriously заняться вопросом о вспомогательных школах. Здесь же нужно поставить и вопрос о книгах, вопрос о литературе для этих детей. У нас в районе 5 таких школ. Работать в этих школах очень трудно. Дети очень хулиганят, занимаются исключительно воровством. Это дети больные — дефективные. С ними требуется очень углубленная работа.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.236. Л.193-201. Копия. Машинопись.

Итак, поставив целью узнать, «насколько наши дети уже продвинулись вперед... в отношении изживания психологии прошлого, пережитков прошлого», Каганович мог вполне прийти к выводу, что продвинулись плохо. Оказалось, что пионеры не выносят заорганизованности и мелочной опеки, что научным картинкам, которыми их пичкают в школе, они явно предпочитают американские боевики, интересуются не столько классической музыкой сколько «шумовым оркестром», втихаря танцуют запрещенный фокстрот и выпивают, что они не только дерутся «просто так» — помериться силой, но и часто хулиганят и воруют. Выступавшие на заседании предлагали пути активизации пионерской работы.

А.В.Косарев, например, резко критиковал формализм и заорганизованность, предлагая сделать упор на инициативу самих пионеров, предоставить им больше самостоятельности и свободы творчества:

Наконец, несколько слов хочу сказать относительно детского отдыха. Здесь дело обстоит чрезвычайно плохо. Никто не интересуется как ребята хотят провести свой отдых. Это дело решает пионервожатый. Вместо того, чтобы собрать пионеров и спросить их как они хотели бы провести свой отдых, вожатый преподносит им план, который он разработал сам или получил из организации.

Дети подстрижены под одну гребенку. Невозможно разобрать, где хороший, а где плохой пионер. Хороший пионер ничем не выделяется. Мы дискутируем такой вопрос у себя в ЦК — может быть по скаутскому примеру ввести какие-то знаки отличия среди пионеров. Сейчас все пионеры выглядят одинаково. Дет-

ского начальства в самом отряде мало. Из кого состоит это начальство? Возжатый, помощник возжатого, да и пионеры старшего возраста — уже комсомольцы. Среди руководителей пионеротрядов имеются и хорошие ребята, но по большей части они по казенному назначаются сверху, опыта достаточного педагогического не имеют, частенько это уже великовозрастные ребята и руководить детьми им очень трудно, да и неинтересно. Авторитетом среди пионеров такие руководители понятно не пользуются.

Насчет добровольности в пионеротрядах. Добровольности нет. Отряды существуют уже 12 лет. А что там есть? Все те же сборы, те же беседы, летом — группы у костра. Имеются группы пионеров, которые интересуются математикой, изобретательством всякого рода, имеются группы, которые интересуются изучением природы. Так, вот вокруг этого создаются объединения самих детей, создают кружки всякого рода. Это самое драгоценное, что должно оживить пионерорганизацию, что должно заставить дышать полной грудью. Этого в пионерских отрядах нет.

Так что дело не в том, что помощи мало. Конечно, можно было бы, пожалуй, лучше помочь пионерорганизации. Но дело заключается в том, что у нас существует ряд ошибочных установок в работе пионерорганизации. Эти ошибочные установки необходимо устранить. Дело в том, что мы не подбираем лучших комсомольцев в качестве возжатых. Возжатых у нас мало, а если и есть, то они быстро уходят из возжатых и большое количество отрядов вовсе не имеют возжатых.

Вернусь опять к детскому отдыху. Дело здесь обстоит очень плохо. Возьмем хотя бы Москву. Здесь всего один или два детских театра, детских киноуниверситетов почти совсем не устраивается. Никто не заботится о создании специально-детских картин, картин, интересующих детей, воспитывающих их. В детских театрах тоже нет подходящих пьес. Вспомните, лет пять тому назад в Художественном театре ставилась «Синяя птица», с каким восторгом отзывались о ней дети. Мало мы, в том числе НКПрос, заботимся о детском отдыхе.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.236. Л.185-186. Копия. Машинопись.

Н.К.Крупская также считала формализм, показуху и крайнюю заорганизованность — злом, поразившим пионерию. Она верно подметила: на собраниях пионеры стремятся подражать взрослым, что превращается в фарс. Характерно и то, что пионеры побоялись сказать ей правду — какие книги любят читать, потому что «приключенческую литературу запретили» и т.д. Но главный вывод, который сделала Крупская из многочисленных писем детей, — пионерская организация не удовлетворяет ребят:

КРУПСКАЯ. Мне кажется в пионерской организации какие недостатки? Во-первых у нас механистичность имеется; кто хочет тот и вступает в пионерорганизацию. Как ему 10 лет исполнится, так он в нее вступит. Знает ли он что нибудь политически, не знает, все равно принимается. Никакого предварительного стажа нет. Нет того, чтобы он стремился в пионеры. Нет того, чтобы при приеме коротенько рассказать — вот такой-то ребятенок прошел то-то и то-то, выберем его туда-то, он хорошо сделал вот то-то. Этого нет. И вот на пионерсборе самая нестрая публика: публика старших групп, публика младших групп, друг друга не слушают, все говорят вместе. Пришлось мне быть на нескольких собраниях. Внутри отряда все эти общие отряды обсуждают так называемые политические вопросы и обсуждаются они в тех же самых формулировках, как и взрослые. Чтобы политический вопрос связывался с жизнью этого нет. Раньше у нас пионерская организация носила другой характер. Вот в деревне пионеры, если видит что нибудь не так, он берет себе слово и выступает. А

сейчас на торжественном заседании выделяют группу, которая начинает декламировать свое последнее постановление ЦК. Прорекламирует, с барабанным боем пройдет и дело кончится. Настоящей политической работы нет.

Вот тут говорят, что вожакий не сможет ответить, если пионер задаст ему вопрос. Но ведь ничего же страшного в этом нет, очень просто можно выйти из положения: сказать, что вожакий этого не знает, прочитает или спросит у кого-нибудь и потом скажет, нет, этого нельзя никак. Так он не может поступить. Ужасно много формального. Например насчет чтения книг. Были курсы такие детсадов. Я спрашивают у них какие им книжки очень нравятся. Все молчат. Спрашивала, спрашивала, молчат. Наконец один говорит: «каторга и ссылка». Ну, хорошо, спрашиваю, а то, что интересно, отчего оторваться нельзя. Так и не вышло никакого разговора. А интересует ребят очень многое.

КАГАНОВИЧ. Он не сказал, потому что боится сказать, потому что приключенческую литературу запретили.

КРУПСКАЯ. А то кто его знает, скажешь какуюнибудь книжку — хорошо выйдет, скажу уж «каторга и ссылка» — это ничего.

Высказываются ребята формально. Выступает определенное число ребят, одни и те же. И задают шаблонные вопросы. Я тут вела переписку с пионерами, писала в «Пионерской правде». Писала некоторые письма, в частности об отношениях между мальчиками и девочками. Прислали мне из «Искры» и из «Пионерской правды» кучу писем, часть писем формальная, а часть писем очень интересные. Получается такое впечатление, что пионерская организация не удовлетворяет ребят. Они не находят там своей работы. Кружки боятся устаревать, считают, что это к пионерам не относится.

[...] Как-то нет инициативы, не подхватываются хорошие начинания, хорошие мысли и нет никакой общественной работы. Есть нагрузка, а работы нет. Например, нагружают сбором утиль-сырья. Влезает на стол маленькая и читает, сколько она собрала утиль-сырья. А чтобы мысль была разбужена, чтобы ребенок возмутился чем-нибудь — этого нет. Вот это положение надо изменить, надо продумать самую работу, чтобы не было такого положения, какое имеется сейчас, чтобы были всевозможного рода кружки, но чтобы они не числились на бумаге, а работали по настоящему, по живому. Нужно продумать тщательно программу этих кружков и хорошо их организовать, чтобы там широко инициатива развивалась чтобы там развивались организационные способности и навыки. Ведь пионерская организация имеет громадное значение потому что она может выковывать с детских лет организаторов. И в некоторых местах мы видим при хорошо поставленной работе развертывание организационных способностей детей. Ненормально такое положение, когда ребята заняты лишь тем, что решают, как пришить галстук или куда повесить знамя, а никакой действительно полезной, действительно необходимой работы не ведут.

У пионеров есть законы, есть клятвы, которые в значительной мере скопированы у бойскаутов. Но теперь, когда бойскауты выродились в ярко-буржуазные организации, мне кажется, нужно было бы отказаться от этих законов у пионеров.

Нам нужно проделать громадную работу, чтобы перестроить пионерскую организацию, чтобы покончить с тем формализмом, который составляет теперь главное зло в наших пионерских организациях.

РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.236. Л.206-208. Копия. Машинопись.

Ставя правильный диагноз болезни пионерии как самого массового детского движения и предлагая в принципе правильные методы лечения, Крупская и Косарев — люди безусловно компетентные, знавшие все нюансы данного вопроса, промолчали о причинах и закономерности такого критического положения в пионерской среде. Истинными виновниками болез-

ни были взрослые, «направлявшие» работу детских организаций в соответствии с указаниями партии и в соответствии с духом времени. Это означало, что в условиях данного общества и формируемых стереотипов социального поведения предложенные методы лечения «пионерской болезни» были явно невыполнимы. Сначала требовалось лечить основы общественных отношений 30-х годов и, в частности, беспризорность.

Беспризорность стала настоящим бичом советского общества в 1920-1930-е годы, закладывая питательную среду для роста детской, а в перспективу – взрослой преступности. И если беспризорность начала 20-х годов имела определенные объективные причины связанные с войнами, революционными потрясениями, гибелью населения от эпидемий и голода, то беспризорность 30-х годов – порождение уже нового строя, – заслуживает специального разговора еще и потому, что эта страница истории долгое время тщательно замалчивалась. Между тем архивные материалы рассказывают не только о ее серьезности, но и заставляют задуматься о многих скрытых пружинах формирования и осуществления государственной политики того времени.

В отчете о деятельности Детской комиссии ВЦИК за 1932-34 гг. признается, что в этот период имел место «рецидив детской беспризорности»³³ Как видно из материалов этой комиссии, а также Наркомпроса, в это время происходит значительное увеличение сети детских домов для беспризорных и безнадзорных детей. Так, только на Северном Кавказе в конце 1932 – начале 1933 г. в связи с сильной вспышкой детской беспризорностью было организовано 26 новых детдомов, 8 домов младенца, а также расширена сеть районных детдомов.³⁴ В целом по стране ассигнования на эти цели с 1932 по 1934 гг. увеличились в 2.5 раза.³⁵ Однако, в чем же причина такого взрыва беспризорности именно в первой половине 30-х годов? Источники свидетельствуют, что главными причинами беспризорности стали, во-первых, коллективизация, сопровождавшаяся раскулачиванием крестьян и массовой гибелью населения спецпереселенческих поселков, и, во-вторых, голод 1932-33 гг., главным виновником которого также стало государство. Читая документы, невольно удивляешься, насколько умело руководство страной создавало своим гражданам трудности и проблемы, чтобы значительно менее успешно преодолевать их. Все это напоминало учебный полигон, на котором отрабатывались различные ситуации в обществе. Вот только стреляли на таком полигоне не холостыми патронами, и гибли не манекены, а живые люди.

Обеспокоенное взрывом детской беспризорности, государство в 1934 г. создает сеть детских адресных столов в крупных городах для розыска детей и родителей. Вот пример одного из заявлений, по которому сотрудники детских адресных столов совместно с милицией и детдомом проводили розыск:

Весной 1933 г. моя дочь 12 лет Мария Лукитична Писанка из дер. Дерезивка Ново-Водолажского района Харьковской обл. на Украине из-за голода приехала в г. Харьков, где исчезла неизвестно где; можно предположить, что она или умерла от голода или попала в какой-либо советский приют, но до сего времени о ней я ничего не слышала, хотя местожительства я не меняю. Известен ли ей адрес мой – я не знаю. Убедительно прошу Комиссию навести справки о ней и сообщить мне по адресу: Лукерье Моисеевне Писанка.

28 июня 1935 г.

ГАРФ. Ф.5207. Оп.1. Д.727. Л.54. Подлинник. Рукопись.

Теория: занятие школьного кружка по изучению сельского хозяйства

Практика: колхозные дети на покосе

За строками этого заявления, явно написанного под диктовку и с помощью сотрудников розыскного бюро — трагедия матери, потерявшей свою дочь. Сколько было их, таких матерей, по всей стране, которые, понимая, что единственное спасение от голода — уехать в город, отправляли своих детей туда, где была хотя бы надежда спастись. Беспризорные дети буквально заполонили крупные города, являясь не только живым укором взрослым, но и доставляя немало хлопот медикам и милиции. Привыкшие к «прелестям» уличной жизни, беспризорные не желали прощаться со «свободой», убегая из детдомов и других спецучреждений. Значительное количество детей убегало из семей, становясь беспризорными. Это явление безусловно свидетельствовало о неблагополучии внутри общества, недостаточном внимании к детям и их воспитанию взрослых, у которых подчас на первом месте находилось досрочное выполнение пятилеток и «горение» на общественном поприще. Согласно справке инспектора трудколоний НКВД за 1935-36 гг., присланной в Деткомиссию ВЦИК, в течение 1935-1936 гг. всего было поймано и доставлено в воспитательные учреждения 312 тыс. 472 беспризорника, из которых более половины многократно в течение этих лет сбегали из детдомов и попадались снова. Характерно, что из поступивших в детдома в 1936 г. почти 196 тыс. беспризорников — 68 тысяч сбежало от живых родителей.³⁶ В этих условиях ЦК ВКП(б) и СНК СССР рассмотрели ряд мер по ликвидации детской беспризорности и безнадзорности, приняв 31 мая 1935 г. по этому поводу специальное постановление. Однако, как видно из секретной докладной записки в СНК СССР от 12 апреля 1941 г., за истекшие 6 лет это постановление выполнялось неудовлетворительно.³⁷

Особого разговора заслуживает положение в детских домах и других спецучреждениях детского воспитания, в которых в 1930-е годы оказались сотни тысяч молодых людей. В зависимости от контингента, эти учреждения входили в системы Наркомпроса, НК Социального Обеспечения, НКВД, Наркомздрава. О том, что из себя представляли детдома, лучше всего рассказывают документы. Обследовав в 1935 г. медико-санитарное обслуживание детдомов Москвы, специальная бригада сообщала в докладной записке в адрес Президиума Деткомиссии ВЦИК:

Бригада с возмущением констатирует возмутительное состояние единственного лечебного детского дома — изолятора им. Дзержинского на 350 человек, принятого еще четыре месяца назад Мосгорздравотделом из системы ГорОНО (директор изолятора т. Брунштейн).

На день обследования в изоляторе имелось 446 человек, из них 377 больных (287 трахомой, 71 лишаем, 51 сифилисом), остальные дети вполне здоровые, в том числе 54 дошкольника, вынужденные общаться с больными и 33 ребенка, выздоровевших, но не выведенных из этого детдома. В результате имелось 29 случаев повторного заболевания из 33 детей уже выздоровевших. Среди нормальных детей имеются умственно отсталые и глухонемые. Кроме того, выздоровевшие трудновоспитуемые в комбинате живут до 3 лет и не выведены в соответствующие учреждения.

Помещение комбината находится в исключительно запущенном состоянии: грязь и антисанитария. Во многих окон нет стекол, бачков для питьевой воды нет. Баня находится в подвальном грязном помещении, где имеется всего лишь 30 шаяк.

Комбинатом им. Дзержинского двое воспитанников, якобы выздоровевшие, были направлены в детский дом №3 станция Правда, в то время как они еще окончательно не были вылечены. Из-за этого в детдоме №3 заболело лишаем 9 воспитанников.

В комбинате на внутренней лестнице отсутствуют перила. 29 сентября этого года с третьего этажа вниз пошел семилетний мальчик Витя Киселев, который упал с лестницы и разбился насмерть. Между тем даже 13 октября, когда изолятор посетила наша бригада, перила к лестнице еще не были сделаны. В изоляторе также не хватает для детей одежды, обуви. Нет посуды и дети пьют чай из глубоких тарелок столовыми ложками. Никакой воспитательной работы не ведется. За непослушание детей раздевают и сажают голыми в отдельную комнату. Такие «порядки» приводят к тому, что даже больные дети вынуждены убегать из этого изолятора. Так, например, с 1 января по 30 сентября текущего года убежало 105 человек. Из этого числа побегов наибольшее количество — 58 (с июля месяца) падает на момент, когда это учреждение переведено в ведение Горздравотдела.

ГАРФ. Ф.5207. Оп.1. Д.1056. Л.2. Копия. Машинопись.

Не лучше обстояла ситуация и в детдомах Наркомпроса, особенно расположенных в маленьких городках, районных центрах, поселках, — а таких детдомов в стране было большинство. Здесь из года в год не хватало денег на элементарные нужды детей, подбор воспитателей носил часто случайный характер, да и подвижников, готовых жертвовать собой ради перевоспитания «трудных» детей, было не так много. В докладной записке в СНК СССР Р.С.Землячке из ЦК ВЛКСМ от 12 апреля 1941 г. читаем:

О неудовлетворительном состоянии работы детских домов Наркомпроса свидетельствует следующий факт: Прокуратура Краснодарского края установила серьезные нарушения закона в детских домах края: небезопасность детей одеждой, обувью, продуктами питания, антисанитарные условия содержания их, а в некоторых детдомах — расхищение государственных средств, отпущенных на содержание детских домов. В Пластуновском районе в детдоме №39 не было топлива; помещение, в котором спят дети, холодное, грязное, температура воздуха была настолько низкой, что вода в умывальниках замерзала и дети не умывались. Завхоз детдома Серлюк развращал малолетних воспитанниц, изнасиловал воспитанницу Алаеву (он осужден за это к 5 годам лишения свободы). Выявлено также, что директор детдома Корсакова присвоила 9 500 руб. государственных средств, зав. пошивочной мастерской присвоил 7 800 руб., зав. учебной частью — 1 500 руб. (все эти лица заключены под стражу).

Детдом им. Ленина Ново-Кубанского района доведен до развала: продуктами питания, топливом, одеждой, обувью детдом не обеспечен; часть детей вынуждена ходить босиком и без головных уборов; посещают школу не более 50% детей. Воспитательная работа среди детей поставлена плохо. В этом же детдоме обнаружена растрата 5 тыс. руб. бухгалтером Мельниковым (осужден к 7 годам лишения свободы), привлечены к уголовной ответственности Бородина и Рогозина за скучку краденого у воспитанников (осуждены к 5 годам лишения свободы).

В детском помещении станицы Убоженской Успенского района обнаружено следующее: помещения, в которых живут дети, не отапливались, в комнатах грязно, стекла в окнах побиты, печи неисправны, температура в комнатах 10 градусов холода; в рукомойниках вода замерзла, дети не умывались, грязные; в период сильных морозов дети сжигали в печах пальто, одеяла, книги, простыни и другие вещи; всего сожжено таким образом разных вещей на 10 тыс. руб. 50 вос-

питанников не имели обуви, не посещали школы, а некоторые из них вынуждены были ходить по снегу босиком; у 46 детей комиссией было установлено обмороживание ног. Дети часто оставались без хлеба; некоторых из них избивал директор детдома Стрельцов. Виновники этих безобразий, в том числе директор детдома Стрельцов, привлечены к уголовной ответственности.

Аналогичные факты обнаружены и в других детдомах.

ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1472. Л.49-50. Копия. Машинопись.

Докладные записки об обследовании детских домов рисуют, пожалуй, наиболее объективную и разностороннюю картину будничной жизни детдомовцев в 1930-е годы. Детдом на станции Барыбино под Москвой — обыкновенный, ничем не примечательный детдом, расположенный не где-нибудь в российской глубинке, а в непосредственной близости к руководству Наркомпроса, Городской детской комиссии, Мосгорно и другим учреждениям, отвечающим за положение детдомов. Именно эти обстоятельства делают приводимую ниже докладную записку за 1936 г. особенно интересной:

Зам. пред. городской детской комиссии тов. Сорокину от инструкторов Дубининой и Минаевой

Согласно Вашего распоряжения нами 19 и 20 июня проверка работы детдома на станции Барыбино.

Детдом, носящий имя Детской Коммуны, расположен в 20 км от станции Барыбино и находится в очень хороших природных условиях: корпуса деткоммуны стоят на возвышенном месте среди леса на берегу реки Северянки.

Деткоммуна рассчитана на 600 ребят. Зимой текущего года было 570, в момент обследования — 364 человека, так как остальные отправлены на каникулы к родственникам и 60 человек в детдом «Правда». Все ребята школьного возраста от 8 до 16 лет. Пионеров в деткоммуне 256 человек.

Дети имеют крайне небрежный, оборванный вид. Прежде всего нужно отметить, что ребята одеты не по сезону: мальчики ходят в длинных брюках, некоторые даже в бархатных кофтах. Дети одеты все по-разному: кто в нижней рубашке на выпуск, кто в куртке, кто в ботинках без шнурков на босу ногу, кто просто босой, один мальчик был даже в высоких сапогах. Все платье старое, рваное. Воспитанник Минаев в этом отношении побил рекорд, так как ходил в одной штанине, другая, разорванная до конца, висела на нем крылом. Девочка Темнова ходила в рваном платье так, что оно еле держалось на ее плечах. Трусики у девочек совершенно без резинок, но дети нашли все же способ надевать трусы: девочки закрепляют на тело резинки на неопределенный срок и после на них подвешивают трусы, чтобы не упали. Нужно сказать, что резинки дети привязывают туго, в них спят и ходят целый день не снимая.

Кроме того, это «замечательное обмундирование» делается не по мерке и часто можно видеть мальчика, который большие для него штаны затянул веревкой в талии, девочку в чрезмерно длинном или коротком платье.

Руки и ноги у ребят грязные и обветренные. Прически тоже самые разнообразные: и «под бокс», и коротко остриженные, и лохматые с заросшими шеями.

Внешний вид помещений также непривлекательный. Кровати старые, доски на них постоянно раздвигаются, ночью одна девочка упала даже совсем на пол. Матрацы старые, плохие; 20% из них нужно немедленно заменить новыми. Постельного белья только полторы смены, что просто недопустимо. Полотенца висят грязные. Тумбочки и стулья старые, многие из них совсем изломанные.

Дети большую часть времени предоставлены самим себе и находятся без наблюдения взрослых. Следствием этого является ряд отрицательных моментов, которые нам пришлось наблюдать в течение нашего пребывания в деткоммуне. Дети ходят купаться неорганизованно, без взрослых.купаются, сколько хотят и где хотят. Кто из них избирает для купания мелкие места на реке, а кто отправляется и в глубокие места, запасаясь предварительно бревнами и досками, которые опускают на воду, а после, цепляясь за них, плывут, толкаются, и поэтому не исключена возможность несчастного случая. Некоторые ребяташки купаются до синевы и выходят из воды совсем утомленными. Тут же на берегу ребята играют, некоторые из них ловят полотенцами рыбу, стирают, разводят костры; одна девочка Ефимова Тося, принесла на берег чернилу и ручку и многие ребята на руках себе делали надписи. Была, например, такая надпись: «Клянусь любить Женю Белову» и пр.

По лесу дети ходят тоже без старших. 19 июня оказалось 6 заблудившихся мальчиков: Каратаев, Федоренко, Шпаков, Спириин, Волков и Фадков. Все они опоздали к ужину на 2 часа.

У Веры Соколовой на шее нами замечены два синяка. Сначала Вера не хотела объяснить причину этих синяков, но после, смущаясь, сказала, что ее целовала в лесу Иванова Лиза, отчего и получились у нее на шее синие пятна.

Был случай в начале весны, когда две девочки из пятой и девятой спальни тонули и их спас случайно проходивший из деревни вожатый Миша.

Дети придумали себе игру, которая состоит в том, что плотно набитый пылью чулок бросается как ракета, которая во время падения создает целое облако пыли. Этой игрой, несмотря на запрещение администрации, ребята очень увлекаются.

Все приведенные нами факты говорят о плохой постановке воспитательной работы. Вместе с тем в деткоммуне имеется план работы на лето, выработан режим дня, по которому и должна протекать жизнь детей, но режим дня частенько срывается и план работы не всегда выполняется.

В деткоммуне с наступлением каникул открылся пионерский лагерь. Каждый день утром проводится зарядка, линейка и поднятие флага. Линейка, как утром, так и вечером, проходит очень торжественно с сопровождением оркестра.

В отношении зарядки нужно отметить, что она хотя и проводится под наблюдением врача, но ребята делают упражнения в длинных брюках, некоторые даже и в бархатных рубашках. Многие дети свои рубашки завязывают на поясе.

Во время зарядки нами был обнаружен мальчик, у которого болела нога, и он, хромя, маршировал вместе со всеми ребятами.

На территории деткоммуну устроены спортплощадки. 19 июня в 12 часов дня было проведено состязание. День был жаркий, ребята играли на солнечном припеке.

Конечно, было бы правильней состязания проводить во второй половине дня, так как во время жары играть было трудно: все они были потные и имели очень утомленный вид.

Есть в деткоммуне Гигантские шаги [вид карусели], но веревки все уже истерлись и столб качается, мы на это обратили внимание тов. Червонцева, но он сказал нам, что столб упасть не может и что опасения наши напрасны.

В деткоммуне работают следующие кружки: ПВХО, БГТО, БГСО, фото-, драмкружок и духовой оркестр.

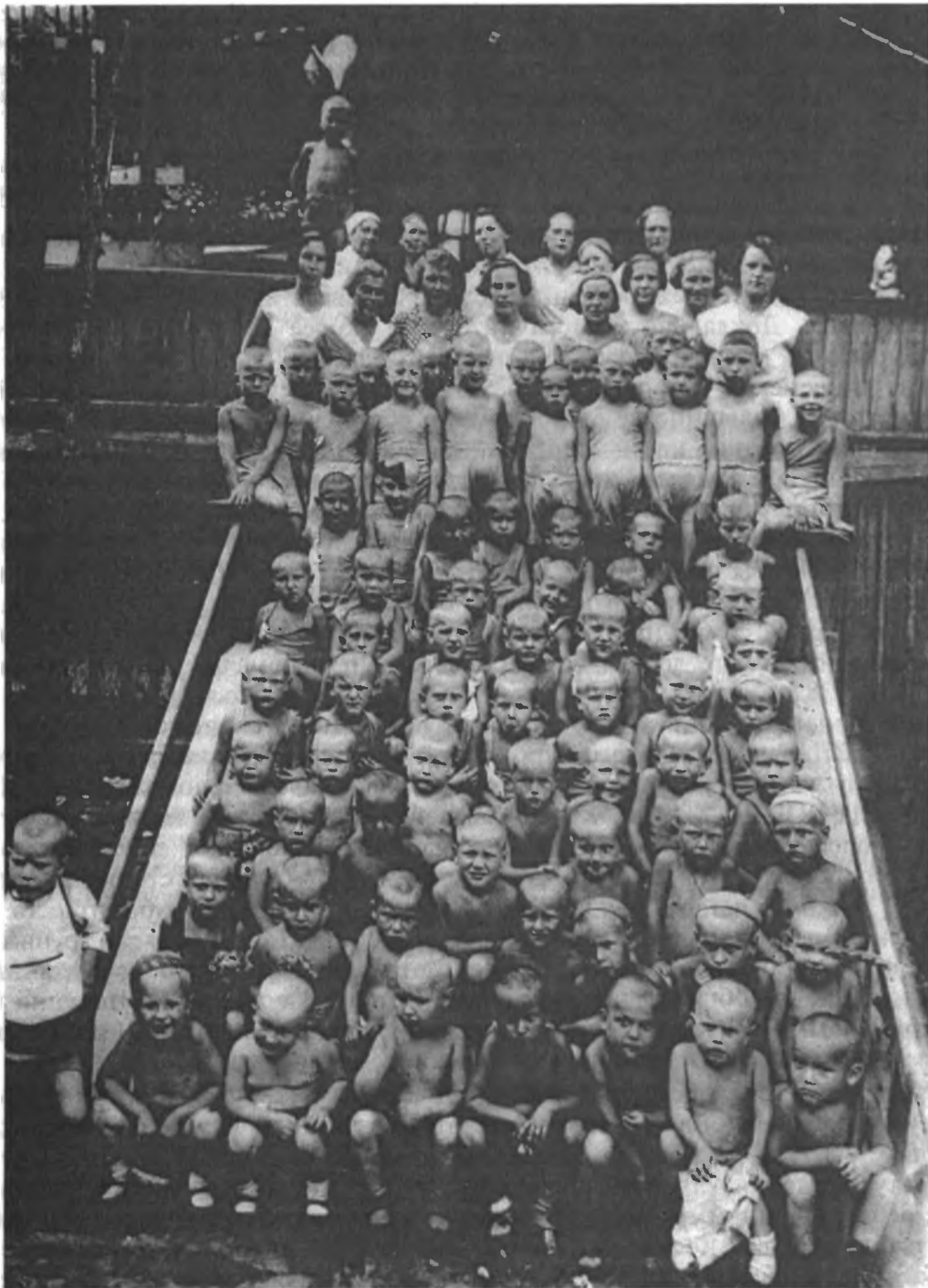
19 июня был организован вечер самодеятельности 1-го отряда девочек. Вечер проводился в клубе деткоммуну. В программе была декламация, танцы, инсценировка с пением и танцами «Веселый цветник» и, как сказано было в программе, физкультвыступление октябрят. Вечер прошел хорошо. Ребята хорошо подготовлены. Особенно выделялась Власова Маня, которая замечательно декламировала стихи «Песня об Испании». Однако считаем необходимым отме-

тить, что физкультурвыступления октябрят, на наш взгляд, представляют собой самый настоящий акробатический номер. При исполнении его ребята показывали большую технику и умение. Между тем этот номер, построенный на трюках, во время которых ребята, изламывая свое тело, придавали ему разнообразную форму — утомителен для ребят...

ГАРФ. Ф.5207. Оп.1. Д.1293. Л.7-8. Правленая
заверенная машинописная копия.

Несмотря на «непорядки» и отступления от инструкций, отмеченные двумя дотошными «классными дамами», ребята в деткоммуне не создают впечатление несчастных, особенно, если сравнивать их с теми, о ком говорилось выше. Докладная записка интересна скорее детальным описанием детдомовского быта и жизни пионерского лагеря. Одно несомненно — крайне нищенская материальная база этих учреждений, и, как видно из документов, в большинстве детдомов дело обстояло именно так. Государственные ассигнования как на содержание, так и на питание воспитанников, их обучение и т.д. далеко не соответствовали нуждам, да и воспитателей было мало, получали они низкую зарплату. Все это можно было бы объяснить общей тяжелой обстановкой в полуголодной стране и даже понять, если бы... Если бы не очевидные факты с, мягко говоря, иным обеспечением детдомов для детей шувбундовцев и особенно — испанских детей. Политическая игра, к сожалению, велась даже вокруг детдомов и когда возникала необходимость, то деньги находились, и деньги немалые. В 11 детдомах СССР в 1938 г. жили 2.2 тысяч детей, вывезенных из объятай гражданской войной Испании. Согласно источникам, их воспитывать помогала армия в 1.5 тыс. чел. обслуживающего персонала — почти по взрослому на каждого ребенка, о чем не могли даже мечтать в рядовом советском детдоме. Из спецфонда ВЦСПС в 1938 г. было выделено на содержание испанских детдомов более 21 млн.руб. (для сравнения: в 1934 г. бюджет всех детдомов СССР составлял 169,5 млн.руб.³⁸, причем если нормативная стоимость питания 1 русского детдомовца в 1934 г. составляла только 400 руб. в год, то 1 испанского ребенка — более 2.6 тыс. руб. в 1938 г.³⁹ Таким образом, рушится миф об одинаковой ценности всех детей для советского государства. Когда у мировой общественности прошел интерес к событиям в Испании и Австрии, то у соответствующих органов прошел постепенно и интерес к детям шувбундовцев и бойцов республиканской Испании.

Сами педагоги прекрасно знали, что самым уязвимым местом детдомовского воспитания в 30-е годы было отсутствие индивидуального подхода к детям, сухость, формализм. «Наши детдома больше, чем какие-либо другие детучреждения, страдали косностью, потому что даже внешний вид наших ребят, внешний вид наших учреждений, внешний вид педагогов — все это шаблонно, все носило отпечаток шаблона, влиявшего на психику ребенка, на психику педагога, на психику каждого, кто работал в детдоме. Ведь ни для кого не секрет, что принимая в детдома ребенка нормального, мы часто выпускали ребенка трудновоспитуемого, несмотря на то, что, казалось бы, должно быть обратное положение.»⁴⁰ Можно ли более красноречиво сказать о сути детдомовских проблем, чем это сделал один из педагогов на собранном 4 января 1935 г. совещании в Мосгороно?

Детский сад одного из московских заводов

Ни для кого не секрет, что детдома в 30-е годы были крайне неблагополучными в отношении хулиганства, являясь своеобразным рассадником детской преступности. Педагоги знали и не скрывали, что из детдомов выходит большой процент малолетних проституток.⁴¹ Чрезвычайные происшествия в детдомах случались настолько часто, что стали как само собой разумеющееся. 12 января 1937 г. группа из 5 воспитанников Краснослободского районного детдома в Мордовии попытались, как сказано в докладной записке, «проникнуть в склад детдома с тем, чтобы одеться и удрать из детдома. При обнаружении этой попытки директор посадил одного из учеников в холодную комнату. В связи с этим другие воспитанники в знак протеста начали сжигать имущество детдома (сожгли 3 одеяла, 38 матрацев, несколько подушек, сломали стулья и столы) и избili директора. Когда прибыла милиция в детдом, то группой воспитанников был избит начальник милиции. В конце концов дело кончилось тем, что вызванная пожарная команда облила детей холодной водой из брандсбойта.»⁴² После таких боев факты о поведении детдомовцев, сообщенные на партсобрании Наркомпроса 1 декабря 1935 г., кажутся просто невинными шуточками: в одном месте ребята постоянно называют стахановцев — «стакановцами», в другом «изорвали портрет т.Сталина, писали на портретах вождей порнографические надписи.»⁴³

Детдома явно не справлялись с перевоспитанием вчерашних беспризорников. Тогда была выдвинута идея патронирования детей не только конкретными лицами и семьями, но и трудовыми коллективами, особенно — колхозами. Государство всячески поощряло эту практику, в том числе — льготным налогообложением и прямым премированием колхозов, взявших на воспитание детей. Известно, что только в 1934 г. хозяйствами было передано на патронаж 40 тыс. детей.⁴⁴ Во что это вылилось, видно из письма Н.К.Крупской М.И.Калинину от 22 ноября 1934 г.: «Детей раздают по рукам желающим их взять. Сейчас в колхозах с ребятами еще трудно, патронаж рискует превратиться в прикрытую форму эксплуатации детского труда...» В чем в чем, а в информированности и компетентности, что касается реального положения детей в 30-е годы, — Крупской не откажешь. Достаточно даже беглого просмотра содержания ее личного фонда, чтобы убедиться, что на ее имя неиссякаемым потоком шли письма, по 20-25 в день, причем большинство — от детей, воспитателей и учителей. И еще одно важное наблюдение: находясь в 30-е годы в явной опале, вдова Ленина старалась не размениваться на мелочи и всегда поднимала только самые наиболее и неотложные проблемы в своих обращениях к власти предрержащим. Это означало, что эксплуатация труда патронированных детей в колхозах — проблема, которая реально существовала и от которой Калинин в ответном письме постарался отмахнуться общими фразами.⁴⁵

Из документов известны и другие факты эксплуатации труда детдомовцев, вскрывшиеся в связи с иными сюжетами. Как ни парадоксально, но гигантомания, связанная с модным стахановским движением в Наркомпросе, оказалась в 1930-е годы одним из способов для некоторых руководителей детдомов выделиться, что их в конечном счете и погубило. Создавать детдома по 1 тыс. воспитанников в каждом — это, казалось, веление време-

ни. Особенно преуспели в количестве воспитанников детдомов в г. Свердловске. Умных педагогов волновало при этом, что детдома превращаются в ночлежки, что никакой работы вести со вчерашними беспризорными физически невозможно и чтобы поддержать хоть какую-то видимость дисциплины, администрация вынуждена постоянно прибегать к чрезвычайным, не воспитательным, а принудительным мерам воздействия. Так, директор агрокомбината «Красные зори» (Ленинград) Ионин организовал свое современное и рентабельное хозяйство почти исключительно на основе дармового труда детдомовцев. Но осужден был не за это, а за то, что в угаре борьбы за перевыполнение плана «стахановец» Ионин часто забывался и слишком сурово карал непослушных ребят: клал им в рот лягушек, запирали в подвале, уборных и т.д. Подобная практика, как и следовало ожидать, все же в 1938 г. была осуждена парторганизацией НКПроса.⁴⁶

Хулиганство и преступность среди несовершеннолетних стали серьезной проблемой 1930-х годов. Причин этих негативных явлений было немало. Среди них — беспризорность, массовые репрессии, разрушающие семьи, увеличение числа детей, воспитанных вне семей (в детдомах и других учреждениях), господствовавшие в обществе представления о приоритете общественного воспитания над семейным, постоянная занятость родителей и их недостаточное внимание к воспитанию детей. Нельзя недооценивать и активный процесс урбанизации, ведущий к ломке традиционной деревенской морали. Не случайно наиболее неблагополучные с точки зрения молодежной преступности районы находились не в сельской местности, а в рабочих предместьях городов, на новостройках пятилеток, где работало особенно много вчерашних выходцев из деревни. Школьные педколлективы, состоящие в основном из женщин, часто были не в состоянии противостоять распоясавшимся хулиганам. В результате, например, в 1937 г. в 382 московской школе ученики объединились в «Союз борьбы с хулиганами и врагами». И хотя все это очень походило на детскую забаву, тем более, что один «Союз борьбы» был хорошо знаком из недавней истории, органы испытывали явный комплекс на любые, как говорилось в документах, нелегальные организации.⁴⁷ Поэтому «групповщина» фиксировалась особенно тщательно. Однако немало было и случаев, когда днем дети были лучшими школьниками, а после уроков происходило их перерождение в отъявленных хулиганов.

Сами игры детей, связанные с политикой, порой граничили с массовым хулиганством и беспорядками. Характерный пример тому — ситуация с так называемым «чапаевскими нападениями». Выход на экраны страны в 1934 г. фильма «Чапаев» породил повальную волну весьма популярных среди детей сражений между «красными» и «белыми». В «чапаевском нападении» в Горьком 24 января 1935 г. участвовало 200 человек. Согласно закрытому письму Горьковского ГК ВЛКСМ, ребята пустили в ход палки и кулаки, «устроили пушку, набили ее шарикоподшипниками, но выстрела, к счастью, не произошло.»⁴⁸

Вопрос — как прекратить «чапаевские бои», принявшие в ряде мест характер драк молодежи стенка на стенку, обсуждался аж на заседании Наркомпроса. В Сталинграде, например, в 1935 г. в них постоянно участвовали учащиеся 10 школ города.⁴⁹

Многие взрослые сквозь пальцы смотрели на хулиганские забавы молодежи, пока однажды не выяснили неожиданный политический подтекст этих «боев» — в ряде мест «белые» одержали победу над «красными», а тут уж было не до шуток.

Другой серьезной проблемой, вставшей перед властями в начале 30-х годов, стала так называемая «детская спекуляция», против которой велась особенно яростная борьба. У многих детей, родившихся после революции и не видевших капитализма, неожиданно просыпалась коммерческая жилка, чего больше всего опасались власти. «Подавляющее большинство ребят, торгующих на улицах папиросами, занимающихся чисткой сапог и т.д. — школьники. Некоторые из них — пионеры. Все они дети работающих родителей. Собранные материалы свидетельствуют о том, что, как правило, дети идут спекулировать на улицу не вследствие нужды и бедственного материального положения, а вследствие крайне слабой работы школы и пионерской организации в области удовлетворения запросов детей», — говорилось в справке, подготовленной к заседанию Оргбюро ЦК ВКП(б) от 7 мая 1933 г. — Борьба с детской спекуляцией по Москве ведется слабо, а в ряде городов, как, например, Ростов, Новороссийск и другие — совсем не ведется, так как отделы народного образования и школы считают, что этим должна заниматься милиция, милиция считает, что этим должна заниматься школа и отдел народного образования, пионерская организация совершенно стоит в стороне.»⁵⁰ Вот примеры задержанных «юных спекулянтов» по Москве: «Фуршин учится в 5 классе «В» школы №3 Бауманского района — систематически торгует спичками. Покупает по 20 коп. пачку, а продает по 50 коп. Родители Фуршина вполне обеспечены. Костя Васильев, ученик 29 школы Дзержинского района из школы не идет домой. Он направляется к Третьяковскому проезду. На ступеньках раскладывает спички, раскрывает пачку с папиросами и торгует.»⁵¹ Вырученные деньги ребята тратят на кино, сладости, папиросы и выпивку. Однако взрослых беспокоит, что «во время не пресеченная, детская спекуляция... может стать самоцелью, привычкой к выработке коммерческой прибыли», что явно противоречит принципам социализма. Поэтому в Москве милиция и ловит юных спекулянтов, из которых беспризорников только 1-2%, сотнями. Согласно справке, число малолетних правонарушителей, доставленных в московского отделение милиции в 1932 г. за спекуляцию, увеличилось по сравнению с 1931 г. на 1 133 человека (!), причем большинство из них — дети рабочих.⁵² Данная цифра говорит не только о массовом характере этого явления и его большой распространенности в 1932 г., но и о повышении внимания к нему со стороны милиции.

Обеспокоенное ростом преступности среди несовершеннолетних, государство принимает в 1930-е годы целый ряд мер, наиболее известная среди которых — закон 7 апреля 1935 г. «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». Однако это не для результатов. Цифры несовершеннолетних преступников, свидетельствующие о глубокой болезни общества, всегда были в СССР тайной за семью печатями. В докладной записке в СНК СССР от 12 апреля 1941 г. под грифом «секретно» приводится убийственная динамика не снижения, а роста преступности среди несовершеннолетних после принятия упомянутого закона. «Судебными органами осуждено было несовершеннолетних в возрасте от 12 до 16 лет: в 1936 г. — 15 031 чел., в 1937 г. — 17 234, в 1938 г.

– 20 203, в 1939 г. – 24 975, в 1940 г. – 24 203. Главными причинами среди несовершеннолетних в настоящее время являются безнадзорность многих детей отсутствие воспитательного воздействия со стороны семьи, слабый охват детей внешними мероприятиями... Изучение дел о несовершеннолетних показало, что 40-50% совершивших преступления – ученики школ, около половины не являлось учащимися школ, а многие из них до совершения преступления вовсе ничем не занимались.»⁵³ Откровением оказалось то, что многие дети школьного возраста, несмотря на Закон о всеобщем обязательном начальном обучении, не учатся, а тысячи ежегодно по разным причинам бросают школу. Другой проблемой стала преступность среди детей младше 12 лет! В докладной записке выражалось сожаление, что они по закону не могут быть привлечены к уголовной ответственности, тогда как большое количество преступлений, особенно краж, совершается такими малолетками.

Во второй половине 30-х годов была повышена ответственность родителей за воспитание детей. 10 января 1937 г. газета «Рабочая Москва» в статье «Партийное порицание коммунисту Некрасову» рассказала о коммунисте, работавшем на Павшинском механическом заводе, которому объявили взыскание за плохое воспитание детей. Случай был в общем-то типичным. Его старший сын в 15 лет за хулиганство был исключен из школы, а младший, 11-летний ребенок, «уворовал деньги и 6 ноября напился пьяный». Последнему случаю газета уделила особое внимание, поскольку праздновалась годовщина Октябрьской революции. Накануне группа 11-летних школьников, подражая взрослым, организовала «вечер по случаю 7 ноября» – купили девочкам конфеты, мальчикам – вино. Попировали на славу. Так как 11-летних ребятшек привлечь было нельзя, на полную катушку досталось родителям.

Резкое омоложение преступности стало одним из самых тревожных процессов в советском обществе 30-х годов, требующем специального изучения. Конечно, сказывались жестокость и насилие, присущие первым десятилетиям советской власти. Они наложились на атмосферу «общества разрушенных структур», которая выбивала из колеи огромные массы людей, комкала привычные основы семейного быта. Кое-что было заложено в системе воспитания, насаждавшей социальную агрессивность и отвергавшей многие понятия «буржуазной и религиозной морали». Немалую роль играли последствия репрессивной политики, которые лишали детей нормальных основ существования.

Несмотря на слова Сталина о том, что дети за родителей не отвечают, введшие в заблуждение не только людей, далеких от политики, но и некоторых наивных простаков, вроде Н.К.Крупской, документы неопровержимо свидетельствуют о фактах одобренного и санкционированного на самом высоком уровне преследования детей «бывших» лишенцев, трудпереселенцев, многочисленных категорий репрессированных людей. Как во времена рабовладения существовала практика, когда дети трудпереселенцев (читай: кулаков) силой отрывались от родителей и помещались в специнтернаты для «перевоспитания». Об обстановке в таких детдомах лучше всего говорят письма детей на имя Крупской и Калинина. Веня Бушманов – воспитанник Красно-Вишерского детдома Чердынского района Свердловской области писал 23 октября 1934 г. Крупской:

Я воспитанник детдома г.Красно-Вишерска хочу описать нашу жизнь как мы живем в настоящее время в северном крае. Мы здесь живем пока нечего [ничего], кормят нас хорошо, одевают, обувают и самое главное учат. Я воспитанник детдома Бушманов Веня до чего интересуюсь этой жизнью и до чего ее уважаю и очень хочется мне учиться. Я пошел в школу с 7 лет и четвертую группу кончил 10 лет и пошел учиться в ФЗС в пятую группу и кончил ее 11 лет. Сейчас меня, как хорошего дисциплинированного выдвинули на курсы в редакцию и сейчас работаю хотя не совсем, но уже работаем все и приказы, и протокола и т.д. Мы все привезены с Севера в г.Кр.-Вишерск и не у кого нет отца не матери, все сироты. Отцы наши и матери так же и мы были выселены на высылку и роскулачены. Отцы, матери померли, а нас всех свезли в детдом и сейчас живем. Но со стороны нашего начальства есть обман как с зав. детдома, так и воспитателей. Примерно я работаю в редакции и мне каждый месяц зав.общего отдела выписывают денег 30 руб. на месяц но я их не вижу их зачислявают в детдом а мне надо купить карандаш или бумаги красок не начто попросиш не дают, но мы все благодарим вот сейчас которая к нам поступила зав. детдома новая она за детям ходит и уважает их, а которые были старые зав. те нас обманывали и пропивали наши продукты вот это и есть обман оне нас и обижали, но вот эта зав. очень хороша. Теперь дальше мы воспитанники детдома уже живем второй год скоро два года будет как живем в детдоме без отцов и матерей и уже перевоспитались на новый лад т.е. Советские работники и нас все еще зовут это спец-переселенцы куда пойдём всегда спец-переселенец но нам очень обидно, что все в месте учимся в школе, а нас зовут спец-переселенцы какие же мы спец-переселенцы когда уже мы перевоспитались на новый лад идем на защиту Советского Союза еще раз повторяю вам, что я очень хочу учиться и уважаю Советскую Власть потому, что нас поят, кормят и самое главное учат. Я воспитанник детдома Бушманов печатаю на машинке Ундервуд и прошу вас, чтобы вы отписали мне письмо и передали попривету всем воспитанникам детдома и поблагодарили нашу зав. детдома Баяндину за то, что оне очень хорошо уважают ребят и ходят занами занимаются с нам вобщем перевоспитывают нас на Советский лад.*

Пока досвидания Надежда Константиновна Крупская жду от вас письмо за которое я вас очень буду благодарить.

Я Бушманов Веня Буду учиться и учиться

РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.524. Л.98. Подлинник. Машинопись.

* ФЗС – фабрично-заводская спецшкола, т.е. школа для детей спецпереселенцев.

Научившись печатать на машинке «Ундервуд», хотя и с множеством ошибок, (некоторые из них чисто технического характера мы убрали, чтобы легче было прочитать письмо) Веня Бушманов не знал, что пятно спецпереселенца он не смоеет никогда и что его горячее желание учиться дальше вряд ли когда-нибудь будет реализовано, о чем речь пойдет ниже. Но он по крайней мере чувствовал себя сытым, обутым и одетым. Наверное, ему могли бы позавидовать дети спецпереселенцев из детдома на ст.Кокорная Пинежского района Архангельского округа, написавшие в 1932 г. письмо Калинин у о своем житье-бытье со свойственной только детям убийственной для власть предержащих искренностью и простотой:

Дяденьки Калинину

От детей

Это мы тебе пишем дяденька мы спец переселенцы. Ты жевешь там в городе а мы тут с отцами маемся. Мы живем от Архангельска далеко. А отцы наши все лизать да охают а хлеба у нас мало. Тяжело нам дяденька вот как тяжело. Нам по 12 лет а даже меньше есть нас в детдоме аафон целый и все просят хлеба. Чего делать и не знаем. И вся-то наша надежда на тебя. От того тебе пишем. Вот что дяденька Калинин если в случае тебя отпустят или сам отпросишься то выбери время как нибудь там весной приезжай к нам на поселок. Зимой не езди поселок наш далеко от города а если поедешь в санях обязательно простудишься аль от морозишь руки и уши. Как приедешь так прямо к нам. Отсюда до города мы сами отвезем тебя на чьей нибудь подводе а может комендант и очередную даст. Э-эх горе а видно уж поздно. Ну вот что приезжай нас ты живо найдешь мы плохие такие маленькие. Коль не выберешь время письмо шли. Мы с тобой письма будем друг дружке слать пиши больше все разберем. Ну вот что дяденька это мы тебе на ухо у нас в голове одно вырастим большими епишымся в партию и будем драться с нуждой. Нужда это буржуиш.

Адрес наш Архангельский Округ Пинежский Район ст.Кокорная В детдом.

Писали и сочиняли тебе дети.

дяденька не обижайся что письмо посылаем без марки у нас нету денег.

РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.432. Л.8-9(об). Подлинник. Рукопись.

Сочиняя это письмо с наивной верой в то, что «дяденька Калинин» поможет и что борьба с нуждой означает прежде всего борьбу с буржуазией (эти стереотипы вдальблывались в детские головы воспитателями) детдомовцы не знали, что обращаются не по адресу. Как видно из переписки Калинина с Крупской, Всесоюзный староста вовсе не страдал сердобольностью по отношению к детям переселенцев. Его ссылки на строгое соблюдение законов по отношению к детям лишенцев в условиях господства партийных гласных и негласных директив, а также местного произвола, звучали скорее как издевательство. Из приводимого ниже письма ясно видно, что с детьми кулаков и других «социально опасных элементов» власти могли делать все, что угодно, не взирая на законы. Когда факты бесспорного произвола попали на стол Президиума ЦКК ВКП(б) А.Сольца, то даже этот выдавший виды партийный работник с возмущением отписал Вышинскому 5 января 1932 г.:

Уважаемый товарищ!

В ноябре мес. ко мне обратилась гр. НИКУЛИНА, работающая няней в одном из детдомов г. Москвы, по поводу высылки ее детей — 18-ти летнего Гавриила, в прошлом году окончившем школу и после того работавшего самостоятельно от родителей в г.Малоархангельске в советском огородном хозяйстве, и 13-ти летнего Василия, ученика школа-семилетки. По ее словам этих ребят летом с.г. неожиданно арестовали и выслали в Казахстан, как кулаков.

Я просил местного прокурора расследовать этот случай и если факт подтвердится, выяснить, кто вынес подобное галовотяпское постановление, кто его выпалнил.

На это я получил прилагаемый в копии ответ, в котором, не опровергая фактов, райпрокурор т.РАЗОРЕНОВ оправдывает высылку этих ребят сообщениями о том, что у их родителей (с которыми они не живут) имелось в прошлом — до 1925 г. — кулацкое хозяйство. Между прочим, в 30 году раскулачивание Никулиных было отменено. Из описи 29 г. видно, что все имущество их оценивалось в 790 руб. — это вызывает, конечно, сомнение в правильности отнесения хозяйств стариков Никулиных к категории кулацких.

Но независимо от этого, я считаю, что высылать ребят за старые грехи их родителей, ребят, воспитанных или воспитываемых уже в нашей советской школе, притом высылать их вне всякой связи с высылкой родителей, — величайшее головотяпство и бессмыслица, свидетельствующая о полном непонимании нашей политики по отношению к молодежи. Прокурор, который должен был в свое время не допустить этого безобразия, оказывается, ему поддакивал, а теперь его защищает, считая, что все, мол, правильно.

Считая, что такое понимание тов. Разореновым своих задач в области надзора за революционной законностью чревато дальнейшими перегибами в районе, я счел своим долгом сообщить об этом Вам.

РЦХИДНИ. Ф.613. Оп.3.Д.86. Л.5. Заверенная копия. Машинопись.

Как видим, возмущение Сольца вызвал не столько сам факт произвола, сколько оправдание райпрокурором незаконных действий, свидетельствующее, что перед нами не единичный случайный факт, а лишь один из многих подобных.

Вопрос: учить в школе или не учить детей лишенцев, кулаков и других «социально чуждых» категорий приобрел в начале 30-х годов большую остроту. Многие администраторы, просвещенцы, учителя находились в явной растерянности из-за часто взаимоисключающих друг друга указаний сверху. Однако общую тенденцию большинство улавливало верно: «лучше перебдеть, чем недобдеть». Так развернувшаяся классовая борьба в деревне превращалась в войну против детей. «Их, как правило, выкидывают из школы — и воображают, что это есть 100% классовая борьба, когда это есть нарушение программы партии, или провоцируют отсев этих элементов, лишая их бумаги, учебных пособий, требуя от ребят бойкота 8-9-летних ребят лишенцев (дикая жестокость), лишают их горячих завтраков, — с искренним возмущением писала о реальных событиях тех лет Н.К.Крупская, компетентность которой в вопросах просвещения не вызывает сомнения. — Недавно мне один учитель задал вопрос, допустимо ли брать детей кулаков в школу и допустимо ли в детях кулаков воспитывать ненависть к эксплуатации.»⁵⁴ Во время поездок, встреч с учителями и работниками просвещения Крупскую, зная ее особую позицию в этом вопросе, буквально заваливали записками. На одну из них она решила ответить особенно подробно. Сельская учительница жаловалась, что на местах искусственно создается нездоровое отношение к детям кулаков, лишенцев. «Есть случаи, когда сельсовет привлекает к ответственности учительницу, указавшую в характеристике такого ученика: «имеет хорошие способности и успеваемость.»⁵⁵ Таким образом, местные власти заставляли учителей идти на подлог, оценивая знания по происхождению ученика. В письме к Калинин 24 ноября 1934 г. Крупская писала, что надо бы решить вопрос о детях лишенцев. «По инструкции — дети лишенцев не лишаются избирательных прав, предлагается только по отношению к ним проявлять большую бдительность. А по линии просвещения — им часто заказаны все пути. Лет пять тому назад я подняла этот вопрос, была даже комиссия при Совнарком, все со мной соглашались, но на практике ребят сплошь и рядом ставят в тяжелое очень положение. Надо-бы тут дать определенное указание и обсудить этот вопрос в печати. Прилагаю три типичных письмашка. Вы таких писем тоже не мало получали, конечно.»⁵⁶

Ответ Калинина от 13 декабря 1934 г. поражает формализмом:

Летний пионерский лагерь

Лауреаты «Позорного знамени за черепаши темпы»

[...] Что касается детей лиц, лишенных избирательных прав, то в отношении них основным вопросом был вопрос о предоставлении им политических прав, т.е. прав выборов в советы. В настоящее время нашим законодательством вопрос об избирательных правах детей лишенцев решен в положительном для них смысле. В связи с этим решается также и вопрос о приеме их на работу. Нужно только добиваться, чтобы на местах не допускали извращения сов.законов, а в случаях допущения тех или иных перегибов, немедленно устранять эти перегибы. Самое главное это не допускать снятия с работы только по мотивам, что родители лишенцы.

По линии просвещения дети лишенцев не могут исключаться из сети обязательного образования. Что же касается приема их в высшие и специальные учебные заведения, то при общей большой тяге к учебе, когда нам приходится отказывать в предоставлении мест в вузах, втузах и др. учебных заведениях многим детям рабочих, служащих и колхозников, нелишенных избирательных прав, было бы неправильно давать такое указание, чтобы принимали детей лишенцев. Это не исключает, конечно, что в отдельных случаях наиболее способных и выдвинувшихся на работе детей лишенцев можно помещать в тот или иной вуз, техникум и т.п. Считаю, что в печати этот вопрос подымать нет основания.

РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.524. Л.92. Подлинник. Машинопись.

Как видно из ответа Калинина, дискриминация по социальному происхождению была узаконенной государственной политикой при поступлении детей в высшие и средние специальные заведения, о чем, впрочем, официальные лица предпочитали не распространяться. Этот вид дискриминации, как видно из писем, воспринимался молодыми людьми особенно болезненно, поскольку они не чувствовали за собой никакой вины. Вот характерное письмо такого рода, среди упомянутых Крупской:

13-го ноября 1934 г.

*Центральной Комитет професс. Союза Работников Просвещения
Крупской Надежде Константиновне
Москва Солянка 12 Дворец труда 5-й этаж
гр-ки Северного края Сокольского района
Кадниковского с/совета
дер. Подельное Гороховой Манефы Семеновны*

ЗАЯВЛЕНИЕ

В связи с окулачиванием нашего хозяйства и ликвидации последнего с/советом за долги по индивидуальному обложению за то, что мои родители до 1913 года имели мелочную торговлю но у себя в деревне, помещающуюся под своим домом, я как дочь кулака окончив обучение школы семилетки, лишена возможности дальнейшего образования. Не чувствуя за собой никакой вины перед Советским правительством т-к я родилась в 1916 году в то время когда отец мой окончил торговлю /1913 год/ когда я совершенно непричастна к деяниям моих родителей, когда брат мой в 1919 году служил в рядах Рабоче Крестьянской Красной Армии, когда наше хозяйство до 1933 года считалось середняцким, я достигнув юношества спокойно закончила семилетку будучи твердо уверенной получить дальнейшее образование, получить специальность и работать вместе с трудящимся на пользу строительства, Советской власти.

Это все теперь отпало. Мне сейчас 17 лет я не где неработаю, горю от стыда своих подруг, т-к последние продолжают образование, а я в силу изложенных выше обстоятельств этого лишена, хотя моя молодая жизнь требует образования.

Вследствие сказанного прошу Вас, войдите в мое положение, окажите мне помощь продолжать учиться и тем самым выполнить Заветы В.И.Ленина /учиться учиться и учиться/.

К сему: Горохова М.

РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.524. Л.99-99(об). Подлинник. Рукопись.

Дети кулаков и лишенцев сплошь и рядом оказывались изгоями общества. Им были не только заказаны пути в вуз, на хорошую работу, в комсомол, но и их сторонились вчерашние товарищи и друзья. О том, какой трагедией это оборачивалось для детей, рассказывается в письме Веры Шкуропиевой от 3 ноября 1934 г. Письмо написано со значительной «примесью» украинского языка и воспроизводится со всеми особенностями правописания подлинника:

Дорогая Надежда Константиновна

В тяжелое время своей молодой жизни не найдя помощи я решила обратиться к Вам, надеясь что Вы окажете мне большую помощь, я хорошо знаю, что вы всегда заботились о детях, о пионерах я не раз читала ваши письма, Дорогая Н.К. позаботьтесь обо мне, я буду за это вам до смерти благодарна.

Моя автобиография

Я — Шкуропиева Вера Лаврентивна родилась в 1918 г. в селе Шкуропиновка, Решитылиевского р-на Харк.обл. Отец мой имел клочек земли, хату, корову занимался с/х. Семьи в нас было 6 чел. (в 1927 год умер. сестра). Мы жили в нищете, бо отец наш был алкогольщик. И мы много терпели горя от отца. В нас была очень бошая способность учиться, мы были первыми учениками. Хотя мы и жили в глухом селе но ище с мацку поняли, что вчения свет невчения тьма поэтому мы учились, учились, учились, как сказал дорогой учитель. В.И.Ленин. В период 21-23 г. отец занимался торговлей за что и был лешен изберательных прав (он имел свой ларек). Мне было тогда 5 лет, а старшей сестре Дусе 8 лет. В 1930 г. сестра кончила семилетку и поехала в Запорожия чтобы устроится на работу (у завод и забрать к себе меня и мать), но на работу ея не приняли так, как ей было всего 15 лет, и она нанялася прислугой в одного техника — Паладея. Служила она — там 1 год. В начале 31 г. на отца наложили хлеба и мяса, он не мог это выполнить за что было продано его имущество, (которое состояло с хаты и коровы) а сам он уехал на Донбасс. Мы пожили в нашей тете 3 месяца (в это время я окончила 4 гр., мне было 12 лет). Не имея средств далее жить в тете мы узнав от одной знакомой где наш отец поехали к нему, он жил здесь ст. Фенольная и работал сторожем в Жилконстрой. Отец нас не принял и мы написали Дусе (та что служила в Запорожий) чтобы ехала сюда и устраивалась здесь на работу. Приехала Дуся и встрюилась здесь уборщицей в пивном складе взяв на изжевения меня и мать. Дуся работала (1 1/2 года) я училась (в 5 гр.) я была первой учиницей-ударницей, но учиться мне было очень трудно — бо не было средств (Дуся получала 45 р. в месяц), но я как могла боролась с этими труднощамы и была рада, что я учусь. Через 1 1/2 года Дуся перейшла работать в пайстол, потом в отдел кадров при фенольном заводе. Здесь она вступила в комсомол и ее через год перевыли работать в партячейку деловодом. Сестра моя работала хорошо и была первой ударницей в рядах комсомола; она была примерум на много раз, она брала участие в усих громполиий [общественно-политических] кампаниях. Она имела бошой авторитет среди рабочих нашего завода. В 1934 г. я окончила семилетку, когда я вчилась в школе я за 3 года (не

уцтывая 4) была прымирувана 9 раз за хорошою успеваемость гром полит ра-
боту. Я была 2 года в школе выроб.сектором и большую помощь оказала от-
стающим, по комсомольский линии я была пионер-вожатой в II группе и сумела
организовать всех пионеров на борьбу с не успеваемием, вобщем я была первой
учиницей по всей школе. Когда я кончила школу Дуся (старша сестра) мне сказа-
ла: «Вера я тебя учила 3 года теперь время учиться мне тяжыло было слушать
мне эти слова, тяжыло было раставатся с школой, но я хорошо знала и понима-
ла, что сестра хочет тоже учиться и я должна оказать помощь ей, а тогда она
выучит меня. С этими мыслямы, с этой целью, я устроилася работать в феноль-
ный завод в лабораторию (учащей). В это время сестра (Дуся) работала секре-
тарем ЛКСМ (временно замещала) и здесь случилось то, что поврало все наши
планы; Дусю сняли с работы, сключили с комсомола (это было 9/Х-34 г.) узнав
что отец лешен изберательных прав) она бедная так тяжыло плакала
(наибольше за комсомолом где она работала 3 года и где она проводила все свое
свободное время). После этого Дуся проболела II месяца. Ровно через 2 недели
сняли меня с работы без всякой причины и сколько я перенесла горя, сколько я
передумала всего, Дорогая Н.К. вы знаете, что я хотела покончить свою жизнь
(это была в меня первая мысль избавитсыя от тяжолой жизни от тяжолых мук
которые я переносила за 16 годов своей жизни я не могу вам описать подробно
всего. Но может быть за меня опышут другие люди) И вот Дорогая Н.К. когда
я взяла в руки этот яд то вспомнила одно только слово Ильича: «Жизнь это
есть борьба» и я решила боротся до последнего – победного конца. И вот меня
сняли с работы (Дуся тоже без работы мама не трудно способна, зыма надхо-
дит, дальше с квартиры нас выгнали с позором (тов.Кисичева) говоря: «Я не до-
пущу чтобы в жилпомещении жыли кулаки, от это все обсуждая коротче говоря
обдумывая свое положение я сходила с ума, а потом набралась смелости и реши-
ла боротся до победного конца. На II день (26/IX-34 г.) меня вызвали внов на ра-
боту (и приказали чтобы не говорила некому что снемали с работы, но конешно
это уже узнали все. Так я осталась работать и по этот день, но я не могу ра-
ботать нормально ибо опасаясь с каждым днем, что меня могут снят с работы
(найдя маленькою причину) и что я должна делать, куда я поденусь и нетрудо-
способная (65 год) мать. Кромы этого я не могу работать нормально видя, что
на меня все смотрят, как на врага, что меня не считают за человека, что мне
вслед пускають реплики такого содержания «Это Дуськына сестра отец их ле-
шен изберательных прав, а почему она (это я) в нас работает» конешно Дорогая
Н.К. услышав такие реплики я не могу нормально работать, а я хачу работать,
хачу учиться и доказать что я не классово чуждый элемент, как я это доказала
за 7 год своего учения. Поэтому я обращаюся, к Вам дорогая Н.К. и надеюся на
Вас что Вы окажыте мне помощь в моей молодой жызне, что Вы выясните вся
за, что я буду до смерти благодарна, я надеюся на Вас ибо знаю хорошо что вы,
всегда заботились о нас пионерах и учиниках, я знаю хорошо как вы нас настав-
ляли на правильный путь своими письмами. Вы всегда просили чтобы мы хорошо
учились я выполнила ваш наказ. О дорогая Надежда К. если б вы знали, как я хо-
чу учиться, Дорогая Н.К. если б Вы знали как я хачу быть человеком и пренесть
пользу государству чтобы доказать что я не враг. О дорогая Н.К. позаботься
оббо мне, окажыте мне помочь ведь я еще девочка мне всего 16 лет жызни я еще
не знала совсем я могу выучитсыя и прынесть пользу государству, а я хачу учиться
(я б половину своей жызни отдала если б кто мне помог учиться). О дорогая Н.К.
позаботься обо мне я буду Вам до смерти благодарна окажыте мне материн-
скою помочь.

Дорогая Н.К. ведь я хачу жыть учиться быть ударницей, быть ударницей в
комсомоле (но к сожалению меня в комсомол не принимают) но я считаю это не
верным ибо с нашей сими не кто не лешен изб. прав кроме отца, и с отцом мы не

живем с 31 г., (мне было 12 лет), почему я не могу быть комсомолкой? Почему я не могу нормально работать? Почему мне не дают нормально жить? Дорогая Н.Конс. на вас покладаю всю надежду. Дорогая Н.К. если возможно дадите мне ответ в скором времени. Не оставьте моей просьбу. Сейчас я сижу в школе (сегодня мне выходной) и мне очень тяжело чего все учатся, а я не могу. Дорогая Н.К. позаботьтесь обо мне – чтобы я могла учиться и быть человеком

*Ст. Фенольная
п/о Нью-Йорк
Завод №7 «Кокс»
Лаборатория
Шкуропиевой В.Л.*

Дорогая Н.К. Если возможно сделайте это все в скором времени. Я всем возблагодарю.

Дорогая Н.К. я с каждым днем буду ждать от вас письма (с нетерпением) Вашей родительской помощи. Н.К. я послала письмо до Михаила Ив. уже больше месяца и не получила ответа это меня очень волнует невжели я такое существо что не могу дать пользу государству не вжели я не должна жить.

С этим досведания дорогая Н.К.

На вас я надеюсь что окажете мне родительск. помощь. От Вас зависит моя жизнь.

Д.Н.К. извините что плохо написано но я расстроена до такой степени что не могу писать.

РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1.Д.524. Л.100-102(об). Подлинник. Рукопись.

В условиях 1930-х годов только членство в партии и комсомол открывало молодому человеку путь к карьере, к получению хорошего образования и профессии, не говоря уже о том, что люди, выключенные из бурной общественной жизни тех лет чувствовали себя во многом ущербными. Именно поэтому дискриминация при приеме в комсомол столь больно была по детям спецпереселенцев и других «социально чуждых» групп. Это было серьезной проблемой еще и по той причине, что в 1930-е годы при наличии порайонного плана приема в ВЛКСМ существовали регионы с преобладанием молодежи из числа детей переселенцев. Среди комсомольских работников даже после принятия Конституции 1936 г., уравнившей всех в правах, не было единства по вопросу, принимать ли их в комсомол. Факты приема стали одним из оснований для репрессирования «либералов». «В Красноярском крае существовала вредная теория о приеме в комсомол детей трудпереселенцев, так как отцы последних восстановлены в правах гражданства», – сообщал 15 ноября 1937 г. в ЦК ВЛКСМ секретарь местного крайкома ВЛКСМ Куликов. Признавая, что «здесь вопрос о трудпереселенцах – целая проблема», он извещал руководство, что решение ЦК по этому вопросу не нашел и дал свою установку – не принимать.⁵⁷ Так же поступали, переустраховываясь, и другие.

Репрессии 1930-х годов не обошли стороной молодежь. Материалы бывшего НКВД показывают, что сотрудники этой организации тщательно контролировали настроения подрастающего поколения. Особое внимание уделялось сбору информации о «нелегальных организациях молодежи», в школах, вузах, рабфаках, а также на предприятиях. Известны факты арестов и репрессий по отношению к 15-18 летним подросткам по обвинению в шпионаже, антисоветской агитации, контрреволюционной деятельности.

Следователями инспирировались целые юношеские нелегальные организации, а условия содержания детей в тюрьмах и методы следствия ничем не отличались от положения взрослых заключенных и подследственных. Однако намного более многочисленная и малоизученная категория молодежи 1930-х годов – так называемые «члены семей изменников Родины», то есть родственники репрессированных, которых не только ссылали в административном порядке, без суда и следствия, но и содержали в специальных лагерях. Таких судеб и жизней, разрушенных массовыми репрессиями, было миллионы. И в трудную минуту, как видно из помещенных ниже документов, все вели себя по-разному: кто-то мужественно переносил трудности и боролся за себя и доброе имя близких, а кто-то ради возвращения из ссылки готов был предать вчера еще родного человека. Но одно очевидно: каждое письмо – это крик души:

Доля молодой студентки ленинградского мединститута Ксении Чекиной оказалась типично для многих. Арест мужа по 58 статье, и вчера еще счастливая безоблачная жизнь катится кувырком. Ее высылают из Ленинграда, отобрав предварительно паспорт и выдав «волчий билет» ссыльной, выгоняют из института, отрывают от маленького ребенка. Не зная, как жить дальше, без вины виноватой, без работы, крова и куска хлеба в стране социализма, она решилась написать Калинин свою исповедь. Называя то, что с ней произошло, «безобразием», она все еще отказывается поверить в законность этих действий ссылаясь на только что принятую Конституцию:

М.И.Калинин! Прошу Вас обратить внимание на то безобразие, которое с нами учиняют. Таким безобразиям есть предел. Я уже пять раз обращалась в государственные органы с просьбой разобрать мое дело, но до сих пор, почему то отделяются молчанием, или какими то писульками. Я прошу Вас возвратить мне паспорт, отобранный у меня Ленинградским паспортным отделом 6 июля 1937 года, и дать возможность кончить вуз, или уехать к своему ребенку, который находится сейчас в Западной области ст. Сеца.

Уже 7 месяцев, как я без работы, без крова, без куска хлеба, что же по Вашему я должна подохнуть, только потому – что имею ребенка от ныне осужденного по 58-й статье на пять лет. Дети за своих отцов не отвечают. Я студентка-медичка, меня сорвали с учебы, за что? Я свою высылку считаю совершенно неправильной, поэтому прошу вернуть мне паспорт и дать окончить вуз и иметь возможность воспитывать своего ребенка. Без вины не должны так жестоко наказывать. Ленинградский прокурор Розанов обманул меня, говоря мне, что я имею право на учебу. Где оно право? Конституцию я знаю, тут получается как то не так. Прошу Вас заинтересоваться делом Ивана Яковлевича Чекина, он осужден 23 февраля 1937 года. и положить конец моим страданиям.

*Адрес мой с.Рига Челябинская область Галкинский район
Чекина Ксения Яковлевна.*

23 января 1938 г.

ГАРФ. Ф.7523. Оп.23. Д.202. Л.96-96(об). Подлинник. Рукопись.

Не веря ни в виновность осужденного мужа, ни в свою вину, Ксения готова была бороться. Тем сильнее было ее разочарование в Конституции и других святынях социализма, свято верить в которые ее учили с самого детства.

В это жестокое время, оказавшись один на один с бедой, дети удивительно быстро взрослели, учились вовсе не детской мудрости и ответственности, которая в обычной обстановке приходит только с годами. В этом отношении показательно письмо ленинградского школьника Бори Трапезонцева, в одночасье лишившегося родителей, в Президиум Верховного Совета СССР от 8 декабря 1938 г.:

В Президиум Верховного Совета СССР.

Копия: Прокурору Союза СССР

*От Бориса Трапезонцева, проживающего
в г. Ленинграде по Мытниковской наб., д.3, кв.5.
Ученика 7 класса 14 школы Петроградского района*

Заявление.

Я ученик 7 класса 14 школы Петроградского района г. Ленинграда обращаюсь к Вам с просьбой рассмотреть мое заявление.

17 января 1938 г. моя мама Трапезонцева Анна Павловна выслана из Ленинграда в Лиски Воронежской области по делу моего отца Трапезонцева Гавриила Борисовича, который арестован в Ленинграде 27 октября 1937 г., в январе 1938 г. выслан на Дальний Восток. Надо мной взята опека сестрой моей матери, служащей в Государственном Эрмитаже. Лето нынешнего года я провел у матери на месте ее ссылки. Я нашел ее в очень тяжелом состоянии, убитой горем и разлукой со мной. Правда, сейчас она работает по своей специальности — учительницей в школе I ступени в колхозе на станции Пыхово (Воронежской области). В письмах ко мне мама пишет, что ее полюбили ребята и ценит администрация школы как опытного педагога, но тем не менее мысль о школе, которую она вынуждена была бросить в г. Ленинграде, не дает ей покоя. Она очень страдает. Мне только 14 лет. Я всю свою жизнь прожил с родителями. Я не знаю, в чем заключается вина моего отца — нам никто ничего не ответил, несмотря на то что мама упорно этого добивалась. Я знаю только, что мама моя ни в чем не виновата. Прошу Вас пересмотреть дело и вернуть маму, так как мне очень тяжело жить и учиться одному.

Пожалуйста, я Вас очень прошу, ответьте на мое письмо. Я буду очень ждать. Прилагаю характеристику с прежней службы мамы.

Боря Трапезонцев

8 декабря 1938 г.

ГАРФ. Ф.7523. Оп.23. Д.200. Л.1-2. Подлинник. Рукопись.

Если Боря Трапезонцев просил М.И.Калинина как высшее лицо в государстве вернуть ему маму, то молодой моряк Алексей Цыганов умолял Г.И. Петровского о снисходительности к своей беременной жене — ровеснице Октября, посаженной в тюрьму лишь за то, что «проявила сожаление» к арестованной матери:

От Младшего Командира Военно-Морского Флота Старшины группы и. д. Начальника клуба Войсковой части №7579 Краснознаменного Балтийского Флота Цыганова Алексея Егоровича.

Григорий Иванович обращаюсь к Вам с просьбой в оказании Вашего содействия о помиловании моей жены Цыгановой Людмилы Михайловны, которая осуждена к трем годам лишения свободы и к двум годам поражения в правах. Она осуждена за болтовню по 58 ст. п. 10-й раздел 1-ый.

У нее арестована мать церковница на основе этого она не учитывая политической сущности как церковница проявила к ней сожаления как к матери у своей подруги.

Я жил с нею только 10-ть месяцев, при совместной жизни со мной у нее небыло никаких недовольствий Советской Властью, так как она является почти ровесник Октябрю, рождения 1916 года. Находится 5-й месяц в заключении в городе Ленинграде, Арсенальная 9.

Имеет 5-й месяц беременность но никаких исключений как к беременной нет. За это время я был два раза на свиданьи с ней и беседовал по 20-ть минут. За эти 4-е с лишним месяца заключения так воспитали человека и открыли глаза на жизнь, что она совсем по другому стала ценить жизнь.

Григорий Иванович еще раз обращаюсь к Вам за Вашей помощью, так как учитывая ее молодость и беременность и неопытность в жизни, политическую безграмотность, которую она допустила в своей болтовне не давая себе никакого отчета. Касационная жалоба подана не была, так как на суде при зачитывании приговора, она упала в обморок и ее без памяти снесли в камеру и она была в таком состоянии что ничего не могла сообразить, что нужно делать, а я не знал когда был суд, а поэтому срок подачи касационной жалобы истек.

Эти 4-е с лишним месяца явились большой школой и дали большое морально-политическое воспитание.

Я со своей стороны приложу все усилия для того чтобы закрепить то воспитание которое она получила за эти 4-е с лишним месяца и повести ее по правильному пути, что-бы вместе с нашей счастливой молодежью жить и трудиться в Социалистической семье.

Я прослужил 4-е года в Военно-Морском Флоте остался служить дальше, так как учитывая международную обстановку, угрозу со стороны фашистских государств. Но это позорное пятно может явиться причиной из за которой меня уволят в долгосрочный отпуск, а я желаю честно служить Советскому Союзу и отдать свою жизнь, знания и умения на оборонное дело на защиту нашей родины.

Григорий Иванович разрешите ждать Вашего ответа.

Мой адрес – Ленинградская область, город Ораниенбаум, улица Красного Флота, дом №3, квартира №5. Цыганов А.Е.

Младший командир ВМФ Цыганов.

22 октября 1938 года.

ГАРФ. Ф.7523. Оп.23. Д.202. Л.49. Подлинник. Машинопись.

Как огромная воронка, массовые репрессии вбирали в себя и калечили тысячи молодых жизней, разрушая только что возникшие семьи, уродуя детские души, разрушая нравственные устои общества. Разве не естественная реакция на арест матери – жалость? А результат – тюрьма, сломанная военная карьера мужа и самое страшное – ребенок, которому, видимо, суждено родиться в камере. Сама изуверская логика репрессий подсказывала: хочешь остаться жить – забудь о морали, о семье, о чувствах, осваивай «сталинскую школу выживания». О том, как реально это происходило, можно составить представление из письма Георгия Цаплина – Калининну от 10 ноября 1938 г. В этом году его, 1917 г. рождения, должны были призвать в армию, но неожиданно арестовали отца, которому дали 10 лет и отправили в лагерь. В результате вместо службы в армии Георгий оказался высланным из Ленинграда в заброшенный Богом уголок Челябинской области, в котором чего-чего, а времени на раздумья об извечных вопросах русской

жизни — «Что делать?» и «Кто виноват?» — хватало с избытком. Вот некоторые результаты этих раздумий, изложенные в письме Калинин. О репрессированном отце: «Если бы я знал, что он является врагом народа, я собственной рукой расстрелял бы его. Советская власть оказалась мягче, а ко мне, его сыну, она отнеслась жестче». О себе: «Я с ума схожу от одиночества, лучше умереть, чем жить так, как я живу сейчас... Мне 21 год, я воспитывался в советской школе, работал на советских заводах, я верил в то, что сказал великий И.В.Сталин «Сын за отца не отвечает и еще немного и я не выдержу или попаду в сумасшедший дом, где у меня мать с 1932 г., или кончу жизнь.»⁵⁸

«За что?». Этими словами он заканчивает письмо, умоляя Калинина что-нибудь сделать для него, вернуть в родной город, где у него друзья и любимая девушка. Георгий Цаплин, готовый расстрелять собственного отца, вызывает и сострадание и омерзение одновременно. До чего надо было довести человека, чтобы он сломался, разуверился во всем, в том числе и в смысле самой жизни! В приписке он сообщал, что решился на отчаянный поступок — нелегально покинул место ссылки в надежде добраться до Москвы и попасть на прием в Верховный Совет.

Обстановка, в которой происходили репрессии, сопровождалась слухами домыслами, рождала ненависть и агрессивность, через взрослых передавалась на все молодое поколение. Вот, например, отрывок из письма Г.Димитрову от 10 мая 1938 г.М.И.Сименовой:

Товарищ Димитров!

Вам будет странно, почему Я пишу к Вам, а не товарищу Сталину. Я писала и ему и не одно письмо, но ему по-видимому писем от таких маленьких и неграмотных [людей] не передают, а это неправильно: мы выучились при Советской власти грамоте и пишем ему как умеем. Он сам нас призывал дать сигналы о беспорядках, которых у нас еще есть немало, а от него скрывают правду о создавшемся положении.

Я работаю на заводе, стахановка, сочувствую партии. Неделю назад, на прошлой пятидневке, приходит мой мальчик из школы и говорит, что все мальчишки готовятся на погром и будут бить все другие нации, поляков, латышей, немцев, потому что ихние все родители шпионы. Когда я допытывала, кто это так говорит, он говорит, что у одного мальчика брат комсомолец и работает в НКВД и сказал, что будут скоро судить всех заграничных шпионов, кто жил в Москве, а их семьи и детей в школах будут избивать как при царе жидов. Я пошла в школу к директору, а он говорит, что это родители виноваты, я за всеми разговорами не могу уследить...

РЦХИДНИ. Ф.495. Оп.73. Д.61. Л.18. Копия. Машинопись.

Этот отрывок примечателен тем, что показывает, как ненормальная атмосфера репрессий пробуждала в обществе низменные, казалось бы давно забытые инстинкты. А вот и нечто новое, привнесенное в молодое поколение в годы «ежовщины». Это письмо ученика 5 класса Хомяковской неполной средней школы Можгинского района Удмуртской АССР Вани Вылегжанина от 22 декабря 1938 г.

В детском саду Метростроя - санитарный день.

Стрельбище.

Дорогая редакция ответе мне на этот вопрос: сняли штоли товарища Косарева за допущенны ошибки на сезде комсомола, за какую ошибку может быть я не знаю, это я узнал [от] Любановой Марии А. И отпишите отом кого поставили на место Косарева кокого руководителя. У нас еще не знает ни один комсомолец, и наверно не знает еще руководитель комсомольской организации хомяковской НСШ тов. Мария Андреевна Любанова. В школе не ведет дисциплину. Любанов Егор ученик 7 класса во время урока разговаривает дурит, других отвлекает, а во время перерыва не дает никому играть вбилиард спорит пинает дерется обижает своих товарищей.

«Очевидец»

РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.26. Л.176-176(об). Подлинник. Рукопись.

В сущности это безграмотное письмо, написанное в развязно-вульгарной манере всего лишь 12-летним мальчиком, представляет собой заурядный донос, каких немало писали в те годы взрослые. Связывая его содержание со слухами о снятии Косарева с поста секретаря ЦК ВЛКСМ, автор как бы намекает, что не мешало бы разобраться и со своими товарищами по школе, поведение которых ему не нравится.

Автор удостоился официального ответа: «Косарев снят по постановлению VII пленума ЦК ВЛКСМ за нарушение комсомольской демократии, за бездеятельность, за бездушно-бюрократическое и враждебное отношение к честным работникам, пытающимся вскрыть недостатки, за расправу с одним из лучших комсомольских работников тов.Мишановой, за покровительство морально-разложившимся элементам, чуждым партии и укрывающимся двурушническим элементам. Секретарем ЦК избран Михайлов Н.А. Читайте «Комсомольскую правду» от 23 ноября 1938 г.»⁵⁹

«Кругом враги» – в этой ауре и веры в тов.Сталина формировалось юное поколение. Ваня Королев из Орловской области, пожелавший стать корреспондентом «Крестьянской газеты», в январе 1939 г. прислал в редакцию такой образчик своего творчества: «Нашу Советскую страну и вождя тов. Сталина враги народа хотят разгромить но это им за все время сделать невдатца потому что как говорится пословица Сталин сделан из стали никто его не победит. Спасибо тов. Сталину за нашу веселую учебу писал бы больше но нет бумаги. Передаю горячей привет хозяевам редакции.»⁶⁰

Нам кажется, что приведенных документов достаточно, чтобы дать представление о том, каким на деле было сталинское «счастливое детство», каким неоднозначным выглядело поколение революции, в чем и как оно было отличным от своих родителей, сколь трудной и нелегкой оказалась его судьба, какие душевные и моральные травмы выпали на его долю.

Примечания:

¹ ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1264. Л.24.

² ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1264. Л.25.

³ РЦХИДНИ. Ф.12. Оп.1. Д.114. Л.2.

⁴ РЦХИДНИ. Ф.12. Оп.1. Д.114. Л.2.

⁵ РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.346. Л.242.

- 6 ЦГАОДМ. Ф.1934. Оп.1. Д.100. Л. 59(об).
- 7 ЦГАОДМ. Ф.1934. Оп.1. Д.100. Л. 59(об).
- 8 ЦГАОДМ. Ф.1934. Оп.1. Д.100. Л. 59(об).
- 9 ЦГАОДМ. Ф.1934. Оп.1. Д.100. Л. 59(об).
- 10 ЦГАОДМ. Ф.1934. Оп.1. Д.100. Л.59(об).
- 11 ЦГАОДМ. Ф.1934. Оп.1. Д.100. Л.59(об).
- 12 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.346. Л.242.
- 13 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.346. Л.242.
- 14 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.346. Л.242.
- 15 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.346. Л.242.
- 16 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.346. Л.242.
- 17 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.346. Л.242.
- 18 ЦМАМ. Ф.528. Оп.7. Д.37. Л.111.
- 19 ЦМАМ. Ф.528. Оп.7. Д.38. Л.358.
- 20 ЦМАМ. Ф.528. Оп.7. Д.38. Л.383.
- 21 ЦГАОДМ. Ф.4. Оп.9. Д.173. Л.192.
- 22 ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1265. Л.42.
- 23 ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1265. Л.43.
- 24 ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1129. Л.59.
- 25 ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1265. Л.50.
- 26 ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1265. Л.25.
- 27 ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1267. Л.44.
- 28 ЦГАОДМ. Ф.4. Оп.9. Д.173. Л.192.
- 29 ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1265. Л.31-32.
- 30 ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1129. Л.60.
- 31 ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1129. Л.62.
- 32 ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1265. Л.33-34.
- 33 ГАРФ. Ф.5207. Оп.1. Д.693. Л.85.
- 34 ГАРФ. Ф.5207. Оп.1. Д.721. Л.47.
- 35 ГАРФ. Ф.5207. Оп.1. Д.693. Л.86.
- 36 ГАРФ. Ф.5207. Оп.1. Д.1390. Л.1.
- 37 ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1472. Л.48.
- 38 ГАРФ. Ф.5207. Оп.1. Д.693. Л.86.
- 39 ЦГАОДМ. Ф.1934. Оп.1. Д.184. Л.24.
- 40 ЦМАМ. Ф.528. Оп.1. Д.304. Л.5.
- 41 ЦМАМ. Ф.528. Оп.1. Д.304. Л.23(об);
- 42 ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1265. Л.44.
- 43 ЦГАОДМ. Ф.1934. Оп.1. Д.100. Л.108.
- 44 ГАРФ. Ф.5207. Оп.1. Д.727. Л.108.
- 45 РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.524. Л.91, 97(об).
- 46 ЦГАОДМ. Ф.1934. Оп.1. Д.147. Л.46.
- 47 ЦГАОДМ. Ф.4. Оп.9. Д.173. Л.192.
- 48 ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1472. Л.62(об).
- 49 ЦГАОДМ. Ф.1934. Оп.1. Д.94. Л.12.
- 50 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.346. Л.245.
- 51 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.346. Л.245.
- 52 РЦХИДНИ. Ф.17. Оп.114. Д.346. Л.245.
- 53 ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1472. Л.48.
- 54 РЦХИДНИ. Ф.12. Оп.1. Д.111. Л.7-8.
- 55 РЦХИДНИ. Ф.12. Оп.1. Д.154. Л.8.
- 56 РЦХИДНИ. Ф.78. Оп.1. Д.524. Л.97.
- 57 ЦХДМО. Ф.1. Оп.23. Д.1264. Л.13.
- 58 ГАРФ. Ф.7523. Оп.23. Д.202. Л.3-3(об).
- 59 РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.26. Л.175.
- 60 РГАЭ. Ф.396. Оп.11. Д.41. Л.152.

**В книге использованы документы
следующих архивных учреждений:**

РЦХИДНИ

(Российского центра хранения и изучения документов новейшей истории)

ГАРФ

(Государственного архива Российской Федерации)

РГАЭ

(Российского государственного архива экономики)

ЦХДМО

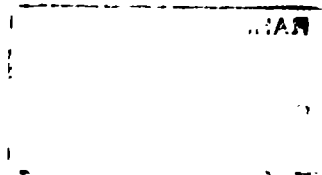
(Центра хранения документов молодежных организаций)

ЦАОДМ

(Центрального архива общественных движений г.Москвы)

ЦМАМ

(Центрального муниципального архива г.Москвы)

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	3
Глава I «Социалистическое наступление»	13
Глава II «Кадры решают все!»	74
Глава III «Сталинская Конституция»	122
Глава IV «Любовь и изобилие»	162
Глава V «Большевистский порядок в колхозе»	230
Глава VI «Счастливое детство»	299

ОБЩЕСТВО И ВЛАСТЬ

1930-е годы

Повествования в документах

Отпечатано с готового оригинал-макета

ЛР № 030457 от 14.12.1992. Подписано в печать 8.04.98.
Формат 70x100 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл.печ.л. 28,52. Уч.-изд.л. 32,2. Тираж 2000 экз. Заказ № 3604

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В.Пика, д. 4, корп. 1. Тел. 181-00-13 (дирекция);
181-34-57 (отдел реализации). Факс 181-01-13

Отпечатано в Московской типографии № 2 РАН
121009, Москва, Шубинский пер., 6

В серии
«СОЦИАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ XX ВЕКА»
вышла в свет книга:

ГОЛОС НАРОДА.

Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях 1918—1932 гг. / Отв. ред. А.К.Соколов. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. — 328 с., илл.

Первая книга из серии «Социальная история России XX века», подготовленная коллективом историков и архивных работников. В ней события революции и гражданской войны, «военного коммунизма», периода нэпа, индустриализации и коллективизации засвидетельствованы главным образом глазами их рядовых участников. В основу положены письма в газеты, партийные и государственные учреждения, сводки политических органов об общественных настроениях, отклики на различные мероприятия советской власти. Документы приводятся в определенном историческом контексте, который помогает установить их смысл и значение, важные для понимания того, что происходило в стране в течение 15 лет после прихода к власти большевиков. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

Готовится к печати:

Осокина Е.А.

ЗА ФАСАДОМ «СТАЛИНСКОГО ИЗОБИЛИЯ»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации, 1927—1941. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. — 271 с., илл.

Парадокс полупустых магазинов и полных холодильников отмечал буквально каждый, приезжавший в СССР в годы социалистического застоя. Загадка имеет простое объяснение. Государственная торговля при социализме никогда не была единственным источником снабжения населения. В стране всегда существовал обширный легальный и подпольный рынок товаров и услуг. Эта книга возвращает читателя к истокам социалистической торговли, в легендарные первые пятилетки. В центре внимания — повседневная жизнь общества в условиях огосударствления экономики, разрушения и возрождения рынка. Книга написана на ранее закрытых архивах материалах, включая и документы архива ОГПУ/НКВД. Она богато иллюстрирована фотографиями 30-х годов, которые ранее не публиковались. Книга написана ярким, образным языком и будет интересна любому, кому небезразлична история Отечества.

